



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

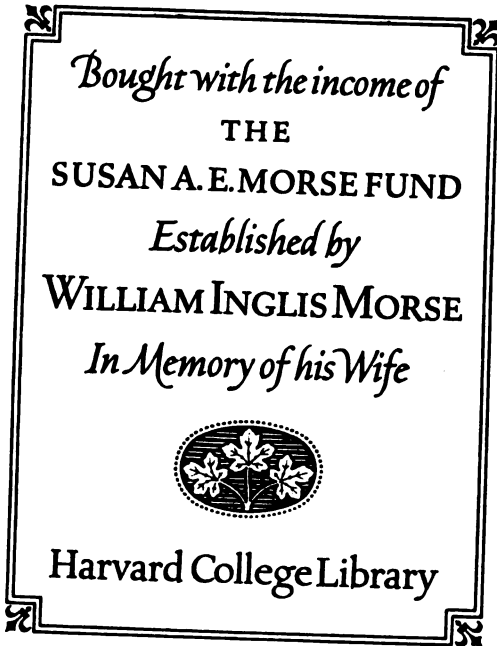
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 5/a v 600.5 ($\frac{1852}{2}$)



1.557
2

3085

Δ
Pshaw 600.5 (1857/2)

РУССКАЯ БЕСЕДА

RUSSKAYA BESEDA

МОСКВА.

1857

II.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 14 1961

3293

564
K

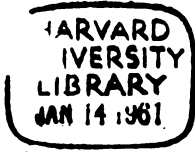
Во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ принимается под-
писка на Русскую Бесѣду, поступила въ продажу
новая книга:

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРИИ ВОЗМУЩЕНІЯ
СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Москва. 1857. Цѣна 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ высылкою денегъ въ
Москву, въ Редакцію Русской Бесѣды.

Δ
P.S. (1857) (1857/2)



мосты

О Г Л А В Л Е Н И Е .

стр.

ИЗДАЮЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Черная Рада, хроника 1663 года, <i>П. А. Кулиша</i>	1
Картины изъ русскаго быта, <i>В. И. Далл.</i>	109
Стихотворенія: <i>Θ. И. Гютчева.</i>	143
Съ сѣвера на югъ, <i>А. И. Одоевскаго.</i>	145
Бывало, <i>М. П.</i>	145
Молодая Брѣда, <i>В. В.</i>	147
Сербская пѣсня, <i>В. В.</i>	152

НАУКИ.

Вѣра, отрывокъ изъ Философскаго лексикона, <i>Н.</i>	1
Исторія возмущенія Стеньки Разина (<i>окончаніе</i>), <i>А. Н. Попова.</i>	19

КРИТИКА.

Церковно-славянскій словарь <i>А. Х. Востокова, И. И. Срезневскаго.</i>	1
О сочиненіяхъ <i>Монталамбера</i> и <i>Токвиля</i> , кн. <i>В. А. Черкаскаго.</i>	23
Критическія замѣчанія на сочиненіе г. <i>Чичерина</i> : <i>Областная учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ (окончаніе), Н. И. Крылова.</i>	89

ОБОЗРѢНІЕ.

Тройственный союзъ 15 Апрѣля 1856 г., кн. <i>В. А. Черкаскаю</i>	1
Обозрѣніе высшаго техническаго образованія въ западной Европѣ, <i>А. С. Ершова</i>	30
Письмо изъ Варшавы, <i>И. И. Паплонскаю</i>	62

СМѢСЬ.

Замѣтки путешественника по славянскимъ странамъ (<i>окончаніе</i>), <i>Ө. В. Чижова</i>	1
Лазарица, <i>П. А. Безсонова</i>	38
Отвѣтныя письма <i>М. П. Погодину</i> , <i>М. А. Максимовича</i>	80
О способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота, <i>А. И. Кошелева</i>	105

БІОГРАФІЯ.

Воспоминаніе о <i>Д. П. Журавскомъ</i> , <i>Ю. Ө. Самаринѣ</i>	1
Воспоминаніе о <i>П. В. Кирѣевскомъ</i> , <i>А. Марковича</i>	17

Литературное объясненіе.

Отъ издателя.

Къ статьѣ *Ө. В. Чижова* прилагается видъ аэриетагра въ городѣ Пола.

ЧЕРНАЯ РАДА,

ХРОНИКА 1663 ГОДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

А Сомко Мушкетъ побѣреду да ѣ не выгравае,
Ковя удѣржуе, до себѣ притягуе, думас-гадае....
Пропадѣ, мовъ порошокъ въ дула, та козацкая слава,
Що по всѣму свѣту дѣвомъ стѣла,
Що по всѣму свѣту степѣмъ разляглась, простяглась,
Да по всѣму свѣту луговимъ гдѣномъ оддалась....
Народная дума.

Весною 1663 года два путешественника, верхомъ на добрыхъ коняхъ, подѣзжали къ Киеву, по Бѣлогородской дорогѣ. Одинъ былъ молодой козакъ, въ полномъ вооруженіи; другой — по одеждѣ и по длинной сѣдой бородѣ казался священникомъ, а по саблѣ, бречавшей подъ рясюю, по пистолетамъ въ кобурахъ и по длиннымъ шрамамъ на лицѣ — воинномъ. Усталые кони и большіе вьюки позади сѣделъ заставляли думать, что всадники держали путь неблизкій.

Не доѣзжая до Киева версты двѣ, или три, они взяли влѣво и поѣхали лѣсомъ, по извиистой дорогѣ, едва пробитой между пнями. И всѣ, кто только видѣлъ ихъ съ поля, знали почти навѣрное, куда они ѣдутъ. Дорога эта вела въ Хмаріще, хуторъ богатаго козака Черевана, извѣстнаго во всей Киевской околицѣ своимъ хлѣбосольствомъ. Дѣло происходило спустя немного лѣтъ послѣ войны Богдана Хмѣльницкаго, которыя обогатили козаковъ добычею. Череванъ служилъ въ войскѣ знатнымъ старшиною и, разоряя шляхетскіе дворы и замки, припряталъ

себѣ въ примѣтномъ мѣстѣ ворохъ серебра и золота; а когда война кончилась, онъ купилъ подъ Кіевомъ хуторъ съ богатыми лугами и полями, да и зажилъ спокойною, лѣнливою и веселою жизнью. Всѣ славилъ его богатство, а еще больше добродушное хлѣбосолюство. Къ нему-то повернули два путника.

День былъ на исходѣ. Солнце свѣтило безъ зною. Птицы пѣли и свистѣли вездѣ по лѣсу такъ звонко, такъ весело, что все, и густая трава, и свѣтлозеленый мохъ по старымъ пнямъ, сквозящій на солнцѣ, и деревья, окинутыя легкимъ покровомъ изъ молодыхъ листьевъ, и золотыя облака надъ ними — все какъ будто усмѣхалось. Но лица путниковъ омрачены были какими-то тяжелыми мыслями. Никто бы не сказалъ, что они ѣдутъ въ гости къ веселому пану Череваню.

Вотъ они и у Хмарища. Хуторъ Череваня стоялъ въ болотистой долинкѣ, надъ небольшою рѣчкой, черезъ которую вела къ нему узкая плотина; за плотиною насыпанъ былъ валъ—ибо времена тогда были смутныя—и въ валу надъ крѣпкими дубовыми воротами возвышалась широкая, низкая деревянная башня, какъ въ настоящей крѣпости. вмѣсто зубцовъ, она убрана была частоколомъ, изъ-за котораго удобно было отстрѣливаться, въ случаѣ нападенія мепрiятелей; а надъ воротами прорублено было въ ней оконце для пушки, которой однакожъ на этотъ разъ въ немъ не было видно. За отсутствіемъ пушки, оно служило единственно для того, чтобъ посмотреть, кто пожаловалъ въ гости къ пану Череваню, прежде чѣмъ отворить ворота: предосторожность необходимая, ибо времена, повторяю, были тогда смутныя, и не каждаго гостя впускали въ хуторъ безъ разбору.

Когда путники подѣхали къ воротамъ, младшій изъ нихъ началъ колотить въ ворота рукоятью сабли, съ усердіемъ, которое показывало, что гости не сомнѣваются въ радушиемъ пріемѣ. По лѣсу пошло эхо, но въ замкѣ никто не отзывался. Наконецъ нескоро уже послышался чей-то кашель, и вмѣстѣ съ нимъ раздались меленные, старческіе шаги внутри башни.

—Врагъ его знаетъ , говорилъ кто-то , взбираясь , какъ казалось , не безъ труда по скрипучей лѣстницѣ къ оконцу,—какой теперь шумный народъ насталъ! Приѣдетъ, Богъ знаетъ , кто , Богъ знаетъ , откуда , и стучить , какъ въ свои собственные ворота. А лѣтъ какихъ нибудь пятнадцать назадъ , тотъ же самый народъ сидѣлъ тихо и смиренно, какъ пчелы въ зимовникѣ.... Ге, то-то и есть! когда бѣ окаянныя Ляхи не встревожили козацкихъ ульевъ, то и до сихъ поръ такъ бы сидѣли.... Худо было при Ляхахъ, да уже-жъ в наши гуляютъ не въ свою голову!... Охъ, Боже правый, Боже правый!... Кто тамъ стучить? Кому это такъ нужно припало?

—Это Василь Невольникъ , сказалъ старикъ , не глядя на своего спутника.—Все тотъ же, что и прежде!

—Кто тамъ стучить? спрашивалъ громче прежняго Василь Невольникъ, высунувши въ оконце голову.

—Да полно тебѣ допрашивать! отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторой досадой — Не бойся, не Татаре!

—Боже правый! воскликнулъ Василь Невольникъ, что жъ это такое?... это Паволочскій полковникъ Шрамъ! (1) Что жъ тутъ дѣлать? Отворять сперва ворота, или бѣжать къ пану?

—Отвори сперва ворота , отозвался угрюмо Шрамъ, — а потомъ ступай себѣ, куда хочешь.

—Правда , правда , добродѣю мой милый! сказалъ старый привратникъ, и началъ спускаться внизъ , думая по-своему въ слухъ:—Гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется.... Охъ, не надѣялись мои старыя очи увидѣть еще разъ пана Шрама! а вотъ и увидѣли.... Охъ, Боже правый, Боже правый!

Вслѣдъ за тѣмъ застучалъ засовъ, и отворились ворота, въ которые козаки проѣхали склонясь , чтобъ не задѣть за своля высокими шапками.

Василь Невольникъ не зналъ , что дѣлать отъ радости бросился къ Шраму, и ноцѣловалъ его въ колѣно. Потомъ

(1) Паволочъ—нынѣ мѣстечко въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Въ старину это былъ важный пунктъ на театрѣ польско-украинскихъ войнъ.

обратился къ его спутнику: — Боже правый! пане полковнику, это твой сынъ Петръ? Орель, а не козакъ!

Петръ наклонился съ коня и поцѣловался съ Василемъ Невольникомъ.

— Орель, а не козакъ! продолжалъ Василь Невольникъ. — Ну, пан'отче, наградишь тебя Господь сыномъ! Чтò, коли бь хоть двѣ чайки (1) такихъ молодцовъ повстрѣчалъ галеру, гдѣ сидѣлъ я на цѣпи?... Охъ, Боже правый, Боже правый! далась мнѣ та проклятая неволя добре знать! капдалы потеряли руки и ноги, холодное желѣзо попроѣдало тѣло до костей!

И точно, въ его наружности было чтò-то такое жалкое, какъ будто онъ былъ только-что выпущенъ изъ галеры. Это былъ низенькій, сторбленый, худощавый старичокъ, со впалыми, какъ будто къ чему присматривающимися глазами. Онъ былъ одѣтъ въ синій казакинъ и старыя, полотняные шаровары, но и этотъ нарядъ казался на немъ чужимъ.

Петръ соскочилъ на землю и взялъ отъ отца коня. Пастбище было тутъ же, потому что хуторъ Череваня былъ не чтò иное, какъ *левада*, или *пастовникъ*. На горбѣ, между старыми грушами, видѣлись двѣ хаты, съ бѣлыми, низкими стѣнами и высокими, соломенными, позеленѣлыми крышами, надъ которыми стояли черныя деревянные дымари подъ рѣзными крышками. Дубовые косяки въ окнахъ вырѣзаны были зигзагами, какіе можно видѣть въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. Двери подъ навѣсами были внизу и вверху уже, чѣмъ по срединѣ, и этою формою напоминали осанистыя фигуры пожилыхъ старшинъ козацкихъ, которые въ нихъ проходили. Тутъ же стоялъ и колодезь съ высокимъ *журавлемъ*, на подобіе глаголя. У колодезя виденъ былъ почернѣвшій образъ, съ бѣлымъ, вышитымъ красными узорами *рушникомъ*. За колодеземъ тянулся весь увитый хмѣлемъ плетень, ограждающій садъ, пѣсику и огородъ отъ вторженія телятъ, которыя паслись между

(1) Такъ назывались лодки, на которыхъ плавали Запорожцы по Черному морю.

деревьями. Левада скатывалась съ горба въ низину, гдѣ изъ-за зеленого камыша блестя запруженная вода и выглядывала почернѣвшая, стромкая, съ двумя шпильми, крыша шумящей мельницы. Усадьба Череваня съ трехъ сторонъ быма защищена топкими камышчатыми берегами рѣчки, а съ четвертой деревянною башнею и валомъ. Въ случаѣ опасности, пастухи сгоняли сюда овецъ, рогатый скоть, лошадей, а сами брали мушкеты и пищади, которыхъ у Череваня хранилось въ башнѣ немало, и готовы были отстрѣливаться хоть цѣлый мѣсяць отъ Татаръ, или отъ бродячей *затяжной* роты Ляховъ. Тѣ и другіе появлялись въ Кіевскихъ окрестностяхъ, какъ метеоры, и слухъ объ нихъ могъ врійти въ Хмарище во всякое время. Но теперь все въ хуторѣ было тихо; пчелы жужжали въ цвѣтущихъ грушахъ; мельница глухо шумѣла; за высокимъ камышемъ раздавались на водѣ крики дикихъ птицъ; а соловьи въ саду всѣ эти звуки лдили одни съ другими. Свѣжесть обняла усталыхъ путниковъ въ этомъ мирномъ и полномъ всякаго добра уголкѣ; разнузданные кони весело заржали.

—Ну веди жь насъ къ пану, Василь, сказалъ полковникъ Шрамъ.—Гдѣ онъ? въ свѣтлицѣ, или въ пѣсикѣ? Я знаю, онъ издавна былъ охотникъ до пчелъ; а теперь, подъ старость, вѣрно зажилъ настоящимъ пасичникомъ.

—Да, мой добродію, отвѣчалъ Василь Невольникъ.—Благую часть избралъ себѣ панъ Череванъ. Пускай его Господь на свѣтѣ подержитъ! Почти и не выходитъ изъ пѣсики.

—Но отъ людей, однакожъ, не отрекся? или уже живетъ настоящимъ пустынникомъ?

—Ему отречся отъ людей? отвѣчалъ Василь Невольникъ.—Да ему и хлѣбъ не поидеть въ горло, коли не раздѣлитъ съ добрымъ челоувкомъ. У насъ и теперь не безъ гостей. Э, пан'отче! какой у насъ гости!... Цѣтъ, не скажу—увидишь самъ.

И, отворивъ калитку въ пѣсику, повелъ Василь Невольникъ Шрама узкой тропинкой, подъ густыми вѣтвями деревъ.

Но что за лицо былъ этотъ Шрамъ, въ которомъ соединялись два званія, по понятіямъ нашего вѣка вовсе несовмѣстныя?

Былъ онъ сынъ Павлочскаго священника, по фамиліи Чепурнаго; воспитывался онъ въ Кіевскомъ Братскомъ училищѣ, и уже вышелъ было изъ училища съ правомъ на званіе священника. Но тутъ поднялись козаки противъ шляхты, подѣ предводительствомъ гетмана Остряницы, и молодой попovichъ очутился въ козацкихъ рядахъ. Онъ былъ горячей природы человекъ, и не усидѣлъ бы въ своемъ приходѣ, слыша, какъ льется родная кровь за безбожное ругательство надъ Украинцами польскихъ *консистентовъ* (1) и урядниковъ, за оскорбленіе греко-русской вѣры отъ католиковъ и униатовъ. Тогда безурядица въ Польшѣ дошла до того, что каждый староста (2), каждый ротмистръ, каждый знатный человекъ дѣлалъ все, что приходило ему въ шальную голову, а особенно съ народомъ безоружнымъ, мѣщанами и пахарями, которые не имѣли никакихъ средствъ ему сопротивляться. Квартирова въ городахъ и селахъ, начали *жолнѣры* (3) требовать отъ народа беззаконныя *окормы* и *напитки*, начали жонъ и дочерей козацкихъ, мѣщанскихъ и мужичьихъ безчестить и тиранить, людей зяною, въ трескучіе морозы, запрягать, при ломкѣ льда, въ плуги, а Жидамъ приказывали ихъ погонять, чтобъ они плугами ледъ « безпотребно на одинъ смѣхъ и наругу орали и рисовали » (4). Между тѣмъ помѣщики-католики, а вмѣстѣ съ ними и наши отступники вѣры, старались ввести на Украинѣ унию, и не въ одну церковь, противъ желанія народа, поставили священникомъ униата; греко-русскую вѣру называли мужицкою вѣрою; а отдавал на аренду Жидамъ села, не разъ вмѣстѣ съ селами отдавали

(1) Такъ назывались польскія войска, которыя *консистовали*, или стояли постоемъ, въ украинскихъ селахъ и городахъ.

(2) Старосты были въ родѣ вышшихъ губернаторовъ, съ правомъ пользоваться доходами съ управляемыхъ ими областей.

(3) *Жолнѣры* значило собственно *солдаты*; но подѣ словомъ *солдаты* мы разумѣемъ нижшіе чины, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло о начальникахъ.

(4) Изъ униорсала гетмана Остряницы.

имъ на откупъ и церкви (1). И некому было на такія ругательства жаловаться, потому что сенаторы, паны и епископы держали въ рукахъ и самого короля; *городова* же козацкая старшина принимала сторону старостъ, владѣльцевъ имѣній и ихъ намѣстниковъ и арендаторей, а межъ собой дѣлилась жалованьемъ, которое отпускалось отъ короля и Рѣчи Посполитой (2), по тридцати злотыхъ въ годъ на каждого реестрового козака. Поэтому реестровые, или городовые козаки (3) были тоже подавлены. Многіе изъ нихъ были обращены насильно въ подданные старостъ и *державцевъ* (4); остальные исправляли въ домахъ у своихъ старшинъ всякія работы, какъ крестьяне. Шестъ тысячъ только вписано было въ реестръ, но и тѣ, находясь въ совершенномъ порабощеніи у своихъ старшинъ, волею и неволею держали сторону Поляковъ, и только при Хмѣльницкомъ единодушно возстали за Украину. При такомъ положеніи дѣлъ, могли ли земляки жаловаться имъ на свои бѣдствія?.. Жаловались міряне и «благочестивые» священники только далекимъ своимъ землякамъ—козакамъ Запорожскимъ, которые, живя въ дикихъ степяхъ, за Порогами, избирали старшину свою изъ среды себя и передавали въ руки королю гетману Польскому. Вотъ и выходили изъ Запорожья на Украину, одинъ за другимъ, козацкіе гетманы: Тарасъ Трясило, Павлюкъ, Острицца, съ мечомъ и огнемъ противъ враговъ родного края.

Но не надолго поднимали Украинцы, подъ ихъ знаменами, поникшую голову. Ляхи держались крѣпко за руки съ *недоляшками* (5), гасили пламя возстанія быстро и

(1) Кіевская комиссія въ своихъ «Памятникахъ» напечатала нѣсколько актовъ, которые свидѣтельствуютъ объ этомъ возмутительномъ произволѣ шляхты Польскаго королевства.

(2) Рѣчью Посполитою, то есть республикою, называлась вся политическая польская система, именно: собственно Польша, Литва и Русь; Русью же называлась въ Польшѣ Галиція, Подолія, Волынь и Украина. Сѣверную Русь называли Поляки Москвою, или Московскимъ государствомъ.

(3) Городовые козаки составляли военную корпорацію, совершенно отличную отъ козаковъ Низовыхъ, или Запорожскихъ, не только по внутреннему устройству, но и по политическимъ убѣжденіямъ.

(4) Вотчинниковъ. Старосты пользовались правомъ помѣстныхъ.

(5) Такъ называли тогда отступниковъ вѣры и родины, угнебавшихъ соб-

опять распоряжались съ Украиной по-своему. Но вотъ поднялся изъ Запорожья ужасный, неугасимый огонь— поднялся на Дяховъ и на всѣхъ враговъ отечества козацкій батько Хмѣльницкій. Напрасно вселощились старосты и королевскіе комиссары (¹) съ городовыми козаками; напрасно поднялись изъ покойныхъ квартиръ своихъ консистенты-ротмистры съ своими жолібрами; напрасно вооружали наши *перевертни-недоляшки* надворную свою стражу (²); напрасно придумывали Поляки средства, какъ бы погасить это пламя, и преграждали своими заставами степныя дороги, чтобъ не пустить никого изъ Украины на Запорожье. Бросаетъ пахарь на нивѣ плугъ съ волами; бросаетъ пивоваръ котлы въ *бродварь* (³); бросаютъ чеботари, портные и кузнецы свою работу; отцы оставляютъ маленькихъ дѣтей; сыновья безсильныхъ отцовъ и матерей, и всѣ пробиваются на Запорожье къ Хмѣльницкому, черезъ дикія степи, скрываясь днемъ въ терновыхъ кустахъ и байракахъ, а ночью направляя свой путь по звѣздамъ. И

ственныхъ земляковъ. Слово *недалішекъ* означаетъ человекъ, который до *Ляха* не достигъ еще въ отступничествѣ. Но въ этомъ словѣ выражается больше ненависти и презрѣнія, нежели въ словѣ *Лякъ*, или *кателікъ*, которые до сихъ поръ остаются бранными словами у малороссійскаго простонародья.

(1) Особенные чиновники для удержанія козаковъ въ повиновеніи.

(2) Въ тѣ времена помѣщичья усадьба необходимо принимала устройство замка, съ болѣе или менѣе значительнымъ гарнизономъ, который назывался *надворною стражею*, а иногда *надворными козаками*. Часто нужно было помѣщикамъ отражать Татаръ, а еще чаще защищаться отъ бродячихъ шаекъ такихъ людей, какъ извѣстный во время возстанія Хмѣльницкаго староста Лашъ (явленіе вовсе не исключительное въ Польшѣ). Эти надворные козаки, слабо привязанные къ своимъ панамъ, оставляли ихъ при наступленіи великой опасности и увеличивали собою козацкое ополченіе.

(3) Пивоварна. Хмѣльныхъ напитковъ выкуривалось и варилось тогда очень много. Корсунскій полковникъ Филоненко, въ извѣстной думѣ, набиралъ охотниковъ, обращается преимущественно къ винокурамъ и пивоварамъ:

«Ви, ви́нники, ви, броварники!

Годі вамъ по ви́нницяхъ горілдкъ куріти,

По броваріяхъ пивъ варіти,

Спінною сѣми вытирати!

Ходімъ зо мною на Черкѣню—доліну гуліти,

Слѣди—рыцарства козацко́му війську доставіти!

тогда-то « разлилась козацкая слава по всей Украинѣ », какъ поютъ наши бандуристы.

Гдѣ же проживалъ, гдѣ скитался Павлочскій поповичъ Шрамъ во всѣ эти десять лѣтъ отъ Острияницы до Хмѣльницкаго? Много заняла бы мѣста подробная о немъ повѣсть. Сидѣлъ онъ зимовникомъ, то есть жилъ хуторомъ, среди дикихъ степей въ Низовьяхъ Днѣпра; проповѣдывалъ онъ божію правду рыбакамъ и чабанамъ (пастухамъ) запорожскимъ; побывалъ онъ на полѣ и на морѣ съ Запорожцами; видалъ не разъ и не два смерть въ глаза, и закалился въ военномъ ремеслѣ такъ, что Хмѣльницкаго, поднявшись на Ляховъ, имѣлъ въ немъ крѣпкую опору. Никто лучше Шрама не водилъ козаковъ въ схватку: никто, такъ какъ онъ, « не вертѣлъ Ляхамъ веремѣя » (1). Въ такихъ-то случаяхъ исполосовали ему шрамами все лицо, и козаки прозвали его за то Шрамомъ. Это названіе такъ хорошо ему пришлось, что никто и не вспоминалъ реестрового его имени. Впрочемъ, и въ реестрахъ записанъ былъ онъ не отцовскимъ именемъ. Въ ту отчаянную войну козаки били на удачу: или панъ, или пропалъ; и потому не каждый вписывался въ реестръ подъ собственнымъ фамильнымъ прозвищемъ.

Но вотъ миловали, какъ короткіе святки, десять лѣтъ Хмѣльничины. Уже и сыновья Шрамовы подросли и служили при отцѣ въ походахъ чурами (2). Двое изъ нихъ легло въ битвѣ подъ Смоленскомъ; остался только Петръ. Еще и по смерти Хмѣльницкаго не разъ ходилъ Шрамъ на Ляховъ и Татаръ; но потомъ, чувствуя упадокъ силъ, сложилъ съ себя « полковничій урядъ », принялъ постриженіе въ священники, и прилѣпился всею душою къ церкви. « Теперь ужь Украина », думалъ онъ, « Ляховъ отблагодарила, недоляшковъ прогнала вонъ, унию уничтожила, Жи-

(1) Выраженіе козацкое. Это значило—налетѣть вьюгою; одурить неприятелю голову внезапнымъ и бѣшеннымъ нападеніемъ.

(2) Оруженосцами. Чуры были самые близкіе повѣренные не только у простыхъ козаковъ, но и у старшинъ. Служить чурою значило учиться не одному военному ремеслу, но и вѣрности. Отъ своихъ чуръ козаки ничего не скрывали.

довъ передумала. Пускай теперь живетъ умомъ громадскимъ» (1).

Послѣ военныхъ бурь и общественной дѣятельности въ санѣ полковника (2), Шрамъ любилъ тишину домашней жизни. Въ случаѣ надобности, онъ посылалъ въ походы сына, а самъ хозяйничалъ на сѣнокосахъ и поляхъ, сиживалъ одинокимъ пустышникомъ въ пасикѣ, а въ праздники молился съ народомъ Богу, и потомъ распивалъ съ старыми пріятелями меда и наливки; любилъ изрѣдка посѣтить хуторъ такого жъ, какъ и самъ, пасичника, заброшенный въ какомъ нибудь глухомъ байракѣ, чтобы помянуть за чаркой старину; любилъ и у себя въ хатѣ, увѣщанной, по тогдашнему, оружіемъ, употчивать далекаго и близкаго гостя; словомъ—велъ такую жизнь, о какой только можетъ мечтать козакъ подъ старость.

Такъ думалъ онъ окончить дни свои; думалъ, что Малороссія наконецъ успокоится отъ войнъ, опустошавшихъ ее въ теченіи полувѣка. Но этой странѣ предназначено было долго еще волноваться, горѣть пожарами и обливаться кровью. Сперва замутилъ козацкія головы хитрый Выговскій; потомъ недостойный сынъ Хмельницкаго, Юрій, своимъ слабодушіемъ далъ Полякамъ возможность схватиться снова за Украину. Преемникъ Юрія Хмельницкаго, Павелъ Тетера, радъ былъ отдать имъ во власть все безоружное населеніе края, лишь бы только удержать за собою лестное имя козацкаго гетмана. Уже польскіе паны, пользуясь его потачкою, входили въ старыя свои права

(1) *Громада*—общество. Громадское или общинное начало было развито нѣкогда очень сильно въ Малороссіи. Въ каждомъ селѣ были еще въ царствованіе Елисаветы Петровны избирательныя власти подъ именемъ *громадскихъ мужей*, которые пользовались великимъ уваженіемъ въ народѣ. Старинная дума говорить:

—Тодъ не знали ні чуръ козацкні,
Ні мужи громадскні,
Що панъ Хмельницький....

У городі Чигирині задумавъ вже й загадавъ.»

(2) Полковникъ былъ не только предводитель козаковъ своего полка, но и верховный судья всѣхъ живущихъ въ округѣ того полка; по обширности своей власти, онъ былъ равенъ удѣльному князю.

на западной сторонѣ Днѣпра; подѣ ихъ защитою и Жиды начали прибирать къ своимъ рукамъ откупа и разныя отрасли промышленности. Старый Шрамъ видѣлъ, къ чему это клонится; душа его возмутилась страшными опасеніями. Лучшая часть Малороссіи, по Днѣпръ, именно та, которая всего больше употребила усилій для соединенія съ Московскою Русью, готова была отпасть отъ ней въ добычу шновѣрцамъ. Всего грустнѣе было предчувствовать это сподвижнику Хмѣльницкаго, и онъ рѣшился противодѣйствовать Тетерѣ всѣми возможными мѣрами.

Онъ предостерегалъ простолюдиновъ отъ обольщеній противо-московской партіи, и поселялъ недоувѣрчивость и нелюбовь къ гетману въ козакахъ, на которыхъ всегда имѣлъ великое вліяніе. Наконецъ, когда умеръ Павлочскій полковникъ, и на полковой радѣ (вѣчѣ) зашелъ вопросъ, кого избрать на его мѣсто, Шрамъ явился въ своей рясѣ на раду, и сказалъ козакамъ такое слово:

—Дѣти мои! наступаютъ времена грозныя: скоро опять перекрестить насъ Господь огнемъ да мечомъ. Нужно вамъ теперь такого полковника, который бы зналъ, кто волкъ, а кто лисица. Нужна вамъ теперь не такъ рука, какъ голова, да такая голова; чтобъ знала прежде и смекала о будущемъ. Послужилъ я православному Христіанству при батькѣ Хмѣльницкомъ; послужу вамъ, дѣти мои, еще и теперь, коли будетъ на то ваша воля.

Всѣ пришли въ восторгъ отъ такого предложенія. Шрама прикрыли шапками и знаменами, вручили ему полковничьи клейноды (1), и провозгласили передъ всѣми народамъ полковникомъ, при пушечной пальбѣ и трубной музыкѣ.

Гетманъ Тетера съ досадою узналъ объ этомъ непредвидѣнномъ избраніи, но не былъ силенъ уничтожить опредѣленіе полковой рады, такъ какъ рада—выражаясь словами народа—была старше гетмана. Прислалъ Тетера Шраму подтвердительный свой универсалъ на титуло полковника, и оба они сохраняли видъ пріязни, но втайнѣ наблюдали подозрительно каждое дѣйствіе другъ друга. Наконецъ

(1) Такъ назывались знаки власти: булава, бунчукъ и литавры.

Шрамъ задумалъ что-то рѣшительное, распустилъ слухъ о своей болѣзни, и, сдавши управление полкомъ и городомъ своему эсаулу Гулаку, выѣхалъ изъ Павлочи, будто бы въ одинъ изъ дальнихъ своихъ хуторовъ на покой. Въ тѣ времена рѣдко прибѣгали въ недугахъ къ другимъ лѣкарствамъ, кромѣ покоя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чи вждѣ жъ дармо та безцѣсна Украина Бѣгови молила,
Щобъ мѣцаъ Его воля съ-рѣдѣ кормыги Лядської слободыла,
На позорѣ да наругу невѣрнимъ не давала,
Щастельнѣ надѣлила...

Чи вждѣ жъ дармо вона Бѣгови молила?

Народная дума.

Войдя въ пѣсику, Шрамъ помолился передъ образомъ святаго Зосимы, покровителя пчелъ. Образъ стоялъ на высокомъ ульѣ подъ небольшимъ навѣсцемъ, который защищалъ святаго Зосиму отъ дождя, и сверхъ того образъ прикрытъ былъ, на подобіе рамки, бѣлымъ рушникомъ, разшитымъ красными нитками.

Василь Невольникъ былъ преданъ душою святаму Зосимѣ (1). и, пока Шрамъ тихо молился, онъ благословлялъ Бога и его угодника за то, что они научили людей пчеловодству. Онъ вѣрилъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, что въ старину пчелы были извѣстны только какимъ-то *Плясовицямъ*, которыя при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ плясали на нашихъ степныхъ могилахъ: святой Зосима, по повелѣнію божію, служилъ у нихъ пасичникомъ и потомъ научилъ весь народъ обходиться съ пчелами. Объ этомъ-то подвигѣ святаго распространился было Василь

(1) Старосвѣтскіе Малороссіане подъ конецъ жизни большею частію пристращались къ пасикѣ. Такъ славный кошевой отаманъ Сиркѣ окончилъ дни свои въ удивительномъ зимовникѣ среди степей запорожскихъ, занимаясь пчеловодствомъ.

Невольникъ; но вниманіе Шрама было развлечено отдаленными звуками бандуры и пѣніемъ.

—Что это? спросилъ онъ.—Ужъ не Божій ли Человѣкъ гостить у васъ?

—А кто же другой могъ бы такъ играть и пѣть, какъ не *Божій Человѣкъ*? отвѣчалъ Василь Невольникъ.—Такого кобзаря не было, да и не будетъ уже межъ козаками. Когда онъ поетъ про козацкую славу — волосъ на головѣ вянетъ, и душа въ гору растетъ! Охъ, Боже правый, Боже правый! три года я не слышалъ....

Но Шрамъ, не слушая обычныхъ его сѣтованій, пошелъ на голосъ далѣе. Скоро увидѣлъ онъ подъ деревомъ Божьяго Человѣка и Череваня. Они сидѣли на травѣ по-турецки, поджавъ подъ себя ноги, а передъ ними стоялъ полдникъ съ подкрѣпительнымъ напиткомъ въ мѣдномъ тонкошеемъ кувшинѣ. Божимъ Человѣкомъ назывался слѣпой кобзарь или бандуристъ, пользовавшійся у козаковъ необыкновеннымъ почтеніемъ,—и не за одиѣ пѣсни. Онъ былъ одаренъ, какъ думали, сверхъестественнымъ разумніемъ языка всѣхъ травъ и растений. Каждая былинка въ полѣ, каждая травка въ лѣсу говорила ему, отъ какой болѣзни она помогаетъ. По этому-то онъ испѣлялъ самыя опасныя раны, и вылѣчивалъ отъ всякихъ болѣзней. Иные приписывали чудесную силу не столько травамъ, которыми онъ обкладывалъ и поилъ больныхъ своихъ, сколько его долгимъ молитвамъ, которыми онъ облегчалъ самыя жестокия страданія. Говорили также, что и пѣсни его дѣйствовали на больныхъ, какъ чары: заслушается человѣкъ его чудныхъ, сладкихъ рѣчей подъ званіе бандуры, и впадаетъ въ такое забытье, какъ будто душа отдѣлилась отъ тѣла. Онъ не искалъ награды за труды свои, но просилъ пожертвовать что-нибудь для выкупа козаковъ, томившихся въ неволѣ у Турокъ и Татаръ. Многіе такимъ образомъ были обязаны ему своимъ освобожденіемъ; за то не было ему и другаго имени, какъ *Божій Человѣкъ*. Паружность его вполне соответствовала этому имени. Съ длинной сѣдой бородой, съ правильными, умными и строгими чертами лица, онъ больше походилъ на благочестиваго пустытника, нежели на странствующаго козацкаго бояна.

Слушатель его, Черевань, былъ челоѣкъ изъ разряда людей весьма обыкновенныхъ. Лысая, шарообразная голова, огромное брюхо, или по-малороссійски *черево*, по которому и прозвали его Череванемъ, руки съ растопырившимися отъ жиру пальцами, веселость и простодушіе въ чертахъ лица — таковъ былъ старій пріятель полковника Шрама. Слушая печальную пѣсню о Берестечской битвѣ, онъ смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ; но это происходило не отъ того, чтобъ онъ не сочувствовалъ пѣснѣ: напротивъ, онъ восхищался ею не меньше любого козака, только не умѣлъ иначе выражать чувствъ своихъ, какъ смѣхомъ.

Увидя вдругъ передъ собою Шрама, Черевань вскочилъ съ необыкновенною легкостью на ноги и вскричалъ, картавя на буквѣ *р*:

—Бгатику! ты ли это, или это твоя душа прилетѣла слушать Божьяго Человѣка?—И обнялъ Шрама, какъ роднаго, давно невиданнаго брата.

Божій Человѣкъ также обрадовался Шраму, и, оставивъ бандуру, поднялся на ноги, чтобъ осязать его. Шрамъ наклонилъ къ нему голову.

—Такъ, такъ, говорилъ слѣпой пѣвецъ, водя рукою по его:—лицу, это нашъ рыцарь, это его шрамы... И борода... Слыхали мы, слыхали, что Господь благословилъ тебя попомъ.

Василь Невольникъ радовался между тѣмъ по своему. Качая грустно головою, онъ только говорилъ:—Боже правый, Боже правый! есть же такіе люди на свѣтѣ!

—Какимъ случаемъ? по волѣ, или по неволѣ? спрашивалъ Шрама Черевань.

—Слава Богу, по волѣ, отвѣчалъ Шрамъ:—прошли тѣ проклятыя времена, когда нашимъ братомъ козакомъ помыкали вельможные пьяницы.

—И прямо ко мнѣ?

—Ну, нѣтъ, не совсѣмъ прямо: есть на свѣтѣ кое-что лучше твоихъ наливокъ. Ъду въ Кіевъ къ церквамъ божіимъ, къ мощамъ, святымъ.—А тебя жъ, батько, откуда Богъ несетъ? обратился Шрамъ къ Божьему Человѣку.

—У меня, отвѣчалъ тотъ,—одна дорога по всему свѣту: *Блаженни милостивии, яко тиѣ помиловани будутъ.*

—Такъ, мой батько, такъ, мой добродѣй! сказалъ Василь Невольникъ.—Пускай такъ надъ тобой Господь умилосердится, какъ ты надо мною умилосердился! Три года, не три дня, мучился я на проклятой галерѣ въ турецкой каторгѣ; не думалъ уже видѣть святорусскаго берега; а ты выпѣлъ своими пѣснями за меня сто дукатовъ, и вотъ опять я на славной Украинѣ, опять слышу христіанскую рѣчь!

—Не женья благодари, Василь, сказалъ бандуристъ, благодари того, кто не поскупился вынуть изъ гамана (1) сотню дукатовъ: онъ, а не я, вызволилъ тебя изъ неволи!

—Развѣ жъ я его не благодарю? говорилъ Василь Невольникъ, взглянувъ на Черевана.—Монахи звали меня въ монастырь—я таки и грамотный себѣ немножко; козаки звали меня въ Сѣчь—не годъ да и не два отамановали я надъ Каневскимъ куренемъ, пока не попался въ проклятую неволю, и всѣ *ирла* знаю, какъ свои пять пальцевъ; но я ни туда, ни туда не захотѣлъ, а сказалъ: Нѣтъ, братцы, пойду служить тому, кто вызволилъ меня изъ бусурманской неволи; буду у него конюхомъ, буду у него послѣднимъ грубникомъ (2); пускай знаетъ, что такое благодарность!

Череванъ слушалъ его съ виднымъ удовольствіемъ.—*Ка'зна'що ты городишь, бѣтѣку!* сказалъ онъ, однакожъ.—Послѣ Корсуни, Пилявцевъ и Збаража (3), мы червонцы приполами послали. Ну, сядемъ же, сядемъ, гости мои дорогіе, да выпьемъ за здоровье пана Шрама.

И, выпивши, онъ опять обратился къ своему доброму дѣлу:—Что объ этомъ толковать, бѣтѣку? Когда пришелъ ко мнѣ Божій Человѣкъ, да спѣлъ свою пѣсню про невольниковъ, какъ они погибаютъ тамъ на галерахъ, да рассказалъ, что и Василь нашъ тамъ же мучится,—такъ я го-

(1) Изъ кошелька.

(2) Источникомъ. Груба—печь, но не та, въ которой готовятъ пищу: та называется и у Малороссіянъ печью.

(3) Мѣста побѣдъ козацкихъ.

товъ былъ послѣднюю сорочку отдать на выкупъ! ей Богу, богатцы, такъ!

Но тутъ Шрамъ повелъ бесѣду о другомъ. Онъ обратился къ Божьему Человѣку:

—Ну, скажи жь мнѣ, батько,—ты вездѣ странствуешь—что слышать у васъ за Днѣпромъ?

—Слышать такое, что лучше и не говорить: межъ козаками никакого ладу: одинъ направо, а другой—налѣво.

—А старшина жь и гетманъ у васъ на что?

—Старшины у насъ много, да некого слушаться.

—Какъ некого? А Сомко?

—Что жь Сомко? Сомку тоже не дають гетьманствовать.

—Какъ же это такъ?

—А такъ, что лукавый искусилъ на гетманство сѣдого старика Васюту Нѣжинскаго. Много козаковъ и на его сторонѣ, сильна его рука и въ царскомъ дворѣ—и тамъ за него стараются. А Сомко, видите, не хочетъ никому *придите поклонимся*; надѣется взять правдою свое. Вотъ, какъ не стало миру межъ старшими головами, такъ и козаки пришли одинъ противъ другаго. Столкнутся гдѣ-нибудь въ шинкѣ или на дорогѣ: «Чья сторона?»—«А ты чья?»—«Васютина.»—«Убирайся жь къ нечѣстому, боярскій подпожекъ!»—«Нѣтъ, убирайся ты, Переяславскій крамарь!» Это, видите, противъ того, что у Сомка есть *крамныя коморы* (1) въ Переяславѣ. Вотъ и схватятся...

Слушая такой неутѣшительный рассказъ, нашъ Шрамъ и голову повѣсилъ: стѣснили ему сердце эти новости.

—Да подстой же! сказалъ онъ, вѣдь Сомка жь избрали гетманомъ въ Козельцѣ?

—Избрали, и самъ преосвященный Меодій былъ тамъ, и приводилъ козаковъ къ присягѣ гетману Сомку; а послѣ опять все разстроилось; а разстроилось, коли хочете знать, отъ Сомковой прямоты, а нинѣ говорятъ—отъ скупости. Ну, я Сомка знаю не за скупаго. Теперь-то онъ казну свою бережетъ крѣпко, только на добрыя дѣла, на общую корысть, а не изъ скупости.

(1) Лавки съ товарами.

—Какое же кому дѣло до его казны? спросилъ угрюмо Шрамъ.

— А такое, какъ и до крапныхъ коморъ. Зависть! Но тутъ вотъ откуда подулъ нехорошій вѣтеръ. Отецъ Мееодій надѣялся заработать у Сомка за козацкую присягу какую-нибудь сотню червонныхъ на рясу, а Сомкѣ и не въ догадѣ. Ну, оно и ничего бы, да тутъ Васюта Золотаренко подвернулся съ искушеніемъ. Водился онъ въ старые годы съ Ляхами, звался у нихъ паномъ Золотаревскимъ, и научился всякому пронырству. Брякнулъ кисою передъ владыкою; тотъ и смастерилъ какую-то грамоту въ Москву (1),

(1) «Лѣтопись Самовидца», изданная Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, очень выразительно говоритъ о недостойныхъ поступкахъ епископа Мееодія, стр. 35: «Епископъ Мееодій, который на той радѣ былъ и до присяги приводилъ, также и Васюта, полковникъ Нѣжинскій, описали Сомка гетмана, же (что) конечно по Орду посылаетъ, хотячи названты, что была неправда»; стр. 41: «Епископъ Мееодій протопопу послалъ, при этихъ же посланныхъ отъ себе, стараячися о изъ зубѣ». (т. е. о гибели Сомка и его приверженцевъ). Въ этихъ доносахъ епископъ Мееодій является ревностнымъ слугою Московскаго правительства и Бруховецкаго, но когда Бруховецкій, 4-ю статью такъ называемаго Московскаго договора выразилъ желаніе, чтобы въ Кіевъ присылаемы были митрополиты изъ Москвы, онъ началъ бунтовать народъ противъ одного и другаго. Бантышъ-Каменскій выписалъ рѣчь его изъ малороссійскихъ дѣлъ Коллежскаго Архива, и напечаталъ въ своей «Исторіи Малой Россіи» (т. II, стр. 85, изд. 1842). Вотъ она: «Малороссіане! доколѣ будете повиноваться тирану (т. е. Бруховецкому), посягающему на драгоцѣннѣйшее ваше наследіе, на ваши права, кровію предковъ приобрѣтенныя? Доколѣ будете терпѣть отъ него безпреставныя обиды и поруганія? Отвѣтствуйте мнѣ: кто даровалъ ему власть назначать начальниковъ вашихъ и лишилъ васъ права избирать ихъ свободными голосами?... Малороссіане! вы зрите сіи неправды и пребываете въ бездѣйствіи. Уже время сбросить тяжкія оковы, носимыя вами. Да падетъ врагъ спокойствія вашего, и пр. Бруховецкій испугался и употребилъ всѣ средства, чтобы расположить къ себѣ епископа. Тогда Мееодій оказалъ явнымъ врагомъ Московскаго правительства. Въ малороссійскихъ дѣлахъ Коллежскаго Архива хранится слѣдующее письмо его къ гетману, противъ котораго онъ недавно еще возстановлялъ народъ: «Для Бога, не плошай. Теперь идетъ торгъ о насъ: хотять, взявши за шею, выдать Ляхамъ. Окружай себя болѣе Запорожцами, укрѣплай также своими людьми порубежные города. Утопающій хватается за брызгу для своего спасенія. Безбожный Шереметевъ нынѣ въ тѣсной связи съ Ляхами и Дорошенкомъ. Остерегайся его и Нащокина. Мила мнѣ отчизна. Горѣ, если поработать оную Ляхи и Москалы! Лучше смерть, нежели золъ животъ. Страшнѣе имѣть одинакую участь съ Барабашемъ.» (Ист. Мал. Росс. Банг. Кам., т. II, стр. 98.).

а тутъ и по гетманщинѣ пустили говоръ, что Козелецкая рада незаконная. «Надобно, говорятъ, созвать новую, полную раду, на которой бы и войско Запорожское было, да избрать такого гетмана, котораго бы всѣ слушались.» А то Васюта ищетъ себѣ гетманства и не слушается Сомка, а Запорожцы гетманомъ Бруховецкаго зовутъ....

— Бруховецкаго! вскрикнулъ Шрамъ. — А это что еще за *пройва* (1)?

— Проява на весь свѣтъ, сущая сказка, да совершается передъ глазами, такъ по неволѣ повѣришь. Вы знаете Иванца?

— Еще бы не знать чурь Хмѣльницкаго! отвѣчалъ за всѣхъ Шрамъ, который слушалъ рассказъ Божьяго Человѣка съ нетерпѣніемъ, и, казалось, пожиралъ слова его.

— Ну, слыхали вы и про то, что онъ поссорился съ Сомкомъ?

— Слыхали, да что въ этомъ?

— Кажется, Сомко назвалъ Иванца свиньею, что ли? виѣшался Черевань.

— Не свиньею, а собакою, да еще старую собакою, да еще не на *самотѣ* или тамъ какъ-нибудь подъ веселій часть, а передъ всею генеральною старшиною, на домашней радѣ у молодаго гетмана!

— Га-га-га! засмѣялся Черевань. Отвѣсилъ соли, нечего сказать!

— Отвѣсилъ соли, да себѣ въ убытокъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что не слѣдовало бы вельможному Сомку задѣвать Иванца. Иванецъ конечно былъ себѣ человѣкъ незнатный, да почетный. Служилъ онъ усердно батьку Богдану; на Дрижиполѣ даже спасъ его отъ вѣрной смерти, самъ попался въ плѣнъ, и принялъ отъ невѣрныхъ много муки. Можетъ быть, и навѣки тамъ бы пропалъ, когда бь старый Хмѣльницкій не выкувилъ дорогою цѣною.

Далѣе Бантышъ-Каменскій рассказываетъ, что епископъ Меводій былъ лишенъ епископскаго сана, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь свою подъ стражею. (Тамъ же, стр. 102.)

(1) Чудо, необыкновенное явленіе.

Въ чести былъ у гетмана Иванецъ, но не бралъ отъ него ни золота, ни уряду (1). Простенькой, смирененькой былъ себѣ человѣчекъ, и незамѣтно совсѣмъ было его въ домѣ. Ты бъ сказала — такъ себѣ служба; а посмотри, въ какомъ почетѣ у ясновельможнаго! Бывало, проживаю въ гетманскомъ дворѣ, такъ и слышу: «Иванецъ, друже мой вѣрный!» отзывается бывало къ нему покойный гетманъ, подъ веселый часъ, за чаркою. — «Держись, Юрѹсь, говорить, бывало, сыну; держись, Юрѹсь, Иванцовыхъ совѣтовъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ. Это вѣрная душа, онъ тебя не обманетъ.» Ну, Юрѹсь и держался его совѣтовъ, и что, бывало, скажетъ Иванецъ, то уже свято. А Сомко, сами знаете, доводится дядя Юрѹсю; его мать была родная сестра Сомкова; вѣдь старый Хмѣль былъ въ первый разъ женатъ на Гаинѣ Сомковнѣ; такъ Сомку и не понравилось, что Иванецъ управляетъ его племянникомъ. Разъ трактовала о чемъ-то старшина у молодаго гетмана, а Иванецъ, прислушавшись къ ихъ бесѣдѣ, и болтнулъ что-то спроста. Ну, а вы знаете Сомка: вспыхнетъ, какъ порохъ. «Шане гетмане! говорить, стараго пса непристойно бы мѣшать въ нашу бесѣду.» Вотъ какъ оно было, панове, коли хотите знать. Я самъ случился на то время въ гетманскомъ будинкѣ (2), и слышалъ всѣ рѣчи своими ушами. При мнѣ же сдѣлалась и тревога ночью, когда Сомко поймалъ Иванца съ ножомъ въ рукѣ возлѣ своей постели. Вотъ и судили его войсковою радою, и присудили отрубать голову. Оно бы такъ и было, панове; да Сомко выдумалъ ему хуже кару: посадить на свинью и провезти по всему Гадячу.

— Га-га-га! захохоталъ отъ всей души Черевань. *Котузі по заслугі!*

Но Шрамъ сказалъ мрачно: — Чтѣ объ этомъ рассказывать? Все это мы давно слышали.

— А э томъ слышали, чтѣ сдѣлалъ послѣ Иванецъ?

— А чтѣ жъ онъ, бгатику, сдѣлалъ? спросилъ Черевань.

(1) Должности по службѣ.

(2) Въ хоромахъ.

Если бъ я былъ на его мѣстѣ, то, ей Богу, не знаю, что бъ я и дѣлалъ послѣ такого казуса! Какъ тебѣ кажется, Василь?

Василь Невольникъ покачалъ только головою.

— Вотъ что сдѣлалъ Иванецъ: подружился съ нечистымъ; давай деньги копить, давай всякому угождать, кланяться, давай просить у молодаго гетмана почетнаго уряду. Вотъ и сдѣлали его хорунжимъ; да какъ пошелъ Юрусъ въ монастырь, такъ Иванецъ—вѣдь у него были отъ скарбницы ключи—подчистилъ все серебро и золото, да на Запорожье. А тамъ сыпнулъ деньгами, такъ Запорожцы за нимъ роємъ: «Иванъ Мартыновичъ! Иванъ Мартыновичъ!» А онъ ледачій со всѣми братается, да обнимается...

— Ну, что же изъ этого? спросилъ нетерпѣливый Шрамъ, между тѣмъ какъ его губы дрожали отъ какой-то страшной мысли.

— А вотъ что: Запорожцы такъ его полюбили, что созвали раду, да и бухъ Иванца кошевымъ!

— Какъ! Иванца кошевымъ отаманомъ!

— Нѣтъ, не Иванца, а Ивана Мартыновича. Теперь уже онъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій!

— Силы небесныя! вскрикнулъ, схватившись за голову, Шрамъ. Такъ это его-то зовутъ Запорожцы гетманомъ?

— Его, пан'отче, его самаго.

— Боже правый, Боже правый! отозвался самъ къ себѣ Василь Невольникъ. — Переведется же, видно, скоро со всѣмъ Запорожье, коли такихъ кошевыхъ выбираютъ!

А Череванъ отъ удивленія смѣялся такъ же, какъ и отъ радости.—Га-га-га! вотъ, бгаты, диковинка, такъ, такъ! и во снѣ никому такое диво не спилось!

— Братя мои милые! сказалъ, помолчавши, Шрамъ, тяжело моему сердцу; не въ силахъ я больше передъ вами таиться. Ёду я не въ Кіевъ, а въ Переяславъ, къ гетману Сомку, а ёду вотъ за чѣмъ. Украину разодрали на двѣ части, и одна скоро попадетъ въ лапы Ляхамъ. Легко это сказать?... Я думалъ, что Сомко крѣпко сидитъ на гетманствѣ; и если бъ было такъ, то можетъ быть... нѣтъ, навѣрное знаю, что уговорилъ бы его вести козацкіе полки

на людскаго прислужника Тетеру, опановать всѣ украинскіе города, и сдѣлать изъ обоихъ береговъ Днѣпра одну гетманщину, какъ было при Хмѣльницкомъ. Горьки миѣ, батько, твои вѣсти; перевернули онѣ миѣ всю душу... но еще не совѣмъ бѣда... еще все пойдетъ въ ладъ; только бы всякая вѣрная душа подала одна другой руку. Поѣзжай со мной за Днѣпръ, Божій Человѣче; теби козаки почитаютъ; твоего совѣту послушаются...

— Нѣтъ, мой добродѣй, отвѣчалъ бандуристъ, не намъ мѣшаться въ ваши усобицы: намъ указалъ Господь особую дорогу. Будетъ съ меня и давнишнихъ походовъ. Богъ отнялъ у меня очи и повелѣлъ миѣ идти другимъ путемъ къ вѣчному свѣту....

— Ты и пойдешь своимъ путемъ, сказалъ Шрамъ: никто тебя съ твоей дороги не совратитъ. Мы саблюю, а ты разумнымъ словомъ; мы военнымъ совѣтомъ, а ты пѣснями направишь козацкія сердца къ согласію.

— Не миѣ учить васъ, козаковъ, коли васъ бѣды не научили! отвѣчалъ Божій Человѣкъ. Да и слушать меня никто изъ вашихъ старшинъ не будетъ. Все теперь полѣзло въ панство да въ чванство. Разбогатѣвши, всѣ стали такъ умны, что нашему брату только и бесѣды, чтó съ простымъ народомъ. Старшина начала черезъ-чуръ шляхетствовать. Тѣ же недолжки!... Уже имъ не по вкусу и старинныя козацкія пѣсни, которыя, и людей возвеселяютъ, и Богу непротивны. Въсто кобзарей завели себѣ мальчиковъ съ бандурками,—играй имъ только къ танцамъ, да къ смѣхотворству. И наша темная, невидящая старчѣта, ради того несчастнаго куска хлѣба да чарки горилки, бречитъ имъ всячину; забыли и страхъ божій. Ужъ жъ ты не видишь ничего, уже ты какъ будто взять съ этого свѣта: за чѣмъ же тебѣ возвращаться къ грѣхамъ человѣческимъ? Умудрилъ Господь твою слѣпоту, такъ поїи же добрымъ людямъ, не прогнѣвая Господа; такъ поїи, чтобъ чловѣка не на зло, а на добро направить!

— Братцы! сказалъ Череванъ, полно вамъ толковать про войсковыя суматохи да про чванство! Здѣсь у насъ этого, слава Богу, нѣтъ. У насъ все тихо да мирно. Ко миѣ

ѣздить добрые люди изъ Кіева; я тоже не забываю въ Кіевѣ добрыхъ пріятелей. Пьемъ себѣ да вспоминаемъ старину; а о новомъ времени пускай горюють новые люди! Пойдемте-ка въ хату. Когда задумали вы ѣхать за Днѣпръ, то помогите вамъ, Боже; но только прошу васъ, не говорите больше объ этомъ. Отложимъ, бгаты, на этотъ вечеръ всякое попеченіе и повеселимся такъ, *щобъ ажъ ворогамъ було тяжко!*

Такъ говоря, Череванъ поднялся съ своего мѣста и повелъ своихъ гостей къ хатѣ.

Шрамъ шелъ за нимъ, потупивъ глаза въ землю и грустно качая головою. Василь Невольникъ, глядя на него, выражалъ обычною поговоркою свое сочувствіе. Божій Человѣкъ былъ свѣтелъ лицомъ и спокоенъ, какъ будто его душа жидла не на землѣ, а на небѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чи всі ті сади цвітуть,
Що весною розвиваютьця?
Чи всі ті вічаютьця,
Що вірненько да кохаютьця?
Половина саду цвітє,
Половина осипаєтця:
Однá пара вічаєтця,
А другáя розлучаєтця.

Народная пѣсня.

Между тѣмъ какъ старики толковали о козацкихъ дѣлахъ, Петро Шрамѣнко, пустивъ коней на пашу, вспомнилъ, что у Черевана есть дочка, которую молва прославила красавицею невиданною. Онъ зналъ ее, когда она была еще дитятею, и часто съ нею рѣзвился, забывал свои лѣта. Теперь она была невѣста, и слухи о ея красотѣ не были преувеличены. Онъ не пошелъ въ пасику, а поспѣшилъ вмѣсто того къ хатамъ, изъ которыхъ одну, повыше и пороскошнѣе, занималъ самъ Череванъ съ семействомъ, а въ другой жили его подсосѣдки и наймыты, составлявшіе въ то время обычную челядь у богатыхъ

людей. Вдали за огородами видѣлись еще два дымара изъ-за деревьевъ.

Хата пана Череваня отличалась тѣмъ, что въ ней устроено было такъ называемое *поддашье*, то есть углубленный въ самую постройку навѣсъ, въ прохладѣ котораго семейство *господаря* (1) проводило жаркіе часы лѣтнихъ дней. У другой хаты навѣсъ выступалъ впередъ, и опирался на рѣзные столбики, тогда какъ здѣсь онъ былъ забранъ снаружы окончатою легкою стѣною съ зигзагами, какіе до сихъ поръ попадаются въ развалинахъ старинныхъ деревянныхъ колоколенъ. Подъ крышею висѣли сухія травы и корни, собранные весною для разныхъ цѣлительныхъ настоекъ и припарокъ, такъ какъ народная медицина была тогда въ полномъ своемъ ходу, за отсутствіемъ медицины ученой. Подъ окнами, за низенькимъ частоколомъ, посажено было множество цвѣтовъ. Старая яблонь стояла у самаго входа въ поддашье, наклонивъ къ землѣ роскошныя свои вѣтви, и, вся осыпанная крупными цвѣтами, издавала сладкое благоуханіе и жужжала роями пчель. Солнце, закатываясь за вершины окрестныхъ деревьевъ, облило краснымъ свѣтомъ позеленѣлыя соломенныя крыши съ тяжелыми закуреными дымарами, раскидистую побѣлѣвшую отъ верху до низу яблонь, пучки сухихъ травъ подъ крышею, рѣзаную зигзагами наружную стѣну поддашья, бѣлыя стѣны хатъ, и сверкало огнемъ въ круглыхъ шибкахъ старосвѣтскихъ оконъ. Жилище Череваня казалось въ это время царскимъ жилищемъ. Кругомъ зелено, свѣжо, просторно... прожилъ бы вѣкъ въ такомъ затѣнѣ и не соскучился!

Такія чувства приходятъ въ душу особенно послѣ долгой и утомительной дороги. Такъ чувствовалъ и мой Петро, подходя къ хатѣ Череваня; а изъ хаты, какъ нарочно, сквозь поднятыя до половины окна и отворенныя настежь, но лѣтнему, двери, неслась молодая, весенняя пѣсня, которая и зимой возвращаетъ душу къ веснѣ, къ цвѣтущимъ садамъ, къ протоптаннымъ черезъ нихъ тропинкамъ, къ

(1) Господарь—обыкновенное названіе *хозяина* въ почтительномъ смыслѣ.

таинственнымъ перелазамъ, криницамъ и всей обстановкѣ молодыхъ встрѣчъ и приключеній. Такая пѣсня неслась навстрѣчу гостю, какъ призывъ, какъ обѣщаніе всего, что такъ прекрасно грезится юношеской душѣ. Онъ легкими шагами, безъ шума, прошелъ черезъ поддашье, вымощенное прохлаждающими кáхлямп, черезъ сѣни, изъ которыхъ одна дверь вела въ пустую на то время свѣтлицу, и, заглянувъ на лѣво въ пекарню, увидѣлъ тамъ жену Череваня и ея дочку, которая носила въ семействѣ уменьшительное имя Леси.

Пекарня съ комнатою, въ тѣ времена простоты нравовъ, составляла жилую половину дома; *свѣтлица съ комнатою* назначалась для приѣма гостей, и тутъ ужъ сосредоточивалась вся тогдашняя роскошь домашняго убранства. Въ пекарнѣ, кромѣ обычной малороссійской чистоты да цвѣтовъ за *свѣлокомъ* (1) и за образами, не было замѣтно никакихъ стараній объ убранствѣ. Правда, висѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ по стѣнамъ бѣлые *рушники*, роскошно вышитые красными и синими узорами. Но лучшее украшеніе пекарни составляли женщины. Обѣ были красавицы, въ своемъ родѣ. Череваниха была то, что называется *сама въ себѣ*, то есть въ полномъ развитіи тѣлесныхъ формъ. Лѣта прибавили ей тучности, но не уменьшили игры румянца на щекахъ и блеску умныхъ и веселыхъ глазъ, которымъ черныя брови придавали особенную выразительность. Заеучивъ по локоть широкіе разшитые узорами рукава сорочки, она своими панскими, полными и довольно изнѣженными руками дѣпила вареники къ ужину. Вареники были любимымъ кушаньемъ нава Череваня, и онъ утверждалъ, что во всемъ мірѣ никто не слѣдуетъ ихъ лучше его Меласи (2). Пани Череваниха охотно тому вѣрила, и угождала своему мужу. Нарядъ ея былъ простъ: плахта, запаска, безрукавая кофта, на головѣ приношенный парчевый очипокъ; но что она была богатая пани, это было видно изъ дорогаго ожерелья, сверкавшаго въ ея

(1) Брусомъ, на который опираются потолочныя перекладки.

(2) Уменьшительное отъ Меланиі.

наиистѣ и изъ алмазныхъ колець на рукахъ. Украшенія гордыхъ польскихъ павій переняли тогда къ женамъ от-важныхъ козаковъ, которыя носили ихъ ежедневно, какъ вещи неизносимыя, а пожалуй, и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ ихъ высокой цѣнѣ.

Леса Черевановна была портретомъ своей матери, написаннымъ въ дѣвическія лѣта ея. На ней, кромѣ нитки коралловъ, длинныхъ плоскихъ цѣпочекъ изъ чистаго золота вмѣсто серегъ и свѣжихъ цвѣтовъ за золототканной лентой вокругъ головы, не было никакихъ украшеній. Она надѣнетъ такія же дорогія монисты, какъ и у матери, подъ вѣнецъ, и будетъ блистать ими до старости, до тѣхъ вялыхъ лѣтъ, когда ея общество будутъ составлять одни внучата, которыхъ будутъ занимать ея сказки, ея старинныя пѣсни и прибаутки, а не дорогія украшенія. Но кто думаетъ о будущей зимѣ въ самый разцвѣтъ весны! Леса была прекрасна какъ весна, въ своемъ малиновомъ корсетѣ, стянутомъ на груди золотыми шнурками, въ своей коронѣ изъ цвѣтовъ, съ наклоненною немного на бокъ головою и глазами, опущенными въ тихой задумчивости на руки, которыя проворно перебирали на столѣ только что собранныя ею въ роцѣ сыроѣжки для ужина. Пѣсня лилась у нея медленно и окружала ея голову грезами любовныхъ свиданій, разлуки, лунныхъ ночей, тихихъ рѣчекъ съ гибкими черезъ нихъ кладками, зеленыхъ яворовъ, наклонившихся надъ водою. Она не пѣла, а какъ-будто мечтала вѣдухъ, какъ обыкновенно поетъ въ уединеніи задумчивая Украинка. Сама мать заслушалась ея и давно уже молчала, погружаясь въ свое занятіе.

Въ эту минуту Петро наклонился, чтобъ пройти въ низкую дверь, и потомъ выпрямясь выше ея узорчатаго косяка, остановился у порога. Въ одной рукѣ держалъ онъ высокую баранью шапку, которой красный колпакъ повисъ почти до полу, другою придерживалъ саблю, чтобъ не брѣчала; но предосторожность была напрасна. Череваниха почти въ то же мгновеніе, какъ онъ вошелъ, оглянулась, и узнала его съ разу. Леса тихо вскрикнула, и обѣ подошли къ гостю. Пока Череваниха обтирала муку на ру-

кахъ, чтобъ обилтъ Петра по обычаю тогдашняго здорванья, онъ смотрѣлъ на бывшую маленькую рѣзвуху, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Она сама почувствовала, что молодцоватый козакъ теперь для нея другой челоуѣкъ, и, встрѣтясь съ нимъ глазами, тотчасъ опустила ихъ внизъ и стояла передъ нимъ, какъ на картинѣ, держа пальцы одной руки въ другой и иѣжно склоня на бокъ голову. съ той граціей, какую природа ввухаетъ какъ-будто одиѣмъ только Украинкамъ.

Петро, поздоровавшись съ пригожею, полнощекою Череванихою, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, и самъ казался смущеннымъ передъ пышно развернушеюся красотою Леси.

— Да поцѣлуйтесь же! сказала весело Череваниха.— Или вы не узнали теперь другъ друга?

Смѣлый козакъ несмѣло подступилъ къ красавицѣ и, поцѣловавъ ее, какъ будто выпилъ сладкой отравы. Все въ немъ мгновенно измѣнилось. Онъ почувствовалъ душою тотъ великій, пророческій мигъ, въ который какъ-будто свыше назначается челоуѣку его суженая.

— Ну, просимъ же у насъ садиться, сказала хозяйка, протирая своимъ передникомъ на лавкѣ мѣсто, хотя лавка была совершенно чиста.—Ну, вотъ не вѣрь примѣтамъ! Сегодня сорока передъ окномъ скрекекѣ да скрекекѣ! Я и сказала: «Будуть же у насъ, доню, гости!» И кошка всё умывалась на постели.

И засыпала Петра вопросами объ его отцѣ и обо всемъ, чтó мы ужъ отчасти знаемъ. Петро отвѣчалъ ей вило и разсѣянно. Душа его вступила въ новую жизнь: впервые онъ почувствовалъ, что любить, но не понималъ, чтó съ нимъ сдѣлалось,—отъ чего сердце его сжалось тоскою...

Прошло въ такой бесѣдѣ довольно времени. Пани Череваниха посматривала на него съ удивленіемъ, и взглядомъ давала замѣтить дочери свое удивленіе; иногда качала она головой, продолжая свое занятіе; наконецъ потеряла терпѣніе, и сказала:

— Чтó это, Петрусю! (она, по старой памяти, называла его дѣтскимъ именемъ). Ты какъ-будто въ воду опуцентъ!

Усталъ въ дорогѣ? Нѣтъ, не то. Такіе козаки въ дорогѣ не устаютъ. А вижу я—ты что-то грустенъ. Не такимъ привыкла я тебя видѣть. Правда, тогда лѣта твои были еще не для смутку. То уже теперь зашла та пора, что, говорить, дѣвичьи очи мерещатся козаку и днемъ и ночью. Видно, оставилъ въ Паволочи свою чернобровую? Признайся намъ по правдѣ.

— Можетъ быть, и оставилъ, сказалъ Петро,—можетъ быть, и не одну оставилъ; только всѣ онѣ, сколько бъ ихъ ни было, не стоятъ...

Онъ взглянулъ на Лесю и не договорилъ. Мать въ одно мгновеніе смекнула дѣломъ, и подхватила:

— Не стоять того, чтобы тосковать!... Слышишь, Леся, какіе теперь козаки пышные да гордые стали? Чтò жъ, доню, о насъ, хуторянкахъ, скажутъ?

Взглядъ, который она бросила при этомъ на Лесю, выражалъ материнскую гордость. Красавица засмѣлась, слегка закинувъ голову, и, взглянувъ на мать съ довѣрчивостью нѣжной дружбы, отвѣчала:

— Ничего не скажутъ, мамо. Кто насъ знаетъ? Кто насъ видитъ?

Эти слова, сказанныя шутливымъ голосомъ, сильно подействовали на мать. Она бросила свое дѣло, быстро повернулась къ дочери, и, ударивъ себя объ полы руками съ тѣмъ жестомъ, которымъ Малороссіянки выражаютъ досаду, начала говорить раздраженнымъ голосомъ:

— А что жъ, развѣ не правда? и никто не будетъ видѣть, никто не будетъ знать, пока будемъ сидѣть въ этомъ монастырѣ! Говорю тебѣ, Леся: проси отца, чтобъ повезъ насъ за Днѣпръ къ дядѣ Гвинтовкѣ!

— Чтò мои просьбы, мамо? отвѣчала дочь.—Онъ отбудетъ меня смѣхомъ да шуткою; а вамъ бы просить его!

— Минѣ просить!... Я уже голову ему прогрызла; такъ чтò же, когда лѣнь совѣмъ одолѣла человека! Въ Кіевъ его не поднимаешь, а не то за Днѣпръ! Ты не повѣришь, Петрусью, продолжала пани Череваниха, принимаясь снова за вареники,—какъ обидѣлся дома мой Михайло. Слышалъ ты, какъ трудно сдвинуть камень, которымъ нава-

лешъ кладь? Нужно запречь двѣнадцать черныхъ воловъ отъ одной коровы. А его не сдвинешь съ мѣста никакими чарами.

И размѣялась пани Череваниха отъ своей шутки; и досады какъ не бывало. А взгляды ея по прежнему устремлялись на Петра; только, вмѣсто удивленія, въ ея лицѣ выражалось самодовольство. Она не переставала говорить съ нимъ, перебѣгая отъ одного предмета къ другому, какъ бы забавляясь неохотой, съ которой онъ отвѣчалъ ей. Его глаза и чувства стремились къ Лесѣ, но онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что не умѣетъ заговорить съ дѣвушкой.

Леся сама обратилась къ нему:

— А въ самомъ дѣлѣ мы живемъ, точно въ монастырѣ. Какой великій свѣтъ Украина! Мы объ ней только слышимъ отъ людей; а какъ бы пріятно увидѣть разные города и церкви святыхъ своими глазами! Но страшно далеко отъѣзжать отъ Кіева!

— Чего страшно? спросилъ Петро.

— А Татары?

— Если бъ я провожалъ васъ, я провелъ бы васъ такими дорогами, которыми Татары никогда не ходятъ.

— А проводилъ бы ты насъ за Днѣпръ?

— Съ дорогою душою! воскликнулъ козакъ, которому вдругъ мелькнула возможность ѣхать за Днѣпръ вмѣстѣ съ семействомъ Черевани.

— *И оцѣ бъ то сѣмѣ правда!* сказала Леся, посмотрѣвъ на него пристально.

Петру Богъ знаетъ что померещилось въ этомъ взглядѣ: вся душа его отозвалась на него. Но тутъ послышался въ сѣняхъ голосъ Черевани.

— Э, да ты, бгатику, мнѣ жениха привезъ! говорилъ онъ Шраму, заглянувъ мимоходомъ въ пекарню.—Смотри, какъ у нихъ весело! не такъ, какъ у насъ. Щебечуть, какъ воробьи. Чтѣ за чудесный вѣкъ молодецкій! Ну, Василь, веди жь ты гостей въ свѣтлицу, а я поздороваюсь съ Шрамовымъ орленкомъ.

И перевалиясь черезъ высокій порогъ, Черевани заклю—

чиль Петра въ свои мягкія объятія, и облобызалъ его трижды со всѣмъ усердіемъ своего добродушнаго характера.

— Ну, бгать, говорилъ онъ,—нечего сказать, не внизъ идешь, а въ гору! То былъ молодець, а теперь еще лучшей. Чтобъ меня Татаринъ взялъ, коли я видѣлъ на вѣку такого козака! Развѣ Сомко гетманъ... да что намъ до Сомка?—Меласю! (обратился онъ къ своей женѣ) вотъ намъ зятекъ! Лесю! вотъ женихъ тебѣ подъ пару, такъ, такъ! Га-га-га! *Бачь, бгате, який я чоловік!* самъ навиваюсь съ своимъ добромъ. *Такъ не берє жь бо ніхто, да й іоді!* Пойдемъ, бгатику, со мной въ свѣтлицу. Женское дѣло—пекарня, а намъ, козакамъ, чарка да сабля.

И, взявъ Петра подъ руку, онъ потащилъ его въ свѣтлицу.

Оглянулся козакъ, переступая черезъ порогъ, и сердце въ немъ разыграло: Леся провожала его глазами, а въ глазахъ у ней сіяла нѣжность, и видно было сожалѣніе и что-то еще такое, чего не выразить никакими словами. Очевидно полюбился козакъ красавицѣ.

Свѣтлица у Череваня не была лучше тѣхъ, какія и теперь еще можно встрѣчать въ козачьихъ хатахъ, выстроенныхъ въ тѣ времена, когда козаки не были еще мужиками (1). Свѣлокъ въ ней былъ дубовой съ рѣзьбою и надписями, изъ которыхъ одна была—текстъ изъ Псалтири: *Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудится зиждущій; аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бодрствуетъ стрегій;* а другая гласила потомству, что такого-то року (т. е. году) создася домъ сей благочестивымъ рабомъ божіимъ, войсковымъ хорунжимъ Михайломъ Череванемъ. Лавки были липовыя, со спинками; онѣ были покрыты небольшими, нарочно для того ткаными коврами. Эту роскошь вы встрѣтите и теперь еще въ старосвѣтскихъ козацкихъ хатахъ, хотя вновь уже никто изъ козаковъ не дѣлаеть лавокъ и

(1) Въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго козакъ противопоставляется мужику, какъ человекъ высшаго сословія. Въ универсалѣ гетмана Острянницы козаки названы *шляхетно-урожденными*.

ослоновъ со спишками, никто не покупаетъ *килицевъ* для нихъ. И столъ на толстыхъ точеныхъ ножкахъ, и рѣзной *божничкѣ* съ разшитымъ *рушничкомъ* вокругъ, и все въ свѣтлицѣ у Череваня было такъ точно усроено и расположено, какъ и теперъ водится у зажиточныхъ козаковъ—все, кромѣ одной особенности, о которой исчезло уже и воспоминаніе въ народѣ. По всѣмъ четыремъ стѣнамъ свѣтлицы, повыше низенькихъ оконъ, шла дубовая полка, а на полкѣ разставлены были серебряные, золотые и хрустальные кубки, коновки, флаги, подносы и разная дорогая посуда, добытая оружіемъ. Когда жгли козаки шляхетскіе дома и княжескіе замки въ Украинѣ, на Волини, на Подольи и по берегамъ Вислы, то мѣшками и приполами таскали заграничный хрусталь, золото и серебро. Совершился тогда надъ Польскимъ государствомъ судъ божій; исполнился переворотъ невѣроятный: вельможные паны перестали возсѣдать съ этими кубками за многолюдными столами, перестали покрикивать на своихъ гайдуковъ и маршалковъ, и хвалиться храбростью, окруживъ среброкованную бочку съ старымъ *венгриномъ* (1). Однихъ угнали въ Крымъ Татары, другіе пали подъ Корсунемъ, подъ Пилявцами, подъ Збаражемъ и на многихъ другихъ мѣстахъ, прославленныхъ ихъ позорною гибелью отъ руки поработеннаго ими племени; а ихъ кубки, ихъ тяжелые ковши и украшенныя гербами полуведерныя кружки изъ чистаго золота и серебра, стояли у козака въ свѣтлицѣ. Этого мало: по стѣнамъ висѣли у него ихъ сабли, пищали дорогой работы, старосвѣтскіе татарскіе *сагайдаки* (2), шитые золотомъ *рбнды* (3), нѣмецкіе аркебузы, стальные сорочки, которыхъ не разрубить никакая сабля. Но ничто не защитило вельможной, гордой шляхты отъ козаковъ и *посполитыхъ* Украинцевъ. Долго негодованіе народа возбуждало въ панахъ только наланный смѣхъ и безразсудную истительность; наконецъ зло коснулось своихъ предѣловъ, и те—

(1) Венгерскимъ виномъ.

(2) Луки.

(3) Конскій уборъ.

перь ихъ предковскіе, сбереженные многими поколѣніями мечи сіяли не у одного Череваня въ свѣтлицѣ и веселили козацкое сердце.

— А посмотри, дидусю, сказалъ Черевань, подвелъ Петра къ Божьему Человѣку, — тотъ ли это Петрусь Шрамѣнко, что переплылъ Случь подъ пулями? Ей Богу, я до сихъ поръ дивуюсь! молодой мальчикъ, и такая смѣлость! Пробрался въ польскій станъ, убилъ хорунжаго и принесъ его хоругвь къ гетману! Что же теперь онъ сдѣлаеть?

Божій Человѣкъ положилъ руку на голову молодого козака, и сказалъ: — Добрый козакъ! въ отца козакъ!... Будеть долговѣченъ и счастливъ на войнѣ; ни сабля, ни пуля его не олодѣтъ, и умреть онъ своею смертью!

— Пускай умреть, сказалъ Шрамъ, отъ сабли и отъ пули, лишь бы за доброе дѣло, за цѣлость Украинны, что разодрали на двое.

— Ну, полно, бгатицы, полно объ этомъ, сказалъ Черевань стараясь удалить отъ Шрама предметъ его безпокойства: я вамъ дамъ лучшую матерію для бесѣды.

И онъ досталъ съ полки большую серебряную кружку съ барельефами, представлявшими греческихъ вакханокъ. Крышка была украшена литою статушкою Фауна.

— Жалѣю, бгать, о твоей темнотѣ, сказалъ онъ Божьему Человѣку. Пощупай-ка руками, что это за дивная вещь. Это я въ Польшѣ такую себѣ добылъ.

— Суета суеть! сказалъ бандуристъ.

— Нѣтъ, бгатику, не суета. Вотъ какъ выпьемъ изъ этого божка по кубку, то заговоришь иначе.

— Изъ божка? сказалъ Шрамъ. Такъ этотъ чортикъ называется у тебя божкомъ?

— Пускай онъ будетъ и чортикъ, отвѣчалъ Черевань, но, говорятъ, въ старину, у Грековъ... былъ народъ Греки — такъ, примѣромъ, какъ мы теперь козаки — народъ непобѣдимый... такъ у тѣхъ Грековъ, говорятъ, онъ былъ въ большой чести.

— А у тебя ужъ не въ такой? спросилъ Шрамъ.

— Ну, нѣтъ; на меня онъ не пожалуется, а вотъ вы смотрите, не огорчите вы его!

И, обратясь опять къ полкамъ, Черевань досталъ грубо окованный серебромъ деревянный поднось, пли, какъ говорили тогда, тацу, на которой, съ козацкимъ искусствомъ, намалеванъ былъ Жидъ, дающій Запорожцу пить водку изъ боченка. Художникъ старался придать Жиду такое положеніе, по которому видно бы было, что онъ весь трясется отъ страха и отъ скупости; а надъ Запорожцемъ, прильнувшимъ губами къ бочонку, было написано: *Не трясьсь, псяюхо! губы побьешь!*

На такую-то тацу Черевань поставилъ нѣсколько серебряныхъ кубковъ-рѣпокъ, и началъ наполнять ихъ какою-то настойкою.

— Это, бгаты, говорилъ онъ, у меня не настойка, а жизнь человѣческая: мертвый ожилъ бы, выпивши добрую чарку!

И поднесъ каждому по кубку, не минуя и Василя Невольника, хотя тотъ, изъ уваженія къ своему благодѣтелю, держался подале, въ положеніи смиреннаго служки передъ игуменомъ.

— Ну, братъ Михайло, сказалъ, подкуражась немного Шрамъ, загадаю я тебѣ загадку про твоего божка—отгадай. «Стоитъ божекъ на трехъ ножкахъ. Король говорить: *утьха моя*; краля говорить: *погибель моя*.»

— Ну, бгатику, хоть убей, ничего не второбаю! Какъ ты сказалъ? «Король на трехъ ножкахъ, а краля говорить....»

— Не король, а божокъ на трехъ ножкахъ.

— А, *пекъ же ёго матері, якъ мѹдро!* Ну вотъ, вотъ, кажется, разгадаешь, да нѣтъ!... «Король говорить: *утьха моя*»... Это бѣ то, когда человѣкъ напьется, то уже тогда кричить: «Я король!» а жинка испугавшись: *Охъ погибель же моя! де жь мині тепѣрь дѣтця!*

— Какъ разъ! сказалъ Шрамъ; видно, та жинка на твою непохожа; твоя не струсила бѣ тебя, хоть бы ты былъ и королемъ!

— Еще не отгадалъ? спрашивалъ съ удивленіемъ Черевань. А ну жѣ ты самъ!

— Мнѣ-то не диво, а вотъ если бѣ ты показалъ свою презудрость!

— Моя премудрость, бгатику, сказалъ Черевань, знаетъ только налить да выпить, а тамъ себѣ умствуйте, какъ хотите: на то вы попы, на то вы мужи совѣта, на то вы головы народные.

— Не мѣшаетъ, однакожь, и не-попамъ и не-мужамъ совѣта знать, сказалъ Шрамъ, что король означаетъ здѣсь тѣло, а краля—душу. Тѣло наслаждается, когда человѣкъ предается пьянству, а душа погибаетъ.

— Правда, бгатику, ей Богу правда! сказалъ съ умиленіемъ Черевань.—Выпьемъ же еще по кубку!

Но на этотъ разъ освободила его отъ заботы угощенья хозяйка. Она взошла въ свѣтлицу, румяная и веселая, какъ солнце: на кругломъ моложавомъ лицѣ ея написано было полное довольство своимъ положеніемъ, довольство мужемъ, который не слушался ея иногда только по своей лѣни,—довольство дочкой красавицей, съ которой никто не могъ равняться ни въ Кіевѣ, ни во всей Украинѣ. Въмѣсто домашняго очипка, надѣла папи Череваниха, для гостей, корабликъ изъ дорогаго бобра; вмѣсто кофты—легкій парчевый кунтушь съ золотыми галунами по всѣмъ краямъ и съ золотыми крестами на перехватѣ. Отъ кораблика низко спускались по спинѣ бархатныя тесмы съ золотыми кистями. Череваниха въ этомъ нарядѣ была то, что называется *пани на всю юбу*.

Когда она подошла къ Шраму «подъ благословеніе», Шрамъ съ удовольствіемъ принялъ честь, подобающую его сану, но не хотѣлъ отказаться и отъ козацкаго права на поцѣлуй хозяйки. Онъ предъявилъ это право въ такой формѣ:

— Позвольте съ вами привитаться, добродійко.

А она отвѣчала:

— *Да якъ же изволите, добродію.*

И въ слѣдъ за тѣмъ поцѣловались трижды.

Череваниха немедленно вступила въ свою обязанность, поднесла гостямъ по кубку.

Черевань выпилъ кубокъ до дна, брызнулъ остаткамъ въ потолокъ и воскликнулъ:

— *Щобъ наші діти такъ выбрыкували!*

А Череваниха, держа передъ собой недопитую чарку, повела такую бесѣду:

— Такъ это вы на богомолье, пан'ѳче? Святое дѣло... Вотъ, моя дружинно (обратилась она къ мужу), вотъ какъ добрые люди дѣлають: изъ самой Паволочи, изъ какого далека, ѣдутъ молиться Богу! А мы живемъ вотъ подъ Кіевомъ, и еще не были ни разу въ эту весну у Святыхъ. Ажъ сѣромъ! Но уже, какъ себѣ хочешь, а у меня не даромъ рыдванъ обмытъ и подмазанъ: прицѣплюсь къ пану Шраму, и куда онъ, туды и я.

— *Отъ божевильне жинцтво!* сказалъ Череванъ.—«Куды онъ, туды и я!» А если панъ Иванъ махнетъ за Днѣпръ?

— Такъ що жъ? я не махну? Долго ли еще сидѣть намъ въ заточеніи? Вотъ уже въ который разъ передаетъ мой братъ черезъ людей, чтобъ пріѣхали къ нему въ гости! И почему бы не поѣхать?

— Да ей Богу, Меласю, говорилъ Череванъ,—я радъ бы душею, коли бъ меня кто взялъ да и перенесъ къ твоему брату подъ Нѣжинъ. Говорять, и живетъ онъ хорошо,—таки совсѣмъ по пански. Не даромъ его козаки прозвали княземъ.

— Какъ будто его за достатокъ княземъ зовутъ! сказала Череваниха:—у него жинка—княгиня, Полька изъ Волини. Какъ руйновали наши Волинь, такъ онъ захватилъ себѣ какую-то бѣдняжку княгиню,—да и красавица, говорятъ, на диво! вотъ козаки и прозвали его княземъ.

— Князь Гвинтовка! сказалъ засмѣявшись Череванъ.—То были Вишневецкіе да Острожскіе, а теперъ пошли князя Гвинтовки. Знай нашихъ! А добрая, говорятъ, душа вышла съ той княгини. Поѣхалъ бы къ Гвинтовкѣ хоть сей часъ, когда бъ не такая страшная даль. Подъ Нѣжиномъ... шутка?

Въ это время заскрипѣла дубовая дверь съ намалеванными на ней Адамомъ и Евою посреди рая, и взошла въ свѣтлицу красавица дочка Черевана. Она тоже принарядилась для гостей въ дѣвичій кунтушъ, съ большимъ выкатомъ, открывавшимъ весь бюстъ, сквозившій изъ-подъ тонкихъ складокъ сорочки, и часть груди, перекрещенной

золотымъ снуркомъ по сорочкѣ, съ кокетливостью, которой учить женщинъ сама природа. Яркозеленый шелкъ кунтуша, малиновый корсетъ, видный почти весь изъ-подъ его запахнутыхъ полъ, и раздѣлявшая его бѣлая полоса съ золотымъ шнурованьемъ,—этотъ нарядъ былъ внушенъ нашимъ прабабушкамъ распускаящимися маковыми цвѣтами! Хвала ихъ вкусу, простому и изящному!

— А вотъ и моя краля! сказалъ Череванъ, идучи къ Лесѣ на встрѣчу.

Въ свѣтлонку входить,
Якъ зоря встѣдять;
Въ свѣтловку ввійшла—
Якъ зоря ввійшла!

А що, бгать? развѣ не чѣмъ похвалиться на старости Череваню?

Шрамъ не отвѣчалъ на это ничего и молча любовался красотой дѣвушки, когда она подошла къ нему за благо-словеніемъ.

Красавица потупила глаза и наклонила внизъ голову, какъ полный цвѣтокъ къ травѣ. Она какъ-будто тяготилась сознаниемъ, что она такъ очаровательна,—какъ-будто старалась скрыть блескъ красоты своей. Но красота ея сіяла какъ-бы сверхъ-естественнымъ блескомъ, и никто не могъ оторвать отъ нея глазъ. Наконецъ отецъ велѣлъ ей попотчивать гостей, какъ говорилось тогда, *изъ близьхъ рукъ*. Это была самая высокая честь въ старинномъ гостепрѣимствѣ.

Шрамъ осушилъ кубокъ съ видимымъ удовольствіемъ и сказалъ:

— Ну, братъ Михайло, теперь и я скажу, что тебѣ есть чѣмъ похвалиться на старости.

Череванъ отъ удовольствія только смѣлся.

— А что жъ: пріятель? продолжалъ Шрамъ, хоть у меня теперь на рукахъ другія хлопоты, но — чтобъ не упустить счастливой минуты—не отдашь ли ты свою кралю за моего Петра?

— А почему жъ не отдать, бгате? Развѣ ты не Шрамъ, а я не Череванъ?

— Такъ чего жъ долго думать? давай руку, свате!

Сваты обнялись и поцѣловались. Потомъ Шрамъ взялъ за руку сына, а Черевань дочь, и свели ихъ вмѣстѣ, въ полной увѣренности, что и та и другая сторона согласны съ ихъ желаніями.

— Боже васъ благослови! говорили они. Поцѣлуйтесь, дѣти.

Петру это внезапное сватовство казалось сповидѣніемъ; онъ не помнилъ себя отъ радости. Но Леся съ испугомъ посмотрѣла на отца и напомнила ему, что матери не было въ свѣтлицѣ. Въ самомъ дѣлѣ Череваниха, улучивъ минуту, выбѣжала въ кухню къ своимъ *дівчатамъ*, чтобъ распорядиться приготовленіемъ *вечѣри*.

Отсутствіе матери было въ глазахъ обоихъ сватовъ важнымъ препятствіемъ къ обрученію. Но пани Череваниха летала мухою по всему дому, успѣвая хлопотать за десятерыхъ, и какъ разъ во время показала въ свѣтлицѣ.

— Меласю! сказалъ ей мужъ, видишь ли, что тутъ у насъ совершается?

— Вижу, вижу, пышный мой панъ! отвѣчала жена, и тотчасъ же овладѣла рукою дочери.

Смотритъ Петро: куда же дѣвалась нѣжность въ глазахъ у Леси? куда дѣвалось сожалѣніе и то чувство, котораго никакими словами не выразишь? Она склонила голову на плечо къ матери и играетъ ея ожерельемъ, а на него и не взглянетъ. Гордо приподнялась ея нижняя губка: красавица была обижена сватовствомъ.

— Ну, нечего сказать, пане полковникъ, обратилась Череваниха къ Шраму, скоро вы съ своимъ сыномъ берете города. Только мы вамъ докажемъ, что женское царство стоитъ на свѣтѣ крѣпче всякаго другаго.

Черевань восхищался бойкостью своей половины и только издавалъ свои густые: га-га-га! Но Шрамъ былъ недоволенъ переменною дѣйствующими лицъ и сказалъ:

— Врагъ меня побери, коли съ виною крѣпостью не легче совладать, чѣмъ съ бабою! Какой же вы намъ сдѣлаете отпоръ? Чѣмъ я вамъ не свать? чѣмъ сынъ мой не женихъ вашей дочкѣ?

Когда Шрамъ говорилъ, Черевань смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза; и потомъ съ такимъ же вниманіемъ обратилъ ихъ на свою хозяйку. Прочіе также выражали ожиданіе, чѣмъ это кончится, а молодые стояли, потупя глаза.

— Пане полковникъ, пріятель нашъ почтенный, сказала Череваниха, стараюсь говорить какъ можно ласковѣе,—не къ тому тутъ клонится рѣчь; съ дорогою душею готовы мы отдать тебѣ свое дитя, только нужно сдѣлать это по-христіански. Наши дѣды и бабушки, когда думали заручать дѣтей, то сперва ѣхали всею семьєю на богомолье въ монастырь, или къ чудотворному образу; тамъ усердно молились Богу,—вотъ Богъ давалъ ихъ дѣтямъ и здоровье и согласіе на всю жизнь. Дѣло это святое, сдѣлаемъ же и мы его попредковски. Отправимся завтра всѣ гуртомъ въ Кіевъ, отслужимъ въ пещерахъ святымъ угодникамъ молебень, да тогда уже и за сватовство.

Такая рѣчь совершенно смягчила Шрама.

— Ну, нечего сказать, Михайло, обратился онъ къ Череваню, благословилъ тебя Господь дочкою, да не обидѣлъ и жинкою!

— Га-га-га! отвѣчалъ Черевань.—Да, бгать! моя Мелася не уронила бъ себя и за гетманомъ!

— *По сій же мові да буваймо здорови!* сказала Череваниха, поднося гостямъ кубки.

— *Щобъ нашимъ ворогамъ було тяжко!* какъ говорить мой свать, воскликнулъ Шрамъ, выпивши до дна кубокъ.

— *А діти наши нехай оттакъ выбрыкують!* прибавилъ Черевань, брызнувши водкою въ потолокъ.

— Аминь, заключила хозяйка.

Такимъ образомъ нечаянное сватовство остановилось на неопредѣленныхъ условіяхъ. Ни Черевань, ни старый Шрамъ не сомнѣвались, что оно совершится въ свое время; но не такъ думалъ Петро: онъ тотчасъ догадался, что у Череванихи есть другой зять на примѣтѣ. Печальный отошелъ онъ къ прежнему мѣсту, и въ одну минуту жизнь покрылась для него мракомъ, какъ будто до сихъ поръ онъ только и дышалъ этой дѣвушкой. Леся ушла изъ

свѣтлицы и не явилась къ ужину. А послѣ ужина тотчасъ всѣ разошлись спать.

Старому Шраму и Божьему Человѣку приготовили постели въ свѣтлицѣ, а Петру вмѣсто всякой постели предложили идти спать подъ скирду сѣна. Въ тѣ времена простоты нравовъ это былъ самый лучшій ночлегъ для молодаго козака.

На другой день, возвратясь въ свѣтлицу, Петро не нашелъ тамъ уже въ компаніи Божьяго Человѣка. Бандуристъ ушелъ изъ хутора еще до восхода солнца. Всѣ были готовы къ выѣзду; только старшій Шрамъ, стоя передъ образомъ, доканчивалъ въ полъ-голоса свои утреннія молитвы. На полкахъ оставлены были только оловянные, стеклянные и глиняныя фляги, кубки и ковши, со стѣнъ исчезли дорогіе мушкеты, панцыри и сагайдаки. Все это, по случаю отсутствія хозяина изъ дому, перенесено было въ подземныя тайники, безопасныя отъ набѣга Татаръ или шайки гайдамакъ, никогда не переводившихся въ Малороссіи.

Старшій Шрамъ велѣлъ сыну сѣдлатъ коней, и едва онъ съ этимъ управился, какъ и Василь Невольникъ явился на дворѣ съ рыдваномъ. Козаки той эпохи такъ обогатились военною добычею, вытѣсняя польскихъ пановъ изъ Украйны, что ихъ семейства нерѣдко разлѣзжали въ княжескихъ рыдванахъ. И странно было видѣть геральдическія украшенія на этихъ рыдванахъ, у людей, которые считали эти символы простыми цапками. Гдѣ было теперь семейство, которое гордилось львами и пушками, изображенными въ гербѣ череванева рыдвана? Можетъ быть, и ния его исчезло вмѣстѣ съ его благоденствіемъ.... Череванъ и Шрамъ, верхами, открыли поѣздъ; Петро хотѣлъ присоединиться къ нимъ, но какъ будто противъ воли остался у рыдвана, гдѣ вмѣсто кучера занялъ Василь Невольникъ.

Хуторъ остался подъ охраненіемъ пастуховъ, пасичника и служанокъ.

Череванъ не торопился ѣхать, изъ уваженія къ своей полновѣсной особѣ; поѣздъ подвигался впередъ медленно и представлялъ довольно красивую группу. По лѣсу разда-

валось пѣніе птицъ. Солнце играло на одеждахъ, нарядахъ и вооруженіи путниковъ. Поередѣ свѣжей весенней зелени еще ярче горѣлъ пурпуръ сукна и шелку, золотилась парча и блистали розы щекъ и свѣжихъ устъ красавицы, которая была такъ хороша въ своемъ аломъ кунтушѣ и черномъ сверху открытомъ корабликѣ, поднимавшемся посреди пышныхъ ея косъ напоподобіе короны (1), что всѣ прочіе богомольцы казались подлѣ нея подланными, сопровождавшими свою княгиню. Можно бы подумать, что это древняя Ольга Игориха выѣзжала погулять по заподѣннымъ кievскимъ дугамъ, и возвращается въ свою столицу, въ сопровожденіи кормилицы и приближенныхъ бояръ своихъ.

Долго Петро ѣхалъ подлѣ рыдвана молча. Мать и дочь тоже не находили, о чемъ заговорить съ нимъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и еказалъ, обратясь къ Череванихѣ:

— Пани-матко! вчера дѣло пошло было на ладъ, но по твоей милости все развазалось, и не знаю, свяжется ли когда нибудь. Не по правдѣ вы дѣлаете, не во гнѣвъ вамъ будь сказано. Я къ вамъ съ искреннимъ сердцемъ, а вы съ хитростью. Скажи мнѣ на отрѣзъ, такъ чтобъ и спрашивать больше было не о чемъ, что у тебя на умѣ? думаешь ли ты отдать за меня Лесю, или у тебя есть другой жемухъ на примѣтѣ.

— И есть и нѣтъ, и нѣтъ и есть, отвѣчала Череваниха, не обращая вниманія на волненіе, съ которымъ говорилъ бѣдный искатель.

— Что это за загадка? вскричалъ онъ. Говори мнѣ прямо, какъ козаку и рыцарю! Хоть я и такъ готовъ распрощаться съ вами на вѣки, но не знаю, почему желалъ бы,

(1) Дѣвушки носили очень легкіе мѣховые, или бархатные, кораблики съ открытыми тульями; молодыя женщины носили кораблики сверху закрытые, а старухи дѣлали изъ нихъ просто шапочку и надѣвали на уши. Въ домашнемъ архивѣ пановъ Хаенковъ сохранилось преданіе, что одна дѣвушка, въ доказательство любви своей, позволила одному изъ предковъ Хаенковъ сбить у нея съ головы корабликъ стрѣлою. Изъ этого видно, что дѣвическіе кораблики надѣвались, какъ корона.

чтобы и послѣдняя нитка между нами была перерѣзана. Еще я могу быть свободенъ, какъ соколъ, если вы мнѣ скажете на отрѣзъ—*нѣтъ*; но пока будете путать меня своими загадками, я все равно, что медвѣдь въ тенетахъ. Скажите жъ мнѣ прямо, скажите, кто у васъ на мысляхъ?

— Э, *паниченку!* сказала безпечно Череваниха, обожди немножко! Еще рано тебѣ брать насъ на исповѣдь!

Можетъ быть, никогда въ жизни не случилось Петру блѣднѣть, но теперь щеки его сдѣлались подобны воску. Леся это замѣтила, и, взглянувъ на мать, покачала головою.

Улыбнулась гордая мать, и, какъ бы желая нѣсколько утѣшить козака, сказала съ шутливою короткостью:

— Но, какъ ты непременно хочешь знать всѣ женскія тайны, то вотъ тебѣ исторія. Леся моя родилась подъ чудною планетою. Приснился мнѣ сонъ дивный, предивный. Слушай, Петрусь, да на усь мотай. Кажется, будто посреди поля курганъ; на курганѣ стоитъ панна, а отъ панны сіяетъ, какъ отъ солнца. И сѣзжались козаки и славные рыцари со всего свѣта, отъ Подолья, отъ Волини, отъ Сѣвера и отъ Запорожья; покрыли, кажется, все поле, какъ макъ покрываетъ грядку въ огородѣ, и стали биться одинъ на одинъ, кому достанется ясная панна. Бились не часъ, не годину, не день и не два, какъ откуда ни возмись молодой гетманъ на конѣ. Всѣ преклонились передъ нимъ, а онъ прямо къ кургану, и взялъ ясную панну. Такой, видишь, былъ мнѣ сонъ-видѣніе! Проходитъ день, другой—не могу забыть его! Ударилаесь я къ ворожкѣ. Что же ворожка, какъ ты думаешь?

— Я думаю только, отвѣчалъ Петро, что ты, пани-матко, меня морочишь; вотъ и все!

— Нѣтъ, не морочу, козаче. Слушай, да на усь мотай, что сказала ворожка. «Этотъ сонъ пророчить тебѣ дочку и зятя. Дочка у тебя будетъ на весь свѣтъ красою, а зять на весь свѣтъ славою. Будутъ сѣзжаться въ городъ Кіевъ со всего свѣта паны и гетманы, будутъ дивоваться красѣ твоей лони, будутъ дарить ей серебро-золото, но никто не сдѣлаетъ ей подарка дороже того, который сдѣ-

ласть суженый. Суженый будетъ ясенъ красою между всѣми панами и гетманами : вмѣсто глазъ звѣзды , на лбу солнце , на затылкѣ мѣсяць.» И вотъ въ самомъ дѣлѣ далъ мнѣ Богъ дочку—сбылись слова старой бабуси: какъ бы только не сглазить? Самъ видишь—не послѣдняя между дѣвушками. Немного погода, зашумѣло на Украинѣ, и стали съѣзжаться въ Кіевъ паны и гетманы—сбылись и другія слова. ворожки : всѣ дивовались на мою Лесю , хоть она была тогда еще дитя ; всѣ дарили ей серги , перстни и кораллы , но никто такъ ею не восхищался , какъ тотъ гетманъ , котораго я видѣла во снѣ ; и онъ-то подарилъ ей это каменное намисто. Дороже всѣхъ былъ его подарокъ , и краше всѣхъ былъ молодой гетманъ. Вмѣсто глазъ звѣзды , на лбу солнце , на затылкѣ мѣсяць—еще разъ сбылись слова ворожки. Всѣхъ пановъ и гетмановъ затемнялъ онъ красою. И говоритъ мнѣ : «Не отдавай , пани-матко , своей дочки ни за богатаго , ни за знатнаго , не буду жениться , пока выростеть , и буду ей вѣрною дружиною.» Дай же , Боже , чтобъ и это сбылось на счастье и на здорье.

Въ это время богомольцы наши достигли горъ , которыя идутъ рядомъ дикихъ картинъ отъ Кирилловскаго монастыря до Подола , и передъ ними открылся во всей красѣ видъ Кіева съ своими церквами и монастырями , съ замкомъ на горѣ Киселевкѣ , съ деревянными стѣнами и башнями , обнимавшими вокругъ Подоль ; и съ дальнимъ планомъ горъ , покрытыхъ лѣсомъ , посреди котораго тогда стояли Никольскій и Печерскій монастыри , нынѣ окруженные расширившимся Кіевомъ. Солнце еще только что выкатилось изъ-за деревьевъ , и все въ его розовомъ сіяніи—сады , церкви , горы кіевскія и дома горѣли , какъ золототканная парча.

Всѣ сотворили усердную молитву , кромѣ Петра , котораго странный разсказъ Череванихи огорчилъ до глубины души и утвердилъ его въ горестной догадкѣ. Онъ бросилъ рыдванъ и присоединился къ верховымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всі покійо широ прагнуть,
 Да не въ одинъ гужь всі тягнуть, —
 Той направо, той наліво,
 А все братія—тѣ-то диво!
 Эй, братища, порá знати,
 Що не всімъ намъ павовати!

Сжалься, Боже України,
 Що не вкупі має сѣны!

Старинная пѣсня.

Весело и грустно вспоминать намъ тебя, старый нашъ дѣдушка Кіевъ! Много разъ покрывала тебя великая слава, а еще чаще собирались надъ тобой со всѣхъ сторонъ бѣдствія. Сколько князей, сколько рыцарей и гетмановъ, сражаясь за тебя, обезсмертили имена свои! и сколько пролито на твоихъ древнихъ стогнахъ крови христіанской! Не будемъ вспоминать о твоихъ Олегахъ, Святославахъ, Владимірахъ; не будемъ пересчитывать половецкихъ набѣговъ и опустошеній. Ту славу и тѣ бѣдствія заглушилъ въ нашемъ народѣ татарскій погромъ, когда безбожный Батый вломился въ твои Золотыя Ворота. Переполюняютъ нашу душу горячими чувствами и недавнія твои воспоминанія—воспоминанія о битвахъ за свободу нашей Церкви и національности. Много надѣлала тебѣ бѣдъ, нашъ родной Кіевъ, безумная унія! Она, вмѣсто соединенія церквей, воспламенила только страсти съ обѣихъ сторонъ и превратила святую ревность къ вѣрѣ въ жестокой фанатизмъ. Уніаты и католики обыкновенно набѣжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли изъ нихъ православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовныя школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ битвахъ и тревогахъ, и кіевскія святыни, потерпѣвшія въ старыя годы

отъ Татаръ , не только не возстановлялись , а приходили еще въ большій упадокъ.

Монахъ Кіевопечерскаго монастыря , Аѳанасій Кальнофойскій , описывая въ своей «Тератургимѣ» (1) тогдашній Кіевъ , и упоминая о многихъ древнихъ церквахъ , въ одномъ мѣстѣ говоритъ , что отъ такой-то церкви «остались едва стѣны , а развалины покрыты землею» , въ другомъ — что церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся «погребенными навѣки» ; наконецъ , дошедши до конца старокіевской возвышенности , бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподоль , называя его «жалостнымъ» , и говоритъ , что онъ едва ли достоинъ имени Кіева , «въ которомъ , по его словамъ , лѣтъкогда было церковей болѣе 300 каменныхъ , 100 деревянныхъ , а нынѣ всѣхъ едва ли 13».

Украинская лѣтопись также , въ немногихъ словахъ , но живо , изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіева около половины XVII вѣка . «Прииде же , говоритъ она , Хмѣльницкій въ Кіевъ , благодареніе Богу воздавая , давшему ему побѣду , и , видѣвши красоту церковей божіихъ опустошенну и на землю поверженну , плакася.»

Послѣ несчастной Берестечской битвы , Радзивиль съ своими Литвинами изливъ всю свою месть на Кіевъ : городъ былъ разграбленъ и выжженъ безъ всякой пощады , а жители , спасшіеся отъ меча и пламени , сѣли на лодки , и ушли внизъ по Днѣпру къ Переяславу.

Съ того несчастнаго года прошло только двѣнадцать лѣтъ до описываемаго мною времени , и слѣды пожара еще не исчезли . Въ строеніяхъ весьма часто чернѣли обгорѣлыя бревна между свѣжими брусьями . Мѣстами видны были обожженные сады и пустыри , съ развалинами домовъ и съ торчащими безобразною грудю печами .

Кіевъ тогда немногимъ отличался отъ деревни—отличался только своими церквами и монастырями , деревяннымъ замкомъ на горѣ Киселевкѣ и деревянными стѣнами вокругъ города , съ башнями и бойницами . Что же касается до

(1) Напечатанной въ 1638 году въ Кіевопечерской типографіи.

устройства улицъ, то онѣ напоминали своимъ расположеніемъ теченіе извиистой рѣки. Линіи ихъ образовались случайно, а не по предназначенному плану. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были очень тѣсны, въ другихъ расширялись на такое пространство, какъ далеко можно бросить рукою камень.

Выѣхавъ на одинъ изъ такихъ пустырей, называвшихся *майданами*, богомольцы наши, къ удивленію своему, увидѣли, что онъ весь загроможденъ возами, волами и лошадьми, какъ на ярмаркѣ. Шрамъ послалъ сына впередъ прочистить дорогу; но это не такъ-то легко было сдѣлать. За возами, у дверей одной хаты, сидѣла толпа народа вокругъ ковра, уставленнаго судеями, кружками, чарками и разнаго рода посудой. Не трудно было догадаться, что хозяинъ той хаты даетъ открытый пиръ по какому-нибудь торжественному въ семействѣ своемъ случаю. Въ тѣ времена существовалъ обычай, по которому глава семейства, въ изъявленіе своей радости о рожденіи сына или дочери, о богатомъ урожаѣ и счастливомъ окончаніи уборки хлѣба, или по какому-нибудь подобному случаю, разстилалъ у порога своей хаты скатерть или коверъ, становилъ на немъ разныя кушанья и напитки, и пригласилъ выпить и закусить всякаго, кто проходилъ или проѣзжалъ мимо.

Веселая компанія, заграждавшая дорогу нашимъ богомольцамъ, состояла изъ однихъ мѣщанъ, что можно было видѣть во первыхъ потому, что, кромѣ ножей у пояса, у нихъ не было другаго оружія: одни козаки и паны имѣли право ходить при саблѣ, мѣщанамъ же позволялось носить оружіе только въ дорогѣ; во вторыхъ потому, что пояса ихъ повязаны были по жупану, а кунтуши надѣты были на распашку: въ то время одни козаки и паны опоясывались поясомъ по кунтушу; мѣщанинъ же не смѣлъ этого сдѣлать, изъ опасенія соры съ какимъ-нибудь забіякою изъ другаго сословія; наконецъ въ третьихъ потому, что въ одеждахъ ихъ не было краснаго цвѣту, составлявшаго принадлежность высшаго сословія: мѣщане носили тогда платья синихъ, зеленыхъ и коричневыхъ цвѣтовъ, а больше

всего лычаковые (1) кунтуши и жупаны, почему козаки и паны прозвали мѣщанъ *лычаками*, а тѣ ихъ — *кармази-нами* (2).

Петро сказалъ пирующимъ громкое привѣтствіе, чтобы покрыть своимъ голосомъ ихъ шумный говоръ, и, когда нѣсколько головъ оборотилось къ нему, онъ адресовался къ нимъ съ такою рѣчью:

— Пане хозяине, и вы, шанѣвная громада, просить Паволочскій Шрамъ пропуска черезъ вашъ таборъ.

При имени Шрама, извѣстномъ каждому въ Украинѣ, нѣсколько человекъ поднялось съ любопытствомъ на ноги; и хозяинъ, котораго можно было узнать потому, что онъ вмѣсто жупана и кунтуша былъ только въ синихъ китайчатыхъ шароварахъ и въ бѣлой сорочкѣ съ красною лентою у воротника, сказалъ:

— Гдѣ жъ тотъ Шрамъ? мы видимъ передъ собою только развѣ десятую долю Шрама.—Онъ узналъ Петра и отпустилъ ему на счетъ отца мѣщанскую похвальную прибаутку.

— Какую десятую! подхватили веселые гости, развѣ сотую!

— И сотой нѣтъ! кричали многіе голоса. И изъ тысячи такихъ красныхъ жупановъ не сошьешь стараго Шрама!

Всѣ были довольны такою выходкою, какъ это видно было по смѣху, пробѣжавшему въ толпѣ.

Въ это время подѣхалъ самъ полковникъ-попъ. Гости, едва завидѣли его сѣдую бороду, тотчасъ вышли къ нему на встрѣчу, подъ предводительствомъ хозяина, вооруженнаго большею сулеею и глинянымъ кубкомъ.

— Вотъ онъ, нашъ старій Шрамъ! кричало нѣсколько голосовъ, вотъ нашъ батько!

— Ге, Тарасъ! сказалъ Шрамъ, узнавъ въ хозяинѣ стараго трубача охочекомонныхъ козаковъ своихъ, по имени Тараса Сурмача, — противъ кого это ты заложилъ таборъ? Кажется жъ тихо на Украинѣ?

(1) Матерія лычакъ дѣлалась изъ пеньки, и замѣняла для небогатыхъ людей сукно.

(2) Кармазанъ—красное сукно, цвѣнившееся въ старину очень дорого.

— Гдѣ тебѣ тихо, пане полковникъ! отвѣчалъ Тарась Сурмачъ.—Сегодня родился у меня такой рыцарь, что вся земля затряслась (1). Далъ мнѣ Богъ сына, такого жъ какъ и я Тараса. «Колимышъ головы не откусить», то и онъ будетъ побатьковски трубить козакамъ на приступы, да и теперь уже трубить на всю хату!

— Пускай великъ ростеть да счастливъ будетъ, сказалъ Шрамъ.

— Чѣмъ же тебя потчивать, пане полковникъ, «ой чи медомъ, ой чи пивомъ, ой чи горілкою?»

— Ничѣмъ не потчивай меня, Тарась.

— Какъ-то ничѣмъ? Развѣ зарокъ положилъ? спросилъ съ удивленіемъ Сурмачъ.

— Не зарокъ, Тарась, а то, что, вступивши въ Кіевъ, всякому христіянину должно сперва поклониться церквамъ божіимъ.

— Добродію мой любезный, говорилъ старый Сурмачъ,— коли бъ я зналъ, что такая мнѣ будетъ на старости честь отъ полковника Шрама — врагъ меня побери, когда бъ я затрубилъ вамъ хоть на одинъ приступ! Развѣ жъ ты не радъ моему Тараску, что не хочешь покропить его пеленокъ? Тебѣ видно все равно, выростеть ли изъ него добрый козакъ, или закоряветъ, какъ жидовчѣ!

— Радъ я ему отъ всей души, пошли ему Богъ счастье и долю; но не та пора, чтобъ пить.

— Для добраго дѣла всегда пора. Смотри, сколько возовъ стоятъ вокругъ моей хаты! Никто не отцурался моей хлѣба-соли. Иной на ярмарку ѣхалъ, иной въ лѣсъ за лоною на огорожу, иной на мельницу съ мѣшками; но когда нужно привитать новаго человѣка, то пусть ярмаркуеть себѣ кто хочетъ, пусть свиньи лазятъ въ огородъ, а жинка рветъ на себѣ волосы: тутъ понужнѣе дѣло зашло; надо стараться, чтобъ новому человѣку не горько было на свѣтѣ жить. А то скажетъ: «Вотъ у меня сякой такой батько

(1) Народъ думаетъ, что рожденіе великаго человѣка всегда знаменуется землетрясеніемъ или кометою. См. «Записки о Южной Руси», т. I, стр. 163.

былъ! поспешилъ отпраздновать, какъ слѣдуетъ, мои родины, а теперъ и ѣшь хлѣбъ пополамъ со слезами!»

— Образумься, ради Бога, Тарасъ! сказалъ Шрамъ, начившій терять терпѣніе. Пристало ли человѣку, пріѣхавши на поклоненіе святымъ угодникамъ....

— Да что ты, кумъ, возлѣ него пѣнькаешь? сказалъ Тарасу чей-то грубый голосъ. — Развѣ ты не знаешь, что все это значить? Это значить: знай нашихъ! это значить— кармазины! вотъ что! это значить — нашъ братъ имъ не компанія! вотъ что!

— Чортъ возьми! вскричало еще нѣсколько голосовъ, потому что ньяная чернь вспыхиваетъ какъ порохъ отъ одной искры, — такъ мы тогда только компанія кармазинамъ, когда нужно ихъ выручать изъ лядскаго ярма?

— Хе! сказалъ хозяинъ. — Если такъ, то чего-жъ намъ возлѣ нихъ пѣнькать?

— Къ чорту всѣхъ кармазиновъ! раздались буйные голоса. Они только умѣютъ побрякивать саблями. А гдѣ они были, эти проклятые брязкуны, какъ проклятый Радзивиль загремѣлъ изъ пушекъ въ городскія ворота?

Закипѣло у Шрама сердце, когда услышалъ онъ такія рѣчи.

— А вы жъ, проклятые салогубы, вскричалъ онъ, гдѣ были въ то время, когда Ляхи обгорнули насъ, какъ жаромъ горшокъ, подъ Берестечкомъ? гдѣ вы тогда были, какъ припекли насъ со всѣхъ сторонъ—что мало не половина войска выкипѣли? гдѣ вы тогда были? Вы тогда звѣнѣли талаями да дукатами, что набрали отъ козаковъ за гнилыя подошвы и дырявыя сукна! А Радзивиль пришелъ, такъ вы и разу не отвѣтили ему изъ пушки! Подлые трусы! вы добровольно отдали Радзивилу оружіе и, какъ безсильныя бабы, просили пощады у Литвиновъ! А когда Кіевъ запылалъ, и Литвины принялись душить васъ, какъ овецъ, въ то время кто подоспѣлъ къ вамъ на помощь, если не козаки? Бѣдный Джелжелій съ горстью своихъ сѣрмахъ влетѣлъ въ Кіевъ, какъ голубъ въ свое гнѣздо за коршунномъ. А вы поддержали его, подлые зайцы? Дурень былъ

покойникъ! если бы я, я не Литвиновъ бы рубилъ, а васъ, бѣсовы дѣти! я научилъ бы васъ защищать то, что отвоевали вамъ козаки!

— Какой дьяволъ отвоевывалъ намъ наше добро, кромѣ насъ самихъ? кричали мѣщане. Отвоевали козаки! да кто жъ были тѣ козаки, коли не мы сами? Это теперь, по милости вашей, мы не носимъ ни сабель, ни кармазину. Козачество вы для себя припрятали, а мы изволь строить своимъ коштомъ стѣны, палисады, башни, платить чиншъ и чортъ знаетъ еще что! А почему бы намъ, такъ же какъ и козакамъ, не привязать къ боку саблю, и не сидѣть, сложа руки?

— Козаки сидятъ, сложа руки? возразилъ Шрамъ. *Щобъ вы такъ по правді дыхали!* Коли бъ не мы, то давно бъ васъ чортъ побралъ! давно бъ васъ Ляхи съ недоляшками задушили, или Татары перехватили! Неблагодарныя твари! Да только козацкою храбростью и держится русскій народъ на Украинѣ! а безъ нихъ тутъ бы сидѣлъ Ляхъ на Ляху! Изволь имъ дать права козацкія! Сказали бъ вы это батьку Хмѣльницкому! онъ бы какъ разъ потрошилъ на вашихъ безмозглыхъ головахъ булаву свою (*)! Гдѣ это видано, чтобъ весь народъ имѣлъ одинакія права? Всякому свое: козакамъ сабля и конь, вамъ счеты и вѣсы, а поспѣльству плугъ да борона.

— Коли всякому свое, пане Шраме, сказалъ Тарасъ Сурмачъ, размахивая сулеею и обливая себя вишневою, — коли всякому свое, то почему жъ намъ саблю и козацкую вольность не считать своими? У козаковъ не было войска — мы сѣли на коней и стали подъ ихъ корогами (**); у козаковъ не было денегъ — мы доставили имъ и деньги и оружіе; вмѣстѣ воевали Поляковъ, вмѣстѣ терпѣли всякія невзгоды. А когда пришлось къ расчету, то козаки остались козаками, а насъ въ поспѣльство повернули! Что жъ мы такое? развѣ мы не тѣ же козаки?

— Развѣ мы не тѣ же козаки? подхватили гости, заложа

(1) Намекъ на событія при заключеніи Бѣлоцерковскаго мира, когда Хмѣльницкій гетманской булавою защитилъ отъ черны польскихъ пословъ.

(2) Хоругвами.

гордо за пояса руки. Кто жилъ прежде съ нами за панибрата, тотъ теперь гордуется нашею компанією!

Шрамъ нѣсколько разъ начиналъ говорить, но потокъ общаго негодованія былъ такъ стремителенъ, что уносилъ его слова недокопченными.

— Постойте, постойте, паны кармазины! заревѣлъ, какъ бы въ заключеніе этого нестройнаго концерта, грубый голосъ толстаго мѣщанина, — мы вамъ поуменьшимъ гордости! Не долго вамъ орудовать нами: *добрые молодцы* не дадутъ намъ загнута. Будетъ у насъ *черная рада*: тогда посмотримъ, кому какія права достанутся.

— Ого!... сказалъ Шрамъ: — вонъ оно къ чему дѣло клонится!

— А то жъ якъ? говорили, стоя козыремъ, мѣщане. Не все только козакамъ на радахъ орудовать. Оглянулись и на насъ сѣчевые братчики...

И посмотрѣли на чубатаго Запорожца, который сидѣлъ на порогѣ, куря коротенькую люльку, и по видимому, не обращалъ никакого вниманія на споръ своихъ собутыльниковъ.

— Эге-ге! такъ вотъ откуда вѣтеръ дуетъ! сказалъ въ полъ-голоса Шрамъ, и душа его наполнилась самыми горькими предчувствіями. Запальчивость его въ одно мгновеніе исчезла и уступила мѣсто горячей любви къ роднѣ, которой угрожалъ раздоръ народныхъ партій, раздуваемый, какъ онъ увидѣлъ, Запорожцами.

— Почтенная громада! сказалъ онъ ласково, не думалъ я и въ умѣ не полагалъ, чтобъ Кіевляне пошановали этакъ мою старость!... Давно ли мы вѣзжали сюда съ батькомъ Хмільницкимъ? тогда встрѣчали насъ съ радостными слезами и съ благословеніями; а теперь стараго Шрама вы ни во чтѣ уже ставите!

— Батько ты нашъ любезный! отвѣчалъ ему старый Сурмачъ, который живѣе всѣхъ былъ тронуть такимъ оборотомъ рѣчи, — кто жъ тебя ни во чтѣ ставить? Развѣ это къ тебѣ говорится? *Есть* такіе, чтѣ душатъ насъ, взявши за шею, а ты никому никакого зла не слѣлалъ. Не смотри на ихъ крикъ: *мало чога не буває, що п'яний співає!* По-

ѣзжай себѣ съ Богомъ, поклонись церквамъ божіимъ, да и за насъ грѣшныхъ прочитай святую молитву.

Въ это время Черевань, соскучась долго ждать развязки спора, подѣхалъ къ Шраму и окружающимъ его мѣщанамъ, и сказалъ:

— Бгатцы! ка'знае за що вы сердитесь! Обождите только, пока мы съѣдимъ къ церквамъ божіимъ, а потомъ я готовъ съ вами сѣсть отгуть, и не знаю, кто въ Кіевѣ, кромѣ вашего войта, перепѣетъ Череваня.

Мѣщане уже взяли свое, облегчили крикомъ сердце; а Черевань притомъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Кіевлянъ. Былъ онъ чловѣкъ подтѣливый, некичливый, любилъ употчивать всякаго, кто ни показывался въ его хуторѣ, а иногда готовъ былъ и на такія пожертвованія, какое слѣлалъ для Василя Невольника. И потому буйная компанія Тараса Сурмача приняла съ нимъ самый дружественный тонъ.

— Вотъ панъ, такъ панъ! кричали голоса. Дай Богъ и по вѣкъ видѣть такихъ пановъ! нѣтъ въ немъ ни капли гордости!

— За то жъ ему Богъ далъ и такую золотую пани, говорили нѣкоторые, стараясь замазать прежнія грубыя выходы противъ кармазиновъ.

— За то жъ ему Богъ далъ и такую дочку: краше маку въ огородѣ! прибавляли другіе.

— Ну, пропустите жъ насъ, когда такъ, сказалъ нетерпливый Шрамъ.

— Пропустите, пропустите ясныхъ пановъ, говорилъ Тарасъ Сурмачъ, и принялся первый отолвигать прочь возы.

Пробравшись сквозь подгулявшую толпу мѣщанъ, Шрамъ долго ѣхалъ, потупя голову. Неожиданная сцена сильно его опечалила. Наконецъ онъ облегчилъ глубокимъ вздохомъ грудь и сказалъ въ полъ-голоса:

— *Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаешми? уповай на Господа...* Потомъ вздохнулъ еще разъ и продолжалъ утѣшать себя словами Царя-пророка: — *Богъ намъ приближище и сила... сего ради не убоимся, вегда смущается земля и прелазаются горы въ сердца морская.*

Черевань, ѣдучи подлѣ Шрама, прислушался къ этимъ словамъ, и, заключа по нимъ, что душа его пріятеля сильно возмущена, въ добродушіи своемъ, почелъ за благо прибавить отъ себя нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

— Бгать Иванъ, сказалъ онъ самымъ дружескимъ тономъ,—совѣтывалъ бы я тебѣ ударить лихомъ объ землю: чего тебѣ печалиться?

— Какъ чего? прервалъ его Шрамъ, быстро повернувъ къ нему суровое лицо: — не видишь развѣ, что на умѣ у этой сволочи? Затѣваютъ черную раду, иродовы души!

— Да врагъ ихъ возьми, бгать, съ ихъ черною ралою! пускай себѣ затѣваютъ.

— Какъ пускай затѣваютъ? вспыхнувши весь, повторилъ Шрамъ, развѣ ты не понялъ, что все это значитъ? Въдѣ это все пружины проклятаго Иванца! И неужели мы должны сидѣть спокойно, когда огонь уже подложенъ и скоро будетъ въ огнѣ вся Украина?

— А что намъ, бгатику, до Украины? сказалъ съ тупымъ добродушіемъ Черевань, — развѣ намъ нечего ѣсть, нечего пить, не въ чемъ ходить? Слава Богу, будетъ съ насъ, пока нашего вѣку. Я, будучи тобою, сидѣлъ бы лучше дома, да попивалъ наливки съ пріятелями, нежели биться по далекимъ дорогамъ да ссориться съ пьяными кривунами.

— Врагъ возьми мою душу, вскричалъ съ крайнимъ негодованіемъ Шрамъ, — коли я ожидалъ отъ тебя такихъ рѣчей въ эту минуту! Ты настоящій Барабашъ!

И что же! Черевань такъ и помертвѣлъ отъ этого имени, обратившагося тогда въ поносное слово.

— Я Барабашъ? вскричалъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Да, ты Барабашъ! ты такой же Барабашъ, какъ и тотъ, что говорилъ Хмѣльницкому:

Мы дачи не даѣмъ,
Въ вѣйсько польске не йдемъ:
Не лучше бѣ намъ въ Ляхами,
Мостѣвыми панѣми,
Мирно проживати,
А ніжъ пійти лугівъ потирати,
Своимъ тіломъ комарівъ годовати...

Твои слова значать то же самое. Пускай погибаеть родина, лишь бы намъ было хорошо! Съ этого времени нѣтъ тебѣ у меня и другаго имени, какъ Барабашъ!

— Бгать Иванъ, сказалъ на это Черевань, съ несвойственнымъ ему волненіемъ, — если бъ это было сказано лѣтъ десять назадъ, я зналъ бы, какъ отвѣчать тебѣ на твои слова: насъ разсудила бъ пуля передъ козацкою громадою. Теперь я ужъ не тотъ; но врагъ меня возьми, коли хочу остаться при такомъ паскудномъ прозвищѣ! и отъ кого жъ? отъ Шрама! Я докажу тебѣ, что я не Барабашъ. Буду съ тобою за Днѣпръ такъ, какъ есть, съ женою, съ дочкою и Василемъ Невольникомъ, и буду дѣлать все, что ты сдѣлаешь, хоть бы ты для блага родины бросился съ мосту въ воду!

— Вотъ это по-козацки! воскликнулъ Шрамъ, и забывъ даже свое горе отъ радости, что у Череваня (какъ бы онъ выразился) еще не совсѣмъ уснуло козацкое сердце.— Дай же руку, пріятель, и обѣщай мнѣ здѣсь, передъ Братствомъ Сагайдачнаго (1), что не отстанешь отъ меня ни въ какомъ случаѣ!

— Даю, бгать, и обѣщаю! могъ только промолвить Черевань, смѣясь отъ довольства самимъ собою.

Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ; такъ старый козацкій духъ, вспыхнувшій въ немъ на минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

Тутъ они подѣхали къ монастырю.

— Вотъ и церковь божія! сказалъ Шрамъ, остановившая коня у колоколни.— Войдемъ и помолимся за успѣхъ нашего дѣла!

И потомъ, по своему обычаю, тихо проговорилъ изъ книги псалмовъ, самой любимой у Малороссіянъ изъ всѣхъ библейскихъ книгъ:

— *Азъ же милостію Твоею вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, въ страхъ Твоемъ.*

(1) Такъ назывался Братскій монастырь, основанный гетманомъ Ковалемъ-Сагайдачнымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Було що-року наїздять на ярмарокъ у Смілу Запорозці зъ Січи. Приїде було ихъ человекъ двадцать, тридцать... а нарядъ на ихъ такий, що—Боже твоя воля! а́лото да срібло. Оце шапка на ёму буде оксамітна, черво́на, въ ріжкахъ, а око́личка або сива, або чорна; насподі у ёго жупанъ самый чистый кармази́нь, якъ огонь, що й очима не зоглянешь; а зверху черкёска въ ви́лѣтахъ або синя, або голуба; штаны́ суконни, сині, шпроки, такъ и висять, ажъ пошти́ по передкахъ; чоботы черво́ні, а на ляду́нці або золото, або срібло; и черезплічники, то й те все позолочуване; ша́бля при боку́ вся буде въ золоті, ажъ горить. А якъ идё, то й до землі не доторка́ється. А оце було сїдуть на коней да по ярмарку—якъ іскры сїяють!

Розказъ очевидца, Таранузи.

Рѣдко можно встрѣтити въ Малороссіи человекъ, который дожилъ бы до старости, и не побывалъ въ Кіевѣ. Даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи всякая благочестивая душа стремится помыслами къ этой колыбели русскаго православія и русской народности. Кіевъ славится въ пѣсняхъ, которыя ребенокъ слушаетъ, какъ нѣчто религіозное, у окна родительскаго дома, въ великій вечеръ Рождества Христова, когда народъ ходитъ отъ хаты до хаты и торжественнымъ хоромъ возвѣщаетъ каждому богатому и убогому семейству «новую радость» (1). Кіевъ составляетъ любимый предметъ бабушекъ—разсказицъ, когда ихъ въ зимнія вечера окружають внуки и внучки, жаждущіе необыкновеннаго, блистательнаго и волшебнаго посреди своей простой сельской жизни. Разказы о Кіевѣ, о его церквахъ, о его пещерахъ, о его горахъ и глубокихъ ярахъ, никогда не наскучатъ въ кругу людей, рѣдко оставляющихъ родное село; да и тѣ, которые изѣздили всѣ государства, возвратясь въ Кіевъ, съ изумленіемъ сознаются, что ничего прекраснѣе

(1) Въ Малороссіи поють подъ окнами, вечеромъ на Рождество Христова
Ой по всьму міру нова радость стала!
Надъ вертепомъ звіздѣ ясна весь миръ осіяла! и проч.

они не видали. И не только въ наше время, но и въ отдаленнѣйшую старину, Кіевъ всегда былъ царственнымъ городомъ. Одиѣи своими высотами, своими широко раскинутыми живописными массами горъ и долинъ надъ изогнутой огромными колѣнами рѣкой, съ необозримыми плоскими побережьями, вдоль безконечно тянущагося хребта береговыхъ горъ, онъ производитъ на душу неиспытываемое нигдѣ впечатлѣніе красоты и величія.

Въ XVII вѣкѣ, въ эпоху знаменитой черной рады подъ Нѣжиномъ, бѣдно было устройство Кіева, какъ города; но обстановка роскошной южной природы и счастливой мѣстности всему придавала видъ драгоцѣнности, заключенной въ богатомъ хранилищѣ. Такъ и Братскій монастырь на Подолѣ, весь построенный тогда изъ дерева, производилъ на богомольцевъ впечатлѣніе великолѣпія невиданнаго. Правда, онъ говорилъ тогда каждому о недавней борьбѣ православія и народности южно-русской, борьбѣ, только что оконченной окозаченнымъ населеніемъ Украйны. Мысль учрежденія въ этомъ мѣстѣ *Братства* возникла въ народѣ, какъ противоѣдѣствіе иноплеменному и иновѣрному господству. Еще въ XVI вѣкѣ это Братство, взявшее на себя воспитаніе дѣтей всѣхъ сословій въ духѣ славяно-русскомъ, боролось за свое существованіе съ господствовавшею іерархіею и народностью въ Польской республикѣ; въ началѣ XVII вѣка пожаръ уничтожилъ все, что было сдѣлано общими пожертвованіями мѣщанъ, козаковъ и пановъ «благочестивыхъ», и самая церковь Богоявленская, при которой устроено было Братство, сгорѣла до основанія. Тогда «благочестивая» пани, Ганна Гугулевичевна, жертвуетъ, для помѣщенія братской школы, нѣсколько зданій и дворъ свой на Подолѣ, съ условіемъ, чтобы при школѣ былъ заведенъ и монастырь. Гетманъ Сагайдачный дѣлается строителемъ этого національнаго, учебно-религіознаго учрежденія, и, не смотря на многократныя разоренія отъ фанатическихъ противниковъ нашей вѣры и національности (1), оно усто-

(1) Тогда было время полного господства Іезуитовъ въ Польскомъ королевствѣ. Въ противоѣдѣствіе братской школѣ въ Кіевѣ, они устроили тамъ же свою школу, и переманивали къ себѣ воспитанниковъ; а между тѣмъ

яло на своихъ основаніяхъ, и продолжало разливать просвѣщеніе по всей южной Руси. Можно послѣ этого представить, съ какимъ чувствомъ вступили наши богомольцы въ ворота Братства (какъ называлось тогда все вмѣстѣ, монастырь и школы). Эти ворота вели сквозь колокольню, снабженную не одними колоколами, но и двумя пушками, отбитыми у Поляковъ. Черныя дула ихъ выглядывали изъ небольшихъ оконъ по сторонамъ воротъ, и говорили о положеніи страны, въ которой ничто еще не было безопасно. Внутри ограды виденъ былъ густой садъ, подаренный Братству Ганною Гугулевичевою. Старыя груши и яблони, всѣ въ цвѣту, закрывали деревянныя хоромины, въ которыхъ помѣщались студенты духовной академіи, называвшейся тогда коллегією, и ихъ учителя-монахи; только церковь выглядывала изъ-за деревь тремя бѣлыми жестяными куполами византійской формы. Къ церкви вела просѣлка, надъ которою образовался лиственный сводъ. Монахи такъ щадили старыя груши и яблони, что не вырубали ихъ даже вокругъ церкви. Вѣтви во многихъ мѣстахъ лѣзли въ самыя окна и лежали на деревянныхъ кровляхъ, проросшихъ уже мохомъ и травою. Сквозь цвѣтущую зелень очень живописно проглядывали изображенія святыхъ ипоковъ и архіереевъ, которыми расписана была наружная сторона церкви. Они, точно живые, прохаживались въ древесной прохладѣ, и производили на душу странника впечатлѣніе райской безмятежности этого мѣста. Все вмѣстѣ — глухое затишье посреди города, цвѣтущія деревья съ говоромъ и пѣньемъ птицъ въ ихъ вѣтвяхъ, простыя, но удовлетворявшія тогдашнему вкусу деревянныя украшенія вокругъ оконъ, дверей и по карнизамъ церкви, и наконецъ эти изображенія, писанныя съ вѣрою и любовью къ дѣлу, привели въ восхищеніе Шрама. Онъ воздѣлъ руки и сказалъ:

старались заподозрить членовъ братства и ихъ дѣйствія въ глазахъ правительствовавшихъ лицъ, и вооружали противъ нихъ все не-русское и неправославное. Ожесточеніе умовъ доходило до того, что однажды братское училище и при немъ гостиница были совершенно разорены набѣжавшею толпою фаватиковъ.

колокольнею для отдыха богомольцевъ. Живопись находили несравненною, вполне живою, и богомольцы не могли досыта на нее насмотрѣться. Она представляла разныя событія Священной исторіи, а такъ же и народныя воспоминанія о славныхъ защитникахъ вѣры и имени русскаго, такъ называемыхъ *рыцаря*хъ, или богатыряхъ, каковы были Морозѣнко, Нечай и другіе козаки, прославленные неумолкающими до сихъ поръ пѣснями. Морозенко, или другой подобный ему витязь, обыкновенно изображался избивающимъ, при заревѣ пожара, Поляковъ, которыхъ художникъ характеризовалъ свирѣпыми рожами и огромными брюхами. Земля была вся красная, въ подтвержденіе стиха народной пѣсни:

Де проїде Морозѣнко — кровавая рѣчка.

Въ эпоху войнъ Хмѣльницкаго все дышало козачествомъ и ненавистью къ притѣснителямъ нашей вѣры и самобытности; а потому монахи, натерпѣвшіеся вдоволь отъ католикѡвъ и уніатовъ, позволяли своему художнику изображать, что ему угодно, для поддержанія въ народѣ духа ненависти ко всему неправославному и нерусскому. Не доводясь красками, художникъ прибѣгалъ къ слову и прилагалъ къ своимъ изображеніямъ надписи: *Рыцарь славнаго войска Запорожскаго*, такой-то; а надъ Поляками: *А се проклятыи Дяли*. Къ нѣкоторымъ фигурамъ прибавлены были стихи, въ родѣ тѣхъ, какіе дошли до насъ съ рисунками, приложенными при тогдашнихъ лѣтописяхъ, и съ картинами, писанными на холстѣ и деревѣ (*). Современная живопись очень нуждалась въ пособіи слова, и надписи доставляли посѣтителѣмъ монастыря столько же удовольствія, какъ и самыя изображенія. Въ такомъ вкусѣ написанъ былъ на церковной оградѣ козакъ Байда, предокъ отступника Вишневецкаго. О немъ народъ поетъ до сихъ поръ пѣсню, какъ онъ висѣлъ у Турокъ на желѣзномъ крюкѣ, но не смотря ни на какія мученія, не отрекся отъ своей вѣры. Было также написано и знаменитое возвращеніе гетмана Самуила Кошки изъ неволи. По словамъ на-

(*) См. Приложенія къ 1-му тому «Записокъ о Южвой Руси»

родной думы, онъ пятьдесятъ четыре года томился въ неволѣ на турецкихъ галерахъ и пятьдесятъ четыре года скрывалъ при себѣ старинную хоругвь; не погнулся его козацкій духъ во все это время ни на волосъ; устоялъ онъ противъ тиранства и искушеній ренегата, Ляха-Бутурлака, выждалъ счастливый часъ, захватилъ въ свои руки галеру, освободилъ товарищей и возвратился съ ними на «святорусскій берегъ», къ козакамъ. Подъ этой торжественной сценой богомольцы наши прочитали стихи:

Тоді Кішка Самійло на черлѣкъ (палубу) виступає,
Хрещату давню корогівъ изъ кишени виймає.
Роспустивъ, до воды похиливъ,
Самъ низенько уклонивъ...

А подъ группою козаковъ, сголщивъ на берегу:

Здоровъ, здоровъ, Кішко Самійло, гетьмане Запорозький!
Не загинувъ еси у неволі, —
Не загинешъ зъ нами, козаками, на волі!

Эта картина написана была подъ павѣсомъ колокольни внутри монастыря. Когда наши богомольцы были ею заняты, съ улицы послышался глухой шумъ, сквозь который пробивалась музыка.

— Это «добрые молодцы» Запорожцы гуляютъ, сказала провожавшій ихъ монахъ. — Смотрите, какъ наши бурсаки-студѣи бѣгутъ за ворота. Никакими мѣрами не удержишь ихъ въ оградѣ, какъ только услышать Запорожцевъ. Бѣда намъ съ этими искусителями! Наѣдутъ, покрасуются въ Кіевѣ; смотри — послѣ ваканцій половина бурсмы и очутилась за порогами!

Между тѣмъ музыка послышалась явственнѣе, и сквозь топотъ и говоръ толпы слышны были восклицанія праздныхъ зѣвакъ, сбѣгавшихся отовсюду посмотреть на разгульныхъ *братчиковъ*: «Запорожцы, Запорожцы со свѣтомъ прощаются!»

Что же это было за прощанье со свѣтомъ? Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычаевъ юродиваго рыцарства козацкаго, въ которыхъ, подъ наружными формами разгула и буйства, скрывалась аскетическая мысль презрѣнія къ временнымъ благамъ жизни. Немногіе изъ Запорожцевъ доживали до

глубокой старости, и почти каждый старикъ дѣлался подь конецъ жизни уединеннымъ аскетомъ. Иные шли въ монастырь, а другіе забивались въ безлюдную глушь и, подь видомъ пасичника, предавались строгому посту и постоянной молитвѣ. Видимо для людей ни одинъ истинный братчикъ не казался, и считалъ долгомъ не казаться, благочестивымъ. Поэтому и самое вступленіе въ монастырь сопровождалось у нихъ разгуломъ и юродствомъ. Доживъ до глубокой старости, и чувствуя себя неспособнымъ болѣе къ *козакванью*, Запорожець просилъ выдѣлать изъ кружки слѣдующую ему часть общаго скарбу, набивалъ рублями, талерами и червонцами *чѣресъ* (1), приглашалъ съ собой челоуѣкъ двадцать, сорокъ или и пятьдесятъ товарищей, и отправлялся въ Кіевъ *прощаться со святомъ*. Дома, въ Сѣчи, Запорожцы носили простыя сермяги или кожухи-*кажанки*, а питались почти одною соломатою съ прибавкою рыбы (2), а въ Кіевѣ являлись во всемъ блескѣ тогдашней роскоши, на прекрасныхъ коняхъ, съ шитыми золотомъ *рѣндами* (уборами), добытыми на войнѣ у Поляковъ, въ саетовыхъ, кармазинныхъ, штофныхъ и атласныхъ жупанахъ и въ кованыхъ поясахъ, изъ которыхъ, по народному выраженію, капало золото. Прощальникъ одѣтъ былъ всѣхъ ярче и роскошнѣе. Онъ гарцовалъ на конѣ впереди своихъ провожатыхъ, дико вскрикивая, какъ степной орелъ, и потомъ грустно опуская сѣдые усы на грудь. Онъ предводилъ таяцами, которые отъ времени до времени затѣвали Запорожцы посреди кіевскихъ улицъ, на диво всему народу. Онъ швырялъ горстями серебро музыкантамъ, которые шли за нимъ не умолкая. Онъ поилъ на свой счетъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, и безпрестанно покривкавалъ братчикамъ, которые ѣхали тутъ же съ *боклагами* (3) и ковшами: «*Чистуйте, братчики, добрихъ людей! нехай зна-*

(1) Отъ слова *чѣрело* — кожаный поясъ.

(2) Народная пѣсня о временахъ Хмельницкаго:

Дивують Ляхи, вѣрніи сыны, шѣ ті козакѣ вживають:
Вживають вони шуку-рыбаху да солотуку зъ водою.

(3) Плоскіе бочонки, на перевязяхъ черезъ плечо.

ють, якъ Запорожець изъ світомъ прощається!» Опъ, повстрѣчавъ чумака съ возомъ рыбы, покупалъ у него весь товаръ, и велѣлъ раскидать по улицѣ, приговаривая: «*Ізже, люде дббрі да спожинайте прощальника!* Онъ устлалъ слѣдъ свой пятаками, распоровъ нарочно карманы въ жупанѣ, и, танцую отяжелѣвшими отъ старости ногами, приговаривалъ къ мальчишкамъ; «*Беріть, беріть, вражі діти, на бублики!*» Онъ, наткнувшись на товаръ горшечника, продолжалъ со всей компаніей бѣшеный танецъ, какъ-будто ничего не замѣчалъ. Опъ, наконецъ купалъ бочку легтю и, разбивъ ее келепомъ (1), танцевалъ тутъ же *гопака* въ своихъ сафьянныхъ сапогахъ и въ своихъ саетовыхъ шароварахъ, которыхъ цѣну нынѣшніе рассказчики выражаютъ словами: *Давъ бы гричаню, абі подивитыця*. Этимъ способомъ Запорожець выражалъ свое презрѣніе къ роскоши и отчужденіе отъ временныхъ благъ жизни. Погулявъ такимъ образомъ нѣсколько дней и изумивъ весь Кіевъ, прощальникъ шелъ пѣшкомъ въ Межигорскій монастырь, или, какъ выразились братчики, къ Межигорскому Спасу. За нимъ шли и ѣхали товарищи съ неумолкавшими музыкантами, съ боклагами и ковшами. Толпа народа провожала поѣздъ. Танцы отъ времени до времени прерывали поѣздъ, и юродивый рыцарь велъ такимъ образомъ шумную ватагу свою на разстояніи двадцати верстъ до самыхъ монастырскихъ воротъ. Иногда дни два и три употреблялось на этотъ переходъ. Ночью, въ надднѣпровскихъ байракахъ, зажигались огни, варился на ужинѣ *кулийшъ*, или *галушки*, и далеко по Днѣпру слышны были рыбакамъ пѣсни и крики запорожскаго прощанья со свѣтомъ. Когда же танцующая оргія приближалась наконецъ къ воротамъ Межигорскаго Спаса, прощальникъ бралъ въ руки келепъ, и громко стучалъ въ ворота. Монахи, состоявшіе почти изъ однихъ ему подобныхъ стариковъ (2), знали напередъ о его приходѣ; но для соблюденія обычая спрашивали:

(1) Чеканъ, боевой молотъ.

(2) Межигорскій монастырь былъ основанъ и содержанъ Запорожцами. Изъ него присылались въ сѣчевую церковь священники.

— Кто убо ?

— Запорожецъ.

— Чесо ради ?

— Спасать душу отъ всякія скверны.

Тогда отворять ему калитку въ воротахъ. Онъ поклонится на всѣ стороны своимъ товарищамъ и провожатымъ и скроется въ монастырѣ. Тамъ срываетъ онъ съ себя чересь и отдаетъ все, что въ немъ осталось, на церковь; сбрасываетъ дорогое платье и жертвуетъ на монастырѣ, а вмѣсто того надѣваетъ власяницу, и съ той минуты онъ ужъ больше не разгульный Запорожецъ, а строгій и молчаливый монахъ. Между тѣмъ веселая толпа, въ знакъ торжества о спасеніи души его, танцуетъ общій танецъ и танцуя удаляется отъ монастыря. Тише и тише слышатся въ монастырской оградѣ ея буйные клики и музыка, и наконецъ голось безумствующаго міра совершенно умолкаетъ.

Такъ рѣсказываютъ о прощальникахъ малороссійскіе старожилы, современники послѣднихъ годовъ существованія Запорожской Сѣчи. Въ XVII вѣкѣ обычай прощаться со свѣтомъ былъ во всей силѣ. Когда Шрамъ и его спутники вышли изъ воротъ Братской колокольни на высокій *рундукъ* (1), музыка загремѣла громче; смѣшанный крикъ и топотъ раздался въ воздухъ сильнѣе. Изъ сосѣдней улицы высыпали, какъ изъ ящика, Запорожцы, и наполнили все пространство передъ монастыремъ.

«Добрые молодцы», какъ ихъ обыкновенно называли, раздѣлялись на двѣ части. Одна шла, или лучше сказать, неслась танцуя, впереди, а другая гарцовала вслѣдъ за нею на коняхъ. Всѣхъ Запорожцевъ было, на этотъ разъ, около сотни, и все это былъ народъ рослый, дюжій, съ длинными усами и развѣвающимися по вѣтру чубами. По богатымъ и яркимъ ихъ одеждамъ видно было, что они пріѣхали въ Кіевъ именно съ тѣмъ, чтобъ погулять: въ такихъ только случаяхъ они одѣвались нарядно; въ походахъ же и дома въ Сѣчи — какъ я уже сказалъ — носили платье грубое и запачканное, чтобъ показать свое презрѣніе къ

(1) Крыльцо, подъѣздъ.

тому, что другими такъ высоко цѣнится. Проѣзжая мимо монастыря, они снимали шапки, и набожно крестились; кто былъ на ногахъ, тѣ клали земные поклоны противъ монастырскихъ воротъ, но тотчасъ же вскакивали и продолжали свой танецъ, выбивали гопака, неслись въ присядку, катались колесомъ, и перекидывались черезъ голову.

Бурсаки Братской школы, глядя на нихъ, еще сильнѣе чувствовали бѣдное свое житье и неволю, въ какой держали ихъ отцы-наставники. Кѣкоторые даже не могли удержаться отъ слезъ, сравнивъ свое состояніе съ жизнію этихъ, по ихъ мнѣнію, блаженствующихъ на землѣ людей.

— Не плачьте, дурни! говорили имъ, проѣзжая мимо, Запорожцы:—Днѣпръ течетъ прямо къ Сѣчи.

И рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

Шрамъ, при всей своей досадѣ на Запорожцевъ, вмѣшавшихся въ самое дорогое для него дѣло, не могъ быть равнодушенъ къ ихъ музыкѣ, къ ихъ танцамъ, къ ихъ особенному, веселому и вмѣстѣ грустному взгляду на жизнь. Запорожцы, не смотря на свои пороки и злодѣйства (которые уже и въ то время обнаруживали внутреннее разрушеніе ихъ братства), внушали Украинцамъ самое живое сочувствіе. Не разъ случалось мнѣ встрѣчать столѣтняго старика, который, рассказывая объ ихъ наглостяхъ, потчивалъ ихъ выразительнымъ прилагательнымъ—*проклятый народъ!* но потомъ, увлекшись рассказами объ ихъ обычаяхъ и подвигахъ, выражалъ, самъ того не замѣчая, искреннее сожалѣніе объ ихъ судьбѣ, и говорилъ о нихъ тономъ близкаго родного. Отъ чего жъ это юродивые запорожскіе рыцари были въ старину такъ близки каждой живой душѣ на Украинѣ? Можетъ быть, отъ того, что они беззаботно, но вмѣстѣ и грустно смотрѣли на жизнь. Пировали они со всѣмъ безуміемъ разулявшейся широкой воли, но и самыя пирами выражали мнѣніе, что все на свѣтѣ призракъ и суета. Не нужно было имъ для душевнаго счастья ни жены, ни дѣтей, а деньги они рассыпали—по ихъ же выраженію—

лкѣ *полѣву!* (1) А можетъ быть, и отъ того, что Запорожье для южной Руси, какъ Москва для сѣверной, было сердцемъ всей земли,—что на Запорожьи свобода никогда не умирала, предковскіе обычаи никогда не забывались, козацкія древнія пѣсни до послѣднихъ дней сохранялись, и было Запорожье—что въ горну искра: какой хочешь, такой и раздуй изъ нея огонь. Отъ того-то, можетъ быть, оно и славится между панями и мужиками, отъ того-то оно и дорого для каждой живой души на Украинѣ! (2).

Черевань, глядя на запорожскіе танцы и *выкрутасы*, подбоченился и притопывалъ ногою.

— Эхъ, бгать! сказалъ онъ Шраму,—вотъ гдѣ люди умѣютъ жить на свѣтѣ! Когда бъ я былъ не женатъ, то пошелъ бы тотчасъ въ Запорожцы!

— Богъ знаетъ что ты плетешь, свать! отвѣчалъ Шрамъ.— Теперь доброму человѣку стыдно мѣшаться въ эту сволочь. Перевернулись теперь чортъ знаетъ во что Запорожцы! Пока Ляхи да паны душили Украину, туда собирался самый лучший народъ, а теперь на Запорожье уходитъ самая дрянь: или прокравшійся голышъ, или лѣнтяй, который не хочетъ зарабатывать хлѣбъ честнымъ трудомъ. Сидятъ тамъ окаянныя въ Сѣчи да только пьянствуютъ, а *очортіе горілку* пить, такъ и ѣдетъ въ Гетманщину, да тутъ и величается, *якъ пороса на брчку*. (3)

— Однакожъ, бгать, сказалъ Черевань, запорожскіе братчики подали первые руку батьку Хмѣльницкому...

И хотѣлъ еще что-то сказать въ защиту «добрыхъ молодцовъ»; но Шрамъ сердито перебилъ его рѣчь:

— Кой чортъ! съ чего ты это взялъ? Тѣхъ Запорожцевъ уже итъ на свѣтѣ, что подали Хмѣльницкому руку. Развѣ мало легло ихъ на окопахъ подъ Збаражемъ, на гатяхъ подъ Берестечкомъ, да и вездѣ, гдѣ только сшибалась на-

(1) Какъ мякину.

(2) Дѣйствительно, какъ Москва спасала свою народностію Русь отъ иноземнаго посягательства, такъ и Запорожье было убѣжищемъ свободы во время польскаго владычества. Да будетъ же священнымъ для насъ каждое мѣсто, на которомъ русскій духъ отстаивалъ свою самобытность!

(3) Какъ поросенокъ на пристяжкѣ

ша сила съ польскою силою? Они первые шли въ битву, какъ истинные вонны христовы, первые падали подъ картечью и пулями.... Теперь они у Господа на небесахъ. А это развѣ Запорожцы? Это винокуры да печкуры парядились въ краденные жупаны и называются Запорожцами!

Въ это время кто-то за плечами у Шрама, почти надъ самимъ его ухомъ, сказалъ громко:—*Ова!* (1)

Обернулся Шрамъ—передъ нимъ Запорожець въ красномъ жупанѣ; въ одной рукѣ шапка, другая гордо уперлась въ бокъ; широкое лицо озарено безнечнымъ смѣхомъ.

—Ова! повторилъ онъ;—оно какъ-будто и правда, а совсѣмъ брехня!

Закипѣла у Шрама кровь.

—Иродъ! вскрикнулъ онъ, по тотчасъ же вспомнилъ, что здѣсь не мѣсто для драки, и, отвернувшись, сказалъ:

—Цуръ тебѣ, опричь святаго храма!

И вскочивъ на коня поспѣшилъ удалиться, чтобъ избѣжать грѣха.

Черевань и Петро поѣхали за нимъ. Женщины, по обычаю того грубаго вѣка, предоставлены были собственнымъ заботамъ. А онѣ нуждались теперь болѣе прежняго въ охранѣ, потому что къ веселому Запорожцу присоединился еще одинъ «братчикъ», и хоть они не зацѣпляли нашихъ богомолковъ ни однимъ словомъ, но проводили ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи до рыдвана, и смотрѣли на Лесю такими жадными глазами, какъ волки на овечку.

Физиономіи этихъ двухъ молодцовъ были такъ выразительны, что съ нихъ легко бы всякому написать портреты. Старшій, лѣтъ повидимому тридцать пяти, былъ весьма плотенъ; можно бы сказать, даже тученъ, если бѣ стройная талія и мускулы, рѣзко вырисованные на шеѣ и огромныхъ ручищахъ, не были доказательствомъ, что до родность его происходитъ не отъ тучности. Онъ былъ безобразенъ и вмѣстѣ красивъ. Жесткая, опаленная солн-

(1) Междометіе, выражающее насмѣшку. Соответствующаго ему нѣтъ въ великорусскомъ языкѣ. Ова! значитъ совсѣмъ не то.

цемъ морда, широкія, какъ будто вылитыя изъ бронзы щеки, длинный чубъ, сперва приподнявшійся вверхъ и потомъ пышно упавшій на лѣвый високъ, огромныя черныя усища, въ которыхъ Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, щетинистыя, чрезвычайно длинныя брови, приподнятыя съ насмѣшливымъ выраженіемъ, между тѣмъ какъ всѣ черты лица выражали суровую, почти монашескую степенность: таковъ былъ этотъ братчикъ.

Его товарищъ былъ нѣсколькими годами моложе. Чрезвычайная смуглота обличала въ немъ тотчасъ немалороссійское происхожденіе. Его худощавое, но мускулистое сложеніе, лобъ съ глубокою впадиною, брови, всегда нахмуренныя, и блестящіе черные глаза обнаруживали въ немъ характеръ угрюмый, горячій и глубокій.

Череваниха не могла успокоиться, пока не потеряла ихъ изъ виду, и радовалась, какъ будто спаслась отъ какой-нибудь опасности, когда рыдванъ догналъ верховыхъ ея спутниковъ. Вся кавалькада поѣхала черезъ Верхній Городъ, какъ назывался тогда старый Кіевъ; потомъ спустилась въ Евсѣйкову долину, на Крещатикъ, и поднялась на Печерскую гору, которая въ то время покрыта была густымъ лѣсомъ. Дорога здѣсь была весьма затруднительна: безпрестанно надобно было извиваться между пней, спускаться въ такъ называемые байраки, и огибать мѣста, заваленныя сломанными бурею деревьями. Рыдванъ все больше и больше отставалъ отъ верховыхъ. Петро, на перекоръ собственному сердцу, бросилъ его послѣ страницей сказки, рассказанной ему Череванихою. Женщины оставались посреди лѣсу только съ дряхлымъ своимъ возницею. На нихъ нашелъ какой-то ужасъ, которому подобнаго онъ никогда не испытывали, и не напрасно.

Сзади ихъ послышался сперва глухо, потомъ яснѣе и яснѣе топотъ; потомъ затрещали по обѣимъ сторонамъ узкой дорожки сухія вѣтви, и между деревьями показались красныя платья двухъ Запорожцевъ. Это были тѣ самые молодцы, съ которыми онъ столкнулись у Братскаго монастыря. Богомолки переглянулись между собой, и не смѣли сообщить одна другой своихъ опасеній. Страхъ ихъ

былъ неясенъ, но онѣ предчувствовали что-то ужасное.

Случалось имъ слышать про Запорожцевъ такія исторіи, отъ которыхъ и не въ дѣсу бывало страшно; а эти два братчика своими хватками и обычаемъ не общались ничего добраго. Они повидимому не нуждались въ дорогѣ, по которой ѣхалъ рыдванъ, и даже, казалось, вовсе не управляли своими конями; кони точно разумѣли ихъ желаніе, и кружились между деревъ, не опереживая и не отставая отъ испуганныхъ богомолокъ. Женщинамъ страшно было глядѣть, какъ бѣшенныя животныя взбирались на бугры, потомъ бросались съ прыткостью дѣснаго звѣря въ байракъ, и исчезали на нѣсколько минутъ изъ виду: только глухой топотъ и храпѣніе отзывались изъ глубины. Иногда имъ чуилось, что конь опрокинулся и душитъ подъ собой отважнаго ѣздока; но вдругъ ѣздокъ появлялся на возвышенности, сверкая въ лучахъ солнца своими кармазинами.

Въ промежуткахъ между такими ныряньями, Запорожцы вели между собою страннѣйшій разговоръ, заставившій трепетать сердце матери и дочери.

— Вотъ, братъ, дѣвка! кричалъ одинъ. Будь я кусокъ грязи, а не Запорожець, коли я думалъ, что есть такое чудо на свѣтѣ!

— Есть сало, да не для кота! отзывался другой.

— Отъ чего жъ не для кота? Хочешь, сейчасъ поцѣлю!

— А какъ поцѣлуютъ кіями у столба?

— А что мнѣ кіи? Да пускай меня хоть сейчасъ разнесутъ на сабляхъ.

Богомолки наши боялись, чтобъ въ самомъ дѣлѣ онѣ не вздумалъ исполнить свои слова; но тутъ встрѣтился глубокойіи байракъ, и Запорожцы полетѣли въ него, какъ злые духи.

— Василь! сказала тогда Череваниха своему возницѣ, — куда это мы заѣхали? Что это съ нами будетъ?

— Не бойтесь, пани! отвѣчалъ усмѣхнувшись Василь Невольникъ; добрые молодцы только шутятъ; они забавляются вашимъ страхомъ; они никогда не тронутъ дѣвушки.

Это успокоеніе мало однакожъ подѣйствовало на встревоженныхъ женщинъ, и онѣ велѣли прибавить шагу, чтобъ

скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало надѣясь на помощь дрихлаго возницы.

Запорожцы опять показались по обѣимъ сторонамъ дороги. Платье ихъ было забрызгано свѣжимъ иломъ; но они не обращали на это никакого вниманія.

— Гей, братъ Богданъ Черногоръ! кричалъ опять старшій братчикъ,—знаешь, что я тебѣ скажу?

— *И, вже!* отвѣчалъ тотъ. Путнаго ничего не скажешь, прилипнувши къ бабѣ!

— *Отъ же скажу!*

— А ну жь?

— Скажу тебѣ такое, що ажъ обліжесся.

— Ого!

— И не ого! Слушай-ка. Хоть Сѣчь намъ и *ма́ти*, а Великій Лугъ *ба́тько*, но для такой *дівчѣны* можно отцураться отъ батька и отъ матери.

— *Чи вже бь то?*

— *А що жь?*

— Ну, куды жь тогда?

— *Ова́!* (¹).

Тутъ Запорожцы скрылись опять изъ виду. Богомолкамъ отъ этого страшнаго совѣщанія стало не веселѣе прежняго, и онѣ торопили Василя Невольника ѣхать какъ можно скорѣе. Но Василь Невольникъ вздыхалъ и говорилъ самъ къ себѣ:

— Что за любезный народъ эти Запорожцы! Охъ, былъ когда-то и я такимъ забіякою, пока лѣта не придавили, да проклятая катогра не примучила! Скакалъ и я, якъ *божесильный*, по степямъ за Кабардою; выдумывалъ и я всякія шутки; знали меня въ *Городахъ* и на *Запорожьи*, знали меня шинкари и бандуристы, знали паны и мужики!

— Да еще я не то скажу тебѣ! слышался снова грубый голосъ старшаго братчика.

— Было бь довольно и этого, отвѣчалъ его товарищъ,—

(¹) Здѣсь *ова́* имѣеть не тотъ смыслъ, что выше, но это пойметъ только Малороссіянинъ, который произнесетъ его другимъ тономъ, а не такъ какъ преждее *ова́*. Последнее *ова́* имѣеть отчасти смыслъ великорусскаго: *Эка штука!* а перваго рѣшительно нельзя перевести.

когда бь услышалъ батько Пугачь: отбилъ бы онъ у тебя охоту къ бабьему племени!

— Нѣтъ, не шутя, Богданъ! какой чортъ будетъ шутить, когда вѣпяты въ душу такія черныя брови? Хоть такъ, хоть сякъ, а *дівчина* будетъ моею! Знаешь, братъ, *щѡ?*

— *А щѡ?*

— Поглядѣть бы мнѣ, что у васъ тамъ за горы.

— *Оттакѡи!* (1)

— *Такѡи.* Пускай не даромъ зазывалъ ты меня къ своимъ воевать Турка. Коли хочешь, схватимъ, какъ говорятъ у васъ, *дѣвойку*, да и гайда въ Черную Гору.

— И будто ты говоришь это по правдѣ?

— Такъ по правдѣ, какъ то, что я Кирило Туръ, а ты Богданъ Черногоръ. Съ такою *кравлюю* за сѣломъ я готовъ скакать хоть къ чорту въ зубы, не то въ Черногорію!

Этотъ открытый заговоръ, не смотря на шуточный свой тонъ, былъ ужасенъ въ устахъ Запорожцевъ, этихъ причудливыхъ и своевольныхъ людей, способныхъ на самыя безумныя затѣи,—людей, которые смотрѣли насмѣшливо на жизнь и мало заботились о томъ, чѣмъ она кончится. Къ счастью, рыдванъ нагналъ въ это время Шрама и его спутниковъ; Запорожцы вдругъ исчезли, какъ тяжелый сонъ, и уже больше не показывались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Обычай Запорожскіе странны, поступки хитры, слова и вымыслы остры и большею частію на критику похожи.

Изъ разказовъ Запорожца Коржа (записанныхъ по-великорусски.)

Богомольцы наши, безъ дальнѣйшихъ приключеній, достигли святыхъ воротъ Печерскаго монастыря, имѣвшихъ тогда видъ замковой башни, и снабженныхъ пушками и ружьями, къ которымъ не разъ прибѣгали обитатели мо-

(1) Т. е. Вонъ ты какую запѣлъ!

настыря во время войны съ иновѣрцами и татарскихъ набѣговъ.

Выслушавъ позднюю обѣдню въ великой, «небеси подобной» церкви Печерской, Шрамъ и его спутники приложились къ святымъ мощамъ, осмотрѣли изображенія князей, гетмановъ и вельможъ, создателей и благодѣтелей храма, писанныя во весь ростъ на заднихъ и боковыхъ стѣнахъ, и читали на ихъ надгробіяхъ поучительныя надписи. Древніе поборники православія, посредствомъ этихъ надписей, бесѣдовали съ потомками, и одними своими именами говорили душѣ ихъ о доблести имени русскаго. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго въ церкви Печерской теперь мы не видимъ. Старинные портреты и надгробія отчасти истреблены пожаромъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а отчасти уничтожены рукою невѣжества, которое для всякаго рода памятниковъ страшнѣе огня и желѣза. Грустно было Хмѣльницкому видѣть «красоту церквей божіихъ опустошенну и на землю поверженну» иноплемениками и отступниками; не менѣе грустно и намъ видѣть, какъ мало уцѣлѣло въ нашихъ храмахъ изъ того, что миновала или пощадила даже рука Монгола и католика.

Шрамъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе насъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ, что такой-то «Симеонъ Лыко, мужъ твердый въ вѣрѣ, испытанный въ храбрости, почилъ по многихъ дѣлахъ, достойныхъ героя»; въ другомъ знаменитый князь какъ бы изъ гроба говорилъ ему: «Многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію; а когда взять съ позорища сей жизни, то съ убогимъ Иромъ сравнялся, и за свои широкія владѣнія семь ступеней земли получилъ; ъе дивуйся таковой отгѣнѣ, читателю: и тебѣ тожъ достанется; узнаешь на себѣ, что не равны раждаемся, равны умираемъ!» Далѣе, пышный вельможа умолялъ читателя—проходя мимо, «сказать о немъ благое слово: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба твоего» (1).

(1) Нѣсколько надписей, бывшихъ на надгробіяхъ въ великой церкви Печерской сохранилъ для насъ (въ польскомъ переводѣ) Кальпофойскій въ своей *Тературимль*. Прихвѣтательнѣйшія изъ нихъ я здѣсь перевожу на

Видъ этихъ надгробій, на которыхъ арматура и знаки достоинствъ перемѣшаны были съ костями, сложенными па-крестъ подъ мертвою головою, и чтеніе этѣхъ надписей, говорящихъ разомъ о величїи и ничтожествѣ человѣчскомъ, навели на душу полковника Шрама печальное раздумье, и онъ, подобно внуку Ольгерда, сказалъ вздохнувши:

— Сколько-то гробовъ! а всѣ эти люди жили на семь свѣтѣ и всѣ отошли къ Богу! Скоро и мы пойдѣмъ туда, гдѣ отцы и братія наши (1).

Въ слѣдъ за такимъ размышленіемъ, онъ досталъ изъ-за пазухи золотой чеканъ, добытый на войнѣ, и повѣсилъ его на окладѣ Богоматери. Череванъ и прочіе богомольцы, также сдѣлали приношеніе храму дорогими вещами или деньгами.

тогдашній русскій языкъ: I. «Глѣба Всеславича, князи кїевскаго, супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, послѣ супруга своего въ чотыредесятъ лѣтъ скончася и купно съ нимъ во главахъ преподобнаго Феодосїа положена, лѣта 6866 (1158) Январ. д. 3, ноши часа 1» (Объ этой княгинѣ въ Воскресевской Лѣтописи сказано: «имѣяшесть бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцу Феодосью»).—II. «Воззванная на судѣ смертныи Евпраксїа шюкниа, дщерь князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 (1109) Юля д. 9 тѣло сложи.»—III. «Въ лѣто 6979 (1471) христіанскїи сповчавшуся князю Симеону Александровичу Олельковичу, лѣдичному (наследственному) господину земли кїевской, князю слуцкому, возстановителю святой церкви Печерской, юже обнови при королѣ Казимірѣ и при в. о. архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978, Грудвя 3». Кромѣ Олельковичей, здѣсь были погребены князя Ольгердовичи—Владиміръ и Левъ, Смиргайло, Черторыйскїе, Вишневецкїе, Корецкїе, Сангушки, Полубемскїе и другїе. При многихъ надписяхъ находились еще стихи, сочиненные въ честь покойнику. Къ сожалѣнію, они также уцѣлѣли лишь въ переводѣ Гальнофойскаго, на польскомъ языкѣ.

(1) Внуку Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, въ завѣщанїи своемъ, написанномъ въ 1446 году, говоритъ: «Прїѣздила есмь въ Кїевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыи, и поклонилися есми пречистому образу ея и преподобнымъ Отцемъ Антонїю и Феодосїю, и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ Печерскимъ, и благословилися есми отъ отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихося отца своего гробу, князя Владиміра Ольгердовича, и дядь своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико-то гробовъ, а вси тїи жили на семь свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслихъ есмь по жалѣ, и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братцы и братія наша», и пр.

Изъ великой церкви направились они къ пещерамъ, гдѣ почиваютъ мощи Антонія, Феодосія, Нестора Лѣтописца и другихъ великихъ подвижниковъ южно-русскаго православія. Но тутъ ихъ остановила непредвидѣнная—по крайней мѣрѣ непредвидѣнная для нѣкоторыхъ — встрѣча. Вдали на дорогѣ показалась небольшая группа людей, одѣтыхъ въ платья яркихъ цвѣтовъ и преимущественно въ *кармазинъ*, что въ тѣ времена было признакомъ старшинства. Впереди всѣхъ, важною поступью шелъ высокаго росту мужчина, въ жупанѣ, разшитомъ золотомъ, въ собольей киреѣ (1) на плечахъ, и съ серебряной булавой вмѣсто трости. Провожавшіе его монахи и паны держались въ почтительномъ отдаленіи.

Увидя его, Шрамъ затрепеталъ отъ радости, и сказалъ: — Боже! это Сомкѣ!

Сомкѣ также узналъ Шрама и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Пріятели обнялись, поцѣловались и долго не выпускали одинъ другаго изъ объятій.

Не даромъ украинскіе лѣтописцы, умалчивающіе обыкновенно о наружности дѣйствующихъ лицъ, пишутъ о Сомкѣ, что онъ былъ «воинъ уроды, возраста и красоты зѣло дивной». Онъ былъ извѣстнымъ по всей Украинѣ *красавцемъ*; только это слово надобно понимать въ смыслѣ мужественной, закаленной въ войнѣ и походахъ красоты. Сомкѣ повидимому было около тридцати лѣтъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ доживалъ четвертый десятокъ. Форма лица его была болѣе квадратная, нежели овальная, носъ прямой, глаза голубые, волосы русые, золотистые. Тогдашняя мода повелѣвала подстригать ихъ въ кружокъ и причесывать гладко, но они сами собою завилась въ крупныя кудри, приподнялись и открывали высокій, исполненный благородства лобъ. Но не столько наружными формами, сколько выраженіемъ смѣлости, ясности и прямоты характера, въ глазахъ, движеніяхъ и словахъ, производилъ Сомкѣ на современниковъ впечатлѣніе красоты дивной, невиданной.

(1) Родъ епанчи, безъ рукавовъ.

— *Чоломъ* пану бунчужному! такъ обратился онъ къ Череваню, именуя его степенью, которую тотъ занималъ нѣкогда въ войскѣ.

Черевань до того обрадовался, что не могъ даже отвѣчать на привѣтствіе гетмана; только обнявшись, онъ проговорилъ уже:

— А, бгѣтнику мій любезный!

Такой же *чоломъ*, вмѣстѣ съ дружескимъ поцѣлуемъ, былъ отданъ и Череванихѣ, которую Сомко назвалъ своею любезною *пани-маткою*, что было принято ею съ немалымъ удовольствіемъ. Но привѣтливѣе всѣхъ обратился онъ къ Лесѣ.

— Вамъ, ясная панно, сказалъ онъ, — *чоломъ* до самихъ ножекъ. И тутъ же онъ поздоровался съ нею, какъ родной, или близкій другъ дома, съ ребенкомъ, что заставило нѣкоторыхъ переглянуться.

— Ну, нечего сказать, обратился онъ къ отцу и матери, держа Лесю за руку, — не даромъ молва о вашей «кралѣ» ходитъ по всей гетманщинѣ. Божусь, чѣмъ хотите, что лучшей дѣвушки не было и не будетъ въ Украинѣ!

Леся стояла, стыдливо зарумянившись и опустивъ въ землю глаза; но торжество любящей и любимой женщины умѣрило ея дѣвическое смущеніе и придало новый блескъ красотѣ ея.

Петру сталъ теперь ясенъ, какъ день, сонъ Череванихи. У нихъ давно было слажено дѣло съ Сомкомъ. А что отецъ невѣсты оставался въ сторонѣ, то это потому, что Череваниха привыкла все рѣшать самовластно, и не желала, чтобы онъ хвалился этимъ сватовствомъ каждому кіевскому мѣщанину въ лычаковомъ кунтушѣ.

Сомко не пустилъ Шрама въ пещеры, и пригласилъ его со всѣми спутниками къ себѣ на *козацкое подаорье*, которое выстроено было хуторкомъ отдѣльно отъ монастыря, чтобы міряне не вводили братіи въ искушеніе, если вздумается имъ подкрѣпиться питіемъ паче брашенъ, и повести рѣчи громче монастырскихъ молитвъ. Строенія были весьма просты: домъ, конюшни, сарай для сѣна — все это было деревянное, подъ соломенными крышами.

Сомко ввелъ своихъ гостей въ просторную свѣтлицу. Тутъ, помолясь образамъ, гости раскланялись чинно съ хозяевами. Шрамъ еще разъ обнялъ Сомка.

— Соколъ мой ясный! говорилъ онъ, прижимая его къ сердцу.

— Батко мой! отвѣчалъ на его объятіе Сомко.—Я давно привыкъ называть тебя баткомъ.

Тогда Шрамъ сѣлъ въ концѣ стола, подперъ обѣими руками сѣдую, изчерченную сабельными ударами голову и началъ прегорько плакать. Это смутило присутствовавшихъ, и Сомко былъ озадаченъ не менѣе другихъ. Онъ зналъ Шрама, какъ человѣка, у котораго во время оно не извлекъ изъ глазъ ни одной слезы даже видъ убитаго сына, принесеннаго къ нему въ кровавыхъ ранахъ козаками; а теперь этотъ человѣкъ рыдаетъ передъ нимъ, какъ будто на похоронахъ у Хмѣльницкаго, гдѣ три дня гремѣли печальныя выстрѣлы, три дня раздавались вопли, и лились рѣкою козацкія слезы.

— Батко мой! сказалъ, подступя къ нему, Сомко,—что за несчастье съ тобой случилось?

— Со мною? отвѣчалъ Шрамъ, поднявши голову. Я былъ бы баба, а не козакъ, если бъ вздумалъ плакать о собственномъ горѣ!

— Такъ о чемъ же, ради Бога?

— А развѣ не о чемъ, когда у насъ окаянный Тетера торгуется съ Ляхами за христіанскія души; у васъ разомъ десять гетмановъ хватаются за булаву, а что Украина разодрана на части, до этого никому нѣтъ дѣла!

— Десять гетмановъ! хотѣлъ бы я видѣть, какъ хоть одинъ изъ нихъ ухватится за булаву, пока я держу ее въ рукахъ!

— А Васюта? а Иванецъ?

— Васюта старій дурень; надъ его химерою смѣются козаки; а подлаго Иванца я еще разъ посажу на свинью. Гнусная сволочь! я давно выбилъ бы и вытопталъ всю эту погань, но только честь на себѣ кладу!

— Однакожь эта погань не даетъ твоей гетманской власти расширяться по Украинѣ!

— Кто тебѣ это сказалъ? Отъ Самары до Глухова вся старшина зоветъ меня гетманомъ. И какъ же иначе, когда въ Козельцѣ всѣ полковники, есаулы, сотники и значные козаки присягнули мнѣ на послушаніе?

— Но вѣдь правда тому, что Васюта послалъ въ Москву листъ противъ твоего гетманства!

— Правда, и когда бъ не сѣдые волосы Васюты, то сдѣлалъ бы я съ нимъ то, что покойный гетманъ съ полковникомъ Гладкимъ (1).

— Ну, и тому правда, что Иванца въ Сѣчи «огласили гетманомъ»?

— И тому правда. Но развѣ ты не знаешь юродства запорожскаго?

— Знаю я его хорошо, пане гетмане; потому-то и боюсь, чтобъ они не сдѣлали тебѣ какой-нибудь пакости. Окаянные камышники вездѣ шныряютъ по Украинѣ, и бунтуютъ мужичьи головы. Развѣ ты не знаешь, что идетъ уже слухъ о черной радѣ?

— Химера, батько! козацкое слово, химера! Пускай лишь выйдутъ отъ царскаго величества бояре; посмотримъ, какъ устоитъ эта черная рада противъ нашихъ мушкетовъ и пушекъ!

— Я готовъ вѣрить всему лучшему, когда ты такъ спокоенъ, сказалъ Шрамъ.—Отъ твоихъ словъ душа моя оживаетъ, какъ злкъ отъ божіей росы. Но смущаетъ меня, что запорожскіе гультаи подливаютъ своихъ дрозжей не въ однихъ поселянъ: они бунтуютъ противъ козаковъ и мѣщанство. Въ Кіевѣ я сегодня наслушался такого, что и пьяный бы отрезвился.

— Знаю и это, отвѣчалъ Сомко. — И, правду сказать, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—этому я даже радъ. Козаки слишкомъ много забрали себѣ въ голову. «Мы де паны, а то все чернь. Пускай насъ кормить и одѣваетъ, а козацкое дѣло—голько въ шипку окна да сулей бить». Дай

(1) Полковнику Гладкому отрублена была голова за то, что онъ, послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ, позволилъ называть себя гетманомъ.

имъ потачку, такъ они какъ разъ попадутъ на лядскій слѣдъ, даромъ что православные. Нѣтъ, пускай и мѣщанишъ, и посполитый, и козакъ, пускай каждый стоитъ за свои права,—тогда только будетъ и правда и сила! А мнѣ кажется, да и по сосѣдямъ видимъ, что нѣту тамъ добра, гдѣ нѣту правды!

Шрамъ за эти слова обнялъ и поцѣловалъ гетмана.

— *Глаголь усть твоихъ*, сказалъ онъ, *сладостенъ мнѣ паче меда и сота*. Дай же, Боже, чтобъ такъ думала каждая добрая душа въ Украинѣ!

— И дай, Боже, прибавилъ Сомко, — чтобъ оба берега Днѣпра соединились подъ одну булаву! Какъ только отбуду царскихъ пословъ, тотчасъ пойду на окаяннаго Тетеру. Отмежуемъ Украину опять до самой Случи, и тогда, держась за руки съ Московскимъ царствомъ, будемъ громить всякаго, кто покусится ступить на Русскую землю!

Эти слова для ушей Шрама были небесною музыкою.

— Боже великій, Боже милосердый! воскликнулъ онъ, — простерши къ образамъ руки, — вложилъ Ты ему въ душу самую дорогую мою думу, ниспосли же ему и силу выполнить ее!

— Но довольно о великихъ дѣлахъ, сказалъ Сомко, займемся еще малыми. *Не добро быти челоуѣку единому*— вотъ что привело меня сюда изъ-за Днѣпра. Можетъ-быть, я очутился бы еще немного и дальше Кіева, но спасибо пани-маткѣ Череванихѣ: она меня встрѣтила съ своимъ дорогимъ скарбомъ. И, какъ я ни въ чемъ не люблю проволочекъ и окольныхъ путей, то сейчасъ же и прямо объявляю всѣмъ присутствующимъ, что засваталъ у пани Череванихи ея Лесю, когда она была еще малюткою. Теперь пускай благословитъ насъ Богъ и родители.

Тутъ онъ взялъ за руку смущенную неожиданностью дѣвушку, и поклонился отцу и матери.

— Боже васъ благослови, дѣти мои! сказала Череваниха, не дожидаясь мужа, который пытался что-то сказать, но отъ волненія произносилъ только «бгатику!» и больше ни слова.

Шрамъ посмотрѣлъ на своего Петра, и не могъ не

видѣть сердечной муки, выразившейся на поблѣднѣвшемъ лицѣ его. Можетъ быть, отцу стало и жаль сына; но не таковъ былъ Шрамъ, чтобъ дать это кому-нибудь замѣтить.

— Чтò жъ ты не благословляешь насъ, пан'отче? сказала Сомко Череваню.

— Бгатику! отвѣчалъ Черевань, — велика для меня честь выдать дочь за гетмана, только Леся уже не наша; вчера у насъ со Шрамомъ было пол-заручинъ.

— Какъ же это случилось, пани-матко? обратился тогда Сомко къ Череванихѣ.

Но Шрамъ не далъ ей отвѣчать и сказалъ:

— Ничего тутъ не случилось, пане ясновельможный! Я сваталъ Лесю за своего Петра, не зная о вашемъ укладѣ. А теперь скорѣй отдамъ я своего сына въ монахи, чѣмъ стану съ нимъ тебѣ на дорогѣ. Пускай насъ благословитъ Господь; а мы себѣ еще найдемъ невѣсту: «этого цвѣту много по всему свѣту».

— Если такъ, то будь же ты моимъ роднымъ отцомъ, и благослови насъ двойнымъ благословеніемъ.

Тогда Шрамъ сталъ рядомъ съ Череванемъ и Череванихою; дѣти имъ поклонились, и они благословили ихъ съ патріархальною важною. Молодые обнялись и поцѣловались.

Вдругъ кто-то подъ окномъ закричалъ: *пугу! пугу!* восклицаніе, перенятое полудикими рыцарями Запорожцами у *пугача* (Филина), и употребляемое ими для извѣщенія когонибудь о своемъ прибытіи.

Сомко усмѣхнулся и сказалъ:

— Это нашъ юродивый пріятель, Кирило Туръ! Почуялъ гетманскую свадьбу!

И велѣлъ отвѣчать ему по обычаю:—*Козакъ зъ лугу!*

— Не знаю, сынку, сказала Шрамъ, — чтò за охота тебѣ водиться съ этими пугачами! Это народъ самый вѣроломный; городовому козаку надобно беречься ихъ, какъ огня.

— Правда твоя, батькò, отвѣчалъ гетманъ, — «добрые молодцы» стали не тѣ послѣ Хмѣльницкаго, а все таки

межь ними есть люди драгоцѣнные. Этотъ , напримѣръ , Кирило Турь... повѣришь ли, что онъ не одинъ разъ выручилъ меня изъ великой бѣды? Добрый воинъ и душа щирая, козацкая , хоть прикидывается повѣсою и характерникомъ. Но безъ юродства у нихъ , самъ ты знаешь , не водится. А ужъ на шутки да на баяндрасы , такъ могу сказать, что мастеръ.

— Иродъ бы ихъ побралъ съ ихъ шутками , этихъ разбойниковъ ! сказалъ полковникъ Шрамъ. Насолили они и самому Хмѣльницкому своими бунтами да своевольствомъ.

— А всё таки не скажешь , батько , возразилъ Сомко , чтобъ и межь ними не было добрыхъ людей.

— Грѣшно мнѣ это говорить , отвѣчалъ Шрамъ. Разъ окружилъ меня съ десяткомъ козаковъ цѣлый отрядъ Ляховъ. Уже и конь подо мною убитъ , я отбиваюсь стоя ; а имъ окаяннымъ непремѣнно хочется взять меня живаго , чтобъ поглумиться такъ , какъ надъ Наливайкомъ и другими несчастными. Вдругъ откуда ни возьмись Запорожцы: *пугу ! пугу !* Ляхи въ разсыпную ! а было ихъ больше сотня. Оглянусь , а Запорожцевъ и десятка нѣтъ !

— Да, сказала Сомко , межь ними есть добрые рыцари.

— Скажи лучше, были да перевелись : зерно выстѣялось за войну , а въ кошѣ осталась одна половина.

— Овва ! воскликнулъ громко Запорожець , показавшись съ своимъ товарищемъ въ дверяхъ. Онъ вошелъ въ свѣтлицу , не снимая шапки , подбоченился , и перекрививъ ротъ на одну сторону , смотрѣлъ насмѣшливо на Шрама.

— Что за *овва* ? вскрикнулъ Шрамъ , весь вспыхнувъ и подступая къ Запорожцу.

— Овва , пан'отче ! повторилъ Кирило Турь , и заложилъ за ухо лѣвый усъ съ выраженіемъ молодецкой беззаботности. — Перевелись ! А развѣ даромъ сказано въ пѣснѣ :

Течуть річки зъ всѣго світу до Чорваго моря ?...

— Какъ въ Черномъ морѣ не переведется вода , пока свѣтитъ солнце , такъ и въ Сѣчи во вѣки вѣчные не переведутся добрые рыцари. Со всего світа слетаются они туда ,

какъ орлы на неприступную скалу... Вотъ хоть бы и мой побратимъ, Черногорь... но не о томъ теперь рѣчь. Чоловъ тебѣ, пане яснелельможный! (и только тутъ снялъ Кирило Туръ шапку) чоловъ вамъ, панове громада! чоловъ и тебѣ, шановный полковникъ, хоть и не по нутру тебѣ Запорожцы! Ну, какъ же ты воротился къ обозу безъ коня?

— Ироде! сказалъ Шрамъ, покосивъ на него сверкающіе изъ-подъ бѣлыхъ бровей глаза; я только честь на себѣ кладу въ этой компаніи, а то научилъ бы тебя знать свое стойло!

— То есть, вынулъ бы саблю и сказалъ: «А ну, Кирило Туръ, помѣряемся»? Козацкое слово, я отдалъ бы шалевою свой поясъ, чтобъ только брякнуться саблями съ высокоименитымъ паномъ Шрамомъ! Но этого никогда не будетъ; лучше, когда хочешь, разруби меня пополамъ отъ чуба до матніи; а я не подниму руки противъ твоихъ шрамовъ и твоей рясы.

— Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты неотвязная? сказалъ Шрамъ, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ священническому сану.

— Ничего больше, только расскажи мнѣ, какъ ты добрался пѣхтурію до табора.

— Тьфу, искуситель! сказалъ Шрамъ, усмѣхнувшись. Сомко и его спутники смѣялись отъ одного появленія Кирила Тура. На него прывыкли смотрѣть, какъ на юродиваго.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ гетманъ, — какъ ты, панъ отче, остался живъ безъ коня.

— Да ужъ расскажу, отвѣчалъ Шрамъ, — только бы удалиться отъ грѣха. Когда разбѣжались къ нечистой матери Ляхи, одинъ Запорожець подѣхалъ ко мнѣ, и говорить: «Э, батько, да у тебя нѣту коня! Жаль покинуть такого козака Ляхамъ на поживу. Братцы, достанемъ ему коня!» и припустилъ вслѣдъ за Ляхами.

— Чтó жъ, достали?

— Достали, вражьи дѣти! Удивился я съ козаками — негдѣ правды дѣвать. Какъ же не дивиться, когда у самихъ

кони усталые, а скакуна такого доскочили, что такъ и играть въ поводу?

— Это, пан' отче, значить — знай нашихъ! нашъ братъ не спроста воюеть: Запорожець полъ часъ и чортомъ орудуе. Гмъ! гмъ!

Такъ говорилъ Кирило Туръ, поглаживая усы, и значительно посматривая на все собраніе.

— Я не прочь, что тутъ безъ нечистой силы не обошлось, сказалъ Шрамъ, обращаясь къ Сомку. — Спрашиваю: какъ это вы доскочили такого знатнаго жеребца? «Намъ то знать, батько; садись да поѣжай: Ляхи не за горою; иногда страхъ у нихъ проходить скорѣе, чѣмъ похмѣлье.»

— Ага, у насъ такъ! подхватилъ съ самодовольнымъ видомъ Кирило Туръ; — наши не кудахтають, какъ куры, о своихъ добрыхъ дѣлахъ! Ну, пан'отче, за то, что ты рассказалъ мнѣ свою исторію, я расскажу тебѣ, какъ Запорожцы доскочили коня. Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что боятся некого, тотчасъ за мушкеты; но атаманъ не далъ имъ остановиться, приложился на всемъ скаку изъ карабина, и угодилъ ихъ ротмистру какъ разъ между глазъ. Ляхи опять въ разсыпную, а я за коня... тьфу, къ чорту! я хотѣлъ сказать: а атаманъ за коня, да и привелъ къ тебѣ.

— *Що за вража мати!* сказалъ тогда Шрамъ, всматриваясь въ лицо Кирила Тура, да чуть ли не самъ ты и былъ этимъ атаманомъ?

Запорожець громко разсмѣялся.

— Ага, батько! такъ-то ты помнишь старыхъ знакомыхъ!

— Ну, извини, козаче! сказалъ Шрамъ, обвиняя его. Чуть ли не раскололи мнѣ Ляхи головы саблями да чеканами: память въ ней что-то не держится!

— Однакожь, что это мы такъ заговорились? сказалъ Сомко. Давно пора по чаркѣ да и за столъ!

— Вотъ, бгаты, разумная рѣчь, такъ, такъ! воскликнулъ Череванъ. — Я такъ отощаль, что и радоваться не въ силахъ.

Выпилъ Кирило Туръ чарку горилки и сказалъ:

— Прошу не забывать и моего побратима.

— Не забудемъ, не забудемъ, отвѣчалъ Сомко. — Я знаю, что онъ работаетъ саблею лучше, нежели языкомъ.

— Не дивуйся, пане гетмане; что онъ какъ будто держать воду во рту; онъ не изъ нашихъ. Теперь таки онъ порядочно насобачился говорить по козацки, а какъ пришелъ въ Сѣчь, то насмѣшилъ довольно братчиковъ своею рѣчью. А добрый юнакъ! о, добрый! тяжело добрый! Одинъ развѣ Кирило Туръ ему подъ пару. За то жъ я никого и не люблю такъ, какъ его да себя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ой прийшовъ козакъ зъ війська, зъ дороги
 Да й уклонився батеньку въ ноги:
 Ой сядь, батеньку, сядь коло мене,
 Сядь коло мене да й пожалуй мене:
 Заложи ручину за пазушину,
 Одоровъ одъ сѣрца злую галину;
 Злая галина бікъ переїла,
 Коло мого сѣрденька гвіздѣ звїзла.

Народная пѣсня.

Сомко началъ усаживать гостей своихъ за длинный столъ. Шрама и Череваня посадилъ на *пѣкуть*, подъ образами; самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, «конецъ стола», а женщинъ посадилъ по лѣвую отъ себя руку на ослонѣ, ибо тогда первыя мѣста были вездѣ предоставлены мужчинамъ. Возлѣ Череваня заняли мѣста спутники гетмана, козацкіе старшины, а за ними — Кирило Туръ съ молчаливымъ своимъ побратимомъ, который посматривалъ довольно угрюмо на всѣхъ собесѣдниковъ. Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго не встрѣчалъ онъ и въ своей Черногоріи.

Петру моему пришлось сидѣть возлѣ Меси, хотя теперь онъ радъ бы былъ удалиться отъ нея на край свѣта. Во все время, когда другихъ забавляли ухватки и рѣчи Запо-

рожца, онъ сидѣлъ за столомъ, какъ въ лѣсу, и только ждалъ, скоро ли кончится обѣдъ.

— Ну, скажи жъ ты мнѣ, пане отамане, обратился Сомко къ Кирилу Туру, какимъ вѣтромъ занесло тебя въ Кіевъ?

— Самымъ святымъ, отвѣчалъ тотъ, какой только когда-либо дулъ «изъ низу Днѣпра». Провожаемъ прощальника къ «Межигорскому Спасу».

— Какъ же это ты отбился въ сторону?

— Расскажу тебѣ, ясневельможный пане, все подробно; дай только промочить горло. Только у васъ такіе никчемныя кубки, что не во что гораздъ и налить. Хотя они и серебряныя, да что въ этомъ? То ли дѣло наши сѣчевыя деревянныя коряки? въ нашемъ корякѣ можно бы утопить инаго мизернаго Лашка.

— Правда, бгать, ей Богу, правда! воскликнулъ Черевань; я давно говорю, что только въ Сѣчи и умѣютъ жить по людски. Ей Богу, бгать, когда бъ у меня не жинка, да не дочка, то бросилъ бы я всякую суету мірскую да и пошелъ на Запорожье!

— Гмъ! признаю, немного такихъ помѣстилось бы въ куренѣ, сказалъ Кирило Туръ, окинувъ глазами его фигуру, и разсмѣшилъ все общество. Самъ Черевань добродушно смѣялся.

— Я отъ души люблю этого балагура, сказалъ гетманъ въ полголоса Шраму. Правда, онъ иногда бываетъ грубъ и даже дерзокъ въ своихъ шуткахъ, но, право, я на него не въ силахъ разсердиться.

— Худо только то, замѣтилъ Шрамъ, что эти балагуры смѣясь человекъ купятъ, смѣясь и продадутъ.

— Что правда, то правда. По ихъ сѣчевому разуму, ничто въ мірѣ не стоить ни радости, ни печали. Философы-бестія! смотреть на міръ изъ бочки, только не изъ пустой, какъ Діогенъ циникъ, а окунувшись по шею въ горячку.

— Такъ вы хотите знать, какъ я отеталъ отъ своей громады? продолжалъ Кирило Туръ, осуша самый большой кубокъ, какой только нашелъ передъ собою. Вотъ какъ. Можетъ-быть, вы слышали гдѣ нибудь о побратимахъ. Какъ не слышать? Это нашъ давній обычай, — хорошій

обычай. Какъ ни удаляйся отъ міра, а всё человѣку хочется къ кому-нибудь приклониться; нѣтъ роднаго брата — ищетъ названнаго. Вотъ и побратаются, и живутъ, какъ рыба съ водою. «Давай — говорю я своему Черногору — и мы побратаемся.» — «Давай.» Вотъ и завернули въ Братство и попросили батюшку съ сѣдою, какъ у пана Шрама, бороною прочитатъ надъ нами изъ Апостола, что насъ родило не тѣло, а живое слово божіе, и вотъ мы теперь съ нимъ уже родные братья — все равно, какъ Хома съ Еремою.

— Ну, а потомъ? спросилъ Сомко.

— А потомъ, какъ это всегда бываетъ, что не успѣетъ человѣкъ сдѣлать доброе дѣло, какъ дьяволь — не за хлѣбомъ его вспоминать — и подсунетъ искушеніе... потомъ оглянулся, а подлѣ меня стоятъ краля такая, *що тілько їмь! да й їдді!*

— Ой, неужто? И будто женщина искушала когда-нибудь Запорожца?

— Ой-ой-ой, пане гетмане! да еще какъ! И не диво: праотець Адамъ былъ не намъ чета, да и тотъ не устоялъ противъ этого искушенія.

— Откуда жъ она взялась?

— Спроси жъ ты самъ ее, откуда, сказалъ Кирило Туръ, взглянувъ на Лесю; — я съ такою пышною панною и заговорить боюсь.

— Тю, тю, дурню! сказалъ заемѣявшись Сомко: — Это моя невѣста.

— Да мнѣ до того мало нужды, что она твоя невѣста, продолжалъ очень серьезно Запорожець, — а то горе, что совсѣмъ меня причаровала.

— Bravo! медвѣдь попался въ сѣти! Чтѣ жъ теперь будетъ?

— А чтѣ жъ? медвѣдь уйдетъ въ свою берлогу, и сѣти за собою потянетъ.

— Какъ? Запорожець повезетъ женщину въ Сѣчь?

— Зачѣмъ же въ Сѣчь? Развѣ только и свѣту, что въ окнѣ?

— И такой завзятый *козарлюга*, какъ Кирило Туръ, да еще и куренной отаманъ, для женщины бросить товариство?

— Да, для такой крали можно отказаться отъ всего на свѣтѣ, не только отъ товариства. Самъ, пане гетмане, видишь, что за пышная красота! по неволѣ за сердце хватаетъ!

— Ну, въ какую жъ ты берлогу потянулъ бы эти сѣти? Кирило Туръ засмѣялся.

— Ты, пане ясневелиможный, черезъ-чуръ уже строго допрашиваешь. Не хочется и признаваться, не хочется и брехать.

— Потому что всегда говорилъ правду? шутя спросилъ Сомко.

— И теперь буду говорить правду! съ комически серьезнымъ видомъ сказалъ Запорожець.

Тутъ онъ осушилъ кубокъ, кашлянулъ въ кулакъ и посмотрѣлъ на всѣхъ, разглаживая усы.

— Надобно знать вамъ, началъ онъ, что Черногорія, по рассказамъ моего побратима, та же Запорожская Сѣчь, только тамъ люди не чуждаются бабъ. А то и подѣлена такъ же, какъ у насъ, на курени, по ихнему на *братства*, и надъ всякимъ братствомъ выбирается отаманъ. Воевать же съ бусурманами у нихъ можно хоть каждый день. Да какъ у нихъ воюють, когда бъ ты зналъ! Когда начнегъ рассказывать мой побро, то ажъ душа рвется изъ тѣла. Побро мой соскучился безъ своей Черной Горы, и давно уже зазываетъ меня къ себѣ въ гости. Почему жъ вольному козаку не погулять по свѣту и не повидать, какъ живутъ иные народы?

Всѣ слушаютъ, къ чему онъ приведетъ рѣчь свою. Очаровалъ всѣхъ Запорожець.

«Добре! говорю, — ѣдемъ; покажемъ твоимъ землякамъ козацкое *рыцарство*; пускай и насъ знаютъ въ Черногоріи. Вотъ и побратались мы съ нимъ въ Братствѣ, — такъ уже, чтобъ не было *это мое*, а *это твое*, а все чтобъ было вмѣстѣ; чтобъ помогать другъ другу во всякой бѣдѣ, чтобъ меньшій былъ старшему вѣрнымъ слугою, а старшій меньшему роднымъ отцомъ. Оно бъ и хорошо; но какъ увидѣлъ эту кралю, такъ душа и *дала сторчакъ* (1).

(1) Т. е. опрокинулась къверху ногами.

И для ясности разсказа Кирило Турь опрокинулъ себѣ въ горло кубокъ наливки.

— Говорю своему Черногору : «Какъ ты себѣ хочешь , побро , а я безъ этой *дѣвойки* не поѣду изъ Кіева». Не дурень же и мой побро. «Не журишь , братъ , говоритѣ : у насъ если кому понравится *руса коса* , то не долго вздыхаетъ : хватаетъ русу косу , какъ соколъ чайку , да и къ попу.

— Это ужъ по-римски ! сказалъ смѣясь Сомко. А если у этой чайки есть братья орлы и родичи соколы ?

— Въ томъ-то и дѣло , пане гетмане , что у нихъ и противъ этого есть средство. Только намекни про *русу косу* , тотчасъ пріятели вызовутся на помощь. *Гайде , море , да ти отъmemo дѣвойку !* соберутся , вооружатся , какъ на войну , и уже если приберутъ къ рукамъ русу косу , то головы положатъ , а не уступятъ *отмицу* родичамъ. *Пекъ ёё матері !* такой обычай пришелся какъ разъ мнѣ по сердцу , и врагъ меня возьми , если я самъ не сдѣлаюся *отмичаромъ !* (¹) У нихъ только сила и ловкость , а у нашего брата есть про запасъ и характерство (²).

— Чтѣ за балагуръ этотъ усачъ ! сказалъ Шрамъ. Видно , у васъ тамъ въ Сѣчи только и дѣлаютъ , что забавляютъ одинъ другаго выдумками.

— Э , пан'отче ! наши братчики дѣлаютъ каждый день столько чудесъ , что не нужно и выдумывать ! Но уже вѣрно не услышать паны молодцы ничего чудеснѣе той штуки , какую выкину я сегодня.

— Ой ?

— И не ой. Еще никогда не слыхано такого чуда.

— Чтѣ жъ это будетъ такое ?

— Ни больше ни меньше , какъ только подхвачу къ себѣ на сѣдло эту кралю — хотъ бы она была за сотнею замковъ — да и *шукай вітра въ полі !* Махнемъ съ побрати-

(1) Такъ въ Черногоріи называются похитители невестъ.

(2) Отаманы запорожскіе почти всегда считались *характерниками* , т. е. чародѣями. Удаливость ихъ не могло быть иначе постигнуто умомъ людей обыкновенныхъ. Характерника не брала пуля; онъ умѣлъ сдѣлаться невѣдимымъ для непріятеля , и т. п.

момъ прямо въ Черную Гору! Ахъ, да *дівчина жъ гърна!* воскликнулъ Кирило Туръ, устремя на Лесю свой волчій взглядъ.

Леся съ самаго начала этой странной бесѣды была, сама не зная почему, сильно встревожена, и долго старалась увѣрить себя, что Запорожцу пришла блажь только позабавиться надъ ея страхомъ; но этотъ взглядъ разстроилъ ее наконецъ совершенно. Она не могла долѣе преодолевать свой испугъ, и, закрывъ руками лицо, начала плакать такъ сильно, что слезы закапали сквозь пальцы на скатерть. Мать встала изъ-за стола и увела ее плачущую въ другую комнату.

Этотъ случай не произвелъ никакого впечатлѣнія на суровыя козацкія сердца. Въ испугъ красавицы они видѣли только женское легковѣріе, и весело разсмѣялись.

— О вражій хлопецъ Запорожець! сказалъ Шрамъ, видишь, до чего договорился! испугалъ совсѣмъ *бідну дитину*.

Череваниха не возвратилась уже къ обѣду, но никто, вставъ изъ-за стола, не вздумалъ освѣдомиться о здоровьи ея дочери: женщина привыкла тогда выносить слишкомъ много сильныхъ душевныхъ потрясеній, и никому не приходило въ голову, чтобы Леся могла занемочь отъ своего испугу.

Когда встали изъ-за стола, Кирило Туръ поблагодарилъ Бога по своему:

— *Спасибі Богу и мині, а господареві ні: вінъ не нагодує, такъ другий нагодує, а зъ гблodu не вмру.*

И ушелъ съ своимъ побратимомъ изъ монастыря, ни съ кѣмъ не прощаясь, какъ будто изъ своего куреня. Только слышно было, какъ онъ, уходя со двора, напѣвалъ пѣсню:

Журба мене сушить, журба мене вилить;

Журба мене, моя мати, скоро зъ нігъ ввалить.

— Слышишь? сказалъ тогда Шраму гетманъ. — Никто не разберетъ, чѣмъ дышетъ Запорожець. А знаю я, что у этого Кирила Тура лежитъ что-то тяжелое на душѣ. Онъ представляетъ изъ себя повѣсу, а я не разъ замѣчалъ,

куда стремится этотъ юродивый. *Дивно во очію*, а вѣдь онъ только и думаетъ о спасеніи души!

— Дурную же дорогу выбралъ онъ! сказалъ Шрамъ.

— На какую набрелъ, ту и выбралъ, батько. Сотворилъ онъ себя буимъ и безумнымъ для Бога. Вонъ оно что! Господь его знаетъ, куда онъ забредеть; а видалъ я не разъ, какъ Кирило Туръ, молясь въ глубокую ночь, обливался слезами; и пускай пустышникъ вознесетъ такую молитву къ Богу, какъ этотъ гуляка! Вслушавшись въ нее, я самъ.... да что о томъ рассказывать? То дѣла божіи. Открою тебѣ, пан'отче, зачѣмъ я въ Кіевѣ. Не сватовство у меня на умѣ. Обвѣщаюся я съ моей невѣстою, прогнавши Ляховъ за Случь, чтобы моя жинка была гетманша на всю зубу; а теперь намъ надобно поставить твердо ногу въ Кіевѣ—воевода здѣшній мнѣ усердствуетъ, мы съ нимъ обо всемъ условились—надобно осмотрѣть окопы и заготовить запасы, да еще кое-что сладить передъ началомъ такой великой войны. Пойдемъ-ка къ отцу Иннокентію Гизелю; у него разумная и толковая голова. Поговоримъ съ нимъ кое про что изъ Гадячскихъ пунктовъ. Не дуракъ былъ Выговскій, что хлопоталъ о типографіяхъ и академіяхъ; только худо сдѣлалъ, что сдружился съ Поляками. Съ Поляками у насъ во вѣки вѣчные ладу не будетъ. Безъ Москаля нѣтъ намъ житья на свѣтѣ: Ляхи, Турки, Татары истребятъ, перевернутъ насъ къ верху дномъ. Одинъ Москаль сбережетъ намъ и имя русское, и вѣру православную.

— Ой, сѣнку! сказалъ Шрамъ:—разнюхали мы теперь дѣбре бояръ да воеводъ московскихъ!

— *Се, батьку, якъ до чоловіка*, отвѣчалъ гетманъ;—а Москаль намъ ближе Ляха, и не слѣдуетъ намъ отъ него отрываться.

— Богъ его знаетъ! говорилъ въ раздумьи Шрамъ; можетъ, оно такъ и лучше будетъ.

— Да ужъ не хуже, батько. Тутъ всѣ слушаютъ одного, а тамъ, что ни панъ, то и король; и всякая дрянь поровитъ, какъ бы козака въ грязь втоптать.

— Не удастся имъ это, невѣрнымъ душамъ? сказалъ Шрамъ, схватясь за усы.

— Ну, вотъ для того-то и надобно намъ держаться за руки съ Москалемъ. Вѣдь это все одна Русь, Боже мой праведный! Коли у насъ заведется добро, то и Москалю будетъ лучше. Погоди-ка, пускай Господь поможетъ намъ соединить оба берега Днѣпра подъ одну булаву; тогда заведемъ вездѣ *правные суды*, академіи, типографіи, поднимемъ Украину, и возвеселимъ души великихъ кіевскихъ Ярославовъ и Мономаховъ!

Такъ разсуждая, гетманъ съ нѣсколькими приближенными отправился къ Печерскому архимандриту. Череванъ легъ отдохнуть послѣ обѣда, а прочіе разбрелись по монастырю.

Что же происходило съ Лесею? Леся дѣйствительно «разцмоглась» послѣ приключенія за столомъ. Каждое слово проказника Запорожца она принимала за серьезный противъ нея замыселъ, и просила мать запереть кругомъ двери и окна, чтобъ онъ не ворвался и не схватилъ ее, какъ коршунъ голубку. Напрасно мать употребляла все могущество своего языка, чтобъ разсѣять ея страхъ; бѣдной дѣвушкѣ мерещилось одно, и она чувствовала живѣйшее безпокойство, какое бываетъ при ожиданіи угрожающаго бѣдствія.

Череванъ, ввалившись въ комнату, гдѣ она лежала полубольная, и узнавши, въ чемъ дѣло, присовокупилъ отъ себя нѣсколько увѣщаній съ такимъ усердіемъ, что сказалъ даже раза два *бгать*, забывши, что говорить не съ мужчиною, но и это не помогло. Впрочемъ заботливый отецъ заснулъ отъ того ничуть не хуже, и проснулся, когда начали уже звонить къ вечернѣ.

Сожко и его спутники воротились въ гостиняццу въ самомъ радостномъ расположеніи духа; пили за здоровье единоплашной, великой Украины, пили за здоровье царя православнаго и «праведнаго», который—говорили они—ни для кого на свѣтѣ не покривитъ душою; не такъ какъ король, который отдалъ козаковъ на поруганіе магнатамъ. Ликовали отъ всего сердца, предвидя впереди много хорошаго для всего православнаго міра. Шрамъ об-

нималъ гетмана, и едва не плакалъ отъ восторга; а Черевань, осушая кубокъ за кубкомъ, безпрестанно восклицалъ: *Що бь нашими ворогамъ було тяжко!*

Все это происходило въ свѣтлицѣ, сосѣдней съ комнатою, въ которой лежала разстроенная гетманская невѣста. Никто о ней не заботился: козаки увлеклись войсковыми дѣлами, заговорились подъ стукъ ковшей и кубковъ, и позабыли о своихъ женахъ и невѣстахъ. Это было въ порядкѣ вещей, къ этому всѣ привыкли; но обычаемъ покрываетъ умъ, и не властенъ надъ сердцемъ. Леся сильно почувствовала свое отчужденіе. Не жаловалась она въ душѣ своей ни на стараго Шрама, ни на его сына,—ихъ она оттолкнула отъ себя добровольно; не жаловалась и на своего отца,—тому все было ни по чемъ, когда завязывалась пріятельская пирушка; но ея сердце сильно обвиняло жениха, который какъ будто позабылъ, что у него есть невѣста. У него въ головѣ только и мыслей, что про походы; сердце его только и бьется для военной славы. А дѣвичьему сердцу тогда только дорога рыцарская слава, когда козакъ вмѣнитъ ее въ ничто передъ любовью. Женщинѣ нужно хоть на одинъ мигъ, но полное торжество надъ сильнымъ, гордымъ мужчиною. Леся не имѣла и не могла имѣть надъ Сомкомъ такого торжества. Онъ *удостоивалъ* ее любви, и не сомнѣвался ни одной минуты въ ея привязанности.

Дѣйствительно, она полюбила его еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда онъ, бывало, носилъ ее на рукахъ и дарилъ ей то золотыя серьги, то ожерелья, добытыя въ Польшѣ. Еще тогда онъ называлъ ее своею суженою, и сложилъ руки съ ея матерью. Череваню казалось шуткою такое сватовство, потому что Сомко только изрѣдка навѣщалъ его хуторъ, да и то какъ-будто мимоѣздомъ; но Череваниха не шутила съ нимъ словами: отъ всей души называлъ ее Сомко матерью, отъ всего сердца называла она его зятемъ. Только Сомко спокойно ждалъ, пока исполнятся Лесѣ дѣвичьи лѣта,—его увлекали болѣе строгія заботы; а у дочери съ матерью только было и бесѣды, что про жениха. И выросла Леся, любя его, какъ умѣютъ

любить только козачки, и готова была доказать жизнью и смертью любовь свою. Но отъ нея не требуютъ никакихъ доказательствъ. Она, съ ея преданнымъ сердцемъ, была оставлена какъ бы въ сторонѣ: другіе предметы, другія чувства занимаютъ весь умъ и душу блистательнаго жениха ея. Заболѣло у нея сердце; но молчала бѣдняжка, не жаловалась и матери.

Что же Петръ? Онъ тотчасъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ окрестный лѣсъ подъ видомъ охоты, а въ самомъ лѣсѣ для того, чтобъ быть подальше отъ своей чаровницы. Его душа разрывалась на двое: одна сила тянула его къ гордой красавицѣ, а другая заставляла бѣжать отъ нея, какъ отъ чего-то пагубнаго. Онъ воротился на подворье только вечеромъ, и никто не зналъ, какъ много перечувствовалъ онъ въ короткое отсутствіе. Въ свѣтлицѣ шелъ пиръ горой, и далеко были слышны шумныя рѣчи гостей. Нѣкоторые радушно предлагали ему круговую. Петръ сперва отказывался, но потомъ съ горя взялъ огромную коновку, наполненную наливкою, и выпилъ ее до дна, думая заглушить эгивъ свою горестъ. Но хмѣль не имѣлъ на его голову никакого дѣйствія.

Лишь только сѣли за ужинъ, какъ явился опять Запорожець, но уже безъ побратима.

Деся не вышла къ ужину. Голова у нея разгорѣлась, и она пришла въ такое состояніе, что мать нашла необходимымъ послать въ монастырскую пасику за ворожкой. Пришла ворожка, шептала надъ больною чародѣйскія, ни для кого непонятныя рѣчи, напоила ее какой-то травой, и осталась при ней ночевать. Къ вечеру Деся согласилась было на убѣжденіе матери раздѣться и лечь въ постель; но, услышавъ голосъ Кирила Тура, рѣшилась не раздѣваться и не ложиться спать во всю ночь. Она не сомнѣвалась, что этотъ пройди-свѣтъ дышетъ не своею силою: она слышала много чудесъ о запорожскомъ *характерствѣ*. А Кирило Туръ, какъ бы съ напѣреніемъ позабавиться еще больше ея страхомъ, началъ опять свой странный разговоръ.

— Ну, панове, сказалъ онъ, — собрался я въ дорогу.

— Въ какую? спросилъ Сомко.

— Да въ Черногорію жъ.

— Всѣ таки туда. Ты не отстаешь отъ своей затѣи?

— Когда жъ это, пане ясневельможный, бывало, чтобы Низовцы, что-нибудь затѣявши, оставили свой замыселъ, какъ химеру? О чемъ никто подумать не отважится, то Низовецъ, сидя надъ широкимъ моремъ-лиманомъ, выдумаетъ, затѣетъ и скорѣй пропадетъ, нежели броситъ свою затѣю. Такъ, видно, и мнѣ приходится теперь, или пропасть, или достать славы: не даромъ мою Турову голову такъ заморочили дѣвичьи очи!

— И ты, будучи Запорожцемъ, не стыдишься въ томъ признаваться! сказалъ Шрамъ, который тоже заслушался его балагурства, какъ сказки.—А что скажетъ товариство, когда узнаетъ, что куренный отаманъ такъ осрамилъ Запорожье?

— Ничего не скажетъ: я уже теперь вольный козакъ.

— Какъ то *теперь* вольный? а прежде развѣ не былъ вольный?

— Видите ли, у насъ пока козакъ считается въ куренномъ товариствѣ, до тѣхъ поръ онъ такой же невольникъ у сѣчевой старшины, какъ и послушникъ монастырскій у своего игумена. Свяжись, когда хочешь, тогда съ бабою, то будешь знать, *по чімъ ківшъ лиха!* Но нашъ монашескій уставъ мудрѣе монастырскаго: у насъ вольному воля, а спасенному рай. Чего добраго ожидать отъ человѣка, которому запахнуть, какъ говорится, прелести міра сего? У насъ, какъ только овладѣетъ которымъ «братчикомъ» дьяволъ суеты мірской, то заразъ ему отставка: иди къ бѣсовой матери, выбрикайся на свободѣ, коли слишкомъ разжирѣлъ отъ сѣчеваго хлѣба! И не разъ случалось, что бѣдный сѣромаха погуляетъ, погуляетъ по свѣту, ухватитъ, какъ говорятъ, шиломъ патоки, да увидѣвши собственными глазами, что въ мірѣ нѣтъ ничего путнаго, броситъ жику и дѣтей, придетъ въ Сѣчь: «Эй, братчики, примите меня опять въ свое товариство: нѣтъ въ свѣтѣ добра, не стоятъ онъ ни радости, ни печали.» А козаки тогда: «*А що братъ! ухопівъ шиломъ патоки!* Берн жъ

корякъ да вышей съ нами этой дуры, то, можетъ, поумнѣешь.» Вотъ горемыка садится межъ жилимъ товариствомъ, пьетъ, рассказываетъ про свое житье-гореванье въ свѣтѣ, а тѣ слушаютъ, да только за бока берутся отъ смѣху. Такъ и мой покойный батько—царство ему небесное!—ѣздячи когдато по Украинѣ, наѣхалъ на такія очи, что и товариство стало ему не товариство: сказано—лукавый замутилъ человѣку голову, такъ какъ вотъ мнѣ теперь. Ну, уволился отъ товариства, сѣлъ хуторомъ гдѣ-то возлѣ Нѣжина, и хозяйство завелъ, и дѣтокъ прижилъ двоихъ. Одинъ изъ нихъ былъ карапузъ мальчикъ, а другая дѣвочка. Только годовъ черезъ пять-шесть такъ ему все опротивѣло въ той сторонѣ, какъ орлу въ неволѣ. Тоскуеть да и тоскуеть козакъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли козацкую душу наполнить жинкою-квочкою да дѣтми-писклятами? Козацкой души и весь міръ не наполнить. Весь міръ она прогуляетъ и разсыплетъ, какъ дукаты съ кармава. Одинъ только Богъ можетъ ее наполнить...

— Чтò жъ сдѣлалось съ твоимъ батькомъ? спросилъ Сомко.—Ты ужъ рассказывай одно; а то хочешь быть и попомъ и дякомъ.

— Съ моимъ батькомъ? сказалъ Запорожець, выходя изъ какой-то несвойственной ему задумчивости, въ которую впалъ онъ послѣ своего разсужденія.—Эге! я жъ говорю, что, женившись, батько мой скоро увидѣлъ, *що поживівсь якъ собака мѣхою*, и заскучалъ по Запорожью. Уже не разъ говорила ему моя мать, такъ какъ та жинка въ пѣснѣ:

Що ты мійлий думаеть-гадаешъ?
 Мабуть, менѣ покнати маешъ.
 Раю всташъ, коні наповашъ,
 Жовтѣнького вівса підсыпашъ,
 Зелѣного сіпця підкладашъ,
 Въ свѣчки йдешъ, нагайки пытаешъ,
 Въ комору йдешъ, сидельця шукашъ,
 Дитя плаче, ты не поколышешъ,
 Все на мѣве важкимъ дѣхомъ дышешъ...

Только мой батько не пускался въ такіе жалобные раздобары, какъ тотъ козакъ съ своею жинкою, а наду-

мавшись-нагадавшись, сѣлъ разъ на коня, взялъ на сѣдло съ собою карапуза своего сынка, то есть меня негодного, да и гайдá на Запорожье! Не выбѣгала вслѣдъ за нимъ моя мать, какъ въ той пѣснѣ, не хватала за стремяна, не упрашивала воротиться выпить вареной горилки, нарядиться въ голубой жупанъ, и еще хотъ разъ посмотрѣть на нее. И наливки, и жупаны оставилъ онъ ей на прожитье, а самъ, въ простой сермягѣ, удралъ за границу бабьяго царства, на Запорожье. Видно, и мнѣ придется пойти по батьковскимъ слѣдамъ.

— Ну, бери жъ кубокъ, да подкрѣпись на дорогу, сказалъ гетманъ.—До Черной Горы не близко къ свѣтъ. Вотъ и мы поглядимъ тебѣ дорогу.

— Дякуемъ тебѣ, пане гетмане, отвѣчалъ низко поклонясь Запорожець, и опорожнилъ въ отвѣтъ свой кубокъ.—Когда ты самъ гладишь мнѣ дорогу, то будь увѣренъ, что доведу я въ Черную Горы твою невѣсту благополучно.

—Что ты думаешь? сказалъ Шрамъ потихоньку гетману. Вѣдь эти сѣчевые бурлаки такой народъ, что ихъ и самъ нечистый не разберетъ. Смотри еще, чтобъ въ самомъ дѣлѣ дьяволъ не подвелъ его на какую-нибудь сумасбродную шутку.

— Богъ знаетъ что! отвѣчалъ смѣясь гетманъ,—я слишкомъ хорошо знаю этого юродиваго Запорожца. У него только въ глазахъ лукавство и насмѣшка, а душа такая, какъ будто онъ выросъ въ церкви, а не на Запорожьи. Когда я прогонялъ Ляховъ изъ Украины, и отбивался отъ Юруся и Татарвы, онъ съ своимъ Черногорцемъ оказалъ мнѣ множество услугъ. Онъ былъ моимъ вѣстникомъ, шпіономъ, тѣлохранителемъ, онъ дрался за меня какъ бѣшеный, и все это за кубокъ наливки да за доброе слово. Не разъ насыпалъ я ему полную шапку талярей, но онъ, выходя отъ меня, выбрасывалъ ихъ вонъ какъ соръ. «Откуда это столько половы набилось въ мою шапку!» Такой чудодѣй. Бывало говорю: «Кирило, скажи ради Бога, чѣмъ мнѣ наградить тебя за твои услуги? вѣдь ты не разъ

спасалъ меня отъ смерти.»—«Не тебѣ, говорить, награждать меня за это!» Вонъ оно что, батько!

—Да, отвѣчалъ Шрамъ, это золото, а не Запорожець!—Пане отамане, сказалъ онъ Кирилу Туру, поди сюда, дай я обниму и поцѣлую тебя.

— За что это такая ласка? отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ тономъ.

— Поди, поди; мнѣ-то знать, за что!

И Шрамъ прижалъ Запорожца къ своей груди.—Пускай же наградить тебя Господь за твои рыцарскіе поступки! сказалъ онъ.

— Эге, батько, отвѣчалъ Запорожець.—То еще пустяки, да уже такъ меня приголубливаешь. Какъ же приголубишь ты Кирила Тура, когда онъ украдетъ у гетмана изъ-подъ полы невѣсту?

— Врагъ меня возьми, бгатцы, отозвался Черевань, который особенно любилъ балагурство во вкусѣ Кирила Тура,—врагъ меня возьми, если я когда видѣлъ подобнаго молотца! Душа, а не Запорожець! Поди, бгать, и ко мнѣ, и я тебя поцѣлую.

— Вотъ добрые люди, сказалъ Запорожець, освободясь отъ мягкихъ объятій Череваня. У нихъ крадешь, а они тебя цѣлуютъ! Ей Богу, безподобные люди! Жаль, что уже больше не увидимся: въ Черногорію и воронъ костей вашихъ не занесетъ. Ну, прощайте жъ теперь, панове! благодаримъ за хлѣбъ, за соль. Прощайте, пора мнѣ готовиться въ дорогу...

И выходя изъ свѣтлицы, Кирило Туръ распростеръ руки и говорилъ: Двери отмыкайтесь, а люди не просыпайтесь! двери отмыкайтесь, а люди не просыпайтесь!

— Что за причудливая голова у этого Запорожца! сказалъ смѣясь Сожко. Безъ юродства ему не ѣтся и не спится. Это онъ насъ чаруетъ, характерствуетъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Ой по горі по высóкій я́рая пше́ниця,
 А по луці по зелéній шовко́ва трави́ця;
 А по тій же по трави́ці два коза́ки хóдять,
 Да вороныхъ ко́ней во́дять, не до́бре гово́рять:
 «Ой по́йдемъ, па́ве бра́те, до Ма́русі въ гості,
 А въ ті́ей Ма́русе́нки ввесь дві́рь на помóсті»....
 Ой узяли́ Ма́русе́нку съ чо́ршими бровáми
 Да повезли́ Ма́русе́нку лугáми-яра́ми....

Народная пѣсн.

Вечерній пиръ продолжался не долго, потому что благочестивымъ людямъ неприлично было въ монастырской гостинницѣ гулять до-поздна. За часъ до полуночи всѣ уже спали, нарушая тишину только храпѣнемъ, которое раздавалось отъ покоевъ, занятыхъ сановнѣйшими изъ гостей, до конюшенъ, гдѣ помѣстился Василь Невольникъ и нѣсколько другихъ козаковъ. Многіе улеглись подъ открытымъ небомъ на подворьѣ, и хоть ночь была довольно прохладна, но для этихъ крѣпкихъ людей, разгоряченныхъ напитками, прохлада ночная была такъ пріятна и живительна, какъ и для травъ, привянувшихъ на солнечномъ жару.

Кругомъ по лѣсу раздавалось пѣніе соловьевъ, покрываемое иногда дикимъ голосомъ *пугача*, который очень явственно выговаривалъ свое зловѣщее *пугу!* Козачье солнце (1) высоко поднялось надъ лѣсами, какъ бы для того, чтобъ поглядѣть на своихъ любимцевъ, безопасно покоящихся подъ его сіяніемъ. Звѣзды осыпали небо какъ ризу.

Величественная картина ночи поселила въ умѣ Украинца рядъ благочестивыхъ и поэтическихъ мыслей. Мѣсяцъ своими таинственными пятнами напоминаетъ ему вражду двухъ первыхъ братьевъ. Чтобъ предостерегать на вѣки

(1) Козаки много дѣлали дѣлъ своихъ ночью, при свѣтѣ мѣсяца. Отъ этого мѣсяца и называется *козацкимъ солнцемъ*.

вѣковъ родъ человѣческой отъ подобнаго злодѣянія, Богъ начерталъ своею рукою на этомъ свѣтилѣ небесномъ образъ Каина, несущаго на плечахъ своего брата, въ знаменіе того, что никогда память о содѣянномъ убійствѣ не оставитъ совѣсти преступника. Звѣзды представляются воображенію Украинца человѣческими душами, которыя, воспользовавшись усыпленіемъ грѣховной плоти во время ночи, вознеслись къ своему Творцу, чистыя и блистательныя. Если покатится по небу и погаснетъ падающая звѣзда, Украинецъ заключаетъ, что погасла жизнь какого-нибудь человѣка, и усердно перекрестится, прося Бога отпустить ему грѣхи его. Къ нѣкоторымъ изъ неподвижныхъ звѣздъ и созвѣздій онъ обращается, какъ къ священнымъ знакамъ творческой руки божіей, благодѣтельнымъ для разныхъ временъ года, для разныхъ занятій, промысловъ и тому подобнаго. Такъ созвѣздіе Возъ (Большая Медвѣдица) считается благодѣтельною звѣздою чумаковъ; другія покровительствуютъ жатвѣ, скотоводству, и проч.

Ночь, распростершаяся надъ Печерскимъ монастыремъ и его холодными лѣсами, была прекрасна; но никто не любовался ею, хотя и былъ въ числѣ разгульныхъ богомольцевъ одинъ человѣкъ, который напрасно думалъ найти сонъ на травѣ, покрывавшей подворье. Этотъ человѣкъ долго переворачивался съ одного бока на другой, вздыхалъ, изрѣдка стоналъ, подобно раненному воину, который, при всемъ своемъ мужествѣ, не можетъ перенести терпѣливо боли своей раны; наконецъ онъ всталъ и вышелъ сквозь низенькую калитку въ лѣсъ.

Не трудно догадаться, что это былъ не кто другой, какъ Петръ, который таилъ отъ всѣхъ несчастную любовь свою, и тѣмъ жестоко мучился. Да и къ чему было бы ему кому-нибудь открываться, если такая откровенность, вмѣсто участія, дала бы иному случай посягаться надъ чувствами, которыя всякій влюбленный считаетъ самыми священными въ душѣ своей? Если и въ нашъ образованный вѣкъ такъ не высоко цѣнить любовь къ женщицѣ, то что же сказать о томъ грубомъ вѣкѣ, когда женщину принимали въ спутницы жизни только по матерьяльнымъ нуж-

дамъ, а не по требованію сердца, чувствующаго себя неполнымъ, недосозданнымъ? Въ старину у насъ любили, можно сказать, одні женщины: доказательствомъ тому осталось множество сложенныхъ ими пѣсенъ. Мужчина только тогда возвышался до чувства поэтической любви, когда дѣлался семьяниномъ и отцемъ.

Какія думы, какія чувства занимали душу моего козака, не берусь рассказывать, да и самъ онъ едва ли былъ бы въ состояніи выразить что-нибудь словами. Если бъ онъ имѣлъ мать, для которой всякое страданіе сына становится собственнымъ страданіемъ, или сестру, которую украинскія наши пѣсни такъ хорошо называли жалобницею, онъ бы имъ рассказалъ свое горе; потому что, если козакъ стыдился обнаруживать нѣжныя чувства передъ козакомъ, и прикрывалъ ихъ всегда насмѣшливымъ тономъ рѣчей, то онъ невольно дѣлался простодушнымъ юношею, когда мать начинала окружать его своими заботами, или сестра принималась расчесывать его кудри, спрашивая о чужой сторонѣ, объ ужасахъ, нуждахъ и опасностяхъ, какими онъ подвергался. Мой Петро не имѣлъ ни матери, ни сестры; казалось бы, его чувства тѣмъ удобнѣ могли огрубѣть посреди забіякъ — товарищей и суровыхъ воинскихъ занятій. Но вышло напротивъ: они достигли тѣмъ большей силы въ глубинѣ его чистой и страстной души, закрытой для всѣхъ женщинъ до этого знакомства.

Петро медленно бродилъ по узкой дорожкѣ, извивающейся между старыми дубами и березами, сквозь которыя мѣсяць, спустившись съ высоты неба, проливалъ по травѣ и по истрескавшимся корнямъ древеснымъ длинныя полосы свѣта. Ночь была уже на исхолѣ. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу конскій топотъ. Шумъ постепенно къ нему приближался. Опытный слухъ его сквозь пѣнье соловьевъ распозналъ умѣренную рысь двухъ лошадей. Избѣгая, съ кѣмъ бы то ни было, встрѣчи, онъ отошелъ въ сторону, и черезъ минуту, или черезъ двѣ, началъ различать голоса двухъ разговаривающихъ людей, изъ которыхъ въ одномъ не трудно было узнать Запорожца Кирила Тура. Несвободная, наполненная ошибками противъ языка и перемѣ-

шанная сербскими восклицаніями *бре и море*, рѣчь его собесѣдника обнаруживала всегдашняго спутника его, Богдана Черногора.

— Хотѣлъ бы я знать, побро, говорилъ Сѣчевикъ, что скажутъ ваши отмиচারы о запорожскомъ удамствѣ, когда ты имъ расскажешь, какъ Кирило Туръ подхватилъ себѣ *дѣвоику*, да еще какую!

— Бре, побро, отвѣчалъ Черногорецъ; мнѣ все сдается, что ты меня морочишь. Не повѣрю, пока не увижу собственными глазами.

— Мѣсяць еще не скоро зайдетъ; увидишь, коли не ослабнешь.

— Но, скажи ради Бога, какъ ты *отмешь дѣвоику*, не надѣлавши шуму?

— Эге-ге! такія ли дѣла приходилось Запорожцамъ совершать на своемъ вѣку? А развѣ я напрасно заворожилъ всѣ двери?

— Море! воскликнулъ Черногорецъ. Ты бѣ уже хоть меня не дурачилъ!

— Чтѣ за безтолковая у тебя голова! сказалъ Кирило Туръ. Ну, за чтѣ бѣ меня выбрали отаманомъ? развѣ за то, что исправно осушаю ковши съ горилкою? На это у насъ много мастеровъ; а характерство не всякому дается.

Между тѣмъ какъ Петро съ любопытствомъ и удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ, отмиচারы проѣхали мимо, и отѣхали такъ далеко, что голоса ихъ начали покрываться неумолкавшимъ во всю ночь пѣньемъ соловьевъ.

Теперь эти странныя рѣчи Петру не казались уже шуточкою, и первымъ его движеніемъ было идти на козацкое подворье и разбудить козаковъ. Но, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ подворью, онъ перемѣнилъ свое намереніе, и ему стало даже стыдно, какъ могъ онъ быть такъ легкомысленъ, чтобы принять затѣю пьянаго Запорожца за настоящее дѣло!

Однакожъ онъ продолжалъ идти впередъ медленнымъ шагомъ.

— Чудно! думалъ онъ, — какъ человекъ отъ юродства способенъ совсѣмъ сятить съ ума! Это тебѣ за то: не

представляй изъ себя хѣмородника (1), не бурли, какъ кабанъ въ корытѣ! Я отъ души буду доволенъ, если ему за эту шутку Сомкó, также шутя, велить нагрѣть дубиною плечи.

Послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мысли его приняли другое направленіе.

— Но что, если онъ въ самомъ дѣлѣ характерникъ? — думалъ онъ — и вспомнилъ рассказы старыхъ и бывалыхъ козаковъ о томъ, какъ эти бурлаки-Запорожцы, сидя на Низу въ камышахъ, межъ болотами, обнюхиваются съ нечистымъ, — какъ они выкрадывали изъ турецкихъ крѣпостей не только своихъ товарищей, невольниковъ, но и самыхъ Турчанокъ, такимъ чуднымъ способомъ, что безъ особенной помощи божіей, или безъ нечистой силы, обойтись, кажется, было бы трудно.

— Правда — размышлялъ онъ — почему же не быть помощи божіей для освобожденія невольника изъ бусурманской земли, или для того, чтобъ невѣрная Турчанка сдѣлалась христіанкою? Но отъ такихъ размышлѣнь, у которыхъ безпрестанно на языкѣ какая-нибудь дрянь, и Богъ отступится. Да притомъ же вѣрно не даромъ носится въ народѣ слухъ про ихъ характерство.... Уходитъ отъ Татаръ, раскинетъ на водѣ бурку, сядетъ и плаваетъ, какъ на плоту, да еще сидя на буркѣ, и отъ Татаръ отстрѣливается! Конечно, то пустяки, что Ляхи вѣрятъ, будто бы Запорожцы рождаются на днѣпровскомъ лугу, какъ грибы, и оживаютъ до девяти разъ, потому, будто бы, что у каждаго Запорожца девять душъ въ тѣлѣ. Но украсть у добраго человѣка что-нибудь имъ такъ же легко, какъ достать тютюну изъ собственнаго кармапа. Они напускаютъ туманъ на человѣка....

Тутъ пришелъ ему на память запорожскій бурлака, который сидѣлъ у стараго Хмѣльницкаго подъ стражею, и напускалъ туманъ. — «Что вы, говорить, меня сторожите? Только захочу, то чорта съ два убережете. Заявите, говорить, меня въ мѣшокъ, да привѣсьте къ перекладнѣ,

(1) Чародѣя.

такъ и увидите ». Завязали въ мѣшокъ, и привѣсили къ перекладнѣ, а онъ и идетъ изъ-за двери. « А что, вражьи дѣти, уберегли? »

— Что же, думаетъ Петръ, если и это такой удалецъ! Пойду скорѣй, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не надѣлалъ онъ намъ бѣды.

Но, пройдя шаговъ десять, онъ опять остановился.

— Что я за безумная голова! сказалъ онъ почти въ слухъ. Кому я иду помогать? Кого спасать? Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь? Что жъ я за караульщій, который долженъ не спать по нѣлымъ ночамъ, чтобъ какой-нибудь пьяница не подкрался и не испугалъ гетманской невѣсты? Когда ты выходишь за гетмана, такъ пусть вокругъ тебя на всѣхъ дверяхъ и воротахъ поставитъ сторожу; а мои уши ничего не слышали и очи не видѣли.... Пусть васъ хоть всѣхъ перехватаютъ эти гайдамаки—миѣ какое дѣло? Воображаю я завтра ясневелиможнаго пана, когда узнаетъ, что Запорожецъ изъ-подъ носа у него укралъ невѣсту! Воображаю и тебя, пышная пани Череваниха; такъ ли гордо будешь ты поглядывать на нашего брата, когда этотъ женихъ со звѣздами вмѣсто очей проспится невѣсту свою не хуже всякаго гультая? Воображаю и тебя, неприступная краля, когда эта шибай-голова замчитъ тебя между Черногорцевъ: тамъ женщины цѣлуютъ въ руку мужчинъ, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ милостью! Будешь ты тамъ скакать черезъ саблю этого дикаго Тура, не разъ вспомнишь пѣсню:

Любви менѣ, мати, Запорожець,
Водивъ менѣ бѣсу на морозецъ....

Тутъ его мысли прерваны были послышавшимся вдали конскимъ топотомъ. Все его вниманіе обратилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ. « Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ бурлака знаетъ съ нечистою силою? » подумалъ онъ. « Но посмотримъ, не одни ли они возвращаются?—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ! » воскликнулъ мысленно Петръ, примѣтя вдали всадниковъ, отъ которыхъ

длинные тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался. Тутъ только пришло ему въ умъ, какую роль могла сыграть ворожка, за которою Череваниха простоудшно посылала Василя Невольника....

Отмиচারы скоро подѣхали очень близко. Смотрить козакъ мой, — Кирило Туръ держитъ передъ собою Лесю на рукахъ, какъ ребенка. Видъ ея поразилъ Петра какимъ-то ужасомъ. Она казалась дѣйствительно заколдованною: сидѣла на конѣ, или, лучше сказать, лежала на рукахъ у Запорожца, съ закрытыми глазами и опущенною на грудь головою, между тѣмъ какъ видно было, что она чувствуетъ свое положеніе. Петръ услышалъ даже нѣсколько отрывистыхъ словъ, сказанныхъ ею въ этомъ полуснѣ; но за топотомъ коней и за свистомъ соловьевъ, которые передъ разсвѣтомъ заплѣли громче прежняго, онъ не могъ разслушать, что она говорила. Онъ хотѣлъ было выдти изъ-за куста, заступитъ отмичарамъ дорогу, и сразиться съ ними, не смотря на всѣ ихъ чары; но вспомнилъ, что при немъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ ножа у пояса.

Когда они проѣхали мимо, Петръ еще съ минуту не зная, на что рѣшиться. Не смотря на состраданіе къ Лесѣ и негодованіе къ похитителямъ, въ его сердцѣ все еще не исчезли ревность и низкое чувство мщенія. Онъ еще разъ обратился къ любимымъ своимъ размышленіямъ на счегъ досады и стыда людей, съ которыми Запорожець сыгралъ такую злую шутку.... Но вдругъ до его слуха долетѣлъ вопль увозимой красавицы, и ему показалось, что онъ слышалъ въ этомъ воплѣ свое имя. Сердце его затрепетало, и въ ту жъ минуту пробудилась въ немъ вся энергія, вся готовность пожертвовать за эту дѣвушку свою жизнь, хоть бы только для того, чтобъ она вспомнила о немъ съ благодарностью.

Онъ бѣгомъ бросился къ подворью, отъ котораго былъ не далеко, и сперва хотѣлъ было поднять на ноги весь домъ; но непреодолимое отвращеніе извѣщать Сомкѣ о его невѣстѣ удержало его отъ этого. Къ тому жъ, онъ боялся потерять время. И такъ онъ вбѣжалъ въ конюшню, раз-

будиль спавшаго тамъ Василя Невольника и, пока сѣдлажь своего коня, разсказаль ему, въ чемъ дѣло.

Василь Невольникъ отъ удивленія и страха могъ только произносить: « Боже правый! Боже правый! » и Петръ, оставя его въ этомъ положеніи, помчался въ погоню.

Между тѣмъ отмиচারы продолжали свой путь такъ быстро, какъ только позволяло имъ затрудненіе везть полу-сонную красавицу. Бѣдная Леся видимо была напоена соннымъ напиткомъ, и такъ сильно, что до сихъ поръ не могла очнуться. Скоро однакожь свѣжій ночной воздухъ и движеніе отъ верховой ѣзды произвели на нее свое дѣйствіе. Она открыла отяжелѣвшій вѣки, и, увидя себя въ лѣсу между двухъ усатыхъ рожъ, сочла это видѣніе за сонъ. При всемъ томъ страхъ ея былъ такъ силенъ, что она пронзительно закричала, призывая своихъ друзей на помощь; и этотъ-то крикъ произвелъ такое благодѣтельное дѣйствіе на любящее сердце Петра.

Что же касается до сердець Кирила Тура и его вѣрнаго побратима, то вопль прелестной отмицы тронулъ ихъ не болѣе того, сколько отчаянный крикъ зайца трогаетъ сердце охотника. Витязи ночи только взглянулись между собою съ торжествующимъ видомъ; и продолжали мчать впередъ свою добычу. Она начала умолять ихъ, чтобъ не губили ея и возвратили къ отцу и матерѣ; но Кирило Туръ на это весело разсмѣялся.

— Что за глупыя головы у этихъ дѣвушекъ! сказалъ онъ.—Послѣ такихъ трудовъ бросить по доброй волѣ добычу! Нѣтъ, голубонько, не на такого напала. Да и чего горевать тебѣ? развѣ я не сумѣю любить тебя такъ же, какъ и кто другой? Не плачь, мое серденько! Привыкнешь, то будешь такъ же весело жить, какъ и за гетманомъ. Не даромъ говорятъ: *дівка якъ верба: де посади, то ирїмется*.

Не очень утѣшило Лесю такое увѣщаніе; бѣдняжка рвалась, кричала, поднимала къ небу руки.

— Послушай, моя дуся, сказалъ ей Запорожець такимъ голосомъ, отъ котораго она затрепетала, — я не знаю вашихъ нѣжностей; можетъ быть, яповельможный панъ

гетманъ, или кто другой, умѣлъ бы лучше развеселить тебя; я же скажу только, что тебѣ выгодноѣе будетъ отложить свой крикъ до другаго времени, а то насъ могутъ нагнать, и тогда не думай, чтобъ я возвратилъ тебя живую. Можетъ быть, у вашихъ сельскихъ волковъ можно вырвать изъ пасти еще не задавленнаго ягненка, но наши луговые не привыкли быть такими уступчивыми. Молчи, говорю, коли не нажилась еще на свѣтъ!

И, вынувъ изъ ноженъ кинжалъ, блеснулъ имъ при мѣсцѣ передъ ея глазами, прибавя: — Не плачь, моя любя; бачь, якá цѣцл!

Яростный взглядъ, брошенный при этомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце, заставили бѣдную отницу повиноваться ея похитителямъ, и только мысленно молить Бога о помощи.

Когда они выѣхали изъ лѣсу на открытое поле, блѣдный лунный свѣтъ боролся уже съ розовымъ отблескомъ зари, которая начинала окрасивать своимъ пурпуромъ восточный горизонтъ. Поля простирались передъ ними широкими волнами, и дорога то спускалась въ долину, то подымалась на отлогую возвышенность. Въѣхавъ на одну изъ такихъ возвышенностей, Кирило Туръ оглянулся, и, замѣтивъ подъ лѣсомъ скачущаго во весь опоръ козака, сказалъ:

— Не будь я Запорожець, если этотъ молодець не за нами! И, если хочешь, побро, знать зоркость моего ока, то скажу тебѣ, и кто это. Это сынъ стараго Шрама. Врагъ меня побери, если я не догадываюсь, какой зарядъ несетъ такъ быстро эту пулю!

— Море, драгій побратиме! отвѣчалъ Черногорець, чего жъ ты сталъ? утекаймо!

— Не такой, братъ, у него конь, чтобъ намъ уйти съ отницею. Нѣтъ, лучше остановимся и дадимъ ему бой по рыцарски.

— Бре, побро, я никогда не прочь отъ бою; но насъ два: стрѣлять намъ не приходится, а на сабляхъ не знаю, что можно сдѣлать Шрамову сыну; только провозимся здѣсь до свѣту, пока наскочутъ и отнимутъ дѣвочку.

— Я много разъ слышала, сказалъ Кирило Туръ, — что Шрамовъ сынъ одинъ изъ первыхъ рубакъ на Украинѣ, и потому-то не хочу, чтобъ онъ видѣлъ спину Кирила Тура, послѣ того, какъ махалъ ему издали саблею. Посмотри, какъ онъ машеть: будто просить добрыхъ друзей воротиться въ гости. Будь я дрянъ, а не Запорожецъ, коли сегодня одинъ изъ насъ не добудетъ рыцарской славы, а другой рыцарской смерти! Ты увидишь сегодня такой поединокъ, что перестанешь выхвалять своихъ черногорскихъ юнаковъ.

— Ты хочешь, побро, одинъ съ нимъ биться? спросилъ Черногорецъ.

— А вже жъ одинъ! отвѣчалъ Кирило Туръ.—Я скорѣй промѣню саблю на веретено, чѣмъ нападѣ вдвоемъ на одного.

Между тѣмъ, какъ они разговаривали, остановясь на одномъ изъ полевыхъ бугровъ, Петръ приближался къ нимъ тѣмъ быстрѣе, что Леся, увидя неожиданную себѣ помощь, вынула изъ кармана бѣлую *хустку* (1), и начала махать ему въ знакъ радости.

Отмицары только что оставили за собою мостикъ, перекинутый черезъ одинъ изъ глубокихъ проваловъ, которыми въ этомъ мѣстѣ покрыты нагорные берега Днѣпра. Кирило Туръ, спустивъ свою отмицу на землю, всталъ съ коня, и, разобравши ветхій мостикъ, побросалъ бревна въ провалъ, на днѣ котораго ревлъ мутный потокъ, подмывая крутые берега.

— На что ты это творишь, драгій побратиме? спросилъ Черногорецъ.

— На то, отвѣчалъ Кирило Туръ, чтобъ этотъ молодецъ доказалъ сперва право имѣть дѣло съ Запорожцемъ. Пускай перепрыгнетъ черезъ этотъ ровчакъ, тогда я готовъ съ нимъ рубиться, хоть до страшнаго суда.

— Бре, побро, къ чему это? Коли ты думаешь, что ему не удастся перепрыгнуть, то лучше оставимъ его по ту сторону, а сами доберемъ скорѣй до своей *схованки* (2).

(1) Платокъ.

(2) Тайника.

— Ха-ха! отвѣчалъ Кирило Туръ,—можетъ быть, у васъ въ Черногоріи такъ дѣлають, а у насъ важнѣе всего «честь и слава, войсковая справа», которая бѣ и «сама себя на смѣхъ не давала, и непріятеля подъ ноги топтала.» О головѣ думать нечего. Не даромъ написано: «Человѣкъ, яко трава.» Не сегодня, такъ завтра ляжетъ она, какъ отъ вѣтру бурьянъ на степи, а —

Слава не вѣрѣ, не полагѣ,
Рыцарство козѣньке всякому роскаже.

Между тѣмъ какъ этотъ удалецъ, дѣйствуя по разбойничьи, мечталъ о рыцарской славѣ (что впрочемъ водилось и въ нѣмецкомъ рыцарствѣ), Петръ летѣлъ на него съ обнаженною саблею. Но конь его, доскакавъ до провала, вдругъ остано­вился, уперся въ землю передними ногами, и дико храпѣлъ отъ страху.

— Ге-ге-ге! сказалъ, смѣясь Кирило Туръ.— Видно, не по твоему вкусу такіе ярки?

— Подлый человѣкъ! вскричалъ Петръ, — такъ-то заплатилъ ты за угощеніе?

— За угощеніе! вотъ великое дѣло! отвѣчалъ Кирило Туръ.— У насъ въ Сѣчи пріѣзжай, кто хочешь, воткни ратовище въ землю, а самъ садись, ѣшь и пей, хоть тресни—никто тебѣ ложкою очей пароть не станетъ. А эти городовые кабаны только потому все считаютъ своимъ, что прежде другихъ забрались въ огородъ. Олухи вы царя небеснаго! Подумали бы вы сперва, кто тотъ огородъ засадилъ всякою всячиною на потребу человѣка?

— Иуда ты нечестивый! продолжалъ Петро,—тебя обвиняють и цѣлуютъ за вечерю, а ты умышляешь въ то самое время злодѣйство!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Запорожець, — вольно дурнямъ обнимать и цѣловать меня, когда я въ глаза имъ говорю, какъ честный человѣкъ, безъ обмана, что увезу сегодня жъ пѣанночку! Чѣмъ городить такіе пустыки, попробуй лучше перепрыгнуть черезъ провалье; то мы съ тобою покажемъ этому юнаку, какъ бьются настоящіе рыцари.

Петро и безъ его совѣта намѣренъ былъ это сдѣлать.

Оборота назадъ коня, онъ разогнался, чтобъ перепрыгнуть пространство шириною около полуторы сажени; но его конь, видно, не былъ приученъ къ подобнымъ скачкамъ, или не надѣялся на свои ноги. Добѣжавъ до провала, онъ снова уперся ногами въ землю, потомъ всталъ на дыбы и едва не опрокинулся на спину.

Кирило Туръ отъ души захохоталъ, стоя на другомъ краю пропасти, и повидимому вовсе не заботился о предстоящей схваткѣ.

— Ай-ай! кричалъ онъ, — ай да козакъ! дѣвка по неволѣ перескочила черезъ провалье, а онъ, погнавшись за нею, испугался ярка!

— Я бѣ тебѣ скоро заткнулъ глотку, иродова душа, сказалъ раздосадованный Петро, — если бѣ не забылъ взять пистолетовъ!

— Никогда я не повѣрю, отвѣчалъ тотъ равнодушно, — чтобъ сынъ Шрама взялся за разбойничье оружіе одинъ противъ одного, тогда какъ имѣеть въ рукѣ честную саблю... Что же мнѣ мѣшало бы отдѣлаться отъ тебя пулею, и ѣхать дальше, вѣсто того, чтобъ ждаты, пока ты отважишься прыгнуть черезъ ровчакъ?

— Подлая кожа! говорилъ между тѣмъ Петро, досадуя на своего коня. — Чтобъ тебя волки съѣли! Я обойдусь и безъ твоихъ ногъ!

И отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ разбѣжаться на отчаянный прыжокъ.

Угадавъ его намѣреніе, Леся закрыла въ ужасѣ глаза и мысленно молила Бога подкрѣпить его силы. Впрочемъ, глядя на его высокій ростъ, стройность тѣла и легкость движеній, можно было ожидать, что онъ исполнитъ свое намѣреніе, не подвергаясь большой опасности.

Въ самомъ дѣлѣ прыжокъ былъ такъ ловокъ, что Пётро ступилъ правою ногою на другой берегъ; но едва коснулся онъ земли, какъ она обрушилась подъ нимъ подобно хрупкому снѣгу, и онъ полетѣлъ бы на дно глубокаго провала, если бѣ Кирило Туръ не подбѣжалъ и не подаль ему руки.

— Молодецъ, братъ, ей Богу, молодецъ! говорилъ онъ, —

не даромъ о тебѣ идетъ такая слава. Ну, теперь отъ всей души готовъ съ тобою стукнуться саблями.

— Слушай, товарищъ, сказалъ ему Петро, — не буду а съ тобою биться.

— Какъ! ты отказываешься отъ моей бранки?

— Нѣтъ, скорѣй откажусь отъ жизни! Но послушайся меня, братъ, отдай мнѣ ее, кончи на этомъ свою шутку, и вотъ тебѣ рука моя, что я буду твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.

— Ха-ха-ха! вотъ чудеса! воскликнулъ Запорожець. — Богданъ, слышишь ли?... Я зналъ, что въ тебѣ бездна отваги, но не зналъ, что такъ мало толку. Не совсѣмъ же ты, козаче, пошелъ по батьку. Какой бы дьяволъ заставилъ меня затѣвать съ гетманомъ такую шутку, коли бъ не самъ сатана засѣлъ въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ, братъ, умереть отъ доброй шаблюки для меня ничего не значить, но отдать назадъ такую кралю—ой-ой-ой! И такъ гбли балакать. Стукнемся лучше такъ, *що бь ажь ворогамъ було тяжко*, и пускай лучше про нашу славу Божій человекъ сложить пѣсню, чѣмъ разойтись чортъ знаетъ по каковски.

И, говоря это, онъ обнажилъ свою тяжелую и длинную шаблюку:

Ой пánночко нáша, пánночко шаблюко!
Зъ бусурманомъ зустрівáлась, да й не двíйчи цловáлась!

говорилъ онъ, — поцѣлуйся жъ теперь съ этимъ рыцаремъ такъ, чтобъ Запорожцамъ не было стыдно передъ городовыми, а Черногорцы чтобъ не величались своими юнаками!

— И такъ ты не уступишь безъ бою своей бранки? спросилъ Петро. Пускай же насъ Богъ разсудить, а меня простить, что поднимаю руку на человека, который только что спасъ меня отъ смерти!

И сталъ въ оборонительное положеніе.

— Кохánый побро! обратился тогда Кирило Туръ къ Черногорцу, — если я паду, не препятствуй козаку взять нашу отмицу, а самъ ступай въ Черногорію, и скажи, что естъ на свѣтѣ Украина, гдѣ добрые молодцы не уступаютъ

въ храбрости черногорскимъ юнакамъ. Жаль, что далеко до шинка, а то бы и мы сдѣлали такъ, какъ ты рассказывалъ про ваши юнацкіе поединки,—стукнули бы сперва по доброй чаркѣ, поговорили, пошутковали и начали бы смертный бой, какъ веселый танецъ. Что жъ ты, козаче, не нападаешь? обратился онъ къ Петру. — Твое право нападать, а мое отбиваться.

Петръ началъ сѣчу. Никогда, можетъ быть, не сходились на кievскихъ поляхъ два бойца, столь равные по силѣ, искусству, неустрашимости и хладнокровію. Плотная фигура Запорожца обѣщала на первый взглядъ болѣе силы; но за то стройные и гибкіе члены молодого козака должны, казалось, были взять верхъ надъ тяжелою силою. Стукъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ и отражаемыхъ съ равнымъ искусствомъ, приводилъ въ трепетъ сердце Леси, и только глаза такого человѣка, какъ Черногорецъ, могли смотрѣть на этотъ страшный бой безъ ужаса. Онъ видѣлъ въ немъ нѣчто столь высокое въ своемъ родѣ, что, глядя на него, забывалъ и объ опасности своего друга, и о своей отицѣ. Съ восторгомъ мастера наблюдалъ онъ, какъ удары съ обѣихъ сторонъ отпускались сперва изрѣдка и съ умѣреннымъ напряженіемъ силы, какъ они постепенно дѣлались быстрѣе и крѣпче, какъ оба противника перемѣняли одинъ за другимъ разные способы сражаться, и отвѣчали другъ другу съ такимъ присутвіемъ духа, знаніемъ дѣла и единомысліемъ, какъ музыканты въ дуэтѣ. Между тѣмъ, по воспламененнымъ уже яростью ихъ взорамъ, по искрамъ, сыпавшимся отъ сабель, и напряженію мускуловъ, можно было каждую минуту ожидать, что чья нибудь голова распадется на части подъ ударомъ. Эгого однакожъ не случилось, потому что въ самомъ жару поединка сабли вдругъ перебились, и противники остались обезоруженными.

— Ну, чѣмъ же мы кончимъ? сказалъ Петръ, разгорячась, и уже забывъ свои кроткія мѣры. — Давай бороться или стрѣляться на пистолетахъ. Мнѣ не хотѣлось бы пустить молву, что я не справился съ Кириломъ Туромъ.

— Къ чорту борьбу! отвѣчалъ Запорожецъ, тяжело ды-

ша, — это шутовскій поединокъ; да тебѣ жъ и не ударить меня объ землю такъ, чтобъ и духъ вошъ.... Пистолеты также къ чорту! немного чести раздробить человѣку черепъ глупою пулею. А есть у насъ, коли хочешь, кинжалы, равной величины и одного мастера. Схратимся за руки по братски, по стародавнему обычаю, и пусть намъ Господь милосердый отпуститъ наши согрѣшенія!

Взявъ у побратима кинжалъ и примѣривъ къ своему, онъ подалъ его своему противнику, и тотъ схватилъ опасное оружіе съ какою-то безумною радостью. Потомъ они взялись крѣпко лѣвыми руками, и между ними началась битва, гораздо отчаяннѣе первой.

— Эй, драгіи побро! сказала Черногорець, — оканчивай скорѣй: вонъ уже погоня за нами!

— Не бойся, отвѣчалъ, задыхаясь Кирило Туръ, — пока переправится черезъ байракъ, всему будетъ конецъ.

— Наши, наши! вскричала Деся, обративши на дорогу глаза, устремленные до сихъ поръ съ ужасомъ на сражающихся.

Дѣйствительно, на мѣсто боя воспѣнали нѣсколько всадниковъ съ такою быстротою, какая только была возможна для ихъ лошадей. Впереди всѣхъ скакалъ Сомко; за нимъ старшій Шрамъ, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

Выѣхавъ изъ лѣсу, они скоро увидѣли вдали на возвышеніи двухъ бойцовъ, которыхъ сабли блистали краеными полосами противъ зардѣвшагося на востокъ неба. Шрамъ, зная силу и искусство своего сына, увѣренъ былъ, что онъ положитъ хищника на мѣстѣ. Но когда бойцы взяли за кинжалы, у него замерло сердце: онъ зналъ, что въ такомъ бою нерѣдко оба противника падаютъ разомъ.

Такъ и случилось. Не успѣла погоня доскакать до провала, какъ Петра и Кирило Туръ нанесли въ одно и то же мгновеніе другъ другу въ грудь по такому удару, что оба повалились замертво.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

КАРТИНЫ

ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

I.

НЕВѢСТА СЪ ПЛОЩАДИ.

Едва ли кто у насъ не слыхалъ о народномъ повѣрѣ, что берутъ, или что можно брать невѣсту *изъ-подъ кнута*: такъ выражается народъ въ разказахъ своихъ объ этомъ странномъ дѣлѣ, — тѣмъ болѣе странно, что нѣтъ и не бывало закона, который бы допускалъ самую возможность этого мнимаго обычая, — а между тѣмъ народъ во всей Россіи вѣритъ въ него и пересказываетъ сохранившіяся о томъ преданія. Вотъ одно изъ нихъ: онъ, какъ и всѣ подобныя ему, основано на укоренившемся мнѣніи, что, если явится человекъ, который, въ самую минуту торговой казни преступницы, объявитъ гласно желаніе покрыть вину ся, то есть, обвѣнчаться съ нею и взять ее на свой отвѣтъ, то казнь немедленно отиѣняется, и невѣсту, вмѣстѣ съ посланнымъ ей судьбою суженымъ, везутъ прямо къ вѣнцу. Не могло ли быть подобнаго, освященнаго однимъ обычаемъ дѣла въ старину, когда правительственный и общественный порядокъ основывался болѣе на обычаяхъ, чѣмъ на писанныхъ законахъ?—Вотъ что, между прочимъ, объ этомъ говорить преданіе.

Въ одной изъ среднихъ губерній нашихъ, въ хорошемъ селѣ, жилъ не бѣдный крестьянинъ, семейникъ, и между прочимъ была у него дочь, Дарья. Дѣвушка эта смолоду показывала во нравѣ своемъ много особеннаго, чего ни

родители ея, ни другіе приближенные не умѣли, да и конечно не старались понять, и даже въ послѣдствіи не могли хорошенько объяснить. Иные называли ее упрямою, даже злою, тогда какъ другіе говорили; будто она къ доброму человѣку такъ добра, что и мѣры иѣтъ, но что сердце ея не терпѣтъ никакой обиды или неправды; а что зла бывала она развѣ тогда только, когда подводили ее подъ напраслину, которой она не терпѣла. Она, какъ увѣряли, была жалостлива и послушна, если ее не раздражали грубою бранью, поклепомъ или несправедливымъ и непосильнымъ требованіемъ. Но когда она выросла и, какъ говорятъ, заневѣстилась, то все это вскорѣ было забыто, а добрая слава о Дарьѣ ходила по всему околотку. Она была черноволоса и черноглаза, очень бѣла для крестьянки, росла и статна; черты лица ея были чрезвычайно живы и выразительны, и за здравый прямой умъ свой она получила прозваніе *козырь-дѣвки*. Она тоже извѣстна была самою работящею дѣвкойю на селѣ; дѣло у нея полъ руками не только кипѣло, но и горѣло; она всегда бралась за него со смѣхомъ, шутками и пѣснями; но если, по временамъ, на Дарью находила хандра, по поводу какой нибудь обиды или неправды, то она замолкала на иѣлую недѣлю и не прежде дѣлалась опять тою же веселою пѣвицей, какъ высказавъ обидчику своему всю правду въ глаза и сказавъ, не выжидая отвѣта: Богъ съ тобой!

Естественно, что за такую дѣвкойю ухаживало много парней; говорятъ, что, когда однажды двое изъ нихъ поссорились изъ-за нея и чуть было не подрались, то она закричала имъ: «Чура не драться, дураки: лучше подите сюда, такъ я сама, изъ своихъ рукъ поколочу васъ обоихъ, да в погоню коромысломъ со двора!»—Говорятъ тоже, что Дарья была благосклоннѣе, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ поклонникамъ своимъ, къ бѣдняку, къ сиротѣ-парню, который жилъ на селѣ въ работникахъ; но само собою разумѣется, что парень этотъ былъ не дружка и не ровня Дарьѣ, которая не смѣла и думать о такомъ женихѣ: нашла другую, по путру отцу ея, по праву матери,—сынъ

земскаго, волостнаго писаря, молодой щеголь, видный собою и съ наживнымъ достаткомъ, но поведенія ненадежнаго. Отецъ, хоть и самъ хмѣльной, не разъ колачивалъ его, по возвращеніи изъ города, съ погулу, приговаривая: хоть и валентиръ, да не ходи въ трахтиръ, не играй въ белендрій, не испивай горячихъ шпунтовъ.

Женихъ этотъ Дарья не нравился; она отпрашивалась долго у отца и матери и называла жениха въ глаза нахаломъ, за то, что онъ не хотѣлъ отъ нея отстать; но наконецъ должна была согласиться и вытти за него, потому что въ подобныхъ случаяхъ дѣло рѣшаютъ старики, которые больше нашего знаютъ. Главнымъ доводомъ родителейъ было то, что и мать Дарьи въ свое время не хотѣла итти за отца ея, а послѣ вышла, да потъ, благодаря Бога, и живутъ. Сыграли свадьбу, на которой подружки Дарьи не шутя плакали и причитали по невѣстѣ, то есть, не для одного только обыка и приличія, а потому что жалѣли ея, и до трехъ разъ принимались пѣть: «Утопили же твою головушку за такимъ да за водопьяницей»,—такъ что наконецъ отецъ невѣсты окрысившись прикрикнулъ на нихъ: «Да ну васъ и съ этою пѣснею, на свою бѣ голову вамъ ее!» и тѣмъ заставилъ ихъ замолчать. Расплекли Дарьюшкину черную косу—всѣ дѣвушки плакали, не плакала только одна она; а что думала она, не знаю. Объ этомъ было на селѣ много пересудовъ; иные говорили, что она не плакала со злости; другіе, что охотно шла за сына земскаго и только притворилась.

Вскорѣ однако люди заговорили, что Аксенка съ Дарьей живутъ не совсѣмъ ладно; иные вирили его, говоря, что онъ и прежде былъ непутный человѣкъ; другіе обвиняли ее, увѣряя, что она ухватомъ и помеломъ весь домъ завоевала и что Аксенья отъ нея житья нѣтъ. Умильшіе говорили просто, что они оба другъ для друга не годятся, что на эту бабенку надо бы не такого кислаго мужика, каковъ Аксень, а ей бы нужно такого, котораго бѣ она любила. Словомъ, когда дѣло было сдѣлано, тогда только стали догадываться, что напрасно ихъ перевѣнчали. И тѣ же самые сосѣди, которые прежде говорили отцу Дарьи, на жалобу

его, что она не хочет за Аксена: «Да чего тебѣ на нее смотришь? что она знает? Вотъ нашелъ толкъ, дѣвку спрашивать!»— тѣ же самые сосѣди говорили теперь: «Эхма, напрасно поторопился, старикъ: дѣвка еще молода—да и дѣвна-то еще кака! эдакая не засидится, не бось! Ну, пусть бы ее еще пожила себѣ на волѣ, чай не объѣла бы тебя, вѣдь она у тебя двухъ работницъ стоила; пусть обрыкалась бы маленько—она бы своего нашла!»

Дарья забеременѣла; и тутъ опять, вмѣсто того, чтобы этому обстоятельству примирить и сблизить болѣе молодыхъ, оно напротивъ послужило къ новымъ ссорамъ, и къ ссорамъ такого рода, которыя развѣ только въ самомъ черствомъ быту могутъ прощаться или забываться, а во всякомъ человѣкѣ съ нравственнымъ чувствомъ не допускаютъ даже и мировой. Аксенка, который сталъ опять слоняться и попивать, не знаю съ чего, сталъ придираться къ женѣ своей и попрекать ее теперь тѣмъ бобылемъ, о которомъ выше было упомянуто. Онъ сталъ ревновать ее и, по обычаю этихъ людей, бранился съ нею за это вслухъ, не заботясь о случайныхъ свидѣтеляхъ. Дарья отвѣчала на это съ гордымъ презрѣніемъ, что онъ пьяный дуракъ, и самъ не знаетъ что вретъ; что ни кому не доводилось и прикоснуться къ ней, да и ему дураку, хоть бы и мужу, въ жизнь свою также не видать ей, какъ ушей своихъ, если бы отецъ на потерялъ бы за нимъ головы ея. Тогда Аксенка, по заведенному обычаю, хотѣлъ побить жену; но при первой угрозы къ тому, Дарья оцѣтнчилась такимъ рѣшительнымъ негодованіемъ, что онъ струсился и, по совѣту товарищей, напился еще болѣе, для отваги. Сдѣлавъ это, онъ подступилъ къ Дарьѣ, какъ ему казалось, съ геройскою смѣлостію и рѣшимостію; но оказалось, что онъ, какъ говорится, и лыкомъ не вяжетъ; съ невнятною бранью доползъ онъ до нея на растопыркахъ, а ему казалось, что неся онъ соколомъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго! Дарьѣ не стояло большаго труда уложить его подъ лавку, на солому, приготовленную для гусей, и заложить его тамъ доской, въ которой были только небольшіе прорѣзы для гусиныхъ шей. Тамъ про-

спалъ Аксенка до утра, очень испугался, очнувшись утромъ въ гробу, стыдился рассказать о приключеніи своемъ товарищамъ, и на нѣсколько времени присмирѣлъ.

Дарья родила сына. Бабки и кумушки едва не замучили бѣдную родильницу, парили и мыли ее, трепали и катали, а наконецъ привели изъ жаркой бани и уложили въ мабѣ. Такъ какъ это не мужское дѣло, то Аксенъ и не принималъ въ немъ никакого участія, но счесть впрочемъ долгомъ напиться отъ радости и пойти съ поздравленіемъ къ тестю и тещѣ. Прошло дня три; крѣпкое сложеніе молодой и здоровой женщины взяли верхъ, и она была уже въ избѣ своей на ногахъ. Мужъ всталъ со свѣтомъ и пошелъ на работу; Дарья еще спала. На нее какъ-то напалъ такой непробудный сонъ, что она, проснувшись наконецъ довольно поздно, насилу опомнилась, и сама тому дивилась. Первымъ движеніемъ ея было ощупать около себя ребенка—онъ былъ тутъ, но лежалъ поперегъ, подъ нею: ее вдругъ будто обдало льдомъ; она вскочила, схватила его въ руки—онъ уже остывалъ; живой теплоты въ немъ уже не было. Она его *заспала*.

Дарья рѣзко взвизгнула; черные глаза ея дико сверкнули, она припала къ ребенку и долго, долго старалась отогрѣть его дыханіемъ; вдругъ остановилась, приподнялась, опять ощупала его руками, опять дико вскрикнула и вдругъ облила его цѣлымъ потокомъ горячихъ слезъ.

Люди сошлись по немногу, сосѣди и сосѣдки приближались; но пора была страдная, народъ большею частію на работѣ, дома оставались старые да малые. Дарья стояла, вытянувшись во весь ростъ, въ углу подлѣ кутника, прижимала мертвого младенца къ груди своей и не шевелясь поводила только кругомъ черными, блестящими, но будто безумными, глазами. Старики, и въ особенности старухи, входили, разсуждали вслухъ, кричали и горланили, подходили по нѣсколько разъ къ несчастной матери осматривая ребенка, и завѣряли, что онъ ужъ не живой. Одна говорила: экая ты какая, Дарьюшка, да ты бы вотъ то и то, да ребенка-то клала бы подальше отъ себя, къ краю, не то бы повыше, въ головы, вотъ поанко-сь, я

покажу.... другая извиняла ее тѣмъ, что это у нея былъ первенькой и дѣло непривычное; третья полагала, что видно-де Дарьюшка, голубушка моя, больно крѣпко уснула—и прочее. Тутъ же приобщинались и рассказывались всѣ подходящіе къ дѣлу бывые и небывалые случаи, со всѣми подробностями. Натолковавшись досыта, послали наконецъ за родителями Дарьи, тамъ за теткой, но всѣхъ ихъ не было дома; тогда послали двухъ ребятешекъ въ поле звать домой мужа ея; а какъ за тѣмъ несчастная мать все еще стояла, блѣдная какъ стѣна, на томъ же мѣстѣ, крѣпко прижимала младенца и не давала его никому, не смотря на всѣ убѣжденія и завѣренія, что пора-де его обмыть и прибрать, то старушки разсѣлись по лавкамъ и начали толковать на распѣвъ о томъ, что Богдашка этотъ—какъ называютъ всякаго младенца до крестинъ—не крещенъ на бѣлу, и что нельзя его хоронить на Святой землѣ, на кладбищѣ, а надо хоронить безъ попа и за оградой: что матери не видать его и на томъ свѣтѣ; что это еще и не человекъ, и Богъ еще не вложилъ въ него душу, потому-де что на немъ нѣтъ еще ни креста, ни печатя дара Духа Святаго, и проч. Вслѣдствіе такого разсужденія, бабушки и поспѣшили тотчасъ же зажать ротъ одной безтолковой, выжившей изъ ума старухѣ, плакальщицѣ по призванію, которая, услышавъ, что въ избѣ Аксенки есть покойничекъ, прибѣжала бѣгомъ, въ притрусочку, съ другаго конца села и начала было выть и причитать: «ахъ ты свѣтикъ, голубчикъ ты мой! а и кто жъ меня будетъ любить, а кто жаловать, поить, кормить! на кого жъ ты покинулъ меня?» и проч. Старуха замолчала, струсивъ въ недоумѣніи: а что, нешто не надо?—И не совѣмъ понявъ въ чемъ дѣло, потому что была очень туга на ухо, (а объясненія, что это-де не покойничекъ, а Богдашка, и что по немъ ни плачу, ни причитанья не бываетъ, оглушили ее кругомъ, со всѣхъ сторонъ),—замолчала, покачала головой и начала про себя креститься и молиться.

Мало по малу изба стала очищаться отъ мусора, и незванныя посѣтительницы частію разбрелись, а частію сѣли подгорюнясь за воротами и стали потѣшать другъ друга

рассказами. Дарья, оставшись одна, въ тишинѣ, послѣ этого оглушительнаго шума, вдругъ пришла въ какое-то безпокойство и судорожную дѣятельность: лицо ея разгорѣлось, глаза опять засверкали; она стала дико оглядываться; не отымая трупа младенца отъ груди своей, она тихо подкралась къ столу и ухватила большой хлѣбный ножъ; казалось по всему, что она, въ безсознательномъ отчаяніи своемъ, хотѣла наложить на себя руку: она пробовала пальцемъ, остеръ ли ножъ, потомъ опять осторожно оглядывалась, прислушивалась къ голосамъ старухъ подъ окнами, и наконецъ опустила руку и заглядѣлась на мертвое лицо своего младенца. Въ этомъ положеніи стояла она еще, когда услышала на улицѣ громкій говоръ и шумъ: это шелъ съ поля Аксень, и старухи встрѣтили его дружнымъ хоромъ, соболѣзнуя и рассказывая, что и какъ случилось. Одна баба даже уцѣпилась за него и тащилась вслѣдъ за нимъ въ избу, приговаривая: «Ты не бей ее, родной, не бей; смотри, грѣшно будетъ: вѣдъ она нѣхотя, божья судьба, божья воля!»

Аксень вошелъ, а за нимъ толпой сосѣди и сосѣдки. Дарья, услышавъ шумъ этотъ, вздрогнула и отвела руку съ ножомъ за себѣ, за спину, будто хотѣла его спрятать. Аксень подошелъ къ ней довольно спокойно и равнодушно, взглянулъ на трупъ младенца, а потомъ на Дарью, и отворачиваясь, сказалъ: «Что-жъ, однимъ выродкомъ меньше на селѣ.»

Едва проговоривъ это, онъ дико вскрикнулъ и упалъ ничкомъ. Люди подскочили—у Аксена все лицо обдало кровью и самъ онъ хрипло дышетъ. Стали его приподымать, и тогда только съ ужасомъ увидѣли, что у него въ шеѣ торчалъ большой ножъ, воткнутый въ тѣло по самыи черенъ. Никто не видалъ почти, какъ это сдѣлалась; едва только тотъ или другой изъ бывшихъ въ избѣ стариковъ и старухъ замѣтили какое-то быстрое движеніе руки Дарьи, будто она оттолкнула отъ себя мужа или ударила его на отмашт.

Крикъ ужаса раздался въ избѣ Аксена, потомъ на улицѣ, и вскорѣ, завывая разными голосами, разнесся по всему селу и по полямъ. «Дарья зарѣзала мужа!» кричали

встрѣчные другъ другу, черезъ улицу, черезъ дворы, загоры и конопляники—я когда несчастный Аксень, черезъ четверть часа, точно отдалъ Богу душу, то уже болѣе никто не думалъ ушмать глухую старуху, знаменитую плакальщицу, которая разсѣлась на какомъ-то обрубкѣ, расположилась по должности своей какъ дома, всплескивала руками и заливалась причитаньями, которыхъ, разумѣется, никто не слушалъ.

Дарью заковали : сдѣдствіе , а за тѣмъ и судъ , пошли своимъ путемъ , и дѣло окончено было довольно скоро , потому что оно было довольно просто : всѣ показанія свидѣтелей и самой преступницы были согласны и ни въ чемъ не разнословили . Дарья отвѣчала только , что неясно помнитъ . какъ это сталося , но помнитъ , что сдѣлала это вышедъ изъ себя , когда Аксень , при людяхъ , бранно обозвалъ младенца и навелъ такой клеветъ на нее , ни въ чемъ передъ нимъ невинную ; что упрекъ этотъ она съ трудомъ переносила прежде . а теперь была въ безпамятствѣ и только смутно вспоминаеть , что случилось . Ѳковъ , призванный также для допроса , сильно плакалъ , ломалъ руки и приводилъ Бога въ свидѣтели , что ни онъ , ни Дарья не были причастны грѣху и что Аксенка , Богъ вѣсть съ чего , взводилъ на бѣдную Дарью такую напраслину .

Какъ бы то ни было , а Дарья , какъ уличенная и во всемъ сознавшаяся убійца , приговорена была къ торговой казни . Пришелъ назначенный день , и всѣ приуготовленія были сдѣланы на площади губернскаго города , гдѣ на этотъ разъ , по поводу Покровской ярмарки , собралось много народу . Не станемъ описывать всѣхъ подробностей тогдашняго порядка исполненія подобныхъ приговоровъ ; они довольно извѣстны , а кто бы и не зналъ ихъ , тотъ конечно ничего отъ этого не терять . Когда преступница была приведена , то соболѣзнованіе и ужасъ обнял не смѣтную толпу : это была рослая , статная красавица , на 21-мъ году жизни своей , прекрасная собой , не смотря на всѣ перенесенныя и еще ожидаемыя ею страданія ; въ приемахъ ея не было ни трусости , ни слѣда киченья или

наглости : она вполне предалась судьбѣ своей , и кромѣ обнаруживавшагося по временамъ страха , одинъ только стыдъ позора и глубокое , хотя и позднее , раскаяніе потупляли глаза ея въ землю). Слышно было , что она много и долго молилась , во всемъ каялась и винилась , и ничего не говорила въ свое оправданіе .

Мертвое молчаніе установилось , когда , послѣ барабаннаго боя , стали вслухъ читать приговоръ . Въ числѣ присутствовавшихъ тысячъ конечно не было ни одной души , не знавшей болѣе или менѣе всѣхъ обстоятельства происшествія ,—которыя впрочемъ и не помѣщаются въ подробности въ приговорѣ ,—но казалось , каждый хотѣлъ услышать все , до послѣдняго словечка , что до этого случая относилось , и , можетъ быть , найти , въ свое утѣшеніе , какоенибудь обстоятельство , облегчающее нѣсколько совѣсть преступницы .

Лишь только приговоръ былъ прочтенъ , и несчастная передавалась въ руки палача , какъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ круга выступили изъ толпы два человека : одинъ въ самой бѣдной крестьянской одеждѣ , съ лицомъ , едва только опушеннымъ бородкой , блѣдный , сильно разстроенный подъ пытку страха и боязни ,—другой , въ щегольской , тонкой синей сибиркѣ , въ шелковомъ поясѣ , съ пуховою шляпой въ рукѣ , съ лицомъ молодымъ и цвѣтущимъ ; первый бросился было торопливо впередъ къ окружавшимъ , по обязанности своей , преступницу , и пробился къ ней ; но , встрѣтивъ здѣсь втораго , которой уже предупредилъ его и раскланивался со властями , бѣдный бобыль Яковъ остановился въ недоумѣніи и страхѣ . Онъ услышалъ ясно , что молодой парень въ сибиркѣ , поклонившись , сказалъ : « Ради Христа и вѣчнаго спасенія нашего , помилуйте : я согласенъ взять ее за себя.... » Яковъ перекрестился нѣсколько разъ , засмѣялся и сильно заплакалъ въ одно и тоже время и проговоривъ вслухъ : « Да , вонъ оно что , видишь! »—и отступилъ опять нѣсколько назадъ , такъ , что его даже мало кто и замѣтилъ . Дарья ничего ни видѣла , ни слышала : она стояла , какъ и прежде , не шевелясь , не подымая глазъ .

Это нечаянное внимательство неизвестнаго молодого парня всѣхъ поразило: народъ стоялъ разинувъ ротъ; и если бъ въ это время пролетѣла муха, то ея было бы слышно. Первое слово за тѣмъ послышалось вполголоса: «Вотъ, и мнѣ на вѣку пришлось выдавать невѣсту! бери, божій человекъ, не бойся, не пожалѣешь!» Парня въ сибиркѣ спросили, что ему нужно? Онъ повторилъ громко и ясно тоже: «Ради Христа и вѣчнаго спасенія нашего, помилуйте: я согласенъ взять за себя несчастную.» Тогда толпа зашевелилась какъ море, и говоры, крикъ радости и молитвы огласили воздухъ. Ни одной шапки не осталось на головѣ: всѣ крестились.

Скажемъ теперь слово о молодомъ парнѣ, который стоялъ въ пяти шагахъ отъ Дарьи, не блѣдный, не разстроенный, не отчаянный, а спокойный и веселый, въ ожиданіи рѣшенія, но по видимому и съ увѣренностію успѣха. Это былъ сынъ богатаго торговаго крестьянина, изъ сосѣдняго посада. Отецъ и мать его, заботясь о немъ, какъ бы никогда не должно заботиться родителямъ, окончательно порѣшили женить его на мѣщанской дочери, которая нравилась имъ, по разнымъ расчетамъ и соображеніямъ, но которая до того ненавистна была сыну ихъ Терентію, что онъ почти готовъ былъ отъ нея утопиться. Онъ присланъ былъ отцомъ по торговымъ дѣламъ на ярмарку и слышавъ уже прежде о происшествіи, которое надѣлало столько шуму во всей губерніи, теперь вдругъ, вовсе нечаянно, онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ прекрасною преступницей. Мысль, какъ молнія, сверкнула въ рѣшительной головѣ его. Что, какъ бы мнѣ взять за себя, изъ-подъ кнута, эту молодницу, неужто бъ она не была мнѣ вѣрной и покорной женою, по гробъ, неужто она не стала бы меня—ну, хоть любить не любить, а почаще взглядывать?—а дѣло-то чай сотворилъ бы божеское—вѣдь вонъ она бѣдная какая, погляди! такіе ли бываютъ злодѣи? Бѣсъ съ рукою поспѣшилъ, когда боль скорби и оскорбленія затмили разумъ ея, а она грѣху этому не причастна. Неужто ненавистная губительница моя стѣбитъ ея? А той мнѣ не миновать.... Обвѣнчавшись съ честнымъ молодцомъ

и Дарья честна станеть, я никому не дамъ ее упрекнуть ; уѣду съ нею, Богъ съ нимъ, съ отцомъ, пусть деньги при немъ будутъ, я за ними не погонюсь..... Эта мысль въ одинъ мигъ такъ одолѣла его, что онъ уже не могъ отъ нея отбиться ; какъ бы за вѣдомымъ, рѣшенымъ дѣломъ, пробивался онъ вслѣдъ за преступницею впередъ..... Чѣмъ болѣе онъ взглядывался въ нее, тѣмъ менѣе могъ онъ рѣшиться отвести глаза..... Когда же настала роковая минута, которую онъ зналъ по народнымъ преданіямъ, какъ помнилъ и переданныя ему въ дѣтствѣ слова, какія принято говорить при семъ случаѣ передъ властями—когда пришло мгновеніе это, то въ немъ вдругъ занялся духъ; онъ смѣло выступилъ впередъ, и, объявивъ намѣреніе свое, опять вздохнулъ свободно, будто свалилъ съ плечь цѣлую гору....

Освѣдомились, кто онъ, откуда, не женатъ ли, не родня ли преступницѣ: Терентій тотчасъ же отыскалъ и вызвалъ свидѣтелей, сдѣлавшихъ удовлетворительное показаніе. Начальство подумало и сказало: съ Богомъ, коли такъ; судьбы своей и божьей воли никому не миновать. Палачъ, какъ говорить это преданіе, не прикоснувшись къ помянутой такимъ необычайнымъ случаемъ преступницѣ, долженъ былъ однакоже, въ назиданіе народу, дать одинъ ударъ кнута по кобылѣ, приговаривая къ этому: «Кошуйтесь, дѣтки, кошуйтесь, молитесь Бога за несчастныхъ». Онъ положилъ на кобылу лубокъ, разошелся, разсѣкъ его однимъ ударомъ пополамъ, такъ что двѣ половинки развалились врозь—и этимъ всѣ обязанности заплочнаго мастера кончились.

Съ мѣста, какъ стояли они, повели нечаянныхъ молодыхъ къ вѣнцу. Дарья во все время ни разу не подымала глазъ и не видѣла ни жениха своего, ни мужа. Она, кажется, еще не совсѣмъ понимала, что съ нею дѣлалось. Терентій на нее поглядывалъ, улыбался и молчалъ. Народъ радостно шумѣлъ и ичался волной вслѣдъ за небывалыми молодыми, провожая ихъ сперва въ церковь, а потомъ изъ церкви, если не домой, то по крайней мѣрѣ до самой городской заставы. Многие начинали имъ бросать деньги, но

Терентій, снимая шляпу и ласково раскланиваясь, благодарил и отказывался, отдавая деньги нищимъ. Одинъ наѣзжій купецъ до того расходился, среди общаго восторга, что задалъ народу пирь, обдѣливъ всѣхъ калачами и кричалъ ура до сиплоти и изнеможенія.

Терентій пріѣхалъ въ городъ на своей телѣгѣ и на ней же онъ выѣхалъ, съ молодой женой, изъ города. Она все еще не подымала глазъ и не говорила съ нимъ ни слова. Когда они остались наконецъ одни, въ чистомъ полѣ, то онъ, остановивъ лошадей, сказалъ: «Что жъ, Дарьюшка, подай руку—будемъ жить, что-ли?» Она бросилась къ нему въ ноги, обняла ихъ и теперь только, послѣ долгаго и нестерпимаго томленія, залилась слезами.

Терентій поднялъ ее насильно: «Надо старое позабыть, сказалъ онъ, надо жить намъ снова, вотъ будто мы съ тобой сего дня только на свѣтѣ народились.... А куда же мы поѣдемъ теперь, Дарьюшка, вѣдь мы ѣхать домой то нельзя; примутъ-ли, нѣтъ-ли, отецъ-мать черезъ годъ со днемъ, что Богъ дастъ; чай смилуются, а теперь ѣхать къ нимъ нельзя. Поѣдемъ въ ваше село, къ твоему отцу-матери; можно?»

Какъ не можно, сказала Дарья, глядя Терентию прямо и смѣло въ глаза... съ Богомъ, поѣдемъ.

Пріемъ со стороны тестя и тещи трудно себѣ представить: они сидѣли въ избѣ своей, на селѣ, въ глубокой горести, зная, что теперь дѣлается въ городѣ.... Варугъ ко двору ихъ подѣзжаетъ парная телѣга; они смотрятъ и не видятъ—видятъ и не вѣрятъ—какой-то парень въ сибиркѣ, въ шелковомъ поясѣ и въ пуховой шляпѣ привезъ къ несчастному, опозоренному двору стариковъ молодую женщину—и эта женщина—ихъ дочь!

Долго не могли опомниться старики, не могли сказать ни одного слова, хотя дочь ихъ уже лежала у нихъ въ ногахъ, а парень, послѣ земнаго поклона, стоялъ и кланялся, и просилъ ихъ благословенія. Когда же старики опомнились, то оба очутились въ ногахъ у Терентія, который въ отчаяніи своемъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи

сбѣжавшагося народа , чтобы силою поднять стариковъ и усадить въ избѣ на лавку.

Родители Терентія года два не пускали его къ себѣ на глаза, между тѣмъ какъ онъ принялся за соху и работалъ у тестя. И Дарья принялась за работу по прежнему, и работа у нея изъ рукъ не валилась. Наконецъ отецъ его заболѣлъ, и, считая себя при смерти, захотѣлъ помириться съ сыномъ и съ невѣсткой. За ними послали; и только что старики увидѣли Дарью и нѣсколько съ нею познакомились, какъ она полюбилась имъ и не захотѣли они болѣе съ нею разстаться. А Дарья, говорятъ, была такою примѣрною женою и дочерью, что и теперь, когда случай этотъ сохранился по одному только темному и давнишнему преданію, ее ставятъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ примѣръ всѣмъ женамъ и невѣстамъ.

Я позабылъ сказать только одно: оглохшая и одурѣвшая старуха, знаменитая плакальщица, о которой я говорилъ, прибѣжала на тревогу въ избу отца Дарьи, когда молодые къ нимъ пріѣхали. Не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, но увидѣвъ толпу въ сѣняхъ и въ избѣ, и слыша ревъ и плачь, плачь радости родителей Дарьи, она, по своему обычаю и призванію, принялась также навзрыдъ реветъ и причитать, пробиваясь локтями въ избу. « Дура, старая дура, ошалѣла!» Посыпалось на нее со всѣхъ сторонъ, и она, опять замолкнувъ, спросила простоудшно: « А что, нешто не надо?»

II.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Въ зыный вечеръ, идущій въ домовый отпускъ служивый постучался въ первое встрѣчное окно небольшой деревушки. « Чего надо?» спросилъ бабій голосъ, между тѣмъ какъ густая тѣнь головы затемнила все красное оконце, котораго всю красоту впрочемъ составляло одиночное стек-

лышко въ четвертку листа. « Пустите , хозяйюшка , служиваго , переночевать — вишь у васъ и погода-то не людская. »—А ты куда идешь , какъ идешь , откуда , зачѣмъ? продолжала его спрашивать баба , не рѣшаясь дать прямого отвѣта. Поздно служивый спохватился , что не смотря на опытность свою , далъ машка : ему бы просто взойти , попросившись погрѣться , такъ не было бы докучливыхъ распросовъ подъ окномъ , на морозѣ. Наконецъ отперли калитку : онъ вошелъ , обогрѣлся , поѣлъ , побалагурилъ , а между тѣмъ , побрякивая что-то уже во весь день , вдругъ не шутя разнемогся , отвѣчая на всѣ вопросы перепуганныхъ хозяевъ , что его схватило , приступило къ сердцу , привалило подъ самую душку и проч.

Дѣло не шуточно! Человѣкъ , да къ тому еще человѣкъ чужой , сторонній , а наконецъ и казенный , государевъ чинъ , умираеть. Слово это , равносильное на языкѣ крестьянъ нашихъ болѣзни , нездоровью , заключаетъ однакоже въ себѣ понятие или возможность смерти и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ бываетъ для нихъ страшнымъ и роковымъ. Сошлись сосѣди , потолковали , вышли , опять пришли , долго чесали затылки , прислушиваясь къ стону больного; — тамъ пришелъ кто-то въ родѣ старосты или сельскаго старшины , и всѣ рѣшили , что дѣло плохо , больно плохо , что служба умираеть. Заложили дровни , положили на нихъ соломы , и , подъ крикъ , вой и причитанье хозяйки , которая клялась и божилась , что головушка ея пропала , таки вотъ совсѣмъ погибла , кой-какъ растолкали служиваго , уговорили его собраться въ походъ и ѣхать въ ближайшую деревню , гдѣ ему будетъ сподручнѣе . гдѣ мужики богатые и очень жалостливые , а избы все хорошія , и гдѣ есть также искусная знахарка , которая ему какъ-разъ животъ направить . Ему обѣщали хлѣба на дорогу , соломы на подстилку и два тулупа для покрывки . Все это показалось служивому столь соблазнительнымъ , что онъ рѣшился не упустить случая попользоваться подводой , вмѣсто того , что ему пришлось бы перемѣрять этотъ перегонъ , въ зимнее и ненастное время , своимъ аршиномъ . Для большаго убѣжденія кричали ему со всѣхъ

сторонь: Ступай, ей Богу ступай—хуже какъ тутъ помрешь; а помрешь, ей Богу помрешь, и проч. Служба легъ въ ворохъ соломы, свернулся, его укрыли тулузани, насовавъ ему подъ бока посохъ его, котомку, запасные сапоги и въ придачу еще большую ковригу хлѣба, которую онъ подмостилъ себѣ очень ловко, вмѣсто подушки, подъ головы. Дровни тронулись, со всѣхъ сторонъ посыпались совѣты и наказы мальчишкѣ, котораго посадили править, и голосъ высокаго жердяя покрылъ всѣ голоса, когда дровни уже отѣхали сажень на десятокъ, и вслѣдъ за ними раздавалось зычно и ясно: Кобыла чужая, кнутъ не свой—погоняй не стой!

Но чужая кобыла обтерпѣлась и не слишкомъ уважала не свой кнутъ, если онъ былъ въ рукахъ мальчишки; она вскорѣ поняла свое положеніе, расчитавъ по первымъ тремъ шлепкамъ, чего ей ожидать на остальномъ пути, и потому ограничивалась тѣмъ, что мѣстами спускала сани подъ гору вскачь, а впрочемъ отвѣчала на каждый взмахъ плети взмахомъ хвоста и продолжала путь свой шагомъ. Мальчишка, который переябъ, укутался и завернулся, поворотившись встрѣчному вѣтру спиной, и вскорѣ началъ дремать; а служба, благоденствуя на мягкой постели, подъ теплой покрывкой, спалъ какъ убитый и ни разу не выказалъ носу изъ-подъ двойнаго тулуза.

Служивый выпался, почувствовавъ, что брюхо его, безъ знахарки, давно уже пришло въ законное положеніе, ощущалъ подъ бокомъ палку, а въ головахъ хлѣбъ, приподнялъ полу тулуза, и выгянулъ на свѣтъ Божій. А чтó, спросилъ онъ мальчишку, толкнувъ его рукой, скоро чтó ли на фатеру-то? Не знаю, дядюшка, отвѣчалъ тотъ, вишь куда заѣхали, что я и не бываю тутъ.—А чего жъ ты глядѣлъ?—Да чего глядѣть, темно, не видать ни зги, чуть не замерзъ.—Да куда же ты ѣдешь теперь?—Да не знаю, дядюшка, вотъ ей Богу не знаю.—Ну, вези, куда Богъ велитъ, пробормоталъ служба и полѣзъ опять подъ тулупъ. Мальчишка чуть не плачетъ; лошадь бредетъ, куда ей угодно, а служба, творя крестъ за крестомъ, ле-

жить подъ тулупами и сѣдаетъ лопоть за лоптемъ отъ своего изголовья.

Наконецъ ему показалось, что опять много времени прошло; сытое брюхо его пришло въ самое пріятное положеніе, и онъ, выглянувъ изъ-подъ тулупа и увидавъ, что уже расвѣло, снова сталъ спрашивать мальчишку, скоро-ль на фатеру. Услышавъ опять тотъ же неопредѣленный и притомъ отчаяннымъ голосомъ произнесенный отвѣтъ, служивый самъ прииалъ начальство: онъ уложилъ мальчишку на свое мѣсто, разумѣется, назвавъ его щенкомъ и поросенкомъ, взявъ возжи въ руки, плюнулъ въ рукавицу, взявъ кнутъ и погонялъ — не стоялъ. Кобыла, не смотря на всю усталость свою, тотчасъ же поняла, въ чемъ тутъ сила, и помчала по дорогѣ во всѣ оглобли. Черезъ часъ показала издали изба, тамъ другая и третія, и вскорѣ пріѣхали въ деревню. Служба только-что сталъ-было опять привязываться къ мальчишкѣ, допытываясь, какая это деревня, какъ увидѣлъ надъ дверьми одной избы пріятливую елку и въ тоже мгновеніе разсудилъ, что дальше ѣхать не зачѣмъ: стой, пріѣхали, сказалъ онъ — вотъ она гдѣ, знахарка, что животы-тѣ править; самъ соскочилъ съ дровней, взялъ посохъ, котомку, сапоги и осгальной лопоть хлѣба, и, сказавъ: Спасибо, парнишко; благодари на милости, какъ дома будешь — самъ отправился въ заведеніе.

Служба такъ хорошо выспался, въ теплѣ и на хлѣбѣ, что и позабылъ о вчерашней хворости своей; а заправивъ дѣло чаркой — другой и позанявшись пріятной бесѣдой подъ елкой, не успѣлъ оглянуться, какъ время перешло за полдень. Онъ вспомнилъ, что ему тутъ не вѣкъ вѣковать, собралъ припасы свои, которыхъ, какъ мы видѣли, было очень не много, и вышелъ на улицу, чтобы продолжать путь. Онъ былъ очень доволенъ ночнымъ првключеніемъ своимъ, потому что перезыбшій, плаксивый мальчишка провезъ его версть тридцать, по прямому пути, и этимъ порядочно подвинулъ впередъ.

Но собравшійся въ это время около заведенія народъ, обступилъ нашего путника, готового пуститься въ дорогу, и сталъ его убѣдительно уговаривать и упрашивать остаться

ночевать. Ему предлагали все: и столъ и полати, только не ходи теперь, а оставайся до утра въ деревнѣ. Съ ума что ли вы сошли, сказалъ расходившійся служивый, да что вы мнѣ за дядьки? Пришелъ я въ одну деревню хворый, не дали покою, не дали костямъ моимъ отдохнуть, а выпровели вонъ на своей подводѣ, только не оставайся у нихъ, не умирай на селѣ; пришелъ—аль бишь прѣхалъ—въ другую, тутъ не пускаютъ, сиди на печи!

Но мѣръ рассуждалъ по своему: старики указывали на погоду, на морозъ, да на мятель, которая съ полудня опять стала разыгрываться, да еще на голову служиваго, которая пришла мало по малу именно въ то положеніе, когда море бываетъ по колѣно, а лужа по уши. Какъ его отпустить, говорили они, ты вишь, что на дворѣ дѣлается, а самъ-то онъ каковъ! тутъ долго-ль до грѣха? отойдетъ до Игнашкина яра, да замерзнетъ; тутъ, парень, бѣлы не оберешься; ему-то вишь спола горя, а мы отвѣчай послѣ! Нѣтъ, служба, ужъ ты сдѣлай милость такую, послушайся насъ; хлѣбъ-соль будетъ, теплый уголь тебѣ будетъ и чарка еще будетъ на ночь; только сиди ты теперь и ниш-ни; утро вечера мудренѣе, что Богъ дастъ, завтра пораньше пойдешь.—Не хочу, кричалъ служивый, размахивая руками и толкая посохомъ въ снѣгъ; не хочу, пойду да и полно; ты вишь, я совѣмъ собрался, и котомка за плечами.—Мы видимъ, что ты совѣмъ собрался, сказали мужики, да вишь сборы-то твои въ такую дорогу не хороши; ты забралъ лишнее. Угомонись, служба, оставайся; воля твоя, а мы тебя не пустимъ. Не хочу, полите прочь, вы мнѣ не указчики; я казенный, государевъ человекъ, на водѣ не потону, на огнѣ не сгорю.—Ну слушай, обожди до утра, еще чарка тебѣ будетъ! Не хочу ничего, пустите!—Ну утромъ отвеземъ тебя, дадимъ подводу, только не ходи теперь, замерзнешь!— Не хочу, пойду теперь, да и полно; прочь, отступитесь; хоть кланяйтесь, хоть просите, хоть стращайте, а пойду!—Нечего дѣлать съ нимъ, сказалъ старикъ, который, снявъ шапку, кланялся и упрашивалъ солдата принять ужинъ, чарку вина и подводу на другой день, нечего дѣлать, отвеземъ же его

лучше теперь, чтобъ не было грѣха. Стенка, бѣги скорѣй да закладывай розвальни—а ты, служба, сдѣлай милость, не ломайся, вотъ на ту минутку запряжешь парень и выбѣжить.... Но служба, вошедши разъ въ строптивую колею, и тутъ еще долго спорилъ и буянилъ, покрикивая на собравшуюся вокругъ него толпу: прочь, растѹпись. ударю! и вырывая полы шинелишки своей изъ рукъ усердныхъ и заботливыхъ мужичковъ, которые робѣли по отвѣтственности за казеннаго человѣка. Послѣ долгихъ перекоровъ и усердныхъ просьбъ, онъ однакоже сѣлъ въ сани, въ особенное одолженіе крестьянъ, и погрозивъ имъ съ саней посохомъ, сказалъ: Ну, смотрите вы у меня, я васъ... а впередъ, вотъ ей Богу ни въ жизнь то есть не поѣду, да... и при общемъ хохотѣ крестьянъ, благополучно тронулся въ путь.

Вотъ вамъ картина, которую можетъ быть не всякому случилось видѣть; но не всегда этотъ страхъ крестьянъ за отвѣтственность,—и въ особенности за это роковое мертвое тѣло,—оканчивается такъ забавно, какъ въ походежіяхъ солдата, идущаго въ доховой отпускъ. Иногда послѣдствія бывають очень грустны. Вотъ другой случай, который мы расскажемъ въ точности, какъ онъ былъ, но не назовемъ только мѣсто и лица.

Въ дурное, суровое зимнее время ветхій старикъ пришелъ на село, собираясь милостыней. Извѣстно, что эти сельскіе нищіе обходятъ, изъ селенія въ селеніе, большія пространства и доходятъ иногда довольно далеко; никто не зналъ старика въ этой деревнѣ, потому что онъ былъ, какъ у насъ выражаются, *со стороны*. Ночь застгла его, и онъ сталъ проситься переночевать, а какъ хлѣбомъ-солью кормить не богатый, а тороватый, то и въ этомъ случаѣ приняла его убогая вдова. Старикъ на другой день былъ еще слабѣе и хилѣе; но хозяйка боялась отвѣта за передержательство, и, посоветовавшись съ сосѣдями, объявила ему, чтобъ онъ шелъ съ Богомъ, куда хочетъ. Онъ поднялся съ лавки при ея же помощи и вышелъ на улицу, но тамъ упалъ и не могъ встать. Какъ ей быть? съ отчаяніемъ она звала людей на помощь, но никто не хотѣлъ

итти, говоря: отвѣчай послѣ сама, коли пустила. Кой-какъ она подняла старика и опять свела въ избу. Онъ разнемогся пуще, просилъ Христа ради о спасеніи души, и добрая хозяйка сама повезла его въ ближайшее село, къ священнику, на исповѣдь и причастіе; но дѣваться съ нимъ боги не куда, никто его не принимаетъ, и она привезла его опять домой. Міръ напалъ на нее и грызъ ей голову безотходно, что-де умретъ старикъ, безпремѣнно умретъ, судъ наѣдетъ, и бѣда будетъ всѣмъ; что-де ты тогда дѣлать станешь? А намъ-то за что отвѣчать за дураость твою?

Прошелъ еще день и міръ рѣшилъ, что старикъ умираетъ, но что ему никакъ нельзя дать умереть въ деревнѣ. Иные хотѣли, чтобъ хозяйка вывезла его на распутье; но другіе отвѣчали, что найдутъ трупъ, и дѣло будетъ еще хуже, отвезти бы дальше, на чужую межу, такъ вишь узнали уже въ околоткѣ и на селѣ, что былъ у насъ на деревнѣ старикъ и доищутся; только другихъ запутаемъ, а сами не уйдемъ; вишь она съ-дуру-то еще и на село возила приживальца своего. Какъ же тутъ быть? Родимые моя, говорила хозяйка, да вѣдь онъ человѣкъ, хоть передъ Богомъ человѣкъ; куда же я съ нимъ дѣнусь?—Да куда хочешь, туда и дѣвайся, чтобъ его и слуху и духу тутъ не было, чтобы и слѣдовъ его тутъ не оставалось, и концы въ воду: не-то бѣда тебѣ будетъ неминуемая, затаскають, и пропадешь; а не дай Богъ, умретъ онъ у тебя—а ты видишь, что онъ ужъ почитай не живой, совсѣмъ умираетъ, все равно что померъ—умретъ, такъ вотъ мы тебя тотчасъ свяжемъ и представимъ; отвѣчай, какъ знаешь, а съ больной головы на здоровую не сваливай.

Хозяйка моя бросалась за помощію и за совѣтомъ во всѣ стороны, но кромѣ страховъ и угрозъ ничего не слышала. Дура ты, сказалъ ей наконецъ попотомъ мужикъ, у котораго борода была уже съ просѣдью,—дура ты, Онисимовна, вѣдь ты видишь, кака бѣда пристала; чего тутъ толковать—извѣстно, тутъ нечего болѣ дѣлать, какъ въ мѣшокъ грѣхи, да подъ лавку; ты заложь ночью дровни,

навали старика за живо—не-живъ , все одно помираеть—вытѣзжай потихоньку подъ яркъ, да благословясь вывали его въ рѣку : вотъ тебѣ и концы въ воду, и все благополучно ; не раззорять же изъ-за тебя всю деревню ; вода все смеетъ , небось , вынесетъ весной гдѣ нибудь версть за пятьдесятъ—что жъ, ты въ сторонѣ ; скажешь, что подвезла его до большой дороги, а онъ-де пошелъ, а куда и зачѣмъ дѣвался, не могу знать.

Баба подумала , да и заложила дровни и взвалила старика, который былъ безъ памяти , свезла подъ яръ и вывалила въ рѣчку . Стало быть такая судьба его , подумала она, да и моя : авось Господь не взыщеть....

III.

САМОВАРЪ.

(Быль).

На Нижегородской ярмаркѣ, въ Тульскомъ ряду, нѣсколько большихъ лавокъ заняты одними самоварами. Въ одну изъ такихъ лавокъ зашелъ Трофимъ Ивановичъ, какъ честилъ его хозяинъ (онъ же и самъ мастеръ) честилъ, какъ хорошаго покупателя, отправляющаго въ Сибирь цѣлые обозы самоваровъ. Мастеръ много лѣтъ знакомъ былъ Трофиму Ивановичу, который бывалъ ежегодно на ярмаркѣ, всегда закупалъ сотни самоваровъ, никогда не обходилъ лавку своего стараго пріятеля, и оба, сошедшись теперь вновь черезъ годъ, благодарили другъ друга и увѣряли, что оба другъ другомъ остались довольны.

А это у тебя, Степанъ Андреевичъ, какой товаръ, вотъ въ мѣстахъ?

Да извѣстно, какому больше у насъ быть товару: все тотъ же. Это маленькіе самовары, азіатскіе.

Имъ собакамъ только и знать бы свои самовары, маленькіе; а то вотъ сдѣлалъ ты имъ, сказываютъ, одинъ большой, такъ два государства и разодрались изъ-за него, и стали воевать!

Какъ такъ, Трофимъ Ивановичъ?

А какъ же, нешто не слышалъ? — Да вѣдь ты, сказывають, работалъ Бохарданъ, Абдрахманову, большущій самоваръ?

Правда, я работалъ въ запрошломъ году; самоварище ве- деръ въ десять: на хана, что ли, сказывалъ Абдрахманъ, про случай, для большихъ пировъ; третьяго года заказалъ, и залатокъ далъ, а въ прошломъ взялъ; ну, что же?

Ну что же, развѣ не слышалъ, что было съ самоваромъ этимъ?

Нѣтъ, не слыхалъ; скажи пожалуй, коли не шутишь!

Какая тутъ шутка! Тутъ чай не одинъ десятокъ головъ слетѣло за твой самоваръ, да и впередъ еще что Богъ дастъ: вотъ ты какого грѣха надѣлалъ!

Какъ пошелъ караванъ Бохарскій отъ насъ, то самоварище твой на арбу погрузили, и пару верблюдовъ запрягли. Ну и пошли съ Богомъ, все ничего. Вотъ стали подходить къ Акмечети, къ пограничному городу Коканскому, черезъ который идетъ Бохарскій караванъ, и прослышали за недѣлю ходу до него, что вышла изъ Кокана шайка ханскаго войска, будто для охраны и для сбора пошлины, а чуть ли де она не собирается ограбить караванъ. Вишь Бохарскій эмиръ въ дружбѣ съ Коканскимъ бекомъ, такъ въ городѣ у себя ограбить не хорошо; онъ и выслалъ встрѣчу, чтобъ обобратъ хоть золото, сколько найдется его — а самъ, извѣстное дѣло, послѣ отопрется; скажетъ: и знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; это все шалать Киргизы ваши съ Сыръ-Дарьи; а у меня, благодаря Бога, все спокойно.

Вотъ знаешь, нашлись добрые люди, за добрый пишкешъ, за гостинець, что дали знать ночью караванъ-башу о такой бѣдѣ. Въ караванѣ тотчасъ распорядились: товару дѣвать не куда, не укроешь; а что у кого золота было, денегъ, то все завязали въ узелки, да подъ огнище, гдѣ варятъ варево въ котлѣ, и зарыли въ землю. Коли, вишь, закопать его гдѣ въ другомъ мѣстѣ, такъ будетъ знать, — свѣжая земля продастъ; а тутъ, подъ огнемъ да подъ пепломъ, свѣжей землицы и не видать. Ну рано утромъ Ко-

канцы и набѣжали, и прикидываются Киргизами, и будто пришли съ Сыръ-Дарьи грабить Коканцевъ; допрашиваютъ они сперва, будто путемъ, караванщиковъ, что за люди, не Коканцы ли? Ну, а коли де вы Бохарцы, такъ пріятели намъ, и обижать васъ не станемъ, ступайте съ Богомъ—только дайте намъ на бѣдность по два золотыхъ съ верблюда. Бохарцы божатся, клянутся, что обездешежили: нѣтъ ничего, кромѣ товару. Ну, давай обыскивать. Искали, искали, не нашли денегъ почти ничего, кромѣ пары цѣлковыхъ, и добрались до арбы. Самоваръ твой напугали было ихъ: думали, что пушка. Однако, надивившись ему, не посмѣли разграбить товаръ, — потому что это по ихнему обычаю называется прямой грабежъ; а сорвать деньгами можно, значить не ограбили каравана, а только взяли пошлину. Денегъ много не нашли и отпустили караванъ. Крѣпко побавивались караванщики, чтобъ шайка эта не вздумала присѣсть погрѣться вокругъ огнища, да отпустивъ караванъ, не започевала бы тутъ; однако, видно Богъ милостивъ былъ, услышалъ молитвы ихъ,—убралася шайка, убрался и караванъ благополучно, и золото все въ цѣлости забрали съ собой.

Одно дѣло сдѣлано, пришло другое. Гонецъ изъ шайки пріѣхалъ впередъ въ Акмечеть и разсказалъ беку, что и какъ было: плуты Бохарцы деньги спрятали куда нибудь—не нашли мы ничего; а вотъ-де есть у нихъ вещь, невиданная и неслыханная: самоваръ больше пушки!

Не зналъ бекъ Акмечетскій, какъ вѣрить гонцу въ такихъ сказкахъ; однако выѣхавъ самъ встрѣчать караванъ въ сараѣ, гдѣ пристають они, приказалъ остановить напередъ всего арбу и раскутать самоваръ. Какъ влѣзъ онъ на арбу эту, да какъ разсмотрѣлъ, какую диковинную вещь везутъ, то и объявилъ тотчасъ караванъ-башу, что беретъ самоваръ въ пошлину съ каравана, на своего Коканскаго хана; а купцы пусть-де расчитываются между собою.

Испугался караванъ-башъ, самъ первый торговецъ; говорить, что самовара отдать нельзя, самоваръ веземъ своему эмиру. Ну, не прогибается эмиръ вашъ, отвѣчалъ

бекъ, напьется изъ уполовника; а я самоваръ беру. Поворачивай арбу.

Сутки цѣлые кричали и шумѣли Бохарцы: то плакали, кланялись и просили, — то бранились и грозили, — все ни почемъ; самоваръ такъ полюбился Коканцамъ, что заперли его въ кладовую, въ землянку, на дворѣ бека, губернатора то есть; приставили къ нему караулъ и объявили Бохарцамъ: хоть семь лѣтъ живите, хоть женъ сюда перевозите, а самовара не видать вамъ, какъ ушей своихъ; онъ пошелъ на хана, за пошлину.

Пришелъ караванъ въ Бохару, и съ плачемъ купцы рассказали хану о такой бѣдѣ и обидѣ. Караванъ-башъ кинулся ему въ ноги и лежалъ долго; однако ханъ приказалъ отстегать его порядкомъ, за то, что отдалъ самоваръ. Отстегавши его, самъ тотчасъ поднялся съ войскомъ и пошелъ на Акмечеть отбивать самоваръ. Намѣсто того, самого его побили; а воротившись въ Бохару, слышитъ, что тутъ нашелся кранъ отъ большаго самовара. Кранъ этотъ былъ вынуть и уложенъ особо, и пришелъ съ тюками въ Бохару; его принесли, какъ побѣдный трофей и какъ доказательство величины самовара. Эмиръ разсмотрѣлъ кранъ, и положилъ итти войной на Коканъ на тотъ годъ. Между тѣмъ Коканскій ханъ, получивъ самоваръ безъ крана, приказалъ отстегать Акмечетскаго бека за эту оплошность, и сталъ собираться съ войскомъ въ Бохару за крапомъ. Подай мой самоваръ, — говорятъ Бохарскій эмиръ, — ибѣтъ, ты подай мой кранъ, говоритъ ханъ Коканскій. Два лѣта, сударь мой, воюють — и прошлое, и нынѣшнее — вотъ я выѣзжалъ изъ Семипалатинска, такъ опять опять объ этомъ вѣсть пришла, и Богу одному извѣстно, чѣмъ дѣло кончатъ!

Вотъ, Степанъ Андреевичъ, какихъ вы бѣдъ надѣлали съ своимъ самоваромъ!

IV.

ПРОКАТЪ.

Давно и видно таки порядочно давно, потому что нынѣ ужъ ничего подобнаго намъ видомъ не увидать, слыхомъ не услышать, давно когда-то случилось вотъ что, и вотъ какъ.

Былъ балъ, и не только одинъ только балъ, а пиръ и празднество, какъ рѣдко кому случалось видѣть; торжество гостеприимнаго искусства; обѣдъ на диво; прогулки и катанья съ разными затѣями — сушая прелесть; напитки всякаго рода: опохмѣлительныя, прохладительныя, и средніе между ними, по немножку того и другаго, то есть, все это лилось рѣкой; сласти привозныя, завозныя, выписныя, заморскія — ѣшь не хочу; за тѣмъ танцы, музыка, балъ подъ огромнымъ, великолѣпнымъ шатромъ, въ сельскомъ и военномъ вкусѣ, т. е. съ подбоемъ малиноваго бархата. — угощенія до нельзя, ужинъ, опять пляска... словомъ, если бы вся потѣха эта не кончилась уже давно. то длилась бы по сегодняшній день. Не только весь уѣздъ, вся губернія долго, долго не могла опомниться отъ весьма основательнаго изумленія.

Праздникъ этотъ данъ былъ молодымъ артиллерійскимъ капитаномъ, командиромъ роты. Вѣрно былъ очень богатъ. Но за то, какъ онъ и тѣшился, какъ онъ увивался вокругъ прелестныхъ красавицъ сельскихъ, которыя дюжинами разгуливали подъ широкимъ, малиновымъ навѣсомъ шатра, украшеннаго золотыми шнурами и кистями... вихремъ носились онѣ, то парами, то цѣлыми вереницами;... плавно расхаживали, какъ праздничные стружки, пускаемые подъ разноцвѣтными, пестрыми значками... Кто счастливица, гдѣ она, на которую падеть окончательный выборъ молодаго, прекраснаго собой капитана? Въ его лѣта, съ его наружностію, съ этимъ очаровательнымъ обращеніемъ и обаятельнымъ молодецествомъ, съ его богатствомъ, роскошью и умѣнемъ жить, нельзя было не

побѣдить в самое суровое, неприступное сердце, съ перваго взгляда; въ этомъ не было спору, и всѣ давно уже молча на это согласились; но кого онъ избереть, какую смертную осчастливить? Правда, лихость его, это отчаянное молодечество, пугало иныхъ, болѣе опытныхъ старичковъ, и они старались поселить въ семейномъ кругу своемъ нѣкоторую недовѣрчивость къ обольстительнымъ приемамъ капитана... но маменьки, считая себя въ этомъ дѣлѣ гораздо смышленѣе колпаковъ своихъ, папенокъ, были увѣрены, что капитанъ придумалъ всѣ затѣи эти исключительно и собственно для нихъ дочери; дочки же, утративъ вмѣстѣ съ сердцемъ всякое соображеніе и самый умъ и разумокъ, считали дѣло это рѣшеннымъ....

— Другъ мой, сказала плотная помѣщица, войдя таинственно въ комнату супруга своего, который только что намылывъ бороду и принялся править скребницу свою, какъ онъ обыкновенно называлъ бритву: — другъ мой, я пришла объявить тебѣ радость: капитанъ наконецъ объяснился передъ Лизой, она мнѣ призналась во всемъ; слава Богу, стало быть дѣло кончено, и тебѣ, другъ мой, надо бы ѣхать къ нему, и съ нимъ поговорить; — а? не правда ли?

Памыленный супругъ промычалъ что-то неопредѣлительное, но этимъ не отдѣлался; заботливая мать настоятельно требовала положительнаго отвѣта. Онъ отставилъ поднесенную къ бородѣ бритву и отпустилъ складку, натянутую ужимкою на лицѣ, для бритья. За чѣмъ же я поѣду, сказалъ онъ, и что же я скажу? Не лучше ли выждать, покуда онъ первый заговорить? Въ наше время такъ водилось. — Да вѣдь я же тебѣ говорю, что онъ уже объяснился! — Ну, матушка, еще это Богу извѣстно, какъ онъ тамъ объяснился; да вѣдь чай не обойдетъ же онъ насъ съ тобой, когда задумаетъ поворотить съ шалостей на дѣло; тогда успѣемъ поговорить съ нимъ; это не долго. Но супруга утверждала, что теперь ожидать болѣе нечего, и непременно надобно поговорить съ капитаномъ, чтобы его не перебили и не совратили сосѣди; бѣдный колпакъ вертѣлся туда и сюда, но наконецъ долженъ былъ уступить, сказавъ, что все это хорошо, и

справедливо; но прибавилъ, что онъ подумаетъ: супруга его отвѣчала на это очень основательно, что ему тутъ нечего думать, когда ужъ думали другіе, и думала она сама, и передумала все; что это женское дѣло, что ему, какъ отцу, надо искать счастья дочери своей, а не разорять его; но, пользуясь выгодною своею положеніемъ, то есть, пылею бороною и заботою около скребницы, супругъ успѣлъ протянуть бесѣду эту, покуда мыло на бородѣ разъ другой не обсохло, и за тѣмъ убѣдить супругу, что надобно же напередъ кончить одно дѣло и по крайности выбриться; иначе де вотъ онъ порѣжется скребницей, и тогда нельзя будетъ и выѣхать. Нечего дѣлать, супруга отстала отъ него, и дала ему отсрочку.

— Какъ ты думаешь, спросила другая помѣщица мужа своего, отчего бы капитанъ о сию пору не присылалъ никого переговорить съ нами о Лидинкѣ? — Подождешь еще, не торопись, отвѣчалъ тотъ; это молодець, дошлый человѣкъ на такія дѣла; ихнему брату не очень вѣрить можно по этой части; онъ наровитъ себѣ, можетъ стать, совсѣмъ не то, что ты думаешь. — Какъ такъ? я тебя не понимаю. — Поживешь, да коли не избавитъ Богъ, такъ поймешь. У тебя съ Лидинкой на умѣ одно, а у него другое. Это у нихъ такъ водится. — Нѣтъ, Иванъ Андреичъ, я знаю, что говорю: это ужъ я вѣрно знаю; а я думаю, что у него просто некого прислать; человѣкъ онъ одинокій, заѣхалъ сюда съ ротой своей на чужбину, вотъ сердечный и выходитъ почти сирота: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, конечно, да вѣдь всякая о себѣ думаетъ, да о своихъ, такъ ему къ намъ-то прислать и некого; ты знаешь, у насъ тутъ все завистники да завистницы, доброхотки вѣдь нѣтъ ни одной, все злорадки; ну, а самъ-то онъ приступится не смѣетъ, вотъ дѣло-то и тянется. — Не замѣтилъ я что-то въ немъ этой робости, отвѣчалъ супругъ. — Все таки, продолжала она, вѣдь какъ хочешь, а шагъ важный, самому трудно за себя говорить и неприлично; безстыдникомъ назовутъ всѣ сосѣдки. — Ахъ какой мялашка онъ, — какой оборожительный... Маша, я отъ него безъ ума! Боже мой, если бъ ты только знала, если бъ ты слышала, что

онъ миѣ вчера говорилъ — о, я безъ ума! Маша, какъ ты думаешь, скоро онъ за меня посватается?

Эта бесѣда, какъ читатель догадывается, происходила опять въ иномъ, третьемъ мѣстѣ и добрая Маша, подружка счастливой, мнимой невѣсты, не смѣя, по красотѣ и богатству, равняться со спусходительною подругою своею, радовалась за нее, хотя и слушала иногда, потушивъ глаза и вздыхая, повѣряемая ей тайны бывшихъ объясненій. Капитанъ сказалъ даже этой красавицѣ и богатой невѣстѣ, что отдалъ бы половину жизни своей за ея признаніе въ любви, и для бѣдной Маши было тутъ одно только обстоятельство не совсѣмъ понятно: чего еще домогался капитанъ и за что хотѣлъ жертвовать жизнію, когда подружка ея, какъ сама ей прежде каялась, ужъ раза три или четыре была доведена до этого сознанія, и давно во всемъ ему соизналась...

— Кто бы могъ подумать это, говорилъ небольшой плѣшивый старичекъ, сидя вечеромъ за стаканомъ пунша съ пріятелемъ-сосѣдомъ; — вѣдь волокита нашъ, говорятъ, женится; да и на комъ бы вы думали! — На Нѣмовой? — Мальевой? — Судоходниковой? — Поджилкиной? — Стегоновой? — Такъ посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ; а онъ продолжалъ самодовольно: Ничего не бывало, всѣ богачки и красавицы наши останутся, съ позволенія сказать, съ носомъ: на малюткѣ и бѣдняжкѣ Хорошиловой; да, на ней!

— А я слышалъ совсѣмъ другое, сказалъ сосѣдъ: — впрочемъ не выдаю за вѣрное, а слышалъ отъ человѣка надежнаго, отъ Анцы Даниловны: она говорила, что онъ собирается сватать — какъ бишь ее — молоденькую гувернантку у Межевыхъ; они прочили дочь за него, а тутъ вдругъ и вышло наружу, не думано, не гадаю, что онъ мѣтитъ не на дочь, а на гувернантку! Вотъ какое дѣло!

— Какъ? Неужели? Марья Алексѣевна! Матушка, поди сюда, послушай вотъ, что сосѣдъ говорить: будетъ тебѣ потѣха, ей Богу! говорить, что капитанъ и Межевыхъ

надуль — ха, ха, ха! и малютку Хорошилову, да, а вотъ будто приголубился къ гувернанткѣ ихъ, а?

Словомъ, два или три уѣзда сходили съ ума по капитанѣ, и у кого только была дочь, тотъ былъ въ хлопотахъ: одинъ прочилъ ее за капитана, считая такого жениха истиннымъ благословіемъ небесъ; другой бредилъ на яву и считалъ ее уже почти просватанною; кто былъ въ нерѣшимости и недоумѣніи, кто остерегалъ дочь, если по знатности, богатству и красотѣ не считалъ ее ровней прочихъ невѣстъ,— а кто, махнувъ рукой, отдавался на власть господню и супруги своей, развѣзжалъ слѣдомъ за капитаномъ по всѣмъ обѣдамъ и вечерамъ, пилъ, ѣлъ, игралъ въ вистъ по маленькой, хохоталъ, гдѣ было весело, и только по временамъ заглядывалъ въ танцевальную залу, отыскивая осторожно, изъ-за табакерки, капитана и переводя съ него глаза на свою дочь.

Надобно же намъ теперь сказать словечко и о капитанѣ. Что онъ умѣлъ пожить, на людей посмотреть и себя показать, это мы уже видѣли; что онъ, задавая самъ великолѣпныя, роскошныя празднества и охотно развѣзжая по помѣщикамъ, влюблялся не иначе, какъ въ цѣлыя дюжины красавиць вдругъ, объ этомъ, кажется, читатель догадывается; но вотъ чего, можетъ быть, читатель еще не знаетъ: капитанъ жилъ одной службой, у него не было своего ровно ничего: онъ, какъ говорится, вездѣ бралъ грудью и службой, исправностію, умѣньемъ, молодецкимъ обычаемъ.... Онъ былъ еще молодъ, когда ему дали роту, какъ отличному служакѣ, и вскорѣ рота его стала славиться, какъ одна изъ лучшихъ и самыхъ исправныхъ. Попавъ съ конною ротой въ истинный рай для него, гдѣ продовольствіе было ни по чемъ, гдѣ въ окружности жило множество помѣщиковъ, семейныхъ, радушныхъ, свѣтскихъ и житейскихъ, гдѣ у каждаго помѣщика было—либо по молоденькой и хорошенькой женѣ, либо по взрослой, пышной дочери, даже у нѣкоторыхъ по двѣ и по три—капитанъ нашъ порастерялся; глаза у него развѣжались, и онъ принялся съ такимъ усердіемъ за угощенія и празднества, что

вскорѣ для него одного стало не доставать того, что отпускалось на содержаніе цѣлой конной артиллерійской роты. Обстоятельства становились все тѣснѣе и тѣснѣе, а между тѣмъ, по всѣмъ соображеніямъ, не было никакой возможности сократить расходы; напротивъ, необходимо было дать вскорѣ великолѣпный, небывалый доселѣ праздникъ, который давно уже былъ обѣщанъ дѣвицамъ, а въ особенности одной молодой дамѣ, на которой впрочемъ капитану никакъ нельзя было жениться, потому что у нея былъ такъ называемый живой мужъ. Не менѣе того, она какъ царица всѣхъ празднествъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала обѣщаннаго пира, напоминала объ немъ съ миловидною улыбкою капитану и сама первая распустила по околотку слухъ о предстоящемъ, завѣряя каждого, что такого великолѣпія еще никто не видалъ. Отвѣчая на всѣ распросы, капитанъ говорилъ каждой красавицѣ порознь только одно: что пиръ этотъ даетъ онъ для нея лично, хотя этого никто не будетъ знать, и что по сему самому онъ не пожалѣетъ ни трудовъ, ни хлопотъ и никакихъ издержекъ.

Когда капитанъ наконецъ остался одинъ и нѣсколько опомнился, то призадумался. Ужъ и такъ далеко хвачено было напередъ, все забрано, все прожито, и даже болѣе чѣмъ все.... Но какъ же быть бѣдному капитану, коли онъ попалъ въ такіе тиски? — Неужто ему опозориться на такой вызовъ, обмануть всѣ эти блестящія надежды, отказать самому отъ неисчерпаемыхъ наслажденій и ударить лицомъ въ грязь? — А какъ же ему быть, спрошу и еще, коли страсть его была такъ велика, что всякая другая величина казалась капитану качественно-несоизмеримую съ любовью его, какъ, на примѣръ, аршинъ съ фунтомъ или гарнецъ съ десятиной?... Онъ махнулъ рукой и вскочилъ, съ такою рѣшимостію, что если бы дѣло стоило ему полголовы или полвѣка жизни, то и тогда бы онъ не въ силахъ былъ отъ него отказаться. Вотъ что подаю поволь къ необычайнымъ затѣямъ капитана, въ которыхъ десятисаженный, бархатный шатеръ съ золотыми кистями занималъ конечно непоследнее мѣсто.

На чей же счетъ все это дѣялось и строилось, откуда взялась деньги? этотъ вопросъ также не послѣдній въ настоящемъ дѣлѣ; капитанъ пашъ, какъ опытный и изворотливый хозяинъ, рѣшилъ его удачно, то есть, наличныя деньги нашлись, и даже нашлась такая огромная сумма, какъ ему было нужно. Приступая къ объясненію этого обстоятельства, мы еще разъ считаемъ нужнымъ напомнить, что описываемый нами случай происходилъ уже очень давно; само собою разумѣется, что при повѣйшихъ порядкахъ не могло бы случиться ничего подобнаго.

И такъ капитанъ нашъ сдѣлалъ вотъ что: онъ разсудилъ, что рѣшительно не къ чему содержать въ мирное время конную артиллерійскую роту въ такомъ видѣ, будто ей завтра же выступать противъ непріятеля. Слава Богу, все спокойно, невозможно и ожидать теперь какихъ-нибудь движеній—изъ вѣдомостей нашихъ даже видно, что во всей Европѣ господствуетъ непробудный покой. Далѣе, разсуждалъ капитанъ, стоимъ мы въ самой среднѣ, въ глубинѣ Россіи; какой тутъ непріятель?—Покуда очередь дойдетъ до меня, я успѣю справиться и снарядиться; къ чему же содержать нѣсколько сотъ дорогихъ лошадей, и сверхъ того еще кормить ихъ? Я на одномъ фуражѣ выиграю въ нѣсколько мѣсяцевъ столько, что поправлюсь, покрою всѣ расходы и опять обзаведусь лошадьми, да и какими! Чудо! Перещеголяю всѣхъ.

Рѣшивъ это, капитанъ открылъ въ ротномъ штабѣ своемъ конный базаръ и отправилъ для вѣрности и скорости сбыта, по косячку въ разныя стороны, въ продажу. Лошади все были прекрасныя, цѣны имъ назначены невысокія, а по крайности дѣлались сверхъ того еще уступки; словомъ, капитану повезло счастье; онъ не успѣлъ оглянуться, какъ пушки его сѣли на мели, а пушкарі стали пѣшими. Хлопотъ сдѣлалось гораздо меньше: ни корму, ни чистки, ни другихъ заботъ; сбрую убрали въ добромъ порядкѣ подъ навѣсы, и послали гулять, поджавъ руки. Наконецъ, сдѣлавъ всѣ приуготовленія, задали знаменитую пирушку, которая длилась трои сутки. Это дѣло кончено

было благополучно; ахали и дивились не пустому: никто ничего подобнаго не видалъ. Въ три дня прожито было большое состояніе. Капитанъ разъѣзжалъ по всей окружности и пожиналъ похвалы, изумленія, восклицанія и благодарности.

Но на этомъ самомъ объѣздѣ, гдѣ капитанъ плавалъ въ высшемъ мірскомъ благополучіи и наслажденіяхъ, забывъ все остальное, онъ вдругъ остановленъ былъ самымъ неприятнымъ образомъ, остановленъ въ потокѣ и порывѣ своихъ изъясненій: доложили, что нарочный прибылъ изъ ротнаго штаба съ нужною бумагой. Гонца позвали, распечатали пакетъ, прочитали; и больно измѣнились въ лицѣ. Что такое, что такое?—стали спрашивать съ большимъ, душевнымъ участіемъ. Ничего, отвѣчалъ капитанъ,—пустое, и отправилъ гонца, сказавъ сухо: хорошо, ступай. — Но покой души не возвращался; знать бѣда была не за горами. Полюбезничавъ какъ-то очень не ловко, капитанъ поспѣшилъ распроститься, не согласившись, къ крайнему изумленію хозяйки, остаться до вечера; но сказалъ, что ему ѣхать необходимо по службѣ: общалъ вскорѣ быть опять и уѣхалъ, приказавъ гнать прямо домой.

Дорого капитанъ много разъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ теперь быть и что дѣлать?—но, по поговоркѣ мужика, изладившаго борону въ избѣ и не знавшаго какъ ее вынести, потому что нельзя въ дверь, по поговоркѣ: такъ-то такъ, да вонъ-то какъ?,—не могъ придумать ничего. Начальникъ, до котораго дошли слухи о томъ, что дѣлается въ ротѣ у нашего капитана, счелъ за нужное попросить его, чтобы онъ роту свою приготовилъ съ смотру. «Что пользы въ томъ будетъ, подумалъ этотъ начальникъ, если я нагряну вдругъ, и заставъ бѣднаго капитана врасплохъ, погублю его окончательно? Можетъ быть, даже и не все то правда, что говорятъ; можетъ быть есть какіе нибудь небольшие беспорядки, такъ лучше дать ему время оправиться; онъ всегда былъ отличный служака.» Разсудивъ такъ, начальникъ предписалъ капитану готовиться къ смотру, увѣдомивъ его также, котораго числа именно онъ прибу-

деть. «Надобно же ему забираться въ такое захоlustье, подумалъ капитанъ, и такъ не во время и не къ стати; рота моя стоитъ тутъ такъ хорошо и уютно, въ сторонѣ, въ глуши, что я считалъ себя обезпеченнымъ отъ всякаго инспекторства.... Это однако же сущая бѣда! какъ тутъ быть? На козлахъ не вывезешь пушки, да и людей верхомъ на палочку не посадить!... Неужели, за эту шутку, мнѣ быть солдатомъ?..»

Прибывъ домой и опомнившись немного, мой капитанъ собрался съ духомъ, созвалъ офицеровъ, объявилъ имъ новость, и посмотрѣлъ на нихъ, окинувъ всѣхъ поочередно взглядомъ и спросивъ: что они объ этомъ думаютъ? «Я съ своей стороны полагаю, господа, что коли нѣтъ у насъ своихъ лошадей, то нечего дѣлать, надо выѣхать на чужихъ.... Возьмемъ на прокатъ, на поддержаніе...?» Капитана любили; онъ былъ увѣренъ, что никто его не выдастъ; притомъ въ то время не требовалось, чтобы въ полку или въ артиллерійской ротѣ всѣ лошади были одной шерсти; капитанъ, получивъ согласіе офицеровъ, разослалъ ихъ тотчасъ же по всѣмъ помѣщикамъ, съ откровенною просьбою выручить его изъ бѣды и дать на двое сутокъ, къ такому-то сроку, сколько у кого есть лучшихъ лошадей на конюшнѣ. Каждому помѣщику порознь говорили, что недостаетъ де нѣсколькихъ лошадей, которыхъ, по неудачному въ этотъ годъ ремонту, капитанъ не успѣлъ во время приобрѣсти; что капитанъ вполне полагается на дружбу и услужливость почтеннаго сосѣда своего, а лошади, на эти двое сутокъ, безъ сомнѣнія будутъ въ добрыхъ рукахъ, у старыхъ и опытныхъ кавалеристовъ. Всѣ помѣщики; помня хлѣбъ-соль капитана, и рассчитывая записать его со временемъ себѣ въ свояки, въ зятя или сваты, одинъ наперерывъ другому поспѣшили отослать лучшихъ лошадей своихъ съ конюшень и заводовъ къ капитану, и въ сутки конная рота сформирована была такъ, что можно было вести ее на показъ, куда угодно.

Генералъ прибылъ въ назначенный день и велѣлъ узнать полъ рукой, все ли исправно: все, говорятъ; рота въ от-

личною порядкѣ; лошади были розданы временно, для откормки, на помѣщичьи конюшни, и воротились въ лучшемъ тѣлѣ, въ превосходномъ видѣ.

Смотръ кончился, и генералъ, къ крайнему удовольствію своему, объявилъ командиру гласно искреннюю, полную благодарность. «Рота ваша такъ хороша, сказалъ онъ, что ее необходимо при первомъ случаѣ показать корпусному командиру. Я хочу теперь только сдѣлать еще одинъ послѣдній опытъ: я не сомнѣваюсь, что при такой исправности это послужитъ еще къ ббльшему отличію и похвалѣ роты вашей; я хочу видѣть, сколько времени вамъ нужно, чтобы собраться и выступить въ походъ; капитанъ, сколько часовъ вамъ на это дать? Капитанъ отвѣчалъ, не призадумавшись: завтра утромъ въ восемь часовъ я могу выступить. «Прекрасно, превосходно, продолжалъ генералъ; вотъ это я люблю! Это молодецки! Господа офицеры, прошу и васъ также собраться со всѣмъ; вотъ точно будто вамъ сказанъ походъ; я самъ сяду верхомъ, и мы пустимся на небольшую прогулку. Молодцы, это я люблю!».

Въ восемь часовъ утра генералъ, прѣвеселый, проѣхалъ по фронту, здоровался, благодарилъ, велѣлъ скомандовать по одному орудію на право, вызвалъ съ мѣста пѣсельниковъ, и рота потянулась. Это бы еще ничего; но ее только и видѣли въ этихъ мѣстахъ; генералъ не поскучалъ проводить ее верстъ за пятьсотъ, черезъ уголъ сосѣдней губерніи, въ третію. Тутъ отведены были ротѣ квартиры, и объявлено, что ей, можетъ быть, вскорѣ доведется пройти еще подальше. Генералъ легко нашелъ благовидный предлогъ, и донесъ объ этомъ перемѣщеніи начальству, расхваливъ роту по заслугамъ.

Что же случилось съ помѣщиками нашими? Весь уѣздъ въ одинъ ударъ опѣшалъ. Мужья иля отцы лишились лучшихъ лошадей своихъ, а матери превосходнаго, дорогаго жениха. Утрата тутъ и тамъ немаловажная; но за то—какъ былъ пиръ? Его помнятъ еще о-сю-пору; подобнаго никогда не бывало; шатеръ маливаго бархата, съ золотомъ, въ десять сажень!

А гдѣ нашъ капитанъ? спрашивали помѣщики, вполголоса, встрѣчаясь другъ съ другомъ.... И въ отвѣтъ на это вздыхали, пожимали плечами, и грустно покачивали головой.

А что говорили барыни? Если бы отъ недобраго поминувъ звенѣло въ ухахъ, какъ говорить у насъ повѣрье, то конечно такого трезвону не бывало отъ сотворенія міра, какой бы денно и пощю долженъ былъ раздаваться въ головѣ нашего капитана.

В. Даль.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Эти бѣдныя селеня,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа !

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношею крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

II.

Вотъ отъ моря и до моря
Нить желѣзная скользитъ:
Много славы, много горя,
Эта нить порой гласитъ!

И за ней слѣдя глазами,
Путникъ видитъ, какъ порой

Птица вѣщая садится
Вдоль по нити вѣстовой.

Вотъ съ поляны воронъ черный
Прилетѣлъ и сѣлъ на ней—
Сѣлъ, и каркнулъ, и крылами
Замахалъ онъ веселѣй.

И кричитъ онъ, и ликуеть,
И кружится все надъ ней....
Ужъ не кровь ли воронъ чуетъ
Севастопольскихъ вѣстей?...

13 Августа 1855.

III.

О вѣщая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О какъ ты бьешься на порогъ
Какъ бы двойнаго бытія !

Такъ, ты жилица двухъ міровъ ;
Твой день—болѣзненный и страстный,
Твой сонъ—пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ.

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

Θ. Тютчевъ.

СЪ СЪВЕРА НА ЮГЪ.

Куда несетесь вы, крылатая станицы?
 Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумить лавровый лѣсъ,
 Гдѣ рѣютъ радостно могучія ораицы,
 И тонуть въ синевѣ пылающихъ небесъ?
 Или—на Югъ! въ страну, гдѣ яхонтъ неба рдѣть,
 И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ?
 И насъ, и насъ далекиѣ путь влечеть!
 Но солнце тамъ души не отогрѣтъ,
 И свѣжій миртъ чела не обовьетъ;
 Пора отдать себя и смерти и забвенью!
 И тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
 Что насъ не съвера угрюмая сосна,
 А южный кипарисъ своей прикроетъ тѣнью?

А. Одоевскій.

1838.

БЫВАЛО !

Охотно бы отдалъ и душу и тѣло,
 Когда бы, какъ прежде, въ груди просвѣтлѣло.
 Бывало, въ старинку и я забавлялся,
 Какъ подъ вечеръ зимній кружокъ нашъ собирался,
 И съ хохотомъ, съ крикомъ—другъ другу знакомы—
 Рѣшались вмѣстѣ кататься гуськомъ мы.

Ужъ санки отъ санокъ, далеко довольно,
 Скользятъ по дорогѣ, не шибко, но вольно....
 Вотъ кони ретиво прибавили бѣгу;
 Лишь пыль поднялася отъ бѣлаго снѣгу.
 Дорожка, что лента, укатана гладко;
 А мѣсяць изъ тучекъ, какъ будто украдкой,
 На наши забавы глядѣлъ, и въ догонку
 За нами пускался въ родную сторонку.

отд. 1.

40

Я ѣду съ подругой; болтаемъ мы съ нею,
 И жаркимъ дыханьемъ я ручки ей грѣю.
 Какъ весело ѣхать! При мнѣ мое счастье,
 И есть кого кутать въ морозъ и въ ненастье.
 Мечтаешь, бывало, и просишь у Бога,
 Чтобъ только подольше тянулася дорога.

Свистить по морозу окованный полозъ,
 Звонка раздается пронзительный голосъ;
 Летить то горою, то доломъ лѣсастымъ,
 Нашъ поѣздъ веселый, и съ шумомъ, и съ свистомъ.

Вотъ что-то во мракѣ мерцаетъ далеко ;
 Лучина ли въ хатѣ горитъ одинокой,
 Иль волкъ, или пламя спадающей звѣздки,
 Иль свѣчка въ гостиной—цѣль нашей поѣздки?

То пламя потухнетъ, то снова прогланетъ.....
 Къ огню поворотимъ ; во чтó ужъ ни станеть !
 Огнистыя искры все больше и больше...
 То хуторъ знакомый родимой намъ Польши!
 Не спать, слава Богу!.... усѣдемъ, захватимъ.....
 Гей! живо къ воротамъ всѣ гусемъ подкатимъ.

Едва размѣнялись знакомые взгляды,
 Ужъ шуму-то, шуму: прїѣзду всѣ рады;
 Ужъ смѣху-то, смѣху—и только и рѣчи
 Объ этой неожиданной, негаданной встрѣчѣ.
 То крикъ раздается, то шопотъ секретный,
 И тянеть къ камину насъ пламень привѣтный.
 Вотъ ужинъ и чаша съ венгерскимъ стариннымъ,
 И кубки въ порядкѣ разставлены чинномъ.

Ужъ полночь! Столъ конченъ, и снова за шутки,
 И снова рассказы, опять прибаутки.
 Окошки дрожали: такая потѣха!
 Боки подводило, бывало, отъ смѣха.

Весь домъ коронысловъ! и старый, и малый,
Кружатся, счастливы, довольны, бывало.

Ужь пынать венгерскимъ почтенныя лица ;
Какъ алыя розы, зардѣлись дѣвицы;
Лукавыя взгляды смѣлѣ летаютъ....
Ну просто, бывало, такъ сердце и таетъ.

И послѣ мечтаній и мыслей размѣна
Свернешься на связкъ душистаго сѣна;
И сонный, мечтаешь о прошлой забавѣ,
И бредишь все тѣмъ же, чѣмъ бредилъ и въ явѣ!

О какъ же, какъ жарко въ ту пору любилось!...
Сей часъ—то за чѣмъ же ты, сердце, забилось,
И очи слезами подернулись снова?
О! только денекъ бы веселья былова,
Ужь какъ отдохнулъ бы!—Пустая забота!...
И самъ я не тотъ ужъ, и время прошло то....

(Съ Польскаго, изъ Сырокомли)

Казань.

М. П.

МОЛОДАЯ БРЕДА.

ХОРУТАНСКАЯ ПѢСНЯ (1).

Бреда встала, чуть день загорѣлся;
Она ходить по двору, бродить ;
Отперла высокое окошко,
На равнину внизъ поглядѣла.
Какъ взглянула на ровное поле,
Видитъ мгла собирается надъ полемъ.
«А и встань, моя мать дорогая!
Разскажи скорѣе, растолкуй мнѣ :

(1) Подлинникъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, по отд. Русскаго языка и Словесности, Т. V, выпускъ 3-й, Прибавленія, стр. 427—432.

Отъ воды ли та мгла поднялася?
 Отъ горы ли она отъ высокой?
 Али тучу, полную градомъ,
 Изъ-подъ неба къ намъ буря пригнала!»—
 Мать печально съ постели вставала,
 А и дочери своей говорила:
 —«Не съ воды та мгла поднялася,
 Не съ горы она, не съ высокой,
 И не тучу, полную градомъ,
 Изъ-подъ неба къ намъ буря пригнала.
 Это—коней турецкихъ дыханье :
 По землѣ идетъ оно мглою.
 Ихъ полна зеленая равнина..
 По тебя пріѣхали Турки.
 А и что же ты такъ поблѣднѣла?»—
 Отъ испугу Бреда поблѣднѣла,
 А отъ горя чувства потеряла.
 «Что скажу я тебѣ, моя мати!
 Не давай меня за мужъ за чужаго!
 Турокъ золъ, а свекровь еще злѣе:
 Слухъ идетъ по цѣлому краю.
 Что на свѣтѣ нѣтъ ея хуже.
 Восемь женъ у сына уморила,
 И меня уморить захочеть;
 Опонть въ винѣ какимъ зельемъ,
 Изведеть, отравитъ меня хлѣбомъ.»
 —«Ты послушай, дитя дорогое,
 Что скажу я тебѣ на это:
 Какъ захочеть свекровь опонть—то,
 На зеленую траву вино вылей,
 Опрокинь на камень на сѣрый,
 Изъ котораго дѣлають известь;
 Поднесеть она хлѣба—то съ ядомъ,
 Ты отдай его щенку молодому.»—
 Какъ застонеть Бреда, заплачетъ,
 Своей матери такъ отвѣчать:
 «Когда станешь приданое готовить,
 Что готовить, въ сундукъ станешь класти;

Ты возми мой бѣлый платочекъ,
Положи въ сундукъ его сверху:
Прежде всѣхъ мнѣ его будетъ нужно,
Завязать будетъ на сердцѣ рану.»—
А еще Бреда говорила:
«Что скажу тебѣ, милая мати!
Какъ пріѣдутъ сюда эти Турки,
И на землю съ коней соскочать,
Посади ты ихъ за столъ пообѣдать;
Ты напои, накорми ихъ досыта.
Какъ зачнутъ они напиваться,
А я спросять молодую Бреду,
Тогда ты пошли за мной, мати,
И отдай меня злому Турку!
Стала мать приданое готовить,
Что готовить, въ сундукъ стала класти;
Какъ наѣхали турецкіе сваты
И на землю съ коней соскочили,
Мать за столъ посадила ихъ обѣдать,
Накормила ихъ, напоила.
А какъ зачали сваты напиваться,
Еще стали просить они Бреду.
Скоро мать по нее посылала,
Отдавала ее злому Турку;
За обѣдъ они ее посадили,
Дорогое вино съ нею пили.
Привели тутъ коня молодого,
На коня того Бреда садится;
Они скачутъ по ровному полю,
Только вѣется вслѣдъ мгла густая
Отъ дыханья коней турецкихъ.
На бѣгу бредивъ конь спотыкнулся,
Спотыкнулся, сѣдло покачнулось;
А въ сѣдлѣ былъ книжалъ запряганъ:
Бредѣ въ сердце онъ вонзился.
Молодой женихъ съ коня сходитъ,
Съ коня сходитъ, самъ говоритъ сватамъ:
—«Это мать моя сдѣлала злодѣйка!

Восемь женъ у меня уморила,
 И теперь уморить хочеть эту;
 Безъ нея я живъ не останусь!»
 Молодой женихъ продолжаетъ,
 Слугѣ малому приказъ отдаетъ онъ:
 —«Что скажу тебѣ, слуга мой проворный!
 Ты поправь сѣдло милой Бредѣ.»
 А слуга на отвѣтъ ему молвить,
 Говорить, жениху поперечить:
 «Кто недавно цѣловалъ Бреду,
 «Тотъ пускай и сѣдло поправляетъ.»
 Жениха къ себѣ Бреда подзываетъ:
 «Женихъ милый, что тебѣ скажу я!
 Ты поди, отопри сундукъ мой,
 Ты достань мнѣ тамъ бѣлый платочекъ:
 Завяжу я платкомъ этимъ рану.»
 А еще Бреда говорила:
 «Ты скажи мнѣ, женихъ сердцу милый,
 Далеко ли до города осталось?»
 —«Не горюй, дорогая Бреда!
 Скоро кончатся наши невзгоды:
 Вотъ ужъ видно золотую стрѣлку,
 И серебряны видно ворота.»
 Какъ спѣшатъ она по ровному полю,
 Будто птица въ воздухъ несется,
 Только вьется вслѣдъ мгла густая
 Отъ дыханья коней турецкихъ.
 Какъ пріѣхали они въ бѣлый городъ,
 И на землю съ коней соскочили;
 Ихъ свекровь во дворѣ дождалась;
 Молодой она Бредѣ говорила:
 «Далеко по нашему краю
 О твоей красотѣ слухъ несется;
 Но лице твое не столько румяно,
 Какъ молва о немъ ходитъ по свѣту.»
 Вотъ поитъ она молодую Бреду,
 Пирогомъ ее угощаетъ:
 «Станешь пить ты красныя вина,

Раздѣтетъ лице твое румянцемъ;
 Станешь ѣсть пироговъ моихъ бѣлыхъ,
 Снова будешь ты бѣлѣ снѣгу.»
 Бреда пить вино не стала,
 На зеленую траву проливала,
 Опрокинула на камень на сѣрый,
 Изъ котораго дѣлаютъ известь,
 И въ минуту трава погорѣла,
 И въ минуту камень распался;
 А пирогъ отдала собацѣ,
 И собака околѣла на мѣстѣ.
 Говорила Бреда свекрови:
 «Что скажу тебѣ, немилая свекровка!
 Далеко по нашему краю
 О твоей слухъ несется о злости;
 Только злость твоя хуже гораздо,
 Чѣмъ молва о ней ходитъ по свѣту.
 Восемь женъ ты у сына уморила,
 И меня опонть захотѣла,
 Въ пирогъ подала мнѣ отраву.»
 Жениху Бреда говорила:
 «Ты послушай, что скажу тебѣ, милый!
 Гдѣ пріютъ для меня въ твоемъ домѣ?
 Гдѣ покой мой писанный—спальня?
 Гдѣ постель у тебя постлана мнѣ?»
 А свекровь говорить ей на это:
 «Никогда мнѣ на мысль не впадало,
 Чтобы гдѣ нибудь былъ такой обычай,
 Чтобы гдѣ молодая невѣста
 Для себя бы покой попросила,
 И постель бы свою посмотрѣла.
 Только есть у насъ такой обычай,
 Что невѣста за печками смотритъ.»
 Какъ повелъ женихъ ее въ спальню,
 Показалъ онъ ей двѣ постели.
 Бреда въ бѣлую постелью леглась,
 Развязала на—сердцѣ рану,
 И въ послѣдній разъ говорила:

«Лейся, лейся, кровь, ты изъ сердца!
 Я пошлю тебя къ матери милой,
 Ей на память по мнѣ отошлю я.
 Про меня ужъ она не услышитъ,
 И меня самоё не увидитъ.»

В. В.

Саратовъ.
 1857 г. Января 31.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Красная дѣвица заспорила съ солнцемъ:
 «Ярко солнышко! я тебя краше,
 Краше мѣсяца—твоего брата,
 Краше звѣздочки—твоей сестрицы,
 Чтò идетъ по небу предъ звѣздами,
 Какъ пастухъ предъ бѣлыми овцами.»
 Ярко солнышко жаловалось Богу:
 —«Чтò мнѣ дѣлать съ дѣвушкой съ проклятой?»—
 А Господь ему тихо отвѣчаетъ:
 «Ярко солнце, дитя дорогое!
 Перестань говорить, не сердися!
 Знаю я, чтò съ проклятой съ ней дѣлать:
 Ты сожги загаромъ ея щеки;
 Я пошлю ей недобрую долю,
 Злую долю, чтò малыхъ деверьевъ,
 Злаго свекра, лютую свекровку.
 Пусть узнаетъ, съ кѣмъ вздумала спорить!»

В. В.

Саратовъ.
 1856 г. Декабрь.

В Ъ Р А.

(Отрывокъ изъ Философскаго Лексикона) (*).

Подъ вѣрою, въ обширномъ смыслѣ слова, разумѣется непосредственное, т. е. не основывающееся на чувственномъ наблюдѣніи или на умозаключеніяхъ признаніе чего либо дѣйствительнымъ. Глубокое основаніе этого расположенія нашего духа къ признанію чего либо дѣйствительнымъ, безъ пособія чувственнаго наблюдѣнія и доводовъ, заключается не въ силѣ разгоряченнаго воображенія, но въ самомъ существѣ духа. Воображеніе можетъ сообщать только различныя направленія вѣрѣ, можетъ ее видоизмѣнять и искажать; но само по себѣ не сообщаетъ внутренняго утвержденія, которымъ сопровождается признаніе, свойственное вѣрѣ. Различаютъ вѣру, касающуюся предметовъ ограниченныхъ, подлежащихъ чувственному наблюдѣнію, или умственнымъ доказательствамъ, отъ вѣры въ истины сверхчувственныя. Въ первомъ случаѣ вѣра можетъ утверждаться, или на какихъ нибудь особенностяхъ лица, питающаго вѣру, такъ что причина убѣжденія заключается въ немъ самомъ, или на виѣшнемъ авторитетѣ, которому мы довѣ-

(1) Эта статья приготовлена авторомъ для Философскаго Лексикона, имъ составляемаго, а потому предметъ ея разсматривается впервыхъ кратко, вторыхъ только съ философской точки зрѣнія. Соч.

рѣемъ. Перваго рода вѣру называютъ *частною* или *особенною* (prorgia, privata), втораго рода *историческою* (historica). Историческую вѣру подраздѣляютъ еще на *матеріальную* и *формальную*. Первая бываетъ въ то время, когда мы безъ собственныхъ изслѣдованій, и при томъ, или по какимъ нибудь общимъ признакамъ вѣроятности, или хотя бы ихъ вовсе не было, довѣряемъ показаніямъ другихъ о какихъ нибудь историческихъ событіяхъ или вообще о томъ, что происходило, но чего мы не могли сами видѣть и наблюдать. Вторая состоитъ въ принятіи какихъ нибудь истинъ, которыя могутъ быть предметомъ такого или другаго умственнаго изслѣдованія, по которыя мы принимаемъ только по довѣрію къ авторитету, къ внутреннимъ достоинствамъ лицъ, еообщающихъ намъ эти истины.

Но гораздо правильнѣе имя вѣры въ собственномъ смыслѣ можно приписать только признанію истинъ сверхчувственныхъ, выступающихъ за предѣлы пространства и времени. Увѣренность въ дѣйствительности ограниченныхъ предметовъ, подлежащихъ наблюденію, хотя и не происходитъ иногда изъ нашего собственнаго дознанія, но можетъ основываться на томъ предположеніи, что они или дознаны, или по крайней мѣрѣ могутъ быть дознаны, другими, и не выступаютъ изъ круга наблюденія и познанія. Отношеніе нашего духа къ предметамъ этой вѣры безразлично; значеніе человѣческаго существа и всей нравственной жизни не измѣняется, имѣетъ ли этотъ предметъ вѣры опору въ нашемъ внутреннемъ убѣжденіи, или нѣтъ: потому что самый предметъ случайнаго свойства въ отношеніи къ человѣку; онъ можетъ быть, можетъ не быть, и оттого ни мало не измѣняется идея человѣка. Но иное свойство вѣры, которую мы разумѣемъ. Вѣра въ сверхчувственный міръ утверждается на неотразимомъ внутреннемъ требованіи нашего духа. Такъ какъ духъ нашъ есть существо сверхчувственное, то и самая вѣра его въ сверхчувственный міръ остается постоянною внутреннею потребностію его, не смотря на то, что этотъ міръ, по самой безконечности и сверхчувственности своей, не можетъ быть предметомъ наблюденія и законченнаго знанія, примѣняющаго

ко всему ограниченныя формы мышленія; не смотря далѣе и на то, что въ нашемъ духѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ его развитіи, способности или внутренняго органа, вполне соотвѣтственнаго безконечному предмету вѣры. При всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, вѣра всеобща и постоянна, точно также, какъ и предмету ея свойственна всеобщность и вѣчная дѣйствительность. Она такъ тѣсно соединена съ идеею человѣка, что если бы онъ имѣлъ несчастную силу истребить ее въ себѣ, то въ слѣдъ за тѣмъ въ его жизни воцарились бы всѣ крайности эгоизма и животныхъ произволовъ; потому что съ потерею вѣры, истина, правда и любовь утратили бы для него свое вѣчное, всеобщее значеніе. И эта-то всеобщая, внутренняя потребность вѣры въ сверхчувственныя истины—въ истину бытія верховной Причины міра среди міра явленій, въ безконечную жизнь нашего духа среди памятниковъ смерти и тлѣнія, въ любвеобильный, міроправящій промыслъ божій, среди золь и страданій, въ безконечную усовершенствоваемость человѣка, проникнутаго божественнымъ началомъ жизни, составляетъ отличительный характеръ ея отъ всякой другой вѣры, касающейся предметовъ случайныхъ и преходящихъ. На основаніи такого существеннаго различія, можно сказать, что самое названіе вѣры употребляется въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ только въ несобственномъ смыслѣ; потому что содержаніе ихъ, и притомъ отъ нихъ, и всегда остается только внѣшнимъ для нашего духа. По формѣ и вѣра въ сверхчувственный міръ въ началѣ подобна вѣрѣ въ обыкновенные предметы сознанія. Сначала она имѣетъ характеръ историческій, утверждается на словахъ другихъ; потому что мы подлежимъ законамъ постепеннаго развитія, и только подъ вліяніемъ внѣшнимъ доходимъ до самопознанія; но въ послѣдствіи она превращается изъ вѣры внѣшней во внутреннюю. Историческая вѣра составляетъ только низшую ступень истинной вѣры: она не имѣетъ еще внутренней полноты и жизненности, которою отличается вѣра внутренняя; но не смотри на то, она необходима, какъ сосудъ для ароматнаго елѣя, какъ чашечка, въ которой зрѣетъ питательное зерно.

На чемъ основывается необходимость этой внутренней вѣры въ сверхчувственный міръ? — Чемъ отличается она отъ другихъ способовъ воспріятія и признанія дѣйствительности? — Какое отношеніе ея къ назначенію человека, и каковы ея уклоненія?

Вѣра составляетъ самую существенную потребность нашей внутренней, духовной жизни, и также нераздѣльна съ нею, какъ дыханіе нераздѣльно съ нашею тѣлесною жизнію. Мы окружены со всѣхъ сторонъ многообразными явленіями нравственнаго и физическаго міра, наблюдаемъ ихъ нашими чувствами, изслѣдуемъ и познаемъ многоразличными приѣмами разсудка, не выступая еще изъ предѣловъ ограниченнаго значенія ихъ, какъ явленій. Къ такимъ предметамъ разсудочныхъ изслѣдованій относятся, напримѣръ, ограниченныя причины, отъ которыхъ происходятъ явленія, ихъ составъ, ограниченное назначеніе, величина, тяжесть, вѣсъ, плотность, словомъ: всё принадлежности, изъ которыхъ мы узнаемъ и устанавливаемъ взаимное отношеніе предметовъ, какъ явленій, не входя еще въ смыслъ и значеніе всего міра явленій. Но самая разумность нашего духа, его стремленіе къ безконечному, не позволяетъ намъ останавливаться на относительномъ познаніи явленій, на анализѣ ихъ свойствъ и устройства, на конечныхъ причинахъ и цѣляхъ, за которыми постоянно, какъ изъ бездны, возникаетъ предположеніе новаго ряда причинъ и цѣлей. Онъ стремится къ самовразумленію и о томъ, что служитъ всему причиною, но само не входитъ въ кругъ дѣйствій, что составляетъ цѣль всего, и само не бываетъ средствомъ. И не только умственное представленіе верховнаго начала жизни составляетъ постоянную потребность духа; онъ стремится еще къ тому, чтобы сознать его въ своей собственной внутренней жизни. Но верховное начало жизни, верховная цѣль всякаго бытія, безконечная жизнь нашего духа, не можетъ быть дѣломъ законченнаго знанія. Всякое знаніе предполагаетъ сравненіе неизвѣстнаго съ извѣстнымъ, полведенія какого либо предмета подъ ограниченныя формы разсудка (напримѣръ качества, количества, мѣры, видоизмѣненія, и такъ

дагѣ), въ которыхъ мы разсматриваемъ всѣ вещи, а между тѣмъ, верховная причина и цѣль бытія превышаетъ все конечное и ограниченное. Тутъ никакое сравненіе невозможно, и обыкновенные приемы познавательной дѣятельности въ самомъ описаніи некоторыхъ свойствъ божественнаго Существа, вмѣстѣ съ тѣмъ только ярче озаряютъ бездну, раздѣляющую ее отъ безконечной области изслѣдованія. Точно также выступаетъ изъ предѣловъ нашего знанія безконечная жизнь нашего духа; ибо она въ неразрывной связи съ идеею божественнаго Существа и требуетъ соотвѣтственнаго ей безконечнаго опыта, а между тѣмъ мы постоянно вращаемся только въ кругу сравненія ограниченныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, пользуясь только сравненіемъ одного явленія съ другимъ, одного ограниченаго бытія съ другимъ, мы никогда бы не дошли до признанія безусловнаго бытія и безконечной жизни; потому что послѣдовательность нашего перехода заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Безконечное, безусловное бытіе, которое мы сознаемъ и признаемъ въ себѣ, можетъ только само себя обнаруживать въ нашемъ сознаніи; идея его сама себѣ служить въ насъ и доказываемымъ и доказывающимъ: это солнце, которое открываетъ и себя и все озаряемое его свѣтоносными лучами. Такъ называемое конечное, или иначе, разсудочное познаніе, не только не приводитъ къ признанію идеи безконечнаго бытія и безусловной истины, но наоборотъ само утверждается на основаніи ея, и возможно въ нашемъ духѣ только потому, что въ немъ есть уже признаніе безусловной истины, которой раздробленными лучами занимаются разныя отрасли науки. На этомъ присутствіи въ нашемъ духѣ идеи безусловнаго бытія основывается и высокое достоинство науки: отнимите это внутреннее, неистребимое убѣжденіе въ дѣйствительности вѣчной истины,—и наука не существуетъ. Что же такое это присущее нашему духу, непосредственное признаніе безконечнаго бытія, безусловной истины, какъ не то, что мы называемъ вѣрою! Какъ иначе назвать это признаніе, превышающее всякое посредство сравненія и умозаключенія и постоянно лежащее въ основаніи ихъ, какъ не вѣрою?—

Это высшая вѣра нашего духа во все духовное, божественное, безконечное, иными словами, вѣра въ присутствіе безконечно-разумнаго и свободнаго Начала, дающаго всему ограниченному жизнь и надъ всѣмъ ограниченнымъ безконечно-возвышающагося; это вѣра нашего духа и въ свою духовность, живое сознаніе присутствія въ своемъ лонѣ божественнаго, нетлѣющаго Начала жизни, которое само въ себѣ, по силѣ самаго сознанія о безконечномъ, носитъ уже залогъ и своей причастности безконечной жизни. Въ этой-то вѣрѣ, въ этомъ сознаніи идеи безконечной истины и безконечнаго бытія, не рабски происходящей изъ наблюденія міра явленій, но царственно владычествующей въ нашемъ духѣ, заключается основаніе величія героевъ истины, правды, любви и всякой доблести, которому ливимся мы невольно, хотя и не можемъ, среди насущной поразительности явленій эгоизма и своекорыстія, сообщить такую же очевидность вѣчному достоинству начала, одушевляющаго ихъ: самую невольностію нашего благоговѣнія къ нимъ, мы утверждаемъ уже во глубинѣ сердца то самое, чего не пытались, или не въ силѣ доказать.

Разсудку, какъ способности, занятой изслѣдованіемъ относительной жизни явленій, представляется, что мысль о безконечномъ есть слѣдствіе отвлеченія отъ ограниченныхъ предметовъ наблюденія, и что поэтому и безконечное есть только отвлеченность, форма умственной дѣятельности, въ которой нѣтъ ничего живаго, дѣйствительнаго; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ всѣ формы конечнаго или ограниченаго разумѣнія суть только преломленія, въ которыхъ многообразно отражается идея безконечнаго бытія, независящая отъ нашихъ умозаключеній. Самое сознаніе предѣла, свойственное разсудочной дѣятельности, уже доказываетъ то, что ее озаряетъ какой-то лучъ, идущій изъ глубины духа, открывающій ему нѣчто положительное, неограниченное и дѣлающее возможнымъ самое сознаніе предѣла. Ни слова, что уясненіе идеи безконечнаго бытія требуетъ въ нѣкоторой степени участія разсудочной дѣятельности. Это уясненіе зависитъ отъ того, какъ мы проводимъ и описываемъ идею безконечнаго по противоположенію тѣмъ формамъ,

въ которыхъ существуетъ все ограниченное и дѣйствуетъ наше ограниченное разумѣніе, какъ мы примѣняемъ ее ко всѣмъ видамъ бытія; но самое признаніе дѣйствительности этой идеи, повторяемъ, не зависитъ отъ этой дѣятельности; оно выше ея: оно утверждается въ непосредственномъ убѣжденіи, словомъ, есть дѣло вѣры. Отъ неправильнаго понятія о способѣ, какъ происходитъ и укрѣпляется въ насъ идея всесовершеннаго Существа; идея безсмертія нашей души, неслитности міра съ Существомъ божіимъ, и міроуправляющаго Промысла божія, произошла и тѣ противорѣчія, которыми Кантъ опуталъ эти идеи. Кошъ скоро онъ не иначе могъ представить себѣ происхожденіе этихъ идей, какъ только при посредствѣ умозаключеній (просиллогизмовъ), а умозаключенія выходятъ отъ данныхъ, ограниченныхъ предметовъ видимаго міра, то естественно, что утвержденіе ихъ не могло уже обойтись безъ противорѣчій (см. Кантъ); потому что идея безконечнаго также не можетъ быть выведена безъ скачка изъ созерцанія ограниченныхъ явленій міра, какъ и само безконечное не происходитъ изъ ограниченаго. Безконечное утверждается само на себѣ; оно соединено съ самимъ существомъ нашего духа, и только потому, что оно постоянно намъ присуще,—возможно, какъ познаніе всего ограниченаго, такъ и разъясненіе самой идеи безконечнаго, чрезъ приложеніе къ ней формъ мышленія. Вотъ почему тотъ же Кантъ въ критикѣ практическаго разума приходитъ къ убѣжденію, что сверхчувственныя истины бытія божія, безсмертія души и премудраго Промысла божія въ мірѣ, суть необходимыя требованія нравственной природы человѣка, иными словами: что точки опоры для убѣжденія въ непереложности ихъ нужно искать во глубинѣ нашего духа, въ его нравственной жизни, а не въ созерцаніи явленій видимаго міра.

Вѣра, какъ внутреннее непосредственное признаніе сверхчувственныхъ истинъ, отличается не только отъ умозаключеній разсудка, но и отъ внутренняго чувства и отъ научной достовѣрности. Судить, умозаключать и признавать что нибудь по умозаключеніямъ, мы можемъ даже противъ

собственныхъ внутреннихъ убѣжденій и противъ началъ практической жизни; но вѣра не зависитъ отъ нашего произвола, какъ не зависитъ отъ него наше собственное существо; чистая вѣра всегда въ глубочайшей гармоніи съ истиною и правдою. По чувству мы можемъ признавать то и стремиться къ тому, что пріятно видоизмѣняетъ наше внутреннее состояніе, а вѣрою мы признаемъ даже то, что противостоитъ нашимъ наклонностямъ, что требуетъ жертвы. Бестѣсная вѣра была присуща даже древнимъ языческимъ народамъ, хотя ихъ мыслители не дошли еще до яснаго сознанія о существѣ ея, и по недостатку глубокаго психологическаго анализа не отличили ее достаточно отъ другихъ способовъ признанія истины. Пока человѣческая мысль представляла себѣ міръ сверхчувственный въ чувственныхъ формахъ, до тѣхъ поръ и этотъ высшій міръ былъ только копіею міра настоящаго; человѣкъ не признавалъ въ себѣ ни высшихъ сторонъ духа, пріемлющихъ въ себя дѣйствіе этого высшаго міра, ни потребности другой нравственной жизни, какъ условія единенія съ міромъ сверхчувственнымъ. И боги языческіе, и любимцы боговъ были подвержены самымъ низкимъ порокамъ. Христіанство впервые открыло горизонтъ другой жизни, въ которую проникаетъ только очищенное око разумнія, только мысль, понявшая ограниченное значеніе своихъ пріемовъ изслѣдованія, пріемленныхъ къ міру видимому. Съ тѣмъ вмѣстѣ сознаво было и другое средство практическаго возвышенія къ міру сверхчувственному. Оно не ограничивалось уже воинскими или гражданскими дѣлами, но требовало при нихъ и внутренняго торжества надъ самимъ собою, внутренняго обновленія, радости въ печали, жизни въ смерти.—Наконецъ вѣра отличается отъ научной достовѣрности. И вѣра сопряжена съ достовѣрностію; но ея достовѣрность другаго рода. Достовѣрность научная, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее занимающіеся экспериментальными изслѣдованіями, возможна только тамъ, гдѣ предметъ ея не выступаетъ изъ предѣловъ опыта, гдѣ законъ, добываемый нами какъ относительный, имѣетъ полныхъ представителей, или, такъ сказать, носителей въ чув-

ственныхъ вещахъ. Когда явленіе дѣйствуетъ на насъ, и при томъ извѣстнымъ способомъ, мы не сомнѣваемся ни въ его дѣйствіи, ни въ способѣ дѣйствія. Тутъ даже не можетъ быть мѣста высшему сомнѣнію; потому что мы не выступаемъ изъ круга являемости и не спрашиваемъ о томъ, что такое велъ эта совокупность явленій міра физическаго и нравственнаго, какая первая причина и цѣль ихъ. Научная достовѣрность другаго рода свойственна такимъ сужденіямъ, когда мы, тоже не выходя изъ круга ограниченнаго бытія, только проводимъ что нибудь общее, аксіоматическое въ частности, и, такъ сказать, непрерывно дѣлаемъ уравненіе. Такъ напримѣръ, мы заключаемъ, что квадратъ гипотенузы равняется квадратамъ двухъ катетовъ. Но иное свойство достовѣрности вѣры, и инаковы ея условія. Такъ какъ вѣра касается не такого или другаго явленія, но самаго основанія міра явленій, верховной Причины его, существа и высшаго назначенія человѣка, то и первое основаніе вѣры заключается не въ рефлексивномъ разграниченіи понятій, касающихся ограниченнаго міра, но въ самомъ же духѣ, въ его внутреннѣйшемъ самосознаніи. Всякое другое познаніе, всякое стремленіе къ выполненію законовъ истины и правды, возможно только на основаніи общаго расположенія нашего духа къ истинѣ и правдѣ безусловной. Каковы бы ни были виѣшніе поводы, пробуждающіе въ насъ сознаніе этого высшаго расположенія духа, но, по существу, это послѣднее всегда выше и прежде всякаго опыта, прежде виѣшняго дѣйствія. Поводы могутъ содѣйствовать пробужденію его; но не приводятъ къ нему путемъ логическихъ выводовъ. Въ этомъ-то сознаніи внутреннѣйшаго расположенія духа къ безусловнымъ истинамъ, расположенія, — животворящаго собою величественный организмъ науки, права, искусства, и завершаемаго полнотою религиозныхъ истинъ, касающихся высшихъ судебъ человѣка, заключается главная опора достовѣрности вѣры. Въ ея области предметъ доказываемый и самое доказательство такъ тѣсно соединены между собою, что раздѣленіе между ними, подобное тому, какое мы встрѣчаемъ въ наукахъ, занимающихся изслѣдованіемъ яв-

леціи, невозможно. На этомъ основаніи не только въ области вѣры, но и въ тѣхъ наукахъ, которыя ближе примыкаютъ къ безусловнымъ истинамъ вѣры, непримѣнимъ методъ изслѣдованія и доказыванія, свойственный наукамъ математическимъ и опытнымъ. По самой неисчерпаемости и необъятности этихъ истинъ, совершенство изложенія ихъ состоитъ не столько въ доказываніи, сколько въ постепенномъ уясненіи ихъ и приближеніи къ нашему сознанию и чувству, въ постепенномъ, такъ сказать, откровеніи ихъ въ нашей внутренней жизни. Условіе вѣры, ея чистоты и крѣпости заключается не во внѣшнемъ образованіи, не въ богатствѣ разнообразныхъ свѣденій, но въ характерѣ внутренней жизни. Точкою отправленія для открытія истинъ, касающихся чувственного міра, есть тотъ же чувственный міръ, подлежащій наблюденію внѣшнихъ чувствъ; точкою же опоры для сознанія истинъ сверхчувственныхъ, касающихся нашего безконечнаго назначенія, есть міръ внутренней, жизнь духа: только въ этой внутренней жизни можно найти неумолкающее требованіе и ненасытимую жажду тѣхъ истинъ, на которыя не можетъ дать намъ отвѣта міръ внѣшній, во всю его громадностію. Думать поэтому, что истины религіозныя и нравственныя можно доказать наблюденіемъ внѣшней природы, значитъ не понимать ихъ смысла и значенія. Вотъ почему необходима чистота внутренней жизни для развитія способности боговѣденія, въ которомъ сосредоточивается все метафизическое знаніе: *Блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ*. Кто предалъ себя всецѣло однимъ расчетамъ своекорыстія, кто непрерывно поглощенъ удовлетвореніемъ своихъ страстей, тотъ самъ лишаетъ себя внутренней опоры, на которой утверждается живая вѣра; потому что безъ живаго внутренняго стремленія къ безконечному мыслію и сердцемъ, невозможно живое сознаніе безусловнаго сознанія истинъ вѣры: можно еще объ этихъ истинахъ рассуждать и въ помраченномъ состояніи духа; но не возможно уже чувствовать ихъ величія, силы и нераздѣльности съ самымъ существомъ и жизнью духа.

Не упоминаемъ здѣсь объ ученіи тѣхъ мыслителей (Го-

манъ, Гердеръ, Якоби), изъ коихъ каждый, съ своей точки зрѣнія, старался доказать присутствіе въ нашемъ духѣ вѣры въ тѣ истины, которыя выступаютъ за предѣлы пространства и времени, и не могутъ быть слѣдствіемъ наблюденія и умозаключенія. Для насъ гораздо важнѣе то, что даже въ ученіи мыслителей, или совсѣмъ отрицавшихъ возможность систематическаго познанія сверхчувственныхъ истинъ, или, наоборотъ, утверждавшихъ, что содержаніе безусловныхъ истинъ вѣры исчерпывается ялою мышленія, и не имѣетъ ничего такого, что превышало бы его полноту, нельзя не замѣтить явныхъ слѣдовъ вѣры тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ окончательномъ утвержденіи знанія. Помимо собственнаго ихъ сознанія она животворить въ нихъ самую силу мысли; потому что, отрицая авторитетъ ея умозаключеніями, они утверждаютъ его въ тайнѣ первую исходною точкою. Кантъ, утверждавшій, что ни разсудку, ни теоретическому разуму недоступны сверхчувственныя истины, какъ-то, идея Бога, безсмертія души, и идея міра съ его началомъ и назначеніемъ, — Кантъ, полускептикъ, полувдеалистъ, полуэмпирикъ, въ критикѣ такъ называемаго имъ чистаго разума и способности сужденія, признаетъ авторитетъ разумной вѣры въ критикѣ практическаго разума. Онъ не могъ только замѣтить незыблемаго, предметнаго, и несубъективнаго достоинства ея содержанія, а также и живаго ея соприкосновенія съ познавательною дѣятельностію. Ибо, что значатъ тѣ безусловныя требованія (постулаты) практическаго разума, о которыхъ онъ говоритъ съ такимъ воодушевленіемъ, утверждая на нихъ идею Бога, души и міра, какъ не внутренній голосъ вѣры въ нашъ духъ, въ которомъ струится безконечная жизнь, и даетъ намъ знать о себѣ, не смотря на объемлющій насъ отовсюду міръ явленій? — Гегель, другой знаменитый мыслитель новыхъ временъ, не отвергалъ, подобно Канту, вполне содержанія вѣры; напротивъ, онъ утверждалъ, что сверхчувственныя истины, которыхъ первое исходное начало мы полагаемъ въ вѣрѣ, имѣютъ безусловную дѣйствительность, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что эта дѣйствительность утверждается и

получаетъ свою силу единственно въ высшей дѣятельности мышленія (въ абсолютномъ, или спекулятивномъ мышленіи, какъ выражается Гегель), что оно самостоятельно ихъ полагаетъ, и что наконецъ, въ силу только этого положенія нашей мысли, они дѣйствительны. Сомнѣніе въ дѣйствительности всего сверхчувственного происходитъ, по его мнѣнію, только отъ того, что мы неправильно понимаемъ значеніе дѣятельности разсудочной. Эта послѣдняя, обыкновенно не выступаетъ изъ предѣловъ ограниченаго міра, а потому и отрицаетъ сверхчувственное бытіе; но она и предваряется и завершается дѣятельностію высшаго мышленія, то есть такую познавательную дѣятельностію, которая, ни по формѣ, ни по содержанію не выходитъ отъ разсматриванія ограниченнаго предметовъ, но какъ безусловная, въ томъ и другомъ отношеніи не только сама на себѣ утверждаетъ, но и представляетъ истинный взглядъ на весь міръ. Такимъ образомъ, стараясь, такъ сказать, втиснуть безконечный предметъ вѣры въ кругъ опредѣленнаго, законченнаго знанія, заставляя совпадать одно съ другимъ, Гегель прежде всего ослабляетъ значеніе вѣры со стороны ея формы, какъ непосредственнаго убѣжденія духа въ сверхчувственныхъ истинахъ, отъ чего, конечно, по связи, существенно страдаетъ и самое содержаніе истинъ вѣры.—Но что вышло изъ этихъ усилій Гегеля?—Отождествилъ ли онъ признаніе, свойственное вѣрѣ, съ логическою формою, съ познавательною дѣятельностію мышленія?—Доказалъ ли, что оно не только уясняетъ, приводитъ въ порядокъ, но и первоначально само полагаетъ и творитъ ихъ, или, наоборотъ, заставилъ только живѣе сознать независимую прочность вѣры, неисчерпаемую для логической мысли полноту ея?—Отождествляя предметъ разумной вѣры съ дѣятельностію мышленія, Гегель, во первыхъ, вынужденъ былъ сжать и сократить его до такой степени, что изъ него осталось одно только наше (названное у него безусловнымъ) мышленіе, какъ единственный представитель безконечнаго сверхчувственнаго міра; между тѣмъ какъ никакая сила мысли никогда не докажетъ, что вся полнота сверхчувственнаго міра заключается только въ нашемъ (хотя бы и безуслов-

нѣмъ) мышленіи и въ насущной порядкѣ природы и исторіи. Но допустимъ на время, что нѣтъ другаго сверхчувственного міра, кромѣ этого отвлеченнаго бытія, представляемаго безусловнымъ мышленіемъ Гегеля?—Доказали ли Гегель участіе одного мышленія безъ вѣры, даже въ признаніи этого безусловнаго, отвлеченнаго первобытія?— Не впадемъ въ крайность, если дадимъ отвѣтъ отрицательный; утверждаясь на его же трактатѣ о непосредственномъ вѣдѣніи (см. Encyclop. d. philosophischen Wissenschaften, Heidelberg, 1830). Въ этомъ трактатѣ, гдѣ Гегель всюю своею діалектикою старается доказать, что всякому непосредственному вѣдѣнію предшествуетъ что нибудь посредствующее, соглашается подъ конецъ (das unmittelb. Wissen § 73), что если и можно допустить непосредственное убѣжденіе духа, то развѣ только въ бытіи верховнаго Существа; понимая это Существо въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, безъ всякаго опредѣленнаго содержанія. По видимому Гегель уступаетъ непосредственному убѣженію или вѣрѣ весьма мало; но на самомъ дѣлѣ въ этой уступкѣ заключается слишкомъ много, или лучше, все; потому что изъ нея слѣдуетъ ни больше, ни меньше, какъ то, что идея безконечнаго бытія, отличнаго отъ міра явленій, не есть дѣло умственного вывода, или результатъ умозаключенія отъ предметовъ ограниченныхъ, что оно возникаетъ въ насъ съ первымъ, такъ сказать, прикосновеніемъ сознанія къ этому міру. Мы еще болѣе убѣдимся въ томъ, что Гегель не могъ поглотить и замѣнить вѣру дѣятельностію мышленія, когда выйдемъ, какъ онъ понимаетъ самый актъ высшаго мышленія, замѣняющій у него вѣру, и въ какомъ отношеніи къ этой высшей дѣятельности мышленія, занятой безконечнымъ, онъ представляетъ дѣятельность низшаго мышленія или разсудка. По смыслу діалектической системы, призваніе безконечнаго бытія не есть результатъ умозаключеній, постоянно имѣющихъ нужду въ какихъ нибудь предварительныхъ посылкахъ для выводовъ; но почему?—Потому, что высшее или спекулятивное мышленіе не умозаключаетъ отъ ограниченныхъ формъ бытія, какъ данныхъ въ наблюденіи, къ безконеч-

ному; но само предпосылаетъ эти формы, и, послѣдовательно, какъ-бы пересматривая ихъ одну за другою, только узнаётъ себя въ нихъ, а по тождеству своему съ безконечнымъ бытiемъ, узнаетъ въ нихъ отраженiе самаго безконечнаго бытiя. Если бы диалектическая система могла доказать, что всѣ ограниченныя формы разсудка, въ которыхъ мы обыкновенно разсматриваемъ явленiя, свободно предпосылаетъ или предполагаетъ наше высшее или безусловное мышленiе, и само же потомъ отрицаетъ ихъ въ переходѣ къ безконечному; тогда и актъ вѣры, какъ принятiе дѣйствiя высшаго начала въ нашемъ духѣ, вполнѣ превратился бы въ дѣло нашего собственнаго мышленiя; тогда существовала бы уже не вѣра, а полное вѣдѣнiе Бога о самомъ себѣ въ насъ. Но, повторяемъ снова, никакая сила человѣческой мысли не въ состоянiи найти и указать въ себѣ такого акта самотворенiя, который былъ бы вмѣстѣ какъ бы самознанiемъ Божества въ насъ. Такое могущество мысли возможно только всемогущему Виновнику всѣхъ вещей, въ которомъ мысль есть самое дѣло, для котораго все есть произведенiе его собственнаго разума и воли. И такъ, что въ сущности скрывается подъ именемъ безусловнаго мышленiя, которой, по ученiю диалектической системы, также не доходитъ къ безконечному путемъ логическаго умозаключенiя отъ ограниченныхъ формъ бытiя, но само будто бы и полагаетъ себя, какъ безконечное, и предполагаетъ эти конечныя формы бытiя, сознавая себя въ нихъ и чрезъ нихъ?—Таже вѣра, тоже непосредственное принятiе высшаго внушенiя въ нашемъ духѣ, только подъ другимъ названiемъ, и съ тою разницею, что съ признанiемъ мышленiя за единственный не только органъ боговѣдѣнiя, но и самоосуществленiя божiя, все превращается въ одну отвлеченность. Можно и должно допустить нѣкоторую причастность, даже сродство нашего мышленiя съ божественнымъ Началомъ жизни, которое какъ бы исходитъ въ наше сознанiе и даетъ ему знать о себѣ; но считать это принятiе нашею мыслию божественнаго дѣйствiя, обнаруживающееся въ насъ идеею безконечнаго, за самоположенiе и самоосуществленiе божествен-

наго Начала, предпосылающее и потомъ снова снимающее разсудочныя формы познанія , такъ что не остается никакого мѣста вѣрѣ , потому что мы какъ бы присутствуемъ при этомъ творческомъ самосозданіи Божества въ нашей мысли,—значить разомъ и нарушать величіе божественнаго существа , и протаворѣчить дѣйствительнымъ свойствамъ нашего мышленія.

Предметъ вѣры есть безконечное и самосушее бытіе, которое даетъ бытіе всему существующему въ пространствѣ и времени , но само — превышаетъ пространства и времени. Идея этого безконечнаго самосушаго бытія и верховной причины міра присуща каждому изслѣдованію нашей мысли : всякое поступаніе познавательной дѣятельности отъ дѣйствій къ причинамъ, отъ явленій къ сущности возможно единственно потому, что оно движется сознательно или бессознательно идеєю первопрічины и бытія самосушаго. Она не происходитъ въ нашемъ сознаніи ни отъ впечатлѣній окружающаго насъ ограниченнаго міра , ни изъ представленія явленій; потому что сознаніе явленій, какъ явленій , уже предлагаетъ ее , и безъ нея было бы невозможно. Духъ нашъ не есть также нѣчто совершенно отдѣльное отъ безконечнаго и непрічастное ему, подобно сосуду, который заключаетъ въ себѣ благоуханный елей , не имѣя съ нимъ ничего общаго : идея безконечнаго принадлежитъ къ самому существу нашего духа, одушевляетъ его жизнь и дѣлаетъ ее причастною жизни безконечной. И однако же, какъ бы ни былъ глубокъ внутренній союзъ нашего существа съ безконечнымъ существомъ , престолъ самосушности , и если можно такъ оказать , самотворенія этой идеи не въ насъ, но въ существѣ верховномъ, — источникъ всякаго бытія и всякаго совершенства. Мы приедемъ ее вмѣстѣ съ нашимъ бытіемъ, какъ даръ божій , и среди міра измѣненій, хранимъ ее въ непоколебимой вѣрѣ, какъ залогъ святыхъ чаяній, какъ святую вѣсть среди видимаго о невидимомъ. Вступая въ кругъ нашего сознанія , идея безконечнаго , какъ предметъ разумной вѣры , проявляется въ нашемъ духѣ другими частными идеями разума ; предполагая въ основаніи своемъ бытіе безуслов-

ное, эти идеи окончательно также утверждаются на внутреннемъ убѣжденіи нашего духа, которое въ свою очередь не можетъ быть слѣдствіемъ ни логическаго развитія мысли, ни наблюденія и изслѣдованія явленій.—Идеи разума, въ которыхъ какъ бы преломляется и дробится одна основная идея безконечнаго въ нашемъ сознаниіи, происходятъ или отъ примѣненія этой послѣдней къ тремъ кореннымъ предметамъ познанія—къ Богу, міру и человѣку; отсюда происходитъ идея Бога, какъ Творца и Промыслителя міра, идея міра, какъ созданія божія, носящаго разумную цѣль своего существованія, и идея безмертія души, неразлучнаго съ самымъ сознаниемъ въ насъ безконечнаго, или по тремъ отправленіямъ нашего духа—познавательному, желательному и чувствовательному, являются въ нашемъ духѣ идеею безусловной истины, безусловнаго добра и безусловной красоты. Такимъ образомъ разумная вѣра не исключаетъ дѣятельности мышленія; сообщая ему предметъ, жизнь и силу во внутреннемъ опытѣ, или въ непосредственномъ, если можно такъ сказать, прикосновеніи къ источнику жизни, вѣра въ свою очередь улучшаетъ болѣе опредѣленности и отчетливости подъ вліяніемъ мыслящей дѣятельности. Но самый способъ соединенія идеи безконечнаго съ ограниченными формами разсудка и явленій, какъ предмета его познанія, неуловимъ для человѣческаго разумѣнія. Совершенное знаніе этого единства предполагало бы въ насъ силу самосозданія и самобытія. Отъ этой невозможности—объяснить окончательно способъ соединенія идеи безконечнаго съ тѣми ограниченными формами, въ которыя она облекается въ нашемъ духѣ и въ его міросозерцаніи, происходятъ двѣ крайности: или чрезмѣрное предубѣжденіе противъ дѣятельности разсудка и разума въ дѣлѣ вѣры, или, что еще хуже, — отрицаніе безконечнаго бытія, до котораго мышленіе наше не можетъ дойти путемъ логическаго умозаключенія и постепеннаго наслѣдованія явленій.

Кромѣ чистой, возвышенной вѣры, живущей въ содружествѣ съ разумною дѣятельностію нашего духа, есть и превратные, искаженные виды вѣры. Откуда они происхо-

дать, если вѣра есть неразлучный спутникъ нормальнаго состоянія нашего духа?

Когда мы представляемъ то, что было предметомъ ощущенія, то въ этомъ представленіи нѣтъ мѣста вѣрѣ; въ немъ отображается именно только то, что есть или было. Все чувственное, все производящее на насъ въ здоровомъ состояніи впечатлѣнія, мы привыкли считать дѣйствительнымъ, не нуждаясь въ особенныхъ условіяхъ внутренняго развитія. Вѣра же сознаетъ дѣйствительнымъ предметъ внутренняго чувства и созерцанія, а потому значеніе предмета вѣры и самой вѣры много зависитъ отъ тѣхъ условій, которыя могутъ иногда имѣть вліяніе на силу и направленіе самаго признанія дѣйствительности предмета. Такъ какъ сила представленія, съ которою вѣра находится въ большей или меньшей связи, занимаетъ среднее мѣсто между чувствительностію и разумною дѣятельностію души, то и самое свойство предмета вѣры зависитъ не только отъ просвѣтленнаго внутренняго чувства, отъ глубокаго сознанія коренныхъ истинъ духовныхъ, но и отъ чувственности, отъ впечатлѣнія со стороны ея образовъ. Когда сила представленія дѣйствуетъ подъ вліяніемъ разумной мысли и одухотвореннаго чувства, тогда и вѣра бываетъ чиста, дышетъ божественнымъ величіемъ. Одушевленная святыми истинами, она проникнута любовію и кротостію, и съ соболѣзнованіемъ о заблудшихъ соединяетъ живое желаніе разуменія ихъ. Но иной характеръ, теоретическій и практический, получаетъ вѣра, когда сила представленія находится только подъ вліяніемъ чувственности и ея нечистыхъ образовъ. Подъ вліяніемъ омраченнаго представленія, она произвольно облачаетъ всѣми признаками жизни прихотливые образы, составленные изъ различныхъ формъ чувственныхъ предметовъ, омрачаетъ ими темное гаданіе о мірѣ сверхчувственномъ, и признаетъ дѣйствительнымъ то, что противно здравому смыслу и проистекаетъ единственно отъ болѣзненнаго личнаго настроенія. Такой вѣрѣ, какъ частной, произвольной, свойственъ фанатизмъ, духъ ненависти и исключительнаго, враждебнаго отношенія къ иномыслящимъ. Къ ложному направле-

нію вѣры относятся всѣ суевѣрія , предрасудки , ложныя видѣнія и другія подобныя заблужденія. Но каковы бы ни были уклоненія вѣры , она составляет самую существенную стихію нашей внутренней жизни. Безъ вѣры человекъ былъ бы получеловѣкъ !

N.

Кіевъ.

ИСТОРІЯ

ВОЗМУЩЕНІЯ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

ГЛАВА IV.

Разинъ готовится къ новому возмущенію. Убіеніе царскаго посланца Евдокимова. Осада и взятіе Царицына. Осада и взятіе Астрахани.

Изъ Царицына шайка Разина сухимъ путемъ добралась до Пяти-избнаго городка на Дону, и оттуда рѣкою спустилась къ Кагальнику. Но вѣроятно убѣжище въ этомъ городкѣ не казалось Разину достаточно безопаснымъ, или, быть можетъ, онъ боялся, чтобы его шайка, довольная уже добычею, не разбрелась по войску, и потому чрезъ шесть дней удалился на островъ, находящійся не въ далекомъ отъ Кагальника. Тамъ онъ вырылъ землянки и строилъ земляной городокъ съ цѣлію провести зиму. Еще дальнѣйшихъ намѣреній не знали, но очевидно было, что онъ готовился къ новому походу. Атаманъ и старшины Донскаго войска, съ лучшею частію казаковъ, не смотря на прощенье, полученное Разинымъ, вовсе не желали его принять къ себѣ; но дѣйствовать противъ него оружіемъ, безъ царскаго повелѣнія, не смѣли и опасались, ибо все бродячее, бездомное населеніе Дона съ нимъ сочувствовало. Всѣ казаки на Дону и на Хопрѣ—писалъ въ Москву воевода царицынскій—которые одинокіе и голутвенные люди, Стенькѣ Разину съ товарищи гораздо ради. Донскій атаманъ, по совѣту съ казаками, отправилъ въ Москву станицу спросить, какъ прикажетъ Государь обходиться съ Стенькою Разинымъ и его шайкою. Зная нерасположеніе къ себѣ луч-

шей части Донскаго войска, послѣ своихъ дѣйствій въ Астрахани, на пути по Волгѣ и въ Царицынѣ, не имѣя права надѣяться на милость царскую, Разинъ укрѣпился на острову близъ Кагальника, и не отпускалъ отъ себя никого изъ своихъ казаковъ. При свиданіи съ Русскими, онъ говорилъ, что живетъ здѣсь, ожидая своихъ станичниковъ изъ Москвы. Если возвратятся они съ милостивою отъ Царя грамотою, то «служить великому Государю онъ радъ со всѣми товарищами своими, и пойдетъ на Крымъ, или на Азовъ, или гдѣ великаго Государя повелѣніе имъ будетъ, и покроетъ вину свою великому Государю службою своею»; въ противномъ случаѣ онъ войдетъ въ сношеніе съ Запорожцами, и соединится съ Дорошенкомъ и Стркомъ. Дѣйствительно онъ сносился съ Запорожцами, по цѣль его пребыванія близъ Кагальника заключалась въ томъ, чтобы собрать новую сильнѣйшую шайку. Удерживая при себѣ казаковъ своей шайки, онъ отпускалъ ихъ даже на свиданіе съ родными не иначе, какъ на срокъ и съ поручками о возвращеніи; вызвалъ къ себѣ изъ Черкаска свою жену и брата, и постоянно принималъ всѣхъ, кто бы не являлся, снабжалъ оружіемъ и деньгами. Бродяги-казаки радовались его прибытію на Донъ, называли его отцомъ, и стекались къ нему съ Дона, Хопра и Запорожья. Разинъ оставивалъ суда съ товарами и запасами на Дону, и заставлялъ торговать въ своемъ городкѣ. Онъ пришелъ на Донъ съ 1500 казаковъ: къ Ноябрь мѣсяцу его шайка возрасла до 2 т. человекъ, а зимою увеличилась еще слишкомъ вдвое. Атамана и старшинъ Донскаго войска онъ грозилъ перебить за то, будто бы, что они не дозволили ему идти къ Азову восвать Крымцевъ (1).

Хотя въ Москвѣ и получали постоянныя извѣстія съ Дона, но имъ однакоже не совсѣмъ довѣряли, потому что не были убѣждены въ вѣрности самаго Донскаго войска. Донская станица съ атаманомъ Аверкіевымъ, который ѣхалъ отъ войска именно съ тою цѣлію, чтобы просить наставленій, какъ слѣдуетъ дѣйствовать войску, была не

(1) Выписка изъ дѣла и пр., въ Матеріалахъ для ист. познущ. Ст. Р., стр. 50—52.

только задержана, но и сослана въ Холмогоры. Слѣхъ о томъ, что изъ самаго Черкаскаго городка казаки собираются къ Разину, давалъ поводъ заподозрѣвать все войско Донское. Но мало по малу извѣстія отъ воеводъ изъ городовъ русскихъ, сосѣднихъ съ Донскими казаками, и письма самихъ атамановъ, убѣдили въ расположеніи къ Россіи лучшей части казаковъ. Тогда въ началѣ Марта былъ отправленъ на Донъ Герасимъ Евдокимовъ, чтобы объявить благоволеніе Царя атаману и его казакамъ, и разузнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Разина.

Въ Маѣ мѣсяцѣ, въ воскресенье на Оминой недѣлѣ, Евдокимовъ пріѣхалъ въ Черкасскъ. Казаки собрали кругъ, приняли его честно, прочтя царскую грамоту, благодарили за милость, и отпустивъ Евдокимова изъ круга, велѣли готовиться къ отъѣзду. На другой день послѣ круга, вдругъ явился въ Черкасскъ Стенька Разинъ со всею своею шайкою. Когда казаки собрали снова кругъ, чтобы отдать приготовленную къ Царю грамоту гонцу Евдокимову, и отпустить его въ Москву, вмѣстѣ съ своею станицею, Разинъ явился въ кругъ, и спросилъ, куда они наряжаютъ станицу? Получивъ отвѣтъ отъ казаковъ, онъ позвалъ Евдокимова въ кругъ, и спросилъ, кто его послалъ на Донъ, Государь или бояре? На отвѣтъ Евдокимова, что онъ пріѣхалъ съ грамотою царскою, Разинъ отвѣчалъ: ты не грамоту привезъ, а пріѣхалъ лазутчикомъ, и велѣлъ своимъ казакамъ его убить и бросить въ Донъ.

Войсковые старшины вовсе не одобряли поступковъ Разина; но противодѣйствовать ему силою боялись, совѣты же и увѣщанія на него не дѣйствовали. Когда атаманъ говорилъ ему, онъ грозилъ убить его самого, говоря: «Ты владѣи своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ, и въ мои дѣла не мѣшайся.» Тайно казаки вынули изъ воды тѣло Евдокимова и похоронили въ Черкасскѣ, и тайно же отпустили обратно въ Москву его спутниковъ. Атаманъ боялся даже послать съ ними грамоту къ Царю, и на словахъ поручалъ объяснить что они видѣли и слышали (2).

(2) Донскія дѣла въ Архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, за 7178 г. Матеріалы для ист. возмущ. Ст. Р. стр. 195—196.

Пробывъ нѣсколько времени въ Черкасскѣ, умноживъ еще болѣе свою шайку, Разинъ двинулся вверхъ по Дону, въ судахъ и сухимъ путемъ, съ цѣлю идти на Волгу. Лишь только онъ оставилъ Черкасскъ, казаки избрали станицу, и съ атаманомъ Михаиломъ Самарениномъ отправили къ Царю. Онъ объяснилъ въ Москвѣ настоящее положеніе Дона, и съ милостивою царскою грамотою къ войску, уже въ Іюлѣ нѣсящѣ, отправился обратно. Въ грамотѣ Царь благодарилъ козаковъ за вѣрность, обѣщалъ имъ прислать запасы, и увѣдомилъ, что воеводамъ городовъ приволжскихъ уже предписано дѣйствовать противъ Разина, какъ только онъ покажется на Волгѣ.

Атаманъ Самаренинъ объяснялъ, что, передъ прїѣздомъ Разина на Донъ, въ Черкасскѣ былъ пожаръ и сгорѣло между прочимъ нѣсколько церквей. Въ кругу казаки разсуждали о постройкѣ новыхъ. Разинъ смѣялся, говорилъ, что это вовсе не нужно, хулилъ Церковь, прогонялъ отовсюду священниковъ, вводилъ браки безъ вѣчанія и т. подобнаго. Царская грамота хвалитъ козаковъ, что они не слѣдуютъ его злымъ внушеніямъ, почитаютъ Церковь и собираются строить храмы (3).

Въ то время, какъ съ одной стороны грозило нашествіе сильной разбойничьей шайки, съ другой извѣстія изъ Терковъ предвѣщали войну съ Персією. Съ осени этого года, воевода Терскій постоянно извѣщалъ о слухахъ, будто Персія собираетъ войска, и готовится идти войною на Терки, чтобы отмстить Россіи за нашествіе Разина. Дѣйствительно въ Персію не вѣрили, что простая разбойничья шайка, въ такомъ количествѣ, могла съ Дону пробраться къ ихъ предѣламъ, и полагали, что Россія нарочно отправила ихъ воевать Персію. Говорили даже, что 12 т. персидскаго войска уже собралось въ Ширванѣ, и весною ударить на русскую Украйну. Хотя слухи о военныхъ приготовленіяхъ Персіи и оказались несправедливыми, однако начальники персидскихъ городовъ Дербента, Шемахи и другихъ, куда ни

(3) Тамъ же, царская грамота на Довъ 7178 г. Іюля 8-го, стр. 192—194.

являлись по какимъ нибудь дѣламъ Русскіе, постоянно ихъ грабили и притѣсняли (4).

Между тѣмъ, кромѣ простыхъ предписаній воеводамъ приволжскихъ городовъ дѣйствовать противъ Разина, изъ Москвы былъ посланъ отрядъ войскъ въ Царицынъ, тысяча стрѣльцовъ, съ головою Иваномъ Лопатинымъ и полуголовою Ѳелоромъ Яшкинымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписано Казанскому воеводѣ, Петру Васильевичу Шереметеву, послать изъ понизовыхъ городовъ 200 стрѣльцовъ (5). Но послѣднее предписаніе состоялось уже 23 Маія, тогда какъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ передовой отрядъ казаковъ, подъ личнымъ предводительствомъ Разина, появился въ виду Царицына.

Вмѣсто прежняго воеводы Уньковскаго, въ Царицынѣ уже начальствовалъ новый, Тимофей Васильевичъ Тургеневъ. Хотя въ городѣ и было весьма незначительное количество войска, однако же подходилъ вспомогательный отрядъ изъ Москвы, съ цѣлію защищать городъ отъ мятежныхъ казаковъ. Царицынцы, быть можетъ, и выдержали бы осаду и дождались бы помощи, еслибъ перебѣжчики изъ войскъ Разина, нарочно имъ подосланные, не взволновали самихъ жителей и не подготовили измѣны.

Апрѣля 13-го, ночью Разинъ съ своею шайкою, простиравшеюся уже до 7 тысячъ человекъ, съ боевыми снарядами и пушками, съ стругами, изготовленными на Дону и волокомъ привезенными къ Волгѣ, подошелъ къ рѣкѣ въ верстѣ выше Царицына, и спустилъ суда на воду. Васька Усъ начальствовалъ надъ стругами, и долженъ былъ съ разсвѣтомъ дня подойти къ городу, въ то время, когда Стенька поведетъ на приступъ пѣхоту и конницу берегомъ. Едва занялась заря, въ городѣ замѣтили движеніе казаковъ, ударили въ набатъ, и приготовились къ защитѣ. Окруживъ со всѣхъ сторонъ Царицынъ, Стенька не отважился идти на приступъ, въ надеждѣ безъ бою овладѣть городомъ. Въ

(4) Тамъ же, стр. 54.

(5) Огписка Казан. воеводы на Курмышъ въ Іюнь мѣсяцъ этого года. Хранится въ Курмышскомъ уѣздномъ судѣ № 24; тамъ же, стр. 240.

виду, вокругъ стѣнъ, разставилъ онъ на надолбахъ свои знамена, и переговаривался съ перебѣжчиками изъ города, которые извѣстили его о вооруженіи и запасахъ Царицына. Вѣроятно въ полной увѣренности, что сами жители сдадутъ городъ, Разинъ оставилъ Ваську Уса съ частію казаковъ продолжать осаду, а самъ отправился на улусы Едисанскихъ Татаръ, кочевавшихъ верстахъ въ тридцати около Царицына. Быть можетъ, онъ опасался нападенія съ ихъ стороны совокупно съ стрѣльцами, подходившими уже изъ Москвы, и хотѣлъ прежде ихъ прихода разгромить Татаръ, или простое желаніе грабежа заставило его сдѣлать набѣгъ. Вѣроятно послѣднее. Въ первыхъ числахъ Мая онъ пошелъ изъ-подъ Царицына, напалъ на татарскіе улусы у рѣчки Сарпы, и съ большею добычею и плѣномъ, на третій день, возвратился къ городу. По возвращеніи, онъ получилъ извѣстіе о приближеніи стрѣльцовъ: его разъѣзды поймали гонцовъ московскихъ съ грамотами къ царицынскимъ жителямъ, въ которыхъ сообщалось извѣстіе о движеніи вспомогательныхъ войскъ. Онъ распустилъ слухъ между жителями, что стрѣльцы приближаются къ Царицыну вовсе не съ тѣмъ, чтобъ защищать городъ отъ его нападеній, напротивъ чтобъ наказать жителей за дружелюбное обхожденіе съ его казаками въ прошломъ году (°).

Между тѣмъ, въ отсутствіе Разина, уже приходили пять челобѣтъ царицынскихъ жителей къ Васькѣ Усу, и просили его дозволить имъ выходить изъ города за водою и выгонять скотину. Усъ отвѣчалъ: говорите о томъ съ царицынскимъ воеводою, пусть онъ велитъ отпереть городскіе ворота; если же отпереть добровольно не захочетъ, то сбейте замки, и тогда ходите. Подготовленные напередъ къ измѣнѣ, жители послушались его совѣта, отперли ворота, ходили безпрепятственно въ станъ Разина, а его казаки наполнили городъ. По возвращеніи къ Царицыну, Разинъ въ тотъ же день отправился въ городъ на пиръ къ жите-

(6) Столбецъ, хранящійся въ московскомъ сенатскомъ разрядномъ Архивѣ, приказнаго стола 1670 года, общій № 1558, частный 1. Распросы казаковъ и стрѣльцовъ, бывшихъ въ плѣву у Разина. — Смертный приговоръ, см. Матеріалы, стр. 227 и далѣе.

лямъ. Когда жители отперли городъ, воевода съ своимъ товарищемъ и людьми, десятью стрѣльцами и только троемъ изъ царцынскихъ обывателей, заперлись въ городской башнѣ. Послѣ разгульнаго пиру, Стенька пьяный повелъ своихъ казаковъ на приступъ къ башнѣ; долго продолжался упорный бой; но горсть людей не могла противустоять казакамъ. Башня была взята, стрѣльцы и жители городскіе изрублены, и воеводу, его товарища и нѣсколькихъ изъ людей, казаки связали и привели въ свой станъ. Оставивъ плѣнниковъ при себѣ, Разинъ на другой день велѣлъ на веревкѣ привести одного Тургенева на берегъ Волги. Долго его мучили неистовые казаки, ругались надъ нимъ, кололи копьями и наконецъ утопили (7).

Не зная о занятіи Царицына Разиннымъ, по Волгѣ шель въ это время торговый караванъ, насады патріаршіе, царскіе и торговыхъ людей съ товарами, хлѣбомъ и военскими запасами. Проходи мимо города, онъ достался въ руки казаковъ. Многіе были перебиты, большая часть взяты въ плѣнъ и насильно обращены въ гребцы; ярыжки же добровольно пошли служить Разину.

Довольный первыми успѣхами, онъ собралъ кругъ, въ которомъ казаки разсуждали о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Получены были извѣстія о томъ, что воевода Астраханскій послалъ противъ нихъ отрядъ къ Черному Яру, а въ то же время о приближеніи московскихъ стрѣльцовъ къ Царицыну. Въ кругѣ одни предлагали идти прямо на Москву, истребить измѣнниковъ бояръ, какъ говорили мятежники; другіе вслѣдъ за своимъ атаманомъ были благоразумнѣе, и предлагали напротивъ идти прежнимъ путемъ къ Черному Яру и Астрахани. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, но предварительно рѣшено было немедленно идти противъ стрѣльцовъ.

Такъ же, какъ и торговый караванъ, стрѣльцы московскіе не знали о близости казаковъ Стеньки Разина и измѣннѣ царцынскихъ жителей. Въ первыхъ числахъ Іюня, они приближались къ городу, какъ неожиданно, въ семи верстахъ

(7) Тамъ же, допросъ курскаго попа Никифора; см. Матеріалы, стр. 4 и далѣе.

отъ Царицына, близъ Денежнаго острова, на нихъ напали казаки на стругахъ съ Волги, а пѣшіе и конные съ нагорной стороны, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ. Стрѣльцы смѣло вступили въ неравный бой, въ надеждѣ войти въ городъ и оттуда защищаться. Не смотря на всѣ нападенія казаковъ, они мужественно проложили себѣ дорогу до самыхъ стѣнъ городскихъ. Но съ городскихъ стѣнъ ихъ встрѣтили выстрѣлами; исчезла всякая надежда къ спасенію, около 500 стрѣльцовъ были изрублены, остальные «разобраны по рукамъ». Стрѣлецкаго голову, всѣхъ сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, послѣ долгихъ мученій, бросили въ воду, остальныхъ плѣнныхъ посажали гребцами на свои суда. Забирая къ себѣ стрѣльцовъ, казаки постоянно имъ повторяли, что они, не зная того, бьются за бояръ-измѣнниковъ, между тѣмъ какъ войска Разина стоятъ собственно за Государи (*).

Поправивъ городскія укрѣпленія, и оставивъ изъ каждаго десятка по одному человѣку для защиты Царицына, Стенька назначилъ двухъ атамановъ, одного изъ казаковъ, другаго изъ горожанъ (†), а самъ, 5-го Іюня, берегомъ, нагорною стороною, и судами по Волгѣ, пошелъ къ Черному Яру, противъ войскъ, посланныхъ изъ Астрахани съ товарищемъ воеводы, княземъ Львовымъ.

Самъ Разинъ начальствовалъ стругами, а конница 700 человѣкъ, съ Парфеніемъ Еремѣевымъ и Фелькою Шелудякомъ, шла берегомъ горною стороною. Получивъ извѣстіе о появленіи казаковъ на Волгѣ, воевода Астраханскій отправилъ 800 стрѣльцовъ и Татаръ, подъ начальствомъ Леонтія Плохово, въ Царицынъ. Но они пришли поздно, такъ же какъ и московскіе стрѣльцы. Подходя къ городу, они получили извѣстіе о взятіи Царицына, и повернули къ Черному Яру, который защищался не долго противъ казаковъ: хотя въ крѣпости и было достаточно ратныхъ людей, съ пришедшими вновь изъ-подъ Царицына, но они измѣнили,

(*) Тамъ же, 5-го Іюня Разинъ выступилъ противъ Донатива.

(†) Акты истор. IV. № 202. XLIV.

и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ укрѣпленій, сдали городъ Разину (10).

Его вліяніе было такъ сильно, что войска, 25 Мая посланныя изъ Астрахани къ Черному Яру, прежде встрѣчи, еще дорогою, затѣяли измѣну. Конные стрѣльцы, слѣдовавшіе берегомъ, рѣшились передаться Разину, и съ нимъ идти на Астрахань, «боярина, и воеводъ, и приказныхъ, и иныхъ чиновъ добрыхъ людей побить», въ полной увѣренности, что «Астраханцы, которые остались, городъ имъ сдадутъ». Приблизившись къ Черному Яру, они послали десять человекъ къ Разину объявить о своей сдачѣ и о томъ, чтобы онъ смѣло бился съ княземъ Львовымъ, ибо ратныхъ людей съ нимъ не много, и всѣ Астраханцы готовы къ измѣнѣ. Въ сравненіи съ силами Разина, дѣйствительно въ распоряженіи князя Львова находился незначительный отрядъ, 2600 человекъ на 40 стругахъ и 500 астраханскихъ стрѣльцовъ. Всѣ начальныя люди, находившіеся подъ его предводительствомъ, были иностранцы: полковникъ Ружинскій, полуполковникъ Виндрангъ, капитаны Рудольфъ и Шакъ (11).

При первомъ появленіи казаковъ, рать князя Львова взволновалась, и бѣльшая часть безъ бою присоединилась къ нимъ. Казаки разбили на голову остальныхъ, многихъ перебили, нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ.

Подъ Чернымъ Яромъ Разинъ получилъ извѣстіе о взятіи Камышина. Изъ Царицына, послѣ отбытія Разина, мятежники послали отрядъ съ казакомъ Семеномъ Семеновымъ и боярскимъ сыномъ Кузьминымъ къ этому городу. Приблизясь къ Камышину, они отобрали всѣхъ, перебивъ живыхъ къ нимъ стрѣльцовъ, и пустили впередъ, подъ видомъ царскихъ войскъ, пришедшихъ будто бы защищать городъ отъ казаковъ. Обманъ удался; они вошли въ городъ, овладѣли укрѣпленіями и дали знать казакамъ. Войдя

(10) Strauszens Reise. стр. 109, 110.

(11) Акты истор. IV. № 202, 21. Strauszens Reise, стр. 110. см. также Матеріалы для ист. возм. и пр.

въ слѣдъ за ними, казаки перебили начальныхъ людей и завладѣли городомъ (12).

Только что князь Львовъ отправился изъ Астрахани съ отрядомъ, какъ въ городъ пришло извѣстіе о дѣйствіяхъ Разина. Промышленникъ «государева учужнаго и ростовскаго промысла», Павелъ Дубенскій, на легкомъ стругѣ, плылъ изъ Нижняго-Новгорода въ Астрахань. Не доходя версть 17 до Царицына, выше Денежнаго острова, онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ, которые рассказали ему про измѣну Царицына и пораженіе отряда Лопатина. Чтобъ не попасться въ руки казаковъ, онъ переволокъ изъ Волги въ Ахтубу, оттуда вошелъ въ Бузунъ и благополучно прибылъ въ Астрахань, въ первыхъ числахъ Іюня. Онъ первый сообщилъ воеводамъ объ угрожающей опасности.

Воеводы не довѣрили жителямъ Астрахани, уже подготовленнымъ въ пользу Разина щедростію; съ которою онъ сыпалъ имъ въ прошломъ году деньги, обѣщаніями и ложными слухами, распущенными его перебѣжчиками; замѣчали уже между ними нѣкотораго рода волненія, и потому хотѣли возвратить назадъ отрядъ князя Львова. Но вѣроятно уже было поздно; въ слѣдъ за извѣстіями, привезенными Дубенскимъ, 8 Іюня прибѣжали въ Астрахань изъ отряда князя Львова сотникъ астраханскій Даниль Тарлыковъ съ черноярскимъ стрѣльцомъ, и сообщили новыя, еще болѣе страшныя вѣсти. Они двое только спаслись изъ посланнаго противъ Разина отряда, и рассказали о взятіи Чернаго Яра, измѣнѣ астраханскихъ стрѣльцовъ и намѣреніи Разина идти прямо на Астрахань. Измѣна стрѣльцовъ могла служить явнымъ признакомъ, что и жители Астрахани послѣдуютъ ихъ примѣру. Смущенные извѣстіями, воеводы отправились къ митрополиту Іосифу, и по совѣту съ нимъ, рѣшились послать гонцовъ въ Москву, чтобы увѣдомить Царя. Но и въ этомъ случаѣ встрѣтились препятствія: какимъ путемъ должны были отправиться

(12) Strauszens Reise, стр. 109.

гонцы? Низовья Волги уже находились во власти мятежниковъ ; Татары и другіе инородцы, обитавшіе около Казани и Астрахани , частію отъ набѣговъ мятежныхъ казаковъ, частію сами , пользуясь всеобщою смутою , волновались , бродили шайками повсюду, и грабили беззащитныя села и деревни. Степью мимо Дона , гдѣ пролегла обычная дорога, проѣхать также не было возможности. Разныя племена кочевавшихъ тамъ Калмыковъ перессорились между собою, и воевали одно съ другимъ. Воеводы рѣшились послать сотника Тарлыкова съ двумя стрѣльцами и пятью юртовскими Татарами , съ отписками къ Царю , на Терки : оттуда поручено ему пробраться на Донъ и въ Москву. Но ожидать скорой помощи не было возможности, и воеводы употребили всѣ старанія, чтобы своими средствами устроить оборону и наиболѣе предотвратить возможность измѣны (13).

Корабль Орелъ находился еще въ Астрахани въ это время. Весною этого года, въ Мартѣ мѣсяцѣ, по указу царскому велѣно было всѣмъ корабельнымъ людямъ возвратиться въ Москву. Но воевода, прежде ихъ отправленія, велѣлъ приготовить имъ корабль на военный ладъ, чтобы въ случаѣ нужды онъ могъ быть употребленъ противъ казаковъ, слухи о волненіи которыхъ уже доходили до Астрахани. Мѣсяцъ прошелъ въ снаряженіи корабля и шлюпки 52-хъ весельной (съ 8-ю пушками), на которой экипажъ корабля долженъ былъ отправиться въ Москву; а между тѣмъ появленіе Стеньки Разина на Волгѣ остановило поѣздки корабельныхъ людей, болѣею частію иностранцевъ. Не надѣясь болѣе на астраханскихъ жителей и казаковъ, князь Прозоровскій употребилъ капитана Бутлера, подчиненныхъ ему офицеровъ и матросовъ для исправленія укрѣпленій и защиты города. Въмѣстѣ съ Англичаниномъ полковникомъ Бойлемъ, они осмотрѣли городскія укрѣпленія, исправили валы и роскаты, и приготовили пушки. Въ городѣ находилось 400 пушекъ, и Астрахань могла бы выдержать долгую осаду, еслибъ не измѣна

(13) Сказаніе лѣтописи о градѣ Астрахани и пр., въ Матеріалахъ.

жителей. Запасовъ было достаточно, не смотря на то, что караванъ царскій, плившій въ Астрахань, былъ взятъ казачами у Царицына. Только мало было царской казны; изъ Москвы доставить не было возможности, а между тѣмъ служилые люди давно не получали жалованья и роптали. Зная положеніе войскъ и городскихъ жителей, воевода ласкалъ иноземцовъ, дарилъ капитана Бутлера, и приглашалъ его къ себѣ ежедневно обѣдать. Но иностранецъ, кажется, заботился болѣе о себѣ, нежели о защитѣ Астрахани. Корабельнымъ людямъ не было возможности возвратиться въ Москву по указу царскому, отъ мятежниковъ; притомъ ихъ присутствіе въ Астрахани было необходимо для защиты города. Не смотря на то, капитанъ велѣлъ изготовить шлюпку, и уговорилъ своихъ подчиненныхъ бѣжать въ Каспійское море: все было приготовлено къ побѣгу. Вечеромъ въ одинъ день, въ то время, какъ заурнуть ворота, 15-ть человекъ гребцовъ должны были ожидать прихода капитана съ двумя товарищами, чтобы вмѣстѣ съ ними отплыть въ море. Но капитанъ и докторъ, который съ ними намѣревался ѣхать, въ послѣдствіи перемѣнили намѣреніе, раздумавъ, что безопаснѣе оставаться въ городѣ, чѣмъ въ небольшой лодкѣ отправиться въ открытое море. Бутлеръ хотѣлъ увѣдомить гребцовъ, но не успѣлъ, ибо ворота городскія въ этотъ день заперли ранѣе обыкновеннаго. Видя, что ворота заперты, и капитанъ и докторъ не пришли въ условленное время, шлюпка отплыла въ море. Кромѣ иноземцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ, въ Астрахани находилось много Персіянъ и другихъ иностранцевъ, людей торговыхъ, и свита персидскаго посла, отправленнаго уже въ Москву. Воевода имъ вѣрилъ также защиту города, разставилъ по мѣстамъ и на сторожахъ у городскихъ воротъ (14).

Между тѣмъ козакѣ приближались; вѣсти о нихъ постоянно приходили въ городъ; а съ ихъ приближеніемъ

(14) Strauszens Reise, стр. 210, 211, 212; они отплыли 6 Іюня, письмомъ Бутлера отъ 6 Марта 1671 года.

усиливалось волненіе въ жителяхъ. Стрѣльцы толпами являлись къ князю Прозоровскому и требовали за прошлый годъ денежнаго жалованья, не заплаченнаго имъ, вѣроятно вслѣдствіе перерыва сообщеній между Москвою и Астраханью. Воевода объявилъ имъ, что къ нему изъ Москвы государевой казны не было; стрѣльцы отказывались служить. По совѣщаніи съ митрополитомъ, воевода получилъ отъ него 600 рублей изъ его собственныхъ келейныхъ денегъ и 2000 изъ суммъ Троицкаго монастыря, и роздалъ стрѣльцамъ. Онъ уговаривалъ ихъ служить вѣрно Государю, отметчика и измѣнника не слушать, и отчину великаго государя, градъ Астрахань, оберегать, на измѣнничью преметь Разина не сдаться, потрудиться доблестно и биться мужественно противъ воровской силы, не щадя живота своего за святую соборную и апостольскую Церковь, и за то общалъ имъ милость царскую. Но ничто не дѣйствовало: большая часть жителей готовили измѣну, другіе впади въ совершенное уныніе. Носились слухи о различныхъ чудесахъ и видѣніяхъ. Іюля 13 стрѣлецкій караулъ стоялъ въ кремлѣ у Пречистенскихъ воротъ. За три часа до свѣта караульщики видѣли, что небо разверзлось надъ городомъ, и пошелъ огненный дождь. Это видѣніе они рассказали митрополиту въ соборной церкви во время утрени и потомъ воеводамъ. Тѣже самые стрѣльцы видѣли утромъ на небѣ три разноцвѣтныхъ столпа, и надъ каждымъ изъ нихъ вѣнцы; митрополитъ самъ видѣлъ это явленіе, какъ гласила молва. Слухъ о такихъ видѣніяхъ, грозившая опасность и отъ самыхъ жителей и отъ приближавшихся казаковъ, наводили страхъ и уныніе. Не смотря на полное лѣто, погода стояла холодная, лилъ безпрестанно дождь и падалъ градъ (15).

Наконецъ, 19 Іюля, рыбаки принесли вѣсть о приближеніи къ городу Разина. Въ этотъ день братъ воеводы князь Михаилъ Семеповичъ Прозоровскій стоялъ въ караулѣ на стѣнѣ у Вознесенскихъ воротъ. Два струга приблизились къ Астрахани и причалили у Зеленаго городка;

(15) Сказаніе лѣтописца о градѣ Астрахани и пр. стр. 247 и др.

всѣ же суда Разина остановились у Жаренаго бугра. По совѣту астраханскихъ измѣнниковъ, перебѣжавшихъ къ нему, онъ намѣревался войти въ рѣку Балду, отсюда въ протокъ Черепаку, изъ него въ Кривушу, и подступить къ городу. Предвѣдя близкую осаду, митрополитъ соборомъ совершилъ крестный ходъ въ Бѣломъ городѣ, со крестами и съ иконою Казанской божіей Матери и читалъ молитвы у всѣхъ городскихъ воротъ; воевода заложилъ ворота камнемъ, распредѣлилъ войска по мѣстамъ, и устроилъ защиту. Когда все было приготовлено, князь Прозоровскій собралъ къ митрополиту всѣхъ начальныхъ людей и «старыхъ лучшихъ людей» городскихъ. Митрополитъ уговаривалъ ихъ «постараться за домъ пресвятой Богородицы, послужить вѣрою и правдою Государю, и биться съ измѣнниками мужественно»; тѣхъ, которые останутся въ живыхъ, обладеживалъ царскою милостію; тѣмъ, которые погибнуть доблестно, указывалъ на мученическіе вѣнцы. Всѣ обѣщались служить вѣрно, не щадя жизни. Но между тѣмъ ночью въ тотъ же день Нагайскій мурза, находившійся съ улусными людьми на службѣ въ Астрахани, тайно бѣжалъ, и увелъ съ собою не только своихъ, но даже и юртовскихъ Татаръ.

Наконецъ, 22 Іюля, Разинъ появился со всѣми судами въ виду города и послалъ къ жителямъ казака съ бѣглымъ попомъ, чтобъ уговаривать ихъ сдаться безъ бою. Воевода велѣлъ допросить и пытать посланцовъ, и узналъ, откуда предполагаетъ Разинъ начать осаду. Казаку онъ велѣлъ въ виду мятежниковъ отрубить голову, а попа посадить въ тюрьму. Казаки намѣревались приступить къ Бѣлому городу со стороны Вознесенскихъ воротъ. Воевода спустил воду изъ прудовъ, находившихся въ митрополичьемъ огородѣ, которая и наполнила низменный солончакъ, окружающій Бѣлый городъ. Жителямъ, и особенно рыбакамъ, запрещено было выходить изъ города, чтобъ такимъ образомъ прервать сообщенія съ казаками. Не смотря на то, они находили способы сноситься съ жителями и возбуждать ихъ къ измѣнѣ. Однажды конная стража Персіанъ замѣтила двухъ нищихъ, приближавшихся къ городу,

захватила ихъ и представила въ земскую избу. Послѣ допроса и пытки оказалось, что это двое астраханскихъ нищихъ, которые ходили въ станъ Разина и общались ему зажечь Бѣлый городъ, въ то время, какъ Разинъ поведетъ казаковъ на приступъ. Нищихъ казнили въ виду мятежниковъ.

Въ этотъ же день (22 Юня), вечеромъ, бояринъ и воевода князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій съ своимъ братомъ Михайломъ и сыномъ Борисомъ, дьяки Романъ Табунцевъ и Евстратъ Фроловъ и головы стрѣлцкіе со всѣми своими дружинами, въ полной «ратной збруѣ», явились къ митрополиту Юсифу принять благословеніе. За тѣмъ воевода велѣлъ трубить походъ. Впереди повели коней подъ покровами, за тѣмъ пошелъ воевода съ головами стрѣлцкими, дворянами и дѣтьми боярскими, сотниками и подъячими въ Бѣлый городъ къ Вознесенскимъ воротамъ. Между тѣмъ Разинъ вошелъ въ рѣку Кривушу, подступилъ къ винограднымъ садамъ близъ самага города съ 300 судами, и приготовлялъ лѣстницы для приступа. Воевода приказалъ зажечь татарскую слободу, прилегавшую съ этой стороны города, и ожидалъ боя. На сторожѣ у Вознесенскихъ воротъ стоялъ полковникъ Бутлеръ и братъ воеводы. Всю ночь ожидали нападенія. Наконецъ въ три часа утра полчища Разина отъ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря двинулись къ Вознесенскимъ воротамъ. Ихъ встрѣтили пушечными выстрѣлами, но въ тоже время къ стѣнамъ они представили лѣстницы, и не только вошли безпрепятственно въ городъ, но сами стрѣльцы и жители городскіе помогали имъ. Съ Воскресенскихъ воротъ еще продолжалась защита, когда прибѣжалъ полковникъ Бойль и объявилъ Бутлеру, что все войско и жители измѣнили, и казаки уже овладѣли городомъ. Стрѣльцы перебили своихъ начальниковъ или выдали казакамъ. Бойль явился, весь израненный своими же солдатами, отъ которыхъ едва спаясь; онъ былъ въ панцырѣ, и потому ему искололи только лицо и руки. Онъ вздумалъ было уговорить стрѣльцовъ защищаться отъ мятежниковъ: они бросились на него, и поступили бы такъ же, какъ съ другимъ иностранцемъ, капитаномъ Видеросомъ,

котораго, въ его глазахъ, связали и убили свои же люди.

Казакѣ, овладѣвъ городомъ, бросились къ Вознесенскимъ воротамъ, гдѣ находился самъ воевода. Во время схватки, онъ и его братъ были ранены. Воеводу, прикоеннаго въ животъ, унесли на коврѣ, и положили въ соборной церкви; его брата, который отъ рапы не могъ держаться на ногахъ, казакѣ приставили къ стѣнѣ и убили изъ ружья. Митрополитъ, извѣщенный о положеніи воеводы, пришелъ въ храмъ, исповѣдовалъ и приобщилъ его Святыхъ Тавинъ. Мало по малу храмъ наполнялся народомъ; скоро прибѣжали туда дьяки и стрѣлецкіе головы, оставшіеся вѣрными, извѣстили о приближеніи мятежниковъ, и заперли церковныя двери. Уже разсвѣтало, когда казакѣ подступили къ собору и начали ломиться въ двери. Пятидесятникъ стрѣлецкій Фролъ, по прозванію Дура, долго защищалъ ихъ съ нѣкоторыми другими. Стрѣляя сквозь желѣзную рѣшетку дверей, въ храмъ казакѣ убили ребенка на рукахъ матери, стоявшей у святительскаго мѣста; одна пуля попала въ икону Казанской Божіей Матери. Наконецъ они схватили и изрубилѣ у паперти пятидесятника Фрола и ворвались въ храмъ, вынесли воеводу, связали руки всѣмъ тамъ находившимся, и вывели на площадь.

Стенька Разинъ велѣлъ воеводу, послѣ долгихъ мученій, бросить съ роскату, находившагося близъ соборной церкви, на копьѣ. Всѣ начальныя люди были изрублены, рѣкою потекла кровь несчастныхъ жертвъ мимо соборной церкви къ Приказной палатѣ. Тѣло воеводы, безъ обычныхъ почестей и службы церковной, онъ велѣлъ бросить, вмѣстѣ съ 441 другихъ, убитыхъ въ тоже время, въ общую могилу въ Троицкомъ монастырѣ. Повсюду слышались вопли и неистовые крики казаковъ, грабившихъ все и всѣхъ, и убивавшихъ безъ всякой причины и пощады. Персидскій посолъ со 100 человекѣми своей свиты затворился было въ башнѣ, но, видя невозможность защищаться, отдался въ руки мятежниковъ (16). Весь городъ былъ въ ихъ власти; до полудня только держалась одна пыточная башня въ Кремлѣ. Тамъ

(16) Собраніе государств. грамотъ и дог. IV. № 71.

засѣли нѣсколько человѣкъ пушкарей съ людьми князя Каспулата Муцаловича Черкаскаго, и стрѣляли въ казаковъ безъ умолку. Наконецъ у нихъ не достало свинцу: они деньгами заряжали ружья, и продолжали стрѣлять. Казаки съ трехъ сторонъ били изъ пушекъ по зубцамъ башни, и не могли принудить ихъ къ сдачѣ. Изстрѣлявъ всѣ деньги, которыя у нихъ были, они выпрыгнули изъ башни за городъ, думая спастись бѣгствомъ. Но казаки ихъ преслѣдовали; бѣольшая часть были убиты, иные взяты живыми и изрублены; неизвѣстно, спасся ли кто изъ нихъ.

До 20 числа слѣдующаго мѣсяца Стенька находился въ Астрахани. Ежедневно онъ былъ пьянъ, ѣздилъ по городу, и билъ, и рубилъ всякаго, кто чѣмъ-либо ему не нравился, бросалъ въ воду, или, отрубивъ обѣ руки, отпускалъ. Казаки слѣдовали примѣру атамана, собирались въ круги, палками убивали лучшихъ гражданъ, или топили и рубили. Послѣ взятія города, первымъ дѣломъ Разина было захватить всю казну въ Приказной палатѣ, ограбить дома воеводы и служилыхъ людей, гостинные дворы, русской, гялянскій, индейскій и бухарскій, и наконецъ самые храмы. Женны оставшихся служилыхъ людей не были пощажены неистовыми казаками; они ихъ преслѣдовали постоянно, называя измѣнничьими женами; многихъ Стенька силою выдалъ замужъ за своихъ казаковъ. Не смотря на Петровъ постъ, казаки ѣли скоромное, и вообще вели себя, говорятъ современныя сказанія, хуже Татаръ. «Соверпались ежедневно такія дѣла, что тяжело было бы писать о нихъ, и притомъ всего не пересказать. Ежедневно я видѣлъ ужаснѣйшія злодѣйства казаковъ и слышалъ о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ съ людьми невинными. Ежедневно лилась кровь, въ иной день только убивали болѣе, въ другой менѣе», говоритъ иностранецъ, свидѣтель происшествія (17). Дѣла во всѣхъ приказахъ были созжены по повелѣнію Разина, который

(17) Сказаніе лѣтописи и письмо Бутлера. Собран. госуд. грам. и догов. V. Лѣ 71. «И за недѣлю де до Петрова дня Астрахань взялъ въ ночи передъ свѣтомъ черезъ измѣну... а поста онъ Стенька не имѣеть, всегда ѣсть мясо и держится богомерскихъ сатанинскихъ дѣлъ.»

хвалился, что пожжетъ дѣла я въ Москвѣ съ *верху*, во дворцѣ у Государя (18). Аманатный дворъ распущенъ (19).

Черезъ три дня послѣ взятія Астрахани, пріѣхалъ изъ Терковъ голова астраханскихъ пѣшихъ стрѣльцовъ, Матвей Лопатинъ съ 46 стрѣльцами; на стругахъ по Каспійскому морю онъ вѣхалъ въ устье Волги и остановился на учугѣ Увары, гдѣ бѣжавшіе изъ Астрахани капитанъ Бутлеръ съ докторомъ объявили ему о взятіи города Разинымъ. вмѣстѣ съ ними онъ рѣшился ѣхать обратно на Терекъ; но мятежники нагнали ихъ на взморьѣ и привезли къ своему атаману (20). Стенька Разинъ велѣлъ сбросить его съ роскату (21). Ненасыщенный еще кровью и грабежемъ, 13-го Іюля Стенька, пьяный, сидя въ кабацѣ, вспомнилъ про сыновей воеводы и послалъ за ними. У князя Прозоровскаго было два сына, оба они назывались Борисами; одному было 16 лѣтъ: онъ участвовалъ въ защитѣ города вмѣстѣ съ отцемъ, но спасся отъ смерти и находился у митрополита; другому было 6 лѣтъ: онъ оставался у матери. Когда привели старшаго сына воеводы, Стенька обратился къ нему съ вопросомъ: куда его отецъ дѣвалъ таможенныя пошлины? Князь Борисъ отвѣчалъ: «Тѣ деньги головы отнесли въ Приказную палату, ихъ принималъ и раздавалъ на жалованье служилымъ людямъ подъячій Алексѣй Алексѣевъ, спроси его, а мой отецъ этими деньгами не корыстовался.» Подъячій былъ приведенъ и подтвердилъ слова молодаго князя Прозоровскаго. «Гдѣ же ваше имущество?», сказалъ Стенька.—«Твои казаки погра-

(18) Акты истор. IV, № 202.

(19) Собраніе госуд. грамотъ и догов. IV, № 71.

(20) Акты истор. № 202. LXXVII. «На другой день приплылъ съ Терка Матвей Лопатинъ», т. е. 24 Іюня.

(21) Сказаніе о градѣ Астрахани: «Три дня испусти, пріѣхалъ съ Терка... М. Лопатинъ; онъ же Степ. Разинъ велѣлъ его взяти на роскату и ринути...» вѣроятно на третій день онъ былъ привезенъ въ городъ послѣ попытки бѣжать назадъ въ Персію; следовательно убитъ 26 Іюня.—Дѣйствительно, Бутлеръ говоритъ въ своемъ письмѣ: «Auf den Donnerstag den 25 Junii machten sich diese neugeworbene Kosacken fertig umb mit uns nach Astracan zu gehen, welches auch geschah und bekahmen wir des Nachmittags die Stadt in's Gesicht» Strauszens Reise, стр. 213 и 214.

бывъ: выдавалъ все нашъ казначей, а твой Ясаулъ Ивашко Хохлачь принималъ», отвѣчалъ князь. Пьяный и взбѣшенный Разинъ велѣлъ его повѣсить за ноги, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ на городской стѣнѣ, а подъячаго Алексѣева и сына Гилянскаго хана за ребра, на берегу рѣки. На другой день Стенька прѣвхалъ самъ и велѣлъ снять съ висѣлицы молодыхъ Прозоровскихъ: они еще были живы. Старшаго бросилъ съ роскату противъ Троицкаго монастыря; младшаго, послѣ многихъ просьбъ, отослалъ къ матери (22). Въ это время находился въ Астрахани возвратившійся изъ Персіи подъячій Колесниковъ, ѣздившій туда вмѣстѣ съ Томасомъ Брейнотъ. Разинъ велѣлъ и его бросить съ роската; но плѣнники, вывезенные Колесниковымъ изъ Персіи, упростили даровать ему жизнь. Сами жители свирѣпствовали не менѣе казаковъ; они нѣсколько разъ приходили къ нему, говоря, что многіе изъ «приказныхъ людей и дворяне перехоронились; чтобъ онъ повелѣлъ имъ, сыскавъ ихъ, побить.» Стенька отвѣчалъ, что, когда пойдетъ изъ Астрахани, тогда они могутъ дѣлать, что хотятъ (23).

Наконецъ, 20 Іюня, Стенька посадилъ 3200 человекъ на струга, оставилъ начальствовать въ Астрахани своихъ ясауловъ Ваську Уса и Оедьку Шелудяка; а самъ отправился Волгою вверхъ къ Царицыну и Саратову.—Самара и Саратовъ сдались безъ бою, по требованію Разина. Ограбивъ казенное имущество, перебивъ воеводъ и лучшихъ людей, онъ оставилъ атаманомъ въ Саратовѣ Гришку Савельева и отправился далѣе къ Симбирску (24).

Первое возмущеніе Стеньки Разина было простымъ набѣгомъ разбойничьей шайки. Въ Разинѣ была ненависть къ боярамъ московскимъ, быть можетъ, за казнь его брата княземъ Долгорукимъ. Въ этомъ случаѣ ему сочувствовали и тѣ изъ казаковъ, которые привыкли разбойничать и бродить; ибо ихъ предпріятіямъ постоянно прогиводѣйствовали

(22) Сказаніе о градѣ Астрахани.

(23) Собраніе государ. грам. и догов. IV. № 71.

(24) Акты истор. IV. № 202.

воеводы царскіе. Такое направленіе привлекало къ нимъ и бѣглыхъ боярскихъ людей и крестьянъ. Второе возмущеніе уже приняло иной характеръ. Разинъ распустилъ слухъ, что царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, умершій 1670 г., Января 17-го, живъ, скрылся отъ ненависти бояръ, и находится въ его станѣ; равно и бывший патриархъ Никонъ, низложенный съ престола и находившійся въ это время въ Отрапонтовѣ монастырѣ. Въ его флотилии одинъ изъ насадовъ былъ обшитъ краснымъ сукномъ, будто бы для царевича, другой чернымъ для Никона (25). Онъ говорилъ, что самъ Царь находится въ неволѣ у бояръ-измѣнниковъ, а онъ

(25) Смертный приговоръ Разину; см. Матеріалы, стр. 227 и др. и столбецъ, заключающій отписки воеводъ, дѣйствовавшихъ противъ Разина.—Schurzfleisch, ch. 12 et 13. Relation des particularités de la rebellion de St. R. «Toute sorte d'inventions furent mises en pratique par Stenko, pour miner l'empire de Russie, et pour séduire le petit peuple. Il avait préparé deux vaisseaux, l'un des quels estoit garni de velours rouge, et il faisoit courir le bruit que c'étoit le seigneur Czarewits Alexis Alexouwitz, fils aîné du grand Czar, qui estoit dedans. Cependant la vérité est que ce prince mourut le 17 janvier 1670 en la presence de son pere dans le palais de Moscou et le jour d'après il fut enterré dans l'église métropolitaine de St. Michel. Stenko disoit hardiment que ce prince estoit encore en vie et qu'il étoit avec luy. Et pour colorer le mieux qu'il lui étoit possible ce mensonge, il gardoit dans le vaisseau dont nous venons de parler un jeune homme d'environ 16 ans, qui descendoit de Peregoriski, qui étoit un des princes de Circassie, que Stenko dans ces premiers pillages avoit pris prisonnier. Ce prince depuis a obtenu du grand Czar le pardon de s'être laissé obliger a jouer un tel personnage et demeure toujours à Moscou en la maison de knes Iacqб Kodonievitz Circassien. Pour faire que de telles fictions eussent cours il faisoit courir le bruit que ce seigneur Czaraouwitz s'étoit échappé des mains violentes des bojars et grands seigneurs et s'étoit réfugié chez luy. Il ajoutoit que luy Stenko, étoit venu par l'ordre du Grand Czar, pour mettre a mort tous les bojars nobles, sénateurs et autres personnages lesquels étoient des traitres à leur pays.—Par ces pratiques de Stenko, le peuple ignorant étoit animé a combattre furieusement, et ceux de leur coté qui étoient pris prisonniers affrontaient la mort avec une merveilleuse resolution etant persuades qu'ils mouraient pour la bonne cause. Et pour preuve de cela, à Smolensko on perdit un certain homme, qui dit en mourant, qu'il mourait content après avoir vu le prince Czaraouwitz avec Stenko, quoiqu'il n'eut vu que son fantôme.

L'autre vaisseau estoit garni de velours noir et fesoit courir le bruit que le patriarche Michon y estoit, qui l'année 1666 avoit esté par la condamnation des Patriarches d'Alexandrie et d'Antioche et par Sa Majesté le Grand Czar déposé de sa dignité et envoyé dans le manastere de Beleoser où il est encore aujourd'huy.

идеть освободить его. Разинъ разослалъ письма, приглашая всѣхъ соединиться съ нимъ; его шайки пропикли повсюду. Многіе повѣрили обману; крестьяне возставали противъ господъ, города сдавались казакамъ, сами жители убивали воеводъ и начальныхъ людей (26). Возмутительныя письма Разина доходили даже до Карелии и Ижоры, и были выданы жителями шведскому правительству (27); шайка Ра-

(26) Собрание госуд. грам. и договор. IV. № 72.

(27) Въ Архивъ минист. иностр. дѣлъ въ Москвѣ. Швед. дѣла, 1670 г. № 2, связка 2. Статьи, данныя полковнику фонъ-Стадену, посланному на совѣщаніе съ Шведами о заключеніи союза. «И какъ будетъ въ Свин у генерала Врангеля, и чтобъ генералъ съ товарищи по прежнему своему желательному прошенію королевскому величеству сей отвѣтъ донесъ, и чтобъ королевское величество о договорѣхъ на сіи статьи прислалъ къ великому Государю Его царскому величеству своихъ королевскаго величества пословъ или посланниковъ.

Да генералъ же Врангель съ товарищи при бытіи твоємъ у нихъ говорили тебѣ, что воръ Донской казакъ Стенка Разинъ прислалъ корелскимъ и ижорскимъ мужикомъ листы, за рукою и за печатью бывшаго Никона патріарха, и чтобъ великій Государь Его королевское величество къ великому къ Его царскому величеству показалъ дружбу и любовь: и тѣ листы, за рукою и за печатью бывшаго Никона патріарха и тѣхъ, съ которыми тѣ листы присланы, къ великому Государю прислалъ, а великій Государь Его царское величество великому Государю Его королевскому величеству также воздавати долженъ будетъ.

Посланному жъ, будучи на разговорѣхъ, говорить генералу Врангелю, и тотъ де съ товарищи желаетъ Его королевское величество съ царскимъ величествомъ, по вѣчному миру и союзъ учинить. А подданные Его королевскаго величества, которые печатные двory держатъ и куранты печатаютъ и пишутъ, затѣвая ложно и многое не противъ достоинства великаго Государя Его царскаго величества печатаютъ и пишутъ, и тѣми своими печатями и письмами межъ царскимъ и королевскимъ величествами чинятъ ссоры и нелюбовь. А каковы куранты, и тому списокъ:

Изъ Риги, Ноября 19 дня, бывшей московской патріархъ, великое число войска собравъ, хочеть войною итти на царскаго величества московскаго, а то для того, что Царь обеществивъ отъ патріаршаго чина безо всякіе вины отставилъ, не расудя, что онъ патріархъ премудрой и ученой человекъ и во всемъ лучше самаго Царя, досуужа, а вина его отставленія есть, что онъ позволилъ люторской, колвинской, также и каталицкой вѣры людѣмъ въ рускіе церкви ходить, чтд преже сего у предковъ ихъ за нѣкакое нехристіанское дѣйство держали. Изъ русскихъ же краевъ также сія вѣдомость приходитъ, что царское величество ищетъ случая съ Стенкою Разиннымъ мириться, къ чему и Разинъ склоненъ, токмо такимъ намѣреніемъ:

1-е. Чтобъ царское величество Его Царемъ казанскимъ и астраханскимъ почиталъ.

зна явилась даже въ Соловецкой обители, и усилила уже начавшееся тамъ возмущеніе по случаю исправленія

2-е. Чтобы онъ великій Государь ему на его войско изъ своей царской казны дать указалъ 20 бочекъ золота.

3-е. Желаетъ онъ же Стенка, чтобы великій Государь ему выдать изволилъ осми человекъ ближнихъ его бояръ, которыхъ онъ за прегрѣшенія ихъ казнити умыслилъ.

4-е. Последнимъ желаетъ, чтобы прежній патриархъ, который нынѣ у него бываетъ, паки въ свой чинъ возвратити изволилъ.

И вычתי вышписанныя статьи, говорить генераломъ Врангелю..... чтобы они королевскому величеству сіе извѣщеніе донесли и королевское величество, по своему любительному желательству къ царскому величеству, приказалъ имъ ближнимъ людямъ тѣмъ печатникомъ и которые пишутъ во всѣ государства вѣсти, велѣлъ ихъ за вышписанные и ложные куранты вказать жестоко, а впредь бы указъ свой королевскаго величества сказать велѣлъ, подъ смертною казнью, чтобы отнюдь впредь такихъ ложныхъ курантовъ не печатали и ложно не писали, и тѣмъ межъ царскимъ и королевскимъ величествами ссоры и нелюби не чинили. А воръ Стенка Разинъ съ единомышленниками своими отъ царскаго величества посланныхъ бояръ и воеводъ и ратныхъ побить, и самъ въ ранахъ тяжелыхъ ушолъ. А которые легкомысленные люди приставали къ его воровству въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, и тѣ великому Государю Его царскому величеству въ винахъ своихъ добилъ челомъ, и заводчиковъ воровъ Стенинскихъ единомышленниковъ выдвали; и тѣ по указу царскаго величества казнены смертью. А бывший Никонъ патриархъ нынѣ, по изложенію святаго собора всесвятѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патриарховъ, за свои противности и за оставленіе святыхъ соборныхъ и апостолскіе восточные Церкви, престола и оставленія своего архіерейскаго сана, отлученъ чину архіерейскаго и простымъ монахомъ учиненъ, и пребываетъ въ нѣкоторомъ отъ монастырей въ крѣпости. А рати ему собирати невозможно, и никто въ дѣлѣхъ ратныхъ и ни въ какихъ его не слушаютъ. А о вѣрахъ лютерской, кальвинской, также и католической, чтобы онъ Никонъ, будучи патриархомъ, позволилъ въ церковь восточную благочестивую приходять тѣхъ вѣръ людямъ, и того не бывало. То все напечатано ложно. А чтобы воръ Стенка Разинъ искалъ случая присылать къ царскому величеству и просить о статьяхъ вышписанныхъ, и того отнюдь не бывало жъ, а хотя бъ и прислано было, и у него бъ царское величество принять не указалъ. А за милосердіемъ божіимъ отъ великаго Государя Его царскаго величества будетъ онъ воръ Стенка Разинъ вказанъ, такъ же какъ и его братья воры и единомысленники.—Relation des particuliers de la rebellion de S. R. Mesme une partie des Tartares Czernisky et tous les paysans de Rossie qui habitent en ces régions là, et qui appartiennent à des seigneurs Moscovites, s'élevèrent contre leurs gouverneurs, les massacrèrent ou les pendirent. Et le feu de la rebellion gaignoit si fort, et s'étendoit si loin, qu'il commençoit à bruler jusques à onze mille de Moskou.

книгъ (28). Башкиры, Калмыки, Мордва и Черемисы возмутились, ходили шайками, соединялись съ казаками и грабили мирныхъ жителей. Нѣсколько новыхъ шаекъ, одна за другой, приходили съ Дона, грабили отдѣльно или соединялись съ отрядами Разина.

На Дону постоянно господствовало волненіе. Хотя атаманъ, собирая казаковъ въ кругъ, по случаю полученія царской грамоты, и говорилъ много разъ со слезами, «что они вѣры христіанской и соборной, апостольской Церкви отступили, пора имъ успокаяться и дурость отложить и великому Государю служить по прежнему», но его слова мало дѣйствовали. Разинъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Дономъ, и къ нему являлись оттуда новыя толпы грабителей.

ГЛАВА V.

Новыя распоряженія правительства. Освобожденіе Симбирска. Преслѣдованіе мятежниковъ и занятіе городовъ. Шайка Разина осаждаетъ Желтоводскій монастырь. Дѣйствія подъ Симбирскомъ, Алатыремъ и въ другихъ мѣстахъ. Поимка Разина и казнь его.

По всему юговостоку Россіи уже разлилось возмущеніе, когда въ Москвѣ рѣшились дѣйствовать съ надлежащею силою. Кравчій князь Петръ Семеновичъ Урусовъ былъ назначенъ воеводою въ Казань, гдѣ должны были сосредоточиться войска, предназначенныя для дѣйствій противъ Разина. Въ товарищи воеводѣ назначены были стольники, князя Юрій и Данило Борятинскіе. Съ нимъ велѣно было идти, въ Іюнь мѣсяцѣ, «ратнымъ коннымъ и пѣшимъ многимъ людемъ, съ Москвы и изъ городовъ», и сверхъ того въ Саранскъ былъ посланъ стольникъ Еропкицъ для раз-

(28) Истор. св. Солов. обители.

бору боярскихъ дѣтей Алатыря, Атемара, Курмыша и Ядрина, мураъ и Татаръ и рейтаръ, которые также предназначались въ полки князя Урусова. Неизвѣстно, удалось ли ему исполнить свое порученіе, ибо около всѣхъ этихъ городовъ бродили разбойничьи шайки, и къ осени Саранскъ былъ въ рукахъ казаковъ. Въ Москвѣ еще не имѣли свѣдѣній о взятіи Астрахани, когда Разинъ уже подвигался къ Симбирску. Получивъ извѣстіе о его движеніи, кравчій и воевода Урусовъ предписалъ 15 Сентября товарищу своему князю Юрью Никитичу Борятинскому, который стоялъ съ своимъ отрядомъ близъ устья рѣки Казанки, чтобы онъ немедленно шелъ къ Симбирску и дѣйствовалъ совокупно съ тамошнимъ воеводою Милославскимъ противъ казаковъ (1).

Въ продолженіе двухъ-недѣльнаго похода къ Симбирску, князь Борятинскій постоянно встрѣчалъ разбойничьи шайки, и оружіемъ долженъ былъ пролагать себѣ путь въ странѣ Чувашей, Мордвы и Черемисы, возмущенныхъ дѣйствіями сообщниковъ Разина. Перейдя Свіягу, подъ деревнею Куланчи, 20 Сентября, онъ встрѣтилъ отрядъ, состоявшій болѣе нежели изъ трехъ тысячъ человекъ. Разбивъ сей отрядъ, на слѣдующій день, онъ встрѣтилъ при рѣкѣ Казанкѣ новую шайку казаковъ, соединившихся съ Мордвою, Чувашами и Черемисами. Послѣ удачнаго боя, онъ продолжалъ путь далѣе, перешелъ 24-го чрезъ рѣку близъ деревни Судани, гдѣ снова имѣлъ сраженіе, равно и на другой день подъ мордовскою деревнею Поклоутъ. Во всѣхъ сраженіяхъ оставшись побѣдителемъ, 29 Сентября онъ пришелъ въ Тогаевъ, оттуда въ Мшанескъ, и наконецъ 1-го Октября приблизился къ Симбирску, съ западной или такъ называвшейся тогда Крымской стороны, и сталъ у рѣки Свіяги.

Между тѣмъ, съ 5 Сентября, воевода Милославскій сидѣлъ въ осадѣ; казаки напали на Симбирскъ съ нагорной стороны и, послѣ нѣсколькихъ приступовъ, взяли острогъ:

(1) Дѣло о дѣйствіяхъ Московскихъ войскъ противъ Разина. Огниска кн. Урусова къ Царю, Ноября 19. Матер., стр. 62—66.

Воевода затворился въ рубленомъ городѣ или Кремлѣ (2), выдерживая осаду 20-ти тысячнаго войска Разина, который насыпалъ вокругъ города валъ, подводилъ подметы, зажигалъ и дѣлалъ приступы. Едва войска Борятинскаго показали въ виду города, какъ мятежники сдѣлали на нихъ нападеніе. Завязалась жаркая схватка, въ которой самъ Разинъ получилъ двѣ раны, едва не былъ взятъ въ плѣнъ, отступилъ за валъ, и заперся въ башнѣ. Не смотря однако же на отраженіе перваго натиска, бой еще продолжался до вечера. На другой день, 3-го Октября, Борятинскій, устроивъ два моста черезъ Свѣгу, перевелъ войска и подступилъ къ самому городу. Окольникій Милославскій вышелъ изъ рубленаго города и отбилъ осаду отъ Кремля. Войска Стеньки собрались на противоположной сторонѣ города у Казанскихъ воротъ. Нѣсколько частныхъ нападеній были удачно отбиты; а между тѣмъ ночью онъ началъ полную осаду города, придвигая подметы и зажигая ихъ. Между тѣмъ осажденные выдерживали приступъ; они выслали съ отрядомъ полковника Чубарова, чтобы съ боку отъ рѣки Свѣги онъ напалъ на казаковъ. Удачное его дѣйствіе и мужество защищавшихъ городъ войскъ заставили прекратить осаду. Разбитый Разинъ за часъ до свѣту сѣлъ на Волгѣ въ суда, и съ одними донскими казаками бѣжалъ. Ополченія, собранныя имъ изъ Астраханцовъ, Саратовцовъ и Алаторцовъ, оставилъ онъ подъ Симбирскомъ, увѣривъ ихъ, что идетъ только съ тѣмъ, чтобы сдѣлать нападеніе на станъ (товары) князя Борятинскаго. Въ это время князь Борятинскій съ конницею вышелъ въ поле, пославъ пѣхоту напасть на обозъ Разина; а Милославскій повелъ приступъ на острогъ, въ которомъ укрѣпились остальные войска мятежниковъ. Послѣ перваго нападенія онъ зажегъ его, и тѣмъ выгналъ ихъ въ поле и разбилъ на голову: до 500 человекъ были взяты въ плѣнъ, множество пробравшихся къ судамъ было потоплено въ рѣкѣ.

Такимъ образомъ дано было наконецъ рѣшительное сра-

(2) Акты Истор. IV, № 202.

женіе Разина, положившее конецъ его дотола́ постояннымъ успѣхамъ и поколебавшее его вліяніе. Уже 6-го Октября къ воеводамъ царскимъ изъ симбирскаго, свѣжскаго уѣздовъ и изъ-подъ Тетюшъ, являлись жители, раскаявались въ заблужденіи и просили помилованія. Милуя раскаявавшихся жителей, казня преступниковъ, воеводы продолжали преслѣдовать мятежниковъ. Но Яренскъ, Корсунъ и Новокорсунъ еще находились въ ихъ власти; на эти города пошелъ съ войскомъ князь Юрій Борятинскій (3); а 9-го Октября Милославскій пошелъ подъ Урень, гдѣ собралось до 5 т. казаковъ, нападавшихъ передъ тѣмъ на Алатырь.

Послѣ разбитія Разина подъ Симбирскомъ, его войска разсѣялись по окрестностямъ. 18 Октября Милославскій получилъ извѣстіе, что около 700 казаковъ шайки Разина собралось въ Надѣинскомъ Усольѣ. Воевода послалъ туда отрядъ, подъ предводительствомъ головы Афонася Казинскаго, который, 23-го того-же мѣсяца, уже увѣдомилъ объ одержанной имъ побѣдѣ (4). Между тѣмъ князь Борятинскій, одержавъ побѣду подъ Уренемъ, продолжалъ походъ къ Тогаеву. Ноября 5-го онъ получилъ извѣстіе, что одинъ изъ подручниковъ Стеньки Разина, атаманъ Ромашко, вмѣстѣ съ Калмыками, подъ начальствомъ мурзы Койко, собрались въ числѣ 15-ти тысячъ, и стоятъ недалеко отъ него при рѣчкѣ Барашѣ, въ мордовской деревнѣ Кандарашѣ. На другой же день Борятинскій пошелъ на нихъ, встрѣтилъ ихъ передовой отрядъ въ слободѣ Усть-уренской, и разбилъ. Продолжая путь далѣе, 12 Ноября онъ устроилъ три моста черезъ Барашъ, переправилъ войска, оставилъ свой обозъ по сю сторону рѣки и подошелъ къ Кандарашу. Мятежники стояли по ту сторону небольшой рѣчки съ 12-ю пушками; войска Борятинскаго подошли съ другаго берега и выстроились противъ нихъ. Ни тѣ, ни другіе не хотѣли начинать переправы чрезъ рѣку, и въ такомъ

(3) Дѣло о дѣйствіяхъ Московскихъ войскъ противъ Разина. Отписка къ Царю Милославскаго Октября 3-го, стр. 66—67.

(4) Тамъ же, отписка Милославскаго Октября 18, стр. 67—68.

положеніи войска простояли до половины дня. Наконецъ Борятинскій рѣшился дѣйствовать наступательно, велѣлъ забутить рѣку сѣпомъ и началъ переправу. Завязался жаркій бой, въ которомъ мятежники были совершенно разбиты: у нихъ было взято 11 пушекъ и 24 знамени. Продолжая дѣйствовать наступательно, на другой же день Борятинскій пошелъ къ рѣкѣ Сурѣ и остановился лагеремъ противъ села Паразина-городища. Туда со всѣхъ сторонъ приходили къ нему жители, раскаяваясь въ своихъ преступленіяхъ, и просили помилованія. 16 Ноября явились выборные изъ Алатыря и просили дать имъ часть войска для защиты города отъ нападений мятежниковъ. Воевода отправилъ къ нимъ одинъ отрядъ; а самъ двинулся къ Корсуню. Жители его встрѣтили, какъ избавителя, и безъ сопротивленія сдали городъ. Оставивъ гарнизонъ въ Корсунѣ, князь Борятинскій переправилъ свой отрядъ чрезъ Суру, и пошелъ къ Алатырю, который и занялъ 23-Ноября. Оттуда онъ писалъ въ Москву, увѣдомляя Цари, что вся черта отъ Симбирска и до Алатыря очищена, мятежники побиты и прогнаны, волненіе народное укротилось, жители приносятъ вины и присягаютъ на вѣрное подданство. Но въ то же время онъ увѣдомилъ, что мятежники собираются къ Саранску, куда въ настоящее время, не имѣя достаточнаго количества войскъ, онъ идти не можетъ; но, собравъ и устроивъ свой отрядъ, пойдетъ немедленно (*).

Въ Ноябрь, 15-го числа, получено было въ Москвѣ извѣстіе о побѣдѣ подъ Симбирскомъ, а 10 Декабря отправленъ стольникъ Чириковъ съ царскимъ милостивымъ словомъ къ воеводамъ и похвалою за ихъ службы (*).

Въ то время, какъ войска царскія дѣйствовали подъ Симбирскомъ, былъ посланъ изъ Казани отрядъ, подъ предводительствомъ стольника князя Давида Борятинскаго къ Свіяжску. Въ 20 верстахъ отъ сего города онъ встрѣтилъ

(5) Тамъ же, отписки князей Борятинскихъ, получен. Ноября 17 и Декабря 15, и др.

(6) Тамъ же, грам. цар. въ Симбирскъ къ Милославскому отъ Дек. 10; статья стольнику Чирикову, посланному съ грамотою въ Симбирскъ и Казань, стр. 85—92.

шайку мятежниковъ, и въ двухъ сраженіяхъ, 19 и 20 Октября, разбилъ ихъ; получивъ извѣстіе, что они собирались въ цивильскомъ уѣздѣ, пошелъ противъ нихъ, разбилъ у Котяковскаго лѣсу и взялъ Цивильскъ. Чуваши цивильскаго уѣзда, возмущенные казаками, явились къ нему съ покорностію. Приведя ихъ къ присягѣ, онъ отправилъ отдѣльный отрядъ въ Чебоксары, а самъ чебоксарскимъ уѣздомъ пошелъ къ Козмодемьянску. На дорогѣ, Октября 28, онъ встрѣтилъ толпы Чувашей и Черемисовъ, разбилъ ихъ, въ первыхъ числахъ Ноября занялъ Василь-городъ; а 31-го сталъ лагеремъ въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сундырѣ, въ 25 верстахъ отъ самаго города. Подъ предводительствомъ атамана Проньки Иванова да козмодемьянскаго соборнаго попа Михаила Ѳедорова, мятежники на нихъ напали; но посланные Борятинскимъ отряды, подъ предводительствомъ полковника Лутохина и маіора Аничкова, отразили нападеніе. Ноября 2 дня Борятинскій подступилъ къ городу, который сдался безъ сопротивленія и выдалъ укрывавшихся въ немъ мятежниковъ. Не имѣя предписаній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, воевода остановился въ Козмодемьянскѣ. Не смотря однако же на покорность жителей города, многіе изъ нихъ соединились съ мятежниками, бѣжали въ Ядринъ и подъ Ветлугу, а подгородные Черемисы еще бунтовали. Потомъ, собравши значительный отрядъ, состоявшій изъ 1000 человекъ казаковъ и Русскихъ и до 12-ти т. Черемисъ, подъ предводительствомъ атамана Ивашки Константинова, 15-го Ноября, часу въ 10-мъ ночи, подступили къ Козмодемьянску; сбили татарскую стражу и во многихъ мѣстахъ зажгли слободы, но пѣхота отбила ихъ пристуць, и заставила отступить. Тогда воевода нарядилъ голову московскихъ стрѣльцовъ Лаговцина и выборнаго солдатскаго строя (полка Аггея Шепелева) маіора Петра Аничкова для преслѣдованія неприятелей. Они догнали ихъ, разбили и взяли у нихъ 30 человекъ плѣнными, 7 знаменъ и двѣ пушки (1).

(1) Тамъ же, описаніе кн. Д. Борятинскаго къ Царю, пол. Дек. 2, стр. 71—78 и друг.

Такимъ образомъ, къ концу Ноября посланные изъ Казани отряды, удачно совершивъ предписанные имъ походы, остановились въ Алатырѣ и Козмодемьянскѣ. Князь Урусовъ предписалъ дѣйствовать противъ казаковъ въ то время, когда въ Москвѣ еще не знали о взятіи Астрахани и послѣдовавшихъ за тѣмъ дѣйствіяхъ Разина. Лишь только 24-го Августа пришло извѣстіе въ Москву, какъ 28-го того же мѣсяца уже назначенъ былъ походъ новой рати, подъ предводительствомъ боярина и воеводы князя Юрья Алексѣевича Долгорукаго, къ Алатырю (8). Онъ выступилъ изъ Москвы съ частію войскъ, а другія, назначенныя въ его полки изъ разныхъ городовъ, должны были собираться прямо въ Алатырь. О скорѣйшемъ походѣ, затрудняемомъ разсѣявшимися уже повсюду разбойничьими шайками, посылались частые указы отъ Москвы (9). Князь Долгорукій съ главною ратью остановился въ Арзамасѣ, отправивъ передовой отрядъ къ Алатырю, подъ начальствомъ своего товарища, стольника Леонтьева. Вся страна между Нижнимъ Новгородомъ, Арзамасомъ, Муромомъ и внизъ по Волгѣ, была взволнована мятежниками. Ихъ шайки бродили повсюду и жгли села. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, они раздѣлялись на мелкіе отряды и расходились по разнымъ сторонамъ, безъ всякаго плана, съ единственною цѣлю грабежа. Съ ними соединялись и мирные жители, привлекаемые ложными слухами о царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ и о патриархѣ Никонѣ и ложными надеждами на освобожденіе отъ власти бояръ. Слухи сопровождались письмами, которыя они подкидывали даже и въ войска царскія.

Главные притоны казаковъ были въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ. Еще въ началѣ осени, прельщенные письмами одного изъ казачьихъ атамановъ, Максима Осипова, Лысковцы возмутились съ жителями окрестныхъ селъ, и отправи-

(8) Акты арх. комиссiи, IV. № 177. 1-е Полв. собр. зак. Т. I № 480.

(9) Записк. кн. 7179 г. Сент. 23, ст. 7. Сент. 24, ст. 8, Окт. 1, ст. 1, 2, 3, 6, 7, Окт. 2, ст. 6, Окт. 3, ст. 2, Окт. 6, ст. 1 и 2, Окт. 10, ст. 2, Окт. 14, ст. 1, 3, Окт. 23, ст. 1, Окт. 24, ст. 3, 9, 10, Окт. — ст. 1, 2, Окт. 31, ст. 10 и др., въ Матеріалахъ.

ли посланцевъ въ Курмышъ съ просьбою къ мятежникамъ, принять ихъ подъ свое покровительство. Послѣ побѣды царскихъ войскъ подъ Симбирскомъ, одна взъ шаекъ казацкихъ, подъ предводительствомъ Осипова, овладѣла Курмышемъ и Ядринымъ. Приглашенный Лысковцами, Осиповъ явился къ нимъ съ казаками, былъ принятъ съ почестями, вмѣстѣ съ ними грабилъ окрестности и намѣревался приступить къ Троицкому монастырю Макарія Желтоводскаго (10).

Этотъ монастырь, принадлежащій къ Костромской епархіи, устроенъ былъ Макаріемъ Увженскимъ въ половинѣ XV столѣтія, во время Василя Темнаго, ниже города Макарьева, на Волгѣ, близъ озера на мѣстѣ, называемомъ Желтыя воды (11). Разрушенный Татарами, онъ только что былъ возобновленъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какъ вновь, при его преемникѣ, подвергся нападенію враговъ, не менѣе Татаръ грубыхъ и лютыхъ. Въ Октябрѣ, желая прельстить настоятеля и братію, Осиповъ отправилъ въ монастырь нѣсколькихъ казаковъ съ письмами, въ которыхъ предлагалъ сдаться по доброй волѣ, обѣщая въ противномъ случаѣ убить всѣхъ и не оставить камня на камнѣ. Но игуменъ Пахомій, по совѣщаніи съ бывшимъ архіепископомъ сибирскимъ, находившимся въ этомъ монастырѣ на покоѣ, и со всею братією, рѣшился защищать монастырь, не смотря на то, что, кромѣ монаховъ, въ немъ находилось незначительное число крестьянъ, собравшихся изъ окрестныхъ деревень. Съ отказомъ они отправили посланныхъ казаковъ къ ихъ атаману, а возмутительныя письма съ нарочнымъ гонцомъ къ Государю въ Москву. Черезъ нѣсколько дней толпы мятежниковъ собрались на берегу Волги и снова отправили пословъ въ монастырь, требуя сдачи. Но игуменъ задержалъ посланныхъ. Видя неудачу переговоровъ, мятежники, въ числѣ около 15 ты-

(10) Извѣстіе о бунтѣ Стенки Разина стр. 17. Relation des particularitez de rebellion de St. R.—Les plus résolus d'entre les rebelles estoient ceux de petites villes de Lesco (Лысково) et de Morasco (Мурашкино), qui avoient plus d'une fois essaié de prendre d'assaut le doître de Makariof... Далѣе разсказывается, какъ монастырь вмѣною одного Жыда былъ взятъ и разграбленъ.

(11) Исторія Росс. Іерархіи, т. IV. стр. 107 и слѣд.

саячь, переправились черезъ Волгу и 8 Октября со всѣхъ сторонъ обложили монастырь. Пока они готовились къ приступу, въ монастырѣ молились, крестнымъ ходомъ обходили стѣны, и съ своей стороны устраивали оборону. Черезъ два дня, передъ вечеромъ, мятежники съ трехъ сторонъ пошли на приступъ ⁽¹²⁾.

Ночью приваливали костры и зажгли у деревянныхъ стѣнъ; осаждали монастырскіе ворота «огненными великими привалами и пушечнымъ боемъ», но монастырь выдержалъ осаду. «Видя лютое свирѣпство и неукротимое ополченіе», монахи, какъ они сами рассказываютъ въ грамотѣ къ патріарху, «дерзнули своими руками, малолюдства ради, защищаться отъ мятежниковъ» и—«на сіе дерзнули, болѣзну о святой обители, и отъ священнаго чина, попы и діаконы». Монастырь на время былъ спасенъ; но, совершивъ однако же гражданскій подвигъ мужества, монахи въ послѣдствіи считали себя виновными передъ Церковью, которая запрещаетъ проливать кровь приносящимъ безкровную жертву: поэтому священники и діаконы, не смѣя приступить къ священнодѣйствию, просили патріарха разрѣшить ихъ отъ грѣха. Патріархъ прислалъ имъ разрѣшительную грамоту ⁽¹³⁾. Но приступъ мятежниковъ къ монастырю 10 Октября не былъ послѣднимъ. Хотя ихъ атаманы и поклялись оставить монастырь въ покоѣ, если только игуменъ отпуститъ задержанныхъ имъ посланцевъ казацкихъ, однакоже, лишь только они были освобождены изъ монастыря, какъ мятежники начали готовиться къ новому приступу. Между тѣмъ волненіе проникло въ самыя стѣны монастыря: многіе изъ находившихся тамъ крестьянъ разбѣжались. Одинъ царскій конюхъ, находившійся подъ наказаньемъ въ монастырѣ, бѣжалъ къ казакамъ и рассказалъ имъ, что монаховъ немного и защищаться они не будутъ въ силахъ. Видя приближеніе опасности, игуменъ и братія ушли изъ монастыря; остались въ немъ только архіепископъ Симонъ

(12) Сказаніе о шествіи на обитель преподобнаго отца нашего Маркія Желтоводскаго, бывшемъ отъ воровъ и измѣнниковъ воровскихъ казаковъ; въ Матеріалахъ.

(13) Акты археологич. комиссіи IV, № 183.

и казначей старецъ Германъ, и немногіе изъ братіи и служекъ—«готовѣи суще во обители святѣй главы своя положити», какъ говоритъ старинное сказаніе. Октября 17 мятежники явились въ монастырь, разорили его и ограбили; мучили иноковъ, но однакоже никого не убили (14).

Въ то время, когда приближалась рать князя Долгорукаго, его передовой отрядъ, подъ предводительствомъ князя Щербатова, на голову разбилъ мятежниковъ, осаждавшихъ Макарьевской монастырь, при селѣ Мурашкинѣ, и сжегъ самое село. Потомъ князь Долгорукій разбилъ остатки той же шайки при селѣ Лысковѣ, и, получивъ извѣстіе отъ своего товарища, Леонтьева, о движеніи мятежниковъ къ Алатырю, самъ двинулся немедленно къ Мурому. Между Арзамасомъ и Алатыремъ онъ снова разбилъ мятежниковъ близъ села Панова (15). Между тѣмъ, вѣроятно по просьбѣ князя Урусова объ усиленіи войскъ, ратныхъ людей изъ Арзамазскаго уѣзда велѣно было посланному изъ Москвы Рагозину отвести къ князю Урусову, подъ Казань и Темниковъ. Исполнивъ приказаніе царское, князь Долгорукій однакоже доносилъ, что у него слишкомъ мало людей (16). Приходилось непрерывно раздѣлять войско, дѣйствуя въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ни показывались непріатели.

Въ то время, какъ Разинъ осаждалъ Симбирскъ, часть своихъ войскъ онъ отправилъ въ ближніе города. Они ограбили Корсунь, Саранскъ и взяли Алатырь. Въ Алатырѣ въ это время былъ воеводою Акинфій Бутурлинъ, который, въ началѣ Октября мѣсяца, писалъ къ воеводѣ князю Долгорукому, что мятежники идутъ къ городу, и «приступу можно ожидать 16 числа». Подъ Алатыремъ въ это время находился отрядъ войскъ, подъ начальствомъ стольника Леонтьева и отрядъ изъ войскъ, находившихся въ распоряженіи князя Урусова. Получивъ извѣстіе о приближеніи мятежниковъ, они отошли отъ Алатыря, не

(14) Сказаніе о шестнадцати мятежниковъ на обитель Мак. Желтоводскаго.

(15) Собран. госуд. грам. и догов. IV. № 72.

(16) Дѣло о дѣйствіяхъ московскихъ войскъ противъ С. Р.; отписка кн. Долгорукаго отъ 21 Сент. въ Матер., стр. 92—95.

смотря на то, что Леонтьевъ уговаривалъ ихъ остаться. Его отрядъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы одинъ могъ противостоять непріятелю; подкрѣвленный же полками князя Урусова, онъ могъ и хотѣлъ защищать городъ; но войска его не послушали, и говоря, что должны идти къ Симбирску, ушли и оставили его одного, «и тѣмъ великую бѣду учинили», какъ доносилъ Царю отъ 21 Сентября князь Долгорукій. Въ слѣдъ за ними и Леонтьевъ отошелъ отъ Алатыря и остановился лагеремъ верстахъ въ 60 отъ Арзамаса, въ селѣ Чернецкомъ. 16 Сентября мятежники приступили къ городу, взяли острогъ и отошли къ дѣсу. Бутурлинъ, не имѣя средствъ защищать острога, заперся было въ рубленомъ городѣ, но мятежники подождли башню, пожаръ распространился по всему рубленому городу. Онъ долженъ былъ оставить городъ, который и былъ взятъ мятежниками (17). Жалоба князя Долгорукаго на воеводу Казацкаго присоединилась къ другимъ на него же жалобамъ. Во время осады Симбирска, воевода Милославскій въ отпискахъ къ Царю нѣсколько разъ упрекалъ князя Урусова въ медленности распоряженій и въ недостаткѣ усердія. Онъ говорилъ: если бъ Казацкій воевода болѣе радѣлъ о царской службѣ, то военная черта осталась бы въ цѣлости, города Алатырь, Саранскъ и другіе не были бы взяты мятежниками, да и самъ Разинъ не могъ бы уйти изъ-подъ Симбирска (18).

Нельзя рѣшить, дѣйствительно ли медленно и нерадиво дѣйствовалъ князь Урусовъ, но ясно то, что въ военныхъ дѣйствіяхъ должно быть единство, а между тѣмъ являлись два совершенно независимые другъ отъ друга военачальника, князя Урусовъ и Долгорукій, которыхъ распоряженій, какъ видно изъ дѣла при взятіи Алатыря, не согласовались взаимно. Все это послужило поводомъ къ смѣнѣ князя Урусова. На походѣ изъ Мурома къ Арзамасу, князя Долгорукаго встрѣтилъ посланный изъ Москвы, стольникъ Петръ Ивановичъ Потемкинъ и объявилъ ему

(17) Тамъ же, стр. 86—92.

(18) Тамъ же, отписка кн. Юрія Борятинскаго къ Царю, Дек. 14, стр. 98.

отъ приказа тайныхъ дѣлъ, Октября 23-го, что князь Урусовъ отозванъ къ Москвѣ, а онъ назначенъ главнымъ воеводою всѣхъ войскъ, и князь Борятинской долженъ быть въ его товарищахъ. Между тѣмъ, до 13-го Ноября, онъ не получалъ указа о своемъ назначеніи, а князь Борятинской не получалъ извѣстія даже до 30-го Ноября (19). Стольникъ Арсеньевъ, привозившій къ князю Борятинскому царское милостивое слово и похвалу за его дѣйствія, уже Декабря 23-го, ничего не упомянулъ о его назначеніи въ товарищи къ князю Долгорукому: такимъ образомъ они оба, не зная какъ дѣйствовать, писали въ Москву и просили указа. Медленность въ дѣйствіяхъ военныхъ усматривалась и другими обстоятельствами: всѣ распоряженія къ воеводамъ приходили изъ Москвы изъ разряда, приказовъ казанскаго и тайныхъ дѣлъ. Въ сіи приказы стекались отсюду извѣстія и докладывались въ думѣ Царю и боярамъ, гдѣ постанавлялись рѣшенія, на основаніи которыхъ уже составлялись общія распоряженія. По рѣшеніямъ думы, въ приказахъ составлялись указы, статьи и посылались уже къ воеводамъ для исполненія. Часто случалось, что указы не могли быть исполняемы, ибо обстоятельства безпрерывно измѣнялись. Толпы мятежниковъ показывались въ разныхъ мѣстахъ и быстро перемѣняли движенія. Воеводы часто приходили въ затруднительное положеніе, и въ то время, когда слѣдовало дѣйствовать, должны были вести безполезную переписку. Но, не смотря на то однакоже, дѣйствія противъ мятежниковъ продолжались успѣшно.

Князь Долгорукій, получивъ главное начальство надъ войсками, имѣлъ въ своемъ распоряженіи отряды: одинъ, подъ предводительствомъ князя Щербатаго, который по его приказанію посланъ былъ къ Ломовымъ и Пензѣ; второй, подъ предводительствомъ стольника и воеводы Василья Панина, посланъ былъ къ Алатырю, чтобы подкрѣпить князя Борятинскаго и дѣйствовать съ нимъ совокупно; третій отрядъ, подъ предводительствомъ стольника

(19) Тамъ же, Отписка кн. Долгорукаго Дек. 17. (стр. 96—98) Царская грамота къ кн. Борятинскому и его отвѣтъ, стр. 98—99.

Леонтьева, который дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Арзамаса и доходилъ до Алатыря, и наконецъ войска, находившіяся подъ начальствомъ князей Данила и Юрья Борятинскихъ, которые были къ товарищамъ Кн. Урусова и указомъ царскимъ подчинились кн. Долгорукому. Одинъ изъ сихъ отрядовъ, кн. Юрья Борятинскаго, былъ на пути къ Алатырю и Саранску, другой кн. Данила Борятинскаго, шелъ къ Свілжску.

Князь Долгорукій получилъ царскій указъ, которымъ онъ назначался главнымъ воеводою, на пути изъ Муромъ къ Арзамасу, куда пришелъ къ нему изъ-подъ Алатыря и Леонтьевъ. Усмиряя волненія въ уѣздѣ и преслѣдуя отдѣльными отрядами шайки мятежниковъ, онъ увѣдомился, что значительный ихъ отрядъ съ 7-ю пушками отъ Саранской черты пришелъ въ село Матвѣево, въ 40 верстахъ отъ Арзамаса. Для ихъ преслѣдованія, онъ послалъ князя Осипа Константиновича Щербатова, который только что возвратился изъ-подъ Нижняго въ Арзамасъ. Между тѣмъ онъ получилъ повелѣніе царское изъ приказа тайныхъ дѣлъ, чтобы преслѣдовать мятежниковъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, гдѣ они, соединясь съ крестьянами князя Черкаскаго, грабятъ села и деревни. Поводомъ къ такому приказанію послужилъ рассказъ стольника Василья Нарбекова, который, ѣдучи изъ Арзамаса въ Москву, въ Муромѣ слышалъ объ этомъ. Онъ говорилъ, что оттуда писалъ уже къ князю Долгорукому, извѣщая его, чтобъ онъ послалъ туда своихъ товарищей, а въ Алатырь бы не ходилъ; писалъ ему также, что къ Шацку, Кадому и Темникову посланъ уже стольникъ Бутурлинъ. Огвѣчая на приказаніе, кн. Долгорукій увѣдомлялъ, что онъ никогда не получалъ извѣстій отъ Нарбекова, но зналъ о происшествіяхъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ по письму Муромскаго воеводы, кн. Афонасія Шехонскаго и ожидалъ только приходу рейтарскихъ полковъ, чтобы отправить туда отрядъ. Но въ это время приближались къ нему нѣсколько человекъ съ темниковской дороги, изъ села Кременюкъ, увѣдомляя, что къ нимъ пришли мятежники изъ Темникова, и идутъ къ Арзамасу. По симъ вѣстямъ, кн. Долгорукій по-

сладъ туда товарища своего Леонтьева (20), укрѣпилъ городъ отнятыми у непріятеля пушками, и вѣроятно въ слѣдъ за нимъ двинулся самъ; ибо отъ 2-го Ноября, изъ села Кременокъ, увѣдомлялъ Царя, что идетъ къ Темникову и выстушаетъ 8 Декабря. Между тѣмъ изъ Кременокъ онъ вѣротно вновь возвратился въ Арзамасъ, откуда отъ 15-го Ноября писалъ въ Москву, что 12 числа этого мѣсяца пришли къ нему изъ Нижняго Новгорода старосты и выборные и подали челобитную, въ которой просили защитить ихъ отъ нападеній мятежниковъ. Они говорили, что въ народѣ смуты и волненія отъ воровъ, которые, послѣ разбитія главныхъ силъ Стеньки Разина, разбрелись повсюду мелкими отрядами, вездѣ возмущаютъ народъ и грабятъ. Воевода предписалъ стольнику Голохвастову защищать городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своимъ товарищамъ, князю Щербатову и Леонтьеву, помогать ему, и посылать отряды по окрестностямъ для преслѣдованія разбойниковъ (21).

Но Щербатовъ, не получивъ предписанія, пришелъ къ Арзамасу, извѣстивъ еще прежде о своемъ походѣ. Князь Долгорукій 28-го Ноября увѣдомилъ Царя, что отпустилъ къ Темникову князя Щербатова и на другой день въ слѣдъ за нимъ вышелъ самъ. Передъ симъ походомъ, къ нему пріѣхалъ изъ Москвы стольникъ Бахметьевъ и привезъ указныя статьи, которыми повелѣвалось идти изъ Арзамаса въ Шацкъ: « темниковскія и кадомскія мѣста очищать » и стать въ темниковскомъ уѣздѣ, въ Красной слободѣ или Троицкомъ острогѣ. Въ Шацкъ же предписывалось послать товарища, которому дѣйствовать, ссылаясь съ Хитровымъ и Бутурлинымъ; князю Юрью Борятинскому дѣйствовать въ городахъ по симбирской чертѣ, Панину идти на Алатырь и, разбивъ тамъ мятежниковъ, сходиться съ кн. Юрьемъ Борятинскимъ и дѣйствовать совокупно. Въ этомъ же указѣ отрядъ князя Даніила Борятинскаго присоединялся къ полку князя Долгорукаго, которому предписывалось послать его на Яренскъ, Курмышъ и другіе

(20) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Окт. 18. стр. 99—101.

(21) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго 20 Октября, стр. 101—103.

сосѣдніе съ ними города. Для обереганія Арзамаса и Нижняго Новгорода предписывалось послать одного изъ своихъ товарищей, «кого пригожь».

Въ слѣдствіе такого указа, князь Долгорукій послалъ предписаніе князю Данилу Борятинскому придти къ нему въ полкъ, намѣреваясь потомъ послать его къ Ядрину и Курмышу, гдѣ, по извѣстіямъ, имъ полученнымъ, собираются мятежники. Еще 10-го Ноября онъ писалъ къ князю Данилу Борятинскому, предписывая ему идти къ Ядрину и Курмышу, преслѣдовать мятежниковъ, по тѣмъ, которые покорятся добровольно, «не чинить разоренья». Но 19-го уже Ноября онъ писалъ объ этомъ въ Москву и жаловался на Д. Борятинскаго, что онъ посылаетъ мимо его къ Царю своихъ сеувщиковъ, и что онъ не слушаетъ его предписаній. Вѣроятно непослушаніе происходило потому, что кн. Данилъ Борятинскій, находившійся подъ начальствомъ князя Урусова, не получалъ указа объ его увольненіи и назначеніи главнымъ воеводою Долгорукаго; можетъ быть, и отговаривался недостаткомъ войска. Последнее предположеніе вѣроятно; ибо князь Долгорукій, считая нужнымъ подкрѣпить его, послалъ къ нему сотника Володимірова съ 100 солдатъ и 2 пушками, поручивъ ему: взять въ терюшевской волости 50 драгуновъ, да 50 оставленныхъ въ селѣ Лысковѣ подъ Нижнимъ; оттуда идти къ Арзамасу, и, если мятежники пойдутъ отъ Ядрина и Курмыша къ Лыскову, то сдѣлать на нихъ нападеніе; если же князь Д. Борятинской придетъ къ Ядрину и Курмышу, то Владимірову слѣдовать къ Нижнему.

Къ князю Юрью Борятинскому воевода отправилъ въ подкрѣпленіе своего товарища Панина и поручилъ имъ вмѣстѣ идти къ Саранску; а Любима Бахметьева, по царскому предписанію, послалъ въ Алатырскій и Арзамасскій уѣзды приводить къ присягѣ покорившихся жителей (22).

Разославъ предписанія къ своимъ товарищамъ, князь Юрій Долгорукій съ своими войсками, 3-го Декабря, выступилъ изъ села Кременокъ и 4-го уже былъ подъ Тем-

(22) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Дек. 2-го, стр. 103—106.

никовымъ. Жители города за двѣ версты встрѣтили его съ крестами, просили помилованія, увѣряя, что по неволѣ служили воровскимъ людямъ, не имѣя никакихъ способствъ отъ нихъ защищаться. Они обѣщали быть вѣрными Царю, но просили защиты отъ мятежниковъ, и выдали 18-ть человекъ изъ тѣхъ, которые служили въ рядахъ мятежниковъ и попа Савву, который молился за Никона, старицу Елену, которая ворожила, и атамана Федьку Сидорова. Атаманъ и попъ Савва вмѣстѣ съ другими 18 человекъ были повѣшены, по приказанію князя Долгорукаго, а старица сожжена въ струбѣ за колдовство (23).

Послѣ занятія Темникова, вѣроятно князь Долгорукій опять возвратился въ Арзамасъ, гдѣ пробылъ до 6 Декабря, и оттуда уже двинулся въ Красную слободу, какъ видно изъ его отписокъ къ Царю. Онъ подошелъ къ городу 9 Декабря; жители, какъ и большей части другихъ городовъ, встрѣтили войска царскія съ крестами, просили помилованія и защиты и выдали 50 человекъ. Послѣ слѣдствія и пытки оказалось, что всѣ они участвовали въ походахъ мятежниковъ и дрались противъ царскихъ войскъ, потому и были всѣ повѣшены, по распоряженію воеводы. Жители просили, чтобы назначить кого либо управлять ими, ибо стряпчаго Литвинова, который у нихъ былъ воеводою, убили мятежники; князь Долгорукій поручилъ вѣдать городъ полковнику Вороницу до царскаго указа и уведомилъ объ этомъ Государя. Занявъ Красное, онъ получилъ уведомленіе, что близъ города, въ одной изъ татарскихъ деревень, показался отрядъ мятежниковъ. Онъ послалъ противъ нихъ маіора Ртищева, который разбилъ ихъ 10-го Декабря и взялъ село Алгуново. Остановившись въ Красной слободѣ, князь Долгорукій послалъ своего товарища князя Щербатова къ Троицкому острогу (24). Между тѣмъ Арзамаскій воевода, Левкій Шемсуповъ, увѣ-

(23) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Дек. 13-го стр. 106—109 и 24 Дек. стр. 109.

(24) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Декабря 17-го стр. 110—112.

домляя Царя о выступленіи князя Долгорукаго и Леонтьева, говорилъ, что не кѣмъ защититься отъ воровъ и просилъ помощи (25).

Во время сего похода, главныя войска и отдѣльныя отряды продолжали дѣйствовать противъ мятежниковъ.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ отрядъ стольника Панина дѣйствовалъ въ уѣздахъ Нижегородскомъ и Арзамаскомъ. Услышавъ, что въ селѣ Маресевѣ былъ станъ казаковъ, онъ отправилъ туда часть войскъ; но едва они показали, какъ мятежники, не давъ сраженія, побѣжали. Воевода стоялъ въ селѣ Гагинѣ, куда приходили къ нему Алаторцы и Арзамасцы, Татары и Мордва съ повинною и присягали на вѣрность Царю. Они между тѣмъ извѣстили его, что мятежники собрались и стоятъ станомъ на рѣкѣ Пьянѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ и собираются идти къ Алатырю на князя Юрья Борятинскаго. Послѣ такихъ извѣстій, нѣсколько пойманныхъ языковъ въ распросѣ показали, что мятежники находятся въ деревнѣ Юмарги и 23 Ноября пойдутъ въ село Солганъ. Извѣщая объ этомъ князя Долгорукаго, Панинъ писалъ, что выступаетъ 24 Ноября противъ мятежниковъ къ Солгану и общаетъ извѣстить о послѣдствіяхъ. Въ отвѣтъ на сіе письмо, князь Долгорукий предписалъ ему немедленно идти на спѣхъ къ Алатырю и симбирской чертѣ, и соединившись съ княземъ Борятинскимъ, идти къ Саранску. Въ слѣдствіе сего предписанія, въ первыхъ числахъ Декабря, когда князь Борятинскій стоялъ въ Алатырѣ, ожидая подкрѣпленій, приблизился къ нему отрядъ Панина; но въ то же время и мятежники, подъ предводительствомъ атамановъ мурзы Кайко, Алешки Савельева, Янки Никитина, Ивана Маленкаго и Петра Леонтьева, собрались и стали лагеремъ у села Тургенева, готовясь идти на Алатырь. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Панинъ пошелъ противъ нихъ, встрѣтилъ при мордовской деревнѣ Бавѣ и разбилъ; одинъ изъ атамановъ, Леонтьевъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Въ ту же ночь на 7-е Декабря,

(25) Тѣмъ же, отписка Арзамаскаго воеводы Левнія Шенсунова въ концѣ Ноября, стр. 113.

князь Борятинскій съ своими войсками пришелъ къ Баеву, и на другой день вмѣстѣ съ Панинымъ далъ сраженіе мятежникамъ и разбилъ ихъ при селѣ Тургеневѣ. Послѣ сраженія, 11-го Декабря, оба отряда двинулись двумя дорогами къ Саранску. Князь Борятинскій пошелъ прямою дорогою; а Панинъ около Сурскаго лѣсу, и на пути приводилъ къ присягѣ покорившихся жителей и казнилъ выдаваемыхъ ими мятежниковъ. Въ 10-ти верстахъ отъ Алатыря, жители города встрѣтили ихъ съ крестами и просили помилованія; князь Борятинскій послалъ головъ съ порученіемъ принять городъ; а самъ вошелъ въ него 16-го Декабря, велѣлъ повѣсить всѣхъ воровскихъ старшинъ и ясауловъ, а жителей привести къ присягѣ на вѣрность Царю (26).

Послѣ того воеводы получили предписаніе отъ князя Долгорукаго идти къ Арзамасу и Нижнему. Тамъ уже были истреблены мятежники; но имъ предписывалось оберегать страну, и, если бы вновь они показались, то ихъ преслѣдовать.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ отряды князя Щербатова и Леонтьева дѣйствовали къ окрестностямъ Нижняго и Арзамаса и 9-го Ноября уже увѣдомили князя Долгорукаго, что «Нижегородской уѣздъ отъ воровъ очистили» и всѣхъ жителей привели къ присягѣ. Въ то время, какъ князь Долгорукий повелъ войска къ Арзамасу, мятежники вновь собрались въ значительныхъ шайкахъ, взволновали окрестныхъ жителей, укрѣпились окопами у Лисенскаго перевоза, и отрѣзали незначительный отрядъ изъ войскъ князя Долгорукаго, который долженъ былъ переправиться чрезъ Оку, и слѣдовать за нимъ. Мятежники, въ числѣ 500 человекъ, собрались близъ Оки, въ вотчинахъ князя Черкаскаго, въ селахъ Богородскомъ и Ворскѣ, подъ начальствомъ атамана Саввы Федорова, и на Кумѣ, на Вечаковскомъ перевозѣ, и разослали возмутительныя письма по окрестнымъ деревнямъ. Одно изъ такихъ писемъ священникъ Кожуховской волости,

(26) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго, въ Декабрѣ мѣсяцѣ стр. 113—117.

Нижегородскаго уѣзда, села Мещерскихъ горъ, принадлежащаго князю Одоевскому, доставилъ въ оставшійся за Окою отрядъ московскихъ войскъ, и предупредилъ ихъ, что мятежники поджидаютъ ихъ на Лисенскомъ перевозѣ. Мятежники били и мучили священника, который уговаривалъ ихъ не слушать казаковъ, и называли его измѣнникомъ царевичу Алексѣю Алексѣевичу, патриарху Никону и Степану Тимофеевичу Разину. Еще прежде того, на Павловомъ перевозѣ, на Окѣ, мятежники, пропустивъ часть московскихъ войскъ на другую сторону рѣки, разбили остальныхъ и готовились сдѣлать то же и на Лисенскомъ. Но отказъ окрестныхъ жителей доставить струги для переправы московскимъ войскамъ и извѣстіе, сообщенное священникомъ, предотвратили опасность. За тѣмъ приближеніе князя Щербатова разсѣяло шайки мятежниковъ; нѣкоторыя изъ нихъ были разбиты, другія (27), узнавъ о ихъ пораженіи, разбѣжались. Но многіе были однакоже перехвачены, и князь Щербатовъ немедленно отправился съ своимъ отрядомъ къ Арзамасу, а думный дворянинъ Леонтьевъ въ Терюшицскую волость, гдѣ, по извѣстію, изъ села Лыскова отъ Лаврентія Симанскаго, поставленнаго тамъ воеводою княземъ Долгорукимъ, собирались мятежники. Въ это же время князь Данилъ Борятинскій, слѣдуя изъ Казани, разбивалъ повсюду мятежниковъ и очистилъ Свіяжскій, Цивильскій и Чебоксарскій уѣзды; а Козмодемьянскъ взялъ приступомъ. Въ началѣ Ноября онъ пошелъ къ Василь-городу, жители котораго принесли повишеніе. Получивъ извѣстіе, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ водворилось спокойствіе, князь Долгорукій отъ 10 Ноября предписалъ князю Д. Борятинскому идти къ Ядрину и Курмышу, гдѣ въ селахъ Мигинѣ, Моклосовѣ и Сергацкихъ Будныхъ Майданахъ, собрались мятежники (28).

По возвращеніи къ Арзамасу, отрядъ князя Щербатова посланъ былъ къ Нижнему и Верхнему Ломовымъ. На пу-

(27) Тамъ же, описки кн. Долгорукаго Нояб. 14 и 16. Стр. 101—106, также 119—127.

(28) Тамъ же, описки кн. Долгорукаго отъ 14 Нояб. стр. 117—119.

ти, не доходя до Троицкаго острога, 13 Декабря, въ мордовской деревнѣ Палловѣ, онъ встрѣтилъ мятежниковъ и разбилъ ихъ; за тѣмъ одержалъ побѣду подъ самымъ Троицкимъ острогомъ. Но, не приступая къ осадѣ самаго города, въ которомъ, по извѣстіямъ языковъ, мятежники собирались въ значительномъ количествѣ, онъ остановился и послалъ просить вспомогательнаго войска у князя Долгорукаго. Вѣроятно получивъ помощь, онъ взялъ Троицкій острогъ, а за тѣмъ и Нижній Ломовъ, откуда увѣдомлялъ отъ 18 Декабря князя Долгорукаго, что посылалъ нѣсколько отрядовъ рѣйтаровъ и драгунъ къ Верхнему Ломову. Октября 2-го казаки, подъ предводительствомъ атамановъ Харитоновъ и Яковлева, съ большею шайкою изъ Саратовцевъ, Пензенцовъ и жителей другихъ городовъ, подступили къ городу. Воевода Корсаковъ выслалъ противъ нихъ войско. На вопросъ: зачѣмъ пришли они къ городу, они отвѣчали: «для обереганья, по приказу Разина». Когда стрѣльцы отказали имъ сдать городъ, казаки послали въ Нижній Ломовъ за пушками и обѣщали до основанія разорить городъ и жителей ограбить и перебить. Кромѣ обыкновеннаго и незначительнаго гарнизона, въ городѣ не было войскъ, и жители, напуганные угрозами казаковъ, сдали городъ. Казаки ограбили домъ воеводы и казну, перебили нѣкоторыхъ жителей и увели Корсакова въ Нижній Ломовъ. По просьбѣ жителей, чрезъ нѣсколько времени они его отпустили (Октября 4-го). Но потомъ новая шайка казаковъ явилась въ городъ, убила воеводу, а жителей повела къ Троицкому острогу. Разбитые московскими войсками, они, возвратившись оттуда, искали только случая избавиться отъ власти казаковъ (29). Потому, когда отрядъ князя Щербатова подошелъ къ городу, жители встрѣтили его съ крестами и послали къ нему выборныхъ съ челобитною на имя Царя. Какъ и другіе города, они просили помилованія, говоря, что покорились мятежникамъ и дѣйствовали съ ними потому только, что не имѣли въ си-

(29) Тамъ же, Челобитная жителей Верхняго Ломова стр. 125—127. Записк. кн. 7179 г. въ Матеріалахъ.

лы, ни средствъ защищаться; просили защиты и общались быть вѣрными. Они выдали нѣсколькихъ бунтовщиковъ князю Щербатову, который ихъ казнилъ, а жителей привелъ къ присягѣ, и назначилъ гарнизонъ въ Верхнемъ Ломовѣ (30).

Возвратившись въ Нижній Ломовъ, онъ послалъ отрядъ къ Пензѣ. Мятежники, услышавъ о походѣ царскихъ войскъ, оставили городъ и степью потянулись къ Саратову. 20 Декабря отрядъ князя Щербатова подошелъ къ Пензѣ. Шайки мятежниковъ, изъ Саратова и Саранска, разбѣжавшіяся повсюду послѣ осады Самбирска, подъ прелводительствомъ атамановъ Савелова и Харитонова, безъ бою заняли Пензу. Жители Пензы, какъ большей части другихъ городовъ, изъ страха покорявшіеся казакамъ, охотно потомъ приняли войска царскія, встрѣтили ихъ съ крестами и присягнули на вѣрноподданство. Воевода, поручивъ до царскаго указа вѣдать городъ стольнику и полковнику Петру Гавриловичу Дурову, послалъ погоню за мятежниками. Когда погоня не догнала ихъ, онъ отправилъ Любима Диховкова въ Саратовъ съ предложеніемъ, чтобы жители сдали городъ (31). Между тѣмъ, какъ отряды князя Щербатова двигались къ Пензѣ и Саратову, Леонтьевъ изъ-подъ Нижняго перешелъ къ Арзамасу, преслѣдуя шайки мятежниковъ и принимая присягу на вѣрное подданство царю отъ возмущенныхъ дѣйствіями мятежниковъ жителей, о чемъ отъ 6 Декабря уведомилъ князя Долгорукаго. За тѣмъ, 18 Декабря, онъ двинулся въ Алатырскій уѣздъ, къ селу Арашеву, гдѣ получилъ извѣстіе, что мятежники въ значительномъ количествѣ идутъ противъ него къ селу Апраксину. Онъ двинулся противъ и при этомъ селѣ разбилъ ихъ на голову. Послѣ боя, уцѣлѣвшая часть мятежниковъ бѣжала въ алатырскій лѣсъ, гдѣ устроили засѣки и засѣли въ нихъ съ женами и дѣтьми. Царскія войска отправились въ слѣдъ за ними, разорили засѣки и разбили ихъ. Воевода повѣсилъ зачинщиковъ,

(30) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Дек. 22. Стр. 127—131.

(31) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго, Дек. 28. Стр. 131—138.

сотника Тимофея Иванова и подъячаго Леонтьева, остальные повинились и приняли присягу (32). После этого боя, Леонтьевъ уже увѣдомилъ князя Долгорукаго, что по ту сторону рѣки Алатыря все усмирено и пѣтъ болѣе мятежниковъ, а между тѣмъ получилъ отъ него предписаніе идти на Курмышъ. Усмиривъ тамъ мятежниковъ и «урядивъ города,» долженъ былъ отступить къ низовымъ городамъ, соединиться съ княземъ Д. Борятинскимъ, и дѣйствовать съ нимъ совокупно, какъ потребуютъ обстоятельства; а для пополненія своего отряда взять изъ Нижняго 300 человекъ солдатъ, оставленныхъ тамъ для обереганья города. У князя Борятинскаго былъ значительный отрядъ пѣхоты, между тѣмъ какъ вовсе не было конныхъ полковъ; у Леонтьева, напротивъ, при значительномъ количествѣ конницы, былъ недостатокъ въ пѣхотныхъ отрядахъ. Такимъ образомъ, соединясь, два отряда должны были пополнить другъ друга. Такое предписаніе князя Долгорукаго было исполненіемъ царскаго указа, который, въ грамотѣ изъ казанскаго приказа, привезъ ему 23 Декабря стольникъ Бахметьевъ (33). Въ исполненіе того же предписанія, князь Долгорукій отправилъ стольника Любима Бахметьева, съ отрядомъ въ 300 человекъ, въ Алатырскій и Арзамаскій уѣзды приводить жителей къ присягѣ на вѣрность царю. Декабря 6, Бахметьевъ уже извѣстилъ его, что не только Алаторцы и Арзамасцы, но и жители Нижегородскаго и Курмышскаго уѣздовъ, «послыша приходъ ратныхъ людей, въ винахъ своихъ добили челомъ», и приняли присягу. Между тѣмъ одинъ изъ отрядовъ московскихъ войскъ, подъ начальствомъ Феофила Бобровича, въ это время подошелъ къ Ядрину; Декабря 3-го онъ увѣдомилъ уже князя Долгорукаго, что не только Ядринцы раскаялись въ проступкахъ и приняли присягу, но и жители Курмышы прислали къ нему выборныхъ и объявили желаніе присягнуть на вѣрную службу Царю. Дѣйствительно, 5-го Декабря Бобровичъ привелъ къ вѣрѣ, какъ увѣдомлялъ онъ князя

(32) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго въ Декабрѣ. Стр. 138—140.

(33) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Дек. 17, стр. 140—141.

Долгорукаго, и Курмышанъ. Неизвѣстно, по какому предписанію такъ дѣйствовалъ Теофилъ Бобровичъ; кажется, по собственной ревности къ службѣ царской, которая однако же возбуждала зависть въ воеводѣ, имѣвшемъ предписание идти на Курмышъ, въ князѣ Даниилѣ Борятинскомъ. Онъ, кажется, слишкомъ медлилъ, стоя въ Козмодемьянскѣ и ожидая подкрѣпленій изъ Казани. Предъ походомъ въ Козмодемьянскъ отъ Василь-города, онъ послалъ въ Ядринъ Троицкаго монастыря старца Герасима съ посадскимъ человекомъ уговорить жителей раскаяться; но они сбросили старца съ башни, а посадскаго человѣка мучили и жгли. Узнавъ объ этомъ, воевода хотѣлъ было послать отрядъ войскъ противъ Ядрина; но какъ онъ доносилъ князю Долгорукову, услышавъ о походѣ, мятежники оставили городъ, и тогда жители Ядрина прислали къ нему выборныхъ и объявили желаніе принести присягу. Въ то время какъ князь Борятинскій послалъ въ Ядринъ нѣсколькихъ выборныхъ приводить жителей къ присягѣ, они уже были приведены Теофиломъ Бобровичемъ. Въ слѣдствіе ли жалобъ князя Борятинскаго, или иныхъ причинъ, князь Долгорукій, Декабря 6, получилъ царскій указъ, которымъ Бобровичъ отзывался въ Москву. Сообщая о его дѣйствіяхъ, Долгорукій присовокупилъ челобитную жителей Ядрина, которые просили оставить Бобровича у нихъ воеводою; но въ то же время предписалъ товарищу своему Леонтьеву занять Ядринъ и Курмышъ, соединившись съ княземъ Д. Борятинскимъ, продолжать дѣло начатое Бобровичемъ и дѣйствовать вообще въ низовыхъ городахъ. Арзамаскій и Алатырскій уѣзды были уже очищены отъ мятежниковъ и не требовали присутствія войскъ. Но разбойничьимъ шайкамъ, неподалеку отъ Саранска, Князь Долгорукій предписалъ противодѣйствовать своимъ товарищамъ Панину и князю Юрью Борятинскому (34).

Между тѣмъ главное мѣстопробываніе князя Долгорукаго было въ Красной слободѣ, которую онъ избралъ какъ сред-

(34) Тамъ же, отписка кв. Долгорукаго 17 Дек. и 20 стр. 142—149.

ною точку въ отношеніи къ отдѣльнымъ своимъ отрядамъ, дѣйствовавшимъ подъ начальствомъ его товарищей въ разныхъ сторонахъ. Къ нему стекались всѣ отъ нихъ извѣстія, которыя онъ сообщалъ постоянно въ Москву, и самъ часто получалъ оттуда новыя предписанія. Но въ Москву, кромѣ Долгорукаго, сообщали извѣстія и отдѣльные воеводы городовъ, по обязанности, и часто извѣстія приходили иными путями, случайно, и давали поводъ къ новымъ распоряженіямъ. Такъ, въ указѣ, привезенномъ Васильемъ Бахметьевымъ, князю Долгорукому предписывалось принять подъ свое начальство стольника Михаила Михайловича Дмитріева, находившагося въ Касимовѣ, придать ему еще войскъ и отрядъ изъ 100 человекъ, провожавшій Милославскаго изъ Симбирска въ Москву, и поручить ему дѣйствовать противъ мятежниковъ у Арзамаса и Алатыря. Поводомъ къ сему предписанію послужили слѣдующія обстоятельства. Вызванный изъ Симбирска въ Москву, воевода Милославскій, межъ Арзамаса и Алатыря, наѣхалъ на сильный отрядъ мятежниковъ и былъ ограбленъ. По прѣздѣ онъ разсказалъ объ этомъ въ Москвѣ, а въ то же время и Арзамасскій воевода князь Шеисуповъ увѣдомлялъ, что городъ въ страхѣ и постоянно ожидаетъ нападенія мятежниковъ, отъ которыхъ защититься не имѣетъ средствъ. Но отрядъ мятежниковъ, ограбившій Милославскаго, былъ тотъ самый, который потомъ разбитъ былъ Леонтьевымъ, и въ Алатырскомъ уѣздѣ шаекъ мятежниковъ уже болѣе не было. Увѣдомляя осемь, князь Долгорукій писалъ также въ Москву, что послалъ отрядъ на Курмышъ и Ядринъ, а сотня, провожавшая Милославскаго, уже отправлена въ подкрѣпленіе князю Борятинскому (35).

Такимъ образомъ, продолжались военныя дѣйствія противъ разбойничьихъ шаекъ въ низовыхъ и приволжскихъ городахъ. Въ Москвѣ были довольны распоряженіями князя Долгорукаго. Еще 18 Декабря явившійся къ нему стольникъ князь Волконскій объявилъ милостивую похвалу Царя, какъ воеводѣ, такъ и всѣмъ ратнымъ людямъ. По-

(35) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго Генв. 7 стр. 149—151.

лучше въ то же время приказаніе идти на Инсару, Верхній и Нижній Ломовы, онъ увѣдомлялъ, что въ этихъ мѣстахъ уже болѣе нѣтъ мятежниковъ, и все спокойно ⁽³⁶⁾. Но въ то же самое время продолжались военныя дѣйствія въ мѣстахъ около Темникова, Кадома, Шацка и Тамбова, куда отъ Саратова и приволжскихъ городовъ пошли толпы мятежниковъ, во время осады Разнымъ Симбирска; и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Дону пришелъ новыи отрядъ казаковъ, съ атаманомъ Чертенкомъ.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ, въ уѣздахъ шацкомъ и тамбовскомъ, разбойничали отдѣльными шайки, переходя въ разные мѣста; а города Керельскъ и Кадомъ находились въ ихъ рукахъ: послѣдній они взяли приступомъ, убивъ воеводу Безобразова, и угрожали Шацку и Тамбову. Дороги вездѣ были заняты, такъ что войска, посланныя изъ Москвы чрезъ Шацкъ къ кн. Долгорукому, не могли пройти, и просили (Нояб. 13.) «записать ихъ по Шацку» ⁽³⁷⁾, гдѣ надъ войсками начальствовали воевода, думный дворянинъ Яковъ Тимофеевичъ Хитровъ. Изъ Шацка отправленъ былъ отрядъ, въ началѣ Октября, подъ предводительствомъ полковника Зубова, майоровъ Беклемишева, Зыкова и Савельева въ село Конобѣево, гдѣ показались шайки мятежниковъ. Но едва одержали царскія войска надъ ними побѣду, какъ 16 Октября мятежники сдѣлали нападеніе на самый Шацкъ, подъ предводительствомъ атамана Михаила Харитонова, но были отбиты. За тѣмъ тотъ же отрядъ, который ходилъ къ Конобѣеву, 22 Октября посланъ былъ въ тамбовскій уѣздъ въ село Алгасово, гдѣ мятежники укрѣпились лагеремъ. Царскія войска разбили ихъ лагерь, взяли и сожгли. Въ Ноябрь мѣсяцѣ изъ Шацка вновь посылаемы были отряды къ селамъ Сухеву (13) и Ракову (19), вездѣ одержали верхъ надъ мятежниками ⁽³⁸⁾, и отирались на соединеніе съ кн.

(36) Тамъ же, описка кн. Долгорукаго, Декабря 23, стр. 151, № 51.

(37) Тамъ же, описка Хитрова, 5 Дек. № 52. Записная кн. 7179 г. Нояб. 14, ст. 4.

(38) Тамъ же, описка кн. Долгорукаго, Дек. 17 № 53. Записная кн. 7179, Окт. 29, ст. 1, Нояб. 1, ст. 1.

Долгорукииъ къ Темникову, а Шацкъ занялъ Хитровъ. Послѣ разбитія подъ Раковымъ, по извѣстіямъ, полученнымъ отъ языковъ, мятежники бѣжали за лѣсъ къ Верхнему и Нижнему Ломовымъ и устроили засѣку между шацкимъ и кадомскимъ уѣздами у села Устья, чтобы такимъ образомъ, занявъ дороги, не пропустить войскъ къ Кадому. Въ этой шайкѣ находилось не болѣе 40 человекъ казаковъ, остальные состояли изъ крестьянъ разныхъ деревень; пушки они взяли изъ Керенска и Ломовыхъ ⁽³⁹⁾. Стольникъ и воевода Иванъ Лихаревъ разбилъ мятежниковъ въ кадомскомъ лѣсу, Ноября 22. На другой день онъ подступилъ къ Кадому; жители встрѣтили его со крестами и покорялись. По примѣру всѣхъ другихъ городовъ они оправдывали себя въ томъ, что дѣйствовали за одно съ мятежниками, своею слабостію. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ мятежники подступили къ ихъ городу въ значительныхъ силахъ подъ предводительствомъ атамана Луки Федорова, которому они противостоятъ не могли; ибо, говорили они, «городишка ихъ малолюдной.» Назначивъ имъ воеводою до царскаго указа ротмистра Слезиева, Лихаревъ собирався идти къ Темникову вмѣстѣ съ другимъ отрядомъ, который шелъ 6 го Декабря туда же изъ Шацка. Мятежники, укрѣпившіеся близъ села Устья, услышавъ о взятіи Кадома, оставили засѣку и бѣжали ⁽⁴⁰⁾. Послѣ нападенія на Шацкъ ожидали, что мятежники явятся къ Козлову, потому козловскій воевода стольникъ Хрущовъ устроилъ по дорогѣ въ лѣсу засѣку, въ Борецкомъ стану ⁽⁴¹⁾. Между тѣмъ Хитровъ напрасно ожидалъ приходу вспомогательныхъ войскъ изъ бѣлогородскаго полка отъ князя Ромодановскаго и жаловался на малолюдство ⁽⁴²⁾. Однако же по указу царскому къ нему въ Шацкъ, еще въ началѣ Ноября, прислалъ вспомогательный отрядъ тамбовскій воевода Бутурлинъ именно въ то время, когда мятежники, разбитые около Шацка, начали сосредоточиваться

(39) Тамъ же, отписка Хитрова, Дек. 1, № 54.

(40) Тамъ же, отписки Дек. 1, № 55, 56 и 57.

(41) Записи. кн. 7179 г. Нояб. 1, ст. 2.

(42) Записи. кн. 7179. Нояб. 2, ст. 4.

у Тамбова. Когда въ Москвѣ получено было о томъ извѣстіе, Бутурлину повелѣно было немедленно идти въ Тамбовъ и промышленяты надъ воровскими людьми, ссылаясь съ козловскимъ воеводою Хрущовымъ, которому также поручалось помогать Тамбову (43). Несмотря на то, что Хитровъ снова остался одинъ, вѣроятно его отрядъ былъ усиленъ, и онъ посылалъ уже Ноября 23 къ Красной слободѣ, которая въ это время была осаждена мятежниками, полковника Зыкова; а самъ между тѣмъ ожидалъ вѣстей изъ Тамбова отъ воеводы Бутурлина. «Какъ тамъ, писалъ онъ въ Москву, шатость смирится,» собирался онъ идти къ Красной слободѣ, Керенску и Ломовымъ. Зыковъ дошелъ до села Ракова и извѣщалъ, что передъ нимъ въ деревнѣ Зарубкинѣ стоятъ съ 5 т. атаманы Харитонъ да Федька Алексѣевы. Въ лѣсу, чрезъ который онъ долженъ былъ идти, въ трехъ мѣстахъ, устроены засѣки, близъ села Алданова, въ которомъ поставлена стража атаманами. Первая засѣка съ версту отъ села Валова, вторая въ семи верстахъ отъ первой въ Омосевскомъ лѣсу, третья близъ села Зарубкина. Извѣщая объ этомъ, онъ просилъ помощи, а между тѣмъ писалъ также, что атаманы ожидаютъ прихода Разина, который велѣлъ имъ ждать себя, чтобы идти къ Пензѣ (44). Въ началѣ Декабря Хитровъ получалъ извѣстіе, что мятежники, подъ предводительствомъ атамана Михайлы Харитоновъ, взяли Керельскъ и убили тамошняго воеводу Артамона Сергѣевича Безобразова. Харитоновъ, будучи отбитъ отъ Шацка, грабилъ окрестныя деревни и наконецъ пошелъ къ Кадому и взялъ его. По симъ извѣстіямъ Хитровъ 11-го Декабря выступилъ изъ шацкаго уѣзда въ Керельскій лѣсъ, гдѣ мятежники укрѣпились въ засѣкахъ. Послѣ жестокаго и продолжительнаго боя Хитровъ шелъ далѣе и 13 числа того же мѣсяца изъ села Селищъ послалъ передъ собою отрядъ къ Керельску. Большая шайка мятежниковъ встрѣтила отрядъ подъ селомъ Арадовымъ. Отрядъ вступилъ въ бой и въ то же время увѣдомилъ Хит-

(43) Тамъ же, Нояб. 4, ст. 1.

(44) Дѣло о дѣйств. моск. войскъ противъ Разина, отписки Хитрова Дек. 4; отписки Зыкова. № 88 и 89.

рова, прося подкрѣпленія; Хитровъ послалъ къ нимъ помощь немедленно (43). Мятежники укрѣпились обозомъ, но послѣ продолжительнаго боя были разбиты. За тѣмъ 15-го Декабря, приступомъ былъ взятъ и самой городъ Керельскъ. Войдя въ городъ, Хитровъ велѣлъ привести жителей къ присягѣ и на мѣсто Безобразова поставилъ воеводу Дмитрія Харламовича Салманова (44). Дѣйствія войскъ близъ Кадома и Темникова измѣнили распоряженія, составленныя напередъ того въ Москвѣ и неизвѣстныя князю Долгорукому. Въ Ноябрь мѣсяцѣ стольникъ Хлоповъ былъ посланъ въ Касимовъ, чтобы въ Кадомъ, Темниковъ, Верхній и Нижній Ломовы и Керенскъ послать грамоты уговаривать жителей раскаяться въ измѣнѣ, и привести ихъ къ присягѣ. Хотя жители этихъ городовъ, тайно отъ мятежниковъ, изъявили ему готовность принести присягу; но дѣйствія войскъ выгнали и разбили повсюду мятежниковъ. Вслѣдъ за Кадомомъ Лихаревъ занялъ и Темниковъ. Такимъ образомъ посылка Хлопова оказалась излишнею, и потому ему велѣно было ѣхать изъ Касимова и находиться въ полку князя Долгорукаго (45).

Между тѣмъ мятежники сосредоточивались около Тамбова. Въ подкрѣпленіе къ шайкамъ, которыя находились въ его окрестностяхъ, пришелъ съ Дону новый разбойничій атаманъ Никита Чертенюкъ съ 4-мя тысячами казаковъ и до 9-ти тысячъ Калмыковъ. Козловскій воевода пошелъ къ Тамбову и на дорогѣ, Ноября 2-го, въ Бѣльскомъ узналъ, что мятежники взяли въ тамбовскомъ уѣздѣ Лысогорскій острогъ, городки Красноярскій и Бѣлошѣнскій, обобрали военные запасы и пушки и въ числѣ 9-ти тысячъ собрались въ селѣ Горѣломъ. Жители Лысогорья измѣнили, и мятежники, оставивъ острогъ, выбрали изъ Лысогорцевъ атамана Бочкова и есаула Здравнева, которые повѣсили Лысогорскаго голову Малѣва (46). Слѣдуя впередъ, Хрущевъ за

(43) Тамъ же, отписки Хитрова, Дек. 26, № 60 и 62.

(46) Тамъ же, отписка Хитрова, Дек. 26, № 61.

(47) Тамъ же, отписка Хитрова, Дек. 3 и 19, указъ царскій кн. Юр. Долгорукому, № 63, 64, 65 и 66.

(48) Записи, кн. 7179 г. Нояб. 18, ст. 1.

рѣкою Чернавою, подѣ Черкасскимъ острожкомъ, встрѣтилъ казаковъ и лысогорскихъ мятежниковъ. Полдня у него продолжался съ ними бой; двѣ пушки отбили у него мятежники и принудили отступить къ Козлову. Огъ пѣнниковъ онъ узналъ, что въ Лысогорскомъ острогѣ тысячи съ двѣ сосредоточилось мятежниковъ, и десять тысячъ держатъ въ осадѣ Тамбовъ. Нѣкоторые изъ городскихъ жителей измѣнили и прѣстали къ казакамъ, которые «сожгли уже двѣ башни да три прясла острожныхъ, да въ острогѣ дворъ подъяческой, да рядъ весь сожгли, а Тамбовцы де нынѣ сидятъ въ одномъ городѣ» (**).

Стольникъ Бутурлинь, спѣшившій также на помощь къ Тамбову, подѣ Лысогорскимъ острогомъ вступилъ въ бой съ мятежниками, подступилъ потомъ къ Тамбову; но былъ отбитъ и отошелъ къ Шацку. Соединившись потомъ, вѣроятно, съ новыми войсками, вновь подошелъ къ городу и занялъ его; ибо мятежники, узнавъ про движеніе войскъ, сняли осаду Тамбова и отошли въ село Байкино и Кузнику гать, въ семи и пятнадцати верстахъ отъ города (**), въ села Татаново, Кукусово, въ десяти верстахъ и въ Троицкій монастырь, въ 30-ти верстахъ. Бутурлинь не имѣлъ достаточно силъ напасть на мятежниковъ и просилъ помощи (**).

Въ свѣдствіе такихъ извѣстій, полученныхъ въ Москвѣ, были сдѣланы новыя распоряженія о военныхъ дѣйствіяхъ. Декабря 14 въ Красную слободу къ князю Юр. Долгорукому прибылъ изъ Москвы полковникъ Бухвостовъ и вручилъ ему царскій указъ, въ которомъ ему повелѣвалось товарища своего князя Бориса Мышенкаго послать къ Тамбову, чтобы вмѣстѣ съ Бутурлинскимъ дѣйствовать противъ мятежниковъ, а Я. Т. Хитрова по старости и болѣзни отпустить къ Москвѣ. Кн. Долгорукій, получивъ указъ, немедленно (22 Дек.) отправилъ кн. Мышенкаго въ Нижній Ломовъ, поручивъ ему тамъ взять часть войскъ у князя Щербатова.

(49) Тамъ же, Декабря 2, ст. 8, Дек. 23, ст. 4.

(50) Тамъ же, Декабря 16, ст. 2.

(51) Тамъ же, Генв. 9, ст. 3.

идти потомъ въ Керенскъ или туда, гдѣ будетъ находиться Хитровъ, взять его полки и идти къ Тамбову ⁽⁵²⁾.

Между тѣмъ 24 Декабря Хитровъ увѣдомлялъ князя Долгорукаго, что послѣ его похода изъ Шацка, имъ поставленный тамъ воевода Андрей Астафьевъ писалъ къ нему (отъ 22 Дек.), что мятежники собираются въ 40 верстахъ около города въ селѣ Боркахъ. Хитровъ послалъ на нихъ отрядъ подъ предводительствомъ сотеннаго головы Мосолова и шляхетнаго полковника Куроща (изъ полку Швейковского) и спрашивалъ кн. Долгорукаго, если придутъ еще большія вѣсти, то идти ли ему самому изъ Керенска ⁽⁵³⁾. Между тѣмъ, взявъ у князя Щербатова 203 человекъ, князь Мышецкій пріѣхалъ къ Хитрову и принялъ у него 2 т. человекъ ратныхъ людей. Увѣдомля о семъ князя Долгорукаго (отъ 28 дек.), онъ писалъ, что 29 Декабря выступаетъ къ Шацку и Тамбову; вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ его, что часть войскъ Хитровъ удержалъ у себя, вѣроятно потому, что еще не получалъ изъ Москвы указа объ отставкѣ ⁽⁵⁴⁾.—Въ то время, какъ дѣйствовали московскія войска противъ мятежниковъ, имъ помогала другая часть войскъ, находившаяся въ Малороссіи подъ предводительствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго. Послѣ осады Симбирска шайки Разина разбрелись повсюду; появились и въ малороссійскихъ городахъ, гдѣ волновали жителей. Въ то время, какъ усиливали рать князя Долгорукаго, также и полки кн. Ромодановскаго получили значительныя подкрѣпленія, и воеводѣ предписано было дѣйствовать противъ мятежниковъ ⁽⁵⁵⁾. Еще въ Сентябрѣ, 27 числа, одна изъ шаекъ казацкихъ напала на Коротоякъ и была разбита однимъ изъ отрядовъ кн. Ромодановскаго; слухъ носился, что ею предводительствовалъ самъ Фролко Ра-

(52) Дѣло о дѣйствіяхъ моск. войскъ противъ Разина, отписка кн. Долгорукаго, Декабря 20, № 68.

(53) Тамъ же, отписка Хитрова, Декабря 28, № 67.

(54) Тамъ же, отписка кн. Долгорукаго, Января 4, № 69.

(55) Записн. кн. 7179 г. 23 Сент. ст. 5; 26 Сент. ст. 4; 2 Окт. ст. 1; 4 Окт., ст. 7; 10 Окт. ст. 7; 24 Окт. ст. 11 и др.

зайтъ (36). Въ то же время другая шайка подъ начальствомъ Федьки Шадры отправилась къ Рыбному и Ольшанскому городкамъ, ограбила ихъ, перебила воеводу и двинулась къ Острогожску. Находящіеся тамъ на службѣ «Землянскіе Черкасы» измѣнили, выдали воеводу и бѣжали въ Землянскъ, который также волновался. Получивъ объ этомъ извѣстіе отъ землянскаго воеводы Тимофея Чевкина, воевода воронежскій Борисъ Бухвостовъ отправилъ къ нему часть войскъ для обереганія города, а между тѣмъ по указу царскому изготовилъ 66 струговъ въ Воронежѣ для дѣйствія на Дону (37). Между тѣмъ по симъ извѣстіямъ князь Ромодановскій двинулся изъ Бѣлграда къ Острогожску и, занявъ городъ, получилъ извѣстіе о новой шайкѣ воровскихъ казаковъ. Въ началѣ Октября донской казакъ Леско Григорьевъ повелъ конный отрядъ, человекъ съ двѣсти, и на судахъ человекъ со сто пѣхоты Дономъ, напалъ на Царевъ, Борисовъ и на Волюйку (38), а въ то же время въ Чугуевѣ оказалось волненіе. Князь Ромодановскій отправилъ туда полковника Григорія Косогова, предписавъ ему, соединившись съ сумскимъ полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ, дѣйствовать противъ мятежниковъ. Но сумскій полковникъ предупредилъ приходъ Косогова и, соединившись съ отрядомъ полковника рейтарскаго строя Михаиломъ Гоптомъ, пришелъ въ Печенеги. Свѣдавъ про его походъ, казаки оставили Чугуевъ, многіе изъ жителей города ушли съ казаками, а соединенныя войска, малороссійскія и русскія, заняли его безъ бою 17 Октября (39). Едва одинъ изъ городковъ освобождался отъ мятежныхъ казаковъ, какъ ихъ шайка показывалась въ другихъ мѣстахъ. Наканунѣ занятія Чугуева соединенными войсками, мятежники показались у Зяѣва и собирались идти на Харьковъ. Разсѣявшіеся повсюду воровскіе казаки разносили

(36) Тамъ же, Окт. 11, ст. 3. Огниска коротоякскаго воеводы 7 Окт. 1-е Полн. собр. зак. т. 1. № 493.

(37) Тамъ же, Сент. 22, ст. 6; Сент. 23, ст. 4 и 5.

(38) Тамъ же, Окт. 18, ст. 1. Донск. дѣла въ арх. миннут. иностр. дѣлъ, Огниск. волюйскаго воеводы Пасянкоча 7179 г. въ Окт.

(39) Тамъ же, Окт. 26, ст. 2.

письма и волновали народъ. Новая шайка, подъ предводительствомъ опошненскаго жителя Алешки, собиралась идти подъ крайные города—Мерехву, Колонтаевъ и Опошню. Получивъ объ этомъ извѣстіе, князь Ромодановскій писалъ къ гетману малороссійскому Демьяну Многогрѣшному, чтобы онъ немедленно собралъ полки и шелъ къ Галачу; если же ему самому невозможно выдти въ походъ, то чтобы послалъ полковниковъ. По всѣмъ ближайшимъ къ Дону городкамъ начиналось волненіе: Царевъ, Борисовъ, Маяцкій Острогъ, Чугуевъ, Балаклея, Зиѣвъ и Мерехва, лишь выступали изъ нихъ русскія войска, снова подавались мятежникамъ; сами жители убивали воеводъ; изъ Запорожья отправились значительныя толпы на соединеніе съ Разинымъ (60).

Въ такомъ положеніи находилась Малороссія, когда князь Ромодановскій получилъ приказаніе царское отправить часть своихъ войскъ въ Тамбовъ. Немедленно онъ не могъ исполнить приказанія и въ послѣдствіи только, сосредоточивъ свои войска, отправилъ отрядъ къ Тамбову; а самъ перешелъ въ Новый Осколь, оставивъ въ Коротоякѣ отрядъ для наблюденія за дѣйствіями казаковъ (61). Но по мѣрѣ успѣховъ московскихъ войскъ надъ мятежниками, утихало волненіе въ городкахъ придонскихъ и въ Малороссіи: къ Генварю слѣдующаго года князь Ромодановскій перешелъ уже въ Курскъ, отправивъ часть изъ своихъ войскъ въ Козловъ для дѣйствія около Тамбова (62). Въ то время, какъ князь Ромодановскій дѣйствовалъ противъ мятежниковъ, часть той же шайки пробралась на рѣку Плову. Ночью 7-го Октября они подступили къ Чернавскому городку (Чернь); но отраженные отступили къ Юрьевскому броду на рѣкѣ Чернавкѣ. Чернавскій воевода Телѣгинъ послалъ противъ нихъ отрядъ съ боярскимъ сыномъ и подъячымъ Тинковыми; но мятежники ихъ разбили. Когда слухъ дошелъ въ Москву

(60) Тамъ же, Окт. 31, ст. 8.

(61) Тамъ же, Окт. 31, ст. 10 и Нояб. 12 ст. 6; Нояб. 18, ст. 1; Нояб. 22, ст. 4.

(62) Тамъ же, Генв. 3 ст. 4, Генв. 16, ст. 1 и 2.

о появленіи этой шайки, изъ Тулы, Коломны, Богородска, велѣно было ратнымъ людемъ дѣйствовать противъ мятежниковъ. Богородицкій воевода Пелединскій первый пошелъ за ними. Узнавъ про его движеніе, они побѣжали Муромскимъ шляхомъ, между ефремовскимъ и повосильскимъ уѣздами, и грабили села и деревни. Въ то же время часть казацкой шайки показала въ ефремовскомъ уѣздѣ, ограбила нѣсколько селъ и, разбитая стрѣleckимъ головою Замятнинымъ, побѣжала въ степь за рѣку Сосну. Въ слѣдъ за передовыми отрядами выступили и ратные люди изъ Коломны, Дѣдилова и Тулы, и догнали мятежниковъ; но они, не давъ сраженія, побѣжали за валъ подъ Маяцкій городокъ. Московская рать, дойдя до Старого Оскола, возвратилась назадъ ⁽⁶³⁾.

Хотя возстаніе почти повсюду было усмирено, однако въ разныхъ мѣстахъ еще бродили разбойничьи шайки. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ одна изъ шайекъ мятежническихъ пробралась въ галицкой уѣздъ и разбойничала по рѣкѣ Унжѣ, подъ предводительствомъ атамана Илюшки Иванова. Противъ него были посланы воеводы Василій Савичъ Нарбековъ и Иванъ Андреевичъ Вельяминовъ, которые и разбили его 4-го Декабря подъ Унжею близъ Галича и взяли въ плѣнъ 400 человекъ ⁽⁶⁴⁾.

Въ Декабрѣ, не смотря на милостивыя царскія грамоты, разосланныя въ Казань и окрестные города, въ свіяжскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Чутаевѣ, появились мятежники. Посланный изъ Казани отрядъ разбилъ ихъ на голову и отбилъ пушки и знамена ⁽⁶⁵⁾. Между тѣмъ рать князя Долгорукаго продолжала преслѣдованіе; отправивъ передовые отряды къ Шацку и Тамбову, онъ самъ пошелъ за

(63) Тамъ же, Окт. 19, ст. 10; Окт. 21, ст. 3; Нояб. 5, ст.; Нояб. 10, ст. 2; Нояб. 17, ст. 4; Ноябр. 19, ст. 2.

(64) Дѣло о дѣйствіяхъ московск. войскъ противъ Разина: царскія грамоты Нарбекову и Вельяминову Дек. 9. Отписка Нестерова, Дек. 15, № 82, 83 и 84.

Записк. кн. 7179 г. Дек. 5, ст. 10; Дек. 9, ст. 7.

(65) Тамъ же, царскія грамоты кн. Голицыну и въ Казань, № 79—81.

ними и разбилъ мятежниковъ. Такимъ образомъ къ Гепварю мѣсяцу 1671 года окончилась военныя дѣйствія. Къ князю Долгорукому «съ товарищи и всѣмъ ратнымъ людемъ прибылъ отъ царя съ наградою, съ золотыми, стольникъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгоруковъ» (**). Но возстаніе еще не окончилось; хотя значительныхъ шаекъ мятежниковъ уже не было, однако, какъ говорятъ современныя сказанія, «мало не во всю зиму 179 года мятежь былъ. Воры и мятежники людей божіихъ возмутили и сатанинскою прелестью прельстили, что на бояръ, о горе и увы, отецъ на сына и братъ на брата и другъ на друга, изыде со оружіемъ и побивались до смерти, и единоплеменные вездѣ ворами угождали, а жи ихъ люди были рады: гдѣ скажутъ великаго Государя войско солгавъ побили, а люди тому радовались; а какъ скажутъ, что воровъ великаго Государя ратные люди побили, и люди стануть унылы лицомъ и печальны о воровской погибели. И людемъ воры говорили, мы идемъ, чтобы бояръ побить и вамъ дадимъ жить многіе льготные годы, все народъ обманывали. И въ той дьявольской надеждѣ своей Стенька Разинъ съ единомысленики хотѣли святую Церковь обругать; имени великаго Бога и Пресвятыя Богородицы и слышать не хотѣли, а въ своемъ воровствѣ были съ 175 по 179, и невинную христіанскую кровь многую проливали, не щадя и самыхъ младенцевъ (**). Волненіе распространилось далеко; въ самой Москвѣ замѣтны были даже нѣкоторые его признаки (**). Кромѣ побѣдъ надъ вооруженными шай-

(66) Дворцовые разряды, т. III, стр. 871—872.

(67) Извѣстіе о буйств. и злодѣйств. Ст. Разина, взятое изъ росс. Хронографа Ежемѣс. сочиненія и извѣстія объ ученыхъ дѣлахъ, 1763 г. Ноябрь. стр. 420.

(68) Relation des particularitez. Dans la ville memo de Moscou, il y eut des personnes, qui commencerent a parler hautement à son avantage et a dire que Stenko cherchoit le bien public et la liberté du peuple; et pour ce sujet le grand Czar fut contraint d'en faire un exemple public pour epouvanter le reste. Quelqu'un demandant à un certain homme deja agé, ce qu'il faudrait faire en cas qu'il s'approchat de la ville de Moscou, il repondit que le peuple devoit aller au devant de luy, et le recevoir en luy presentant le pain et le sel; ce parmi les Rossiens est une marque de tendresse et d'amitié, et pour avoir dit

ками строгія дѣйствія воеводъ противъ мятежниковъ, взятыхъ въ плѣнъ съ боя, а въ то же время полное помилованіе тѣхъ лицъ, селъ и городовъ, которые добровольно раскаявались въ преступленіи и выдавали зачинщиковъ, мало по малу укротили волненіе. Въ царскихъ грамотахъ въ Декабрѣ этого года уже говорилось: «которые люди къ вору пристали, отъ нашихъ ратныхъ людей побиты, и то тѣмъ людямъ учинилось отъ него вора и измѣнника Стеньки Разина и отъ своего ихъ полоумія для того, что они воровской прелести повѣрили. А которые люди воровскую прелесть познали, и намъ великому Государю въ винахъ своихъ добили челомъ, и по нашему указу живутъ они въ домахъ своихъ по прежнему безъ всякаго разоренія» (69). Станъ воеводы былъ и мѣстомъ суда и расправы надъ виновными. Каждый взятый въ плѣнъ мятежникъ былъ подвергаемъ допросамъ и пыткамъ, и наказываемъ по мѣрѣ вины, даже смертию. Это право давалось воеводамъ наказами царскими, которыми поручалось имъ «сыскавъ пущихъ заводчиковъ, велѣть казнить смертію, чтобъ однолично вездѣ воровство искоренить, а заводчиковъ воровскихъ всѣхъ вывести вскорѣ» (70).—Хотя въ Москвѣ праздновали побѣды и награждали воеводъ; однако не считали возмущенія совершенно усмирненнымъ, пока Разинъ еще былъ живъ (71) и находился на Дону. Московское правительство принимало новыя мѣры. Царь, по совѣту съ патриархомъ Іоасафомъ и соборомъ всего духовенства, рѣшили отлучить Разина отъ Церкви, какъ «вора, который лжно и тайно воуетъ на святую Церковь.» Марта 12-го, въ недѣлю православія, въ соборномъ храмѣ Успенія въ Москвѣ, ему провозглашена была торжественно анаѳема (72).

cela cet homme fut pris et pendu. Environ ce temps la un des partisans de Stenko fut ammené dans la meme ville de Moscou; il avoit entrepris d'aller de tous cotez pour débaucher le peuple de l'obeissance de grand Czar; mais il recut la recompence qu'il meritoit: on luy coupa un bras et une jambe et sur le champ il fut pendu à une potence.

(69) Дѣло о дѣйствіяхъ московскихъ войскъ противъ Разина, N 67.

(70) Тамъ же NN 69 и 70.

(71) Полное Собр. Зак., т. 1, N 493.

(72) Древний росс. вивлюевика, т. XVIII, стр. 426 и слѣд.

Въ то же время донскимъ казакамъ предписано было поимать Разина и представить въ Москву, а князю Ромодановскому помогать имъ (73).

Между тѣмъ, послѣ неудачной осады Симбирска, разбитый Разинъ съ немногими казаками побѣждалъ Волгою внизъ къ Саратову и Самарѣ. Но жители этихъ городов, не смотря на то, что находились еще во власти казаковъ, его не приняли. Онъ отправился на Донъ и тамъ въ Кагальникѣ прибиралъ новую шайку (74). Но это не такъ было легко, какъ прежде; съ постояннымъ удаленіемъ съ Дона къ Стенькѣ Разину въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всѣхъ безломныхъ, гулящихъ казаковъ, народонаселеніе Дона очищалось постепенно, внутреннее волненіе умиралось. Казаки, услышавъ о пребываніи въ Кагальникѣ Разина, не только не присоединялись къ его шайкѣ, но по призыву старшинъ собрались всѣмъ войскомъ и пошли противъ него, въ исполненіе предписанія царскаго (75). Апрель 14-го они взяли приступомъ Кагальникъ и сожгли, разбили шайку Разина и его самого съ братомъ его Фролкою взяли въ плѣнъ и подъ стражею отправили въ Царю (76). Самъ атаманъ Корнилъ Яковлевъ провожалъ его до Москвы. На пути Фролко былъ печаленъ и постоянно упрекалъ своего брата; но Стенька не терялъ присутствія духа и, утѣшая его, говорилъ, что въ Москвѣ ихъ примутъ съ почестями. За нѣсколько верстъ отъ Москвы, на подходемъ стану, ихъ встрѣтила телѣга, на которой стояла висѣлица. Стеньку переодѣли изъ дорогихъ одеждъ въ одежду преступниковъ, поставили на телѣгу, на шею надѣли цѣпь и прикрѣпили въ верхней плахѣ висѣлицы, руки такими же цѣпями къ боковымъ столбамъ, ноги были то же въ оковахъ. Фролко шелъ за телѣгою, прикованный къ ней также цѣпью. Такимъ образомъ, при огромномъ стеченіи народа, преступники вступили въ Москву. Опустивши го-

(73) Полн. собр. зак. Т. I. № 491. Акты арх. ком. 4. IV, № 183.

(74) Собран. госуд. грамотъ и догов. IV. № 78.

(75) Акты арх. комис. IV. № 185.

(76) Тамъ же, и извѣстіе о бунтѣ Разина, стр. 421.

лову и не смотря ни на кого, ѣхалъ Разинъ по улицамъ моекскимъ. Послѣ допросовъ и пытокъ, о которыхъ не сохранилось извѣстій, онъ былъ казненъ 6-го Іюня 1671 года. Когда взвели его вмѣстѣ съ братомъ на лобное мѣсто и прочли приговоръ, въ которомъ излагались всѣ ихъ преступленія, и къ Стенькѣ приблизился палачъ, онъ нѣсколько разъ перекрестился, глядя на Казанскій соборъ, на три стороны поклонился народу, прося прощенія. Ему отрубили прежде правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно и наконецъ голову. Но потомъ, когда взвели на мѣсто казни его брата, онъ закричалъ: *слово и дѣло*, говоря, что прежде смерти долженъ объявить Царю важную тайну. Это обстоятельство отсрочило казнь Фролки. При новыхъ допросахъ, Іюня 8, онъ сказалъ, что «отъ многой пытки онъ въ память не пришелъ» и потому забылъ объявить, что послѣ того какъ Разинъ ограбилъ Бухарскій дворъ въ Астрахани, онъ всѣ товары отдалъ будто бы на сохраненіе митрополиту, которые и доселѣ хранятся у него. Сверхъ того въ Царицынѣ, у названнаго имъ посадскаго человѣка, хранится будто бы имущество его брата, и наконецъ, что на одномъ островѣ на Дону близъ урочища Прорвы, въ засмоленномъ денежномъ кувшинѣ, Разинъ зарылъ подъ вербою всѣ приходившія къ нему письма. Показаніе оказалось несправедливымъ: письма не были найдены; но оно отсрочило на нѣсколько дней казнь Фролки, которому въ послѣдствіи уже отрубили голову.

Г Л А В А VI.

Новое возмущеніе астраханскихъ казаковъ. Сношенія ихъ съ Оелькою Шелудякомъ. Убіеніе астраханскаго митрополита Іосифа. Окончательное усмиреніе мятежа. Взятіе Астрахани Милославскимъ.

Въ продолженіе этого времени, когда мятежъ почти совершенно былъ укрощенъ, Астрахань еще находилась въ

рукахъ казаковъ : грабежи и убійства продолжались по прежнему, мирные изъ жителей не смѣли ничего предпринять, при первой возможности оставляли дома и бѣжали. Митрополитъ Іосифъ, постоянно обличавшій мятежниковъ, и архіепископъ Θεодосій, слѣдовавшій его примѣру, съ нѣкоторыми изъ духовенства, находились подъ наблюденіемъ постояннымъ и угрозами. Едва прошло 6-ть недѣль послѣ убіенія воеводы, 3-го Августа вспыхнулъ новый мятежь въ городѣ. Одна часть жителей возстала противъ другой и перебили многихъ. По улицамъ бѣгали толпы разъяренныхъ убійцъ и ворвались наконецъ на дворъ митрополитчій. Тамъ укрылся отъ нихъ промышленникъ государевъ Иванъ Турчанинъ, котораго за что-то они искали убить. Мятежники явились къ митрополиту, требовали, чтобъ онъ выдалъ промышленника; услышавъ отказъ, бранили его, собирались убить вмѣстѣ со всѣми домашними, и наконецъ оставили, объявивъ однако же, что ему не уцѣлѣть! Вражда къ митрополиту мятежныхъ казаковъ возрастала все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ они получали извѣстія объ успѣхахъ царскихъ войскъ, о постоянныхъ неудачахъ Разина и мелкихъ его отрядовъ, разсыпавшихся по всѣмъ краямъ юговосточной Россіи. Они подозрѣвали его въ сношеніяхъ съ Москвою, укоряли, что онъ мирволить боярамъ и хочетъ ихъ выдать: на увѣщанія отвѣчали бранью и угрозами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они ссорились и между собою, при раздѣлѣ добычи хотѣли даже убить одного изъ своихъ атамановъ Фельку Шелудяка, который и бѣжалъ изъ Астрахани въ Царицынъ. Ноября 2-го числа юртовскіе Татары принесли къ митрополиту царскую грамоту къ астраханскимъ жителямъ и казакамъ, которую привезъ къ нимъ узденъ князя Каспулата Муцаловича Черкаскаго. Послѣ утрени митрополитъ призвалъ къ себѣ въ келью болгарскаго сына Петра Золотарева и, прочтя грамоту, заплакалъ, удивляясь милости Царя. Въ грамотѣ, отъ 27 Сентября писанной «великимъ письмомъ», изъ Казеннаго приказа, Государь увѣщевалъ ихъ раскаяться, «принести вины», обѣщая полное прощеніе всего прошлаго. Митрополитъ приказалъ списать три списка съ грамоты, на случай, если казаки от-

нимуть подлинную: одинъ хотѣлъ оставить въ соборѣ, другой въ своей домово́й церкви, а третій у себя. Съ однимъ изъ списковъ онъ отправилъ соборнаго ключаря Федора Негодяева и вмѣстѣ съ вознесенскимъ игуменомъ Сильвестромъ къ казакамъ, велѣлъ имъ прочесть грамоту и уговаривать, чтобы раскаялись. Вмѣсто раскаянiя казаки взволновались: митрополитъ самъ слагаетъ у себя грамоты, говорили они, и хочетъ насъ выдать боярамъ. На другой день митрополитъ приказалъ благовѣстити въ большой колоколъ. Жители Астрахани собрались въ соборъ, а казаки сошлись на дворѣ своего атамана Васьки Уса. Съ наперти соборной священникъ, облачившись въ ризы, по приказанiю митрополита, прочелъ царскую грамоту народу и подалъ ее потомъ митрополиту. Нѣсколько казаковъ, тутъ находившихся, вырвали грамоту у него изъ рукъ, и въ отвѣтъ на обличительныя увѣщанiя отвѣчали бранью, угрожали сбросить съ роската, посадить въ воду или въ заточенiе. На другой день казаки взяли ключаря, допрашивали съ пытками, кто сложилъ грамоту, и если у митрополита съ нея списки. Узнавъ, что есть, они послали есаула взять ихъ (1). Послѣ успѣшныхъ дѣйствiй русскихъ войскъ противъ мятежниковъ, когда ихъ толпы повсюду были истреблены, изъ Москвы вновь посланы были царскiя милостивыя грамоты въ города, находившiеся еще во власти казаковъ, и между прочимъ и въ Астрахань. Юртовскiе Татары привезли грамоту и, опасаясь войти въ городъ, остановились за Волгою, и послали извѣстить казаковъ и митрополита. Получивъ извѣстiе о царской грамотѣ, митрополитъ послалъ соборнаго священника Петра объявить о томъ старшинамъ казацкимъ и уговаривать ихъ раскаяться. Снова началось волненiе; казаки собрались на площадь. Митрополитъ явился самъ въ казацкiй кругъ и говорилъ, что Татары привезли государеву призывную грамоту; послать за ней онъ опасался, потому, чтобы не обвинили его какъ прежде, будто бы онъ самъ слагаетъ грамоты. «Вы же,

(1) Сказанiе лѣтописи о градѣ Астрахани.

продолжалъ митрополитъ, пойдите сами и принесите ко мнѣ, а великій Государь—свѣтъ милостивъ, выпи вамъ отласть.» Казаки отвѣчали, что не смѣютъ безъ воли атамана, и пошли извѣстить Ваську Уса. Это было на страстной недѣлѣ въ великую пятницу; митрополитъ прямо съ площади отправился въ соборъ, гдѣ читались мессимоны. Вдругъ во храмъ явился Васька Усъ съ казаками и началъ укорять и бранить преосвященнаго. Нѣсколько разъ потомъ онъ присылалъ къ нему своихъ казаковъ, требуя будто бы находящихся у него и сочиненныхъ имъ грамотъ. Наконецъ принесъ подлинную грамоту посланной къ Татарамъ казакъ, и отдалъ митрополиту въ соборѣ. При казакахъ и ихъ атаманѣ, митрополитъ распечаталъ грамоту и хотѣлъ прочесть; но казаки не стали слушать и удалились изъ храма. Прислано было двѣ грамоты, одна призывная къ казакамъ и жителямъ Астрахани, другая къ митрополиту. Казаки собрали кругъ. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ, взявъ съ собою грамоты, самъ отправился къ нимъ «съ великимъ дерзновеніемъ», какъ говоритъ современное сказаніе. Протопопу Іоанну онъ поручилъ въ слухъ прочесть объ грамоты. Но казаки не думали расквашаться: поднялся шумъ. «Ты переписываешься съ боярами, съ Терекомъ и Довомъ и по твоимъ письмамъ отъ насъ отложились и Донъ и Терекъ. Довольно тебѣ чинить смуты, слагать самому или съ боярами грамоты. Если бы эта грамота была царская, то при ней бы находилась красная печать!»— «Не тѣ дни теперь, продолжали съ угрозою казаки, а то узналъ бы ты насъ молодцовъ; тужить по тебѣ роскатъ». Митрополитъ продолжалъ увѣщаніе, обращаясь къ жителямъ городскимъ: «Вы должны схватить измѣнниковъ и заключить ихъ, а васъ Государь помилуетъ». «Кого схватить, отвѣчали казаки; если мы воры, то всѣ; приходитъ святая недѣля, а то бы не миновать тебѣ наказанія». Ни что не дѣйствовало на митежниковъ; они отняли царскую грамоту къ Астраханцамъ у митрополита, но грамоты, къ нему писанной, онъ не отдалъ казакамъ и положилъ ее въ соборной церкви. Казаки, опасаясь вѣроятно самыхъ жителей, отправили ставицу въ Царицынъ къ Осѣлкѣ Шелу-

дяку, увѣдомляя его о случившемся, и просили прислать еще казаковъ (2), которыхъ оставалось не много въ Астрахани; ибо перелѣ тѣмъ большая часть ихъ отправилась къ Симбирску.

Упрекъ митрополиту, что по его письмамъ отложились Терекъ и Донъ, даютъ поводъ предполагать, что тогда свѣдѣніе, если не о поимкѣ Разина Донскими казаками, то о томъ, что они собираются противъ него дѣйствовать, уже достигло до Астрахани. Послѣ занятія Астрахани, казаки два раза посылали на Терки, заняли городъ и ограбили воеводу (3). Пограничная крѣпостца не могла противустать казакамъ, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами. Крымскій ханъ вошелъ въ сношеніе съ Васьюкою Усомъ и собирался напасть на русскую Украину. Калмыки, или дѣйствовали вмѣстѣ съ казаками, или вели войну междоусобную. Гребневскіе казаки, къ которымъ приходили новыя шайки съ Дона, первоначально не были надежны; но потомъ, какъ на Дону мало по малу надъ буйными бродягами взяли верхъ люди благомыслящіе, а на Куму не являлось болѣе выходцевъ съ Дону, страна вокругъ Терковъ не могла считаться преданною казакамъ, тѣмъ болѣе что кн. Каспулатъ Музаловичъ Черкасскій оставался постоянно вѣрнымъ Россіи. Мятажники держались только въ Астрахани и Царичинѣ; но и тутъ между атаманами обоихъ городовъ не было дружбы.

Въ то время, какъ Васька Усь послалъ просить помощи къ Ѳелькѣ Шелудяку, онъ шелъ подъ Симбирскъ, вмѣстѣ съ Астраханскими казаками. Вѣроятно простой грабежъ былъ цѣлю и послѣдняго похода, хотя въ послѣдствіи, при допросахъ, Шелудякъ и говорилъ, что пошолъ подъ Симбирскъ съ тѣмъ, чтобы «бить челомъ Великому Государю въ винахъ своихъ», слагая вину военныхъ дѣйствій противъ Симбирска на Астраханцевъ, находившихся подъ

(2) Акты истор.: Т. IV. № 226. № IV, сходно со спискомъ съ дѣла, которое подаю въ Астр. б. и в. кн. Якову Никитичу Одосвскому.

(3) Акты ист. IV № 202, XXXVII.

начальствомъ Федорова, Красулина, Дементьева и Самары (4).

Во время втораго приступа казаковъ къ Симбирску, воеводою тамъ былъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, опредѣленный осенью прошлаго года, на мѣсто Милославскаго, отозваннаго въ Москву. Предъ этимъ временемъ Симбирскъ сгорѣлъ; ратныхъ людей въ немъ было немного, и казаки надѣялись скоро взять его, устроили вокругъ шанцы и начали осаду. Воевода послалъ противъ нихъ вылазку съ стрѣлцкимъ головою Никифоромъ Колобовымъ, который разбилъ казаковъ; приступы ихъ были отражены, и наконецъ воевода напалъ на ихъ лагерь, взялъ пушки, оружіе и порохъ. Разбитые казаки, въ числѣ трехъ тысячъ, побѣжали къ низовымъ городамъ (5).

Между тѣмъ какъ на Дону дѣла приняли оборотъ мирный, въ Астрахани казаки постоянно волновались; они дозрѣвали митрополита въ сношеніяхъ съ Москвою, а потому взяли и допрашивали находившихся при немъ боярскихъ дѣтей и соборнаго ключаря, кто слагаетъ у нихъ съ митрополитомъ грамоты. Допросы ни къ чему не повели; они мучали напрасно ключаря и наконецъ убили. Послѣ того казаки составили свою грамоту отъ себя и всѣхъ астраханскихъ жителей, въ которой обѣщались жить между собою мирно и идти къ Москвѣ противъ бояръ. Они принуждали митрополита приложить къ ней руку; но онъ отказался (6).

Федька Шелудякъ по требованію Астраханцевъ, на походѣ къ Симбирску, изъ Царицына, послалъ имъ 500 человекъ

(4) Тамъ же, N 202. XLIV. По показаніямъ самихъ мятежниковъ (тамъ же N LXVIII) убить митрополита астраханскій послѣ возвращенія Федьки Шелудяка изъ-подъ Симбирска; между тѣмъ въ грамотѣ царской къ бѣлозерскому архіепископу Симону о прекрщеніи возмущенія (соб. госуд. грам. и догов. IV, N 77) говорится: «и о томъ о всемъ они изъ Астрахани къ Федькѣ Шелудяку писали, и онъ Федька угодникъ діавола обрадовался тому убіенію, пошелъ надежно подъ Симбирскъ.» — По показанію Кочановскаго онъ убить во время похода Шелудяка на Симбирскъ, Акты истор. LV, № 226, VI.

(5) Тамъ же, N 202. XLIV.

(6) Акты истор. IV, N 202. CVII, стр. 428, 443.—N 226, IV, стр. 490.

есть иноземцем Кочановскимъ. Когда казаки пришли въ Астрахань, Васька Усь собралъ кругъ ⁽⁷⁾. Казацкій кругъ собрался 11-го Мая, и Кочановскій объявилъ казакамъ, что Шелудякъ поручаетъ имъ убить митрополита и воеводу князя Львова, за то, что они переписываются съ Терекомъ и Дономъ ⁽⁸⁾. Митрополитъ находился въ это время въ соборѣ и готовился служить; совершалась проскомидія, въ то время какъ пришли въ соборъ казаки и потребовали митрополита въ ихъ кругъ. Онъ отвѣчалъ казакамъ: «Погодите, пока облачусь въ архіерейскую одежду». Пока облачался митрополитъ, казаки, дожидаясь на паперти, говорили: «Что де не вздумалъ бы митрополитъ съ попами запереться въ алтарь, мы и оттуда вытащимъ». Облачившись, митрополитъ велѣлъ благовѣстить въ большой колоколь, а самъ съ соборными и своими крестовыми священниками пошелъ въ кругъ. По звону собрались было и нѣкоторые священники приходскихъ церквей; но казаки ихъ не допустили въ свой кругъ. «За чѣмъ вы призвали меня?» говорилъ митрополитъ, войдя въ кругъ, и обращаясь къ Васькѣ Усу. «Что же ты стоишь», сказалъ Усь, обращаясь къ Кочановскому, «говори, зачѣмъ присланъ отъ войсковаго.—Я присланъ съ рѣчами», отвѣчалъ Кочановскій. Зачѣмъ ты переписываешься съ Терекомъ и Дономъ; по твоимъ письмамъ они отъ насъ отложились?»—«Я не переписывался ни съ Терекомъ ни съ Дономъ», возразилъ митрополитъ, а вамъ совѣтую обратиться на путь истинный и раскаяться предъ Великимъ Государемъ въ своихъ преступленіяхъ». Поднялся шумъ между казаками. «Онъ скрываетъ свою переписку», говорили они, «за чѣмъ пришелъ къ намъ съ крестомъ, какъ будто къ иновѣрнымъ, мы сами христіане; онъ хочетъ оградить себя крестомъ». Нѣсколько человекъ выступило изъ круга, чтобы снять съ митрополита облаченіе; но одинъ ихъ же казакъ началъ возбранять имъ, говоря: «Что вы братья хотите наложить руки на такой великій святительскій санъ; къ нему и приступить невозможно». Возраженіе толь-

(7) Акты истор. IV, № 202, XLIV и LXVIII.

(8) Акты истор. IV, № 226, VI.

ко раздражило мятежниковъ; въ глазахъ митрополита они убили казака. Однако его слова имѣли дѣйствіе: казаки не смѣли прикоснуться къ святительской одеждѣ, а съ бранью и побоями требовали, чтобы священники разоблачили митрополита.

Видя буйство казаковъ, съ полнымъ присутствіемъ духа, митрополитъ отдалъ крестъ одному изъ священниковъ, снялъ самъ митру и панагію, и отдалъ другимъ. Одинъ изъ священниковъ началъ было разоблачать его, но не умѣлъ. Тогда митрополитъ, посмотрѣвъ вокругъ, замѣтилъ въ сторонѣ протодіакона и сказалъ: «Что же ты стояшь и не разоблачаешь: мой часъ уже пришелъ». Протодіаконъ снялъ одежды святительскія и отдалъ священникамъ. Митрополитъ остался въ одной черной рясѣ безъ камилавки; онъ снялъ камилавку съ одного изъ священниковъ и надѣлъ на голову (*).

«До васъ намъ дѣла нѣтъ», говорили козаки священникамъ и выгнали ихъ изъ круга, а митрополита повели на пытку въ зеленой дворъ. Привязавъ руки и ноги къ дереву, его бросили на огонь. На немъ загорѣлась ряса; палачъ разорвалъ ее въ куски, и, наступив ногою на животъ, спрашивалъ о перепискѣ. Митрополитъ не отвѣчалъ ни слова. Наконецъ допрашивали, имѣтъ ли у него денегъ. Отправляясь въ кругъ къ казакамъ, митрополитъ отдалъ казначею Серапіону всѣ бывшія у него деньги 170 руб., поручивъ 100 руб. раздать бѣднымъ. Не выдержавъ пытки, онъ объявилъ объ этомъ казакамъ, которые и отняли деньги у казначея (**). Когда послѣ пытки его повели къ раскату, онъ хромалъ; проходя мимо убитаго казака, который воспрепятствовалъ мятежникамъ разоблачать его, благословилъ его рукою и помолился на соборную церковь. Его взвели на раскатъ, посадили на вершинѣ противъ собора и хотѣли сбросить; «онъ же великій Святитель, говоритъ современное сказаніе, яко человекъ устршился и ухватился за казака, мало не сволокъ его съ собою; они же воры того

(* 9) Тамъ же, № 226, IX и X.

(10) Тамъ же, № 226, 1.

казака удержали, положили на бокъ митрополита и бросили съ колоколни». «А какъ онъ упалъ на землю, продолжаетъ сказаніе, и въ то время великъ стукъ и страхъ бысть, они же воры въ кругу вси устрашишася и замолчала на долгое время, съ треть часа стояще, повѣся головы, и ничего другъ другу не промолвили и изумлѣлися». Митрополитъ упалъ близъ двери колоколни головою и разбилъ правую щеку. Священники вышли было изъ собора и бросились къ нему; но казаки ихъ прогнали. Священники плакали въ соборѣ, а казакамъ, говорить предавіе, слышался тамъ большой шумъ: человекъ съ 15 бросилось изъ нихъ съ обнаженными саблями въ соборъ и выгнали вонъ священниковъ.

Черезъ нѣсколько времени протопопъ съ священниками взяли тѣло митрополита, на коврѣ внесли въ соборную церковь и приготовили къ погребенію, которое совершили на другой день. Въ это же время убили и князя Львова, находившагося у нихъ въ плѣну со взятія Астрахани» (11).

Послѣ убіенія митрополита многіе видѣли, какъ нѣскольکو дней сряду на раскатѣ горѣли три свѣчи «и отъ средней свѣчи аки искры и пламя велико, и надъ нею аки кубиць. И такое чудо было не за обычай» (12).

Это были послѣднія преступныя дѣла мятежниковъ; изъ Москвы шли уже рати царскія съ бывшимъ воеводою Симбирскимъ бояриномъ Милославскимъ осаждать Астрахань. Волненіе повсюду утихло.

Черезъ два дня послѣ убіенія митрополита, казаки собрали кругъ и сложили грамоту отъ себя и всѣхъ Астраханцевъ, въ которой написали: «что атаманы, и всѣ козаки Донскіе, и Терскіе, и Гребенскіе, и пушкарни, и загишники, и посадскіе люди, и съ гостина двора торговые люди, написали межъ собою письмо, что жить здѣсь въ Астрахани въ любви и въ совѣтѣ, и никого въ Астрахани не побивать, и стоять другъ за друга единомушно, и идтить нямъ вверхъ, къ Москвѣ, и побивать, и выводить измѣнниковъ

(11) Тамъ же, IV, Л² 226, IV.

(12) Тамъ же, Л² 226, XIV, XV.

боярь». Заставили приложить руки всѣмъ сословіямъ и даже духовнымъ, и положили грамоту въ Троицкомъ монастырѣ (13).

Ненависть казаковъ къ боярамъ выражалась при всѣхъ случаяхъ. Во время второй осады Симбирска казаки писали къ Шереметеву, что готовы «добить челомъ Великому Государю»; но боярь называли измѣнниками и особенно князя Юрья Алексѣевича Долгорукаго и оружейничаго царскаго Богдана Матвѣевича Хитрово. Когда Царь за мужественное отраженіе непріятелей прислалъ стольника князя Волконскаго объявить свою милость воеводамъ Симбирскимъ и всѣмъ служилымъ людямъ, ему поручалось однакоже замѣтить воеводамъ объ этихъ письмахъ, что они писаны «не такъ какъ винные добиваютъ челомъ», и потому воеводамъ и слѣдовало отвѣчать казакамъ «у Великаго Государя нѣтъ измѣнниковъ никого, а служатъ ему вѣрно» (14).

Одинъ отрядъ изъ нихъ, въ числѣ двухъ тысячъ чело-вѣкъ, остановился на луговой сторонѣ Волги въ Надѣинскомъ усолѣ, вошелъ въ переписку съ Симбирскими воеводами и потомъ отправился въ Самару въ ожиданіи царскаго отвѣта. Шереметевъ послалъ въ Самару иноземца Исаю Дубовскаго уговаривать ихъ и «саратовскаго уѣзда и другихъ верховыхъ городовъ людей, которые приступили къ воровству», чтобъ они раскаялись и присягнули на вѣрность Государю. Жители Самары и другіе окрестные охотно согласились отложиться отъ казаковъ и послали челобитную къ Симбирскимъ воеводамъ на имя Государя. Въ Самарѣ оставалось уже незначительное количество казаковъ; всѣ Саратовцы, Красноярцы, Астраханцы, послѣ разбитія казаковъ подъ Симбирскимъ, разошлись по домамъ, равно Яицкіе казаки и большая часть Донскихъ. Изъ Царицына они постоянно бѣжали обратно на Донъ и просили атамановъ дозволить имъ жить тамъ мирно (15).

(13) Тамъ же, IV, № 202, стр. 430, 433, 434.

(14) Акты археол. ком. IV. № 186.

(15) Донск. дѣл. въ архивѣ министер. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, 1671 г. № 5.

На Дону водворилось совершенное спокойствие. Когда изъ Москвы отпущена была станица казацкая, провожавшая Разина, она привезла грамоту, въ которой Царь благодарилъ казаковъ за ихъ вѣрность и поручалъ имъ послать отъ себя въ Астрахань, Черный Яръ, Саратовъ и Царицынъ угогаривать находившихся тамъ казаковъ, чтобы они выдали Оельку Шелудяка и Ваську Уса, и раскаялись въ своемъ преступленіи. Исполняя предписаніе царское, казаки посылали въ Царицынъ. Тамошніе казаки и жители городскіе отвѣчали, что готовы покориться Государю. Послѣ похода къ Астрахани Оельки Шелудяка, къ нимъ приходилъ было съ 300 казаками атаманъ Максимъ Осиповъ, вѣротно пробираясь въ Астрахань, куда сосредоточивались въ это время всѣ мятежники, хотѣлъ было взять городскую казну, пушки, порохъ и свинецъ; но они ему не дали, дрались съ нимъ и разбили. Безпрерывно перебѣгавшіе изъ Царицына на Донъ казаки разказывали, что «у нихъ не спокойно, и межъ собою дерутся, и съ Царицына отъ него уходятъ, чтобы гдѣ свои головы спасти» (16). Желая избавиться отъ казаковъ, изъявляя готовность раскаяться, жители приволжскихъ городовъ опасались однако же мятежниковъ, еще владѣвшихъ Астраханью. На Дону войсковые старшины не смѣли принимать выходцевъ съ Волги, однако они прибѣгали безпрерывно и производили смуты. Когда изъ Москвы отправленъ былъ въ обратный путь на Донъ атаманъ Корниль Яковлевъ и Михайло Самаренинъ, находившійся тамъ съ тѣхъ поръ, какъ привезъ Разина, съ ними отправлено было царское жалованье, и хлѣбные запасы Донцамъ съ стольникомъ Косоговымъ. Проѣзжая верхніе казацкіе городки, они объявляли повсюду милость царскую и уговаривали служить вѣрно. Хотя казаки повсюду изъявляли готовность, однакоже они замѣчали, «что въ верхнихъ городкахъ еще было шатко». Но въ Черкасскѣ ихъ приняли съ радостію и почестями. Они прибыли въ Августъ мѣсяцѣ, 4-го дня.

(16) Въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, Донскіи дѣла 180 года, прил.

Казаки ихъ встрѣтили версты за три отъ города, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, когда они входили въ Черкасскъ; на другой день былъ собранъ кругъ. Объявивъ милость царскую и привезенные запасы казакамъ, Косоговъ требовалъ, чтобы они вновь присягнули на вѣрность Государю. Казаки благодарили за милость, особенно за хлѣбные запасы; ибо нѣсколько разъ уже жаловались прежде, что у нихъ на Дону голодъ. Дѣйствительно, по случаю возмущенія Разина всѣ торговые подвозы изъ Россіи остановились, и хлѣбъ на Дону значительно вздорожалъ. Послѣ круга казаки служили молебень о здравіи Царя и его семейства. Но въ отношеніи къ присягѣ возникли споры. Многіе « молодчіе » казаки не хотѣли присягать въ другой разъ, обѣщаясь и такъ служить вѣрно; но старшины настояли. Собирались нарочно три круга, и на послѣднемъ рѣшено было принести присягу, а кто откажется, того казнить смертію по войсковому праву. Въ продолженіи этого времени по всѣмъ куренямъ запрещено было продавать вино.

Наконецъ 29 Марта собрался новый кругъ, и казаки привяли присягу, и въ слѣдъ за тѣмъ положили, въ исполненіе воли царской, идти подъ Астрахань противъ оставшихся еще мятежниковъ. Изъ Черкасска назначалось изъ десяти по одному, ибо они слѣдали уже походъ подъ Кагальникъ; отъ Черкасска до Паншина — третья часть, а отъ Паншина до Мигулина половина казаковъ назначалась въ походъ (17).

Но еще во время пребыванія Косогова на Дону пришло извѣстіе, что бояринъ Милославскій уже подошелъ къ Астрахани, а въ слѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что Крымскій ханъ съ большимъ войскомъ переходитъ Донъ. Незвѣстно было, куда предприметь онъ походъ, но слѣдовало быть осторожными на Дону, и потому походъ казаковъ подъ Астрахань не состоялся.

Въ это время войска, посланные съ Милославскимъ изъ Москвы еще весною, медленно подвигаясь къ Астрахани, пришли только къ 1-му Сентября. Между тѣмъ умеръ

(17) Тамъ же, грамота Донскаго атамана къ Царю отъ 179 года.

Васька Усь, и на его мѣсто атаманомъ былъ избранъ Оедька Шелудакъ, прибывшій въ Астрахань изъ Царицына. Узнавъ о приближеніи московскихъ войскъ, онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу рѣкою, на стругахъ; но былъ разбитъ и возвратился назадъ. Бояринъ Милославскій безъ сопротивленія подошелъ къ самому городу и устроилъ станъ при впаденіи рѣки Балды въ Волгу, на луговой сторонѣ, обнеся его кругомъ земляными укрѣпленіями.

Милославскій безъ кровопролитія желалъ овладѣть городомъ; нѣсколько разъ онъ посылалъ къ жителямъ и казакамъ объявить, чтобы они сдали городъ и раскаялись въ своихъ преступленіяхъ предъ Государемъ, призывалъ и къ себѣ казаковъ и уговаривалъ ихъ; но ничто не подѣйствовало. Наконецъ противъ своего стана на Соляной рѣчкѣ онъ построилъ другой земляной городокъ, еще ближе къ городу. Оедька Шелудакъ пытался взять его приступомъ; но былъ разбитъ. Между тѣмъ приближалась зима; долго еще продолжалась бы осада, если бъ на помощь Милославскому не подоспѣлъ къ Астрахани князь Каспупать Мудаловичъ Черкасскій съ своими наѣздниками. Онъ какъ будто для переговоровъ вызвалъ къ себѣ Шелудака и задержалъ его. Оставшіеся безъ атамана казаки долго ссорились и спорили между собою; но рѣшились наконецъ сдать городъ, котораго защищать не могли. Многіе изъ жителей и служилыхъ людей уходили безпрерывно изъ Астрахани въ станъ воеводы. Сами казаки, пьяные и буйные, являлись къ нему для переговоровъ, «а онъ къ нимъ съ тихостію, говоритъ современное сказаніе, отвѣщевалъ, чтобы они взыскали къ себѣ милость Государя, а онъ великій Государь милостивъ, вины ихъ отдастъ».

Наконецъ казаки объявили воеводѣ, что сдаютъ городъ; онъ велѣлъ устроить мостъ на стругахъ чрезъ Кутумову рѣку, и 27 Ноября, въ день знаменія Богородицы, неся передъ собою полковую икону Божіей Матери, Живоносный источникъ, перешелъ съ войсками въ городъ, занялъ всѣ укрѣпленія и отслужилъ благодарственный молебенъ въ соборной церкви (18).

(18) О приходѣ подъ Астрахань съ ратными людьми б. Милославскаго.

Такъ окончилися возмущенія Разина , продолжавшіяся четыре года. Бояринъ Милославскій отправилъ стрѣleckаго голову Логовщина извѣстить Государя о сдачѣ Астрахани. По его прибытіи 15-го Генваря объявленъ былъ у Посольскаго Приказа именной указъ, которымъ Царь приглашалъ всѣхъ «воздать хвалу Богу и Пресвятой Богородицѣ, взбранной воеводѣ и заступницѣ рода христіанскаго и всѣмъ Святымъ, яко тоякое неначаемое дѣло совершилось по волѣ Его святой. Хотя во время того воровства и въ печалѣхъ пребывали, однакожь, имѣя на того Бога надежду, днесъ радости исполнимся и рѣчемъ: надѣющіеся на Господа никакоже подвижутся напастыи вражьи» (19).

(19) Древн. Росс. Визіюника. Т. XVIII. стр 434 и слѣд. 1-е Полн. Собр. Зак. Т. I. № 503.

А. Поповъ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ СЛОВАРЬ

А. З. ВОСТОКОВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ МАТЕРІАЛАХЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ И ГРАММАТИКИ ПРИ
ИЗВѢСТІЯХЪ 2-ГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

I.

Кому не бываетъ нужно справляться хоть иногда, хоть гдѣ-нибудь о значеніи или употребленіи того или другаго церковно-славянскаго слова или выраженія? Этотъ вопросъ тѣмъ умѣстнѣе, что общее мнѣніе издавна остается убѣжденнымъ, что и всѣ памятники древней словесности русской написаны на томъ же церковно-славянскомъ языкѣ; такъ что въ одноиъ и томъ же пособіи словарномъ можетъ чувствовать нужду не только любитель духовнаго чтенія и филологъ, но и историкъ, юристъ, археологъ, литераторъ. Къ какому же пособию имъ обращаться?

Значеніе этого вопроса ранѣе другихъ понялъ протоіерей Пётръ Алексѣевъ, и за усердное рѣшеніе былъ награжденъ должною признательностью: его Церковный Словарь пережилъ четыре изданія (1773—1776, 1794, 1815—1818-го, 1817—1819 г.). Кто его досталъ, тотъ дорожить имъ, хотя бы и зналъ его недостатки, неполноту и ошибки. Неполнота его впрочемъ небезотносительна, потому что на 80 печатныхъ листахъ онъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 20,000 объясненныхъ словъ, постоянно со ссылками на книги св. Писанія, церковныя, учительныя, историческія и проч., изъ которыхъ эти слова извлечены. Недостатки его простительны тѣмъ болѣе, что матеріала, прежде подготовленнаго, было у него немного: Алфавитъ XVI — XVII вѣка, Лексиконъ Памвы Берынды, Лексиконъ Трехъязычный, Симфонія на Псалтырь и на Новый Заветъ. Для того

кто не владѣть ни однимъ изъ языковъ иностранныхъ, словарь Алексѣева тѣмъ важнѣе, что въ него вошло много энциклопедическихъ объясненій о предметахъ древностей ветхозавѣтныхъ и христіанскихъ, судьбахъ Церкви, особенно православной, о предметахъ разныхъ наукъ и художествъ. Все это теперь отстало, кое-что и просто невѣрно, но замѣнить словарь Алексѣева и въ этомъ отношеніи для большинства русскихъ читателей нечѣмъ.

Уважая общую нужду, или по крайней мѣрѣ связи литературнаго русскаго языка съ языкомъ славянскимъ, Россійская Академія въ обоихъ словаряхъ ею изданныхъ, и въ словопроизводномъ (1789—1794) и въ азбучномъ (1806—1822), выразила заботливость объ объясненіи словъ старославянскихъ; по нуждѣ, кто можетъ, обращается и къ нимъ, особенно ко второму, и не всегда напрасно. Но иногда, впрочемъ довольно часто, Россійская Академія имѣла въ виду не столько правильное объясненіе словъ языка Церкви, сколько искусственное обогащеніе русскаго литературнаго языка этими словами, боаѣ всего производнымъ и сложными.

Въ 1831 году появился общій Церковно-Славяно-Россійскій Словарь П. С. (Петра Ивановича Соколова). Авторъ воспользовался въ немъ и печатнымъ, и рукописнымъ матеріаломъ Россійской Академіи, дополнилъ его кое-чѣмъ отъ себя, и далъ всему сбору однообразіе подручнаго пособія, довольно богатаго вопросами (въ него вошло слишкомъ 63,000 словъ) и очень сжатаго въ отвѣтахъ. Немногимъ увеличенъ въ немъ запасъ богатствъ языка старославянскаго; но по нуждѣ надобно было пользоваться и имъ, — и пользуются доселѣ тѣ, которые успѣли приобрести его.

Спустя тринадцать лѣтъ появился и еще одинъ словарь, по богатству запаса несравнимый ни съ однимъ изъ прежнихъ—Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, Отдѣленіе замѣнило Россійскую Академію въ концѣ 1841 года, а въ 1842 году было уже положено начало двухъ первыхъ, въ 1843-мъ двухъ остальныхъ томовъ, — и не прошло шести лѣтъ со времени образованія Отдѣленія, какъ словарь почти въ 250 довольно большихъ печатныхъ листахъ былъ напечатанъ. Сколько было нужно разнаго рода усилій, чтобы его составить, ясно изъ того, что въ составъ его вошло около 115,000 словъ, изъ которыхъ около четвертой доли древнихъ, старинныхъ, обветшалыхъ, хотя отчасти и подновленныхъ во вѣщнемъ видѣ, по требованіямъ современнаго лите-

ратурнаго языка, нерѣдко со ссылками на книги св. Писанія, церковныя и т. п., равно какъ и на наши русскіе древніе, и старинныя памятники. Нельзя не назвать этого словаря явленіемъ необычайнымъ, удивительнымъ. Второе Отдѣленіе Академіи не совершенно привело имъ къ желаемой цѣли стремленіе Россійской Академіи, по крайней мѣрѣ доказало, что оно достижимо. Оно бы и было достигнуто, если бы заранѣе былъ заготовленъ списокъ книгъ, изъ которыхъ надобно было выбрать слова, и если бы однимъ и тѣмъ же опытнымъ сотрудникомъ были помѣчены въ этихъ книгахъ всѣ слова, которымъ надо дать мѣсто въ словарѣ, такъ чтобы, послѣ выписки словъ съ выраженіями, редакторамъ осталось думать только объ опредѣленіяхъ словъ, не отвлекаясь ихъ отыскиваніемъ. Само собою разумѣется, что прежде всего надобно было позаботиться о томъ, чтобы ни въ одномъ изъ прежнихъ Словарей не скрылось ни одного слова, не внесеннаго въ новый. Было ли дѣло дѣлано такъ, это можно увидѣть легко, слича словарь 2-го Отдѣленія, напримѣръ хоть со Словаремъ Церковнымъ Алексѣева. Такъ въ этомъ послѣднемъ находимъ слѣдующія слова, напр. на букву *Г*, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Отдѣленія: *гажда, газаринъ, газофилакія, галбанъ, галля, гапликъ, гарбаръ, гастримарія, гебановый, ге-соль-уть, габатися, гиблю, гиблющій, главизный, главогнитіе, главоотспченъ, главоуспкаемый, главы Марковы, глаголаніе* — въ смыслѣ насмѣшки, *глагольскій* — въ смыслѣ словесный, *гласное пѣніе, гласъ* — въ значеніи срамоты, *гласъ божій* — въ смыслѣ грома, *гласъ дня, гласы* въ смыслѣ грохотанія грома, *глаукъ, гликизма, глоба, глубина крестная, глубокосмиреномудріе, глумство, глумы* — въ значеніи игорь, *гилыя уста, иноименный, тоетезный, гной голубиный* (*κόπος περιστερῶν*, 4 Цар. VI. 25), *гойствуемый, гнусности* — въ смыслѣ идолослуженія, *гнусоименный, гоблина, гобзеніе, говѣнный* — учтивый, *говядарь, говядопаствинный, годственнъ, годство, годствуетъ, гождати, голая ослята, голь* — вѣтвь, *гомоя, гонзуніе* и т. д. Возьмемъ еще примѣръ изъ другаго мѣста, напр. на букву *Т*. Въ словарѣ 2-го Отдѣленія нѣтъ словъ, отмѣченныхъ Алексѣевымъ: *таборище, таверна, тавля, таемница, таемный, тазоволхваніе, тазоволхвеніе, тайна благочестія, тайна беззаконія, тайная, таинникъ* — ученникъ, посвященный въ тайны, *тайноводительствовати, тайноизъщатель, тайноградецъ, тайнословецъ, таинствоватися,*

тайноходецъ, тако ми Бога, тако ми солнца, и т. д. Почему словъ этихъ нѣтъ въ словарѣ Академіи, можно объяснить только тѣмъ, что словарь Алексѣева не былъ подъ рукою редактора. Гораздо труднѣе понять, почему изъ общаго числа словъ какого-нибудь памятника старославянской или древне-русской письменности есть только нѣкоторыя, взятая какъ будто случайно, то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ. Развернемъ для примѣра тѣ же страницы словаря, что и прежде, — и не найдемъ въ нихъ слѣдующихъ словъ, находящихся въ первыхъ трехъ томахъ полнаго собранія лѣтописей, хотя ссылки на нихъ въ словарѣ и очень часты:— *галей, галія, галля* (II. 125 и 28), *заты* (II. 129), *герцикъ-герцюкъ* (II. 105), *маголати на* — наговаривать (III. 12.), *глазкъ* (II. 4), *гласохвалный* (II. 105), *гобино* (I. 64, 75), *годитися*—случиться (II. 123), *годно*—угодно (II. 16, 142), *голубилкъ* (I. 25), *гонити, гонитися* (III. 52, 53), *гонь*—погоня (II. 171), *гоньнутися* (II. 171, 173) и т. д.; *та*—да, я (II. 85), *така* (II. 171: така градъ), *талъ* (II. 171), *тама* (III. 56), *таче* (II. 28: язъ тя безъ таче выпускаю), *таче* (I. 58: таче кончавъ заутреню помолися), и т. д. Внимательнѣе выбраны слова св. Писанія, но и тутъ есть пропуски, напр. на тѣхъ же страницахъ:— *газаринъ* (Дан. II. 27; IV. 4; V. 7, 11, 15), *гангрена* (2. Тим. 1, 17), *главки*—горячее уголье, жаръ (Иезок. XXIV. 11), *глумити* (Исх. X. 14), *глумлятися* (Иов. XXII. 19), *говядъ*—рогат. скоть (Исх. LXV. 10), *говяжій*—принадлежащій или свойственный рогатому скоту—живому, а не битому (Иез. IV. 15), *годовый день* (Вар. X. 14: *ημέρα καιρῶ*), *голодь*—иной (Пс. CXVIII. 6) и др. Рядомъ съ пропусками встрѣчаются неожиданныя, совершенно случайныя ссылки, напр. при словѣ *година*, въ смыслѣ часъ, помѣщена ссылка на Реймское Евангеліе (Мато. X. 3), — почему же на Реймское, когда и въ Остромировомъ Евангеліи то же слово употреблено и въ этомъ мѣстѣ (268. а), и во многихъ другихъ, между прочимъ и въ классическомъ (Иов. XI. 9: не двѣ ли на десяти годинѣ есте въ дни), когда и въ современномъ чтеніи Нового Завѣта въ одномъ мѣстѣ читается то же слово (Лук. XXII. 53: но се есть ваша година—*η ώρα*)? Сколько помню, нѣтъ въ Реймскомъ Евангеліи ни одного слова, которое своею особенностью могло бы оправдать ссылку на него. Не столь случайною кажется выписка изъ Странника Данилова—при словѣ *голомя*, тѣмъ

не менѣе напрасно искать въ словарѣ словъ *мокачный* (Иерусалимъ мокачень, церковь мокачна, печерка мокачна, озеро мокачно), *черствъ* (верхъ стола черствъ), *пунъ земный* (создана надъ нимъ камора, а горѣ написанъ Христосъ мусією), *лунарво* (рѣка Іорданъ быстра водою и лукарева вельми), *силлжъ* (лоза к силлажи подобна), и другихъ словъ, столько же замѣчательныхъ въ Странникѣ Данила. Случайно припомннутыхъ примѣровъ кажется довольно, чтобъ видѣть, что и Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, не смотря на все его богатство, не можетъ вполнѣ удовлетворить тѣхъ, которые обратятся къ его помощи для объясненія словъ старославянскихъ, и тѣмъ это грустнѣе, что другихъ пособій нѣтъ, кромѣ развѣ частныхъ, каковы: указатель А. Х. Востокова къ Остромирову Евангелію, выписки въ Матеріалахъ, Ѳ. П. Буслаева и тому подоб.

Но, скажутъ, языкомъ старославянскимъ занимались и западные Славяне, и у нихъ издано нѣсколько сборниковъ. Дѣйствительно, издано нѣсколько. Одинъ изъ нихъ напечатанъ даже въ русскомъ переводѣ: это первая глава первой части старославянской Грамматикки аббата І. Д о б р о в с к а г о, заключающая въ себѣ систематическій перечень корней и коренныхъ словъ на 158-ти страницахъ слишкомъ. Для своего времени (1822 г.) этотъ перечень былъ превосходенъ, хотя и для своего времени былъ неудобенъ въ употребленіи, потому что расположенъ по особенному порядку буквъ, разбитъ на три доли по характеру корней, и при томъ не вездѣ равномеренъ въ объясненіяхъ, такъ что многіе корни отмѣчены только какъ корни, а не какъ слова (на пр. *уй*, *ваб*, *лад*, *рон*, *сун*, и пр.), безъ всякихъ объясненій. Главный и почти исключительный источникъ его—переводъ св. Писанія, не по древнѣйшимъ спискамъ, тѣмъ не менѣе въ большей части случаевъ указанный положительно, и этимъ давшій ему важность справочнаго пособия для изслѣдователей. Нужда можетъ заставить пользоваться имъ иногда и не изслѣдователей.

Перечнемъ Добровскаго воспользовался К о п и т а р ь, увеличивъ его кое-чѣмъ отъ себя, еще болѣе сокративъ, опустивъ между прочимъ почти всѣ сличенія и ссылки, и для легкости употребленія передѣлавъ его по простому азбучному порядку. При словарѣ Копитара, какъ было сдѣлано и Добровскимъ, приложенъ переводъ латинскій. Этотъ трудъ издавъ имъ подъ названіемъ *Vocabularium linguæ Slavorum sacræ*, въ числѣ приложеній къ изслѣдованію глаголической рукописи графа

Клоца (*Glagolita Clozianus*. 1836, стр. 67—86.). Самъ Копитаръ чувствовалъ его недостаточность, дополнялъ и исправлялъ его постоянно, давалъ пользоваться этими прибавками кое-кому изъ своихъ знакомыхъ, но вторично уже не издалъ его.

Вмѣсто втораго изданія Вокабулярія Копитарова явились въ 1845 году *Radices linguæ Slovenicæ* профессора Ф. Миклошича. Въ этомъ прекрасномъ трудѣ соединились достоинства трудовъ Добровскаго и Копитара, и прибавились новыя—по требованіямъ современной сравнительной филологіи; вмѣстѣ съ тѣмъ запасъ увеличенъ извлеченіями изъ разныхъ рукописей, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ древнихъ (въ предисловіи отмѣчено ихъ одиннадцать), и изъ нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгъ (въ предисловіи ихъ обозначено семь). Слова, въ него вошедшія, расположены въ азбучномъ порядкѣ корней и объяснены переводомъ греческимъ и латинскимъ. Ни одинъ изъ источниковъ не исчерпанъ вполне; изъ всякаго впрочемъ взято въ книгу много любопытнаго, давашаго ей, въ сравненіи съ прежде изданными трудами, видъ богатства и полезности, если не для обыкновенныхъ читателей, нуждающихся только въ вѣрномъ и обстоятельномъ опредѣленіи значенія сколько можно большаго количества словъ, то по крайней мѣрѣ для лингвистовъ, особенно для тѣхъ, которые мало занимались древнимъ языкомъ славянскимъ и мало знакомы съ его богатствомъ, и для изслѣдователей, нуждающихся въ ссылкахъ на источники. Этими ссылками, особенно на книги Св. Писанія, *Radices* Миклошича очень богаты, впрочемъ не замѣняя собою вполне указаній Добровскаго.

Гораздо богаче словами и ссылками на разные источники *Lexicon linguæ Slovenicæ veteris dialecti*, изданный проф. Миклошичемъ въ 1850 году (въ 4-у; XIV и 204 стр.). Словъ въ немъ болѣе 16,000; они извлечены изъ 30 рукописей, болшею частію неизданныхъ, и 22-хъ старопечатныхъ книгъ. Ссылки на источники довольно часты, но почти исключительно глухія, безъ положительнаго означенія мѣстъ, гдѣ замѣчены слова. При словахъ, какъ и въ *Radices*, приложенъ переводъ греческій и латинскій; переводъ придуманъ самимъ авторомъ, и въ болшей части случаевъ вѣренъ въ отношеніи къ коренному значенію словъ. Нельзя не назвать Лексикона Миклошича книгой очень полезной, книгой въ своемъ родѣ, по времени появленія, первой; но вмѣстѣ съ тѣмъ, внимательно всмотрѣвшись въ ея составъ, надобно сознаться, что авторъ не восполь-

зовался въ ней воплиѣ и тѣми источниками, которыми пользо-
вался съ видимымъ стараніемъ. Одинъ изъ числа самыхъ замѣ-
чательныхъ источниковъ — Супрасльская рукопись, отнесенная къ
XI вѣку, была предметомъ особенныхъ работъ Миклошича, и имъ са-
мымъ издана сначала въ извлеченіяхъ, потомъ воплиѣ; два другихъ, столь
же важныхъ, Остромирово Евангеліе XI вѣка и глаголическіе отрывки
графа Клоца—можетъ быть того же времени—изданы съ полными ука-
зателями; этими тремя памятниками, очевидно, Миклошичъ могъ восполь-
зоваться безъ особенныхъ усилій, а по ихъ важности и долженъ былъ.
Въ книгѣ его тѣмъ не менѣе многого изъ нихъ не достаетъ. Отмѣтимъ
для примѣра кое-что, по прежнему изъ словъ на буквы *г* и *т*—*глаго-*
лати въ значеніи *λαλεῖν* (Остр. и Клоц.), *кладн* вм. кладн
(Супр. 78 : повелѣвъ нозѣ мноу въ гладоу вложиги), *гласовати*
(Клоц. 159: рече бо къ нему богъ гласоуѣ), *гласати* въ смыслѣ
καλεῖν (Остр. Иоан. X. 3: своѣ овьѣ глшантъ по имени),
гнѣватися какъ переводъ *ἐνέχειν* (Остр. Мар. VI. 19), *гнѣвъ*
какъ переводъ *μανία* (Клоц. 187. 493 : иже дрѣжитъ гнѣвъ
μνησίσκακος ; срав. 537), *гнѣсьнъ* (Супр. 206.), *гобино* (Супр.
296.); *говоръ* въ значеніи *δρούλλος* (Клоц. 771.), *говльинство*
(Супр. 435), *говльниче* какъ переводъ *ἐπιείχεια* (Клоц. 442,
544), *говльти* въ значеніи уважать (Супр. 65.) *говльждь* (Супр.
85. 133.), *годити* чему—снисходить къ чему (Супр. 226), *го-*
нажати (Супр. 334, 335.), *гоньти* (Супр. 37.), *горазьно*
(Остр. 294.), *горе-хѣйрѣн* (Остр. Ю. V. 14, Мр. V. 26),
горьнъ вм. *горьнъ* — скорбный (Супр. 22.), *горьнага ѡреинѣ*
(Остр. 280), *горьница ѡреинѣ* (Остр. 216) и пр.; *та* (Супр.
140.), *таже* (Супр. 229. таже нгда ся съяде мѣтко и осърѣн
заградитъ пѣть съсоу... таже нгда забытѣна облакъ пришѣдъ на
оумъ слово стави. ср. 301.), *таибьна* какъ существ. жен. р.
(Супр. 385 : повѣдая таибьнѣ и не протлѣкоуѣ не протлѣкова-
нааго), *таибьникъ* (Супр. 147.), *таинъ* какъ переводъ *χεῖρον-*
μένος (Остр. 194.), *такашик* (Супр. 466. конь приведе ри-
цѣштѣ въ колѣсьничьнѣмъ такашии), *такоми* (Супр. 2 : такои
Богъ), *таланто* какъ сущ. средн. р. (Супр. 280: ндно таланто
имамъ), *тапаѣи* (Остр. 202. в.; 294. 6.), *таче* (Супр. 150 :
таче въпраша Аклппиада Полемонъ), *тварати* (Супр. 283: наючи
доушѣ тварати), *творьць* (Клоц. 267, 599, 930.), *творитислѣ*
(Супр. 287 : они лѣками на оубикниѣ намъ творяхъслѣ) и пр.

Изъ этого перечня словарныхъ пособій по старославянскому языку видно, что вопросъ, котораго рѣшеніе, годное для нашего времени, начато за восемьдесятъ лѣтъ передъ сими протоіереями Алексѣевымъ, остается и до сихъ поръ вопросомъ далеко нерѣшеннымъ. Раскрыто довольно много новыхъ матеріаловъ, сдѣлано нѣсколько попытокъ ихъ разработки, — и только. Требовать чего нибудь бѣльшаго отъ западнославянскихъ ученыхъ даже невозможно, потому что почти всѣ главные памятники старославянскіе не въ ихъ рукахъ, а въ нашихъ, и потому что на Западѣ не можетъ быть такой нужды въ словарь старославянскомъ, какъ у насъ. Мы, напротивъ того, нуждаемся въ немъ, какъ въ одной изъ самыхъ незамѣнимыхъ потребностей, — и все таки не ищемъ его! Не странно ли это? Не ужели итъ у насъ челоуѣка, который могъ бы рѣшиться на такой трудъ, вовсе не неблагодарный? Ужели наши ученые, на эти дѣла способные, такъ отстали отъ современныхъ требованій, или такъ лѣнны, что имъ не до того? Или въ этомъ нечаянно выразилась наша безпечность, въ силу которой самое необходимое появляется или не появляется у насъ совершенно случайно! Тяжело отвѣчать на эти вопросы, — впрочемъ не потому, что въ отвѣтахъ на нихъ кроются всѣ причины несуществованія книги необходимой. Ихъ много, и между ними есть одна въ самомъ дѣлѣ уважительная.

Составленіе словаря церковно-славянскаго предполагаетъ столько трудностей, что преодолѣть ихъ всѣ сполна едва ли кто пока можетъ. Чѣмъ кто болѣе способенъ къ такому труду, тѣмъ болѣе понимаетъ непреодолимость этихъ трудностей, и по неволѣ ранѣе или позже можетъ охладѣть въ рѣшимости своей, если бы она и одушевляла его, привести свою работу къ концу, тѣмъ самоотверженнѣе можетъ помириться съ мыслию, что онъ въ силахъ только собрать бѣльшее или меньшее количество годнаго запаса для будущаго зданія, но не построить самое зданіе.

Во время Алексѣева можно было считать достаточнымъ матеріаломъ для церковно-славянскаго словаря тѣ церковныя и вообще духовныя книги, которыя у насъ печатаются издавна. Успѣхи славянской филологіи теперъ доказали, что, для словарнаго объясненія языка даже и этихъ книгъ, нуженъ другой матеріалъ, болѣе богатый и разнообразный, болѣе важный по чистотѣ языка: это—рукописи, изъ которыхъ многія по времени написанія относятся къ XI—XIV вѣ-

камъ и въ которыхъ хранятся памятники не только этого, но и болѣе отдаленнаго времени. Не пользуясь этимъ матеріаломъ, не лѣзя и думать о составленіи церковно-славянскаго словаря; а пользоваться имъ, хоть и не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться вполне—пользоваться хоть на сколько нибудь не отрывочно, не случайно, это такая трудность, которую преодолѣть, по крайней мѣрѣ до недавняго времени, было чисто невозможно. Румянцовскій Музей былъ еще недавно единственнымъ довольно богатымъ хранилищемъ славянскихъ рукописей, доступнымъ для тружениковъ науки. Императорская Публичная Библіотека стала доступна для нихъ только въ послѣдніе годы; другія книгохранилища, если и открывались и открываются, то для очень немногихъ; нынѣ совершенно недоступны и даже неизвѣстны. Такимъ образомъ изученіе рукописей могло быть только случайное, и слѣдовательно не могло вести ни къ какой строго и основательно задуманной цѣли; не могло тѣмъ болѣе, что изученіе какого бы то ни было памятника языка по рукописи предполагаетъ хлопоты съ вольными и невольными ошибками писцовъ. Чтобы воспользоваться рукописнымъ памятникомъ, какъ слѣдуетъ, надобно изучать его по нѣсколькимъ спискамъ сравнительно. А какъ изучать, когда списки въ разныхъ мѣстахъ, за сотни и тысячи верстъ одинъ отъ другаго, и когда на иные изъ нихъ, иногда на лучшіе, дадутъ только взглянуть, если только дадутъ? Притомъ же, если бы и удалось взяться за изученіе памятниковъ по спискамъ, то сколько нужно употребить времени на каждый изъ нихъ? Пусть и по пяти памятниковъ въ годъ (на иной мало и пяти лѣтъ усильнаго, исключительнаго труда), то цѣлые тридцать лѣтъ работы могутъ привести ученаго къ разработкѣ только полутораста памятниковъ,—доля конечно важной въ общей массѣ памятниковъ, но все же только доли. Если бы даже и была возможность ускорить дѣло при помощи сметливости и навыка, то все же не трудно ли рѣшиться на дѣло, которое, при пожертвованіи половины жизни и при самомъ счастливымъ расположеніи случайностей, все таки не можетъ быть приведено къ должному концу? Самая рѣшимость, не говоря ни о чемъ другомъ, предполагаетъ въ человѣкѣ, ею одушевленномъ, необыкновенныя силы души.

Изученіемъ памятниковъ по рукописямъ не ограничиваются всѣ трудности приготовленія словаря старо-славянскаго. Оно приведетъ только къ накопленію порядочнаго запаса словъ и выраженій: его

надобно очистить критикой. Не маловаженъ трудъ простаго сведенія запаса въ одно систематическое цѣлое при помощи одной критики здраваго смысла. Предположимъ, что въ набранномъ запасѣ находится только 20,000 словъ и круглымъ числомъ по 10 карточекъ, т. е. по 10 выписокъ изъ памятниковъ на слово; то и тогда будетъ 200,000 карточекъ: на ихъ простой разборъ и сводъ мало года. Но одинъ здравый смыслъ поможетъ въ такомъ дѣлѣ только тогда, когда ничто ему не будетъ мѣшать, и то въ тѣхъ только случаяхъ, когда опредѣлять значеніе слова или выраженія иначе нельзя, какъ по контексту. Кому не извѣстно, къ какимъ неудачамъ приводитъ этотъ способъ опредѣленія словъ? Осторожный глоссаторъ всегда предпочтетъ способъ болѣе надежный, хотя и несравненно болѣе трудный; тѣмъ болѣе, что способъ этотъ самъ собою вызывается памятниками старо-славянскаго языка. Эти памятники — болѣею частію переводы съ греческаго, иногда съ еврейскаго, съ латинскаго: надобно прибѣгнуть къ подлинникамъ переводовъ, въ нихъ отыскивать смысла словъ и выраженій. Легко ли это? Легко ли всегда приискать именно тотъ текстъ, съ котораго сдѣланъ переводъ, даже не только тотъ самый, но какой-нибудь текстъ? Легка ли работа сличенія? Она неразлучна съ хлопотами, столь мелочно-разнообразными, что итти скоро и ровпо никакъ не можетъ; потребуетъ иногда по дню и болѣе на слово, и все еще не можетъ быть названа окончательною. Узнавъ греческій или еврейскій подлинникъ слова или выраженія славянскаго, еще нельзя быть увѣреннымъ, что это слово или выраженіе значить то именно и по славянски, что по гречески или по еврейски. Напротивъ, переводчикъ могъ и плохо понять значеніе подлинника и не дать себѣ отчета въ значеніи славянскаго слова, имъ взятаго для перевода, и даже нарочно перевести невѣрно. Необходима постоянная осторожность въ опредѣленіяхъ смысла словъ и выраженій перевода по сравненію съ подлинникомъ, осторожность, вооруженная ученостію, не сонно самовольною своею силою, а постоянно бодрствующею надъ тѣмъ, что ей нужно. И тутъ мало учености чисто филологической: помощь богословія, исторіи церкви, древностей и современнаго быта народовъ славянскихъ, естестволовія, нерѣдко необходимѣ всѣхъ филологическихъ расчетовъ. Мало обыкновенной учености; мало и силъ одного чело-вѣка. Безъ совмѣстнаго участія многихъ едва ли дѣло можетъ по-двинуться впередъ съ желаннымъ успѣхомъ; а едва ли еще пока

возможно у насъ совмѣстное участіе многихъ, когда и отдѣльные приготовительные труды, нужные для старо-славянскаго словаря, появляются рѣдко, и важны болѣе относительной новизною данныхъ, чѣмъ поконченностью ихъ разбора. А между тѣмъ, только въ слѣдствіе отдѣльнаго разбора всѣхъ сколько-нибудь важныхъ памятниковъ, на сколько нужно сравнительно съ подлинниками, съ которыхъ они переведены, можно будетъ приступить къ отчетливому составленію словаря старославянскаго, и то еще не полного ни по количеству словъ, ни по оттѣнкамъ ихъ значенія.

Такимъ образомъ, если все это справедливо, мы можемъ упрекать себя въ томъ, что мало разработали матеріаловъ, что издали только часть того, что разработали, что работали и работаемъ отрывочно, сами не дорожа своей работой и не доводя ее до конца, ни даже по частямъ, и нерѣдко бросаемъ ее безъ пользы для себя и для другихъ, но не въ томъ, что никто изъ насъ не позаботился о составленіи словаря старославянскаго. Нѣсколько тружениковъ науки занялись этимъ дѣломъ теперь, когда открылась возможность; это видно изъ печатныхъ изслѣдованій, изъ словарныхъ ссылокъ въ нихъ на памятники печатные и рукописные; но возможность раскрылась для многихъ только очень недавно, — и потому появленіе въ свѣтъ начатыхъ трудовъ замедлить еще можетъ быть много лѣтъ. Изъ прежнихъ тружениковъ, пользовавшихся возможностью взяться за составленіе словаря, каковы были Тимковскій, Ермолаевъ, Казаидовичъ, Строевъ, Розенкампфъ, Берединовъ и др., ни одинъ исключительно не былъ преданъ лингвистическимъ трудамъ, и каждый принесъ важныя услуги на своемъ особенномъ поприщѣ, воспоминаемая съ признательностію всякимъ, кто умѣетъ цѣнить заслуги другихъ.

Отъ *одного* только можно было ожидать старославянскаго словаря, — и этотъ одинъ дѣйствительно трудился; трудился слишкомъ тридцать лѣтъ усердно и настойчиво; трудился бы, вѣроятно, еще долго въ тиши своей кельи, если бы время и просьбы его почитателей не заставили его рѣшиться остановить работу, какъ конченную. Этотъ одинъ, основатель и патріархъ славянской филологіи — *А. Х. Востоковъ*.

Печатное начало его труда передъ нами; самый поверхностный взглядъ на него можетъ удостовѣрить всякаго сколько-нибудь знакомаго съ дѣломъ, что это явленіе въ своемъ родѣ, въ сравненіи съ

другими известными, удивительное, не неожиданное только потому, что давно уже было ожидаемо. Глядя на этот труд, мы уже не можем упрекать себя в томъ, что никто изъ насъ не посвящалъ свой трудъ на выполненіе одной изъ важнѣйшихъ нуждъ русской и вообще славянской науки. Глядя на этотъ трудъ, приготовившійся для насъ, мы можемъ только радоваться за самихъ себя: приготовляя свое твореніе, Востоковъ долженъ былъ одушевлять себя мыслию, что трудится для славы отечества и пользы соотчичей, мыслию, что трудъ, худо приготовленный, не будетъ насъ достоинъ.

II.

Всматриваясь въ составъ Словаря А. Х. Востокова, невольно поражаемся количествомъ и разнообразіемъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены въ немъ слова и выраженія. Чтобы дать читателю какое-нибудь понятіе о громадности матеріальнаго труда автора и вмѣстѣ о важности содержанія Словаря, представляю перечень источниковъ рукописныхъ — не по списку ихъ, напечатанному въ предисловіи, а по самому Словарю (*).

Изъ рукописей XI вѣка въ Словарѣ указано *восемь*: Остромирово Евангеліе 1056 — 1057 года, Сборникъ 1073 г., Сборникъ 1076 г., XIII Слово Григорія Назіанзина, Супрасльская рукопись по выпискамъ Бобровскаго и по изданію Миклошича. Относимъ сюда предположительно: глаголическое четвероевангеліе В. И. Григоровича, изъ котораго выписки доставлены были самимъ владѣтелемъ, и глаголическій сборникъ графа Клоца, съ буквальной вѣрностью назанный Кошитаромъ.

Изъ рукописей XII вѣка — *десять*: Евангеліе 1144 г., Евангеліе 1164 г., Евангеліе Флоровское, двѣ Псалтыри, два Стихиаря, Минея мѣсячная, Златоустъ, Бесѣды Іоанна Лѣтвичника.

(*) Въ рукописей оставленъ тотъ самый, какой отмѣченъ у Востокова (кроме двухъ глагольскихъ древнѣйшихъ); это было тѣмъ необходимо, что многихъ изъ рукописей, которыми пользовался А. Х., я вовсе не рассматривалъ. Замѣтимъ впрочемъ, что Востоковъ оказалъ и палеографіи славянской услуги почти столько же важныя, какъ и славянской филологіи, что въ числѣ палеографовъ нашихъ онъ издавна занимаетъ первое мѣсто.

Изъ рукописей XIII вѣка *восемнадцать*: Евангеліе 1270 г., Евангеліе Холмское, Охридскій Апостолъ, два Паремейника: 1271 г. и 1281 г., Норовскій Псалтырь, Обиходъ Церковный, Пренесеніе нерукотворнаго образа, Музейный прологъ, Слова на Аріанъ Аванасія Александрійскаго, Бесѣды Іоанна Лѣтвичника, Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго, Шестодневъ Іоанна Экзарха 1263 г. въ отрывкахъ, напечатанныхъ Каалайдовичемъ, Слова Кирилла Туровскаго, Грамота Смоленская 1229 г., Синодальная Кормчая 1280 г. въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ 1-й части Русскихъ Достопамятностей, Кормчая Рязанская 1284 года, Кормчая Музейная.

Изъ рукописей XIV вѣка *пятнадцать*: Евангеліе 1317 г., Евангеліе Полоцкое, Евангеліе Красносельское, Четвероевангеліе Норовское, Апостолъ Шишатовецкій 1324 г. по изданію Миклошича, Апостолъ Публичной Библіотеки, Апокалипсисъ Музейный, Паремейникъ 1370 г., Измарагдъ, два списка Поученій Ефрема Сиріина—одинъ 1371 г., Житіе Филарета Милостиваго, книга на ересь Латинскую, лѣтопись Манассія 1350 года (по копіи), Лаврентьевская лѣтопись 1377 года.

Изъ рукописей XV вѣка слишкомъ *тридцать*: Евангеліе толковое Θεофилакта 1434 г., Апостолъ Норовскій, Пятикнижіе Пуб. Библіотеки, Музейный Псалтырь съ толкованіями Θεодорита, два списка Пророчествъ, изъ которыхъ одинъ переписанъ съ рукописи 1047 года, Каноны молебные, Минея общая, Минея январская 1441 г., Сборникъ, Прологъ 1434 г., Патерикъ Печерскій 1462 г., Житіе Варлаама и Іосафа, Житіе Св. Григорія Абрагантскаго, Житіе Св. Григорія Арменскаго, Житіе Іоанна Златоустаго, Хожденіе Іоанна Богослова 1419 г., Палей 1494 г., два списка Маргарита, поученіе Ефрема Сиріина, Діоптра Филиппа, Словеса Психія 1434 г., Уставъ церковный 1428 г., Кормчая, три списка Временника Георгія Амартола.

Изъ рукописей XVI вѣка около *тридцати*: восемь рукописей разныхъ книгъ Ветхаго Заветъа, толковое Евангеліе, житія Святыхъ, Житіе Св. Стефана Пермскаго, Слова Василія Великаго, Діоптра Филиппа, творенія Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна Экзарха, Шестодневъ Іоанна Экзарха, Очи палейныя киръ Θεодора, Измарагдъ 1509 г., Маргаритъ 1530 г., Козма Индикопловъ, Пандектъ Антиоха, два списка Кормчей, два списка Судебника, Временникъ Амартола, Лѣтописецъ Русьскія земли и др.

Изъ рукописей XVII вѣка болѣе *двадцати*: Алфавитъ въ шести

спискахъ, Военская книга, Грамматика, Страшикъ Даниїла, Похвала Богородицы Св. Епифанія, творенія Дамаскина, Песторія Юсифа Флавія, Лѣчебникъ, Лѣтопись Никоновская, четыре списка Степенной книги и пр.

Всего болѣе 130 рукописей.

Тутъ означены рукописи, которыми Востоковъ воспользовался въ Словарѣ своемъ въ значительномъ количествѣ случаевъ. Множествомъ другихъ онъ пользовался менѣе или болѣе случайно, рассматривая ихъ для краткаго описанія или по другой подобной причинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что *никто* изъ Русскихъ не имѣлъ случая пересмотрѣть такого количества рукописей, по крайней мѣрѣ древнихъ, и воспользоваться ими въ лингвистическомъ отношеніи. Минувшемъ обзорѣніе памятниковъ, напечатанныхъ вполне или въ извлеченіяхъ со времени Екатерины II до Александра II; само собою разумѣется, что Востоковъ всё перечелъ, всёми воспользовался, если не всёми въ одинаковой мѣрѣ, то все же съ постоянною цѣлію обогатить свои запасы всёми любопытными данными, какія только могли обратитъ на себя его вниманіе.

Пользуясь своимъ огромнымъ матеріаломъ, Востоковъ всегда старался слѣдить разнотченія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значенія словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ древній всегда предпочитая недревнему. Къ готовымъ пособіямъ онъ прибѣгалъ только въ случаяхъ крайности, и потому, вѣроятно, нѣкоторыя упустилъ изъ виду. Съ какою совѣтливостью было имъ это дѣлано, видно изъ того, какъ внесены имъ въ Словарь извлеченія изъ Лексикона Миклошича: они вписаны дословно. Эти выписки изъ Словаря Миклошича — если позволено сказать откровенно — даже поражаютъ своею особенностью: самъ Востоковъ всегда опредѣляетъ славянское слово по русски, во всёхъ нужныхъ случаяхъ приводятъ мѣста изъ памятниковъ; къ мѣстамъ изъ памятниковъ переведенныхъ болѣею частію присоединяетъ подлинный текстъ, иногда и свои соображенія; у Миклошича — переводъ греческій и латинскій, и у большей части словъ нѣтъ никакихъ ссылокъ, а у другихъ ссылки глухія безъ страницъ, безъ выписокъ выраженій. Странно смотрѣть на сухія строки Миклошича между полновѣсными строками Востокова. Другой, на мѣстѣ Востокова, если бы и воспользовался

Лексикополь Миклошича, то передалъ бы заимствованное вѣроятно по своему, на прим. вмѣсто «*бескижнь аурѣматос, illiteratus*» написалъ бы: «*бескижнь — неграмотный,*» и въ бѣльшей части случаевъ не почелъ бы нужнымъ упомянуть о заимствованіи. Но Востоковъ, положивши правиломъ ручаться только за свое, въ слѣдствіе этого правила не прикоснулся къ Миклошичеву труду ни на сколько, оставляя его и отвѣтчикомъ передъ читателемъ. Въ цѣ-которыхъ маловажныхъ случаяхъ онъ не ссылается на пособіе, наприм. при пользованіи статью Часописи Чешскаго Музея (1852. св. I. стр. 109. и пр.), въ которой приведены были слова изъ Супрасльской рукописи, не вошедшія въ Лексиконъ Миклошича; но тогда смотрѣлъ самъ слова въ подлинникъ, а свое опредѣленіе подтверждалъ выпискою изъ подлинника, иногда сличая эту выписку съ текстомъ греческимъ.

Все это отличаетъ Словарь А. Х. Востокова отъ всѣхъ другихъ въ такой степени, что и сравнивать ихъ можно развѣ только для того, чтобы доказывать разнообразное богатство его. Но отъ чего же, спросить, Востоковъ пользовался словаремъ проф. Миклошича? Читая памятникъ, Востоковъ имѣлъ въ виду слова болѣе замѣчательныя, пропускалъ очень обыкновенныя, если они не занимали его особенностію употребленія или значенія, и отъ этого не внесъ многихъ словъ; а между тѣмъ и вныя замѣчательныя слова не попались ему ни разу ни въ одной изъ рукописей, имъ читанныхъ, а найдены другими въ рукописяхъ, сохраняющихся внѣ Россіи: тѣхъ и другихъ собралось много у Миклошича, — и Востоковъ рѣшился внести ихъ изъ Миклошичева Лексикона. Почему именно изъ него, тогда такъ въ него вошли многія слова не изъ рукописей, а изъ нашихъ печатныхъ книгъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только тѣмъ, что Востоковъ, разъ рѣшившись — по просьбѣ своихъ почитателей — закончить трудъ и начать его печатаніе, не хотѣлъ уже заняться выборкою словъ неважныхъ изъ разныхъ пособій, а взялъ вмѣсто многихъ одно.

Этимъ заимствованіямъ противопоставляется безотносительное богатство матеріала, собраннаго самимъ А. Х. Востоковымъ и доведеннаго имъ болѣею частію до обдѣлки, почти окончательной. Чтобы доказать хоть нѣсколькими примѣрами, каково именно это богатство, и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить выборъ примѣровъ въ зависимость отъ моея личной прихоти, беру посредникомъ того изъ филологовъ

славянскихъ, который, хотя и не посвящалъ своей дѣятельности на составленіе церковно-славянскаго словаря, тѣмъ не менѣе слѣдилъ за богатствами этого важнѣйшаго изъ славянскихъ нарѣчій.

Скоро послѣ выхода въ свѣтъ Миклошичевыхъ Radices, Шафарикъ написалъ замѣчательную статью объ этой книгѣ (Časopis Česk. Mus. 1845. стр. 505 — 508. Извѣстія II-го Отд. Акад. I. 19 — 20). Въ этой статьѣ замѣчено между прочимъ, что въ Radices недостаетъ нѣсколькихъ словъ, встрѣчающихся, хотя и довольно рѣдко, въ очень древнихъ Кирилловскихъ рукописяхъ (poňřešuje tu některých, ježto již we welmi starýchъ cyrillskýchъ rukopisech, аčъ dosti pořidku, se vyskýtaji). Тутъ отмѣтилъ онъ слѣдующія: — *напъ* (nap) mercenarius, — *тыкръ* (tykr. grow. madj. tükör) speculum, — *соунъ* (sun, grow. madj. szén) turris, — *сядра* (sedra) gutta, — *ноуть* (nut') bos, — *зѣкръ* (zěkr) caesius, — *кокоравъ* (kokoraw) crispus, — *рамкъ* (ram) vehemens, — *хласть* (chlast) и *хлакъ* (chlak) coelebs, — *хоуса* (chusa) cohors, — *локва* (lokwa) stagnum, — *кладнь* (pladn') quies, — *тояга* (tojaga) baculus, — *хралоунъ*, *хралоунъ* (chralup, chralup) cavus, — *корста* (korsta) tumba, — *брѣдкава* (brdokwa) lactuca, — *догна-дегна* (dogna-degna) vulnus, — *оиминъ* (ojmin) miles, — *товаръ* (towar) merc. Миклошичъ, приготавливая къ изданію свой Лексиконъ, не могъ, безъ сомнѣнія, опустить изъ виду этого замѣчанія Шафарика и внесъ въ него опущенныя слова — или со ссылками на тѣ памятники, гдѣ онъ ихъ самъ замѣтилъ, или сославшись на Шафарика, какъ на источникъ. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ вошли эти слова въ Лексиконъ Миклошича и въ Словарь А. Х. Востокова (*).

— брѣдкава *βριδαξ* lactuca Dial. Prol. cf. брѣдкава *βριδαξ* lactuca — Acad.

(*) Прибавляю отъ себя кое-какія замѣчанія подъ строкою.

(1) ~~б~~ брѣдкава. Миклошичъ сослался на Бесѣды Григорія папы и Петра діакона: списокъ XVI в. этой книги находится въ Вѣнск. Импер. Библ. (№ XV). Мѣсто, гдѣ тамъ упомянуто слово брѣдкава есть слѣдъ: — «инокѣи нѣкая въ врьтоградъ въшедши, и видѣши брѣдоква въ похотѣни тоя бы»; еще: — «сѣдущу ма врьху брѣдоквы.» Это слово (брѣдоквы) доселѣ употребляется въ Болгар. и Серб. и. конечно, очень издревле. Кстати вспомнить о томъ мужикѣ свинопасѣ, который носилъ это имя брѣдоквы въ 1277 году и прославилъ свое имя какъ убійца Болгар. царя Константина: *Βορδοκουβας*. Значеніе имени его, хоть и несовершенно правильно написаннаго *Κορδοκουβας*, довольно правильно объяснено у Пахимера (VI. 3: cui

У Востокова: — то же.

— дѣгна *τραῦμα vulnus. Šaf.*

У Востокова: — дѣгна. с. ж. рубецъ отъ зажившеіи раны, близна, струпь. *Григ. Богос XI в.* аще же и дѣгны потираемъ, *ἐλάς. Сборн. 1073 г.* храмъ на немъ же кака дѣгна на стѣнахъ или на сѣмьныхъ. *Лев. XIII. 2, 10, 23, въ спискѣ XV в. и XVI в. δεгна, догна, ден'га. ἔλη (²).*

— зѣкръ *ὑπόλευκος caesius. Ioan. Exarch. 181*, 183. Cf. зеркрῆ ὑπόλευκος caesius. Ioan. Exarch. 181, 182 bis. Cf. зеркѣ ὑπόλευκος caesius. Ioan. Exarch. 181. 182.*

У Востокова: — то же (²).

— кокоравъ *οὐλος crispus. Georg. mon.*

У Востокова: — то же (²).

— крѣста *τύμβος tumba. Šaf. qui korsta habet.*

У Востокова, кромѣ вышески изъ Миклошича подъ *крѣста*: — *корста*. с. ж. гробъ. *Лавр. 45*: вложша и в коресту мороморяну. 70. мнози члвци умираху различными недугы, якоже глуху продающе коресты, тако продахомы коресты отъ Филипова дне до мя-

voci cum quaedam inesset usu popularis illic linguae *olerts* notio, graeci qui olus lachanum vocant, istum (rusticum), ubi coepit innotescere, hominem Lachanae vocabulo celebraverunt. стр. 430 и 576).

— вѣрдока. М. сослался на Словарь II-го Отд. (Acad.). Слово это есть и у Алексѣева (1. 107), со ссылкой на Прологъ 2-го Сентября.

(2) — дѣгна. Въ Псалт. Толк. Л. 3. — аще оубо исцѣлени тазову, и дѣгну оульнѣ отъгни, да не поютъ порока. Такъ же написано слово и въ Уваров. Библии *Лев. XIII. 19*: «догна прокаженіа»; но въ двухъ другихъ мѣстахъ *дегна* (*Лев. XIII. 2*: аще коему боудеть на кожи и плоти его *дегна* знаменію;» *Лев. XIII. 10*: «и се дегна бѣла на кожи»). Срав. Опис. рпс. Синод. Библ. I. 16. Матеріалы Ф. И. Буслаяна, 54.

(3) — зѣкръ-зеркръ. Древній переводчикъ Малала употребляетъ это слово вмѣсто *λευκος* («Вителность августъ бѣ зѣкръ»), *ὑπόλευκος* («бѣ же свѣтый Павелъ .. зеркръ»), *λευκόςφαλμος* («Клавдіи Кесарь бѣ ... зеркръ»). См. Предисл. князя М. А. Оболенскаго къ Лѣтоп. Переясл. стр. LIII, LIV, LVI.

(4) — кокоравъ Слово это употреблено въ Серб. переводѣ Георгія Амартола въ сказаніи о Василіи Македонянинѣ: «оузрѣвъ же того кокорава и велику главоу вмоуща, сътвори нме емоу глава:» *ἐπιάουρον καὶ μευάλην κεφαλήν ἐπέθηκεν αὐτόν κεφαλήν* (Theoph. Continuat. 820). Въ другомъ болѣе древнемъ переводѣ нѣтъ слова кокоравъ: видѣвъ его власатою главою и кудрява, самоуж главу велику нмы, глава *ωца* нарече и конемъ своимъ (Уваров. сп. XV в. 338. 6.) Можноли изъ этого мѣста заключать, что кокоравъ то же что кучерявый, кудрявый (crispus)? Въ Сербскомъ кокоравъ то же что *чупавъ* — нечеса, всключенный.

вопуста $\frac{3}{4}$ тысячь. — Корстица с. ж. ковчежець. *Прол.* XIV в. дек. 30: дасть въ корстицю (въ нов: въ ковчежець) (*).

— локва *δμβρήματα* imbres. *Psalt. glag.* 77. 44.

У Востокова:—тоже. (*)

— напъ *μισθωτός* mercenarius. *Šaf.*

У Востокова:—напъ. с. м. наемникъ. *Григ. Богосл.* XI. в. аще ли напъ. *μισθωτός*. *Исх.* XXII. 15. по сп. XVI. в. *Лев.* XXII. 10. *Иов.* VII. 2. напъ *μισθωτός* *Иов.* VII. 1. како же напа, *ὅσπερ μισθίω*. — напъдл. с. ж. мзда, наемъ. *Исх.* XXII. 15. XVI. в. за напъду *ἀντὶ τῆ μισθῆ* (вмѣсто мзды). *Второз.* XXIV. 15. да ѿдаси наиду ему. *τὸν μισθόν*. XXIII. 18. не даси набды *μισθῶμα*. XXIV. 14. не лишшиш набды. *μισθόν*. *Мих.* I. 7. вся напъды ея. *τὰ μισθώματα αὐτῆς* (мзды). — Напъство. с. ср. наемничество. *Григ. Бог.* XI. в. напъство, *μισθαμνία*. (1)

— ноутъ *βοῦς* bos. *Šaf.*

У Востокова, кромѣ выписки изъ Миклошича подъ словомъ ноутъ: — ноута. с. ж. собир. волю, рогатый скотъ. *Парем.* 1276 г. *Быт.* XXXII. 5. быша ми ноута и ѡсыли и ѡвьяча. *βόες* (волове). *Быт.* I. 8. скотъ и ноуту оставиша. *τὰ πρόβατα καὶ τῆς βοῶς* (овцы же и волю). *Шестодн. Io. Екс.* иже бо твою ноутуоу крѣмит *τα κτήνηα σβ. ινα ресога*. *Измарандъ* XIV. в. стада овецъ твоихъ и нутъ. *Златоуст.* XII. в. вмѣташа же богатыи ноутуоу и стада. *βελόλια καὶ ἀγέλα*, argenta et greges. — ноутый, ана, оне. пр. относящійся къ нутъ. *Изма-*

(5) — крѣста: такъ, съ з если не съ в, должно было писаться это слово по старославянски; но было ли оно въ этомъ нарѣчїи, еще ни изъ чего не видно. Пока оно встрѣтилось только въ древне-русскомъ. Къ указанїямъ приведеннымъ А. Востоковымъ изъ *Лавр.* глѣт. прибавлю еще изъ *Печер. Патерика*: что ли возглаголю ко оной корстѣ каменной (*Сл. Новг.* XV в. л. 6.). Теперь въ народѣ Русскомъ слово *кѣреста* въ смыслѣ могла употребляется только на сѣверѣ.

— корстица попалась мнѣ только въ формѣ *кѣрестница* (*Пѣс. пѣс.* V 12: чрево его кѣрестница слонова на каменѣ сауфирѣ:» *πυξιδόν*). Такъ въ *Уваров. спискѣ Библии*, такъ и въ *Списк. Синод.* (*Описан. рукописей Синод. Библи.* стр. 74.)

(6) локва: Въ *Житїяхъ св. XVI.* в. серб. чтенїи встрѣтилось это слово по поводу рѣчи о Неронѣ: сквозѣ дужные локвы оумрѣти хотѣ, нежели живи. Сравни у *Зонар:* *εὖς καλαμῶδη τόπον κατακρύφθη* in cultis se occultavit (XI. 13). Въ Сербскомъ есть *локва* въ значенїи источника и болотца.

(7) напъ, напъдл: Сравни объ этихъ словахъ *Опис. рукописей Синод. библи.* I. стр. 13 60. Кстати припомнить домыслъ *Надеждина* и *Прейса*: не сдѣлалось ли слово напъ

раздѣ XIV. в. стада овчана и нутнаа. *Амарт.* XVI. в. ста-
жанна нутныхъ стадъ-*κτῆσις βεχολίς.* (*).

—оимнѣ *στρατιώτης miles. Šaf.*—оимѣ *στρατιώτης miles. Cod.*
Supr. nos e conjectura.

У Востокова:—оимнѣ, с. м. воинѣ *Григ. Богосл.* XI. в. *στρατιώτης.* Жит. Св. XVI. в. баше оу дверн поставнѣ ѿи-
мина... наманоу ж прѣ лукавствомъ оимину рекии оударь елпи-
двфора. *Кир. Иерус. Олаш. ѿими оѣ στρατιώται. Ис. толк.*
Θεод-та. XXI. 17. толк. пожидахъ страннаа ѿими наѣняет.
μετὰ τῆς ἰουδαίως τὸ εἶ ἐθνῶν μνημονεῖν εἰ στρατέ. post
judaeos de gentium exercitu mentionem facit. СХХI. 7. *во оимьхъ*
εἰ στρατιώταις, inter milites. *Супр.* 67. оими. 68, отъ...
оимѣ. — оимьскѣ, а, о. пр. воинскій. *Григ. Богосл.* XI, в.,
тако же оимьскѣ имать оимнѣ, начальникъ чиномъ, воевода.
πολεμικοῖς. Изек. XXVII. 11. толк. по списку XV в. съ рукописи
1047 г. потомъ же почитаетъ ѿимьско число отъ много странъ
воевати оумѣюща пришедша. *Супр.* 62. траѣтъ оимьскѣни. —
оимьство. с. ср. воинство. *Супр.* 63. въ оимьство въчтени быша.
—пладнѣ—въ значеніи quies, нѣтъ ни у Востокова, ни у Микло-
шича. (*)

—рамнѣ *σφοδρός vehemens. Šaf.*

У Востокова:—рамнѣный, ага, оне, пр. сильный, крѣпкій,
жестокій. *Амарт.* XV в. на поученіе же рамнѣнъ бѣ. *Еванг.*
толк. 1434 г. еяко бѣ въ отреченіи рамнѣнъ, *σφοδρός.* *Зла-*
поструй XVI. в. рамнѣное шествіе дождьное. *το φαιδαῖος*
τῆς καταβολῆς τῆς ὑετῆς. *Иоак. Лист.* XII. в. пошѣсти
жѣрновное рамнѣно. *κίνησις μύλων ὄξεια.* пламенное вѣзго-
рѣнне вѣскорѣ отъ рамнѣна доуха вѣживаемо. *Сборн.* 1073.
г. вѣтри рамнѣни. — рамнѣно, нар. сильно, крѣпко, жестоко, *Лавр.*
перезжугутъ е рамнѣно, удавиша и рамнѣно тако персемѣ трескотати

нарцательнымъ изъ собственнаго? При этомъ Надеждинъ припоминалъ о Дюдоровыхъ
Напахъ (*Νάπα*). Они жили между Меотидой и Керавнскими горами (*Pauli, Real-Encycl*
подъ словомъ *Narpi. V. 409*).

(8) нутнѣ. Изъ прикѣровъ, приведенныхъ А. Х. Востоковымъ, ясно, что надо читать
ноута, а не *ноутѣ*. Слово это было въ ходу и въ древ. Руси, какъ видно отчасти
и по имени Нутной улицы въ Новгородѣ въ Слав. Концѣ: тамъ продавался скотъ.

(9) пладнѣ: любопытно было бы узнать, гдѣ Шафарикъ нашелъ это слово въ зна-
ченіи отдыха (quies). Или онъ заключилъ такъ о его значеніи по сравненію глаг.
пладновати съ греч. *μειμβερίζω*? см. въ Серб. переводѣ Георгія Амартола:
«Филиппа ослабнѣше... въ полатѣ плад'ноующа»: *μειμβερίζων.*

Ев. толк. 1434 г: накы емоу запретити рамянѣе. *σφοδρότερον*. — рамянство с. ср. сила, крѣпость. *Псал. толк.* XII. в. LIX. 8. толк. сикима съказается рамянство. — рамянѣ нар. тоже что рамяно. *Ю. Лѣств.* XII. в. тѣщеславнѣемъ рамянѣ възиграваемъ естъ. *ὕπὸ χειροθοξίας δξέως ἐμπαίχεται.* *Златостр.* XII. в. и рамянѣ глѣ. *βαρεῶς*, *graviter*. — рамено нар. тоже что рамяно. *Лавр.* азъ же вземъ рогалью начяхъ копати рамено. *Амарт.* XV. в. въскрича рамено, *Амарт.* XVI. в. рамено ихъ ѡбываху. — раменный, ана, оне, нь, а, о, пр. тоже что рамянный. *Григ. Богосл.* XI. в. дѣждевъ рамѣнии. *ὕετῶν σφοδρότεροι.* назвѣ рамѣнѣ, *πληγῆν καιριᾶν.* *Ю. Лѣств.* XII. в. рамѣнѣ пламѣ въздѣждеть. *σφοδρότεραν τῆν πύραν.* *Григ. Богосл.* XI. в. постиженна дѣла рамѣнѣншааго, *σφοδρότερον*. — рамѣнство. с. ср. тоже что рамянство. *Пс. толк.* XII в. Погодина. *Пс. CIX. 8.* толк. (10).

соунѣ. У Миклошича *соуна πύργος* *turgis. Bibl. Ostrog. Iez.* XXVI. 9. ubi забрала твоа и соуны разорить.

У Востокова: — соунѣ. с. м. башня. *Григ. Богосл.* XI в. тако же и соунѣ... съграждати (въ др. перев. и пургъ здати). *Иерем.* XXXI. 38. по сп. XV в. отъ соуна *ἀπὸ πύργων* *Иезек.* XXVI. 9. тамъ же. забрала твоа и суны разорить орѡжнѣмъ. *τὰ τεῖχη σε καὶ τῆς πύργων σε.* XXVII. 11. тамъ же. миди въ сунѣ твои *ἐν τοῖς πύργοις σε.* (11).

сидра *σταυῶν gutta. Saf.*

У Востокова: сидра. с. ж. капля. *Пс. толк.* Θεод-та XV. 7. толк. и бывшу лоту тако и сидрамъ кровнымъ. *καὶ ἰδρώσαντα θρόμβους αἵματος.* *guttas sanguinis sudantem.*

(10) рамянѣ: и въ этой формѣ есть это слово въ Слов. Григ. Назіанз. XI. в. «постиженина дѣла рамянѣншааго (*σφοδρότερον*)»: л. 8.

(11) соунѣ. Объ этомъ словѣ, какъ имени муж. рода, противно мнѣнію Миклошича и Буслаева, я уже говорилъ въ Матер. для слов. и грам. II. стр. 570. Сочинители *Опис. Синод. библи.* тоже считаютъ это слово жен. рода (см. стр. 93). Въ древн. переводѣ *Бытія* (по Увар. сп.) есть тоже въ одномъ мѣстѣ (XI. 4. 8) слово *соуны*: да съзиждетъ градъ и снѣ (чит. сунѣ; *καὶ πύργων*); но въ другомъ (XI. 15) вмѣсто него стоить столпѣ.

Въ одномъ изъ *Синод. сп. Плача* *Іер* (II. 5.) также употреблено *сумы* (снѣ), тогда какъ въ Увар. списк. *Пророковъ*: твердѣли (*Опис. Син. рпис.* стр. 100—101). Слово *сунѣ* отмѣчено было уже Добровскимъ (*Slawin*, изд. В. В. Ганки. стр. 281).

товаръ *ἐμπόρευμα* метх. *Ioā. Exarch. 180. Domet.*

У Востокова къ этому прибавлена выписка изъ *Ioan. Эксарх.* съ иѣніемъ и съ товарни многими (12).

ТОПАГА *βακτηρία* baculus. *Šaf.*

У Востокова: топага. с. ж. костью, жезлъ; Прол. XV в. авг. 31. чая отрока своего еже подати ему подыпорную топагу. тькрь *κάτοπτρον* speculum. *Šaf.*

У Востокова:—тькрь. с. м. зеркало. Io. Лств. XII в. акы тькрь обавивши, *ὡσπερ ἐσόπτρον φανερώσασης. Пс. толк.* XII в. XXXVII. 7. толк. такъ же бо въ тькрь видить къто свои образъ. *Апост. XIV в. 1 Кор. XIII. 12.* видимъ бо гъня тькорьмъ въ притьчахъ. *βλέπομεν γὰρ ἄρτι δι ἐσόπτρου ἐν αἰνίγματι.*—тькрь. с. м. тоже что тькрь.—*Григ. Бог. XI в.* тькрь Божій несквьрьный. *ἐσόπτρον.* сквозъ тькрь. *οἱ ἐσόπτρου.* хлакъ *ἀγαμος* caelebs. *Greg. Naz.*

У Востокова къ этому прибавлены выписки: Сбор. 1073 г. юнъ же не соудъ въ оуности бѣдоуштоуоумоу инъ же иже въ старости, инъ хлакааго, инъ же нишааго женоу. *Григ. Бог. XI в.* толика межда съпряженъихъ къ хлакъимъ. *ἀγάμους.* хласть *ἀγαμος* caelebs. *Šaf.*

У Востокова къ этому прибавлена выписка: Кормч. XIII в. глю же хластымъ и въдовицамъ. хралоупъ *κοῖλος* cavus. *Šaf.* — хралоупъ *κοῖλος* cavus. *Dial. 309.*

У Востокова:—тоже (13).

ХОУСА *σπεῖρα* cohors. *Šaf.*

У Востокова къ этому прибавлены выписки: *Прол. Серб. XIV в.* приидоше поплѣнити хоусоу мнхлыи, *Пс. толк. Θεод-та X. 4.* толк. хоусами и пресѣдами. *τοῖς λόχοις καὶ ταῖς ἐνεδραῖς.*—

(12) товаръ. Въ переводѣ Малаля читается: «Парисъ... бѣжа въ (тѣхъ) кораблехъ... съ иѣніемъ и съ товарни многими и многоцѣннами и съ серебромъ»; въ подлинникѣ: *Πάρις... εφυγε... μεθ' ἐαυτὸς πλοίων... μετὰ χρημάτων λετρῶν τριακοσίων καὶ κόσμη πολλὰ πολυτίμων καὶ ἀργύρων:* cum sese rescuinarum libris (V, бон. изд. 25) «зд. товаръ—λίτρα, libra? ср. сръ: товаръ (три товара блага). Вотъ еще любопытное мѣсто: «Алоумни поймавъ товаръ не хочеть писати твоицъ иконъ» (Патер. Печ. XV в. Новг. сп. г. 14.) : тутъ товаръ оставленъ вм. злато, что было дано въ плату за писаніе иконъ впередъ.

(13) хралоупъ: См. въ сръ, Пролог. 18 іюля: (брѣсть) иже бѣше... хралуупъ.—хралоупъ; см. Вѣн. спис. бесѣда Григ. пашы, 119. б: — илѣненъ же иткъий тамъ бѣжавъ въ хралуупъ древъ крмаше.

хоусити, гл. ср. производить морской разбой. *Златоустр.* XII в. пошла г̃ галѣа ми хотяще къ селоуню хоусити (14).

Приведенныя выписки говорятъ сами за себя. Изъ всѣхъ просмотрѣнныхъ словъ только пять остались и въ словарь Востокова въ томъ видѣ, какъ у Миклошича, а три внесены безъ особенныхъ востокоскихъ опредѣленій. Почему внесены они безъ опредѣленій? На это отвѣчать можетъ только тотъ, кто самъ работалъ надъ словаремъ и приводилъ въ порядокъ листки его съ выписками. Нѣтъ ничего легче, какъ затерять или случайно минуть ту или другую изъ карточекъ, и всего легче забыть внести въ общій списокъ именно ту, на которой записано опредѣленіе, когда подъ рукою есть словарь съ готовымъ опредѣленіемъ. Такъ напр. могла ли быть иная причина отсутствія опредѣленія слова *жлакъ*, когда Востоковъ зналъ его по двумъ памятникамъ XI вѣка, и при одной изъ выписокъ отмѣтилъ и греческое слово, ему равносильное: *ἀυαμος*?

Чѣмъ болѣе всматриваемся въ словарь Востокова, тѣмъ болѣе удивляемся богатствамъ, собраннѣмъ и приведеннѣмъ въ порядокъ неутомимою заботливостію представителя, вождя, патріарха славянской филологіи. И заботливость твоя, счастливый дѣдушка семьи, уже большой и все болѣе возрастающей, всю душою тебѣ преданной—за твою преданность наукѣ, за неусыпные труды на пользу общую—была не все. Мы сумѣемъ быть признательными за твое новое приношеніе на алтарь отечества, сумѣемъ и пользоваться имъ, какъ образцомъ для своихъ собственныхъ работъ. Счастливы, кто можетъ такими узами связывать поколѣнія выступающія съ поколѣніемъ отходящимъ; счастливы и тѣ, которымъ въ наслѣдіе остаются такіе образцы безкорыстнаго самоотверженія, одушевленнаго любовію къ отечеству (*).

И. Срезневскій.

(14) хоусл. Въ Толст. св. Георгія Амартола (1.89. г. 603) читаемъ: «посланъ же бысть тогда Варда Фока берегомъ съ сънузники лучшая снхъ послѣдовати, и се Русь *жусы* послаша въ Виницкия, яко да пишу имъ и прочее принесутъ. приключижеся сея *жусь*, Варда Фока заѣ сіа приже, побѣдивъ всеѣе я» — Уже Алексѣевымъ замѣненъ былъ глаголѣ *жусовати* (V, 113).

(*) Эта статья читана въ засѣданіяхъ 2-го Отдѣленія Академіи наукъ 8 и 13 декабря 1856, въ присутствіи А. Х. Востокова.

DE L'AVENIR POLITIQUE DE L'ANGLETERRE.

PAR LE COMTE DE MONTALEMBERT, PARIS, 1856.

(О политической будущности Англии, соч. гр. Монталамбера, Парижъ, 1856).

L'ANCIEN RÉGIME ET LA RÉVOLUTION.

PAR ALEXIS DE TOCQUEVILLE. PARIS, 1856.

(Старый бытъ Франціи и Революція, соч. Токвиля, Парижъ, 1856.)

При постоянно усилюющемся у насъ вниманіи общества къ развитію внутренней своей жизни и при стремленіи его къ отдачѣ себѣ сознательнаго отчета въ различныхъ ея проявленіяхъ, становится болѣе и болѣе необходимымъ для литературы нашей заглядывать въ богатый запасъ приобретеннаго западною жизнію ученаго и политическаго знанія, и, тщательною критикою очищая этѣ извнѣ получаемыя впечатлѣнія и данныя, не менѣе тщательно провѣрять съ ними наши собственные выводы, которые безъ сомнѣнія почасту найдутъ себѣ въ первыхъ и новое оправданіе, и драгоценное подкрѣпленіе. Каждая изъ трехъ главныхъ современныхъ отраслей западно-европейской литературы (английская, нѣмецкая и французская) опосредованно конечно доставитъ обществу нашему немалую долю полезной пищи. Стоитъ только произвести тщательный изъ нихъ выборъ, не довольствуясь однимъ рабскимъ усвоеніемъ себѣ безъ исключенія всего предлагаемаго; необходимо также уиѣть иногда не поддаваться ослѣпительному обаянію той или другой временно господствующей теоріи — ученой, соціальной, или политической, и постоянно сохранять въ отношеніи къ ней всю свободу своего созерцанія, основанную на самобытномъ взглядѣ, неволью слагающемся изъ безчисленнаго и неуловимаго множества постоянно на насъ воздействующихъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ. Тогда все приобрететъ для насъ по-

вое значеніе и новую несомнѣнную пользу. Даже самая бѣдная изъ современныхъ западно-европейскихъ литературъ заключаетъ въ себѣ многое такое, чтѣ невольно должно привлечь и остановить на себѣ самое пристальное наше вниманіе : на сей разъ ограничимся указаніемъ на два вышеприведенныя сочиненія графа Монталамбера и Токвиля, о которыхъ уже не разъ упоминалось въ русскихъ современныхъ изданіяхъ.

Читая обѣ книги и говоря о нихъ, невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ, общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безпрепятственное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей: авторы ихъ не только не скрываютъ своего образа мыслей и сочувствія къ прежней конституціонной свободѣ, но на каждой страницѣ пользуются всякимъ случаемъ, чтобы горько осуждать самовластную систему управленія современною Франціею и доказывать происходящее отъ того зло. Къ этому предмету оба писателя возвращаются безпрестанно; и намъ достаточно будетъ, безъ всякаго особеннаго выбора мѣсть изъ ихъ сочиненій, привести первыя появившіяся подъ руку строки; такова на примѣръ у Токвиля параллель между свободою и деспотизмомъ. «Одинъ деспотизмъ, говоритъ онъ, можетъ доставить всѣмъ низкимъ страстямъ человѣка тотъ таинственный покровъ тьмы, который даетъ полный просторъ его корыстолюбію и позволяетъ ему обогащать себя безчестными выгодами, не страшась позора. Даже при отсутствіи деспотизма всѣ этѣ страсти могутъ окрѣпнуть въ обществѣ; но прѣзъ немъ онѣ владываютъ исключительно. Единая свобода въ силахъ съ успѣхомъ поборотъ всѣ свойственные подобному обществу пороки, и удержать его на сльзкомъ пути паденія.... Она одна способна оторвать людей отъ суевѣрнаго поклоненія золоту и отъ мелкой ежедневной заботы о дѣлахъ денежныхъ; она одна можетъ заставить ихъ ежеминутно видѣть и ощущать отечество свое возлѣ себя и превыше себя. Она одна способна отъ времени до времени отженить отъ сердца человѣка алканіе вещественныхъ выгодъ, замѣняя его страстями болѣе благородными и возвышенными; она одна способна указывать стремленіямъ его предметы, болѣе высокіе, чѣмъ одно непрестанное исканіе богатства, и разливать тотъ спасительный свѣтъ, который не-

щадно обнаруживает все и дает намъ возможность равно обсуживать пороки и добродѣтели людей» (1). Въ другомъ мѣстѣ, описавъ мастерскими чертами всеобщую апатію и равнодушіе къ общественному дѣлу, которыя являются постояннымъ удѣломъ государствъ, лишенныхъ свободнаго развитія, онъ прибавляетъ: «Въ исторіи, явленіе это повторяется безпрестанно. Почти всѣ государи, поправшіе въ отечествѣ своею свободою, первоначально пытались сохранить на время внѣшнія ея формы: такъ было отъ самаго Августа и до нашихъ временъ; они льстили себя надеждою соединить такимъ образомъ въ лицѣ своемъ и всѣ удобства власти безграничной и ту нравственную крѣпость, которою въ силахъ облечь правительство одно лишь свободное совпаденіе съ нимъ общественного мнѣнія. Почти всѣ они окончательно испытали въ этомъ дѣлѣ неудачу, и вскорѣ должны были сознать, что невозможно долго сохранить обманчивую внѣшность тамъ, гдѣ уже болѣе не существуетъ дѣйствительности» (2). А вотъ еще личная исповѣдь благороднаго автора: «Многіе, говорятъ Токвиль, быть можетъ, обвинять меня въ несвоевременномъ обнаруженіи сильной любви къ свободѣ, къ которой, увѣряютъ меня, всѣ до послѣдняго нынѣ равнодушны во Франціи. Да олаговолятъ однако замѣтить возражатели, что это чувство во мнѣ далеко неново. Уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, описывая иное общество, выражался я почти тѣми же словами.... Въ теченіи сихъ 20 лѣтъ ничего такого не случилось на свѣтѣ, что могло бы заставить меня измѣнить мое мнѣніе. Громко исповѣдавъ сочувствіе мое къ политической свободѣ въ то время, когда была она въ модѣ, я позволю себѣ остаться вѣрнымъ своему убѣжденію и тогда, когда его всѣ покидаютъ» (3).— Не менѣе открытымъ защитникомъ политической свободы и еще сильнѣйшимъ порицателемъ системы управленія Людовика Наполеона заявляетъ себя графъ Монталамберъ, болѣею частію облакающій приговоры свои надъ бытомъ Франціи въ форму похвалы англійскимъ учрежденіямъ, но впрочемъ нерѣдко и прямо указывающій на непримиримую противоположность политическихъ началъ двухъ послѣднихъ королевскихъ династій съ началами Наполеонидовъ. Доходить ли рѣчь до англійскаго Парламента, онъ со всею силою

(1) Tocqueville, p. 18—19.

(2) Tocqueville p. 92.

(3) id. p. 15.

убѣжденія восклицаетъ : « До сихъ поръ всѣ существенныя потребности народныя постоянно находили себѣ въ немъ свободное выраженіе ; всѣ искренніе интересы народныя были въ немъ правильно размѣщены и уравновѣшены. Никогда никакой другой образъ правленія не доставлялъ человѣку столько удобствъ для открытія истины и справедливости, столько средствъ для избѣжанія погрѣшностей или исправленія ихъ.... Мы тщетно стали бы искать въ политической исторіи свѣта явленія великодушнѣе этихъ благородныхъ, умныхъ и честныхъ поединковъ парламентской жизни, гдѣ человѣкъ достигаетъ наивысшаго значенія своего, вооруженный единымъ могуществомъ слова, ограниченный единою силою закона ; и конечно нѣтъ задачи, болѣе своевременной, какъ передавать потомству память объ этихъ незабвенныхъ побѣдахъ чувства права и совѣсти человѣческой, именно въ такой вѣкъ, которому преимущественно суждено было сдѣлаться свидѣтелемъ то кроваваго, то тлетворнаго торжества насилія и лжи » (¹). Доходитъ ли рѣчь до государственныхъ людей Англіи, онъ говоритъ : « Мы не отвергаемъ, что и въ Англіи встрѣчаются примѣры подкупа вещественнаго и отступничества отъ политическихъ мнѣній: мы утверждаемъ только, что подобныя явленія никогда не находили себѣ оправданія или извиненія передъ судомъ общественной совѣсти... Нѣтъ примѣра въ современной намъ Англіи, чтобы человѣкъ, возвысившійся посредствомъ отступничества, управляя судьбами роднаго края, принося въ жертву своему властолюбію собственную честь и нравственное чувство » (²). « Нѣтъ, говоритъ онъ еще въ другомъ мѣстѣ, Англія никогда не преклонитъ слуха къ голосу лжепророковъ, научающихъ народы искать себѣ въ собственномъ униженіи убѣжища отъ своего легкомыслія и рассчитывать на всеобщее молчаніе для заглушенія своей совѣсти. Нѣтъ, Англія никогда не примирится и не приложитъ къ жизни этого нынѣ распространяющагося ученія, которое выдаетъ свѣту за идеалъ всего прошедшаго и будущаго развитія такой общественный бытъ, гдѣ человѣкъ только ползкомъ можетъ двигаться и возвышаться, и гдѣ ни талантъ, ни доблесть, ни мысль, ни мужество человѣка не имѣютъ значенія, если они не облечены въ цвѣта оффиціальной лавреи » (³). — Таковъ памфлетическій характеръ обоихъ сочиненій,

(1) Montalembert, p. 120, 152.

(2) id. p. 252—253.

(3) id. p. 289.

и въ особенности книги Монталамбера. Тѣмъ не менѣе свободное печатаніе и распространеніе ихъ совершается во Франціи безпрепятственно, не смотря даже на то, что заключающіяся въ нихъ истины, безразличныя для всякаго инаго правительства, явпо и исключительно направлены противъ системы Людовика Наполеона. Но такъ велика уже во Франціи и такъ крѣпко укоренилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцати-лѣтнимъ періодомъ правленія Бурбоновъ и Орлеанскаго дома, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшнею властію, не возбуждая особеннаго полицейскаго ея вниманія. Это явленіе можетъ конечно служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвающей общественной жизни во Франціи, каковы бы впрочемъ ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ грядущемъ. Скажемъ болѣе, этими первоначальными пріобрѣтеніями своими общественная жизнь Франціи уже не можетъ удовлетвориться: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ будетъ привести незаподозримое свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей настоящаго наполеоновскаго періода, доктора Верона, въ томъ видѣ, какъ передается оно намъ газетою *Le Nord*, раскрывшей столбцы свои отрывкомъ изъ одного новаго его произведенія: «Четыре года правленія Наполеона III.» Вотъ подлинныя слова доктора Верона: «Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ онѣмнѣніи, императоръ ясно докажетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ, и въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и увѣренность въ ней. Гдѣ не допускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволенъ споръ, тамъ и похвала теряетъ все значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, поражаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ которыхъ духъ злобы и непріязни доходитъ до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и увѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престолъ, и, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стѣять за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извнѣ не пришелъ бы ихъ смутить. Но во всякомъ случаѣ пагаемое на газеты и журналы молчаніе къ сожалѣнію всегда

кидаетъ нравственную тѣнь на личность самаго государственнаго вождя.»

Мы не безъ умысла распространились здѣсь о личныхъ отношеніяхъ обоихъ рассматриваемыхъ нами писателей къ современному французскому быту, и не безъ умысла также старались выразить это отношеніе собственными ихъ словами. Последней методъ мы строго станемъ придерживаться и въ послѣдствіи, будучи твердо увѣрены, что это лучшее средство къ полному и правильному, такъ сказать, введенію читателя въ кругъ мыслей и понятій автора; будучи убѣждены при томъ, что читатель ничего не потеряетъ, вмѣсто нашихъ собственныхъ соображеній получивъ къ свѣдѣнію нѣсколько лишнихъ строкъ двухъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ публицистовъ Франціи. Свободное, независимое воззрѣніе послѣднихъ на образъ правленія Наполеона, ихъ горячее сочувствіе къ формамъ жизни политической, свободной и обезпеченной, еще яснѣе и осозательнѣе выскажется при слѣдующемъ изложеніи ихъ изслѣдованій; но мы хотѣли уже заранѣе твердымъ образомъ опредѣлить для читателя исходную точку всего ихъ созерцанія, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній на счетъ степени и мѣры независимости ихъ воззрѣнія и пріемовъ. Подобная предосторожность безъ сомнѣнія ненужна была бы во всякомъ иномъ, болѣе самостоятельнѣе развитомъ обществѣ; у насъ она, къ сожалѣнію, еще необходима.

Въ Европѣ, и особенно въ Англіи, гдѣ вся жизнь общественная сложилась и развилась на началахъ самостоятельныхъ, гдѣ при томъ продолжительное столкновеніе и борьба въ дѣйствительной жизни самыхъ противоположныхъ на неѣ воззрѣній послужили къ достаточному уже уясненію и относительному оправданію каждаго изъ нихъ, гдѣ между мнѣніями противоположными время во всѣхъ областяхъ мысли выдвинуло уже множество посредствующихъ звеньевъ въ видѣ теорій переходныхъ, гдѣ наконецъ вслѣдствіе всѣхъ смѣнъ обстоятельствъ успѣло уже установиться взаимное уваженіе другъ къ другу разлчныхъ мнѣній, а по этому установилось и вообще уваженіе къ чужому мнѣнію, какъ бы ни противорѣчило оно личнымъ понятіямъ каждаго; тамъ, говоримъ мы, сдѣлалось уже невозможнымъ голословное оужденіе всего намъ не нравящагося, голословное отрицаніе цѣлаго ученія и самаго нравственнаго его характера по причинѣ одного разногласія въ воззрѣніи; тамъ наконецъ Вигъ умѣетъ уважать Торія и не доходить до клеветы на него, какъ бы ни

смотрѣли они разнo на жизнь; и благородные бойцы борются на смерть въ предѣлахъ честной, добросовѣстной борьбы. У насъ, къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ: мнѣнія наши вообще мало еще установились; они почти всегда цѣликомъ заняты изъ чуждой намъ среды и мало имѣютъ у насъ приложенія въ своемъ первоначальномъ видѣ; а между тѣмъ мы суевѣрно держимся за нихъ, какъ за святыню, извѣ намъ завѣщанную, къ которой ни прибавить ничего не можемъ, ни убавить изъ нея юты не смѣемъ, боясь исказить все содержаніе ея и не чувствуя въ себѣ ни довольно энергіи, ни довольно жизненныхъ къ ней отношеній, чтобъ обращаться съ нею свободно и сумѣть разработать её на свой ладъ. Поэтому, когда извѣстная мысль, предъавляя притязаніе на самостоятельность, не подходитъ прямо подъ заимствованныя нами категоріи, мы привыкли немедленно отвергать ее, скажемъ болѣе—мы не только отвергаемъ её безъ суда и разбора, мы даже спѣшимъ заподозрить её въ томъ, чего въ ней вовсе не заключается, приписать ей то, что ей чуждо, несочувственно, даже положительно противно. Словомъ—у насъ въ спорахъ мало добросовѣстности и много придирчивости. Таковъ удѣлъ всѣхъ обществъ мало развитыхъ, и въ особенности—развитыхъ неправильно. Не говоримъ о примѣрахъ ближайшихъ; намъ помнится, какъ одинъ, нѣкогда знаменитый журналъ, въ припадкѣ слѣпago поклоненія современному факту и слѣпago осужденія всего отжитаго, немилосердно гналъ малѣйшее сочувствіе къ которой бы то ни было сторонѣ средневѣковой жизни, и европейской и нашей, и металъ грозные перуны свои на осмѣливавшихся въ той и другой находить живыхъ любезныхъ стороны. Да и въ настоящее время средневѣковая и до-петровская жизнь Россіи не въ большомъ у насъ почетѣ: не подходитъ она подъ наши современные категоріи, не соответствуетъ всѣмъ настоящимъ нашимъ требованіямъ, не пригодна она къ полному воскрешенію своему въ большей части уже отжившихъ своихъ учрежденій; стало быть и въ свое время, при тогдашнихъ требованіяхъ эпохи и мѣста, не была она никуда годна, и жила она сотни и сотни лѣтъ какимъ-то ненужнымъ въ мірѣ уродомъ. Такъ и теперь разсуждаютъ и пишутъ у насъ многіе; и забываютъ, что новая Россія могла воздвигнуться лишь на крѣпкой незыблемой основѣ Россіи древней, что послѣдняя и наметала, и сплотила государство наше цѣною многихъ тяжкихъ жертвъ, что потратила она на это немало честнаго труда и благородной отваги,

и что, не смотря на явное несовершенство многих присущих ей древних учреждений (несовершенство, повторявшееся впрочемъ въ современныхъ учрежденияхъ и всѣхъ прочихъ государствъ европейскихъ), она уже въ то время пользовалась тѣмъ единствомъ и тою свободою народной жизни и тою дивною способностію усваивать себѣ самые чуждые ей элементы, — которые и теперь являются удѣломъ не всѣхъ намъ извѣстныхъ современныхъ государствъ. А между тѣмъ — на бѣду всѣмъ этѣмъ рѣзкимъ теоріямъ — ни Монталамберъ, ни Токвиль неравнодушны къ идеѣ самостоятельнаго народнаго развитія всякаго общества. Они не сочувствуютъ централизаціи, равно чуждой древней Европѣ и древней Россіи, они признаютъ въ средневѣковой жизни драгоцѣнные залого будущаго развитія; въ тщательномъ историческомъ сбереженіи сихъ залоговъ Англіи они видятъ главную причину ея мужественнаго созрѣнія и крѣпости; въ легкомысленномъ отрѣченіи отъ нихъ Франціи — главный источникъ ея послѣдующихъ и донинѣ неисчерпанныхъ еще воплѣтъ бѣдствій. Таковъ поучительный урокъ, невольнo извлекаемый изъ тщательнаго изученія ихъ сочиненій. И притомъ, скажемъ мимоходомъ, до сихъ поръ въ Европѣ никто не смѣшилъ обвинить ихъ въ измѣнѣ началамъ, любезнымъ всякому образованному челоуѣку. Да и мы, робкіе ученики Запада, во множествѣ журналовъ нашихъ, уже смѣшимъ на попятный дворъ отъ многихъ сторяча высказанныхъ сперва теорій, тревожимые недоумѣніемъ, кто же окончательно правъ — мы ли, или учителя наши? Невозможно впрочемъ не порадоваться этому явленію: авось общество наше, равнодушное или враждебное къ исторической теоріи, возвращенной дома, потому только, что она была плодомъ самостоятельной народной мысли, посмѣшитъ принять ее хоть на вѣру, какъ скоро появилась она подъ фирмою и за рукоприкладствомъ французскихъ мыслителей!..

Но пора приступить къ самому анализу ихъ сочиненій. Мы начнемъ съ книги графа Монталамбера о политической будущности Англіи, и прослѣдимъ шагъ за шагомъ все развитіе его мысли.

Что будетъ съ Англіею? Неужели такъ близка къ паденію своему эта классическая земля свободы? « Сломится ли наконецъ гордыня народа, до сихъ поръ безнаказанно пошпировавшаго законы строгой логики и столько дерзновеннаго, что смѣетъ вѣрять въ одно и тоже время и въ историческое преданіе и въ прогрессъ, умѣетъ сохранить

за собою монархію и жить свободно, отклоняеть отъ себя революцію и ускользаетъ отъ деспотизма» (1)? Вотъ вопросъ, поставленный Монталемберомъ въ заглавіе труда своего, на который вся книга его отвѣчаетъ отрицательно, исчерпывая всѣ доводы, предлагаемые исторіею и личнымъ ежедневнымъ опытомъ британской жизни, горячею, неподдѣльною любовью автора къ свободѣ и возвышенному его оцѣнку достоинства человѣческаго. Главнымъ поводомъ къ заблужденію иностранцевъ на счетъ будущности Англіи, онъ признаеть преимущественно то состояніе тревожнаго волненія, въ которомъ постоянно представляется Англія взору непривычнаго наблюдателя, незнакомаго съ спасительными смятеніями свободной жизни, съ выгодами непрестаннаго внѣшательства въ общественное дѣло частнаго лица, «и издавна приобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (авторъ имѣеть въ виду Францію), гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самобытной и самородной дѣятельности, гдѣ царствуетъ какой-то холодный внѣшній порядокъ, гдѣ все и всегда носитъ офиціальныи ярлыкъ, имѣеть себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно щепетливой попечительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разслабляющей современную людскую породу и осуждающей народъ на безвыходное несовершеннolѣтіе» (2). Другимъ поводомъ къ тѣмъ же заблужденіямъ служитъ нестоимое злословіе Англичанъ и англійскихъ газетъ на счетъ самихъ себя и собственнаго своего отечества, слишкомъ часто и слишкомъ простодушно принимаемое на вѣру иностранцами; въ этомъ отношеніи Англичане поразительно походятъ на тѣхъ «нѣсколько брюзгливыхъ баръ, которые, хотя и глубоко убѣждены въ своемъ безспорномъ величіи и превосходствѣ, но тѣмъ не менѣе принимаютъ наружный видъ, будто они мало цѣнятъ все то, чѣмъ богато надѣлила ихъ судьба». Но скажемъ также—эта способность всегда относиться къ самимъ себѣ критически, оставаться всегда собою недовольнымъ, не поддаваться исключительно ничему обаянію, быть даже иногда подъ вліяніемъ страстнаго, мимолетнаго движенія несправедливымъ къ триумфаторамъ, въ Римѣ къ Сципіону,

(1) Montalembert

(2) *Id.* p. 257.

въ Англіи къ Веллингтону, у котораго однажды, въ минуту неразумнаго злѣва, чернь выбила всѣ стекла въ окнахъ,— эта способность врождена лишь великимъ народамъ; она имѣетъ еще и другую обратную сторону, обнаруживающуюся въ изумительной стойкости и непреклонности передъ политическими невзгодами и военными неудачами; она одна дала Римлянамъ силу выдержать къ ряду три Пуническія войны и внушила Сенату мужество продать съ аукціона землю изъ-подъ Аннибалова лагеря и послѣ пораженія подъ Каннами поздравить Варрона съ тѣмъ, что онъ не отчаялся въ судьбѣ Рима: она воодушевляла также Питта и англійскій Парламентъ въ отчаянной двадцатилѣтней борьбѣ съ первымъ Наполеономъ, и въ послѣднюю войну научила Англичанъ ихъ чудовищнымъ морскимъ вооруженіямъ, и дала имъ вмѣстѣ съ тѣмъ средства справиться съ внутреннимъ волненіемъ партій.

Но если Англіи суждено выйти побѣдоносною изъ окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ уже теперь и еще въ сильнѣйшихъ размѣрахъ ожидающихъ ее въ близкомъ будущемъ опасностей отъ наплыва демократическихъ стремленій, то любопытно знать, должна ли она будетъ преобразиться въ этой борьбѣ съ ними, или возможно ей будетъ сохранить все старое, заветное свое устройство? Безъ сомнѣнія — нѣтъ, отвѣчаетъ Монталамберъ; ей конечно предстоитъ многотрудная работа постепеннаго отрѣченія отъ многихъ старыхъ исключительно аристократическихъ формъ. «Постоянное усиленіе и неуминуемость окончательнаго торжества демократіи представляются нынѣ явленіями неотразимыми и столько же ослзательными, сколько постепенное развитіе и торжество неограниченной монархіи съ 15-го и до 18-го вѣка. Демократія теперь уже вездѣ и всѣмъ управляетъ, даже тамъ, гдѣ она еще не воцарилась гласно. Безразсудно было бы не признавать этой побѣды ея; не менѣе было бы безразсудно сопротивляться ей, покуда это торжество не перерождается въ угнетеніе и не влечетъ за собою нѣкоторыхъ послѣдствій, несовѣстныхъ ни съ совѣстію человѣка, ни съ его здравымъ смысломъ» (1). Но есть на свѣтѣ два вида демократіи — демократія, ищущая для гражданъ своихъ лишь гражданской свободы, и демократія унитаризма, алчущая всеобщаго во всемъ равенства и повсемѣстнаго однообразія учреждений. Первая допускаетъ свободно раз-

(1) id. p. 33.

виваться личности человека во всех направлениях—въ области мышления, нравственности и капитала; « старается о развитіи въ обществѣ начала правды, ищетъ упрочить за людьми равенство передъ закономъ, заботится о вещественномъ благосостояніи и о просвѣщеніи народа, объ освобожденіи совѣсти человека изъ-подъ гнета свѣтскаго ига » (1). Другая демократія , демократія унитарная, по самой сущности своей « враждебна всемъ постепеннымъ приобретениямъ свободы ; враждебна также всему , что крѣпко и долговѣчно , что одарено силой сопротивленія . Она стремится отвергнуть и сокрушить всякое превосходство , истекающее изъ природы вещей или сложившееся изъ исторической жизни народовъ... Она вездѣ ищетъ замѣнить нравственныя и естественныя обезпеченія , основанныя на историческомъ преданіи , узамъ механическими , искусственными и потому непрочными, и вездѣ осуждаетъ личное достоинство и личное значеніе человека къ поглощенію его государствомъ... Для нея ultima ratio заключается лишь въ исключительномъ преобладаніи числа — категоріи количественной въ ея самомъ слѣдомъ и самомъ грубомъ образѣ проявленія... Она вездѣ сопряжена со всеобщимъ пониженіемъ общаго уровня талантовъ, способностей и нравственныхъ влчній, съ отрѣченіемъ человека отъ всякаго личнаго значенія и величія и отъ всякой независимой индивидуальной силы своей » (2). Присутствіе этихъ худыхъ демократическихъ стремленій выражается всегда въ извѣстныхъ неизмѣнныхъ признакахъ, и можетъ всегда быть опредѣлено по нѣкоторымъ постоянно повторяющимся симптомамъ. Эти признаки суть: во-первыхъ развивающаяся въ обществѣ крайняя раздражительность и неумѣніе выносить политическія неудачи; смѣняющіеся въ народѣ пароксизмы слѣпой самоувѣренности, безотчетнаго гнѣва и апатическаго упадка духа; далѣе—одностороннее безусловное оужденіе всехъ безъ изъятія старыхъ учрежденій, даже тѣхъ, которыя въ свое время были и, при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, могли бы еще служить лучшими обезпеченіями свободы жизни, и безусловное поклоненіе тлетворнымъ теоріямъ бюрократіи и централизаціи; наконецъ, безсознательно вкрадывающееся въ самую литературу слѣпое поклоненіе успѣхамъ грубой силы, обоготвореніе человѣческихъ идоловъ, подъ именемъ hero-worshipping или покло-

(1) id. p. 33.

(2) id. p. 34. 36. 37. 52.

неніе героямъ, провозглашаемое въ Англіи даровитымъ писателемъ Карлейлемъ, «котораго несомнѣнный талантъ, говоритъ Монталамберъ, бесспорно болѣе всѣхъ другихъ послужилъ къ извращенію общественнаго духа въ Англіи и къ сокрушенію обаянія древнихъ ея учреждений».

«И такъ, мы должны въ томъ признаться, продолжаетъ Монталамберъ, успѣхъ демократіи есть господствующее явленіе новѣйшаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—главнѣйшая для него опасность, и ускользнуть отъ этой опасности ни одна страна до нынѣ еще не сумѣла. Умѣрить и упредить демократію, не уничтожая ея, организовать ее въ видѣ умѣренной монархіи для охранительной республики, такова задача нашего вѣка» (1). Разрѣшеніе этой задачи, по мнѣнію мыслителя нашего, выпало на долю современной Англіи; и мы, признавъ симптомы развивающагося въ ней новаго строя жизни, не должны отъ этого впадать въ отчаяніе и придавать имъ излишнюю, не заслуженную ими важность: Англія, думаетъ онъ, несомнѣнно выдетъ побѣдительницею изъ открывающагося кризиса.

Главный доводъ для убѣжденія себя въ томъ, и главную причину къ успокоенію своему на сей счетъ, находитъ онъ въ томъ практическомъ, по преимуществу, складѣ англійскаго ума, въ той несомнѣнной практической мудрости его, которая и до сихъ поръ никогда не позволяла ему предаваться исключительно логическому развитію какой бы то ни было политической системы и доводить ее въ жизни до послѣднихъ крайностей. «Къ счастью своему, говоритъ онъ, Англія никогда не щеголяла слѣпымъ поклоненіемъ законамъ логики. Она издавна выговорила себѣ привилегію на отъявленнѣйшую непослѣдовательность, да и теперь не намѣрена приносить въ жертву логикѣ ни славы, ни благоденствія, ни безопасности своей.... Никогда она доселѣ еще не подвергала опасности трудомъ добытыхъ плодовъ своего гражданскаго развитія, никогда не безславилла своего торжества, и не переходила за назначенную себѣ цѣль. Поэтому не станеть она подражать тѣмъ странамъ, гдѣ всякое торжествующее начало (будь то власть, или свобода) немедленно же спѣшитъ рыть самому себѣ могилу руками своихъ льстецовъ и логиковъ; гдѣ вслѣдъ за провозглашеніемъ всякаго новаго или вновь воскресеннаго начала немедленно съ шумомъ сокрушаются всѣ противудѣйствующія

(1) id. p. 38.

силы, которыми сдерживалось это начало до минуты своего торжества, и которая теперь-то именно и становится для него всего болѣе необходимыми» (1). Такимъ средствомъ обузданія напрающей всюду демократіи должны служить сохранившіеся еще въ Англии остатки аристократическихъ учрежденій, во сколько они совмѣстимы съ новымъ зараждающимся бытомъ.

Но что же такое эта англійская аристократія? И въ чемъ заключается отвлеченная идея аристократизма вообще?

Гр. Монталамберъ не довольствуется однимъ простымъ изложеніемъ подиѣченныхъ имъ въ британской жизни фактовъ: вѣрный особенному свойству своего таланта и мышленія, всегда стремящагося къ возведенію случайныхъ и преходящихъ формъ жизни подъ общіе и вѣчные законы, истекающіе изъ самаго существа вещей, онъ и здѣсь опять стремится открыть первоначальный, отвлеченный, философскій источникъ аристократизма въ человѣчествѣ, его первоначальную законную причину бытія; точно также, какъ и противоположное понятіе о демократіи, независимо отъ всякаго внѣшняго, юридическаго опредѣленія, доведено имъ въ главныхъ своихъ развѣтвленіяхъ до самаго тайнаго и задушевнаго источника его въ сокровѣннѣйшихъ изгибахъ человѣческаго сердца.

Ни то, ни другое отвлеченное понятіе не формулировано имъ нигдѣ въ какомъ либо законченномъ видѣ и завершенной фразѣ; но отдѣльные для нихъ черты щедрою рукою разсыпаны по всей книгѣ; а потому намъ надобно будетъ опять постараться собрать и свести ихъ во едино для выраженія отвлеченной идеи аристократизма, точно также, какъ уже сдѣлано это нами для понятія о демократіи. Въ этой отвлеченной формѣ своей аристократическій характеръ народа, предварительно воспитанный въ немъ дѣйствительными аристократическими учрежденіями, можетъ продолжать существовать въ обществѣ даже и послѣ паденія этихъ самыхъ учрежденій, отпечатлѣваясь въ самыхъ пріемахъ и воззрѣніяхъ новой демократіи. Вообще, подобно тому, какъ въ крайнемъ развитіи демократіи Монталамберъ усматриваетъ незаконное отрѣченіе отъ человѣческой личности и личной самостоятельности, точно также аристократизмъ представляется ему въ идеѣ своей высшимъ осуществленіемъ этой личности и этого человѣческаго достоинства. Онъ съ любовію и съ вѣрою останавли-

(1) id. p. 58.

вается передъ этою мыслию, — завѣтнымъ, задушевымъ своимъ политическимъ убѣжденіемъ; отъ окончательнаго торжества ея въ новой просвѣтленной формѣ онъ ожидаетъ и въ новомъ демократическомъ обществѣ окончательной побѣды разума надъ грубой силою, и свободной личности человѣка надъ внѣшними требованіями толпы и демократизма. «Верхъ аристократизма, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, когда человѣкъ дерзаетъ сопротивляться неразумному требованію дня, смѣло ступаетъ на встрѣчу потока, низвергающагося съ высоты, и хранить гордую осанку въ то время, какъ все кругомъ его падаетъ ницъ и поклоняется, или ищетъ себѣ спасенія къ бѣгству» (1). Въ жизни, по его мнѣнію, всякая положительная аристократія должна быть не только независима, но еще для всѣхъ открыта и доступна, и въ особенности она должна быть полезна для народа: это свойство ставитъ онъ необходимымъ и первымъ условіемъ ея бытія, безъ котораго она не имѣетъ ни смысла, ни законнаго права на существованіе. «Таковъ, говоритъ онъ, величавый образъ англійской аристократіи, свободной, гордой, но благоустроенной, тѣмъ болѣе почтительной къ власти, что она отъ нея вполне независима, всегда доступная людямъ заслуженнымъ, всегда склонная къ полезнымъ усовершенствованіямъ и преобразованіямъ необходимымъ, но покоющаяся на твердой основѣ историческаго преданія и личнаго права....». «Вотъ аристократія, говоритъ онъ далѣе, покоющаяся на самомъ твердомъ изъ всѣхъ основаній, на заслугахъ общественному дѣлу и на безпрерывномъ отправленіи самостоятельной и доселѣ никѣмъ не опровергаемой власти.... Понятіе объ аристократіи проникло въ Англію всюду, ибо тамъ глубоко укоренилось чувство личной независимости, и энергіи, и личнаго значенія, которое есть самое существо аристократизма или власти, удѣленной гражданамъ достойнѣшимъ и полезнѣшимъ» (2).

Впрочемъ сочувствіе къ древнимъ аристократическимъ учрежденіямъ далеко не лишаетъ умнаго публициста яснаго и правльнаго на нихъ воззрѣнія и не связываетъ съ ними его мысли узами неразрывными. Онъ ясно сознаетъ возможность ихъ паденія, при новыхъ требованіяхъ общества, и, довольный тѣмъ, если удовлетворительно завершится ими дѣло воспитанія народнаго въ чувствахъ уваженія

(1) id. p. 250.

(2) id. p. 84. 91. 167.

къ личности и къ достоинству челоѣка, онъ также мало ищетъ искусственнаго возрожденія этихъ учрежденій, какъ мало съ другой стороны сочувствуетъ ихъ легкомысленному раззоренію.

«Единойды сокрушенную аристократію, говорить онъ, силы челоѣческія не воскресятъ вновь, также, какъ невозможно отъ корня вновь развести единойды расчищенную дубраву» (1).

Мы завершимъ картину англійскаго воззрѣнія на патриціатъ приводимыми Монталамберомъ словами изъ письма знаменитаго Бурка къ герцогу Ричмондскому, въ 1772-мъ году. «Вы, пшеть онъ, люди древнихъ родовъ, богачи наслѣдственные, вы не походите на насъ, людей новыхъ. Какую бы ни приобрѣли мы силу, какъ бы ни были вкусны и обильны плоды нашей жизни, мы все-таки всегда останемся растеніями однолѣтними: одного года достаточно намъ, чтобы созрѣть и увянуть. Но въ васъ, если вы дѣйствительно являетесь тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, мой взоръ любитъ признавать тѣ могучіе дубы, тѣмъ которыхъ въ теченіи многихъ и многихъ поколѣній доставляетъ спасительную прохладу огромнымъ пространствамъ. Не важны для насъ власть и личное вліяніе какаго-нибудь герцога Ричмондскаго или маркиза Рокингамскаго; но важень ихъ примѣръ и ихъ образъ дѣйствія. Онъ долженъ быть таковъ, чтобы черезъ его посредство могло быть передано преемникамъ славнаго имени вѣрное преданіе о ихъ предкахъ. Тогда только домъ ихъ содѣлаются живыми хранилищами общественной конституціи» (2).

Приступимъ наконецъ къ самому анализу политическаго устройства и условій существованія и силы англійской аристократіи, какъ намъ передаетъ ихъ Монталамберъ въ своихъ всегда вѣрныхъ изысканіяхъ; этотъ отдѣлъ сочиненія его есть безъ сомнѣнія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, и вмѣстѣ съ главою, посвященною устройству англійскихъ университетовъ и изображенію характера англійскаго общественнаго воспитанія, былъ преимущественно оцѣненъ всею англійскою литературою.

Много существенныхъ условій соединено тамъ исторіею для упроченія за аристократіею особенной силы и особеннаго вліянія. Изъ нихъ первое и самое общезвѣстное, это—существенное и постоянное

(1) id. p. 232.

(2) id. p. 81.

раздѣленіе аристократіи на двѣ партіи—Виговъ и Торіевъ, раздѣленіе, проходящее черезъ всю новую исторію Англій, и только весьма недавно, со времени знаменитаго преобразованія Сира Роберта Пилля, начинающее искажаться въ своемъ характерѣ и послѣдствіяхъ. Въ силу такого раздѣленія, постоянно питавшаго спасительное соревнованіе къ общественному дѣлу между двумя главными вѣтвями сословія, призваннаго къ управленію государствомъ, послѣднее никогда не могло сдѣлаться добычею и жертвою эгоистическихъ цѣлей или политической бездарности какого-либо замкнутаго кружка, чуждаго внушеніямъ гласности и требованіямъ народнымъ. Ибо, покуда одна сторона находилась у кормила правленія, другая постоянно стояла на сторожѣ, готовая воспользоваться всякою ошибкою первой и ловить малѣйшій намѣкъ народной воли, дабы изъ немедленнаго осуществленія его сдѣлать себѣ орудіе для достиженія власти; старый заслуженный герцогъ и молодой депутатъ, всѣ принимали равное участіе въ этой игрѣ парламентскихъ учрежденій, безпрерывно переходя съ министерскихъ скамей въ оппозицію и обратно, и непрестанно поддерживая въ эфемерномъ правительствѣ чувство политической бодрости, но никогда не выпуская власти изъ рукъ аристократій, той или другой. Въ подтвержденіе словъ гр! Монталамбера о спасительномъ для общественнаго дѣла характерѣ этой борьбы двухъ аристократическихъ партій приведемъ тѣ опасности, коими не разъ подвергалась Англія, особенно въ 18 вѣкѣ, при слишкомъ продолжительномъ случайномъ преобладаніи одной которой либо изъ двухъ сторонъ, когда несоразмѣрная сила одной изъ нихъ, казалось, обезпечивала ее отъ опасности быть сверженной и позволяла ей предаваться дремотѣ. Такъ, было напримѣръ, въ длинное управленіе Виговъ при Вальполѣ, оставившее по себѣ такую позорную память въ лѣтописяхъ Англій. Къ счастью подобные примѣры, по самому существу англійской жизни, никогда не могли, какъ въ другихъ земляхъ, обратиться въ общее правило; и временное политическое меньшинство, подъ эгидою положительныхъ политическихъ учрежденій, всегда оставалось въ Англій вѣриѣйшимъ хранителемъ народной пользы и свободы общественной.

Раздвоенная внутри себя, англійская аристократія, съ другой стороны, не подчинялась тѣмъ преданіямъ родовой замкнутости, которая существовала и въ Венеціи, и въ Германіи, и отчасти во Франціи, содѣйствуя во всѣхъ сихъ земляхъ постепенному образованію, виѣ

очарованнаго круга, новыхъ живыхъ и крайне враждебныхъ силъ, и подвергая его самого медленному, но неотразимому, физиологическому истощенію. На удивленныхъ, своеобразно сложившихся островахъ британскихъ, разумная знать всегда умѣла дать къ себѣ доступъ всѣмъ живымъ силамъ общества, охотно поглощала въ себя и осваивала себѣ всѣ тѣ живые элементы, которые всплывали на народной поверхности, успѣвъ отличиться отъ простой толпы какими-либо особенными заслугами. Даже во внутренней семейной жизни, различныя сословія не отдѣлялись другъ отъ друга несокрушимыми китайскими стѣнами: они охотно смѣшивались между собою и не признавали ничего постыднаго въ неравныхъ бракахъ, этому лучшемъ и единственномъ предохранительномъ средствѣ противъ вырожденія породъ. Такъ, замѣчаетъ графъ Монталамберъ, англійскому языку остались даже вовсе чужды, и не вѣютъ себѣ на немъ соответственнаго выраженія, два понятія — *parvenu et mésalliance* — надѣлавшія столько вреда во Франціи. И мы также (замѣтимъ то съ справедливою гордостію) принуждены привести здѣсь въ подлинникъ оба французскія слова, ибо простодушная рѣчь нашихъ предковъ, даже въ устахъ старыхъ бояръ московскаго княжества, какъ ни развитъ былъ въ нихъ политическій элементъ аристократизма, чужда была и чужда осталась этимъ понятіямъ мелочнаго тщеславія; а щегольское современное общество наше, не пуждаясь въ русскомъ языкѣ для выраженія своихъ нерусскихъ понятій, не умѣло изобрѣсти для нихъ новыхъ вполне соответствующихъ русскихъ словъ.

Кромѣ браковъ и повседневнаго непрестаннаго поглощенія въ ряды черства всякой личнѣсти, знаменитой по заслугамъ,—еще многими другими точками умѣла и донинѣ умѣетъ англійская аристократія приходить въ ближайшее и искреннѣйшее соприкосновеніе съ обществомъ и поддерживать свою живую съ нимъ связь: таковъ тотъ вѣковой обычай, по которому всѣ младшіе сыновья каждаго пера возвращаются въ общую, безразличную толпу гражданъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ другихъ, кромѣ нѣкоторыхъ связей и высшаго уровня образованія, упорнымъ трудомъ пріобрѣтеннаго на школьныхъ скамьяхъ, и долженствующаго въ свою очередь открыть имъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ жизни. Конечно подобный обычай предполагалъ цѣлую совокупность аристократическаго устройства всѣхъ вѣтвей служебной іерархіи — и притомъ не только свѣтской, гражданской и военной, но даже и духовной, для надѣленія младшихъ отраслей

древнихъ родовъ вещественными выгодами службы и церковныхъ мѣстъ. Противъ этого злоупотребленія, доселѣ впрочемъ сопрягавшегося для народа и съ нѣкоторыми выгодами, общественное мнѣнiе Англіи возстало съ необыкновенною силою, особенно подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ крымскаго похода; богатое среднее сословіе англійское искусно умѣло разжечь затронутое народное самолюбіе, изыскивая прежде всего облегченія и для собственныхъ своихъ сыновей доступа къ выгоднымъ синекурамъ, обеспеченнымъ государственными бюджетомъ, и поспѣшая воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы войти въ болѣе уравнительную дѣлежку съ многочисленною роднею Палаты Перовъ. Но послѣдняя не забыла еще старой тайны управленія, и конечно не свяжетъ своего политическаго существованія съ мелкимъ денежнымъ вопросомъ; она во время сумѣетъ сдѣлать нужныя уступки, и административная реформа безъ сомнѣнія разыграется также правильно, какъ уже правильно совершились и многія другія, не менѣе важныя преобразованія.

Вся совокупность вышеприведенныхъ явленій должна была неминуемо привести къ тому результату, что аристократизмъ въ Англіи, какъ справедливо и остроумно замѣчаетъ Монталамберъ, не сосредоточивается исключительно въ учрежденіи Палаты Перовъ и въ четырехъ или пяти стахъ семьяхъ, которыя носятъ званіе лордовъ и главы конхъ засѣдаютъ въ Верхней Палатѣ, но проникъ въ кости и въ мозгъ всего англійскаго общества, и во всѣхъ слояхъ его отпечатѣлся печатію, нелегко изгладимою. Въ особенности замѣтенъ этотъ аристократическій характеръ англійскаго общества на многіхъ тысячахъ семей землевладѣльцевъ, крупныхъ и мелкихъ, образующихъ то крѣпкое и здоровое, также всѣмъ доступное, сословіе *gentry*, англійскихъ помѣщиковъ, незапятнанныхъ неправильными и самопроизвольными отношеніями къ окружающей ихъ средѣ и изъ-подъ сѣни родныхъ дубравъ завѣдывающихъ всѣмъ мѣстнымъ управленіемъ областей, довольныхъ сознаніемъ выполненнаго передъ обществомъ долга, не получая за труды свои ни казеннаго жалованья, ни неизвѣстныхъ себѣ чиновъ. Но, вѣрнѣе сказать еще—въ Англіи аристократизмъ находится вездѣ и всюду, ибо все проникнуто въ этой счастливой странѣ чувствомъ личной самостоятельности и уваженія къ любезной старинѣ; для всякаго Англичанина, будь онъ лордъ или простолюдинъ, лучшее завѣтнѣйшее названіе родной страны есть «*old-merry England*», старая веселая Англія; онъ хвастается ея сѣдою

древностию, въ буряхъ и испытаніяхъ прожитыми ею вѣками; и хва-
стается ими, и любить ихъ также искренно и также безотчетно, какъ
искренно и безотчетно любилъ нѣкогда девизъ своихъ предковъ про-
стодушный потомокъ рыцарей—товарищей Чернаго Принца.

Въ странѣ, столько пропитанной аристократическимъ характеромъ,
сама аристократія конечно могла легче и безпрепятственнѣе, чѣмъ
въ другихъ государствахъ, удержать свои права и учрежденія. Но за
это снисхожденіе къ себѣ народа она впередъ и щедро расплати-
лась съ нимъ. «Пусть другіе, говорятъ Монталамберъ, восхваляютъ
«ея великолѣпіе, мужество, краснорѣчіе и политическую мудрость;
«они будутъ исполнѣт правы. Но я хвалю, благославляю ее выше всего
«за то, что она умѣла, прежде всей остальной Европы, внять го-
«лосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ
«подданнымъ, что она вступила въ правомѣрный съ ними союзъ, не
«будучи къ тому вынуждена ни вышшею властію, ни возстаніями, и
«при томъ совершила дѣло это съ такой неподдѣльной простотою, что
«едва едва можно съискать въ исторіи слѣды этого огромнаго и благо-
«дѣтельнаго переворота.... Когда и какъ свершилось это спаситель-
«ное отрѣченіе? Въ силу какого закона перестали англійскіе gentlemen
«составлять отдѣльную касту, перестали пользоваться непосредствен-
«нымъ правомъ суда и расправы, отказались отъ тягостныхъ и уни-
«чижительныхъ повинностей своихъ вассаловъ, отъ выгодной для себя
«барщинской ихъ работы? Все это намъ неизвѣстно.... А между
«тѣмъ тотъ, кто возьмется прослѣдить сквозь теченіе многихъ вѣ-
«ковъ отношенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ къ ихъ
«фермерамъ и сравнить ихъ съ пагубными раздорами дворянства и
«земледѣльческаго народонаселенія на материкѣ Европы, тотъ конечно
«напишетъ одну изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ страницъ исторіи все-
«мірной.... Достоверно только то, что послѣ страшныхъ возмущеній
«14-го и 15-го вѣковъ, выразившихся въ личностяхъ Вата Тилера и
«Якова Кеда, уже не видно болѣе въ англійской исторіи ни малѣйшаго
«слѣда сословныхъ войнъ; и что еще за два столѣтія до того времени,
«какъ дворянство французское, принеши въ жертву Людовику
«XIV свое достоинство и независимость, упорно старалось еще поддер-
«жать обветшалое и возмутительное зданіе своихъ феодальныхъ
«правъ, которому суждено было вдругъ съ шумомъ обрушиться въ
«памятную ночь 4-го Августа 1789-го года, дворянство англій-
«ское, gentry, уже освободило своихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

«избавлю себя отъ смертоцснаго ига этихъ историческихъ анахронизмовъ (1)».

Цѣною этой-то давнишней готовности своей къ установленію правильныхъ сословныхъ отношеній, этой мужественной борьбы своей противъ королевской власти за гражданскія права народа, англійская аристокрагія приобрѣла себѣ права, доселѣ незабытыя, на его любовь и уваженіе; эти неизмѣнныя къ ней чувства народа доставили ей возможность пережить эпохи самыхъ тяжкихъ для нея испытаній; даже въ тѣ дни, когда кромвелевская республика упразднила Палату Перовъ, когда изгнанная изъ городовъ, лишенная власти и вишняго блеска, она почасту терпѣла гоненіе и за релігіозныя свои убѣжденія, — и тогда она находила себѣ вѣрное пріютъище въ дѣдовскихъ замкахъ, гдѣ окружали ее сознательная любовь и наследственная преданность крестьянъ свободныхъ.

Въ настоящее время высшія сословія въ Англій подерживаютъ вліяніе и важность свою въ обществѣ съ одной стороны неутомимыми заботами о распространеніи всякаго рода улучшеній въ дѣлѣ вещественнаго обезпеченія и нравственно-духовнаго образованія народнаго, съ другой постояннымъ и почти исключительнымъ участіемъ въ дѣлѣ областного управленія. Почти невозможно назвать ни одного значительнаго предпріятія филантропическаго, во главѣ котораго не нашелся бы какой-нибудь лордъ или по крайней мѣрѣ какой-нибудь почтенный джентльменъ изъ высшихъ рядовъ общества. Распространеніе грамотности и священнаго Писанія въ бѣднѣйшихъ сословіяхъ народныхъ, улучшеніе жилищъ для мастеровыхъ и ремесленниковъ, умноженіе средствъ призрѣнія и врачеванія для немущихъ, обобщеніе полезныхъ техническихъ свѣдѣній посредствомъ публичныхъ чтеній, производимыхъ часто людьми высшаго свѣтскаго круга, составленіе разнообразнѣйшихъ обществъ для всякаго рода усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, всякія публичныя выставки и митинги объ общепользныхъ предметахъ, наконецъ даже забавы народныя, скачки и всякаго рода Sport или охота, — все находятъ себѣ искреннее неподдѣльное сочувствіе и нравственную денежную поддержку въ самыхъ щегольскихъ слояхъ англійской знати. Такой либеральный обычай придаетъ общественной жизни особенную крѣпость и самостоятельность: здѣсь неужно правительственнаго вмѣшательства въ дѣло общества; даже болѣе того — положи-

(1) id p. 93—04.

тельный вредъ отъ подобнаго вмѣшательства ясно всѣми сознатъ , и спасительное начало self-government (самоуправленія) самовластно и неограниченно владычествуетъ во всей области англійской общественной жизни. Добровольная подписка—вотъ тотъ неисчерпаемый источникъ, который питаетъ почти всѣ безчисленныя богоугодныя заведенія Англїи; но вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе ими остается исключительнымъ дѣломъ частныхъ благотворителей: Англичанинъ, жертвующій и деньги, и время, и всю жизнь свою на общепольное дѣло, и связывающій съ нимъ всѣ силы своего самолюбія, никогда не пойметъ, чтобы могло когда-нибудь прійти на мысль правительству отнять у него законное участіе въ управленіи имъ самимъ поддерживаемаго заведенія или дѣла, точно также какъ не пойметъ онъ, чтобы правительство могло сѣмъ лучше его самого управиться съ мѣстными дѣлами его прихода или графства, и отобрать ихъ въ вѣдомство какого-нибудь центрального учрежденія. Отъ этого централизація и цензурная спутница ея, бюрократія, вообще мало сочувственны Англичанину, и встрѣчаютъ себя доселѣ дѣятельное противудѣйствіе въ историческомъ преданіи и народномъ обычаѣ. Впрочемъ Монталамберъ съ ужасомъ указываетъ на усиливающееся значеніе этихъ новыхъ началъ и на грозящія отъ нихъ опасности старому быту Англїи и ея свободнымъ учрежденіямъ; онъ призываетъ всѣхъ искреннихъ друзей свободы дать имъ дружный отпоръ. Мы уже имѣли случай въ иномъ мѣстѣ (1) привести его краснорѣчивыя по этому поводу слова, и не станемъ ихъ повторять здѣсь вновь. Обратимъ только особенное вниманіе читателя еще на одно замѣчаніе Монталамбера, крайне вѣрно, какъ и всѣ психическія наблюденія его надъ обществомъ человѣческимъ. Онъ думаетъ, что только въ высшей степени развитое разнообразіе общественныхъ правъ и законное признаніе вмѣшательства личной воли частныхъ лицъ въ дѣло общественное, способны сломить въ самомъ зародышѣ его то пагубное государственное однообразіе, которое всюду воспитывается централизаціею и бюрократіею; онъ утверждаетъ, что послѣднія навѣвають на жизнь элементъ безотчетной скуки и томленія, которыя для современнаго общества являются одною изъ существеннѣйшихъ и повседневнонѣйшихъ его опасностей. Отъ этой скуки гражданинъ можетъ быть избавленъ лишь предоставленіемъ ему отъ государства полного и искренняго простора въ ближайшей области своей дѣятельности; иначе она

(1) Русская Бесѣда 1856. кн. III, «Обозрѣніе внутренняго законодательства.»

съ неотразимою силою овладѣваетъ имъ и распространяетъ во всемъ обществѣ то пагубное чувство томленія, которое нѣкогда внушило Ламартину знаменитую и къ сожалѣнію пророческую фразу его: «*La France s'ennuie*».

Впрочемъ, независимо отъ нравственного и въ высшей степени либеральнаго характера своего, англійская аристократія, и съ нимъ вмѣстѣ духъ аристократизма въ Англїи, покоится еще на одномъ положительномъ учрежденїи—на законѣ о такъ называемыхъ субституціяхъ. Учрежденіе это въ той формѣ, въ какой оно нынѣ существуетъ въ Англїи, никакъ не должно быть смѣшиваемо съ учрежденіемъ маюратовъ; оно стоитъ далеко выше его и по идеѣ, и по политическимъ послѣдствіямъ своимъ, и въ особенности по тому жизненному своему характеру, который избавляетъ его отъ опасности мертвеннаго окостенѣнія, на подобіе исключительно-аристократическихъ учрежденій прочей западной Европы. Въ идеѣ своей все учрежденіе англійское основывается на свободномъ правѣ всякаго гражданина располагать по произволу всѣмъ имуществомъ своимъ по духовному завѣщанію, въ пользу кого онъ пожелаетъ; поэтому привычка дѣлать завѣщаніе, для всякаго Англїчанина сдѣлавшаяся настоятельнымъ требованіемъ, нигдѣ такъ не распространена, какъ въ Англїи. На дѣлѣ, по закону, все недвижимое имѣніе умершаго, если онъ не распорядился о немъ предварительно духовнымъ завѣщаніемъ, переходитъ къ старшему сыну его; но вмѣстѣ съ тѣмъ всякому человеку предоставляется полное право при своей жизни сдѣлать духовную, и съ полною и неограниченною свободою завѣщивать свое имѣніе, кому и въ какой мѣрѣ онъ пожелаетъ. Въ этомъ отношенїи законъ дозволяетъ въ Англїи завѣщателю болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ: ему предоставлено право, если онъ пожелаетъ, субституировать, такъ сказать, упрочить свое недвижимое имѣніе, т. е., завѣщать его на два поколѣнія, установить, что имѣніе это должно перейти послѣ него къ старшему сыну, а послѣ смерти послѣдняго—къ старшему его сыну, въ полномъ, нераздѣльномъ составѣ. Но здѣсь опять благоразумно ограничиваются закономъ дѣйствія его воли: далѣе втораго поколѣнія воля завѣщателя не распространяется, и если внукъ его пожелаетъ продолжать далѣе въ семьѣ своей подобный порядокъ наслѣдованія, то онъ принуждетъ сдѣлать новое формальное о томъ распоряженіе; онъ долженъ возобновить субституцію. Всѣ эти распоряженія о субституціяхъ недвижимыхъ имѣній

устанавливаются и входят въ законную силу безъ всякаго вмѣшательства въ то верховной власти, единымъ дѣйствіемъ личной воли и личнаго произвола владѣльца. Съ другой стороны, сынъ, наслѣдовавшій субституированное имѣніе, и внукъ, имѣющій на него дальнѣйшее право, могутъ всегда, по достиженіи послѣднимъ законнаго совершеннолѣтія, по взаимному согласію своему, уничтожить волю первоначальнаго завѣщателя, и вновь возвратить временно упроченному недвижимому имѣнію его свободный оборотный характеръ, предоставляемый англійскимъ законодательствомъ личной волѣ челоуѣка въ распоряженіи его имѣніемъ на случай смерти. Изъ Англійи перенесенное въ Сѣверо-американскіе Штаты, учрежденіе субституцій сохранилось тамъ въ первоначальномъ образѣ своемъ лишь до войны за независимость; съ освобожденіемъ Америки, оно было отмѣнено въ нѣкоторыхъ штатахъ, и прежде всего въ Виргиніи и Ньюоркѣ (въ 1776 и 1786 годахъ), въ другихъ же сохранилось еще до нынѣ; только въ порядкѣ наслѣдованія по закону, или наслѣдованія *ab intestat* введено значительное улучшеніе въ смыслѣ демократическомъ, а именно постановлено, что въ случаѣ, если челоуѣкъ умираетъ, не сдѣлавши духовнаго завѣщанія, недвижимое его имѣніе переходитъ не къ одному старшему сыну, какъ въ Англійи, а дѣлится поровну между всѣми его дѣтьми; впрочемъ неограниченная свобода завѣщателя тщательно за нимъ удержана. Драгоцѣнное указаніе на эти видоизмѣненія находимъ мы въ примѣчаніяхъ Токвиля къ сочиненію его «О демократіи въ Америкѣ.»—Изъ представленнаго очерка вполне, кажется, ясно превосходство англійскаго учрежденія субституцій надъ обыкновенными маіоратами, ибо послѣдніе устанавливаются почти всегда не иначе, какъ при сложномъ содѣйствіи правительства, никогда не подлежатъ уничтоженію по взаимному согласію всѣхъ наслѣдниковъ, носятъ наконецъ ложный характеръ учрежденія вѣчнаго, долженствующаго пережить всѣ роды и всѣ поколѣнія, и потому вполне бессмысленны въ новомъ обществѣ, живо сознающемъ временное и преходящее свойство всякаго гражданскаго учрежденія. Монталамберъ противопоставляетъ англійское законодательство о наслѣдованіи ученію французскаго гражданскаго уложенія, деспотически предписывающаго ровный дѣлежъ имѣнія, не предоставляющаго даже и отцу семейства почти никакого простора въ опредѣленіи надѣловъ дѣтей своихъ и, подъ личиною демократизма, (а въ сущности ради выгодъ преобладанія центральной государственной

власти), производящего такимъ образомъ самое право собственности на степень какъ бы временнаго пожизненнаго пользованія. Еще ближе и подробнѣе, и при томъ съ замѣчательною оригинальною пріемовъ, изслѣдуетъ этотъ вопросъ другой французскій публицистъ Le Play, авторъ недавно вышедшаго любопытнаго во всякомъ случаѣ сочиненія «*Les Ouvriers Européens*». Онъ посвятилъ этому предмету цѣлую главу изслѣдованія своего, и, никогда не теряя его изъ виду, охотно указываетъ на существующій въ Швейцаріи, Венгріи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ обычай совокушнаго перехода всего недвижимаго имущества, остающагося послѣ умершаго, къ одному которому нибудь изъ сыновей—старшему, второму, или даже меньшему. Лепле разсматриваетъ вопросъ преимущественно въ отношеніяхъ его къ сословію поселянъ, утверждая крайнюю важность сохраненія между послѣдними однажды установленныхъ обычаевъ, временемъ и мѣстными удобствами единицъ хозяйственныхъ, которыя отъ равныхъ между сыновьями раздѣловъ дробятся, не представляя для нихъ уже никакой полной хозяйственной единицы, не обезпечивая ихъ въ будущемъ, часто, напротивъ, повергая изъ нихъ малосмысленныхъ въ еще бѣольшую нищету черезъ насильственное ихъ, такъ сказать, прикрѣпленіе къ дробному недостаточному клочку земли, или раззоряя лучшихъ, при неблагодарной и дорого стоящей работѣ возсозданія единожды нарушенныхъ прежнихъ единицъ. Онъ заявляетъ далѣе вредное вліяніе французскаго закона на развитіе семейной жизни въ низшихъ сословіяхъ, на упадокъ власти родительской, тѣсно сопряженный съ легальнымъ стѣсненіемъ воли завѣщателя, наконецъ на духъ враждебности, воспитываемый имъ между сонаслѣдниками, членами одной семьи, и вовсе чуждый тѣмъ странамъ, гдѣ дѣйствуетъ наследственное право, менѣе стѣснительное и менѣе повелительное въ своихъ постановленіяхъ. Монталамберъ подходит къ вопросу съ другой стороны; его болѣе занимаютъ крупныя и средніе землевладѣльцы. Всякій Англичанинъ, говоритъ онъ, упорнымъ трудомъ пріобрѣтшіи капиталъ, спѣшитъ купить недвижимую собственность и субституировать ее, дабы черезъ то увѣковѣчить плоды своего труда. «Тутъ нѣтъ аристократическаго чувства въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову; но тутъ чувство весьма естественное, управляющее всякимъ обществомъ человѣческимъ—любовь къ упрочиванію и забота о будущемъ.... Учредивъ субституцію въ новопробрѣтенномъ имѣніи своемъ, Англи-

чания тѣмъ самымъ влагаетъ въ лоно семьи своей живительное сѣмя прочнаго, продолжительнаго, надолго разрастающагося существованія: онъ тѣмъ самымъ надолго замѣняетъ въ немъ слѣпыя внушенія обиденной аличности попечительною заботою о грядущемъ... Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ знаетъ навѣрное, или, по крайней мѣрѣ, твердо надѣется, что въ свою очередь впускъ его, по достиженіи имъ совершеннѣйшаго, послѣдуетъ его примѣру: и, должно сказать, онъ рѣдко бываетъ обманутъ въ своей надеждѣ» (1).

«Такъ, говорить онъ далѣе, образуются у наследственнаго очага, подъ тѣнію деревъ, насажденныхъ отцами, эти спокойныя и цѣльныя существованія, эти благородныя и чистыя поколѣнія, которыя воплощаются въ образъ англійскаго country gentleman'a. Тамъ-то научаются они тому свѣтлому чувству личнаго достоинства, той почтительной, и вмѣстѣ вполне самой себя удовлетворяющей независимости, тому отсутствію подлости и нахальства, словомъ тѣмъ почтеннымъ чертамъ, которыхъ въ свою очередь они могутъ служить лучшими образцами. Тамъ-то развивается въ нихъ то спокойное ощущеніе обезпеченнаго благосостоянія, которое служитъ твердою основою государственному спокойствію» (2). Возвышенныя личности двухъ сельскихъ владѣльцевъ, англійскаго и американскаго, Гамидена и Вашингтона, являются Монталамберу лучшимъ и естественнымъ плодомъ такого правильнаго жизненнаго строя.

Обращаясь взоромъ къ нашему отечеству, мы не можемъ не признать, что дѣйствующіе въ немъ законы о наследованіи, близко подходя къ англійскимъ, и въ особенности американскимъ, далеко превосходятъ законодательство французское. Они покоются на признаніи довольно полной свободы завѣщателя въ своихъ распоряженіяхъ и на началѣ равенства всѣхъ сыновей въ наследованіи послѣ отца своего. Мы знаемъ въ послѣднемъ отношеніи, что учрежденіе маіоратовъ, со всѣми экономическими его несообразностями, далеко несочувственно нашему обществу, и даже могучею волею Петра не могло быть насильственно къ нему привито. Тѣмъ не менѣе теперь, когда ежедневно пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе важности вопросъ о возможномъ упроченіи недвижимыхъ имѣній сельскихъ въ однихъ рукахъ на нѣсколько-продолжительный срокъ, вопросъ, тѣсно связанный

(1) Montalembert, p. 105.

(2) id. p. 3.

съ возбужденіемъ повсюду, или, правильнѣе, возрожденіемъ у насъ живой мѣстной жизни и мѣстныхъ союзовъ, когда съ другой стороны учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, основанное Александромъ Благословеннымъ, уже получило значительное развитіе, и когда ему безъ сомнѣнія открывається новая еще блистательнѣйшая будущность, — теперь, думаемъ мы, настало, быть можетъ, время поразмыслить о томъ: неприложимо ли къ нашему быту англо-американское учрежденіе субституцій, и преимущественно американское, разумѣется, не насильственно-привитое закономъ, какъ учрежденіе для всѣхъ обязательное, но предоставленное въ употребленіи своемъ на свободный произволъ каждаго отца семейства? Не будетъ ли оно благотвѣльно и спасительно для дворянства? Не обезпечитъ ли оно и свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ одной стороны отъ безконечнаго дробленія ихъ поземельной собственности (1), съ другой — отъ нерѣдка встрѣчающагося сосредоточенія ея въ рукахъ немногихъ богатѣйшихъ изъ нихъ?...

Другое твердое основаніе и другой живой источникъ особенностей англійской жизни Монталамберъ находитъ въ методѣ воспитанія и учрежденіяхъ, служащихъ къ образованію англійскаго юношества высшихъ сословій. Къ сожалѣнію онъ обращаетъ мало вниманія на средства воспитанія дѣтей изъ сословій низшихъ, изъ рабочихъ классовъ, городского и земледѣльческаго, и лишь мимоходомъ указываетъ въ двухъ другихъ главахъ своего сочиненія на дѣятельное участіе, принимаемое въ этомъ дѣлѣ англійскимъ духовенствомъ и высшимъ англійскимъ обществомъ, въ лицѣ аристократіи поземельной и владѣльцевъ значительныхъ мануфактурныхъ заведеній. Онъ приводитъ лишь отдѣльные примѣры того и другаго, а равно и нѣкоторыя поразительныя цифры, непреложно доказывающія добросовѣстныя и слишкомъ мало оцѣненныя еще заботы англійскаго духовенства о нравственномъ и духовномъ образованіи своей паствы (2);

(1) Хотя по закону вся земля должна быть въ личной собственности свободныхъ хлѣбопашцевъ, однако въ весьма многихъ селахъ они сохранили общинное владѣніе землей, какъ болѣе сродное русскому человѣку. Впрочемъ предполагаемое здѣсь измѣненіе въ порядкѣ наслѣдованія могло бы быть съ болѣею пользою принято въ отношеніи къ личной отдѣльной земной собственности, которая можетъ и должна существовать и при общинномъ владѣніи землею. *Изд.*

(2) Любопытны эти цифры: въ 1847 году англійское духовенство содержало 21,000 школъ, при 81,000 наставниковъ и 1,500,000 учащихся, употребляла на

и указывает на особенный характер этого благодѣтельного и просвѣщеннаго попеченія высшихъ слоевъ общества о меньшихъ братіяхъ своихъ, на совершенную независимость его отъ всякаго officialнаго покровительства и поощренія его правительственною властію, на полную свободу его въ своихъ дѣйствіяхъ. Всякаго сожалѣнія достойно конечно, что искусное и правдивое перо почтеннаго автора не взялось прослѣдить глубже этотъ любопытный вопросъ: при дальнѣйшемъ изслѣдованіи онъ безъ сомнѣнія указалъ бы подробно на живительныя послѣдствія для народнаго образованія въ низшихъ его слояхъ того серьезнаго, свободнаго и многосторонняго воспитанія, которымъ измлада обогащаются въ Англіи сыны лучшихъ ея семей, на взаимное соотношеніе того и другаго образованія и живую ихъ связь, которая ни однимъ обществомъ и ни однимъ правительствомъ безнаказанно не могутъ быть забыты, наконецъ на ту живую силу, которая охраняетъ отъ всякаго истиннаго и существеннаго зла, которая составляетъ удѣлъ всякой свободно-развивающейся жизни въ дѣлѣ общественнаго и народнаго просвѣщенія, и всегда съ несомнѣнною выгодною замѣняетъ въ ней мелочную, придиричивую и раздражающую дѣятельность предупредительныхъ образовательныхъ учрежденій. Впрочемъ мы не въ правѣ требовать отъ

это ежегодно изъ собственныхъ доходовъ до 5,500,000 руб. серебромъ. Графъ Монталамберъ могъ бы присоединить къ этому дѣйствію библейскихъ обществъ англійскихъ, съ благочестивою и просвѣщенною ревностію распространяющихъ священное Писаніе по всей вселенной и на всѣхъ языкахъ, по самымъ сходнымъ цѣнамъ; напримѣръ превосходныя изданія Библии въ лучшихъ переплетахъ по 75 к. сер., и Новаго Завета по 15 к. сер. Замѣчательно, что при этомъ многочисленнымъ расходомъ, изданія существовавшіе въ англиканской церкви, постоянно уменьшаются въ численности своей, и обращаясь уже преимущественно къ второстепенному вопросу іерархическаго устройства церкви, сдвигаются съ нею самою въ дѣлѣ воспитанія, въ общеніи нравственныхъ началъ жизни и въ чувствахъ искреннаго къ нимъ уваженія. Лучшія книги и сочиненія англійскія, могущія служить къ духовному образованію народа, безпрестанно печатаются въ Англіи трудами и иждивеніемъ частныхъ лицъ и обществъ въ несмѣтномъ множествѣ экземпляровъ и изданій. Приведемъ въ примѣръ извѣстную книгу «Line upon line or a second series of the earliest religions instruction», вышедшую въ 1855 году въ Лондонѣ послѣ многихъ другихъ изданій, въ новомъ выпускѣ превышающемъ *шестьдесятъ тысячъ экземпляровъ*; другая книга: «the Pilgrims progress», духовно-мистическаго содержанія, имѣетъ еще болѣе успѣха. Не говоримъ уже о типографическихкихъ предпріятіяхъ коммерческихкихъ—о баснословной, напримѣръ, распродажѣ извѣстной книги г-жи Бичеръ Стовъ «Дядя Томъ», описывающей нравы американскихъ плантаторовъ и ихъ невольниковъ, и по появленіи своемъ въ Сентлабрѣ мѣсяцѣ 1852 года расходившемся, по свидѣтельству Edinburgh review, въ одномъ Лондонѣ ежедневно въ числѣ болѣе 10,000 экземпляровъ.

отд. III.

4

писателя болѣе, чѣмъ сколько онъ нашелъ для себя возможнымъ дать намъ, и съ живою благодарностію должны принять благородный трудъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его начерталъ. Всякому любителю просвѣщенія отъ души совѣтуемъ прочесть XI главу сочиненія графа Монталамбера «О школахъ и университетахъ» въ подлинникѣ, все обиліе и богатство содержанія коего не легко можетъ быть передано въ краткомъ обзорѣ и въ немногихъ, еще болѣе краткихъ, выпискахъ. Онъ останавливается сперва на тѣхъ «трехъ или четырехъ обширныхъ учебныхъ учрежденіяхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ - Итонъ и Гарро (основанныя въ 1441 и 1585 годахъ) и которыя, подъ скромнымъ названіемъ училищъ (schools), принимаютъ въ нѣдра свои почти всѣхъ безъ исключенія дѣтей достаточныхъ семействъ Англіи, и даютъ имъ вмѣстѣ классическое и мужественное воспитаніе, руководимое лучшими людьми изъ англійскаго духовенства (1).» Они отличаются, говоритъ онъ, отъ всѣхъ учрежденій французскихъ своею древностію, непрестанно напоминаемою школьникамъ рядами портретовъ и бюстовъ всѣхъ прежде въ тѣхъ же стѣнахъ получившихъ воспитаніе великихъ мужей, и удивительнымъ помѣщеніемъ своимъ вдали отъ значительныхъ городскихъ средоточій, въ деревнѣ, гдѣ рѣзвые юноши пользуются почти неограниченною свободою.» Извѣстна любовь Англичанъ къ жизни деревенской и благотѣльное воздѣйствіе ея на нихъ. Естественно поэтому развилась въ нихъ мысль уединить среди полей эти живые разсадники истинно-народнаго образованія; да и невозможно придумать что-либо, болѣе соответственное потребностямъ нравственнаго и физическаго развитія юношества... Вокругъ училищныхъ зданій обширныя луга, прихотливо омыаемыя Темзою, образуютъ прекрасный паркъ, испещренный то роскошными дубравами, то зелеными луговинами. Впрочемъ не однимъ этимъ мѣстомъ ограничены дѣти въ свои часы отдохновенія: они безпрестанно густыми толпами бѣгаютъ то въ сосѣднее мѣстечко, то въ сопредѣльные поля; вообще за исключеніемъ часовъ, назначенныхъ для ученія, они пользуются почти совершенною свободою, и весьма рѣдко случается, чтобъ они употребили ее во зло. Безъ надзирателей, безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя налагаютъ на нихъ немногіе вѣковѣчные обычай и то чувство само-

(1) Montalembert. p. 154.

уваженія, конемъ прочитанъ всякій Англичанинъ, они такимъ образомъ съ ранней молодости и притомъ съ необузданною энергією начинаютъ обучаться привычкамъ жизни общественной и тайнѣ самоуправленія (self-government), на подобіе того, какъ нѣкогда обучались тому же и ихъ собственные отцы, да и наши предки въ эпоху среднихъ вѣковъ. Число прилежныхъ воспитанниковъ не болѣе у нихъ, чѣмъ у насъ, быть можетъ, даже и меньше: но классическое изученіе древнихъ языковъ, въ замѣчательной степени развитое между нѣкоторыми, любимо и уважаемо всѣми безъ изыятія. Къ тому же широкимъ потокомъ текутъ въ этихъ дѣтяхъ дары жизни, здоровья и ума, порождая въ повседневномъ настроеніи ихъ ту, вмѣстѣ почтительную и откровенную, ясность души, которая рѣдко встрѣчается въ воспитанникахъ нашихъ коллегіальныхъ казармъ (1).»—Этому естественному и правильному строю жизни англійскаго юношества графъ Монталамберъ противопоставляетъ бытъ училищъ французскихъ, въ картинѣ, заимствованной имъ изъ собственнаго опыта и изъ классическихъ по этому предмету сочиненій гг. Ленормана «Объ изученіи классическихъ языковъ», и Лорена «О народномъ образованіи въ Англійи.» Замѣчательно въ особенности у Лорена энергическое осужденіе всей французской системы обученія. Мнѣніе его тѣмъ достойнѣе вниманія, что самъ онъ долгое время былъ многоуважаемымъ ректоромъ одного изъ французскихъ лицеевъ: «Невозможно людямъ, коротко знающимъ наши коллегіи, не убѣдиться, что такое систематическое подавленіе дѣтскихъ умовъ въ теченіи 10 лѣтъ, и притомъ въ ту раннюю эпоху ихъ развитія, когда откровенная натура юноши всего настоятельнѣе требуетъ себѣ свободнаго простора, должно вести къ искусственному ихъ ожесточенію; и что все внутреннее развитіе ихъ насильственно направляется на постоянное накопленіе чувства ненависти къ вѣшнему правилу и къ власти... При устройствѣ новыхъ заведеній необходимо начать съ совершенной отиѣны этой казарменной жизни, которой императоръ (Наполеонъ I) преднамѣренно подчинялъ дѣтей, дабы подготовить ихъ къ солдатскому быту.»—Съ своей стороны мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что тайна любви англійскаго общества и англійскаго юношества къ классической древности и литературѣ лежитъ далеко не въ одной только общеупотребительности этого классическаго изученія въ учебныхъ учрежде-

(1) Montalembert. p. 156—157.

нихъ Англіи, которѣе почасту встрѣчается и въ другихъ странахъ, но возбуждая ни въ учащихся, ни въ обществѣ того же сочувствія къ Грекамъ и Римлянамъ; мы полагаемъ, что тайны этой должно искать въ самомъ образѣ преподаванія классическихъ языковъ, въ методѣ, ограничивающемся не однимъ изложеніемъ законовъ построенія ихъ и не однимъ усвоеніемъ юношеству ихъ формальныхъ трудностей и тонкостей, но простирающемся въ особенности на разъясненіе и усвоеніе ему самаго содержанія классическихъ писателей, ихъ здраваго, художественнаго, политическаго и философскаго воззрѣнія на жизнь, ихъ постояннаго, глубоко-искренняго чувства любви къ своему отечеству, любви къ вѣчнымъ идеямъ истины, добра и красоты. Только тамъ, гдѣ допущено такое широкое и свободное толкованіе ихъ, часто лежащееся неумолимою критикою на мелочность и лживость современнаго быта, только тамъ въ правѣ мы ожидать отъ юношества сочувствія къ классическому изученію, и отъ взрослыхъ поколѣній,—живыхъ плодовъ и практической пользы подобнаго образованія.

Далѣе Монталамберъ переходитъ къ университетамъ; они поражаютъ его своимъ средневѣковымъ характеромъ, еще яснѣе и осязательнѣе сохранившимися въ нихъ, нежели въ вышеупомянутыхъ училищахъ. «Англійскіе Университеты, говоритъ онъ, точно также, какъ и англійская конституція и вся жизнь Англіи, суть не что иное, какъ великолѣпнѣйшій образецъ древняго средневѣковаго общества, въ томъ видѣ, какъ существовало оно во всей западной Европѣ... Нигдѣ во всемъ свѣтѣ средніе вѣка не являются намъ столько живымъ еще учрежденіемъ, какъ въ Оксфордѣ или Кембриджѣ: они не поражаютъ насъ здѣсь видомъ какого нибудь лжевоскресенія или не представляются искусною древнею мозаикою, откапываемою изъ-подъ неугасшей еще лавы революцій. Нѣтъ, здѣсь средніе вѣка никогда не вымирали (1)»... Монталамберъ любитъ напоминать намъ объ отдаленной эпохѣ основанія почти всѣхъ коллегій, образующихъ англійскіе университеты, и о вліяніи католицизма на ихъ развитіе; онъ съ особенною охотою и неизмѣнною свѣжестію таланта останавливается на описаніи великолѣпія ихъ внѣшняго вида, съ ихъ дѣльными памятниками средневѣковаго зодчества, съ ихъ обширными садами и парками, и вѣковыми дубравами, полъ тѣнію коихъ до нынѣ

(1) Montalembert, p. 161. 170.

беззаботно гуляютъ стада оленей и павлиновъ, тщательно содержи-
мыхъ согласно буквѣ завѣщаній благотворительныхъ учредителей
этихъ коллегій, уже за нѣсколько вѣковъ почившихъ. Въ краткихъ
чертахъ описываетъ онъ также строгую, уединенную, связанную съ
соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, жизнь англійскихъ студентовъ.
Наконецъ онъ указываетъ на главныя историческія основанія, на
которыхъ покоются особенное значеніе и характеръ университетовъ
англійскихъ и ихъ вліяніе на общественную жизнь.

Первымъ основаніемъ этого вліянія является совершенная ихъ не-
зависимость и самостоятельность въ отношеніи къ исполнительной
власти или правительству, собственно такъ называемому. По назна-
ченію послѣдняго завіщаются только 8 профессорскихъ кафедръ въ
Оксфордѣ, и 6 въ Кембриджѣ, т. е., число самое незначительное.
Всѣ же прочіе члены и начальники университетовъ, всѣ члены раз-
личныхъ коллегій, совокупность коихъ образуетъ университетъ,
избираются самимъ университетомъ, безъ всякаго виѣшательства въ
это дѣло правительства и даже безъ всякаго съ его стороны утверж-
денія. Они не получаютъ отъ казны жалованья и не даютъ ему
отчета въ своей дѣятельности. Учебная програма, условія приѣма и
экзаменовъ, все внутреннее управленіе и дисциплина, находятся въ
круга дѣйствія правительственной власти и зависятъ единственно отъ
самихъ университетовъ. Всѣ расходы на содержаніе ихъ покрыва-
ются платою, взимаемою съ студентовъ, и доходами съ многочислен-
ныхъ и богатыхъ недвижимыхъ имѣній, издавна составляющихъ соб-
ственность коллегій и большею частью завѣщанныхъ имъ первоначальными
ихъ основателями. Наконецъ званіе канцлеровъ англій-
скихъ университетовъ, пожизненно облакаемыхъ въ этотъ санъ сво-
боднымъ избраніемъ всѣхъ докторовъ и магистровъ, считается высшею
въ Англій почестію, которою могъ гордиться самъ престарѣлый гер-
цогъ Веллингтонъ; и даже честь засѣдать въ нижней палатѣ въ
качествѣ депутатовъ отъ университета обыкновенно достается въ
удѣлъ лишь лучшимъ людямъ парламента, въ видѣ лестной награды
за долговременное и обильное плодами политическое поприще.

Все вышесказанное очевидно полагаетъ существеннѣйшее различіе
между учрежденіемъ англійскимъ и университетами на материкѣ
Европы, и въ особенности во Франціи, гдѣ первый Наполеонъ, на
развалинахъ средневѣковыхъ университетовъ и вольныхъ училищъ.

воздвигъ однообразное зданіе государственнаго воспитанія, преподаваемого обществу казенными чиновниками за казенное жалованье.

Вторая отличительная черта университетовъ англійскихъ, это—ихъ сложный составъ, вслѣдствіе котораго они являются живою совокупностію или союзомъ множества коллегій; въ Кембриджѣ ихъ считается 17, въ Оксфордѣ 24. Каждая коллегія есть не что иное, какъ маленькая республика, свято хранящая статуты, завѣщанные ей отъ ея основателя и обыкновенно теряющіеся во мракѣ отдаленной древности. Она имѣетъ свою исторію, свою особенную славу, свои спеціальныя академическія почести (honours), своего безсѣннаго главу, единожды избраннаго всѣми товарищами (fellows), число которыхъ въ разныхъ коллегіяхъ различно, отъ 10 до 100, и которые живутъ въ академическихъ зданіяхъ и посвящаютъ себя образованію студентовъ. Товарищи не могутъ быть женаты; особое помѣщеніе дается каждому изъ нихъ и каждому студенту, но служба церковная и общая трапеза ежедневно по нѣскольку разъ соединяютъ всѣхъ и поддерживаютъ между всѣми живую непрерывную связь; а общій условный нарядъ, не произвольно выдуманный кѣмъ либо, а завѣщанный преданіемъ, кладетъ на всѣхъ виѣшнюю осязательную печать внутренняго единства. Такова въ Англій организациія образованія, даваемого юношеству аристократическихъ слоевъ общества.

Мы знаемъ, что подобное по преимуществу историческое устройство университетовъ, не лишнее конечно своихъ невыгодныхъ сторонъ даже въ самой Англій, вообще мало сочувственно нашей публикѣ, и находятъ себѣ у насъ многихъ, почти безусловныхъ, порицателей. Да и въ Англій, и въ особенности во Франціи, университеты эти въ глазахъ многихъ слывутъ учрежденіями отсталыми, слишкомъ богатыми, слишкомъ непроизводительными и слишкомъ мало пишущими. «Но, справедливо замѣчаетъ гр. Монталамберъ, на все это англійскіе университеты могутъ побѣдоносно отвѣчать, указавъ на добытые ими результаты, т. е., на самый народъ, ими воспитанный въ лицѣ его высшихъ политическихъ сословій: ибо задача ихъ, какъ прекрасно выразился докромъ Пюзей, состояла не въ томъ, чтобы произвести множество книгъ, а въ томъ, чтобы производить людей» (1). Какъ глубоко соответствуютъ до нынѣ эти университеты народнымъ потребностямъ своего отечества, это явса

(1) id. p. 174.

изъ того уваженія, въ коемъ они у него состоятъ, и изъ той, почти суевѣрной, осторожности, съ которою понемногу прикасается къ его древнимъ статутамъ самъ Парламентъ, какъ ни пріобыкъ онъ уже теперь къ постепенному введенію коренныхъ преобразованій въ прочихъ частяхъ государственной жизни. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы подобное же устройство было примѣнимо въ настоящее время къ другимъ землямъ? Это совершенно иной вопросъ, и мы конечно не усумнимся отвѣчать на него отрицательно; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только цѣною прелоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ внѣшней власти и прочнаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьезнаго корпоративнаго характера, въ которыхъ нѣтъ искренняго уваженія общества къ учрежденію, нѣтъ прочнаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, нѣтъ, наконецъ, для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина, съ привычкою равно уважать и самого себя и существующій законъ.

Графъ Монталамберъ не могъ конечно представить полной картины англійскаго быта, не посвятивъ двухъ-трехъ главъ своей книги изображенію Парламента. Самъ отважный боецъ въ буряхъ парламентской жизни, развившій въ нихъ свое первостепенное ораторское дарованіе и достигнувшій на этомъ поприщѣ высокой славы, онъ не могъ пройти молчаніемъ этого замѣчательнаго учрежденія, служившаго первообразомъ для всѣхъ подражательныхъ уложеній материковой Европы. Впрочемъ мы не послѣдуемъ за нимъ по этому пути, уже и безъ него вообще коротко вѣстмъ извѣстному. Въ началѣ статьи нашей мы указали на горячее сочувствіе его къ парламентской жизни: здѣсь замѣтимъ только, что онъ съ радостію привѣтствуетъ тотъ практическій смыслъ, то разумнѣе общественныхъ нуждъ, которое въ 1831 году внушило англійскому Парламенту энергію, нужную для своевременнаго преобразованія самого себя, не смотря на личные жертвы, повесенныя въ этомъ дѣлѣ многими сильнѣйшими членами самаго этого парламента. Съ другой стороны, вѣрный просвѣщенному аристократизму своего взгляда, Монталамберъ съ жаромъ отвергаетъ введеніе числительности народонаселенія, какъ единственнаго основанія системы его представительства въ нижней палатѣ, и вызываетъ къ англійскому обществу, убѣждая его не отни-

мать легкомысленно у графствъ, т. е. у земледѣльческаго сословія и земледѣльческихъ интересовъ спасительнаго перевѣса надъ городами и населеніемъ фабричнымъ въ назначеніи числа депутатовъ въ Парламентъ. Послушается ли англійскій народъ голоса французскаго публициста? Какъ долго будетъ Парламентъ въ состояніи выдержать совокупный напоръ внѣшней ажитации и внутреннихъ коалицій партій въ немъ самоѣ, по этому многозначительному вопросу? Это—тайна болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, въ которомъ безъ сомнѣнія совершится со временемъ и это преобразование; теперь оно покуда отсрочено состоявшимися на двѣхъ рѣшеніемъ нижней палаты, отвергнувшей незначительнымъ впрочемъ большинствомъ 13-ти голосовъ предложеніе Кинга объ уравниеніи избирательнаго ценза графствъ и мѣстечекъ. Намъ, постороннимъ, но неравнодушнымъ зрителямъ борьбы внутреннихъ партій въ Англій, остается пожелать только, чтобы этому уравниенію цензовъ—сельскаго и городского—предпослано было достаточное внесеніе серьезныхъ началъ умственнаго и нравственнаго образованія въ скромную жизнь и бѣдный бытъ низшихъ ремесленныхъ сословій Англій....

Такимъ образомъ Монталамберъ завершаетъ очеркъ существеннѣйшихъ особенностей политическаго быта Англій, очеркъ, изъ котораго мы съ своей стороны въ тѣсныхъ рамкахъ нашего обозрѣнія могли передать лишь главныя, наиболѣе выдающіяся черты. Человѣкъ религіозный по преимуществу, пламенный, но добросовѣстный католикъ, онъ не могъ оставить безъ вниманія замѣчательнаго явленія англиканской церкви, не смотря на то, что по собственному его выраженію, «онъ задалъ себѣ задачею рассмотреть Англійю съ одной лишь политической точки зрѣнія, а не съ религіозной». Мы съ своей стороны остаемся вѣрны первоначальной мысли автора, и послѣдуемъ за его отклоненіемъ лишь во столько, во сколько это необходимо для разъясненія нѣкоторыхъ обвиненій, лично направленныхъ противъ него самого, обвиненій, впервые высказанныхъ тою частію англиканской журналистики, которая все еще продолжаетъ съ неизмѣннымъ жаромъ ненавидѣть католицизмъ и католиковъ, и вслѣдъ за нею повторенныхъ у насъ. Графа Монталамбера обвиняютъ въ привязанности къ догматамъ католицизма, въ которыхъ онъ родился и сознательно выросъ. Оправдывать его въ этомъ мы считаемъ излишнимъ. Далѣе обвиняютъ его въ пристрастіи, слѣпомъ и фанатическомъ, ко всѣмъ частнымъ проявленіямъ католическаго міра, ко

всѣмъ дѣйствіямъ католической іерархіи , хранительницы этого ученія , считаемаго имъ за православное , въ готовности къ насильственной пропагандѣ этого ученія , въ стремленіи утвердить , такъ сказать , оборонительный и наступательный союзъ между церковію и государствомъ , и воспользоваться для первой всѣми грубыми , вещественными силами втораго .

Противъ этихъ обвиненій , несовѣстныхъ впрочемъ ни съ личнымъ его характеромъ , ни со всею предшествующею его политическою жизнью , Монталамберъ долженъ самъ оправдать себя собственными своими словами , имъ сказанными по поводу Пузенястовъ : « Възную честь принесетъ современной католической церкви ея торжество надъ сими возвышенными душами , торжество , приобретенное единою силою убѣжденія , безъ всякой виѣшней помощи правительства или даже общественнаго мнѣнія . Но не менѣе честно и для англійскаго народа то , что могъ онъ прозвезть на свѣтъ такихъ поборниковъ истинны , подавшихъ , въ настоящій вѣкъ торговли убѣжденіями , возвышенный примѣръ добровольнаго промѣна всѣхъ вещественныхъ выгодъ своихъ на искреннія радости побѣжденной и озаренной вѣрою совѣсти.... Но я боюсь , чтобы поватія , въ теченіи послѣдняго времени къ сожалѣнію сдѣлавшіяся обиходными въ кругу нѣкоторыхъ католиковъ , не проникли бы и не заразили бы молодаго поколѣнія нашихъ заморскихъ братьевъ . Если англійскіе католики послѣдуютъ примѣру и наукѣ той фанатической и упрямой школы , которая прославила героемъ герцога Альбу , и задала себѣ задачу оправданіе безмысленнаго уничтоженія Эдикта Нантскаго , то они добровольно отрекутся отъ самаго драгоцѣннаго и , скажу болѣе , отъ единственнаго непобѣдимаго въ наше время оружія . Свобода совѣсти передъ закономъ человѣческимъ , это спасительное и торжествующее начало , которое они же первые имѣли высокую честь внести съ собою еще въ XVII вѣкѣ въ удивленные добри Новаго Свѣта , это начало составляетъ всю ихъ силу и всю ихъ славу . Изъ него должны они сдѣлать законное свое знамя , и ни къ какому другому случайному оружію не должны они прибѣгать..... Католицизмъ обязанъ всѣмъ свободному развитію и ничѣмъ не долженъ свѣтской власти . Для него ни Филиппъ II испанскій , ни Яковъ II ничего не могли сдѣлать» (1)..... Этѣхъ немногихъ выписокъ , кажется ,

(1) id. p. 180. 193. 196.

достаточно. Мы конечно не поручимся за историческую достоверность религиозной теории Монталамбера; еще менее имеем мы притязанія выдавать вышеприведенныя слова его за полное и искреннее выраженіе католицизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ донынѣ понимается огромнымъ большинствомъ католиковъ, и преимущественно самимъ католическимъ духовенствомъ; но мы видимъ въ нихъ несомнѣнно-правдивое выраженіе личныхъ убѣжденій разсматриваемаго нами писателя. Если бы предметомъ труда его былъ критическій разборъ дѣйствій церкви католической и ея іерархіи, онъ безъ сомнѣнія, мы увѣрены въ томъ, умѣлъ бы при случаѣ и ей сказать жесткое слово правды. Но, въ настоящемъ случаѣ, имѣя передъ собою задачу совершенно иную, созерцая новую, на развалинахъ первой воздвигнувшуюся церковь, онъ долженъ былъ искать и указывать въ ней ка слѣды стараго, отжитаго религіознаго быта, и при томъ углубляться болѣе въ смыслъ нѣкоторыхъ до нынѣ сохранившихся въ ней полезныхъ слѣдовъ католицизма, чѣмъ изъяскивать и безъ того извѣстныя причины его давнишняго паденія. Впрочемъ невозможно отвергнуть и того, что вся живая сторона современнаго англиканства постоянно находятъ въ Монталамберѣ не только справедливаго, но, скажемъ болѣе, горячаго цѣнителя и неподкупнаго заступника. Онъ нелицемѣрно хвалитъ все, что находятъ въ немъ хорошаго; и этого хорошаго онъ ищетъ въ немъ неутомимо и въ высшей степени добросовѣстно. Какъ на несомнѣнные признаки и ручательства живучести и долговѣчности англиканства, онъ указываетъ на участіе, принимаемое англиканскимъ духовенствомъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа, на заботу его объ умноженіи числа церквей и на 600 храмовъ, воздвигнутыхъ имъ въ теченіи послѣднихъ 35 годовъ съ помощію почти исключительно добровольныхъ пожертвованій, наконецъ на возобновляющееся значеніе такъ называемой конвокаціи или ежегодно созываемаго духовнаго собора епископовъ и священниковъ. «Религія, воздвигающая новыя храмы, не такъ близка еще къ паденію», справедливо замѣчаетъ онъ; и съ жаромъ нападаетъ на тѣхъ, которые желаютъ гибели англиканской церкви и сулятъ Англій скорое возвращеніе въ лоно католицизма. «Несомнѣнно то, говоритъ онъ, что съ начала нынѣшняго вѣка совершилось въ Англій религіозное обновленіе, и притомъ столько же между англиканами, сколько между католиками. То было одновременное и совокупное возрожденіе не одной только вѣры, но и нравственности»

христіанской.... Уже совершенно исчезло племя тѣхъ гулякъ-священниковъ, тѣхъ канониковъ и ректоровъ, пьяницъ и охотниковъ, которыхъ изображенія мы нѣагда всюду встрѣчали въ повѣстяхъ, и которыхъ лично помнить еще всѣ, кто жилъ въ Англіи дѣтъ тридцать тому назадъ. Это старое племя замѣнилось теперь новымъ духовенствомъ, въ которомъ конечно можно встрѣтить элементы не совершенства, но которое бесспорно заключаетъ въ себѣ множество людей строгой жизни, ученыхъ, благочестивыхъ и благотворительныхъ. Духъ благотворительности, драгоцѣнное наслѣдіе католицизма, пережилъ всѣ неурядица церковныя и воцарился нынѣ въ новыхъ неслыханныхъ размѣрахъ» (1). Подобный отзывъ о чужой церкви и чужомъ духовенствѣ конечно невозможно считать отзывомъ враждебнымъ или недобросовѣстнымъ!

Пора приступить къ заключительному выводу, завершающему въ глазахъ писателя нашего всю послѣдовательную нить его сужденій. Выводъ этотъ крайне простъ и ясенъ.

По мнѣнію его, Англія спасена будетъ отъ торжества въ ней худшихъ демократическихъ стремленій дѣйствіемъ непрестанно-обновляющихся своихъ аристократическихъ учреждений, которыя являются въ этомъ дѣлѣ какъ бы спасительнымъ тормозомъ общественнаго развитія.

Но даже и въ такомъ случаѣ, если, изнеможенная въ неравной борьбѣ съ противоположными началами, аристократія англійская падетъ и замѣстится торжествующею демократіею, то и тогда паденіе ея не должно повлечь за собою извращеніе всего англійскаго свободнаго быта, и послѣдній по всѣмъ вѣроятіямъ избѣгнетъ деспотизма, этого законнаго преемника всѣхъ революцій.

Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляетъ Монталамбера примѣръ всѣхъ основанныхъ и воспитанныхъ Англіею колоній, и при томъ не однихъ только Сѣверо-американскихъ Штатовъ, но и всѣхъ другихъ, Канады, Австраліи, мыса Доброй Надежды, и пр. Ни въ одной изъ нихъ, говоритъ онъ, не встрѣчается ни аристократическихъ учреждений, ни даже аристократическихъ преданій. Тѣмъ не менѣе онѣ живутъ и развиваются, гордыя и свободныя, и ничто не предвѣщаетъ еще скорого вырожденія въ нихъ свободной жизни: такъ крѣпко и прочно было данное имъ Англіею воспитаніе. Но, если таковъ ихъ счастли-

(1) id р. 211. 213.

выи удѣлъ, то за чѣмъ же сомнѣваться въ судьбахъ ихъ общей матери, самой англійской націи?

Последней, думаетъ Монталамберъ, должны способствовать въ этомъ дѣлѣ самохраненія и саморазвитія, два драгоценныя свойства, заблаговременно ею въ самой себѣ воспитанныя и служащія лучшимъ обезпеченіемъ благоустроеннаго свободнаго развитія. Это, во-первыхъ, уваженіе къ чужему мнѣнію, особенно ясно выражающееся въ политической терпимости, всегда оказываемой въ Англии всякимъ большинствомъ всякому меньшинству и выработавшееся въ ней, какъ плодъ многогѣловой политической жизни; во-вторыхъ, господствующая въ Англии во всѣхъ дѣлахъ гласность, нигдѣ не являющаяся столь искренне, какъ тамъ, и служащая лучшею опорой для личной свободы и независимости.

Наконецъ, почтенный писатель опровергаетъ то мнѣніе, будто бы всѣ политическія особенности англійскаго быта исключительно покоются на началѣ физиологическомъ, и будто бы всѣ доблести, нами чтимыя въ немъ, составляютъ исключительную принадлежность племени англо-саксонскаго. Онѣ являются для него плодомъ не одного превосходства породы, съ негодованіемъ имъ отвѣргаемаго, и не особенныхъ выгодъ уединенной и безопасной извнѣ жизни островной (о которой онъ впрочемъ и забываетъ вовсе), но прежде всего и главнымъ образомъ, представляются онѣ ему естественнымъ результатомъ хорошихъ законодательныхъ учрежденій, тщательно взращенныхъ и сбереженныхъ предками для отдаленныхъ потомковъ». *Ce n'est pas l'esprit public, говорить онъ, qui a fondé les institutions de l'Angleterre; ce sont ces institutions qui ont créé, maintenu et vingt fois sauvé cet esprit public, qu'il vaudrait encore mieux imiter qu'admirer* (1); или въ другихъ словахъ—если обобщить его наблюденіе и дать ему тотъ обширный смыслъ, который очевидно согласенъ съ намѣреніями и взглядомъ Монталамбера—народы не столько создаютъ свои учрежденія, хорошія или худыя, сколько сами ими воспитываются и совершенствуются, или ими развращаются. Такова задушевная мысль автора, краснорѣчиво развитая имъ въ заключительной главѣ его труда и безъ сомнѣнія, внушенная ему печальною современностію Франціи. Признавая ея односторонность, мы не можемъ не признать также въ ней и доли правды, которая, быть можетъ, еще

(1) *id.* p. 296.

ярче выступить послѣ разсмотрѣнія книги графа Токвиля. Къ послѣдней мы теперь обратимся.

Мы уже представили на первыхъ страницахъ нашихъ нѣсколько выписокъ изъ этого новаго сочиненія его ; ихъ достаточно , чтобы познать читателя съ благороднымъ и возвышеннымъ взглядомъ автора на политическую жизнь народовъ. Впрочемъ онъ не новичкомъ выступаетъ на общественное поприще : давнишній поклонникъ политической свободы, искренній защитникъ ея при Людовикѣ Филиппѣ во французской палатѣ перовъ , онъ уже 20 лѣтъ тому назадъ прославился знаменитымъ своимъ сочиненіемъ « О демократіи въ Америкѣ », единогласно оцѣненнымъ въ то время всею западною литературою, но къ сожалѣнію слишкомъ мало нашедшемъ себѣ послѣдователей въ области практическаго приложенія между тогдашними европейскими правительствами. Началамъ, имъ тогда изложеннымъ въ книгѣ объ Америкѣ , графъ Токвиль остался вѣренъ и въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Двадцатилѣтнее, упорное и добросовѣстное, изслѣдованіе новѣйшей исторіи Франціи, сравнительное съ нею изученіе современныхъ явленій Англии и Германіи , наконецъ обширная личная опытность , все это еще болѣе утвердило его въ прежнемъ не слегка высказанномъ воззрѣніи ; такъ что оба сочиненія его являются намъ какъ бы непрерывнымъ слѣдованіемъ одной и той же мысленной нити ; и читатель естественно черпаетъ цѣлыя страницы изъ одной книги для пополненія и поясненія недосказаннаго въ другой. Такая твердость убѣжденія, такое постоянство мысли , соединенныя съ тѣмъ обиліемъ частныхъ фактовъ , концы щедрою рукою переполнены оба труда, вселяютъ въ насъ невольное довѣріе къ политическимъ мнѣніямъ графа Токвиля.

Оба труда вызваны въ немъ сознаниемъ безграничнаго во Франціи злоупотребленія централизаціи и печальнаго послѣдствія ея, современнаго самовластнаго управленія Людовика-Наполеона. Дѣйствительно, настоящая Франція какъ бы насквозь пропитана этою страстію централизаціи ; ею проникнуто не одно правительство, но даже самое общество. Такое настроеніе французскаго общества выражается безпрестанно во множествѣ явленій, то серьезныхъ, то просто смѣшныхъ : такъ еще у всѣхъ насъ свѣжо на памяти то недавнее время, когда немедленно послѣ февральской революціи почти всѣ требовали отъ временнаго правительства и преемника его, Кавеньяка, чтобы желѣзныя дороги во Франціи были выкуплены у частныхъ ком-

паній и обращены въ государственную собственность и государственное управление; а не далѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ, появилась въ Парижѣ истинно-комическая брошюра, послучаю усиливающейся дороговизны квартиры, требующая, чтобы правительство скупило всѣ дома у частныхъ лицъ для раздачи ихъ отъ себя въ наемъ по мѣтѣ высокимъ цѣнамъ, и, сдѣлавшись такимъ образомъ единственнымъ столичнымъ домовладѣльцемъ, облекло настоящихъ дворниковъ въ званіе казенныхъ чиновниковъ. Оба эти явленія ияютъ между собою безспорную, внутреннюю связь, глубоко затаенную въ самой сущности безгранично и безпротиводѣйственно развитаго демократическаго быта. Противъ всей этой совокупности явленій возставалъ уже, какъ мы сказали, гр. Токвиль въ своемъ первомъ сочиненіи: онъ уже тогда въ знаменитой главѣ «Des effets politiques de la décentralisation administrative en Amérique,» до нынѣ остающейся существеннѣйшимъ словомъ политической мудрости, указывалъ на различіе между централизаціею политической и административною, и требовалъ всюду поддержанія первой и ослабленія второй. Онъ утверждалъ, что «централизація способна только мѣшать развитію, а не содѣйствовать ему и не производить его.... способна только сохранять общество въ извѣстномъ statu quo, которое нельзя назвать собственно ни совершеннымъ упадкомъ, ни улучшеніемъ; способна поддерживать въ общественномъ тѣлѣ какую-то сонливость, которую правители обыкновенно величаютъ названіемъ общественного порядка и спокойствія» (1). Образцомъ подобной крайне усовершенствованной къ народному ущербу, администраціи является ему Китай, гдѣ жизнь общественная всегда кое-какъ плетется, и никогда не достигаетъ полноты... «гдѣ путешественники находятъ спокойствіе, лишнее благоденствія, промышленность, чуждую развитія, стойкость безъ истинной крѣпости и силы, внѣшній вещественный порядокъ безъ общественной нравственности...» (2) «И въ Европѣ, говоритъ онъ, вѣроятно намекая на Францію, встрѣчаются такія государства, жители которыхъ самъ смотритъ на себя какъ на жильца, равнодушнаго къ участи обитаемой имъ страны. Въ ней происходятъ величайшія коренныя перемѣны, безъ всякаго его въ нихъ участія; онъ даже не знаетъ заподлинно, что именно произошло; онъ только догадывается; дѣло до-

(1) Tocqueville, De la démocratie, vol. I. p. 143.

(2) id. vol. I. p. 143.

ходить до него лишь по слухамъ, и то какъ-то случайно.... Когда народы прѣшли къ этой точкѣ, они должны приступать къ преобразованію своихъ законовъ и нравовъ, или они погибаютъ; ибо въ нихъ изсякъ уже самый источникъ общественныхъ доблестей: между ними встрѣчаются еще подданные вѣрныя, но гражданъ между ними уже нѣтъ....» (1) «Демократія, говоритъ онъ далѣе, безъ независимыхъ областныхъ учрежденій безсильна.... И только тѣ народы отвергаютъ пользу подобныхъ учрежденій, которые ихъ не имѣютъ вовсе или имѣютъ ихъ слишкомъ мало; или въ другихъ словахъ: только тотъ осуждаетъ ихъ, кто о самой вещи не имѣетъ понятія....» (2) «Во французской революціи, замѣчаетъ онъ еще, соединилось два движенія въ противоположныя стороны: одно, благопріятное свободѣ, другое—благопріятное деспотизму. Въ старой французской монархіи, король одинъ издавалъ законъ. Ниже власти королевской стояли еще полуразрушенные остатки областныхъ учрежденій. Эти областныя учрежденія были неправильны, между собою безсвязны, иногда даже неаппы. Въ рукахъ аристократіи они подчасъ являлись даже орудіями притѣсненія низшихъ сословій народныхъ. Революція возстала въ одно и тоже время и противъ власти королевской, и противъ областныхъ учрежденій. Она соединила въ чувствѣ къ нимъ питаемой ненависти все безъ разбора явленія, ей предшествовавшія, и безграничную власть королей, и все то, что служило къ смягченію ея суровости...» (3)

Въ чемъ же состоитъ предметъ и цѣль послѣдняго сочиненія Токвиля? Онъ самъ опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Я хотѣлъ объяснить, почему тотъ огромный переворотъ, который въ одно и тоже время подготовлялся почти на всемъ материкѣ Европы, разразился у насъ ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иной странѣ; почему онъ какъ бы самъ собою естественнымъ образомъ возникъ изъ того самаго быта, который онъ призванъ былъ сокрушить; и почему, наконецъ, старинная монархія могла пасть такъ внезапно и такъ всецѣло.... Но я хотѣлъ указать не только на болѣзнь, сразившую большое общество, но еще и на тѣ средства, которыя могли заблаговременно изцѣлить его» (4).

(1) id. vol. I. p. 148. 149.

(2) id. vol. I p. 183, 186.

(3) id. vol. I. p. 154.

(4) Tocqueville, l'Ancien Régime, p. 14. 14.

Эта вѣра въ будущую возможность исцѣлить дореволюціонное общество Франціи, или, вѣрнѣе сказать, болѣе правильнымъ образомъ опредѣлять дальнѣйшее его развитіе и исторію, и лучшимъ соблюденіемъ внутренняго общественнаго равновѣсія заранѣе обезпечить его противъ насильственныхъ переворотовъ. — твердое убѣжденіе въ эту истину ни разу не покидаетъ Токвиля въ продолженіе всего труда его. Мысль эта служить лучшею связью его труда съ трудомъ Монталамбера: ни тотъ, ни другой не вѣрятъ въ законъ исторической необходимости въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ покоряетъ себѣ почти всѣ умы; они взираютъ на положительныя учрежденія, вводимыя законодателями, не какъ на всегда необходимый плодъ народнаго развитія, а какъ на элементъ, по крайней мѣрѣ, столько же воздѣйствующій на народъ, сколько въ свою очередь изъ него образующійся, часто даже произвольно извнѣ вносимый въ общество и обуславливающий въ такомъ случаѣ не всегда правильное его развитіе. Поэтому они всегда, въ дѣлѣ развитія обществъ, готовы снять долю отвѣтственности за его историческое развитіе съ самаго общества и возложить ее на личныхъ историческихъ дѣятелей и преимущественно на правителей общественныхъ, давая такимъ образомъ въ исторической своей теоріи болѣе мѣста и простора личной свободѣ чловѣка, и не дозволяя личности отдѣльнаго дѣятеля избѣгнуть за свои поступки отвѣтственности предъ исторіею, за валовую отвѣтственностію безгласной толпы. Въ исторіи Франціи ближайшею поворотною точкою, последнею минутою, когда еще могло быть остановлено неправильное историческое развитіе французскаго общества, и могло еще быть ему дано иное теченіе, онъ считаетъ эпоху около 1750 года. Въ то время даже передовые люди Франціи, экономисты или фізіократы, и во главѣ ихъ извѣстный Кене (Quesnay), не только не думали о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ, но даже положительно были имъ враждебны; они говорили, что «система политическаго уравновѣшиванія силъ въ государствѣ есть вещь пагубная и нелѣпая (1)», и въ правильномъ общественномъ воспитаніи находили единственное и вполне достаточное ручательство и обезпеченіе противъ злоупотребленій власти. Правда, графъ Токвиль плохо вѣритъ этому литературному воззрѣнію на дѣло; но онъ говоритъ: «Около 1750 года весь народъ конечно не болѣе самихъ экономистовъ сталъ

(1) *Id.* p. 266.

бы требовать себѣ политической свободы; но въ то время уже утратились въ обществѣ, и всякій навѣкъ къ ней, и всякое къ ней особенное пристрастіе. Народъ не искалъ себѣ положительныхъ правъ, онъ жаждалъ лишь преобразованій; и я убѣжденъ, что если бы тогда, вмѣсто Людовика XV, случился на престолѣ государь, подобный Фридриху II, то онъ безъ всякаго сомнѣнія не только миролюбиво совершилъ бы переворотъ, но еще успѣлъ бы значительно расширить свою власть на счетъ старыхъ отжившихъ учреждений. Увѣряютъ даже, что одинъ изъ лучшихъ министровъ Людовика XV, Машо, самъ провидѣлъ эту истину и сообщалъ ее королю (1)». . . Трудно не раздѣлить мнѣнія почтеннаго историка; можно сказать развѣ только то, что подобная роль преобразователя, во время на себя взятая законодателемъ, требуетъ не столько даже энергіи и деспотическихъ наклонностей, какими отличался Фридрихъ II, сколько душевной прямоты, и честности, и искренняго благодушія, и любви къ народу, всегда находящихъ себѣ въ немъ готовую и благодарную взаимность, и поражающихъ въ обществѣ то неограниченное довѣріе къ правительству, которое служить ему лучшею и самою крѣпкою опорю.

Внимательно вглядываясь въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи Франціи и всей западной Европы, Токвиль доходитъ до того убѣжденія, что въ средніе вѣка Франція, Англія и Германія управлялись почти одинаковыми учреждениями, разнообразными только по своему внѣшнему виду, но въ сущности сходными по внутреннему своему смыслу и основнымъ своимъ началамъ. Если исторіи сихъ странъ, и въ особенности исторіи Англии и Франціи, развились своеобразно и далеко разошлись въ теченіи вѣковъ, то главную причину тому онъ видитъ въ особенномъ преобладаніи во Франціи власти королевской, произвольно нарушившей равновѣсіе составныхъ элементовъ средне-вѣковаго общества, и образовавшей по новымъ понятіямъ, чуждымъ средне-вѣковой народности и почерпнутымъ съ помощію юристовъ изъ классическихъ преданій имперіи римской; тогда какъ Англія, напротивъ, осталась вѣрна идеѣ первоначальнаго своего построения и посвятила труды свои исключительно на медленное историческое совершенствованіе своихъ старыхъ политическихъ учреждений. «Если бы Англичане, говорить онъ, подобно намъ утратили, по завершеніи

(1) id. p. 274.

среднихъ вѣковъ, свою политическую свободу и свое мѣстное политическое устройство, то весьма вѣроятно, что разнообразные классы, изъ коихъ слагается у нихъ аристократія, раздробились бы на части и обособились бы, какъ то сдѣлалось во Франціи и въ большей части западной Европы; и всѣ они на вѣки отдѣлились бы отъ народа.» (1) «Если бѣ Французамъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, было предоставлено прежнее ихъ участіе въ управленіи, выразившееся въ учрежденіи генеральныхъ штатовъ (Etats Généraux), если бѣ имъ, во крайней мѣрѣ, дозволено было ежедневно заниматься, какъ встарь, своими областными мѣстными дѣлами; если бѣ они, подобно Англичанамъ, приучены были, не разоряя старыхъ своихъ національныхъ учреждений, постепенно исправлять ихъ и посредствомъ долговременной практики видоизмѣнять ихъ духъ,—то они безъ всякаго сомнѣнія и теперь не такъ охотно стали бы безпрестанно изобрѣтать себѣ новыя формулы.... Но никогда во Франціи короли не думали объ усовершенствованіи учреждений сообразно требованіямъ времени, но при всякомъ удобномъ случаѣ всегда спѣшили только ихъ уничтожать и извращать, а иногда дѣлали и хуже.... Малѣйшей доли настойчивости и усилій, употребленныхъ ими для извращенія и раззоренія независимыхъ областныхъ учреждений, достаточно было бы для лучшаго ихъ усовершенствованія и упроченія, и для приспособленія ихъ къ требованіямъ и нуждамъ новѣйшей гражданственности.... Но несравненно легче оказалось раздѣлять гражданъ и отчуждать ихъ другъ отъ друга, чѣмъ впоследствии ихъ вновь соединить.... Отселе въ Франціи ничто уже болѣе не сопротивляется правительству; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ уже въ обществѣ ничего, чтѣ бы въ немъ было заранѣе подготовлено для подачи правительству въ случаѣ нужды руки помощи.... Почти всѣ недостатки, заблужденія и пагубныя предразсудки, мною описанные, обязаны своимъ первоначальнымъ зарожденіемъ въ обществѣ или позднѣйшимъ своимъ развитіемъ, искусству правителей нашихъ раздѣлять людей для полнѣйшаго ихъ себѣ порабощенія (2).»

Такимъ образомъ всѣ язвы дореволюціонной Франціи сосредоточиваются, въ глазахъ Токвиля, въ чудовищной централизаціи, постепенно введенной на основаніи извнѣ заимствованной теоріи, и со-

(1) id. p. 173.

(2) id. p. 348. 362. 188. 230. 231.

признанной съ уничтоженіемъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, съ сокращеніемъ всякихъ областныхъ учрежденій и съ совершенною разрозненностію соселовій. Отдѣльныя черты, въ коихъ выражались эти существенныя явленія французской жизни, мы представимъ вѣсколь-ко ниже.

Все сочиненіе Токвиля раздѣлено имъ на три части: въ первой онъ опредѣляетъ самое существо французской революціи, какъ общественнаго, политическаго и религіознаго переворота, и сравниваетъ ея характеръ съ характеромъ другихъ подобныхъ же историческихъ явленій; во второй онъ изслѣдуетъ самыя отдаленныя и основныя, во всей предшествующей исторіи коренящіяся причины, ея развившія и подготовившія;—и то безъ сомнѣнія составляетъ лучшій и существеннѣйшій отдѣлъ его книги, съ которымъ мы всего болѣе желаемъ познакомить читателя; наконецъ третья часть посвящена изображенію ближайшихъ причинъ или случайныхъ поводовъ революціи, тѣхъ причинъ, которыя равно могли быть или не быть, въ отсутствіе которыхъ исторія всегда нашла бы себѣ иные, вполне достаточныя поводы или причины; ибо единожды созрѣвшій во внутренней жизни народа фактъ всегда найдетъ себѣ въ окружающей средѣ достаточный случай, тотъ или другой, для вещественнаго своего осуществленія.

Какъ ни занимательна эта послѣдняя часть, какъ ни полна она новыхъ любопытныхъ фактовъ, съ крайнимъ трудолюбіемъ собранныхъ и съ немалымъ искусствомъ сгруппированныхъ сочинителемъ, изслѣдованіе этихъ ближайшихъ причинъ французской революціи уже такъ часто было произведено всеми безчисленными и часто даровитыми ея историками, они такъ близко знакомы уже всей читающей у насъ публикѣ, что мы считаемъ излишнимъ распространяться о нихъ здѣсь, и охотно отсылаемъ любопытныхъ къ самой книгѣ. По той же самой причинѣ мы перейдемъ молчаніемъ и первый отдѣлъ ея; къ тому же строгая справедливость требуетъ отъ насъ признанія, что изъ всего сочиненія Токвиля эта первая часть есть безспорно слабѣйшая, наименѣе достойная вниманія: его по преимуществу аналитическій умъ, его дарованіе, незамѣнимое тамъ, гдѣ нужно во множествѣ разнообразнѣйшихъ явленій прослѣдить одну какую-либо тонкую, едва уловимую нить исторической мысли, или гдѣ въ темной грудѣ по видимому безразличныхъ фактовъ необходимо раскрыть сокровеннѣйшія причины явленій, отдѣленныхъ отъ

нихъ вѣками,— дарованіе, неоцѣнимое для вѣрнаго отысканія законовъ исторической причинности событій, является отчасти несостоятельнымъ тамъ, гдѣ нужно обобщеніе отдѣльнаго факта, возведеніе его къ высшему разумному закону; словомъ—великолѣпный, всегда и невольно присущій Монталамберу, синтезъ мысли остается ему недоступенъ; и въ этомъ заключается какъ существенное различіе ихъ дарованій, такъ — съ другой стороны—и выгода сопоставленія ихъ трудовъ, для взаимнаго ихъ другъ другомъ восполненія. Мы не можемъ однако, и въ этой первой части труда Токвиля не обратить особеннаго вниманія читателя на замѣчательную причину, имъ указываемую, той злобы, которую въ 18-мъ вѣкѣ и въ эпоху революціи возбуждала противъ себя церковь во Франціи почти во всѣхъ умахъ того времени. «Всѣ эти страшныя ненависти, говоритъ онъ, возбудило противъ себя христіанство далеко не какъ ученіе религіозное, но какъ учрежденіе политическое, потому что члены духовенства сдѣлались всѣ землевладѣльцами, помѣщиками, сборщиками десятины, администраторами; потому что церковь въ старомъ политическомъ обществѣ, обреченномъ на погибель, заняла самое крѣпкое и самое привилегированное мѣсто.... Церковь была въ то время первымъ въ государствѣ политическимъ учрежденіемъ и притомъ самымъ ненавистнымъ изъ всѣхъ, не смотря на то, что она не была стѣснительнѣйшимъ, ненавистнымъ,—потому что она пришла на добровольное съ ними смѣшеніе, не будучи къ тому призвана по своему существу; потому что она въ нихъ освящала множество пороковъ, въ иномъ мѣстѣ ею осуждаемыхъ, потому что она прикрывала ихъ неприкосновенностію собственной святыни, и какъ будто бы хотѣла обезсмертить ихъ наравнѣ съ собою.... Виѣшняя сила ея ослабла по мѣрѣ того, какъ возрасла власть свѣтскихъ властителей. Поочередно являвшіеся въ исторіи сперва владычицею ихъ, а послѣ имъ равною, она въ то время низшла уже на степень ихъ кліентки; между ними и ею установился какъ бы нѣкоторый торговый объѣмъ услугъ; они поддерживали ее своею вещественною силою, она прикрывала ихъ своею нравственною властію; они внушали всѣмъ повиновеніе къ ней, она требовала отъ всѣхъ къ нимъ уваженія: сообщество опасное и всегда невыгодное для власти духовной, основанной не на виѣшнемъ принужденіи, а на единой вѣрѣ (1)». Это, даже

(1) id. p. 33. 253. 254.

и до нынѣ неизмѣнившее, положеніе католицизма, не ускользало отъ Токвиля уже двадцать лѣтъ тому назадъ и внушило ему тогда слѣдующія во многомъ сходныя строки, въ введеніи къ его сочиненію «О демократіи въ Америкѣ»: «Станнымъ стеченіемъ обстоятельствъ религія нынѣ случайно спуталась съ тѣми политическими учрежденіями, противъ которыхъ направлены усилія демократіи; она частехонько отталкиваетъ отъ себя начало равенства, въ сущности ей любезное, или проклинаетъ свободу, какъ будто отъявленного себя врага, а между тѣмъ такъ легко было бы церкви протянуть ей руку и благословить ея подвиги... Съ другой стороны, рядомъ съ людьми религіозными, я встрѣчаю другихъ, въ помысленіяхъ своихъ болѣе направленныхъ къ выгодамъ земнымъ, чѣмъ къ предметамъ внаго міра, любящихъ свободу не столько за то, что она есть источникъ лучшихъ доблестей, сколько потому что они видятъ въ ней источникъ многихъ несомнѣнныхъ благъ,—людей, стремящихся упрочить ея владычество и дать человѣчеству вкусить ея даровъ: вотъ, думаю я, они немедленно призвуютъ на помощь себя религію, ибо они не могутъ не знать, что безъ доброй нравственности нельзя основать царства свободы, а добрыя нравы въ обществѣ безъ твердыхъ вѣрованій невозможны. Но они провидѣли религію въ рядахъ своихъ противниковъ, и безъ дальнѣйшаго разсужденія, одни немедленно нападаютъ на нее, другіе не смѣютъ за нее вступиться (1)».

Обратимся теперь ко второму отдѣлу книги Токвиля. Здѣсь онъ предлагаетъ себя прежде всего слѣдующій, самъ собою на умъ напрашивающійся вопросъ: отъ чего именно во Франціи, гдѣ феодальныя права уже за долго до революціи были значительно ограничены, стали они ненавистны народу, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ странахъ Европы, въ которыхъ они въ то время еще царствовали во всей своей силѣ? Отъ того, отвѣчаетъ онъ, и развиваетъ эту мысль въ цѣлой главѣ, что короли французскіе, направивъ всю дѣятельность свою на сокрушеніе политической стороны феодальнаго зданія, оставили неприкосновенными всѣ гражданскія или имущественныя права, съ нимъ сопряженныя. Этѣ права были столько же безчисленны и разнообразны, сколько нелѣпы и тягостны для подчиненныхъ имъ поселянъ; тутъ были и остатки стѣснительной бесплатной барщины и раззорительныя десятины, взимавшіяся почти со всѣхъ земныхъ произведеній, и

(1) Tocqueville «De la Démocratie», vol. 1. p. 13.

право, известное под именем *lods et ventes* или пошлина въ пользу владѣльца со всякаго движенія или перехода въ другія руки поземельной собственности въ предѣлахъ его *seigneurie*, и исключительное право охоты на земляхъ прежнихъ вассаловъ, земляхъ, уже давно обратившихся впрочемъ въ ихъ частную собственность, и разные мыты, и дорожные и перевозные сборы, пошлины съ торговли на базарахъ, исключительныя право на медово и печеніе хлѣба; и всѣ эти права были права вѣчныя, отъ которыхъ единовременнымъ взносомъ равнодѣльнаго капитала селянину откупиться было невозможно. А между тѣмъ соосѣдственный владѣлецъ, собиравшій всѣ эти исключительныя доходы, уже лишился всего политическаго своего значенія, кромѣ бездѣльнаго и при томъ опять таки почти исключительно финансоваго участія въ правѣ суда; онъ не участвовалъ вовсе въ управленіи общиною, еще менѣе въ управленіи областномъ, не принималъ участія въ общинныхъ тягостяхъ, не могъ защитить селянина отъ ничтожнѣйшаго короннаго чиновника; словомъ, онъ былъ столько же безсиленъ передъ властію, сколько и самъ крестьянинъ. Политическая связь и общеніе между владѣльцемъ и крестьяниномъ рушились; и они остались другъ къ другу лишь въ имущественныхъ отношеніяхъ, породившихъ между ними страшное, озлобленное раздвоеніе. Поземельная собственность, сказали мы, въ то время уже въ значительныхъ размѣрахъ перешла въ руки крестьянъ; известно, что въ первой четверти нынѣшняго вѣка она распредѣлялась во Франціи между 10,083, 754 крупными и мелкими владѣніями (*cotes*) или почти 4,800,000 семействъ и состояла изъ 123, 360,338 дробныхъ дачъ (*parcelles*); (1) тщательныя изысканія Токвиля привели его къ тому убѣжденію, что это дробленіе поземельной собственности отнюдь не было послѣдствіемъ революціи, но далеко предшествовало ей, такъ что оно уже въ концѣ 17-го и въ 18-мъ вѣкѣ возбуждало удивленіе и жалобы внимательнѣйшихъ наблюдателей общественной жизни Франціи — англійскаго путешественника Юнга, маршала Вобана, Неккера и многихъ другихъ. Изъ сличенія числа поземельныхъ участковъ въ нѣкоторыхъ общинахъ въ настоящее время съ числомъ владѣній, показанныхъ въ тѣхъ же приходахъ по официальнымъ спискамъ 1790 года, Токвиль выводитъ, что количество всѣхъ землевладѣльцевъ тогдашней Франціи относится къ числу нынѣшнихъ какъ 2 къ 3, не зирая

(1) Schnitzler «Statistique générale de la France» 1846. Chaptal.

на многократное дробленіе земли съ тѣхъ поръ между наследниками и на значительное возрастаніе народонаселенія. Въ томъ же убѣждаемся мы и изъ чтенія другой замѣчательной книги, не такъ давно вышедшей и пополнившей значительный пробѣлъ во французской исторической литературѣ: « Histoire des classes agricoles en France depuis St. Louis jusqu'à Louis XVI, 1854., par Dareste de la Chavanne. »

Эти полезныя и въ высшей степени любопытныя наблюденія Токвиля подали нѣкоторымъ легкомысленнымъ читателямъ поводъ отвергать выгоды, произтекающія для общества изъ доставленія низшимъ сословіямъ широкаго доступа къ поземельной собственности, какъ лучшаго и необходимаго основанія консервативныхъ началъ въ новомъ обществѣ. Извращая ясный смыслъ всей книги французскаго публициста, они стали худо понятымъ и превратно истолкованнымъ свидѣтельствомъ его подтверждать то ложное мнѣніе, будто бы именно поземельная собственность сдѣлала во Франціи низшія сословія столько требовательными, и будто бы таково необходимое послѣдствіе приложенія этого начала и во всякомъ иномъ обществѣ. Токвиль и съ нимъ омытъ всей современной Европы, да и самый первоначальный здравый смыслъ, прямо удостоверяютъ насъ въ противномъ: крѣпко организованная и распространенная въ низшихъ сословіяхъ поземельная собственность есть послѣдній якорь спасенія современнаго государства въ Европѣ; если во Франціи она не помѣшала разразиться первой революціи, то это произошло именно и единственно потому, что въ ней исторически сложилось въ то время какое-то уродливое, неполное право собственности, подверженное, какъ мы выше видѣли, множеству частныхъ недѣльныхъ имущественныхъ ограниченій въ пользу прежняго владѣльца, — ограниченій, служившихъ незыскаемымъ источникомъ вещественныхъ столкновеній между владѣльцемъ и крестьяниномъ; средневѣковыя отношенія ихъ пали, не замѣнившись учрежденіями мѣстнаго административнаго патронатства первыхъ надъ послѣдними, не развязавши взаимно связывавшій ихъ узелъ отношеній, чисто гражданскихъ, имущественныхъ. Непредусмотрительная беззаботность или бездарность французскаго правительства предоставила насильственнымъ переворотамъ конца 18-го вѣка сокрушить эти остатки древняго учрежденія къ ущербу дворянства, лишенаго справедливаго вознагражденія. Такимъ образомъ конецъ 18-го вѣка во Франціи далеко не размножилъ вдругъ въ неслыхан-

ныхъ размѣрахъ мелкую поземельную собственность, но только освободилъ ее отъ всѣхъ лежавшихъ на ней тягостей, возвелъ ее на степень полной юридической собственности, и далъ ей то прочное и крѣпкое устройство, которое не такъ давно дозволило французскому обществу побѣдоносно выйти изъ грозившаго ему въ 1848 году соціальнаго переворота.

Средневѣковыя, феодальныя отношенія, сказали мы выше, рушились во Франціи, и повлекли за собою паденіе дворянскаго сословія. Чѣмъ объясняется это явленіе, и почему не повторилось тоже самое въ сосѣдственной Англіи? Отъ чего въ Англіи дворянство сохранило всеобщее къ себѣ уваженіе и любовь народную, и отъ чего утратило оно ихъ невозвратно во Франціи? Мы уже имѣли выше случаи представить на это частный отвѣтъ Монталамбера; Токвиль дополнить этотъ отвѣтъ. Въ его глазахъ всякая аристократія, чтобы быть прочною и уважаенною обществомъ, должна принимать серьезное участіе въ дѣлѣ управления, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго; она не столько должна пользоваться какими-либо исключительными преимуществами или изъятіями изъ общихъ тягостей народныхъ, изъятіями, которыя часто падаютъ на нее тяжелымъ укоромъ, сколько должна быть допущена къ дѣятельному участію въ управленіи, къ дѣятельному вспоможенію центральному правительству въ дѣлѣ завѣдыванія мѣстными интересами. «Когда дворянство, говоритъ онъ, не только пользуется нѣсколькими привилегіями, но еще имѣетъ положительную власть и принимаетъ участіе въ управленіи, тогда его особенныя преимущества становятся менѣ замѣтны для народа, и могутъ безъ особенной опасности быть расширены. Въ эпоху феодализма народъ нѣкоторымъ образомъ глядѣлъ на дворянство какъ на правительство: онъ безропотно сносилъ тягости, дворянствомъ на него налагаемыя, потому что съ другой стороны получалъ отъ него немалое обезпеченіе. Дворянство пользовалось, правда, нѣкоторыми стѣснительными преимуществами и тягостными правами; но за то оно хранило общественный порядокъ, чинило судъ и расправу, наблюдало за исполненіемъ закона, брало подъ свою защиту бѣдныхъ и слабыхъ, словомъ, заправляло общественными дѣлами. Но мѣрѣ того, какъ правительство стало отдалять дворянство отъ всѣхъ этихъ дѣлъ, невыносимѣе стало для народа безцѣльное бремя его исключительныхъ преимуществъ, и самое продолженіе его существованія сдѣлалось какивъ-то неопытнымъ анахронизмомъ» (1).

(1) Tocqueville «l'Ancien Régime», p. 70.

Одновременно съ постепеннымъ изглаживаніемъ аристократическихъ вліяній дворянства на дѣло мѣстнаго управленія, Токвиль усматриваетъ въ древнемъ быту постепенное зарожденіе централизаціи и развитія ея въ ущербъ мѣстной жизни, подъ вліяніемъ усиливающейся власти королевской: онъ утверждаетъ вопреки обще принятому мнѣнію и вопреки словамъ самого Тьера, что сосредоточеніе государственнаго управленія есть коренное учрежденіе древней дореволюціонной Франціи, а отнюдь не приобрѣтеніе и не плодъ революціи или генія наполеона; и говоритъ, что изъ всѣхъ старыхъ учреждений Франціи оно одно пережило революцію, ибо одно оно могло быть соглашено съ новымъ общественнымъ бытомъ, ею созданнымъ. На первый взглядъ Франція 18-го вѣка является какъ бы устанными независимыми мѣстными учреждениями; въ отдѣльныхъ областяхъ встрѣчаются часто даже наслѣдственные намѣстники (*gouverneurs*), люди большею частію знатнаго происхожденія. На дѣлѣ совершенно иное: намѣстникамъ этимъ оставлена лишь тѣнь прежней ихъ власти, лишь внѣшній блескъ и почетъ; все завѣдываніе дѣлами сосредоточено въ королевскомъ совѣтѣ, *Conseil du Roi*, составленномъ изъ людей происхожденія весьма посредственнаго, но съ малолѣтства приобыкшихъ къ дѣловой практикѣ; такъ называемый *Contrôleur Général*, членъ этого совѣта, есть главный и безотвѣтственный распорядитель всѣми безъ исключенія дѣлами внутренняго управленія, вмѣщая въ себѣ власть нынѣшнихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, публичныхъ работъ, и пр. Изъ числа второстепенныхъ и младшихъ членовъ королевскаго совѣта онъ назначаетъ въ отдѣльныя области управителей или интендантовъ (*intendants*), которые въ данной мѣстности опять сосредоточиваютъ въ своемъ лицѣ всю власть совѣта; они зависятъ единственно отъ совѣта и въ особенности отъ государственнаго контролера, и управляютъ всѣми дѣлами въ званіи совѣтскихъ комиссаровъ (*commissaires départis*), часто живя рядомъ съ намѣстниками, представителями отжившаго начала, и почти не имѣя съ ними дѣловыхъ сношеній. Королевскій совѣтъ производитъ раскладку по областямъ податей и рекрутъ, требуемыхъ для милиціи, и ежегодно отряжаетъ для обзорѣнія областей королевства множество инспекторовъ, поручая однимъ высшее наблюденіе за гражданскими инженерными работами, другимъ—главный надзоръ за теоретическимъ усовершенствованіемъ земледѣлія и промышленности. Въ свою очередь областный интендантъ производитъ на мѣстѣ податную

раскладку между отдельными приходами своей области (province), и поручает как всё эти сборы, так и мѣстное производство общественныхъ работъ и завѣдываніе полицейскою командою, или *mağ-chaussée* чиновникамъ, непосредственно имъ самимъ назначаемымъ и отъ него зависящимъ. Эти чиновники, завѣдывающіе какъ бы уѣздами (*canton*), носятъ названіе субделегатовъ (*subdélégués*), и также произвольно могутъ быть смѣнены высшею властію, какъ и самъ интендантъ, и всѣ члены королевскаго совѣта, и контролеръ. Старыя мѣстныя власти — *le seigneur, le grand voyer, les bureaux de finances, les trésoriers de France*, и пр., сохранили лишь названія свои и нѣкоторые ничтожные атрибуты и занятія; все существенное въ управленіи, плодъ развитія новаго общества, постепенно перешло въ новыя руки. Даже судебная власть, хотя и крѣпче всѣхъ другихъ организованная, мало по малу вырывается королевскимъ совѣтомъ изъ рукъ парламентовъ и старыхъ судебныхъ мѣстъ, непрестанно ограничиваемыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ указами королевскаго совѣта (*arrêts du conseil*), уничтожающими распоряженія первыхъ и вводящими новыя уставы, дѣйствіе которыхъ распространяется ничъ на все безъ исключенія королевство. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же государствѣ мало по малу образовались другъ возлѣ друга двѣ, какъ бы другъ отъ друга независимыя и другъ другу чуждыя, системы управленія: одна, съ трудомъ сохраняющая въ дряблыхъ рукахъ своихъ кое-какіе остатки дѣлъ обвѣтшалыхъ и забытыхъ, всегда основывающая притязанія свои на какой-либо стародавней привилегіи, являющаяся въ новомъ обществѣ какою-то отжившею формою, лишенною содержанія; другая — молодая, могучая, властолюбивая, все ищущая въ себѣ сосредоточить и поглотить, смѣло врѣзывающаяся въ тѣсную область первой или разрастающаяся и раскидывающая молодыя вѣтви свои по всему государству, самонадѣянно мечтающая, что ею одною можетъ общество быть спасено, что ей одной принадлежитъ исключительная и полная надъ нимъ опека.

Вотъ почему знаменитый шотландецъ Ло, бывшій самъ государственнымъ контролеромъ, имѣлъ полное право сказать: «Я никогда не повѣрилъ бы всему этому прежде; знайте же, вся ваша Франція находится исключительно въ рукахъ тридцати областныхъ интендантовъ. Вы въ сущности не имѣете ни парламентовъ, ни провинціальныхъ штатовъ, ни намѣстниковъ; отъ тридцати рекетмейстеровъ

королевскаго совѣта зависить благосостояніе или злополучіе нашихъ областей, ихъ богатство или безплодіе» (1).

Этимъ областнымъ начальникамъ правительство поручало даже все дѣло мѣстнаго призрѣнія немущихъ и нуждающихся, оставшееся совершенно чуждымъ участію и вліянію мѣстныхъ сословій. Мало того, «правительство хотѣло даже черезъ нихъ научить крестьянина лучшему средству обогатиться; оно старалось помогать ему въ томъ, и подчасъ было не прочь отъ принудительныхъ къ тому мѣръ. Для этого оно отъ времени до времени поручало областному начальству безденежную раздачу крестьянамъ печатныхъ руководствъ земледѣльческихъ, основывало сельско-хозяйственныя общества, назначало преміи и награды, дѣною огромныхъ расходовъ содержало разсадники и питомники разныхъ растений и производило безденежную раздачу ихъ. Казалось, легче и полезнѣе было бы облегчить несносное бремя тяжестей, подавлявшихъ въ то время земледѣліе, и равномѣрнѣе распредѣлить ихъ между сословіями; но объ этомъ рѣшительно никто не помышлялъ» (2).

Отдѣльныя общины королевства—городскія и сельскія—также лишены были всякой свободы самоуправленія. До 1692 года первыя сохраняли по крайней мѣрѣ право избирать свое начальство или такъ называемый *corps de ville* (городскую думу) и предсѣдательствовавшего въ немъ мера или голову. Способъ избранія былъ далеко несовершенъ и обуславливался олигархическимъ устройствомъ городского общества, въ которое постепенно переродилась прежняя свободная и живая жизнь средневѣковыхъ общинъ. Всѣ интенданты единогласно свидѣтельствовали объ этомъ злоупотребленіи передъ правительствомъ, но находили лишь одно средство для изцѣленія его—все большее и большее порабощеніе городовъ центральному управленію. Король съ своей стороны нуждался въ деньгахъ. Такимъ образомъ въ 1692 году были внезапно во всей Франціи отиѣнены городскіе выборы, и городскія должности назначены въ распродажу; право выборовъ возвращено лишь тѣмъ изъ городовъ, которые успѣли уплатить въ казну полную стоимость назначенныхъ въ распродажу мѣстныхъ должностей. Эта позорная финансовая операція повторялась 7 разъ въ теченіи послѣдующихъ 80 лѣтъ, и стоила городамъ несмѣтныхъ суммъ; одна провинція Лангедокская заплатила въ 1773 году выку-

1) id. p. 79. (2) id. p. 36.

пу за городскія должности свои 4,000,000 франковъ тогдашней монетою. Въ селахъ, благодаря ихъ крайней бѣдности и ничтожности сохранилось старое демократическое устройство общины, и осталось неприкосновеннымъ ея право избирать себѣ двухъ обычныхъ начальниковъ своихъ — сборщика податей и синдяка или старосту; но за эту видимость свободныхъ формъ скрывалось полное и самое грубое самовластіе мѣстныхъ правителей, на дѣлѣ безотчетно распорядившихся выборомъ и сѣбною общинныхъ начальниковъ. «Нельзя представить себѣ, говорить Токвиль, положенія бѣдственнаго участія этихъ несчастныхъ. Самый ничтожный коронный чиновникъ, субделегатъ, заставлялъ ихъ подчиняться малѣйшимъ своимъ капризамъ: онъ безпрестанно приговаривалъ ихъ къ уплатѣ пеней; часто даже произвольно сажалъ ихъ въ тюрьму.... По этому и самое несеніе общественной должности разсматривалось въ то время далеко не какъ почеть, а какъ невыносимая тягость, которой всякій и всячески старался избѣгнуть» (1). Мѣстные правители были бессильны сами оказать въ нужномъ случаѣ общинѣ спасительную помощь и избавить ее отъ раззорительныхъ проволочекъ: «Даже въ случаѣ единогласнаго рѣшенія общины, она, безъ разрѣшенія королевскаго совѣта, не могла ни обложить себя новымъ налогомъ для своихъ мѣстныхъ нуждъ, ни продать, ни купить, ни нанять, ни тягаться. Необходимо нужно получить указъ совѣта, чтобы приступить къ починкѣ церковной ограды, пли церковной кровли, сорванной вѣтромъ. Самая отдаленная отъ Парижа община, даже сельская, была подчинена тѣмъ же формальностямъ. Миѣ не разъ случалось читать просьбы королю, коими общины выпрашивали себѣ позволеніе издержать на свои нужды 25 франковъ.... Между тѣмъ дѣлопроизводство, сопряженное съ страшною письменностію, шло такъ медленно, что я не встрѣчалъ ни одного случая, гдѣ разрѣшеніе воспослѣдовало бы ранѣе какъ черезъ годъ; почти всегда приходилось ждать два и три года» (2). За то мѣстный правитель имѣлъ полное право не разрѣшить жителямъ города или селенія собраться для совѣщанія о своихъ дѣлахъ и могъ вмѣшиваться во всѣ малѣйшія внутреннія распоряженія города; такъ на примѣръ онъ въ извѣстные дни самъ предписывалъ изъявленія общественной радости.

(1) id. p. 100. 101.

(2) id. p. 100. 118.

приказывалъ зажигать огни и украшать дома иллюминаціями (1). О, если бѣ, по крайней мѣрѣ, восклицаетъ Токвиль, эта строгая подчиненность городовъ спасала бы ихъ финансы! Но и того никакъ нельзя сказать. Увѣряютъ, что безъ благотворнаго дѣйствія централизаціи города немедленно должны раззориться; право не знаю; но достоверно то, что въ 18-мъ вѣкѣ централизація вовсе не достигала этой цѣли. Вся исторія управленія того времени полна доказательствъ того страшнаго безпорядка, въ которомъ находились ихъ дѣла» (2).

Среди этого административнаго хаоса Токвиль различаетъ нѣкоторыя какъ бы родовыя черты, общія всѣмъ чиновникамъ того времени: прежде всего поражаетъ его «безотчетная ненависть, которую внушаютъ имъ всѣ тѣ люди безъ различія, дворяне ли они или члены средняго сословія, которые, не принадлежа сами къ администраціи, хотятъ заняться общественными дѣлами. Имъ и страшно и докучно малѣйшее общество, желающее составиться безъ ихъ содѣйствія, каковы бы ни были его дѣла; они допускаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя ими самими учреждены или въ коихъ они сами предсѣдательствуютъ. Они не сочувствуютъ даже большимъ промышленнымъ компаніямъ...» (3). Съ другой стороны замѣчательны сужденія низшихъ чиновниковъ, на примѣръ субделегатовъ, о подвѣдомственныхъ имъ людяхъ; въ доносеніяхъ своихъ высшему начальству они никогда не преминутъ побранить крестьянина и выразить о немъ самое невыгодное мнѣніе: «крестьяне, говорятъ они всегда въ такихъ случаяхъ, суть естественные лѣнтяи; и они никогда не станутъ работать, если не привудятъ ихъ къ тому нужда» (4).

Наконѣцъ главные начальники уже заражены въ древней Франціи неизлечимую страстію къ собиранію множества безпутныхъ, невѣрныхъ и ничего недоказывающихъ статистическихъ данныхъ, и къ сосредоточенію въ рукахъ своихъ всѣхъ ничтожныхъ мелочей управленія. «Въ министрахъ уже зародилась мысль собственными глазами вникать въ подробности каждаго дѣла и все рѣшать самимъ, не выѣзжая изъ Парижа. Страсть эта усиливается и разрастается по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени совершенствуется самое

(1) id. p. 94.

(2) id. p. 95.

(3) id. p. 121.

(4) id. p. 119.

управленіе. Около конца 18-го вѣка уже ни одно благотворительное заведеніе не можетъ быть учреждено въ областной глуши, безъ личнаго вмѣшательства государственнаго контролера въ опредѣленіе расходовъ его, въ начертаніе для него устава и избраніе для него приличнаго помѣщенія. Онъ хочетъ въ точности знать имя каждаго нищаго, принимаемаго въ рабочій домъ, день его вступленія и день выходенія»... (1) Дѣло доходитъ до того, что уже въ 1733 году у одного государственнаго человѣка невольно вырывается слѣдующее знаменательное признаніе: « Подробности, сосредоточивающіяся въ рукахъ министровъ, чрезмѣрны. Ничего безъ нихъ не дѣлается, и если всевѣдѣніе ихъ не равняется ихъ всемогуществу, то они по неволѣ принуждены предоставлять все на рѣшеніе своихъ дѣлопроизводителей, которые становятся настоящими хозяевами» (2).

И надъ всемъ этимъ хаосомъ паритъ чувство глубокаго неуваженія къ закону. Дѣльных и трудныхъ преобразованій правительство вообще не предпринимаетъ вовсе, или по крайней мѣрѣ, немедленно покидаетъ ихъ; но за то по всемъ возможнымъ частямъ, королевскіе эдикты слѣдуютъ за эдиктами, уставы за уставами; чиновники не успѣваютъ вытверживать самаго для себя необходимаго въ ежедневно выходящихъ новыхъ постановленіяхъ; законы вообще крайне строги, но приложеніе ихъ вяло, терпятъ тысячи изъятій и исключеній, и морраждаетъ еще болѣе злоупотребленій и неудовольствій (3).

Съ другой стороны администрація французская громко обнаруживаетъ самое отвѣтливое неуваженіе къ праву частной собственности гражданъ и легкомысленное презрѣніе къ соблюденію послѣдней воли завѣщателей, когда послѣдніе опредѣляютъ имѣніе свое на цѣли общественной благотворительности. Такъ эдиктъ 1780 года разрѣшилъ всемъ благотворительнымъ учрежденіямъ продать всѣ одновременно и на различныхъ условіяхъ завѣщанныя имъ частными людьми имѣнія, и повелѣлъ вырученные капиталы передать въ королевское казначейство, обязавъ послѣднее съ нихъ выплачивать ежегодные проценты. Но еще до этого большая часть имѣній, принадлежавшихъ этимъ заведеніямъ, уже неоднократно была отклоняема отъ первоначальной цѣли, предположенной завѣщателями, безпрестанно переда-

(1) id. p. 117.

(2) id. p. 118.

(3) id. p. 124—127.

ваясь въ силу указовъ королевскаго совѣта отъ однихъ заведеній, казавшихся слишкомъ богатыми, въ вѣдомство и пользованіе другихъ, менѣе обеспеченныхъ. Всѣхъ самопроизвольнѣе дѣйствовало во Франціи управленіе путей сообщеній. «Когда во второй половинѣ 18-го вѣка, говоритъ Токвиль, распространился вкусъ къ общественнымъ работамъ и преимущественно къ благоустроеннымъ дорогамъ, управление это нимало не затруднилось захватить необходимыя ему земли, и стало безъ милосердія разрушать дома, лежавшіе по предположеннымъ путямъ. Уже въ то время безусловно прельщалось это управленіе геометрическимъ изяществомъ прямолинейныхъ направленій; он тщательно избѣгало существующихъ торныхъ дорогъ, и малѣйшему изгибу предпочитало самовольное перерѣзываніе тысячи мѣлкихъ владѣній. За захваченные такимъ образомъ участки казначейство, или рассчитывалось поздно и по произвольнымъ оцѣнкамъ, или, и всего чаще, не расплачивалось вовсе. Областной сеймъ низменной Нормандіи, принимая дѣла отъ интенданта, нашель всѣ подобныя вознагражденія еще неуплаченными казною за дѣлныхъ 20 послѣднихъ годовъ» Вознагражденія эти выплачивались исправно только въ тѣхъ немногихъ областяхъ французскихъ, которыя, подъ названіемъ *paus d'états*, пользовались самостоятельными учрежденіями, историческими развалинами своего прежняго независимаго быта.

Такихъ областей во всей Франціи было всего только пять; между ними лучшимъ устройствомъ пользовался Лангедокъ и потому находился, сравнительно со всею остальною Франціею, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Токвиль съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на описаніи царствовавшаго въ немъ благоденствія: барщина во всей остальной Франціи исключительно употреблявшаяся на подъемъ военныхъ тяжестей, на перевозку корабельнаго лѣса, на починку дорогъ, постройку казармъ и доставленіе ссыльныхъ и нищихъ къ мѣсту ихъ назначенія, эта тяжелая барщина была въ Лангедокѣ неизвѣстна, будучи издавна переведена тамъ на деньги; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; дѣлая сѣть ихъ задумывалась и выполнялась въ огромныхъ размѣрахъ, ежегодно поглощая до 2,000,000 ливровъ, добровольно жертвовавшихся на этотъ предметъ самую провинцію; этѣ производительныя работы замѣняли въ ней казенныя заведенія для нищихъ, извѣстныя подъ именемъ *ateliers de charité*, и сберегали такимъ образомъ значительные расходы на сей предметъ королевской казны; наконецъ въ затруднительныхъ слу-

чаяхъ Лангедокъ приходилъ собственными своими областными средствами на помощь разстроеннымъ государственнымъ финансамъ, которые въ послѣднее время задолжали ему до 73,200,000 ливровъ.

Чѣмъ объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области? Токвиль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учреждений и предоставленія центральной властію всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предриятіями, областнымъ лангедокскимъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ — изъ коихъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собиранія ихъ и дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ, все было въ нихъ далеко неудовлетворительно; и, должно признаться, королевская власть мало заботилась объ усовершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ собраніяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже и этого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта—*святоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвиль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ невольныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной французской администраціи. Мы видѣли, что крайнею поворотною точкою новѣйшей французской исторіи Токвиль полагаетъ самую середину 18 вѣка. Любопытно знать — откуда беретъ онъ древнѣйшую первоначальную точку раздвоенія между исторіею Франціи и исторіею Англій, ту исходную точку, которая обусловила все позднѣйшее развитіе первой, сообщила ей свой особенный, спеціальный характеръ, и на вѣки раздвоила внутреннюю жизнь двухъ народовъ и двухъ обществъ, колыбели которыхъ такъ близко другъ отъ друга стояли въ началѣ ихъ политическаго поприща? — Прислушаемся къ словамъ самого Токвиля: « Въ 14-мъ вѣкѣ, говоритъ онъ, юридическая пословица — *N'impose qui ne veut* (въ другихъ словахъ: народъ можетъ быть обложенъ лишь тѣми податями, на которыя онъ самъ изъявилъ согласіе) — также крѣпко соблюдалась во Франціи, какъ и въ самой Англій. Генеральные штаты часто напоминали о ней: дѣйствовать вопреки ей казалось всякому чрезмѣрнымъ превышеніемъ власти; строгое соблюденіе ея было, напротивъ, дѣломъ твердаго обычая. Въ то

время встрѣчается, какъ уже выше сказано, множество аналогій между учрежденіями французскими и англійскими, но тутъ развѣтвляются историческія судьбы обоихъ народовъ, и отсель онѣ постоянно болѣе и болѣе между собою расходятся по мѣрѣ того, какъ подвигаются впередъ. Мы легко можемъ представить ихъ себѣ двумя прямыми линіями, исходящими изъ двухъ сосѣдственныхъ точекъ, но движущимися по двумъ различнымъ склонамъ, такъ что всякое дальнѣйшее движеніе ихъ впередъ еще болѣе удаляетъ ихъ другъ отъ друга. Я утверждаю, что зародышъ всѣхъ недостатковъ и почти всѣхъ злоупотребленій, которые въ послѣдствіи постоянно точили древній бытъ Франціи и окончательно привели его къ насильственной развязкѣ, былъ положенъ въ тотъ день, когда народъ, утомленный безконечными неурядицами, ознаменованными эпоху плѣна Короля Іоанна и безумія Карла VI, позволялъ королямъ налагать на него подати, не спрашивая на то общественнаго согласія, а дворянство, движимое своекорыстіемъ, допустило изоброченіе средняго сословія, лишь бы ему самому избѣгнуть налога. Невольно удивляешься замѣчательной проникательности Филиппа де Коммина, уже сказавшаго : *Charles VIII qui gagna ce point d'imposer la taille à son plaisir, sans le consentement des états, chargea fort son ame et celle de ses successeurs, et fit à son royaume une plaie qui longtemps saignera* » (1).

Токвиль развиваетъ передъ читателемъ подробную и въ высшей степени любопытную картину всѣхъ злоупотребленій, постепенно вкравшихся въ финансовое управленіе древней Франціи и превратившихся тамъ наконецъ въ общее и неизмѣнное правило. Онъ указываетъ на гибельныя послѣдствія чрезмѣрнаго развитія, даннаго прямому налогу, и въ особенности налогу, извѣстному подъ именемъ *taille*, тягостнѣйшему и безобразнѣйшему изъ всѣхъ по самому способу раскладки; онъ указываетъ далѣе на введеніе продажности служебныхъ должностей, въ 1664 году уже доставившей казнѣ страшную сумму 500 милліоновъ ливровъ; на распродажу правъ дворянства, многократно послѣ того опять отбирившихся правительствомъ у покупщиковъ, чтобы заставить ихъ вновь заплатить за нихъ въ другой и въ третій разъ; наконецъ на множество другихъ финансовыхъ продѣлокъ, подкопавшихъ въ народѣ подъ самый корень всякое ува-

(1) Id. p. 175.

женіе и всякое довѣріе къ королевскому казначейству и къ его финансовымъ дѣйствіямъ. Мы заключимъ нашъ краткій обзоръ вредныхъ послѣдствій централизаціи въ древней Франціи характеристическимъ рассказомъ, встрѣчаемымъ нами у Токвиля. Двумъ просвѣщеннымъ сановникамъ, господамъ Орри и Тридену, изъ которыхъ одинъ былъ въ то время государственнымъ контролеромъ, а другой— главноуправляющимъ Путей Сообщенія, пришло на мысль по всей Франціи замѣнить денежнымъ сборомъ барщинскую работу, сходившую съ крестьянъ на исправленіе дорогъ. Они долго думали и гадали, и наконецъ вовсе отложили исполненіе своего намѣренія: ихъ испугала мысль, что, по сборъ денегъ, невозможно будетъ упасты ихъ отъ государственнаго казначейства, которое непременно растратитъ ихъ на свои нужды, и бѣдные крестьяне, заплативъ положенный сборъ, принуждены будутъ еще сверхъ того исправить повинность натурою.

Другая, по мнѣнію Токвиля, существеннѣйшая изъа древней Франціи, тѣсно связанная съ первою, это—разрозненность сословій, политическое ихъ другъ отъ друга отчужденіе. Въ концѣ 18-го вѣка, всѣ образованные Французы, какъ бы они не назывались въ обществѣ — дворянами, или аббатами, или мѣщанами (bourgeois), въ сущности чрезвычайно, хотя и безсознательно, походили другъ на друга: они заимствовали просвѣщеніе у одного и того же источника; имѣли одиѣ и тѣ же привычки, одни вкусы, цѣнили одни удовольствія, и читали одни и тѣ же книги; быть провинціальнымъ и городовой, поддерживавшій столько особенностей жизни, давно изсякъ, и всѣ Французы были въ качествѣ гражданъ, равно безучастны въ дѣлѣ общественномъ. Это безразличное и несознанное единство ихъ жизни уже какъ бы просвѣщивало сквозь сохранившіяся внѣшнія отличія; оно издавна подготовлено было единствомъ государственнымъ, и для внѣшняго своего выраженія оно оживало какъ бы только той законодательной формулы, которая должна была быть выговорена революціею. Но время, сгладившее личныя различія между Французами, съ одной стороны раздѣлило ихъ другъ отъ друга множествомъ искусственныхъ преградъ, съ другой—разрушило всѣ прежде существовавшія точки соприкосновенія ихъ между собою въ политической жизни. Въ началѣ 14-го вѣка было не то: дворяне мало походили на людей средняго сословія, но оба сословія, какъ учрежденія политическія, часто сходились, и въ провинціальныя собранія, и въ генеральныя

штатахъ; они легко и скоро другъ друга понимали, иѣли общіе интересы и охотно защищали ихъ, крѣпко вообще стояли другъ за друга, и умѣли быстро и крѣпко соглашаться въ дѣлѣ общественнаго устройства. Токвиль приводитъ замѣчательные тому примѣры, почерпнутые изъ исторіи областныхъ учреждений Франціи—въ Оверни и въ Шампаньи. Сражъ первой измѣны общему дѣлу падаетъ, въ томъ же 14 вѣкѣ, какъ мы выше видѣли, на французское дворянство; оно первое предало интересы общества, поддавшись на искусно предложенное искушеніе, и промѣнявъ на личное изъятіе отъ налога высокое положеніе свое въ совокупной жизни народа. Это изъятіе отъ налога, эти исключительныя преимущества, лишенныя нравственной опоры въ политическомъ значеніи дворянства, постепенно образовали между нимъ и прочими сословіями цѣлую, неудобопроходимую бездну; отсель сословія отдѣлились другъ отъ друга постоянными, вѣшними, всегда наглядными, всегда памятными, неизгладимыми признаками, ежедневно получавшими въ обыденной жизни все большее и большее значеніе и развитіе. Съ совершеннымъ упадкомъ генеральныхъ штатовъ и провинціальныхъ учреждений, дворянство лишилось единственнаго случая встрѣчаться въ жизни съ среднимъ сословіемъ. Въ ту роковую минуту, когда депутаты отъ трехъ политическихъ состояній Франціи оишь встрѣтились наконецъ въ послѣдніе дни 18-го вѣка, она сошлись, схожіе между собою во всей внутренней и вѣшной жизни, и внесли съ собою въ послѣдніе генеральныя штаты почти одинаковыя требованія политическія; но въ теченіе предшествовавшихъ трехъ вѣковъ они глубоко и неизлѣчимо научились другъ друга ненавидѣть или презирать, и среднее сословіе въ свою очередь не усумнилось предпочесть теорію всеобщаго равенства настоячивому требованію личной, существенно огражденной, свободы.

Еще ярче отдѣлилась французская аристократія отъ крестьянъ. Мы уже видѣли, что она отказалась отъ всякаго участія въ ихъ общинныхъ дѣлахъ, и не умѣла собственнымъ начинаніемъ вызвать и основать какое-либо мѣстное политическое учрежденіе, гдѣ оно могло бы стать во главѣ мѣстной жизни и взять подъ свое храненіе мѣстное сиротствующее народонаселеніе. Напротивъ, она довольствовалась исправнымъ сборомъ съ прежнихъ вассаловъ своихъ феодальныхъ доходовъ; и когда надоѣла ей жизнь сельская, когда города, съ ихъ пышною, разнообразною и легкомысленною жизнію, разставили передъ нею свои обманчивые призраки, она густою вереницею,

покинула родные очаги, поручила наемникамъ щепетильное взываніе оброковъ, и сѣвшила занять въ передней временщиковъ выгодѣйшія, не легко достающіяся мѣста. Короли французскіе сперва поощряли это выгодное для себя движеніе; въ послѣдствіи они ознакомились и разными искусственными мѣрами, разными личными распоряженіями, старались предотвратить зло. Эти распоряженія не помогли; нужно было бы измѣнить всю систему. « Главная и существенная причина этого явленія, говоритъ Токвиль, коренилась въ медленность, но постоянно дѣйствиі самихъ учреждений, а не въ личной волѣ и не въ преходящемъ расположеніи нѣсколькихъ людей; лучшее тому доказательство — то, что, когда въ 18-мъ вѣкѣ само правительство захотѣло искоренить зло, оно, при всей доброй волѣ своей, не успѣло даже замедлить его развитіе. Переселеніе дворянства въ города постоянно усиливалось въ той же самой мѣрѣ, въ какой исчезали мѣстныя учрежденія и въ какой дворянство утрачивало нѣкоторыя политическія права свои, не приобрѣтая новыхъ. Отсега стало уже ненужнымъ поощрять дворянъ къ покиданію сель; они сами не хотѣли въ нихъ долѣе жить; имъ въ нихъ стало невыносимо скучно». (1).

Покинутыя низшія сословія илзтели за это аристократіи, для скрытною ненавистію, или явнымъ и невзлечимымъ равнодушіемъ. Глубокій тайникъ ихъ души оставался непроницаемо закрытымъ для взора, имъ чужаго. « Мы, говоритъ Токвиль, съ той точки, гдѣ мы теперь находимся, ясно и осязательно сознаемъ эти вещи; но современники ихъ не провидѣли. Вообще люди высшаго состоянія могутъ лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ достигнуть до того, чтобы ясно рассмотретьъ сокровенныя явленія души простолюдина и особенно души крестьянина. Близкое къ природѣ воспитаніе его и образъ жизни раскрываютъ ему на здѣшній міръ такіе ему одному свойственные виды, которые всякому другому остаются на вѣки недоступными. Но когда богатый и бѣдный лишены всякаго общаго интереса, когда они не живутъ одною жизнію, не волнуются общимъ чувствомъ или вѣрованіемъ; тогда эта тьма, взаимно скрывающая другъ отъ друга ихъ созерцанія, становится густымъ непроницаемымъ мракомъ, и эти два человѣка могутъ всю жизнь свою провести рядомъ, никогда не повявъ другъ друга » (2).

(1) Id. p. 210.

(2) Id. p. 227.

Не менше были отдѣлены отъ сельскаго народонаселенія и люди средняго сословія. Да и въ собственной своей средѣ городское мѣщанство дробилось на множество отдѣльных и всегда враждебныхъ между собою корпорацій, внутреннія распри которыхъ значительно облегчали короннымъ чиновникамъ присвоеніе себѣ преобладающаго вліянія на рѣшеніе дѣлъ городскихъ. Внутри городовыхъ общинъ развивалось постоянное стремленіе къ образованію сильныхъ и безцѣльныхъ маленькихъ олигархій. Съ близъ лежащими деревнями города находились въ непрерывной и непримиримой враждѣ, вызывавшей даже вмѣшательство правительства и засвидѣтельствованной намъ Тюрго, который самъ имѣлъ случай наблюдать это любопытное явленіе въ то время, какъ былъ Лиможскимъ интендантомъ, и впоследствии государственнымъ контролеромъ. Разбогатѣвшіе мѣщане охотно покупали себѣ земли на деревнѣ; но, избѣгая неразумной раскладки прямаго налога (taille), никогда не оставались жить въ своихъ помѣстьяхъ, также довольствовались однимъ сборомъ съ нихъ доходовъ, и наравнѣ съ родовыми дворянами спѣшили уйти въ города. Съ другой стороны они хотѣли, во что бы ни стало, отличиться отъ своихъ собратій, добивались на подобіе дворянъ изъятій отъ податей и повинностей, по чѣму-либо считавшихся въ тогдашнемъ обществѣ унизительными, и расточали трудомъ нажитые капиталы на покупку себѣ дворянскихъ дипломовъ или должностей, держа всегда наготовѣ для финансовыхъ операцій государственнаго контролера неисчислимыя запасы тщеславія и столько же неисправимаго, сколько постоянно наказываемаго, легковѣрія.

Невозможно лучше завершить все, нами сказанное, какъ словами администратора философа Тюрго, взятыми изъ тайной записки, составленной имъ для короля: «Франція есть общество, составленное изъ различныхъ плохо сожмнутыхъ сословій и народа, члены котораго не имѣютъ между собою никакой связи, и въ которомъ слѣдовательно всякій человекъ исключительно занятъ своими личными выгодами. Между городами и селами царствуетъ такое же отсутствіе всякихъ политическихъ отношеній, какъ и между округами, къ коимъ они принадлежатъ. Имъ не позволено даже совѣщаться между собою о необходимыхъ общественныхъ работахъ, которыя могутъ быть приняты лишь совокупными силами. Среди этой всеобщей неурядицы, Ваше Величество принуждены все рѣшать сами или черезъ вашихъ чиновниковъ. Чтобѣ осмѣлиться содѣйствовать общему благу, чтобѣ

не нарушить чужаго права, весьма часто даже для того, чтобъ смѣть воспользоваться собственнымъ своимъ правомъ, всякій ожидаетъ особеннаго приказанія отъ Вашего Величества » (1).

Впрочемъ всю печальную картину этого быстро отживавшаго быта читатель долженъ самъ прочесть въ книгѣ Токвиля. Онъ найдетъ въ ней еще множество въ высшей степени замѣчательныхъ страницъ, изображающихъ почти всѣ стороны древней политической жизни Франціи: развившуюся въ ней страсть къ занятію общественныхъ служебныхъ должностей, упадокъ благосостоянія крестьянскаго сословія, худыя послѣдствія личныхъ изытаній отъ податей, мѣлопомѣстность и бѣдность дворянства, губительное для Франціи сосредоточеніе всѣхъ живыхъ силъ его въ Парижѣ, историческое образованіе такъ называемой административной юстиціи, наконецъ тѣ сверхъестественныя размѣры, въ которые революція 18-го вѣка, сокрушивъ всѣ старыя учрежденія, естественно и необходимо должна была облечь центральное управленіе. Мы удовольствовались бѣглымъ указаніемъ на одни главныя, существеннѣйшія явленія стараго быта. Счастливыми почтемъ себя, если хоть сколько нибудь успѣемъ возбудить или усилить въ обществѣ разумное еочувствіе къ просвѣщенному, единственному, нынѣ возможному, консерватизму двухъ замѣчательныхъ публицистовъ современной Франціи.

Токвиль обѣщаетъ намъ продолженіе своего труда. Въ немъ онъ долженъ изобразить тотъ практическій выводъ, который слѣдуетъ изъ его историческихъ изслѣдованій и изъ его наблюденій надъ современностію. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать новаго слова его. Между тѣмъ самая жизнь, безостановочно слѣдуя своему теченію, откликается на вопросы, задаваемые ей публицистами, и стремится разрѣшить ихъ въ своихъ положительныхъ учрежденіяхъ. Вопросъ о централизаціи и вредѣ, ею наносимомъ, становится уже отчасти вопросомъ современной моды; и чуткое ухо Людовика Наполеона, всегда прислушивающееся къ народной молвѣ, успѣло подстеречь общественное къ нему сочувствіе. Замѣчательны въ рѣчи, произнесенной имъ 16-го февраля при открытіи засѣданій Законодательнаго Собранія и Сената, тѣ выраженія, въ которыхъ онъ упрекаетъ французское общество въ его безмощности, и которыя какъ бы подсказаны ему Турго, Монтазамберомъ и Токвилемъ: « Мы

(1) Id. p. 187.

должны поощрять однихъ, удерживать другихъ, должны доставлять пищу дѣятельности этого ненасытнаго безпокойнаго и взыскательнаго общества, которое во Франціи всего ожидаетъ отъ правительства, и которому мы однако должны во многомъ отказывать во имя здраваго смысла и невозможности ». Въ истекшемъ засѣданіи генеральныхъ совѣтовъ Франціи, одинъ изъ нихъ, генеральный совѣтъ департамента Негавтъ, громогласно выразилъ даже желаніе видѣть во Франціи возстановленными какія-либо новыя административныя единицы или округи, которые соединяли бы въ себѣ по нѣскольку департаментовъ, и содѣйствовали бы возстановленію въ различныхъ частяхъ Франціи мѣстной областной жизни, окончательно убитой въ ней искусственнымъ распастаніемъ ея на 86 произвольно вымышленныхъ подраздѣленій, лишенныхъ всякой между собою живой исторической или политической связи. Съ другой стороны общественнымъ мнѣніемъ уже давно поднятъ вопросъ о преобразованіи Алжирскаго управленія, о необходимости дать этому краю болѣе правильное, нѣсколько гражданское устройство и отбѣнить зависимость его отъ центрального парижскаго управленія. Гибкій умъ Людовика Наполеона, всегда готовый дать нѣкоторое формальное, внѣшнее удовлетвореніе требованіямъ, настоятельно предъявляемымъ отъ общества, успѣшилъ изобрѣсти на этотъ случай новую своеобразную формулу для требуемой отбѣны Алжирской централизаціи, и 30 декабря истекшаго года изданъ цѣлый рядъ декретовъ о преобразованіи африканскаго края. Главныя основанія ихъ заключаются въ распространеніи власти алжирскаго генералъ-губернатора на счетъ власти, прежде сосредоточивавшейся въ рукахъ военнаго министра, въ нѣкоторомъ измѣненіи прежнихъ подраздѣленій алжирской области, въ уподобленіи военныхъ начальниковъ того края французскимъ префектамъ, и наконецъ въ нѣкоторомъ дѣйствительномъ распространеніи въ новозавоеванной области гражданскаго начала и самобытной жизни черезъ учрежденіе въ немъ двадцати восьми новыхъ общинъ (communes), и замѣненіе прежняго временнаго учрежденія гражданскихъ комиссарствъ муниципальными установленіями Франціи. Впрочемъ не только не даровано европейскимъ жителямъ алжирской области ни малѣйшаго участія въ мѣстномъ управленіи края и ни малѣйшаго средства контроля надъ мѣстными властями, но они даже не уравнены въ этомъ отношеніи съ жителями самой Франціи, гдѣ по крайней мѣрѣ общинныя совѣтники (conseillers municipaux) и члены генераль-

мых совѣтовъ, состоящихъ при префектахъ, подлежать избранію своихъ согражданъ. Это новое устройство, подъ ложнымъ видомъ отиѣны централизаціи, ведущее лишь къ установленію какого-то безотчетнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго областного проконсульства, и не оправдываемое даже военнымъ характеромъ алжирской колоніи, подверглось справедливой критикѣ лучшихъ французскихъ газетъ, при всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ подобнаго дѣла. Онѣ спѣшили сравнить новый бытъ, вымышленный для Алжира послѣдними декретами Людовика Наполеона, съ истинно-охранительными для мѣстнаго народонаселенія учрежденіями, даруемыми Англіею ея многочисленнымъ колоніямъ, и столько же обезпечивающими ихъ вещественное и духовное процвѣтаніе, сколько и привязанность ихъ къ благодѣющей метрополіи. Опытъ, совершаемый надъ Алжиромъ, не можетъ конечно служить ни доказательствомъ того, чтобы Людовикъ Наполеонъ дѣйствительно задумывалъ какое-либо новое областное подраздѣленіе Франціи, ни типомъ такого устройства, которое было бы приложимо къ послѣдней. Во всякомъ случаѣ мы сомнѣваемся, чтобы Людовикъ Наполеонъ, даже при лучшемъ желаніи своемъ, могъ, при историческихъ условіяхъ своего правленія и власти, гдѣ нибудь и когда нибудь сочувствовать серьезнымъ областнымъ учрежденіямъ. Учрежденія эти являются въ настоящее время лучшею точкою опоры для правительства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще сохранились для воссозданія ихъ какіе-либо живые элементы. Только съ ихъ помощію, при благотворномъ ихъ воздѣйствіи и вліяніи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую-либо пользу сознательно и безсознательно нынѣ требуемое вездѣ и всеміи отмѣненіе административной централизаціи. Но подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной политики можетъ совершить лишь Государь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовію своего народа, и столько же увѣренный въ неѣ, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ сберегается скупою рукою Исторіи лишь для немногихъ, ей особенно сочувственныхъ, любимцевъ.

20 Февраля
1857.

Кн. В. Черкасскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

ВЫСКАЗАННЫЯ

ПРОФЕССОРОМЪ БРЫЛОВЫМЪ

НА ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 21 дек. 1856 г.

НА СОЧИНЕНІЕ Г. ЧИЧЕРИНА :

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ первой статьѣ моей я подвергнулъ критическому разбору сочиненіе г. Чичерина съ *методической*, или внѣшней стороны; теперь перехожу къ *юридической*, или *внутренней* сторонѣ, то есть, къ разсмотрѣнію тѣхъ *положительныхъ истинъ*, которыя составляютъ *содержаніе* литературнаго его труда. Каковъ бы ни былъ методическій снарядъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ наблюдатель, предметы пропускаются сквозь его отверстіе чисто, опредѣленно, и *относительно* даже вѣрно, т. е. находятся въ прямомъ соотвѣтствіи къ снаряду, не уклоняясь и не превращаясь въ другую свободную форму. Слѣдовательно, если явленія пропускаются неправильно, то вина лежитъ не на наблюдателѣ, но на инструментѣ и механикѣ, которому онъ былъ заказанъ. Я говорю это съ тою цѣлію, чтобы немного ослабить методическія прегрѣшенія нашего русскаго ученаго, всё таки виноватаго предъ наукою потому, что методъ есть его собственное почти изобрѣтеніе, а въ магазинѣ науки есть другіе вѣрнѣйшіе и всеми употребляемые инструменты, которые она предлагаетъ каждому требователю *безвозмездно*, научая даже и обращенію съ ними. Но молодой человекъ, всегда нѣ-

отд. III.

сколько отважный и надменный, повѣрилъ болѣе себѣ, нежели наукѣ; и въ этомъ онъ долженъ принести искреннее раскаяніе; а наука всегда готова простить: таковъ ея типъ. Но когда мы приступаемъ уже къ дѣйствительному быту, наполненному живыми лицами и осязательными происшествіями; тогда и методъ нашъ, каковъ бы онъ ни былъ, положимъ, недостаточный, ничего не значить: онъ долженъ уступить высшей силѣ науки, уставы которой такъ ясны и непреложны; разсудочное очарованіе должно исчезнуть разомъ при непосредственномъ, тѣлесномъ соприкосновеніи съ историческими явленіями. И такъ виновность наша возрастаетъ въ значительной степени.

Въ критическомъ разборѣ юридическаго содержанія, я остановлюсь только на *главныхъ, основныхъ положеніяхъ*, на которыхъ построена г. авторомъ *Исторія Государства Россійскаго*; подробное изслѣдованіе и опроверженіе всѣхъ частныхъ, второстепенныхъ, выводныхъ положеній не входятъ въ планъ настоящей статьи: это не мое дѣло, и оно уже отчасти сдѣлано *спеціалистами* (1).

Въ *Юриспруденціи*, не смотря на условное ея несовершенство, есть опредѣленные, *аподиктическія* истины, принятыя всѣми, какъ нормы, правила, *regulae juris* (2), которыми надобно руководствоваться при историческомъ изслѣдованіи юридическихъ явленій въ исторіи человечества, безъ различія земель и народовъ. Никто не можетъ разрушать этого священнаго достоянія безнаказанно: одному *genію*, всегда воспринимающему деспотическій размѣръ въ своемъ движеніи, позволено дѣлать уклоненіе отъ уставовъ науки. Но и онъ никогда не посягалъ на разумный элементъ въ правѣ (*ratio naturalis*); напротивъ, всегда ему сочувствуетъ, и силою своего ясновидѣнія, возвышаетъ его только въ новое достоинство. Часть этихъ непреложныхъ истинъ относится къ той области, по которой совершаетъ г. Чичеринъ свое ученое путешествіе. Въ критическихъ замѣчаніяхъ я долженъ ограничиться только тѣми предметами, которые подлежали разсмотрѣнію г. Чичерина въ *областныхъ учрежденіяхъ*: для критика эти границы должны быть священны.

(1) См. Русскую Бесѣду за 1836 годъ, III и IV книжку — въ отдѣлѣ Критики.

(2) Для любопытнаго укажу на прекрасный источникъ нѣкоторыхъ юридическихъ правилъ въ *Corpus juris — Digest. liber L, tit. XVI, XVII, de verborum significatione et diversis juris regulis*.

Для ясности и легкости пониманія нашего тяжёлаго дѣла, въ удовольствіе моему благосклонному читателю, *юридическія истины науки и личныя воззрѣнія* г. автора относительно исторіи русскаго права, я вставляю въ столбцы; — это какъ будто тезисы, выставляемые крупными буквами для ученыхъ диспутовъ, но въ особенной, двойственной формѣ, положительной и отрицательной. Съ такими указателями будемъ вмѣстѣ совершать литературную операцію надъ государственнѣмъ организмомъ Россіи въ самыхъ мягкихъ, выпуклыхъ его мѣстахъ: я люблю *кесарское съченіе*, привыкъ дѣлать трудный разрѣзъ; ибо дѣло тогда становится ясное. Такъ поступаютъ всѣ врачи при распознаваніи сомнительной болѣзни по мертвому тѣлу. Отступая такимъ образомъ отъ порядка, принятаго новою критикою, я позволю себѣ, въ оправданіе моего приѣма, сдѣлать одно замѣчаніе: при разнообразномъ содержаніи нашихъ источниковъ и неустановившейся ихъ догмѣ, критика, преслѣдуя писателя, наподобіе врага, сопутствуя ему во всѣхъ его странствованіяхъ по лабиринту древней Россіи, и нападая на него на каждомъ шагу, мало понимаетъ новѣйшую *стратегическую науку*, и рѣдко поэтому достигаетъ своей цѣли. Такой способъ веденія литературной войны, и утомителенъ для защитниковъ науки, и не убѣдителенъ для читателя. Надобно обладать необычайною скоростію силъ; а онѣ, извѣстно, распределены между людьми неравно; успѣхи побѣды нерѣшительны, даже случайны: на одномъ мѣстѣ разбитъ непріятель и обратился въ бѣгство; на другомъ вновь появился съ угрожающимъ видомъ; и такъ дѣло тянется до безконечности, до изнеможения той и другой арміи; а всего чаще расходятся непріятели въ очаровательномъ убѣжденіи взаимной побѣды. Взгляните на обыкновенную нашу драку, въ формѣ кулачнаго боя, а не ручной схватки; она повторяется, для экзерцицій, не въ одномъ низшемъ слоѣ русскаго общества. Когда разойдутся бойцы, спросите: кто вышелъ побѣдителемъ, но спросите по одиночкѣ, снисходя къ слабости человѣческой, и вы услышите одинъ отвѣтъ, отъ cadaго — о рѣшительной побѣдѣ надъ врагомъ. Точно тоже и въ *литературѣ*: ибо физиологическое понятіе о *дракѣ* одинаково. Что касается до меня лично, то я не одаренъ отъ природы боевыми силами, и огнестрѣльнаго оружія отъ роду въ руки не бралъ; а потому склоненъ болѣе къ мировымъ сдѣлкамъ, разумѣется, всегда для себя съ уступ-

камп. Но если *миръ* становится и для меня уже невозможнымъ, тогда я становлюсь къ вызванному на бой противнику лицомъ къ лицу, а не гоняюсь по его пятамъ, и, уважая вообще въ немъ умственные, нравственные и физическія *силы*, направляю на него свои словесныя и письменныя удары, не торопясь. Въ этой формѣ я сдѣлалъ первую стрѣльбу; въ той же формѣ я приступаю теперь къ рѣшительному, *генеральному* сраженію. За правое дѣло Богъ защитникъ.

И такъ къ *столбцамъ*.

I.

«Для всѣхъ *человѣческихъ* обладаній наука выработала двѣ типическія формы: владычество (*imperium*) и господство (*dominium*); первая форма назначена для области государственнаго права (*jus publicum — stats-recht*), вторая для гражданскаго права (*jus privatum, civil-recht*). Въ приложеніи ихъ къ Россіи, по мнѣнію г. Чичерина, у насъ до XVII вѣка исключительно дѣйствовала одна вторая форма или право частной собственности. Такое воззрѣніе, и по наукѣ немислимо, и противорѣчитъ всѣмъ памятникамъ и учрежденіямъ, проходящимъ чрезъ всю отечественную исторію» (1).

Г. Чичеринъ утверждаетъ, что въ старой Россіи, во всѣхъ ея учрежденіяхъ, на земляхъ и въ народѣ, въ земскихъ и городскихъ

(1) *Примѣчаніе*. Къ русскимъ юридическимъ понятіямъ я всегда буду приставлять *латинское — техническое* слово; это я дѣлаю по слѣдующимъ соображеніямъ, чрезвычайно важнымъ, и советую молодымъ юристамъ не пренебрегать подобными вставками. Нашъ *юридическій* языкъ еще не установился, почти не существуетъ; для выраженія понятій изъ исторіи русскаго права, мы употребляемъ *обыденный, общественный* языкъ, который, при всей своей гибкости и красотѣ, не подрученъ для ученаго дѣла. Отъ недостатка *техническихъ* словъ, отъ разногласія въ пониманіи одного и того же разговорнаго языка, естественно, должна произойти неопредѣленность, смѣшность въ понятіяхъ, такъ что и привычному къ анализу ихъ иногда невозможно узнать, что такое пишется въ учебной книгѣ.... За *латинскимъ* языкомъ *юридическимъ* признано *вѣднн главенство*; въ его типическихъ формахъ юридическая идея, какъ будто превращается въ осязательное *тѣло*; а исторія новыхъ правъ возвеличила еще болѣе

общинахъ, въ судѣ и управленіи, во всемъ политическомъ организмѣ, жило и дѣйствовало одно начало — *господство* (dominium). И такъ мы нигдѣ не увидимъ того величественнаго, свѣтлаго типа, который освящаетъ нравственное человѣческое бытіе, и именуется другимъ утѣшительнымъ словомъ — *владычество* (imperium); а безъ него страшно заглянуть въ исторію человѣчества. Наше отечество до XVII, или вѣрнѣе, до половины XVIII вѣка, не знало свѣта божьяго, жило *во тьмѣ и стнхъ смертной*, закабалено, — неизвестно, кѣмъ и на какомъ основаніи, — въ какую-то неволю, осуждено на тяжелую, поденную маятность. Это не человѣчество съ своимъ божественнымъ, свободнымъ ликомъ, а *оброчная статья, богатое угодые*, которыми пользуются и наслаждаются до пресыщенія наши *званные гости, норманскіе князья*. И надобно отдать имъ полную справедливость, что они хозяйничали у насъ на славу, выше, античнѣе по стилю, нежели ихъ земляки на западѣ. Безпредѣльную и необмежеванную русскую землю они привели въ подробнѣйшую извѣстность, измѣрили всю ея цѣнность, опредѣлили всѣ ея плоды, вычислили всѣ доходы; словомъ, проникли своею личностію весь вещественный міръ, и наложили на него *тягло* разнообразнѣйшаго состава. Но это — ничтожная сторона норманскаго господства надъ нами: видно, такъ уже опредѣлено самимъ Создателемъ, чтобы земля была въ вѣчной неволѣ у человѣка. Но они распорядились такимъ же образомъ, по той же *сошмой системѣ*, и другимъ высшимъ, нравственнымъ ми-

ученое достоинство латинскаго языка, сдѣлавши съ него переводы на національный языкъ. Вотъ первое основаніе для вноса латинской технической терминологіи въ русскую юриспруденцію, разумеется, въ формѣ очерченія, *отмежеванія* отъ латинскаго міра. Это свѣтлые маяки наши въ область темную, не просвѣтленную еще лучемъ истинной науки. Второе основаніе то, что въ типическихъ словахъ есть какая-то чудотѣйственная сила; стоить только произнести, или взглянуть на нихъ, чтобы понять свое заблужденіе, и узнать, какъ далеко ушелъ почный труженикъ отъ настоящаго истиннаго типа. Но крайней мѣрѣ, я это собственнымъ опытомъ испытать. Имѣя тишь и загроунаясь въ анализѣ историческихъ явленій, въ области русскаго права, можно учинить справку, заглянуть въ лучшій учебникъ по римскому праву, и приложить его къ своему образу пониманія. Тогда откроется ясно, приближается ли личное воззрѣніе къ общей истинѣ, или слишкомъ далеко отошло отъ нея, и граничить почти съ чепухой... Я увѣренъ, что г. Чичеринъ избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, если бы помнилъ и по крупнѣе отпечаталъ при русскомъ *отчичинномъ правѣ* — *Ex jure domini privati*. О! въ этомъ словѣ сокрыта непостижимая сила...

рошь, *русскимиъ чловѣкомъ*, который вездѣ состоить на другомъ *положеніи*. Верховную власть, съ тремя ея отраслями, *законодательною, судебною и правительственною*, они превратили въ *частную, личную собственность*, подвергли ее такому же вещественному хозяйству, какъ землю, раздробили ее на безконечно-мелкія дробы, и этими дробями, поддерживающими *удѣлы*, распоряжались, при жизни и на случай смерти, всѣми свободнѣйшими гражданскими способами, т. е. продавали, закладывали, мѣняли, дарили, отказывали на поминъ души, отнимали у другихъ силой, и нерѣдко бросали. По великодушію своему — *рыцарскому*, занесенному къ намъ изъ нѣмецкой земли, и по несмѣтному количеству *оброчныхъ статей*, они своимъ вѣрнымъ дружинникамъ стали раздавать изъ верховной власти множество правъ въ *вѣчное и потомственное владѣніе*, ни мало не оскудѣвая сами отъ такихъ щедротъ; а *дружинники*, тѣмъ же чувствомъ движимые, передавали ихъ своимъ *холопамъ*. Славное хозяйство!

Такъ продолжалось долго, очень долго, во весь *періодъ удѣльныхъ*. Наконецъ князья, наши вотчинники, утомившись этимъ, истинно чудовищнымъ хозяйствомъ, перессорились между собой, перерѣзались, и все ради эгоистическихъ, матеріальныхъ расчетовъ, рѣдко по какому-то оскорбленію *стольной чести*. Въ этомъ состояніи утомленія, пресыщенія боярскаго, задумали они новую думу — превратить *господство* во *владычество*, изъ частныхъ владѣльцевъ-*вотчинниковъ* сдѣлаться *русскими государями*, снять со всей земли и изнуренныхъ ея жителей кабалу и маятность, и вмѣсто прежней *барщинной* системы выстроить на землѣ русской новое красивое зданіе, возведенное въ титулъ *государства*. Эту достойную чловѣческаго существа думу думали не всѣ русскіе князья сообща, какъ бы надлежало имъ сдѣлать по родству и товариществу, но одни *московскіе* князья — удѣльные, бѣдные, скупые, однимъ словомъ *собиратели*. Долго ли, коротко ли думали они объ этомъ, мало намъ извѣстно; только созрѣвшая мысль разомъ перешла въ дѣло. Началась работа новая — *разрушительная и созидательная*, въ одно и тоже время. И вотъ, едва вѣришь глазамъ своимъ, вдругъ устроилось *московское государство*, плодъ хозяйственной и расчетливой догадки нѣкоторыхъ князей; и съ той поры до сего времени мы, *Русскіе*, имѣемъ счастье жить въ нашемъ любезнѣйшемъ отечествѣ на *новомъ положеніи и окладѣ*. Эту основную

мысль г. Чичеринъ развиваетъ во всѣхъ своихъ литературныхъ сочиненіяхъ, съ необыкновенною послѣдовательностію, единствомъ логическимъ и нѣкоторымъ ожесточеніемъ въ стилѣ; это его убѣжденіе, перешедшее въ роковую вѣру. Я не стану отпечатывать подлинными словами всѣхъ мѣстъ, гдѣ эта мысль высказывается: она проникаетъ всю конструкцію историческаго его созерцанія. Но, по принятымъ правиламъ критики, надобно же выставить *автентическія* положенія автора: иначе наша борьба не будетъ имѣть тѣлесной освѣзательности. И такъ, на пробу, на выдержку, беру слѣдующія положенія, возведенныя, путемъ историческаго анализа, въ *аподиктическую* истину:

1. Князья, волею и неволею (?) покоривши славянскія племена, остались къ нимъ въ отношеніяхъ начальниковъ дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель; въ послѣдствіи времени они сдѣлались осплдыми въ своихъ областяхъ: изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ же (1).

2. Въ удѣльный періодъ города и области дѣлились между князьями и переходили изъ рукъ въ руки, какъ частная собственность (2).

3. Въ вотчинной Руси судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности; какъ частная собственность, онъ дѣлился между князьями, дробился на участки, на года; онъ передавался другимъ — кормленщикамъ — по частному же праву; отчуждался въ частныя руки жалованными грамотами; а иногда отдавался на откупъ (3) (??).

4. Право суда надъ подчиненнымъ лицомъ принадлежало судьямъ, какъ частная собственность, которой онъ не могъ быть лишенъ (4) (???)

5. Самое управленіе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ правѣ: кормленщикъ управлялъ не на князя, а на

(1) Областные учрежденія, стр. 2.

(2) Тамъ же, стр. 5.

(3) — стр. 19.

(4) — стр. 17.

себя; какъ частною собственностію кормленщикъ управлялъ кормленіемъ, посредствомъ людей своихъ и холоповъ (¹) (?????)

6. Самые преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя дѣйствія, изъ которыхъ судья извлекалъ прибыль; на преслѣдованіе которыхъ онъ имѣлъ исключительную привиллегію, составлявшую одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія (²). Или, въ другой, болѣе рѣзкой формѣ таже мысль: Очевидно, во всѣхъ судебныхъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходное дѣйствіе, котораго общественное значеніе скрывалось за частнымъ: извѣстнаго рода преступленіе составляло какъ бы собственность судьи (³) (?????).

7. Наконецъ, на тотъ же частный характеръ указываютъ привиллегіи, освободившія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ: частныя изъятія противны общественному порядку, и существуютъ только въ такихъ формахъ общества, гдѣ господствуетъ частное право (⁴) (??????).

Достаточно для нашей цѣли и этихъ выписокъ, тѣмъ болѣе, что я, не имѣя ученаго кліента, какъ бывало у Римлянъ, долженъ самъ лично, и выбирать, и переписывать эти мѣста. На нѣкоторыхъ положеніяхъ я выставилъ знаки удивленія, увеличивая ихъ, по мѣрѣ возрастанія во мнѣ моего собственнаго удивленія, при встрѣчѣ съ такими формами юридическаго пониманія.

Приступая къ литературной операціи надъ русскимъ государственнымъ организмомъ, я долженъ раздѣлять ее на два акта, на два приѣма: одинъ приѣмъ — отвлеченно *сциентифическій*, другой — *русскій*. Такимъ образомъ, сперва изложимъ мы *понятіе о правѣ господства и владѣчества*, по началамъ науки; потомъ, съ этимъ свѣтляньникомъ въ рукахъ, вступимъ на русскую землю, сдѣлаемъ *приложеніе ихъ къ русской исторіи*, къ тѣмъ *юридическимъ учрежденіямъ*, которыя подлежали разсмотрѣнію г. Чичерина. Какое изъ двухъ началъ подойдетъ къ нимъ, то и надобно признать

(1) Областные учрежденія, стр. 20.

(2) Тамъ же, —

(3) — стр. 11.

(4) — стр. 24.

несомнѣнною истинною. *Первый актъ* есть самый главный, основной, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трудный для анализа: въ немъ опредѣляется *физиологія юридическихъ явленій*, общая всему человечеству — возведенная наукою въ свѣтлый образъ. Здѣсь должна быть сосредоточена вся сила мышленія; изслѣдователь судебъ русскаго народа — напередъ, еще не заглядывая въ памятники, долженъ вдуматься въ эту физиологію, проникнуть ее своею мыслию всецѣло, внести ее въ свою душу, какъ свѣтлый лучъ, — и тогда, съ божиимъ благословеніемъ, можетъ приступать къ чтенію *грамоты* нашего отечества. Г. Чичеринъ не подумалъ о великомъ значеніи этого акта, не справился даже съ общими очертаніями двухъ различныхъ институтовъ — по *нѣмецкимъ учебникамъ* — и, гонимый какою-то *темною* силою, ринулся на русское государство, подобно тому римскому жрецу, о которомъ я упомянулъ въ первой статьѣ, и совершилъ святотатственное закланіе. Счастіе наше, что этотъ дерзновенный ножъ прошелъ по тѣни русскаго человѣка; но намъ — и тѣнь предковъ дорога; а потому естественно, что мы чувствуемъ какъ будто нѣкоторую обиду, нанесенную непосредственно нашей живой личности. Я готовъ былъ бы на нѣкоторое замиреніе съ г. авторомъ, если бы актъ діалектическаго мышленія, тяжелаго для народнаго чувства, имѣлъ у него величавую, замѣчательную въ приѣмъ, конструкцію, напр. *гегелианскую*. Правда, прискорбно видѣть славянскіе народы исключенными изъ міроваго значенія; но по *тройственной системѣ*, въ самомъ дѣлѣ, намъ нѣтъ тамъ мѣста; а прижннуть, приютиться къ *германскому* міру, мы сами не желаемъ. И такъ остаемся *особнякомъ*, до будущаго — философскаго дѣлежа судебъ человѣческихъ; авось и о насъ вспомнятъ!... Но *юридическія понятія* нашего молодаго писателя довольно слабы, шатки, сбивчивы и отрицательны. Есть даже *противорѣчія*, такъ что, часто противъ его намѣренія, выпадаетъ прекрасная оброчная статья на долю старой Руси; приемы, иногда такіе, которые не одобряются наукою; но на меня подѣйствовала, болѣе всего, форма — *абсолютнаго, вѣчнаго, диктаторскаго разума*, изрекающаго судьбы нашего отечества. Ставя знаки удивленія надъ нѣкоторыми его положеніями, я желалъ обратить вниманіе читателя на эту сторону.

Не имѣя настоящихъ приемовъ, получаемыхъ чрезъ глубокое изученіе юридической науки, съ запасомъ болѣе однихъ формулъ, нерѣдко взятыхъ у *Гегеля*, онъ переворачиваетъ всю русскую

исторію на-изнанку, и хочеть сдѣлать изъ нея какое-то чудовище. Но, господа, не надо забывать, что мы живемъ на русской землѣ, дышемъ русскимъ воздухомъ; все, что составляетъ наше религіозное, нравственное, политическое, гражданское и даже матеріальное достояніе, все это мы получили даромъ, по милости божіей, по органическому сочлененію съ русскимъ народомъ. Понимаете ли всю силу этого неотразимаго возраженія?... Но я хочу дать другое, болѣе справедливое, и естественное толкованіе новому литературному строю: это — *ирри-вое дѣтство* русскаго ума, почувшаго мощность свою, и не сдвигающагося въ общепринятыя уставы мышленія, своеобразнаго и отлетнаго ума, какъ самъ народъ. И въ самомъ дѣлѣ, у насъ въ литературномъ мірѣ, по временамъ, раскидываются небольшіе *таборы*, — не въ такомъ чудовищномъ составѣ, въ какомъ угодно было г. Чичерину представить всю старую Русь, — но все таки таборы; впереди красуются удалые вожатые, ловкіе, бойкіе, въ полномъ разгарѣ силъ молодецкихъ, какъ и слѣдуетъ быть при таборѣ, но не храбрые: ибо при первомъ обличеніи предъ судомъ науки, они поблѣднѣютъ, раскаются и бросятъ свой таборъ.... И такъ пусть они погуляютъ вдоволь, лишь бы не притягивали въ свой таборъ и другихъ молодыхъ юношей, которые еще не имѣютъ права на такой разгулъ. Быстро промчится пора молодости, и дѣтскія игрушки смѣнятся другими, серьезными работами, на пользу и славу Россіи. Вотъ на какой мысли я успокоиваюсь!

А.

Ученіе о правѣ господства и владычества, по началамъ науки.

Начинаемъ съ языка, словесной мысли; это лучший, вѣрнѣйшій проводникъ къ юридическому пониманію институтовъ. *Идея господства* отразилась у Римлянъ, въ образовательномъ и преемственномъ ходѣ языка, въ слѣдующихъ словахъ: *hoc meum est ex jure Quiritium*; потомъ — *auctoritas, mancipium* — здѣсь оболочка мысли взята изъ актоваго и процессуальнаго состоянія; далѣе — *in bonis* — *преторское* созерцаніе новой, частной собственности; наконецъ вылилась типическая, окончательная форма — *proprietas (pro privo), dominium*. У другихъ новыхъ народовъ — формы несамобытныя, а переводныя: *propriété, Eigenthum*; у насъ *собственность* — отъ

особь, *о себѣ*, *особо*, *особа* (1), по историческому процессу отдѣленія человѣческаго, индивидуальнаго существа отъ первоначальныхъ союзовъ, *родовыхъ*, или *общинныхъ* — для меня все равно.

Идея владычества воспринимаетъ другую форму, другой тѣлесный полетъ: у *Римлянъ* она выражается въ словѣ: *imperium* (просто: ибо нѣтъ *imperium majus et minus*), *majestas*, *potestas*; а со стороны личнаго обладателя разсматриваемая — она является какъ *honor*, *dignitas*, и потомъ — въ различныхъ наименованіяхъ верховныхъ сановниковъ (консульская, ценсорская, преторская, трибунская, верховная власть и т. д.). У новыхъ народовъ, опять переводныя формы: *majesté*, *Hoheit*; у насъ — *величество*, *верховная власть*. Я увѣренъ, что читатель, знакомый съ языкомъ, по однимъ этимъ словеснымъ типамъ догадывается, что токъ моихъ юридическихъ мыслей польется двумя раздѣльными и противоположными діаметрально каналами. Въ техническомъ словѣ, особенно *латинскомъ* — открыта великая тайна разумія!

Владычество и *господство* (*imperium* — *dominium*) суть двѣ юридическія формы, въ которыхъ сосредоточена всякая человѣческая власть; степени ихъ могутъ быть какъ будто различны, а существо одно и то же. Это двѣ физиологическія силы, управляющія двумя мірами — нравственнымъ и физическимъ, *человѣческимъ* и *материальнымъ*. *Первая* сила, подобно *центробѣжной* въ физикѣ, непрерывно стремится вверхъ, въ горнюю область, къ своему свѣтлѣйшему, божественному *прототипу*; *вторая* сила, подобно *центростремительной*, идетъ все внизъ, тяготѣетъ къ землѣ, — къ своему родному типу. Обѣ силы сосредоточены въ человѣкѣ, и въ первой порѣ своего историческаго движенія во внѣ, одна на другую походятъ, иногда не распознаются и самимъ владѣльцемъ; но это видимый обманъ: онѣ между собой враждебны, одна другую исключаютъ, и мира между ними быть не можетъ, какъ нѣтъ мира и родства между человѣкомъ властителемъ и подвластною природою. Та и другая сила состоятъ въ *процессѣ*, и подвергается

(1) Вотъ ваша личность, особа; а *Римляне* другимъ прѣемомъ выразили эту идею: *персона* (*persona*) отъ *sonus* — *sono* — *звукъ*, *глазоль*, *слово*: кто можетъ издавать звуки, говорить въ римскомъ обществѣ такъ, что его надобно слушать и уважать, тотъ называется *персоною*. И такъ, какое множество было у нихъ нѣмыхъ и косноязычныхъ! Видно, надобно было говорить особеннымъ изыкомъ.

внѣшнимъ измѣненіямъ, обновленіямъ въ формѣ; *первая* по происхожденію *небесная*, а по пребыванію и дѣйствию *земная*, постепенно освобождается отъ своихъ вещественныхъ наростовъ, борется, въ своемъ высшемъ стремленіи, съ разнообразнѣйшими земными препятствіями, очищается въ *горниль искушенія*, высвѣтляется и наконецъ доходитъ до своего чистаго образа, въ которомъ уже нѣтъ ничего матеріальнаго, вѣсимаго, дѣннаго; и *вторая сила* совершаетъ такъ же своего рода путешествіе, но по другому направленію, въ другой конецъ: въ первомъ историческомъ возрастѣ — она обростаетъ слоями, ей чуждыми — религиознымъ, нравственнымъ, политическимъ, человѣческимъ, — вообще мягкимъ слоемъ; потомъ освобождается отъ своихъ неестественныхъ наростовъ, сдерживающихъ ея движеніе, борется на смерть съ различными препятствіями, наконецъ выливается въ свой чистый, юридическій типъ частной *собственности*. Первая сила — владычество, управляетъ человѣческимъ обществомъ по закону нравственной свободы: личность гражданская, съ своими правами и обязанностями, легко уживается съ *нею*, и даже состоитъ въ тѣснѣйшемъ родственномъ союзѣ; вторая сила — господство, управляетъ вещественнымъ міромъ, по ужасному закону *несвободы*, порабощенія; одна матерія проникается ею всецѣло, которая, для удобства, разлагается на части и дроби; здѣсь нѣтъ и тѣни человѣческой свободы: бѣда, если, по несчастію, попадется члвкъ подъ эту *машинную* силу: она его сотрѣтъ, какъ прахъ, уничтожить все его существо, и свѣтлый, божественный ликъ его превратитъ въ несвободную матерію.

Такъ, въ языческомъ мірѣ, попался было подъ эту *роковую* силу члвкъ, превращенный въ *раба*, и грознымъ манифестомъ высочайшаго, но античнаго разума, торжественно объявленъ *вещію*: *Servi sunt res*. Обѣ силы равно первозданныя, одного божественнаго происхожденія, и въ одномъ и томъ же органѣ — члвкъ проявляемая; но одна изъ нихъ *духовная*, а другая *тѣлесная*. Какъ между духомъ и тѣломъ происходитъ непрерывная борьба: точно тоже повторяется между владычествомъ и господствомъ. Онѣ не сливаются въ одну субстанцію, одна другою не замѣняются, существуютъ какъ бы отдѣльно и индивидуально, какъ душа и тѣло. Сопутствуя человѣческой исторіи во всѣхъ ея возрастахъ, онѣ вступаютъ въ борьбу кровную, какъ тѣло воюетъ противъ духа, одна надъ другою одерживая временный перевѣсъ, но не уничтожаясь въ

своей особености. Перевѣсъ этотъ означаетъ только условное, историческое количество тяжести, приходящее къ нимъ отъ различныхъ причинъ, и притомъ не всегда въ одинаковомъ порядкѣ выражается: иногда какъ будто прежде выражается *владычество*, подчинивъ себѣ *господство*, иногда на оборотъ. Но, по обыкновенному, естественному ходу, обѣ силы скоро размежевываются, и идутъ по двумъ противоположнымъ линіямъ — одна по *восходящей* — къ Богу, другая по *нисходящей* — къ землѣ, вещественному міру. Ни въ юридическомъ мышленіи, ни въ исторіи человѣчества, нельзя себѣ представить ни одного момента, гдѣ бы одной изъ силъ вовсе не было, а все управленіе человѣческое исходило отъ одного закона, и имѣло одинъ видъ, одно юридическое состояніе; точно тоже бываетъ съ человѣкомъ: нѣтъ момента, гдѣ бы онъ превратился въ простое тѣло, или чистый духъ. Такимъ образомъ, едва ли можно, по закону мышленія, утверждать, что *россійское* человѣчество, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, управлялось на началѣ частной собственности, проникалось во всемъ своемъ существѣ одною исключительною и неограниченною *силою господства*. Можно сойти съ ума отъ одного умственного представленія такого несчастнѣйшаго состоянія человѣческаго общества! Но я не могу ограничиться однимъ общимъ, отвлеченнымъ созерцаніемъ двухъ юридическихъ институтовъ: необходимо приступить къ подробному ихъ анализу, и опредѣлять *внутренніе* и *внѣшніе* признаки, по которымъ бы можно было различить ихъ въ исторіи человѣчества: ибо отъ неясности разграничительныхъ линій происходитъ величайшая сбивчивость въ понятіяхъ, и та странная форма пониманія, которую мы видимъ въ сочиненіи г. Чичерина. Я имѣю здѣсь въ виду преимущественно молодое поколѣніе *юристовъ*, и постараюсь дать имъ въ руководство виднаго, вѣрнаго проводника. И такъ, не надолго, я долженъ оставить моего почтеннѣйшаго читателя, если только онъ не знакомъ съ юридическими приѣмами науки.

I. И такъ — *подвергается анализу типъ господства, частной собственности, преломляемый на части, на моменты.*

1. *Опредѣленіе собственности (definitio).* Опредѣлить, или обмежевать право собственности не возможно: ибо оно представляетъ полноту безпредѣльную, въ которой заключается юридическая возможность *всѣхъ дѣйствій, всѣхъ приѣмовъ и формъ*, какія только

человѣкъ можетъ придумать въ умѣ своемъ, и какія вещь можетъ воспринять, по различному своему свойству. Правда, есть и здѣсь предѣлы, но они заключаются или въ ограниченности силъ человѣческихъ, или въ упругости матеріи; но и эти предѣлы не слишкомъ явственны. Кто въ состояніи указать намъ линію, далѣе которой уже не можетъ простираться человѣческое могущество? Новѣйшее время доказало убѣдительношимъ образомъ, что духъ человѣческой способенъ открывать новыя стороны въ обладаніи и пользованіи вещественною природою, вовсе неизвѣстныя старому времени; слѣдовательно процессъ освоенія, въ своихъ ваятельныхъ формахъ, не конченъ, а, по видимому, вступаетъ только въ новую эпоху. *Прежняя юриспруденція*, прикрѣпленная къ фактическимъ явленіямъ, не постигая типа, старалась опредѣлить существо собственности, изчисляя всѣ ея стороны, всѣ части, изъ которыхъ слагается право; она хотѣла исчерпать весь ея объемъ и содержаніе (1). Труженический, не художественный приѣмъ! *Новая юриспруденція*, убѣжденная прежними опытами въ несостоятельности аналитическаго метода, оставила тщетный, бесполезный трудъ дѣленія на части и виды, и остановилась на однихъ существенныхъ, *физиологическихъ* элементахъ человѣческаго дѣйствія, на *положительной и отрицательной* его сторонѣ. Такимъ образомъ, въ духѣ новой науки, *собственность есть юридическое — неограниченное и исключительное — владычество надъ подвластною природою* (2). Не ужели такое очертаніе можно назвать опредѣленіемъ? Но лучшаго приѣма до сихъ поръ не сдѣлано.

2. *Происхожденіе и очеркъ историческаго развитія*. Творецъ небесный, выводя на землю сотвореннаго имъ *по образу и по подобію* Своему человѣка, въ лицѣ прародителей нашихъ, указалъ имъ на весь земный міръ, какъ на подвластный, и передалъ имъ божественное свое право въ знаменательномъ словѣ: *Господствуйте и обладайте* (3). Вотъ первое, *откровенное* происхожденіе власти человѣческой на землѣ! Человѣкъ, сдѣлавшись

(1) См. всѣ старые учебники по римскому праву; въ этомъ же духѣ составлено опредѣленіе *собственности* въ Сводѣ Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, т. X. II, гл. 1.

(2) *Савиньи* и *Пухта* такъ опредѣляютъ: *Eigenthum ist eine unbeschränkte und ausschliessliche — rechtliche Herrschaft.* (System I § 86. *Puchta—Cursus* II § 231).

(3) *Бытѣя*, гл. 1.

хозяйномъ природы, по *благодати*, повелѣлъ предстать ей предъ свой владычный ликъ, со всѣми ея членами, нарекъ имена каждой вещи, каждому животному, и тѣмъ опредѣлилъ имъ земную службу, назначеніе, цѣль бытія. Вотъ первая форма человѣческаго *господства!*

Утративши грѣхонпаденіемъ образъ божій, и тѣмъ самымъ давши природѣ поводъ къ неповиновенію своему новому господину, человекъ сохранилъ однако же чувство первоначальной власти, и, управляемый естественнымъ инстинктомъ, постоянно стремится къ освоению окружающаго его міра, къ возстановленію нарушеннаго отношенія; въ слѣпостъ, дерзновенномъ влеченіи, онъ иногда причисляетъ къ вещественному міру и своего собрата — человека, и надъ нимъ желаетъ показать такую же власть. Двигатель всего человѣческаго существа, сообщающій ему и силы и средства къ преодолѣнію препятствій, встречающихся на пути завладѣній, есть *личный духъ*, непрестанно тяготеющій къ природѣ, и стремящійся перелиться въ тѣлесныя формы (¹).

Какъ сила невещественная, онъ разлитъ по всему человечеству; у всѣхъ народовъ находится, какъ *физиологическій законъ*; но формы и степени въ исторіи принимаетъ различныя, по различію мѣстныхъ и временныхъ условій. Не нужно высокаго образованія, значительной степени гражданскаго общежитія, чтобы имѣть сознаніе о собственности: человекъ, безъ разсудочной рефлексіи, ясно и вѣрно, называетъ одну вещь своею, а другую чужою, не зная, часто имени, свойства, цѣны, назначенія освоеннаго имъ предмета; и эту прирожденную ему правду готовъ защищать всѣми средствами, законными и незаконными; впрочемъ природа и не знаетъ о существованіи положительныхъ законовъ (²). Народы осваиваютъ міръ вещественный различнымъ образомъ; каждый по своему приему совершаетъ актъ завладѣнія: одинъ народъ глубже, тѣснѣе, соединяется съ одлою системою вещей, другой на нее не обращаетъ почти никакого вниманія, и признаетъ цѣнности въ другомъ разрядѣ. Въ одномъ народѣ — политическая его личность отражается и на природѣ: эта живая, народная единица, разбитая на классы, сословія, общины, прорѣзываетъ и міръ земельный, на которомъ обитаетъ, тѣмъ же

(1) Римляне называли его: *animus sibi habendi, animus domini*.

(2) *Vim vi defendere omnes leges omniaque jura permittunt. l. 1. § 27. Dig. de vi (XLIII, 16). Adversus periculum naturalis ratio permittit se defendere. l. 43 § 4. Dig. ad legem Aquiliam (IX, 2).*

условнымъ рѣзцомъ, и выработываетъ изъ него отдѣльные, типическіе слои: такая форма юридическихъ владѣній видна у *германскихъ* и *славянскихъ* народовъ. Напротивъ, у нѣкоторыхъ народовъ, на весь міръ наложенъ одинъ безличный типъ: все сравнено, и подведено подъ одинъ юридическій знаменатель — нѣтъ различія между движимыми и недвижимыми вещами, между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, и т. д.; ибо нѣтъ никакого различія между обладателями: всѣ суть граждане — равные члены своего государства: такой типъ вещественнаго господства былъ у Римлянъ. Чтò совершается массою народною, то повторяется отдѣльными лицами, но въ безконечно разнообразнѣйшихъ формахъ. И несвободная природа состоитъ въ *прогрессѣ*: предметы первыхъ, общихъ всѣмъ потребностей — *пища, одежда, жилище* — подлежатъ свободному развитію, имѣютъ свою исторію и *современность*. Не одинъ произволъ человѣческой управляетъ вкусомъ, а есть въ этомъ своя фізіологія. Вотъ, въ какой органической связи состоитъ природа съ духомъ своего личнаго владыки! Вотъ въ какой неволѣ, маятности, она находится! Но таково ея божественное назначеніе — безпрекословная служба и повиновеніе человѣку.

3. *Предметъ собственности.* Одна несвободная природа, и притомъ, какъ опредѣленная, ограниченная матерія, называемая *тѣломъ, вещью* (*corpus, res*), можетъ подлежать всецѣлому порабощенію. По разлчному отношенію къ владѣльцу, а не по юридическому своему свойству, которое одинаково въ собственности, однѣ вещи, — а ихъ въ образованномъ обществѣ не слишкомъ много, — изъяты изъ гражданскаго, частнаго оборота, а другія состоятъ въ оборотѣ, имѣя тѣловую цѣнность (*res extra commercium et in commercio*). *Первый* разрядъ вещей принадлежитъ *религіи*, по разлчному ея признанію и устройству въ народѣ, *государству*, *обществамъ*, однимъ словомъ, *юридическому*, какъ бы *безличному лицу*; при такомъ хозяйствѣ, который есть одно разсудочное отвлеченіе, а не живій человѣкъ, эти вещи пользуются нѣкоторою естественною свободою; не глубоко, не во всемъ существѣ и составѣ, проникаются духомъ обладателя, и не воспринимаютъ въ себя всей индивидуальной личности. Въ обладателѣ всегда замѣтна какая-то лѣность, вялость въ властительскихъ движеніяхъ. Но за то вещи, состоящія въ гражданскомъ, частномъ оборотѣ, испытываютъ на себѣ всю силу и могущество нашей личности.

Человѣку невозможно вынести на себѣ ужаснаго, грознаго господства, безъ потери и уничтоженія всего своего личнаго и человѣческаго существа. Такимъ образомъ, во имя человѣческой природы и правъ ея божественныхъ, вещественнаго порабощенія человѣка на правѣ частной собственности нигдѣ и никогда во всемирной исторіи не бывало. *Древній рабъ*, умаленный въ своемъ высокомъ образѣ древнимъ узкимъ умомъ, причисленъ былъ къ оборотнымъ цѣностямъ, къ *вещамъ манципаціоннымъ* (res mancipi); но такое признаніе его, по благодати божіей, было только юридическою *рефлексією*, къ которой такъ склоненъ былъ античный разсудокъ; а на самомъ дѣлѣ, рабъ былъ *человѣкъ*, и имѣлъ въ извѣстной степени права *естественныя* и *положительныя*. Не всѣ стороны этой живой и говорящей вещи поражены были началомъ господства; напротивъ лучшая, и довольно многосложная, часть житейскихъ отношеній управлялась другими началами — *семейственнымъ*, *религиознымъ*, *нравственнымъ* и *общечеловѣческимъ*. Самый титулъ этого начала — другой, для вещи непримѣнный. Отношеніе господина къ рабу не названо оскорбительнымъ именемъ — *dominium*, но властительствомъ — *potestas dominica*; а этотъ типъ означалъ всегда присутствіе личныхъ, свѣтлыхъ, невещественныхъ элементовъ; *рабство* и въ римскихъ системахъ, и въ новыхъ, излагается не въ ученіи о частной собственности, но въ особенной — мягкой и свободной системѣ *семейственныхъ правъ*. Г. Чичерину эта азбука римскаго права должна быть извѣстна...

Но, кромѣ вещественной природы, свободный человѣкъ подчиняется другому человѣку также по *гражданскому* началу господства, и состоитъ у него на службѣ, въ работѣ: такой частный союзъ называется *обязательствомъ* (obligatio). Изъ двухъ лицъ, равныхъ и независимыхъ, устанавливается юридическое отношеніе, гдѣ это равенство уничтожается, и одинъ къ другому стоитъ, какъ *вѣритель къ должнику*. Предметомъ этого права бываютъ опредѣленные, мѣновыя, имущественныя, человѣческія дѣйствія, у Римлянъ названныя *вещами безтѣлесными* (res incorporeales). Въ *гражданскомъ* быту — онѣ имѣютъ тѣже свойства, условія и формы движенія, какъ настоящія тѣлесныя вещи; а потому въ наукѣ и называется это отношеніе *идеальною собственностью* (dominium ideale). За исключеніемъ условленнаго дѣйствія, составляющаго содержаніе обязательствъ, *должникъ* свободенъ и неподчиненъ вѣрителю.

Вотъ всё предметы, на которыхъ выражается частная собственность! По крайней мѣрѣ, до настоящей минуты, въ которую пишу я эти строки, ничего не было слышно въ наукѣ о другихъ предметахъ порабощенія, на правѣ частной собственности.

4. *Юридическое существо.* Формы гражданского господства чрезвычайно разнообразны: человекъ ставитъ себя въ отношеніе къ природѣ — прямое и косвенное, непосредственное и посредственное, физическое и чисто-юридическое; онъ можетъ выражать надъ нею и полное, — неограниченное свое право, и частное — опредѣленное, касаясь только нѣкоторыхъ сторонъ вещи; онъ можетъ дѣйствовать на свой *собственный* міръ и своимъ лицомъ, и чрезъ представителей, какъ бы чиновниковъ его гражданского самодержавія. Онъ можетъ принимать всё акты, всё движенія свободныя, какія угодны его властительству; при жизни и на случай смерти распоряжается своимъ достояніемъ всеми способами, неограниченно. Если наскучить ему такая автократія, онъ можетъ выдти изъ всѣхъ прямыхъ отношеній къ вещи, оставивъ за собою, на всякой случай, одно пустое понятіе собственника (*nudum jus*), а потомъ, когда вздумается, воззвать къ своей господской личности всё разбросанныя и другимъ уступленныя части своего верховнаго права. Сфера нашихъ имущественныхъ обладаній вся проникается нашею личностію; вещь одухотворяется, а человекъ овеществляется. Кто привыкъ по явленіямъ міра физическаго наблюдать надъ процессомъ духа человеческого, проходящаго сквозь матерію: тому откроется весь невидимый, внутренній міръ человека, и притомъ въ непрерывномъ, живомъ движеніи; ибо въ матеріи, какъ въ сосудѣ, отливаются всё формы духа, соответствующія различнымъ его состояніямъ въ исторіи. Міръ вещественный есть какъ будто *откровеніе человеческой личности*, разсматривая его съ гражданской юридической стороны.

Видѣть съ духомъ человеческимъ — этимъ *perpetuum mobile* — и формы гражданского міра движутся, измѣняются, отражая въ данный моментъ физиономію личнаго владѣльца. Такимъ образомъ, вещь, переходя отъ одного хозяина къ другому, или даже состоя въ обладаніи одного лица, но подвергающагося быстрому духовному процессу, непрестанно измѣняетъ свое собственное лицо (и у вещей есть лицо — имя и фамилія), которымъ благословилъ ее Создатель при первомъ сотвореніи твари; какъ агнецъ *безмолвенъ предъ струющимъ* его, такъ вещь нѣмая стоитъ въ раболѣпствѣ предъ своимъ

владыкой, прислушиваясь къ его грозному голосу, и даже предугадывая его тайныя мысли ; со стороны вещи требуется необыкновенная ловкость, гибкость и безмолвная покорность : ибо за малѣйшій проступокъ властелинъ обезобразитъ ея лицо, и разрушитъ ее въ самомъ существѣ. Природа, состоящая на правѣ собственности частной, отражаетъ на себѣ всѣ формы, всѣ произвольныя приемы, всю индивидуальную личность человѣка — *господина*.

Естественно, при такомъ цѣлостномъ порабощеніи, при такомъ оттискѣ различныхъ владѣльческихъ типовъ, вещь не можетъ устоять въ своей упругой, какъ бы отъ насъ нисколько независимой, натурѣ, дробится, измѣняется, умалается, и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ въ своемъ индивидуальномъ, личномъ бытіи : на обыкновенной взглядъ ея нѣтъ въ дѣйствительномъ мірѣ. И вотъ — предъ нашими глазами совершаются чудныя, почти воображаемыя, а между тѣмъ ежедневныя *метаморфозы* : изъ опредѣленной — матеріальной субстанціи вырастаютъ новыя вещи, а старыя исчезаютъ ; выходятъ наружу новыя цѣнности, новыя названія ; однимъ словомъ, область нашего вещественнаго достоянія, какою-то магическою силою, вдругъ наполняется новыми предметами. А старыя куда дѣвались? Исчлзли, но только не въ физическомъ, а юридическомъ смыслѣ. Правда, въ мірѣ все тлѣнно, не вѣчно, кромѣ одного безсмертнаго нашего духа. Но здѣсь, въ *сферѣ собственности*, тлѣніе это совершается слишкомъ быстро, и какинъ-то страннымъ образомъ : вещь еще молода, сильна, тверда въ своемъ составѣ, а слѣдовательно очень, очень далека отъ естественнаго разрушенія ; а между тѣмъ кѣмъ-то разложена въ своей субстанціи, потреблена, съедена, и замѣнена чисто-искусственнымъ представителемъ мѣновыхъ цѣнностей — *денгами* (1). И такъ вещь претерпѣваетъ дивныя видоизмѣненія ; изъ тѣлеснаго, осязаемаго существа переходитъ въ чистое понятіе — *родъ* (*genus*) ; потомъ изъ области разсудочнаго бытія опять возвращается въ дѣйствительную, физическую жизнь : понятіе раздѣливается на тѣла (*species*). Видно, не одному человѣку хочется пожить индивидуально, то есть, въ *грѣшномъ тѣлѣ*, а и вещамъ! Не здѣсь ли надо поискать перваго, естественнаго мотива, въ силу котораго многіе, вѣроятно, по мягко-

(1) Для живаго и глубокаго, юридическаго пониманія этого оборотнаго двигателя, могу указать читателю на превосходнѣйшее изложеніе *Савинья*: *Obligationen-Recht*, I B. § 40 — 49. «*Geld*». Berlin, 1851.

сердію своему, не любятъ превращать живыя вещи въ отвлеченныя единицы, а скорѣе разбиваютъ ихъ на массу отдѣльныхъ вещей, и наслаждаются индивидуальною ихъ жизнью....

И такъ *собственникъ* дѣлаетъ чудеса съ предметами своей собственности. Неудивительно, если мы, знакомые съ фізіономіею извѣстныхъ вещей, которую мы же и наложили на нихъ собственно-ручно, по истеченіи весьма незначительнаго времени, возвращаясь къ нимъ, по какому-то чувству любви, не узнаемъ ихъ совершенно, тщетно отыскиваемъ слѣды, которые оставлены нашимъ дѣтствомъ, и не находимъ ихъ; здѣсь былъ цовый властелинъ, и его губительный духъ прошелъ сквозь сердце вещи, и убилъ ее.

Понятно теперь, почему человѣкъ такъ сильно любитъ это право, и почему государство покровительствуетъ этому чувству нашему, и охраняетъ всѣ частныя обладанія всѣми лучшими и подручными ему средствами. Безъ частной собственности — полной и свободной — нѣтъ полной человѣческой личности, нѣтъ гражданской свободы; безъ нея человѣкъ погружается въ какія-то темныя сферы, воплощается въ какіе-то крупные союзы, гдѣ не видится, не чувствуется его личное бытіе, гдѣ онъ живетъ, какъ органическій, несвободный паростъ, чужою, отвлеченною жизнью, не имѣя никакого своеобразнаго движенія (какъ *res accessoria sequitur suam principalem rem*). Безъ своей собственности, человѣкъ есть жалкой работникъ другаго господина, и никогда не можетъ возвыситься, даже въ мысли, до естественнаго, человѣческаго, Богомъ начертаннаго лика. Съ нею, напротивъ, онъ является такимъ *самодержцемъ*, которому нѣтъ другаго подобнаго въ государствахъ, и быть не можетъ: *Римляне* тивически выразили идею гражданского величія въ словѣ: *автократія* и *автономія*, въ частномъ быту проявляемая.

Этотъ юридическій институтъ есть основа и вѣнецъ всѣхъ гражданскихъ правъ: ибо идея, проходящая чрезъ всю систему гражданскую, есть идея личнаго освоенія, а типъ оной лежитъ въ собственности. Отъ этаго свѣтлаго, величественнаго типа, какъ отъ центра радіусы, идутъ оттиски, копіи по всѣмъ направленіямъ, въ разнообразнѣйшихъ преломленіяхъ, и воспринимають стройную, мѣрную, художественную оболочку. Въ *римскомъ правѣ* можно видѣть, самымъ нагляднымъ образомъ, весь историческій процессъ, въ которомъ обозначилось разрастаніе идеи собственности по всему гражданскому организму, и съ *матеріальной* стороны — изъ въ *догматическомъ*

нокоѣ, и съ *формальной* — или въ состояніи гражданскаго движенія, и съ *литературной* — или въ *науку*. У другихъ народовъ, на-примѣръ, *германскихъ* и *славянскихъ*, этотъ процессъ не такъ пластично совершается, чему есть и были особыя историческія причины.

Таково юридическое существо, неизмѣнная *физиологія частной собственности!* Внѣшнюю ея форму я не стану теперь описывать: она излагается во всѣхъ кодексахъ, и составляетъ почти единственное ихъ содержаніе: то есть, въ нихъ говорится о *способахъ приобрѣтенія, прекращенія и судебного ея охраненія* (1); а гораздо яснѣе и убѣдительнѣе доводится она каждому при совершеніи обыкновеннаго гражданскаго акта.

Мы не знаемъ всей убійственной силы этого гражданскаго права, потому что природа неодушевленная потеряла свой голосъ, а одушевленная тварь, закалаемая для удовлетворенія прихотливаго нашего вкуса, испускаетъ свои стenanія и мычанія вдалекѣ отъ ненасытнаго повелителя; есть организмы столь нѣжные, что при малѣйшемъ намекѣ на обрядъ закланія, чувствуютъ особенную боль въ сердцѣ, и одно самозабвеніе, и искусственное увѣреніе въ несправедливости сдѣланнаго намека, заставляетъ приступить ихъ по обыкновенію къ снѣдїи. Впрочемъ остается, существуетъ живое, разумное и словесное существо, которое можетъ отчасти объяснить намъ размѣръ собственности: это *несостоятельный, несчастнѣйшій должникъ*. Его отношеніе къ вѣрителю совсѣмъ не то, что подвластной вещи къ собственнику — отношеніе свободное, условное, взаимное, состоящее изъ одного незначительнаго дѣйствія — уплаты *долга*; если хотимъ приблизительно выразить право вѣрителя на должника, сравнительно съ правомъ господина на вещь, то оно будетъ походить на единицу, относящуюся къ неопредѣленнѣйшей величинѣ, напр. какъ $1 = 100, 1,000, 10,000$ и т. д. Выражаясь не строгимъ языкомъ науки, нельзя назвать настоящимъ должникомъ того, кто завинажаетъ у другаго, и готовъ уплатить по первому требованію займодавца. Дѣйствительный, истинный долж-

(1) Totum autem jus consistit aut in acquirendo, aut in conservando, aut in minuendo: aut enim hoc agitur, quemadmodum quid cujusque fiat; aut quemadmodum quis rem vel jus suum conservet; aut quomodo alienet aut amittat. l. 41. Dig. de legibus (1, 3).

никъ тотъ, кто, по крайней нуждѣ, гонимый первѣйшими жизненными потребностями, вымогдѣлъ себѣ у собрата своего на срокъ известную сумму, и, преслѣдуемый рокомъ, не можетъ ее внести своему кредитору. Вотъ лицо, на которое я могу указать съ вѣрностію каждому, желающему разгадать тайну господства! Я не въ состояніи обозначить этотъ міровой процессъ даже въ легкомъ очеркѣ: онъ возмущаетъ всю душу, а между тѣмъ признанъ у всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ. Граждане, въ благочестивомъ движеніи сердца, желая отпраздновать достойнѣйшимъ образомъ свѣтлые христіанскіе дни, выкупаютъ этихъ гражданскихъ добровольныхъ невольниковъ, и отпускаютъ ихъ на волю, какъ птицу изъ кѣтки. Но птица добровольно не возвращается къ своей вторичной неволѣ; надо ее вновь изловить; а человѣкъ и на это осужденъ: онъ самъ стремится къ вторичному плѣну.

И такъ, по милости небеснаго Создателя, одарившаго насъ нравственною свободою, и влившаго въ насъ чувство уваженія къ ея достоинству, ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ не состоялъ человѣкъ въ обладаніи другаго, какъ вещь, на правѣ частной собственности; а порабощеніе цѣлаго народа на такомъ же юридическомъ основаніи — и немислимо. Взгляните на исторію римскихъ завоеваній, и вы не увидите даже тѣни подобной неволи; а Римъ любилъ власть, и умѣлъ ее, гдѣ слѣдуетъ, показать....

Догадываетесь ли вы теперь, почтеннѣйшій слѣдователь политической исторіи русскаго народа, какую пѣсню я затянулъ, на какой напѣвъ и чѣмъ я ее кончу?... Я сочинялъ ее, я и переписывалъ; слѣдовательно она миѣ известна.... Но миѣ становится грустно. Я люблю ваше дарованіе—вотъ источникъ моей критической работы на вашѣмъ трудомъ. Столько задатковъ, надеждъ, энергіи въ вашей красивой натурѣ! И много заблужденій! Жертва неизбѣжна: ее требуетъ наука и юные ея питомцы; васъ я считаю достойнѣйшимъ *жертвеннымъ* существомъ. Есть у меня на примѣтъ и другія жертвы; но я ихъ оставляю до той поры возраста, когда онѣ содѣлаются способными для жертвоприношенія. Наша богиня — *Феміда* — имѣетъ разборчивый вкусъ.... А жертву много ученаго всегда отпускаютъ на волю, но въ очищенной формѣ. И такъ не бойтесь такого жертвоприношенія. Каждому молодому ученому я посоветовалъ бы зарубить въ памяти своей, какъ зарубку, слѣдующій афоризмъ стариковъ нашихъ: *десять разъ отдырни, а одлажды отръжь*:

а если кому не нравится эта заповѣдь въ русскоѣ формѣ, то я повторю ее въ латинской — образцовой: *если кто отрѣжетъ больше или меньше надлежищей мѣры, тотъ произрываетъ все* — даже правое дѣло (1). Но такъ какъ юридическая матерія, и особенно наша *отечественная*, не походитъ на печеный хлѣбъ въ округленной формѣ: то можно и 20, и 40 разъ примѣривать, до тѣхъ поръ, пока не чувствуется вѣрность глаза и руки; и тогда уже съ увѣренностію можно приступать къ операціямъ, и отрѣзывать несомнѣнныя истины, пожалуй, даже и такимъ восторженнымъ слогомъ: *Россія до XVII вѣка состояла на правѣ частной собственности у норманскихъ князей; а уголовныя преступленія подарены были ими волостелю также въ вѣчное и потомственное владѣніе, а потому и волостель, какъ собственникъ, могъ ихъ передавать, отказывать, дарить самому преступнику, вѣроятно, кидая ему въ лицо, по отвратительности подарка. Значить, нашъ старшій волостель могъ дѣлать по праву то, чего не въ состояніи сдѣлать ни одинъ изъ самодержавнѣйшихъ государей. Ибо право помилованія не истекаетъ изъ права частной собственности, имѣетъ границы и особенное свойство, вовсе не дарственное. Человѣкоубійцу никакая земная власть простить не можетъ.*

II. Отъ господства переходимъ къ владычеству.

Порядокъ изложенія остается тотъ же, т. е. мы будемъ разлагать типъ на части, на отдѣльные моменты.

1. *Определеніе.* Аналитическая операція надъ идеею верховной власти несравненно затруднительнѣе, нежели надъ идеею собственности. Здѣсь нельзя ограничиться простымъ взглядомъ на человѣческое дѣйствіе — въ положительномъ и отрицательномъ его направленіи, и возвести его въ абсолютную форму господства. Если мы будемъ скользить по однимъ явленіямъ исторіи, то утомимся въ нашемъ непосильномъ трудѣ, и все таки не исчерпаемъ существа института, не опредѣлимъ его истинной фізіономіи; притомъ здѣсь предстоитъ намъ неминуемая опасность подвергнуться заблужденіямъ.

(1) *Si quis plus minusve secuerit, causa cadit.* Dirksen: Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der zwölf Tafel-fragmente: (III Tab.) Leipzig. 1824.

Юриспруденція не имѣеть дѣла съ одними фактами : они ей нужны, какъ грубый матеріалъ для выработыванія художественныхъ понятій. *Римское* право можетъ служить намъ образцомъ. Посмотрите на чудную, неподражаемую операцію, которую совершаетъ римскій юрисконсультъ надъ институтами семейственными, преломляемыми по юридическому началу—*власти*; отдѣливши ихъ отъ всякой непосредственной жизни, возведя повятіе въ чистый типъ, и чувствуя, что типъ далеко стоитъ отъ обыкновеннаго глаза, онъ нарочно припоминаетъ о значеніи своей художественной операціи : *мы определяемъ одну юридическую сторону* (1). Въ краткомъ очеркѣ, я здѣсь представляю всѣ знаменитые приемы, которые употреблилъ аналитическій разумъ въ преломленіи идеи верховной власти.

У *Римлянъ* мы встрѣчаемъ два приема : по *авспиціямъ*, и по *магистратурамъ*. По различію авспицій, болѣе, или менѣе торжественныхъ, раздѣлялись верховные правители на *высихъ* и *нисшихъ* (*magistratus majores et minores*); но малыя авспиціи не сообщаютъ лицу политической власти, кромѣ трибуна, и то по другимъ основаніямъ. Дальнѣйшаго дробленія нѣтъ : ибо хотя и есть степени въ авспиціяхъ *высихъ*, но онѣ выражаютъ не мѣру и степень власти, а одну, такъ сказать, политическую, республиканскую *честь*, подобно нашей *княжеской столной чести*. Есть особый міръ *авспицій*, куда никто не проникаетъ, даже плебейскій трибунъ : это *цензорскія авспиціи*. Съ ослабленіемъ *религіознаго* элемента въ верховной свѣтской власти, стали ее обозначать по *магистратурамъ*, или по *областямъ* управленія (*provinciae magistratum*) (2). Области эти проведены были не по земельнымъ территориямъ, но, такъ сказать, въ воздушной атмосферѣ; идея владычества обмежевана была умственныхъ линіями; линіи притянуты къ личностямъ — какъ бы пограничнымъ стражамъ, и идутъ по всему протяженію республиканскаго періода, перекрещи-

(1) *Jus enim definitum. Dig. 1, 6.*

(2) Провинція первоначально означала *область, округъ*, гдѣ дѣйствуетъ правитель : *provincia urbana, peregrina, sortiri provincias, comparare inter se provincias*. Съ первой пунической войны, Римъ началъ завоевывать міръ на правѣ *провинциализма*, и тогда земли, лежащія внѣ Италіи, именовались *провинціями*, которыя всѣ были поставлены на одинаковомъ почти юридическомъ положеніи. Последнее — *территориальное* значеніе вытѣсняло древнее, и осталось въ исключительномъ употребленіи позднѣйшей литературы. Сравни. *Göttling, Geschichte der römischen Staatsverfassung* (Halle. 1840.) s. 413.—*Jange, Römische Alterthümer. 1 B. 1886; Berlin. § 79.*

ваясь, перепутываясь, и наконецъ дошли до всеобщаго безпорядка (*extra ordinem*). Движеніе верховнаго начала въ предѣлахъ лѣтніи опять предоставлено было личному неограниченному двигателю, въ формѣ различнаго количества, множества, притомъ съ правомъ вмѣшательства равныхъ и высшихъ сановниковъ. Вотъ республиканскій приемъ и девизъ управления: *par majorque potestas* (1). Такимъ образомъ изъ единой и нераздѣльной власти вышли какъ будто *удѣлы*; въ каждомъ удѣлѣ нѣсколько правителей, и каждый изъ правителей есть государь самодержавный, а всѣ вмѣстѣ, изъ всѣхъ удѣловъ созданные, составляютъ какой-то *сеймъ*, гдѣ не по числу голосовъ рѣшается государственное дѣло, но какимъ-то особеннымъ порядкомъ. Когда я представляю себѣ всю полноту величія римскаго народа въ историческомъ и юридическомъ очертаніи, то при всей поразительной странности, глубоко, эстетически наслаждаюсь этимъ дивнымъ, художественнымъ построениемъ античнаго строительнаго разума: выше ничего нѣтъ и не было въ этомъ отношеніи. Вотъ основной порядокъ республики: *ordo reipublicae*. Уклоненія отъ государственнаго порядка стали ясно показываться въ VII вѣкѣ, и повели наконецъ къ признанію единодержавія. Передавая верховную власть императору, сенатъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ разложить ее по блюдамъ, поочередно поднося ему *консульскую, проконсульскую, цензорскую, трибунскую, понтифіціальную* и всякую другую власть, которая потребуется для блага отечества; а, во избѣжаніе дальнѣйшихъ хлопотъ, совершилъ надъ нимъ языческій апофеозъ: *divus Augustus*.

Каѳоническій приемъ въ опредѣленіи существа верховной власти нельзя назвать юридическимъ, свѣтскимъ; здѣсь нѣтъ ничего подручнаго для разсудочнаго мышленія; слѣдовательно, въ эту область не проникаемъ мы съ нашимъ скуднымъ анализомъ.

Территориальный, удѣльный приемъ мы встрѣчаемъ у насъ въ *старой Россіи*, и отчасти въ *Германіи*. Верховную власть, вмѣсто юридическихъ, отвлеченныхъ участковъ, включили въ территориальныя области (удѣлы), такъ что каждая область представляетъ полное, самостоятельное государство съ своимъ самодержавнымъ царемъ-княземъ; всѣ княженія равны между собой, нѣтъ различія между великими и малыми княженіями, какъ не было князей *вели-*

1) Ihering—Geist des römischen Rechts, II Th. § 33. Свѣтлый, многознавательный взглядъ на магистратуру!

кихъ и *малыхъ*; есть одно — незначительное различіе между удѣлами, опредѣляемое по старому, родовому началу *стольной чести*, но и оно отъ времени сгладилось и повело къ усобицамъ и безпорядкамъ общимъ.

Въ *неограниченныхъ монархіяхъ, имперіяхъ и королевствахъ*, идея величія не имѣетъ никакой аналитической формы, не переходитъ въ юридическое понятіе (*Begriff*); слѣдовательно мы не можемъ опредѣлять ея объема.

Въ *новѣйшее* время приступили къ разсудочному анализу идеи величія по *хартіямъ конституціоннымъ*; но и здѣсь неудаченъ приемъ: ибо въ каждомъ государственномъ органѣ отражается вся идея, во всей полнотѣ, безъ дробленія. Никто не въ состояніи измѣрить, сколько частей отъ этой единицы заключается въ верхнемъ парламентѣ, въ нижнемъ и въ королѣ?

При такой всемірной несостоятельности разсудочныхъ приемовъ, *наука* должна была наконецъ обратиться къ міру небесному, божественному, откуда и перешла, въ самомъ дѣлѣ, верховная власть на землю, въ міръ человѣческій, и отъ Царя царей и Господа нашего взяла нѣсколько *титоловъ*, дабы на человѣческомъ языкѣ, сколько доступно пониманію, выразить приблизительно идею земнаго владычества. Но всѣ эти титулы — имѣютъ грамматическое свойство *именъ прилагательныхъ*, а *существительное имя* все таки осталось неразлагаемымъ.

2. *Историческое происхожденіе. Владычество*, по времени, есть первообразная форма, а *господство* — производная, вторичная. По источнику своему, оно есть откровенная, божественная сила. Въ *богоправленіи* іудейскомъ самъ Богъ управлялъ избраннымъ народомъ, былъ Царемъ неба и земли, и открывалъ Свою законодательную волю въ превѣчномъ Словѣ. Свѣтлѣйшій первообразъ человѣческихъ властей, затемненный и обезображенный грѣхомъ, никогда совершенно не пропадалъ, но проявлялся всегда и вездѣ въ различныхъ формахъ, какъ отголосокъ вѣчной правды: въ языческихъ теократіяхъ, въ первоначальныхъ физиологическихъ союзахъ — *семейство, родъ и племя*, въ дальнѣйшемъ развитіи и юридическомъ сочлененіи человѣческихъ *обществъ*, и наконецъ въ *государствѣ*. Представляя мысленно всѣ эти историческія формы, перечисляя личныя органы, временныхъ представителей верховнаго величества на землѣ, одинъ другимъ смѣняемыхъ въ какой-то очередной приемъ

ственности, невольно *западаетъ въ душу* мысль, что здѣсь падшее человечество, различными путями, восходя отъ одного лица къ другому, отъ старшаго къ старѣйшему, какъ будто стремится дойти до *Вѣчнаго дѣятели*, единаго Творца и Господа нашего, нѣкогда видимо нами управлявшаго, и за непослушаніе наше оставившаго насъ человеческому водительство.

Верховная власть не есть актъ разсудочнаго мышленія, силлогистическое умозаключеніе, до котораго дошло человеческое общество, вслѣдствіе нетвердости, неопредѣленности своего быта, при ея отсутствіи. Напротивъ, она есть идея вѣчная, первоначальная, присущая во всей физиологій рода человеческого. Это одинъ изъ величайшихъ постулатовъ ума, безъ котораго онъ не можетъ мыслить объ исторіи человеческой; это—непреложная истина, которая ни откуда не выводится, а постигается непосредственнымъ видѣніемъ. Человѣку не было никакого интереса выдумать ее, и тѣмъ отнять у себя самаго неограниченное господство, безпредѣльную власть надъ всемъ. Напротивъ, исторія доказываетъ неопровержимѣйшимъ образомъ, что человѣкъ—*собственникъ* постоянно и долго боролся съ верховнымъ владычествомъ, отстаивалъ всеми средствами свои эгоистическія завладѣнія, и уступилъ наконецъ непреоборимому ея могуществу. Владычество не могло произойти изъ господства, какъ государственное право не вытекло изъ гражданскаго, *частнаго*. Оно было вездѣ и всегда, гдѣ былъ человѣкъ, гдѣ видны были первые союзы, и выражалось въ лицѣ *домовладыкъ, родоначальниковъ, жрецовъ, воиновъ, судей, въ земскихъ и городовыхъ общинахъ*.

Ужасно, невозможно даже въ воображеніи представить *безгосударное* состояніе человеческого общества! Быть можетъ, мы не видѣли бы того величественнаго лика, на которомъ Господу Богу благоугодно было отмѣтить Свое небесное помазаніе. Такимъ образомъ нѣтъ на землѣ пространства, гдѣ бы жилъ человѣкъ, и состоялъ во всецѣломъ вещественномъ порабощеніи;—нѣтъ времени, когда бы не дѣйствовала въ гражданскомъ обществѣ благотѣльная верховная власть. Эту идею въ рельефной русской формѣ выразилъ *Гоголь* въ *Запискахъ сумасшедшаго*, запутавшагося въ отысканіи *Испанскаго* государя, но все таки убѣжденнаго, что онъ непременно долженъ существовать, и только по какимъ-то крамоламъ сокрытъ, пропалъ безъ вѣсти.

3. *Область* для владычества другая, нежели для господства;

шпре, выше, глубже, достойнѣе божественнаго своего назначенія. Не мѣръ физическій, но вещи подлежатъ владычеству, а мѣръ нравственный, люди. По *географической* величинѣ, мѣръ этотъ равенъ мѣру физическому, заключаая въ себѣ опредѣленное, количественное человѣчество, основавшееся на государственной территоріи; но по внутреннему объему, по разнымъ сторонамъ человѣческой природы, завѣдываемымъ верховнымъ началомъ, и по исключительному его единству на всей землѣ — кругъ его почти не обводится точными математическими линиями. Что составляетъ *предметъ* владычества? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Ему подлежатъ *человѣкъ*, но не весь: многое, очень многое въ его существѣ остается неприкосновеннымъ, неподвластнымъ земному владыкѣ; во многихъ отношеніяхъ онъ самъ дѣйствуетъ на правахъ автократіи и автономіи; верховная власть не проникаетъ всего его личного существа, и не налагаетъ на немъ своей индивидуальной личности; напротивъ сама проникается человѣческимъ элементомъ, и служитъ органомъ народнаго духа. Государь состоитъ съ подданными въ непрерывномъ органическомъ союзѣ, въ нравственномъ общеніи, воспринимая въ себя народныя стихіи, и давая имъ правильное развитіе.

Владычеству подлежатъ *человѣкъ*, не какъ *оброчная статья*, или *угодье*, но какъ живое, разумное существо, состоящее въ различныхъ союзахъ — *нравственномъ, религіозномъ, общественномъ, государственномъ* и *гражданскомъ*, и имѣющее въ отношеніи къ нимъ свои права и обязанности. *Вещественная* сторона есть самая малая, грубая, послѣдняя, изъ которой слагается *человѣческое бытіе*; впрочемъ и она охраняется государствомъ. Къ *положительному* типу *человѣческой природы*, въ исторіи народовъ отлившему въ разнообразнѣйшихъ формахъ, приводитъ высшій — божественный типъ, наложенный на насъ Самимъ Создателемъ, неустановляемый никакимъ законодателемъ, неуничтожаемый никакою земною властію; ибо *человѣкъ* на землѣ имѣетъ свое небесное назначеніе: онъ долженъ совершить свое дѣло, и въ этомъ высочайшемъ и труднѣйшемъ подвигѣ верховная власть обязана ему помочь, содѣйствуя къ достиженію цѣли всѣми посильными средствами. Въ *человѣческомъ мѣрѣ*, кромѣ условнаго, мѣстнаго, государственнаго порядка, долженъ господствовать *нравственный порядокъ*, божественными идеями поддерживаемый; ибо государство есть своего рода *откровеніе*, видимое осуществленіе этихъ высокихъ идей, данныхъ отъ Бога въ за-

вѣтъ вѣчнаго союза съ человѣкомъ. *Собственникъ* углубляется въ свою вещь, по мѣрѣ силъ своихъ, и никому не даетъ отчета въ своихъ движеніяхъ: ибо у вещи нѣтъ правъ (1). Верховный повелитель соприкасается къ нашей природѣ на другомъ началѣ, и въ другихъ пріемахъ: отъ неосторожности, отъ неправильнаго отношенія, можно потратить весь организмъ, занести въ него несродные, или преждевременные слои, и чрезъ то ослабить всю его растительную, производительную силу, и погубить его во цвѣтъ лѣтъ. Но въ природѣ человѣческой есть самосохраненіе: она не воспринимаетъ вредныхъ ей элементовъ, выбрасываетъ ихъ изъ своего организма, и, такъ сказать, *фактически*, парализуетъ обращенное на нее извнѣ дѣйствіе.

4. *Юридическое существо верховной власти.* Мы видѣли выше противоположное направленіе двухъ міровыхъ силъ — *господства* и *владычества*. Остановившаяся въ анализѣ на послѣдней, мы сперва рассмотримъ ее съ *отрицательной* стороны. Владычество не есть частное, *имущественное право*, составляющее содержаніе гражданской системы. И въ самомъ дѣлѣ, подводя его подъ *гражданскій масштабъ*, мы не можемъ примѣтить въ немъ ни одного, даже мелочнаго признака, по которому распознаются мѣновыя цѣнности въ оборотной жизни; нѣтъ у него ни определенной тѣлесной формы, ни мѣста, занимаемаго имъ въ пространствѣ, подобно вещи; нѣтъ ни имени индивидуальнаго, которымъ бы выражалось его существо и отдѣлялось отъ другихъ; оно не имѣетъ даже служебнаго, подчиненнаго назначенія, какъ вещи состоятъ на службѣ у человѣка; нѣтъ въ немъ ни цѣны, ни мѣры, ни мѣры, ни вѣса, ни количества:—владычество есть какая-то *невѣсомая сила*. При различіи историческихъ формъ и относительномъ ихъ превосходствѣ, все таки остается загадкою для человѣческаго — биржеваго разума, которая изъ нихъ дороже, или дешевле; напимѣръ, императорская, или королевская — конституціонная. Владычества нельзя раздѣлить на *части*, на *дробь*; это такая удивительная единица, которая никакъ не подходитъ подъ правила арифметическія: она отливается въ другія единицы—10, 100, x ; но не чрезъ умноженіе; ибо при всякой пропорціи количество силъ остается тоже, какое было у одной единицы. Но я эту мысль объясню примѣромъ: въ *римской республи-*

(1) *Qui jure suo utitur, neminem laedit.*

лжкъ идея величія отлилась въ 20-ти и болѣе личныхъ единицахъ, съ присоединеніемъ трехъ народныхъ собраній; а въ *имперіи*—въ одной; спрашивается: гдѣ больше, тяжелѣе, дороже верховное начало, тамъ, или здѣсь? Не умѣю отвѣтить; да едва ли кто въ состояніи разрѣшить эту задачу. У владычества нѣтъ степеней и рядовъ, означающихъ *высшее*, *среднее*, или *нисшее* его достоинство. Въ *международномъ* правѣ есть какіе-то разряды государствъ,—*первостепенныхъ*, *второстепенныхъ* и *вовсе нестепенныхъ*; но это, безъ сомнѣнія, выдумка новыхъ могущественныхъ государствъ, стремящихся къ *гегемоніи*, необходимая, быть можетъ, по системѣ чиновначія дипломатическаго, но все таки не уничтожающая кореннаго понятія объ отсутствіи степеней: ибо и въ незначительномъ, по территориальному владѣнію, государствѣ (напр. Гамбургскомъ) таже верховная власть, какъ и въ безпредѣльной Россійской Имперіи. Она не составляетъ чьей либо личной, частной собственности, вѣчной и потомственной; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ въ исторіи не бывало такихъ собственниковъ. Если Людовикъ XIV сказалъ: *L'état c'est moi*, то это онъ выразилъ въ поэтическомъ, игривомъ настроеніи своего духа, вѣроятно, упоеннаго военною и общественною славою своей эпохи.

Юридическія отношенія между государемъ и подданнымъ не подходятъ на несвободныя, убійственныя отношенія господина къ своему рабу: ибо въ подданномъ признана личность, которую никто не можетъ уничтожить, если она сама себя не уничтожитъ, напр. уголовнымъ преступленіемъ. Есть особенное *достоинство* (*honor, dignitas*), въ силу котораго эти отношенія имѣютъ величавую, красивую фигуру: у простаго владѣльца, даже у необъятнаго богача, нѣтъ этого отлива. Кому какое дѣло, что у него въ сундукахъ, или земельныхъ участкахъ скрываются сокровища и руды; развѣ одинъ бѣднякъ интересуется такимъ анализомъ, да и то, безъ всякаго вознагражденія за трудъ. На несвободномъ, вещественномъ грунтѣ верховное величіе потеряетъ свой свѣтлый ликъ, а вмѣстѣ и божіе благословеніе: ибо въ божественномъ уставѣ не назначено человѣку рабство, кромѣ одной грѣховной неволи, отъ которой Самъ Богъ его искупилъ. Далѣе: отношенія между государемъ и подданнымъ существенно отличаются отъ договорныхъ и свободныхъ отношеній между *взырателемъ* и *должникомъ*; позвольте спросить, кто въ этомъ союзѣ *взыратель*, и кто—*должникъ*? Въ чемъ состоитъ

долгъ, на какомъ основаніи (*causa obligandi—remota et proxima*) онъ образовался, какими средствами и исками назначено требовать уплаты?... Лучшіе въ мірѣ правители и водители человечества на пути нравственнаго и общественнаго усовершенствованія, считали и считаютъ себя неоплатными должниками... Высокое, глубокое, отрадное и благословенное пониманіе верховной власти!

Движеніе личной воли, по началу владычества, свободно, но не произвольно; неограниченно, но не безпредѣльно. Правда, *предѣлы* эти не суть видимыя—географическія, или математическія линіи, которыми обводится какое либо пространство, или величина; но они есть и должны быть. Я приведу здѣсь многозначительное изреченіе древняго философскаго ума о власти человѣческой: *хотя въ отношеніи къ рабу, какъ вещи, все позволительно; но есть въ немъ что-то такое, чего нельзя себѣ позволить въ отношеніи къ нему, какъ къ человѣку, по общему, всѣми признанному кодексу* (1). А *подданный* состоитъ вездѣ на другомъ положеніи. Верховныхъ правъ нельзя ни продать, ни заложить, ни подарить; нельзя измѣнить юридическаго существа ихъ, и перевести въ другой титулъ, высшій, или нисшій, чтѣ дѣлаемъ мы съ нашими частными отношеніями; на владычествѣ не могутъ лежать другія права, какъ тяжести, извѣстныя въ гражданской системѣ, подъ именемъ: *jura in re aliena, in dominio alieno*. Объемъ онаго нельзя раздробить на части, и надѣлять ими своихъ приближенныхъ, по гражданскимъ способамъ, щедрою, царскою рукою, до собственнаго оскудѣнія (*nudum jus*); верховную власть, какъ тяжелую, неудобную, или неприбыльную статью, нельзя бросить и предоставить ее, какъ вещь ничью, первому пріобрѣтателю. Самое *охраненіе* верховнаго владычества совершается не *исковымъ процессомъ*; даже Римляне—великіе изобрѣтатели процессуальныхъ формулъ, не придумали ни *интердиктовъ*, ни *исковъ*, для защиты этого права, въ случаѣ тяжбы, или неправильнаго завладѣнія. Но я прекращаю *гражданскій* анализъ: онъ мнѣ слишкомъ подрученъ, и неисчерпаемъ.

Теперь перейду къ *положительной* или *политической* сторонѣ институту.

По пространству, верховная власть есть *вездѣсущая сила*,

(1) Cum in servum omnia liceant, est aliquid, quod in hominem licere commune Jus vetet. Seneca, de Clem. I, 18.

проникающая всю землю, действующая на всей государственной территории; нѣтъ уголка, затаеннаго, темнаго, гдѣ бы можно было укрыться человѣку отъ этой грозной и свѣтлой силы. Въ древности были такія мѣста (азилы), которыя пользовались религиознымъ миромъ, и были неприкосновенны; къ нимъ прибѣгали древній человѣкъ, и укрывался отъ свѣтской законной мести, или отъ порабощенія, но на время, на краткій срокъ: надо же когда нибудь выйти изъ этого пріюта. Нѣтъ *человѣка*, который бы, состоя въ государственной области, не былъ подсуденъ верховному суду; а если откроется такой человѣкъ, то будетъ онъ государь, и мѣсто, на которомъ онъ пребываетъ, есть чистое государство, только безъ подданныхъ: особы посланниковъ, изъятыхъ изъ территориальной власти, имѣютъ другое значеніе.

По времени, верховная власть есть *вѣчная, непрерывная сила*, существующая и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, до скончанія міра (*imregium perpetuum*). Извѣстно, что между однимъ законнымъ ея представителемъ и другимъ преемникомъ, по времени, долженъ быть промежутокъ, иногда значительный, по формѣ передачи; напр. въ *избирательныхъ государствахъ*. Но наука отвергаетъ самую возможность промежутка, интервала. Чтò это значить? Тонкость юридическая (*subtilitas juris*)? Нѣтъ. Правда, выдумали эту мысль *Римляне*, и вотъ, по какой причинѣ. У нихъ запрошалъ первый ихъ царь—*Ромуль*; черезъ нѣсколько времени является онъ уже въ сонмѣ боговъ, какъ *Бивиринъ*, и посылаетъ Риму свое благословеніе, избрать на царство новаго царя. Тогда старики—*патриции* положили на совѣтъ, что *авспиции вѣчно останутся у нихъ* (*auspicia penes patres sunt*), а въ силу ихъ— для непрерывнаго теченія верховной власти на землѣ—поставляется на 5 дней *между-царь*—*interrex*, который видимымъ образомъ и долженъ посвятить новозбраннаго въ царское достоинство, передавши ему и авспицію. Такіе побѣги и пропажи у нихъ въ 1-й періодъ повторялись часто. Знаменатѣйшій въ этомъ родѣ побѣгъ учинилъ *Тарквиній Младшій*, выгнанный изъ Рима за извѣстную продажку, и унесшій съ собой авспицію въ непріятельскую землю. Тогда опять старики—владѣльцы божественныхъ авспицій—поставили между-царя въ лицѣ *Лукреція*, которой и благословилъ на республиканскій престолъ двухъ консуловъ. И *плебеи*, съ своей стороны, позаботились о вѣчности своихъ малыхъ авспицій, опредѣливши

закономъ (*lex Duillia*), что ни одинъ трибушъ не можетъ оставить плебейскаго народа безъ постановленія себѣ пресмника, подѣ смертною казню (1). Съ той поры все у нихъ обстоило благополучно.

И у насъ была година тяжкаго народнаго испытанія: затерялся нашъ прирожденный, малолѣтний наследникъ, святой *Димитрій царевичъ*. И наши старики, ни въ чемъ не уступая Римлянамъ, положили на общемъ совѣтѣ—а вѣроятно дѣло обошлось и безъ совѣта, по обычаю (*more majorum*)—что *святскія* авспіція у нихъ, а *церковныя* у церковныхъ высшихъ властей, а потому и не нужно было ставить особаго посредника—*между—царя*, для избранія и благословенія государя. И вотъ народъ, въ лицѣ истца, въ эту годину, обращается по своимъ суднымъ дѣламъ къ боярамъ въ замѣчательнѣйшей по конструкции формулѣ: «*Великіе россійской державы Московскаго государства бояре и воеводы и вся земля! Смилюйтесь—пожалуйте, государи, велите мнѣ дать свой государевъ земскій судъ и управу.*» (2) Взгляните на первую французскую революцію: комитетъ за комитетомъ смѣняются во время политической бури, и всѣ существуютъ и дѣйствуютъ во имя государственной, личной власти (*comités de salut public*). И такъ верховное владычество непрерывно; но намъ надо разрѣшить основаніе этой непрерывности, открыть истинную причину такого всемірнаго явленія! Настоящая причина, по которой признано непрерывное теченіе владычества, вѣроятно, скрывается въ недоброе свойствѣ человѣческой природы. Человѣкъ иногда не дѣлаетъ ужаснѣйшихъ преступленій не столько по нравственному убѣжденію, сколько по вышнему принужденію, *страха ради*; и такъ, если бы оказался одинъ моментъ—минута, а не часъ, когда на землѣ нѣтъ верховной власти, а слѣдовательно нѣтъ ни суда, ни расправы, тогда бы злой и кровожадный человѣкъ, узнавши о такомъ радостномъ для него пробѣлѣ, совершилъ множество золъ, покумился бы на истребленіе рода человѣческаго, — и остался бы внѣ кары, не подсуденъ закону: ибо въ этомъ моментѣ, въ самомъ дѣлѣ, не было личнаго законодателя, судіи и карателя.

(1) M. Duillus deinde tribunus plebis plebem rogavit, plebesque scivit: Qui plebem sine tribunis reliquisset, quique magistratum sine provocacione creasset, tergo ac capite puniretur. Liv. III, 33.

(2) Акты юридическіе: № 35, 36; изъ времени междуцарствія, въ 1613 г.

По личнымъ органамъ, — верховная власть *единична, исключительна, нераздѣльна и слитна (in solidum)*. Въ каждомъ органѣ она проявляется вся, во всей цѣлости и полнотѣ; *области*, гдѣ она дѣйствуетъ, могутъ лежать, то на *земельныхъ* территорияхъ, то на воздушныхъ — *отвлеченныхъ* участкахъ; но вездѣ она единична, индивидуальна, а не *коллективна*. Двухъ, или трехъ государей въ государствѣ быть не можетъ. А у Римлянъ было около 20 и болѣе? Нѣтъ, Римляне вообще не походили на урода; а въ политическомъ быту, имѣли даже красивѣйшій лякъ. И такъ во всю исторію, и у нихъ былъ одинъ государь, и въ 1-мъ періодѣ, и во 2-мъ, и въ 3-мъ. Изъ двухъ равныхъ консуловъ — одинъ дѣйствуетъ, а другой отдыхаетъ; но неугомонные *плебейскіе трибуны* не знали отдыха, и всё управляли—вмѣстѣ и порознь; это что значить? Тоже, что и вездѣ, то есть, изъ 10 трибуновъ каждый есть самобытный и неограниченный государь, одинъ другаго уничтожая; а чтобы этого взаимнаго самоуничтоженія не было, нужно было имъ слиться въ одно лицо. У насъ въ Россіи, въ періодъ *нашихъ удѣловъ*, каждый *удѣльный князь* есть независимый государь, нисколько не подсудный *великому князю*: у него всё регалии, всё признаки, по которымъ распознается верховное величіе; это не *вассальные князья*.

Есть юридическое правило, приложенное, по формѣ, къ гражданскимъ правамъ, но которое ясно выражаетъ *солидарность* и нашего политическаго института: *dominium (а мы здѣсь вставляемъ — imperium) duorum, vel plurium in solidum fieri non potest*. Двое, а тѣмъ менѣе многіе, права собственности на одну и ту же вещь имѣть не могутъ: ибо право одного будетъ исключать право другаго, а совмѣстное ихъ бытіе не возможно на опытѣ. Поэтому допущено дѣленіе собственности на *части—физическія, или юридическія*, и изъ каждой части составили отдѣльныя тѣла, а на нихъ особыя права полной собственности. Подобный приѣмъ повторяется и съ *верховною властію*: она отмежевывается, или по географическимъ участкамъ (государственные территории), или по юридическимъ областямъ (*provinciae magistratum*), или по конституціонному дѣлежу (парламенты); но это не *части*, а цѣлыя единицы. Идея нераздѣльна; а *понятія* могутъ быть отливаемы въ различныя формы. Съ литературной стороны разсматривая, *аналитическое* состояніе идея въ исторіи народовъ представляетъ больше движенія, нежели

противуположное ему — *синтетическое* состояніе; впрочемъ бытіе той или другой формы государства не зависятъ отъ человѣческаго произвола, не есть дѣло разсудочнаго мышленія, механическое изобрѣтеніе: *форма* отливается по закону органическому, истекаетъ изъ духа народнаго; человѣкъ здѣсь есть одно орудіе божественнаго промысла.

По степени, верховная власть, какъ самое слово показываетъ, не имѣетъ степеней, выражающихъ — *движеніе, восхожденіе и нисхожденіе* (*imperiū mittit*). На землѣ нѣтъ другой, высшей власти. Слѣдовательно, она никому неподсудна, безответственна. Это ея *физиологія*: иначе она не будетъ верховною властію. Кто могъ судить народъ римскій, въ эпоху его самовластія? Кто могъ судить верховнаго *сановника*, которому этотъ же народъ, по государственному акту (*lex curiata de imperio*), передалъ на время управленіе республикою? И немыслимо понятіе объ ответственности. Другое дѣло, когда срокъ правленія кончится, и когда сановникъ, сложивши съ себя царскія регаліи, становится частнымъ человекомъ, — тогда открывается надъ нимъ судъ, — и онъ обличается въ неправильномъ пониманіи своего высокаго назначенія. Обвинительныхъ процессовъ въ этомъ родѣ было много въ республикѣ. Вотъ *физиологія владычества!* Мы ее возстановили въ общемъ, летучемъ очеркѣ, но согласно съ наукою. Въ *лубѣ*, далѣе я не хочу идти съ своимъ аналитическимъ методомъ, по назначенію моей журнальной статьи для общественнаго чтенія.

Но для окончательной отдѣлки института, для начертанія выпуклой его фізіономіи, я, въ удовольствіе благосклонному читателю, представлю свѣтлый ликъ верховнаго владычества въ *мировомъ, историческомъ движеніи*, въ преемственной смѣнѣ формъ, которыя эта идея воспринимаетъ въ своемъ органическомъ возрастѣ, не измѣняя впрочемъ своей юридической сущности.

Историческіе законы, при всемъ разнообразіи путей сообщенія, почти одни и тѣ же у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ *теократій языческихъ, и откровеннаго богоправленія въ народъ еврейскомъ*. Эти исключенія не подходятъ подъ нашу точку созерпанія: мы имѣемъ въ виду *свѣтское, человѣческое, историко-органическое* развитіе верховной власти. На *пять* возрастовъ можно раздѣлить весь міровой процессъ, который прошла идея величія въ исторіи; вотъ *первое* уклоненіе отъ естественнаго, физическаго процесса

человѣческой природы; *второе* состоитъ въ томъ, что въ этихъ возрастахъ силы нравственно-политическія не въ такой пропорціи распределены, какъ въ тѣлѣ человѣческомъ,—а иначе, по особенной божественной экономіи; *третье* и послѣднее уклоненіе то, что намъ вовсе неизвѣстны число, мѣра и форма всѣхъ дальнѣйшихъ обновленій человѣческаго общества.

Въ первомъ *возрастѣ*, при выступленіи человѣчества на чреду земнаго служенія высокими идеями, верховная власть, какъ стихія рода человѣческаго, какъ жизненная его сила, разливается по всему народу, ощущается во всѣхъ его сочлененіяхъ, *естественныхъ* и *юридическихъ*; а видимымъ, тѣлеснымъ образомъ проявляется всегда посредствомъ личныхъ, опредѣленныхъ органовъ. Такъ, начиная съ первыхъ союзовъ, съ древнѣйшихъ общественныхъ состояній, она выражается въ представителяхъ ихъ: *родоначальникъ*, *домовладыкъ*, *старѣйшинъ*, *жрецъ*, *начальникъ военной дружины*, *судья* и т. д. Человѣкъ выступаетъ на сцену исторической дѣятельности всегда въ *союзахъ*, гдѣ онъ укрывается, зрѣтъ, какъ младенецъ, или даже зародышъ, до будущей чреды своего призванія. Право всѣхъ этихъ властелиновъ не надобно считать правомъ *гражданской собственности*, не смотря на нѣкоторое видимое сходство ихъ, и вещественную, грубую оболочку, подъ которою обозначается движеніе власти: иначе мы впадемъ въ великое заблужденіе, и нанесемъ и наукѣ и человѣку тогдашняго общества глубокое оскорбленіе. И въ это полу-историческое время человѣкъ не былъ кабальнымъ, безличнымъ рабомъ; напротивъ, уваженъ, признанъ былъ въ своемъ личномъ, прирожденномъ ему достоинствѣ самими владыками; и въ такъ называемыхъ *общественныхъ судахъ* (1) имѣлъ юридическую защиту. Безъ политическаго охраненія, непременно онъ былъ бы изуродованъ, обезображенъ неправильнымъ движеніемъ властительной руки;—и мы, при всѣхъ усиліяхъ, никакъ не могли бы его отыскать въ дальнѣйшей исторіи народа, гдѣ онъ выступаетъ уже съ величественнымъ своимъ челою, какъ *лицо*, *гражданинъ*.

Во *второмъ возрастѣ*, верховная власть представляетъ уже разсудочную рефлексію, строеніе ума человѣческаго, *нарядъ*. Отъ первоначальныхъ, неизвѣстно, кѣмъ, когда и на какомъ основаніи,

(1) *Формы* ихъ разнообразны, по различію самыхъ сочлененій: таковы, напр. *суды семейственные, жреческіе, военные, общинные*.

узаконенныхъ властей, процессъ развитія переходитъ къ вознательно-му, мысленному акту; изъ всей исторіи прошедшей видно, что прежнія, естественныя формы оказались несостоятельными, а органы потеряли народное сочувствіе; духъ народный требуетъ новыхъ, свѣжихъ сосудовъ, въ которые бы выливалась его творческая дѣятельность. Въ этой порѣ общественнаго быта органы политическіе довольно разнообразны: таковы, напр., *народныя собранія, думы, совѣты, сенаты, вѣче*; для лучшаго представительства и движенія изъ во внѣ, эти искусственныя единицы должны отражаться въ живыхъ, индивидуальныхъ властелинахъ, *высоко столичныхъ* надъ всѣмъ народомъ, дабы каждому они видны были издали (*magistratus*); въ *Римѣ* были *сановники*, у насъ *старѣйшины, посадники*, у другихъ подъ разными именами: народное собраніе, не пмѣя ни рукъ, ни ногъ, а одну голову—умъ, думу, не можетъ преобразиться въ живое и разумное существо; слѣдовательно ему нуженъ *механикъ*. При всеобщности и единствѣ явленія, я замѣчаю одно существенное различіе въ древнемъ и новомъ челоѣчествѣ: *тамъ* формы политическія чрезвычайно опредѣленны, мѣрны, условны, пластичны; *здесь* — онѣ состоятъ въ какомъ-то *плавильномъ* процессѣ, не вырабатываются въ типическіе образы, не воспринимаютъ правильнаго и однообразнаго движенія. Сравните *римскія и новгородскія* народныя собранія!

Потомъ верховная власть вступаетъ въ *третій возрастъ*; она какъ будто отдѣляется отъ народной массы, не переставая впрочемъ состоятъ съ нею въ физиологическомъ обобщеніи; отъ народнаго духа она воспринимаетъ силу, содержаніе и форму; словомъ,—есть полное изліяніе народной духовной субстанціи, состоящей въ извѣстной степени историческаго развитія. Какова степень развитія, такова и фізіономія владычества: между народомъ и его государемъ открыты въ организмѣ всѣ пути сообщенія, видимые и невидимые. По различію юридическихъ *титоловъ*, всегда и вездѣ впрочемъ *государственныхыхъ*, а не *гражданскихихъ* (прошу читателя обратить вниманіе на это существенное различіе), верховная власть сосредоточивается въ одномъ личномъ двигателѣ и правителѣ: таковъ *царь, князь, государь, король, герцогъ, графъ, императоръ, султанъ, богдыханъ* и простой *ханъ*. Не случайно, не произволомъ одного челоѣвка, или партіи—выѣпляется и складывается ликъ единодержавія: такое пониманіе судебъ челоѣческихъ слишкомъ узко и оскорбитель-

но для природы нравственно-разумной. Не по крамолѣ сенатской—*Августу* переданы были все верховныя права, но по утомленію, изнеможенію и неправильному движенію прежнихъ органовъ: республика видимо приблизилась къ своему разложенію, и почти цѣлый вѣкъ находилась въ болѣзненной борьбѣ съ своею очередною смертію. И *монархическія* формы чрезвычайно различны: для сравненія я укажу на оріентальныя монархіи, римскую и византійскую германскую и руссійскую имперію.

Теперь открывается новый, мѣстный *возрастъ*, выражающій не фвіологическую природу государства, а другую—какъ бы *духовную*, или вѣрнѣе, *церковную* сторону. Къ *свѣтскому*, *человѣческому*, а потому и не всегда состоятельному *элементу*, изъ котораго сложилась верховная власть въ государствѣ, привзошелъ, у нѣкоторыхъ народовъ, языческихъ и христіанскихъ, *религіозно-церковный элементъ*—*апотеозъ*—въ обширномъ омыслѣ. Въ *языческомъ* мірѣ не удался зтотъ апотеозъ: ибо въ восточныхъ теократіяхъ, онъ закрылъ весь человѣческій ликъ во властелинѣ; а въ *римской* имперіи, при подчиненіи религіи государству, онъ скоро былъ секуляризованъ, и потерялъ народную вѣру. Неужели, по совѣсти, могъ кто нибудь *Нерона*, или *Калигулу* почитать олицетвореннымъ Богомъ? И такъ уже при кесаревой династіи началась *иронія*, а съ нею и апотеозъ пропалъ. Величайшій, чистѣйшій христіанскій апотеозъ совершился надъ ликомъ *византійскаго* — номоканоническаго *императора*. Но государственное тѣло было *ветхое*, старое, невлажное (въ имперіи все такъ жилъ отарый, античный человекъ, только обновленный въ христіаница); а потому *благодатный* элементъ не укрѣпилъ свѣтскаго государства, а скорѣе, какъ миѣ кажется, разложилъ его: «не вливается вино новое въ мѣхи старыя.» Но за то, какимъ избраннѣйшимъ сосудомъ былъ византійскій міръ для христіанской благодати! Человекъ воспринималъ ее однимъ чистымъ сердцемъ. Здѣсь, только здѣсь, образовалась святая вседенская Церковь, хранящая свой завѣтъ въ неприкосновенномъ священнѣйшемъ кивотѣ—іерусалимскомъ храмѣ.

Древній міръ не представляетъ намъ новыхъ періодовъ въ исторіи государствъ; *восточная* его полоса управлялась по монархической системѣ, съ различными отливками; а *западная*—по республиканской, въ эпоху лучшей жизни. Одинъ новый *христіанскій* міръ неисчерпаемъ въ своемъ развитіи, въ образованіи формъ государ-

ственныхъ. Такимъ образомъ, со времянь *реформаціи*, на западъ сталъ показываться поворотъ верховной власти отъ одного лица опять къ народу, и при томъ въ преемственной постепенности. До сихъ поръ *идея величества* имѣла *прогрессъ, восхождение*; а теперь она получаетъ *регрессъ, нисхождение*; какъ будто, здѣсь повторяется приемъ методическій въ двухъ направленіяхъ. Но гораздо легче идти впередъ, и подниматься далеко вверхъ, и несравненно труднѣе спуститься съ крутой, отвѣсной высоты. Новая исторія разительнo подтверждаетъ эту *естественную истину*. Надлежало дѣлать обрубъ въ гранитной скалѣ, устроить навѣсы, выступы, вымѣрить всѣ линіи по неизмѣримому человечеству и землѣ, однимъ словомъ, идею верховной власти стали переводить въ оупределенное понятіе, и раздѣлять ее на дробн. Вотъ фізіономія новѣйшихъ *конституціонныхъ государствъ*; а чертежъ и планъ нисхожденія мы видимъ въ такъ называемыхъ *хартіяхъ*. Мы останавливаемся на однихъ яркихъ событіяхъ: верховной власти не всегда удобно слѣдовать по начертаннымъ линіямъ; здѣсь много искусства, измѣреній, вычисленій; а всего—и настоящаго, но особенно будущаго—напередъ никакой умъ вычислить не можетъ; слѣдовательно прочесть неизбеженъ. *Пластическій видъ* конституціонныхъ государствъ, при незначительномъ различіи, одинъ: верховная власть, по раздѣленіи, весьма впрочемъ условномъ, живаго и единого народа на два, какъ будто отдѣльные организма, сосредоточенно живетъ въ *двухъ парламентахъ* (палатахъ, камерахъ, избахъ русскихъ), гдѣ впрочемъ не всѣ жители имѣютъ пребываніе, а одни *избранные*—по двумъ масштабамъ: *цензу и высшему происхожденію*. На высочайшихъ, тончайшихъ остротахъ этихъ двухъ зданій, какъ бы на *шпичахъ угольныхъ*, раскинута дивная, почти неразгаданная *льствица*, по которой ходить сторожевой, всегда съ думой и заботой, поглядывая на право и на лѣво; ибо безъ оглядки нельзя поручиться за одинъ день политической его жизни. Это *конституціонный король*—новѣйшее челоуѣческое изобрѣтеніе!

Если вздумается парламентамъ поссориться, а это весьма возможно по свойству челоуѣческой природы, тогда наступаетъ истинная бѣда. Правда, есть одно средство, которое уставители и сочинители хартіи, предвидѣвшіе враждебное отношеніе двухъ органовъ народныхъ, сочли единственнымъ, исходнымъ средствомъ: *распущеніе парламентавъ*, особенно *нижняго*, или возведеніе новыхъ лордовъ

въ верхній, для оппозиціи прежнему парламентскому сочлененію. Но какое жалкое, безвыходное средство! Все таки надобно созвать тотъ же народъ, а, быть можетъ, и тѣхъ же буинныхъ членовъ. Что тогда дѣлать? Я понимаю ясно, что въ это вулканическое время, и король, и верхній парламентъ, совершаютъ святую молитву, и приносятъ всеобщую жертву за себя и за народъ, умоляя небеснаго Царя о слияніи разрозненныхъ организмовъ, объ единеніи двухъ лпній параллельныхъ. Дальнѣйшіе новыхъ формъ исторіи не представляетъ; а потому нельзя даже предугадывать, какой полетъ возметъ идея верховнаго величія въ будущемъ времении.

Вотъ общій оттискъ идеи верховнаго владычества во всемірной исторіи, въ *движеніи!*

Въ *дѣйствительной* жизни, по видимому своему осуществленію (*Ausübung der Hoheit*) верховное владычество сходно какъ бы съ *господствомъ*, т. е. покрывается вещественною тканію, облекается въ тѣлесныя формы, получаетъ *антропоморфическій типъ*. Другаго возможнаго перехода въ живую жизнь, идея эта не имѣетъ. И вотъ, на поверхности исторіи народной, являются *гражданскіе акты*, какъ будто тѣ же самые, которые мы, Русскіе, совершаемъ въ *гражданскихъ палатахъ крѣпостнымъ порядкомъ*, или *левочнымъ у маклеровъ и нотариусовъ*, а не рѣдко и однимъ *домашнимъ*. Таковы: акты *раздѣльные, дарственные, духовныя* и *договорныя грамоты, мировыя и отказныя акты*, даже *купчія и закладныя крѣпости*. Я прошу, на первый разъ, всякаго неопытнаго созерцателя этой актовой стороны, не соблазняться такимъ явленіемъ, и не принимать акты за настоящія, владѣльческія права.

Идея верховной власти слишкомъ высока, духовна, свѣтла, какъ лучъ божественный; для нея нѣтъ даже сомобытнаго, земельного, органическаго слова, на которомъ мы означаемъ наши вещественныя понятія. Все, чѣмъ хотимъ мы выразить ея существо и сдѣлать для насъ осязательнымъ, мы взяли изъ міра божественнаго, отъ Царя небеснаго, только подчинили эту идею нашей разсудочной рефлексіи; но, говоря юридически, не далеко ушли въ этой рефлексіи, т. е., дѣлаемъ какое-то *крутообращеніе* (*circulus in definiendo*). Прошу вдуматься поглубже въ эту мысль!

Римляне въ типическихъ формахъ, въ анализѣ юридическихъ по-

пятий стоять выше всѣхъ; едва, едва теперь доступно для насъ пониманіе этого литературнаго анализа. Но какъ бьются, затрудняются они съ идеею верховнаго величія, переподя ее въ живую республиканскую жизнь! Начертавши для нея нѣсколько умственныхъ, воображаемыхъ участковъ, и посадивши въ этой воздушной атмосферѣ опредѣленныхъ верховныхъ сановниковъ, приставивши къ одному участку по нѣскольку отдѣльныхъ лицъ, на равномъ правѣ, они должны были наконецъ допустить *очередное*, по днямъ и часамъ, управление, и вмѣстѣ общее всѣхъ участіе; не говорю о другихъ странныхъ приемахъ. Переноса верховное величіе на императора, сенатъ римскій, какъ будто совершилъ величайшій, но незаконный, *дарственный* актъ, лишивши себя всякаго участія въ государственномъ управленіи, тогда какъ верховная власть составляла достояніе народа (*majestas populi romani*). Назначая себѣ преемника, еще при жизни, императоръ римскій какъ будто смотритъ на государство, какъ на свой удѣлъ. Такими вещественными, гражданскими актами пропикается весь политическій организмъ.

Но я взгляну на Римъ съ другой, болѣе осязательной, общепонятной стороны—*семейственной*. Римское семейство не разложилось государствомъ, оставшись въ опредѣленной сферѣ *самодержавнымъ* (автократія и автономія); слѣдовательно семейная жизнь управляется по началу *властей* (*potestas, imperium domesticum*). Но посмотрите на чудовищную форму этихъ властей! *Мужъ* покупаетъ и продаетъ жену свою, а не рѣдко приобретаетъ ее земскою давностію (*per usum*); отецъ семейства хозяйничаетъ гораздо шире и свободнѣе: онъ покупаетъ дѣтей чужихъ, продаетъ своихъ собственныхъ, закладываетъ, отпускаетъ на волю, но не даромъ, а посредствомъ *ключей* крѣпости, надъ сыномъ совершаемой три раза, а надъ другими однажды. Что это значить? У свободнѣйшаго народа, освятившаго и защитившаго человѣческую личность, встрѣчаемъ мы такіа ужаснѣйшія формы домашней кабалы! А между тѣмъ эти же самые безгласные, подъяремные дѣти, въ одно и тоже время, стоятъ на всей высотѣ республиканскаго могущества, бываютъ, по избранію народа, консулами, трибунами, диктаторами, а потому во всякое время своего правленія, весьма легко могутъ доказывать домовладыкѣ, что нельзя съ ними обращаться, какъ съ вещами; а *женщина* имѣетъ старинное, священное право на *свободный разводъ*, и тѣмъ избавлена отъ деспотическаго перевѣса гармоническихъ со стороны мужа силъ,

а, быть может, и весьма вѣроятно, перевѣсъ этотъ оказывался на ея сторонѣ. О другихъ поразительныхъ противорѣчiяхъ между началами я теперь умалчиваю. И такъ, отъ лица науки юридической, какъ профессоръ классическаго права, я приношу искреннюю благодарность юрисконсульту Гаю, что онъ, предчувствуя наши недоразумѣнiя, прибавилъ одно слово ко всѣмъ гражданскимъ актамъ, ему и тогдашнему обществу вовсе не нужное, для насъ драгоценное: *dicis gratia, imaginaria venditio per aes et libram*; или, перевода на русскiй языкъ: это *штука, штука, обманъ, образъ, вымысль, куклшутюкъ*. А наши молодые юристы требуютъ отъ новыхъ народовъ, и притомъ въ возрастѣ малолѣтнемъ, почти младенческомъ, чтобы идея верховной власти вылилась въ какую-то стихийную, прозрачную, лучеобразную форму: не нравится имъ вещественная оболочка, и подъ нею они видятъ темное, кабальное начало.

Вотъ общiй голосъ науки, при распознаванiи и пониманiи двухъ основныхъ формъ всѣхъ человѣческихъ обладанiй: *господства и владычества*! Не знаю, въ какой степени достигъ я своей цѣли, передавая благосклонному и просвѣщенному русскому читателю идею ихъ. Но я, на первый разъ, сдѣлалъ все, что мнѣ можно было сдѣлать по разиѣру моихъ силъ, чтобы передать мысли мои рельефно, осязательно, а слѣдовательно и убѣдительно. Область, въ которой мы теперь вращались, есть высочайшая, отвлеченнѣйшая рефлексiя; посмотрите, какимъ языкомъ говорить объ этихъ предметахъ наука: и мнѣ самому, приученному къ художественнымъ ея приѣмамъ, подѣ часъ становится неловко....

В.

Приложенiе общицъ понятiй о господствѣ и владычествѣ къ исторiи Россiйскаго Государства и различнымъ его учрежденiямъ.

Теперь вступимъ съ нашимъ *методическимъ* снарядомъ историко-органической работы, на русскую землю, оставимъ его не на одномъ какомъ нибудь неподвижномъ мѣстѣ, напр. *Москва*, чтобы отсюда наблюдать за движенiемъ двухъ началъ въ исторiи отече-

ственной, но будемъ передвигать его съ мѣста на мѣсто, смотря потому, гдѣ находится разсматриваемый предметъ, и при томъ обративши взоръ къ лицу предмета: иначе мы не увидимъ настоящей его физиономіи. Надобно сознаться, что я приступаю къ операціи трудной, почти мнѣ непосильной, по недостатку сціентифическаго обработыванія юридическаго элемента въ нашей исторіи, особенно въ области государственнаго права. Но кому нибудь надобно же рѣшиться на этотъ подвигъ,—и право на такой трудъ должно принадлежать природному русскому человѣку. На первый разъ имѣю честь представить на судъ русской науки слабый литературный приѣмъ въ анализѣ *государственнаго* начала въ Россіи, и прошу всякаго, кто чѣмъ можетъ, помочь мнѣ въ этомъ отечественномъ дѣлѣ, и указать мнѣ на мои недостатки, но съ любовью и благодушіемъ, не огорчая меня глубоко: ибо я имѣю другое ученое призваніе, — *профессію римскаго права*, гдѣ позволяю себя судить неумолимымъ судомъ за ложныя убѣжденія; а истину я буду защищать всѣми достойными средствами.

Мы выше утвердительною тономъ говорили, что верховная власть есть вѣчная, божественная, присвосущая сила, которою держится и управляется человѣчество во всѣхъ своихъ историческихъ состояніяхъ, на всѣхъ степеняхъ развитія. Одна Россія—этотъ полуміръ—пробавлялась *десять, двѣнадцать* вѣковъ безъ этой благотворной и міровой силы. Что же это значить? Въ самомъ дѣлѣ, не была ли она какая-нибудь *аномалія, уродъ*, исключенный изъ семьи человѣческой, какъ величалъ ее нѣмецкій философъ? Вы видите, почтеннѣйшіе молодые историки, что вопросъ вами поставленъ слишкомъ высоко и рѣзко, на самомъ нѣжномъ, животрепещущемъ мѣстѣ, на *сердцѣ* русскаго человѣка; и такъ неудивительно, простиительно, если мы будемъ отставать Русь всѣми средствами, правдою и неправдою: ибо производятъ свою родословную отъ такого народа, который лѣтъ за 100 или 200, не имѣлъ никакихъ общественныхъ формъ для жизни своей, и стоялъ въ вещественномъ порабощеніи норманскихъ выходцевъ, признаться надобно предъ вами, мы не намѣрены. Надъ нами насмѣются *сосѣди*, и *по дѣломъ*. Мы желаемъ *славы*: ибо мы, по божьему избранію, принадлежимъ къ *славенскому*, или, усѣченно говоря, *славному народу*: этѣмологія на этотъ разъ въ сторону. Производятъ же *Германцы* свою генеологію отъ какого-то *Германа*. Этой славы, намъ прирожденной, мы никому не усту-

шимъ, и имѣемъ на нее священнѣйшее право. Въ этомъ отношеніи мы подходимъ на *Римлянъ*, и отъ всего сердечнаго убѣжденія выисываемъ въ предисловіе нашей литературной исторіи слѣдующія свѣтлыя слова *Ливія*: «*Если какому народу позволено освятить свое происхождение, и отнести его къ богамъ—чиновникамъ историческаго его бытія: то эта честь и слава должна принадлежать римскому народу, (а мы читаемъ здѣсь — русскому: у всякаго народа свое чтеніе)*» (1).

И такъ, собирався въ народное ополченіе, созывая трубнымъ голосомъ тѣни умершихъ предковъ, для показанія намъ истинныхъ, во отъ времени нѣсколько сглаженныхъ путей государственныхъ, мы обращаемся къ исторіи отечественной, и будемъ отыскивать прирожденное человечеству, божественное начало, идею верховной власти въ личныхъ представителяхъ; это талисманъ нравственной, политической и гражданской свободы каждаго человѣка. Безъ государства жить нельзя, ни отдѣльному человѣку, обособленному отъ всѣхъ, ни члену союзовъ. Слѣдовательно, нашъ розыскъ имѣетъ характеръ *святаго дѣла* (la cause sainte); а святое дѣло само собой строится на Руси. Здѣсь я не болѣе, какъ простой, недостойный оргѣнъ, которымъ возвѣщается высокая судьба нашего народа.

Въ исторіи русской, особенно древнихъ временъ, ошутителенъ великій недостатокъ въ *типическихъ* формахъ, въ которыхъ бы отражались, видѣлись чистыя юридическія понятія; во *внѣшнемъ* и *внутреннемъ* ея объемѣ неизвѣстны, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ темны многія стороны: такова, по преимуществу, *до-варяжская эпоха*. Изъ временъ историческихъ, въ литературѣ уцѣлѣла почти одна вещественная, грубая оболочка, которою покрывалось тогдашнее общество, а духъ неосязаемъ. По сердечной простотѣ, и дѣтской наивности, а, быть можетъ, и по глубокой хитрости, *старикки* наши наговорили много, слишкомъ много противъ себя самихъ, и тѣмъ подали поводъ новымъ грознымъ судіямъ къ обвиненію, къ нравственному и политическому осужденію всей ихъ жизни. Одна величайшая, неизвѣстная съ ихъ стороны оплошность,

(1) «Datur hæc venia antiquitatæ, ut, miscendo humana divinis, primordia urbium augustiora faciat. Et si cui populo licere oportet consecrare origines suas et ad deos referre auctores, ea belli gloria est populo romano». Livii Historiæ, præfatio.

если только они предчувствовали появленіе новаго молодого поколѣнія на русской землѣ,—это—неосторожное ихъ обращеніе съ своимъ языкомъ: не безъ причины же онъ сравнивается съ *пожельмъ*, *которымъ опасно играть ребенку*. Невещественныя, вѣчныя, свѣтлѣйшія идеи власти, суда, правъ и обязанностей государственныхъ, они вѣили, какъ *жидкость* какую, въ вещественныя, скудельныя сосуды, наложили на нихъ знаки гражданскихъ, мѣновыхъ цѣнностей, и въ такомъ рыночномъ, торговомъ облаченіи, передали ихъ намъ, какъ наследство *опальное*. О хитрые старики! По дѣломъ васъ называлъ царь Иоаннъ Васильевичъ *крамольниками!* Задали вы задачу молодому русскому поколѣнію, связали исторію свою въ *Гордиевъ узелъ*, а концы бросили въ воду. Изволь теперь разбирать ваше тяжёлое дѣло.

И такъ въ наукѣ юридической не только возможны различныя, и даже противоположныя воззрѣнія на старую Русь, но необходимы, неизбѣжны; и особенно въ той области, которая имѣетъ высшій, идеальнѣйшій, невещественный типъ: я говорю о *государственномъ правѣ*.

Наша наука историческая стоитъ еще на незначительной степени литературнаго своего совершенства, и слабо, невѣрно, неполно перерабатываетъ политическія мысли великаго и дѣятельнаго народа. Но такъ ужъ удѣлъ всѣхъ могущественныхъ организмовъ: *духовная* сторона тускло просвѣчивается сквозь густую массу событій и дѣйствій, которыми наполняетъ этотъ организмъ всю поверхность своей исторіи; ключемъ бьетъ жизнь изъ всѣхъ его отверстій; какъ вода, выступившая изъ своихъ береговъ, она разливается по различнымъ каналамъ, и часто уходитъ въ какіе-то потаённые, неразгаданные водоёмы,—а идеи жизни едва едва выясняются, и то, какъ отстаылыя, запоздалые путники,—сопутствуютъ и освѣщаютъ пройденные пути народа. Я люблю брать уроки изъ исторіи римскаго народа. Какъ поздно лучъ науки сталъ освѣщать эту мировую исторію; почти на закатѣ политическихъ дней народа, духъ народный искалъ непосредственной, живой и всецѣлой дѣятельности, и въ этомъ *драматическомъ* настроеніи, онъ не могъ, не умѣлъ въ себѣ сосредоточиться, изъ группы событій вывести опредѣленные, сознательныя понятія: рефлексія разсудочная свидѣтельствуетъ уже о зрѣломъ, полномъ возрастѣ челоука, почти граничить къ выходу его въ другое состояніе.

И въ *русскомъ народѣ*—много сторопъ, напоминающихъ намъ этотъ *античный* прототипъ ; но не пришло еще время выяснитъ его, и указать на многозначительное его значеніе въ исторіи новаго человѣчества ; не безъ особенной *философической* причины, великій *Гегель* не умѣлъ вдвинуть исторію русскую въ свою тройственную систему: ибо рамки его узки для насъ.

И такъ съ одной стороны, великое и многостороннее значеніе народа, а съ другой—юное, дѣтское состояніе науки даютъ нѣкоторое право на снисхожденіе и благодушный приѣмъ всѣхъ литературныхъ операцій, которыя совершаются въ наше время надъ этимъ громаднымъ организмомъ. Не съ ожесточеніемъ, но съ любовью и кротостію, критика должна проносить относительную и сравнительную оцѣнку этихъ оперативныхъ приѣмовъ. Труды г. Чичерина, не смотря на методическую несправильность, всегда возбуждаютъ во мнѣ глубокое уваженіе ; уже плодотворны они и потому, что вызываютъ новую дѣятельность, — а такими вызовами обуславливается движеніе науки.

Предпринимая свой собственный аналитическій актъ надъ *государственнымъ организмомъ*, я подвергну его юридическому сѣченію только въ выпуклыхъ, болѣе мягкихъ и рѣзкихъ мѣстахъ, такъ сказать, на конечныхъ линіяхъ, отдѣляющихъ одинъ возрастъ отъ другаго. Слѣдовательно мой приѣмъ можно назвать *физиологическимъ оставомъ, чертежемъ*, въ которомъ раскинуть планъ государственнаго строенія Россіи—отъ первыхъ видимыхъ основъ до настоящаго времени. Моя цѣль возстановитъ, по крайнему моему разумѣнію, *физиономию* народа, какъ государства, представить въ преемственномъ движеніи *типы—лики*, которые она воспринимала, во времени, не болѣе. Какая овальная форма была у того, или другаго типа, какія стороны получали болѣшій или меньшій размѣръ въ историческомъ развитіи—этотъ предметъ вовсе выходитъ изъ плана моего созерданія ; да, признаться надо, я и не слишкомъ силенъ въ знавіяхъ, нужныхъ для такого дѣла.

Но если индивидуальныя, простые человѣческіе организмы имѣютъ чрезвычайно свободное, своеобразное развитіе, и, по различнымъ препятствіямъ, не всѣ его части выдаются наружу въ одинаковой пропорціи въ извѣстное время : то что же должно сказать объ организмахъ народныхъ ? И по преимуществу, о *Русскомъ народѣ*—своеобразнѣйшемъ и единственномъ въ исторіи человѣчества ?

Съ *четыре*хъ сторонъ мы посмотримъ на *государство* Россійское, и въ *четыре*хъ разрѣзахъ сдѣлаемъ общую повѣрку сворному дѣлу, какинъ началомъ жилъ и управлялся народъ русскій, *владычествомъ*, или *господствомъ*. Для сообщенія пластическаго вида оперативному акту, я употребляю *форму вопроса*, въ которую и вставляю основную идею, подвергалъ ее историко-юридическому анализу.

Начинаемъ съ перваго, главнѣйшаго государственнаго института, безъ котораго немыслимо вообще государство, а у насъ вся исторія необъяснима, съ *верховой власти*, имѣющей *личное*, живое бытіе.

1. Былъ ли царь въ Россіи? Новые историко-юристы *утвердительно отрицаютъ* существованіе его до московскихъ государей; они говорятъ, что было ихъ многое множество у насъ, да не цари, а *помѣщики*. Извинительно, если при такомъ представленіи невольно сотворимъ *крестное знаменіе*. Намъ учили наши добрые учителя, что не только у народа есть царь, но и у всякаго человѣка есть свой собственный царь, имѣющій престолъ свой въ головѣ; что безъ царя, и народу, и отдельному лицу, жить нельзя: надъ нимъ, какъ надъ сумасшедшимъ, или дуракомъ, насмѣются всѣ; даже мальчики указываютъ пальцами на такое несчастное божіе созданіе, приговаривая—*у него нѣтъ царя*. И такъ, госнода, дѣло наше получаетъ какъ будто характеръ личной обиды, а слѣдовательно подлежитъ суду; впрочемъ, не бойтесь этого суда; онъ не имѣетъ ни уголовного, ни полицейскаго, ни даже гражданскаго—исковаго характера, а есть чисто-литературная тяжба: *преніе ученыхъ*. Въ случаѣ обвиненія, или оправданія мы—тяжущіеся не взыщемъ другъ съ друга ни проторей, ни убытковъ: довольно побѣдителю въ успокоеніе и того труда противника, который сдѣланъ по напрасу.

Народъ есть живой организмъ, а не отвлеченное понятіе; слѣдовательно долженъ имѣть голову. Но у всякаго живаго существа, разумнаго и неразумнаго, голова имѣетъ определенное и неизмѣняемое мѣсто, и обращена къверху, къ небесной атмосферѣ, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ свое высокое происхожденіе и повиновеніе своему создателю и царю; если у нѣкоторыхъ животныхъ мы замѣчаемъ наклоненіе головы къ землѣ, то, безъ сомнѣнія, это было дѣло человѣческаго воспитанія; но и подъяренное животное, измученное служеніемъ своему господину, взрѣдка воспринимаетъ возвышенную

фигуру, и поднимает свою голову къверху. Организм народный имѣетъ особенное устройство и форму: мѣсто головы какъ-то непостоянно; въ одно время она находится въ нижней части организма, въ другое—въ средней, или высшей, а иногда она оказывается на боку; что касается до *формы* этой головы, то она чрезвычайно разнообразна, подвижна, однимъ словомъ, состоитъ въ непрерывномъ прогрессѣ. Не здѣсь ли заключается настоящая причина, почему наши слѣдователи не видятъ головы и царя, въ ней заставляющаго, въ народѣ русскомъ почти до XVIII вѣка?....

Впрочемъ, при всей своей плавильности въ формахъ, типъ головы всегда остается неизмѣннымъ, человѣческимъ; слѣовательно, и типъ царя никакою силою не можетъ быть изуродованъ до превращенія его въ простаго землевладѣльца и хозяина. Наши молодые ученые выкроили себѣ понятіе о формѣ и свойствахъ царской власти по какому-то заморскому рисунку, да съ этою узкою мѣркою и ходятъ по русской землѣ, прикидывая ее къ различнымъ учрежденіямъ и временамъ; наконецъ, замѣчая, что оныя не подходятъ подъ мѣрку ихъ, не укладываются въ узкой, скудной формѣ, даже и несциентифической, рѣшительно отвергли присутствіе личной верховной власти въ исторіи Россіи. Но не забудьте, господа, что Россія есть своеобразнѣйшій, свободнѣйшій организмъ, какого никогда не бывало ни въ старамъ, ни въ новомъ свѣтѣ, и что ликъ русскаго царя есть единственный во всемъ челоѣчествѣ: такихъ царей нѣтъ и не было на Западѣ: тамъ земля узка для него. Царь для Россіи есть такая стихія, которою она живетъ и дышетъ, и безъ которой она подлинно, дѣйствительно походила на такого челоѣка, на котораго мальчики съ дѣтскою провіею указываютъ пальцами: *у него царя нѣтъ въ голову*.

Неужели позабыли вы тѣ страшныя времена, и тѣ чудовищныя, почти полуживотныя стenanія всего умирающаго русскаго народа, когда затерялся нашъ природный, малолѣтній царь?... Царь есть мысль, идея, слово всей нашей исторіи; безъ этой личной мысли необъяснимы всѣ происшествія, всѣ дѣйствія народа русскаго; присутствіе этого живаго слова ясно, рѣзко отмѣчено на каждой страницѣ нашего дѣянія: а кто не умѣетъ читать этой книги, по безграмотности, тотъ носитъ въ своемъ сердцѣ эту стихію, какъ питающую, грѣющую и охраняющую все его земное, гражданско-человѣческое бытіе: есть у насъ другая, могущественнѣйшая стихія,

но для другаго элемента русской природы назначенная, это наша *Православная вера*. Какимъ же образомъ возможно не видѣть и не чувствовать силы и дѣйствія этой первоизданной нашей стихіи въ исторіи? Если вы, въ неостязимомъ для меня ослѣвленіи, вѣроятно произшедшемъ отъ вліянія иноземныхъ книжныхъ теорій, не умѣете протолковать намъ нашей исторіи по нашему народному складу, и не можете отыскать въ ней нашего царя, дающаго ей смыслъ и жизнь, то я вамъ его укажу. И такъ приступимъ къ операціямъ.

1). Подвергаемъ аналитическому свѣченію этотъ живой организмъ — народъ въ самомъ первомъ дѣтскомъ возрастѣ — при первомъ нашемъ *царь-князь*; посмотримъ, какой элементъ въ немъ господствуетъ.

Всѣ народы имѣютъ двѣ эпохи своего бытія: до-государственную и государственную. Вступленіе ихъ во вторую эпоху — есть первый годъ личнаго ихъ бытія. Нашъ русский государственный годъ отмѣченъ въ летописи, 862-й. Событіе, тогда случившееся, имѣетъ *типическій характеръ*.

Не мое дѣло изслѣдовать, откуда взялась Русь, какою формою обозначилась ея первоначальная быль — *родовою* или *общинною*, въ какихъ органахъ выражался и поддерживался общественный порядокъ, судъ, расправа, управленіе и т. д. Но я коснусь въ этой темной эпохѣ только того, что мнѣ нужно для моей цѣли. Безъ верховной власти, проявляемой въ личныхъ, определенныхъ представителяхъ — народу нашему и въ эти древнѣйшія, полусторическія времена жить было невозможно; она хранила его отъ физическаго и нравственнаго разрушенія; иначе крѣпостные владѣльцы, въ древнія эпохи вездѣ слишкомъ грозные, непрещѣнно замучили, изувѣчили бы весь народъ — выгоняя его на египетскую работу; а сами по доброй волѣ никогда не отказались бы отъ такого выгоднаго самовластія. Далѣе, органы эти отдѣлились отъ естественнаго сочлененія съ первоначальными союзами, и получили свободный, политическій характеръ; это уже не естественные властелины — домовладыки, родоначальники, жрецы. Читая *актъ призванія на Карамзину*, мы видимъ три элемента, въ юридическомъ соотношеніи находящіеся: элементъ какъ бы *монархическій* — въ старѣйшинѣ, *аристократическій* — въ боярахъ и *демократическій* — въ народѣ, гражданахъ (1). Отъ различныхъ причинъ; мало вѣстныхъ, органы вер-

(1) Исторія Государства Россійскаго, изд. Эймерлиха. Томъ I, глава 4. ОТД. III.

ховной власти пришли въ историческую несостоятельность, въ силу которой открылся во всемъ тогдашнемъ быту всеобщій *беспорядокъ*. Беспорядки вездѣ по временамъ бывають. Этотъ общественный беспорядокъ вызвалъ въ древнѣйшей Руси живую потребность къ перемѣнѣ прежнихъ личныхъ органовъ, къ сосредоточенію верховной власти, которая вѣроятно разошлась по разнымъ линиямъ, въ болѣе могучемъ и опредѣленномъ, какъ бы индивидуальномъ, лицѣ — *царь*.

И вотъ въ исторіи Россіи совершается величественный, многознаменательный актъ. Всѣ лучшіе люди тогдашняго общества, стоящіе во главѣ управленія, предпринимають неслыханное нигдѣ, а намъ весьма понятное, путешествіе за море, пускаются съ благословенія старыхъ славянскихъ боговъ въ путь дальній, невѣдомый и опасный, и на чемъ же? *на утлыхъ ладьяхъ* — искать себѣ царя; и при первой высадкѣ на берегъ, при первой встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ, предложили русскій престолъ тремъ, доселѣ никому неизвѣстнымъ, безземельнымъ и горемычнымъ братьямъ — *Рюрику, Синеусу и Трувору*, откровенно сознаваясь предъ ними, что у насъ, по божіей милости, все хорошо, всего вдоволь, *да порядка нѣтъ*.

И такъ, не отъ радости, а отъ невыносимаго горя и бѣды, не отъ пресыщенія и крамолы боярской, а отъ первѣйшей потребности всего народа въ присутствіи личнаго царя, предпринято было это знаменитѣйшее, *типическое* путешествіе. Съ первой, такъ сказать, страницы Русское государство является уже необыкновеннымъ, своеобразнымъ и могущественнѣйшимъ организмомъ. Обращаясь къ исторіи древней, замѣчаемъ другой типъ: тамъ государства, болѣею частію, образовались *колоніальнымъ путемъ, высадкою на чужую землю* извѣстной племенной ватаги, и основаніемъ на ней своего исключительнаго политическаго и гражданскаго быта: но не надобно забывать, что это были *городовыя государства*, а не *земскія*. Никакая высадка, положимъ, самаго огромнѣйшаго размѣра, подобная новѣйшей — *Севастопольской*, не могла обхватить всей русской земли, и разложить народный элементъ, своимъ собственнымъ, пришлымъ слоемъ. А на *утлыхъ ладьяхъ* — нельзя переплыть цѣлому народу, съ одного морскаго берега на другой, и притомъ при такихъ *кормчихъ*, каковы были наши русскіе посланники... При малѣйшемъ своевольствѣ первой — до-рюриковской экспедиціи, указана была ей обратная дорога. *Идея гостя* есть главная, почти единственная, во всемъ литературномъ типѣ первыхъ норманскихъ князей.

Политическая исторія народовъ, точно такъ же какъ и *христіанская*, имѣетъ свой свѣтлый, какъ бы воскресный день. Нашъ политическій день, въ которой Россія получила новое, государственное бытіе, извѣстенъ только, какъ *годъ: 862-й*, и то по переводу нашего рожденія на византійскій календарь. Съ восходомъ солнца на Русскую землю, высадился на берегъ — нашъ дорогой гость, *царь*; къ обѣду прибылъ онъ въ *Новгородъ*, но не для постоянного тамъ пребыванія, а для временнаго отдыха; къ *вечеру*, довольный нашимъ хлѣбомъ-солью, и убѣдившись въ способностяхъ народа къ государственной жизни, издалъ милостивый *манифестъ*, въ которомъ объявилъ въ первый разъ *земскій миръ* (Landfriede), нарядилъ *новый* порядокъ, а *старому*, со всеми человѣческими слабостями, враждами, заблужденіями и преступленіями, быть можетъ, еще не наказанными, высказалъ полную *амнистію*.

И *народъ Русскій* — съ этимъ личнымъ водителемъ и пѣтуномъ, какъ будто разомъ выросъ. Въ одну тихую, замиренную, безмолвную ночь, на свѣтлый день, показалось видимое, рѣшительное, послѣднее движеніе въ утробѣ Россіи живаго младенца мужскаго пола. Къ *утру* онъ явился на свѣтъ божій; къ *обѣду* выросъ и окрѣпъ такъ, что могъ служить великому званому гостю, и даже участвовать съ нимъ въ общей государственной трапезѣ; а къ *вечеру*, по прочтеніи манифеста, испросилъ у всѣхъ собратовъ своихъ прощенія въ своихъ слабостяхъ и гражданскихъ обидахъ, и самъ, все простивши, совершилъ благоговѣйную жертву по своей языческой вѣрѣ, приготавлиаясь въ путь; русскій гражданинъ сталъ спокойно препоясываться, какъ воинъ государственный, надѣлъ на себя всѣ бранные доспѣхи, и съ вѣрою и любовью вступилъ въ великую, трудную и опасную службу государству, отечеству. И съ той поры Россія получила имя и мѣсто въ системѣ государствъ, и сохраняетъ этотъ титулъ до сего времени, никѣмъ не будучи разжалована, если только покушенія молодаго русскаго поколѣнія не считать дѣйствительнымъ актомъ, что и справедливо по самому существу дѣла.

Рюрикъ — это *Ромулъ* Русской земли, полубогъ, нашъ первый царь-батюшка; въ немъ виденъ величественный, художественный типъ царской, государственной идеи, во многихъ отношеніяхъ сходный съ *античными* типами, напримѣръ, съ *римскими* (1). Не-

(1) *Примѣчаніе*. Въ моемъ духѣ носится нѣсколько *типическихъ образовъ* изъ русской политической исторіи, давно уже мною начертанныхъ, и

ужели до сихъ поръ не догадались, что Рюрикъ есть не только *физиологическое*, индивидуальное лицо, но и *гемерическое*: ибо двѣ субстанціи въ одномъ лицѣ всегда возможны, но въ известномъ подчиненіи; и вообще типическая фигура безъ живаго субстрата немыслима въ конструкціи. Всмотривайтесь ближе, глубже, со всѣхъ сторонъ, въ этотъ величественный ликъ. Не бойтесь какихъ нибудь недоразумѣній: паука не уничтожить живаго, историческаго существованія Рюрика; но его человѣческой, какъ бы естественный, видъ

даже загрюнтованныхъ, но не совсѣмъ отдѣланныхъ. Таковы: 1, типъ *царя-князя*, — въ лицѣ Рюрика; 2, типъ *государя московскаго*, — въ лицѣ Ивана III; 3, типъ *Византийскій* — въ лицѣ Константина великаго (или Палеологовъ); 4, типъ *монгольской* — въ лицѣ Чингисъ-хана или Батыя; 5, типъ *Грознаго*, представляющій неразгаданное сляніе въ одной личности всѣхъ прежнихъ типовъ, съ присоединеніемъ новаго, какъ будто не *русскаго* элемента; 6, типъ *Лже-царя* въ лицѣ самозванца *Отрепьева*; типъ императора всероссійскаго въ лицѣ *Петра I* и *Екатерины II*: двѣ эти великія личности взаимно себя пополняютъ, и сообщаютъ нашему государству новую, полную фазіономію. Но отнискъ этихъ типовъ я долженъ отложить до другаго свободнаго времени: ибо у меня давно уже просятся на волю, въ свѣтъ божій, мои любимые, античные невольники. Поэтому, я, вѣдѣя за окончаніемъ критическаго анализа надъ главными юридическими началами русской исторіи, приступаю къ этой, болѣе мнѣ подручной работѣ; разложивши моихъ гостей по одиначкѣ, на четырехъ блюдахъ, отчасти уже русскаго, не-античнаго мастерства, я буду имѣть честь предложить ихъ просвѣщенному обществу въ сибѣ: на *перломъ* блюдѣ поднесенъ будетъ *древній рабъ*, на *второмъ* — *кабалный*, на *третьемъ* — *кlientъ*, на *четвертомъ* — *крѣпостный человекъ*. Всѣ живые! На вопросъ, естественно возбужденный при этомъ словѣ въ каждомъ читателѣ, откуда могъ я добыть ихъ живыми, имѣю честь отвѣтствовать, что это — секретъ *новѣйшей историко-органической школы*, недавно полученный мною изъ-за границы, и пострѣнный на дѣлѣ. Если кто нибудь изъ моихъ читателей такъ благовоспитанъ, что не можетъ, безъ отвращенія, посмотреть прямо на обезображенный ликъ чловека, чловецкою же рукою изуродованный — вѣдь *на дикой землѣ искусалъ его*; того предувиждаю, что мои невольники были сами преблаговоспитанные молодцы, приучены къ порядку, чистотѣ и какъ будто свободному повиновенію; ибо они служили такому великолѣпнѣйшему *сельможу*, какихъ нигдѣ и никогда въ новомъ мѣрѣ не бывало, *античному римскому гражданину*. Между клиентами, вы увидите учителей, повторовъ, риториковъ, художниковъ, артистовъ; между рабами встрѣтите богачей, у которыхъ были свои собственные рабы. Пусть они погуляютъ по божьему христіанскому міру, посмотрятъ на всѣ историческія состоянія новаго, *свободнаго, искушеннаго* чловека; быть можетъ, совершая это странствіе, они наконецъ оставаются на одной успокоительной мысли, что *неволя есть міровой рокъ*, и что *древняя неволя* была, во многихъ отношеніяхъ, мягче, естественнѣе, *человѣчнѣе*, нежели кабла новаго *вольнаго*, христіанскаго чловека. Гдѣ я отвелъ имъ литературную землю для прогулки, еще не рѣшено.

украстить новою типическою формою, и возведеть его въ родоначальники Россіи государственной. Какъ отъ *Ромула* Римъ производилъ свою родословную, въ политическомъ, а не естественномъ смыслѣ: такъ *Россія* ведетъ свое политическое бытіе отъ *Рюрика*. Весь естественный или фактический элементъ въ этомъ типическомъ лицѣ подчиненъ юридическому, или государственному. *Генеалогіи* Рюрика, съ мѣстнымъ и личнымъ процессомъ, мы не знаемъ, а слѣдовательно и не можемъ удовлетворить сердечной личной потребности почтить тѣлеснымъ образомъ память нашего основателя государства, перваго уставщика новаго порядка, до него не-слагавшагося.

Все, что составляетъ жизнь естественнаго человѣка, выброшено въ фигуру *Рюрика*: въ летописной рефлексіи господствуетъ величавый ликъ царя; братья вскорѣ умерли, а ему Богъ русскій далъ, (неизвѣстно даже имя первой царицы—матушки, не Россія ли это?) едиnorodнаго сына *Югоря*, за малолѣтствомъ—до времени въ управленіи замѣненнаго *Олегомъ*.—Кто былъ этотъ великой *думникъ*, давшій первый совѣтъ боярамъ и народу призвать къ намъ царя—гостя? *Гостомысль*. Но какой художественный полетъ въ юридическомъ созерцаніи первой идеи о государствѣ и о государѣ!

Какой типъ политическій у нашего перваго царя?

Типическія фигуры вообще многозначительны и для анализа юридическаго довольно затруднительны. Надобно имѣть чутье и навыкъ въ разборѣ ихъ. Впрочемъ, *воинственной*, а за нею *воотчмлно-владѣльческой* фізіономіи, которую налагаютъ молодые историки на нашего *Рюрика*—родоначальника, а съ нимъ и на весь удѣльный княжескій періодъ, я, признаюсь, вовсе не замѣчаю. Да она не могла и появиться: ибо не было *субстрата* для такой рефлексіи; а безъ субстрата не лзя составить типа. Какимъ образомъ фізіономія *званнаго гостя*, сопровождаемаго малою дружиною, нашедшаго сердечный и всеобщій пріютъ въ народѣ Русскомъ, могла превратиться въ *завоевателя*, или еще ужаснѣе, въ *Фараона* Русской земли? У летописца нашего былъ удивительный, высокій талантъ! Взвѣсивъ типическій образъ изъ преданія народнаго, онъ не искажаетъ его своимъ разсудочнымъ *прагматизмомъ*, какъ поступилъ съ римскими *мифическими* преданіями ученѣйшій древній археологъ—*Діонисій Галикарнаскій*. Нашему великому *Нестору*—дивному и несравненному *исторіографу*, мы должны съ умиленіемъ

поклоняться, и свято чтить литературную его память! Все ненужное для государственного лика, быть может, въ *народномъ* преданіи хранимое въ различныхъ формахъ, онъ выросталъ изъ исторіи *Рюрика*, и самъ ничего отъ себя не прибавилъ: ибо этотъ типъ священный. Мнѣ кажется, что онъ пропустилъ его сквозь призму своего ума, безъ всякаго сознанія, какъ *глаголь историческій*, и въ этомъ смыслѣ—опять *Песторъ* великъ.

Дальнѣйшая обстановка первыхъ нашихъ князей, на мой взглядъ, достойна новаго, болѣе глубокаго, историко-критическаго и всесторонняго созерцанія. Останавливаясь на однихъ *типическихъ* приемахъ лѣтописи, я вижу быстрое, и какъ будто, послѣдовательное, движеніе личнаго верховнаго начала къ дѣйствительному полному историческому лику. Имена первыхъ князей (Рюрикъ, Олегъ, Игорь) въ грамматической конструкціи темныя, въ дальнѣйшемъ ходу просвѣтляются, воспринимаютъ русскій складъ, и предъ великимъ моментомъ вступленія Россіи въ семью христіанскихъ цародовъ, обозначаютъ наше славное, міродержавное значеніе: *Ольга*—служить какъ бы *актрактомъ* въ высокой христіанской драмѣ, а великій князь *Владимиръ*—героическимъ лицомъ въ этой исторической позѣ. Я набрасываю здѣсь идеи, въ формѣ предчувствій историческихъ, задавая тѣмъ новую работу для нашихъ многоуважаемыхъ и трудолюбивѣйшихъ историковъ; быть можетъ, простые намеки наведутъ ихъ на какія нибудь глубокія соображенія. Вездѣ лучъ науки сперва просвѣчивался въ слабыхъ, и даже отрывочныхъ мерцаніяхъ.

2.) *Періодъ удѣловъ* «второй возрастъ плеи владычества въ нашей исторіи». Верховная власть, какъ идея, уподобляется солнечному лучу, различно преломляемому въ человѣческихъ обществахъ, и получающему отъ того различные отливы. У насъ, въ Россіи, этотъ лучъ преломился въ формѣ *радуи*, обхватившей всю землю Русскую, отъ качала до конца, но не вдругъ. Не разомъ эта дивная *семицвѣтная дуга* раскинулась по русскому небосклону, и возвѣстала народу божіе благоволеніе. Вмѣстѣ съ *княземъ*—личнымъ водителемъ—освѣщается и распознается Русь, какъ личное, индивидуальное существо; съ нимъ она имѣетъ пространство и время, и вотъ началось замѣчательнѣйшее путешествіе личной верховной власти по необозримой, темной, неизвѣстной, необмежеванной равнинѣ. Вмѣстѣ съ политическимъ родоначальникомъ, политическая Русь разрастается на нѣсколько отдѣльныхъ *семействъ*, каждое съ

своимъ хозинномъ—домовладыкой; единая идея государства отливается въ нѣсколькихъ тѣлахъ; каждому тѣлу нужно пространство *территориальное*, гдѣ духъ государственный долженъ дѣйствовать исторически. Вотъ физиологія нашихъ *удьловъ*! Въ процессъ разрастанія государственной Россіи отразился, повторился, во всемъ яркомъ величіи, обыкновенный *процессъ духа человеческого*, выходящаго изъ своего первоначальнаго и непосредственнаго единства, и разрешающагося на отдѣльные акты мыслей, вѣрованій, чувствованій и дѣяній, по видимому, не имѣющихъ между собою никакой органической связи, и даже состоящихъ не рѣдко въ рѣшительной борьбѣ и противорѣчій. Чѣмъ сильнѣе и сложнѣе физиологическій организмъ, тѣмъ шире, крупнѣе разбрасывается духъ его на поверхности исторіи, такъ что изъ одного такого человѣка, богатой, благословенной природы, въ порѣ молодости, можно выкроить *десять, двадцать* отдѣльныхъ лицъ, назначивши каждому изъ нихъ опредѣленную часть, вынятую изъ всецѣлаго и нераздѣльнаго организма, и эта часть достаточна, чтобы составить *мелкую* личность, могущую существовать самостоятельно до опредѣленнаго времени. Бываютъ личности живыя, которыя гораздо бѣднѣе нашей выкроенной разсудочною мѣркою мелкой личности: здѣсь я имѣю въ виду и *физическія*, и *политическія* лица. И такъ не кара божія, а особенное небесное благоволеніе лежитъ на нашемъ *удьльномъ* періодѣ; только надобно умѣть прочесть эту таинственную книгу судебъ нашего отечества.

Пластическій видъ земли Русской не совѣтъ благопріятенъ для скорой цивилизаціи; передовые выходцы въ Европу заняли лучшія мѣста, ближе подошли къ центру всемірнаго владыки; наши старики *славянскіе* гдѣ-то заболтались, заглядѣлись, вѣроятно, на колоніи римскія, красовавшіяся на восточной полосѣ (въ *Дакіи* и др.), и не успѣли къ дѣлежу Западной Римской имперіи со всемъ ея несмѣтнымъ достояніемъ. Но мы никому и ничему не завидуемъ: довольны своимъ божественнымъ *урокомъ*. Занявши неизмѣримое земельное пространство, для своего земнаго служенія общечеловѣческимъ идеямъ, безъ всякихъ вынуклостей, имѣя только по нѣкоторымъ, слишкомъ отдаленнымъ окраинамъ естественныя границы, духъ русскій не могъ имѣть свободнаго движенія, не могъ останавливаться въ своемъ полетѣ на извѣстныхъ высотахъ, а слѣдовательно для развитія его не доставали *моменты*—эти *внутренніе возрасты*. Если мы этотъ духъ народный представимъ въ формѣ *вели-*

чины, или *тѣла*, то онъ не могъ сознать, освѣтить и сродниться со всѣми его частями, разложившимися свободно и привольно по земельной равнинѣ: безъ сомнѣнія, части единаго народа Русскаго стояли внѣ всякаго взаимнаго соприкосновенія, даже безъ сознанія своего органическаго единства. Такимъ образомъ, подобно человѣку, Русь разметалась, и отличалась въ особухъ территоріальныхъ государствахъ. *Удѣлы-княженія* были тѣ разграничительныя *линіи*, которыя въ первый разъ прорѣзаны были по неизмѣримой равнинѣ, и раздѣляли ее на опредѣленныя *политическія величины*; съ ними прорѣзанъ былъ и организмъ народа Русскаго, испыталъ великую, трудную, но необходимую *операцию*, и тогда же почувствовалъ отъ боли, причиненной разрѣзомъ нехудожественной руки, въ первый разъ единство свое, и созналъ свою цѣлость. *Условіе* къ единой Россійской имперіи лежитъ въ *удѣлахъ*.

Подобныя формы политическаго возраста замѣчаются и у другихъ народовъ, призванныхъ къ великой дѣятельности. Я обращаю вниманіе читателя на *греческій міръ*. Промедли начальныя, темныя, полуживотическія состоянія, *эллинскій духъ*, въ поэтическомъ отношеніи выше всѣхъ стоящій, начинаетъ раскидываться по древнему міру съ необыкновенною игривостію и пластичностію формъ общественныхъ, обозначается то въ крупныхъ, то въ мелкихъ, *автономическихъ муниципіяхъ*, вступилъ въ рѣзкую борьбу съ самимъ собой, думая впрочемъ, что одно государство враждебно другому, какимъ-то рокомъ гонимый, устремился къ *гегемоніямъ*, погрузился въ индивидуальныя личности, разнесся по всему міру — Азіи и Африкѣ, по морю и сушѣ — знамя наукъ, искусствъ, торговли и политической свободы, и этимъ мировымъ дѣломъ занятый, какъ поэтъ и философъ, а не *собиратель государственный*, вовсе не примѣтилъ, что на него уже натянулъ злой и меткой *македонскій стрѣлокъ* убійственную стрѣлу, и метитъ ему прямо въ голову. Счастіе для Греціи, что она, какъ военнопѣнная, перешла вскорѣ на руки образованнѣйшаго и благодарнаго своего повелителя *Александра*, и успѣла на время отдохнуть отъ нанесеннаго удара. Но перешедши на руки къ другому величайшему повелителю — *Риму* — она глубоко повяла свою политическую неосторожность и молодость; во другой, высшей поры, сосредоточенности не названо было Греціи. Главнокомандующій римскій консулъ *Муммій*, разрушивши *Коринтъ* въ 146 г. до Р. Х., взявъ всю Грецію на капитуляцію, и подписалъ этотъ

ужаснѣйшій статутъ новизо ея положенія, извѣстный подъ именемъ: *Lex Miltia* (1). Но и *Риму*, въ свою очередь, придетъ достойное возмездіе отъ руки варваровъ.

3.) Но изъ этого юношескаго, удѣльнаго возраста мы вступаемъ въ *3-й возрастъ*. Приходя въ новую пору возраста зрѣлаго, индивидуальный человѣкъ начинаетъ *округляться* со всѣхъ сторонъ: разбросавшись, во всемъ своемъ существѣ, онъ наконецъ сосредоточивается, и вотъ совершается въ немъ величайшій актъ, видимый и невидимый. Все потянуло къ центру, къ типу личному; все нарастаетъ, видоизмѣняется, одно уничтожается, другое какъ бы вдругъ выходитъ наружу, все сростается въ одну физиологическую *единицу*; а знаменемъ ея *лицо*—эта печать божественная, отмѣчающая одно созданіе человѣческое отъ другаго подобнаго. Такая пора была и у насъ въ *отечество*, въ *государственномъ организмѣ*. Мысль о единствѣ народномъ, какъ будто растерявшаяся по разнымъ территориямъ, но неизчезнувшая совершенно, наконецъ воспринимаетъ полную форму. Правда, она хранилась въ народной физиологій, и возмѣчалась явственно, но не убѣдительно для прежняго возраста, въ *единствѣ православной церкви*; видимо, тѣлеснѣе она проявлялась, въ отношеніи къ *сознательному* нашему духу, въ двухъ *великихъ монархіяхъ* — *византійской и монгольской*, какъ будто *рокомъ* опредѣленныхъ на нашу службу, быть орудіемъ Промысла. Предъ рожденіемъ Московскаго государства онѣ внезапно разрушились; и вотъ Россія московская объявила себя наслѣдницею двухъ великихъ міровъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ въ комъ нибудь возникнуть при мысли о такомъ наслѣдствѣ, я утверждаю, что Россія наслѣдовала по *римскому праву*, а не по *германскому*. *У Римлянъ* наслѣдникъ есть одно *юридическое* лицо, въ которое переходитъ типъ *вѣчнаго гражданина*; всѣ корыстныя, вещественныя отношенія (*per successionem singularem*) отходили къ другимъ, неимѣющимъ чести быть наслѣдниками. И мы наслѣдовали отъ двухъ великихъ монархій одни *государственные типы*, не взявши отъ нихъ никакого другаго достоинства, а, напротивъ, приплативши многое, исполняя ихъ отказы и прещорученія (*legata et fidei commissa*). Отъ *Византіи* мы наслѣдовали *каноническій* типъ, а отъ

(1) О состояніи Греціи подъ владычествомъ Римлянъ—прекрасное сочиненіе Кнѣа, *Beiträge zur Verfassung des römischen Reichs*. Leipzig, 1849.

Монголовъ—свѣтскій, самодержавный, преобразовавши его сообразно своему національному элементу. Вотъ гдѣ кроется тайна экономіи божественной, почему мы не призваны были къ раздѣлу *Западной Римской имперіи*. Тамъ и безъ насъ было очень, очень много наследниковъ, законныхъ и незаконныхъ. *Избраніе Москвы* центромъ Русскаго царства не есть дѣло только человѣческое: знаа мѣру снль человѣческихъ вообще, и московскихъ *удѣльныхъ* въ особенности, нельзя объяснить этого міроваго событія только естественнымъ, и даже случайнымъ порядкомъ. Здѣсь видны другія двѣ снлы: *физиологическая и божественная*. . . . Взгляните на карту Россіи и всѣхъ ея земельныхъ владѣній въ XIV вѣкѣ, и всмотритесь въ ея историческое отношеніе къ тремъ мірамъ *византійскому, восточно-азіатскому и западному*, и скажите, гдѣ бы вы избрали видимый центръ государственнаго единства и власти? Въ *Москву*: не даромъ такъ любятъ Москву весь народъ, и назвалъ ее своимъ *сердцемъ*. И Римляне пламенно любили свой *Римъ*, и величали его разными титулами; но этой стороны *сердечной* я нигдѣ не встрѣчалъ у нихъ.

И такъ *голова* у нашего русскаго государственнаго организма, подвижная и своеобразная, очутилась теперь въ *средины* его, немного повыше, именно тамъ, гдѣ обрѣтается сердце человѣческое: мы дѣлаемъ разрѣзъ поперечный (*Durchschnitt*): *А гдѣ голова, тамъ и царь*. Находясь въ такомъ превосходѣйшемъ мѣстѣ, и хранимый народомъ, *паче змѣи мудраго*, тишь *цари русскаго* разомъ сдѣлался предметомъ глубокой, сознательной мужской любви. Идея царскаго величія, отрѣшившись отъ родственныхъ, физиологическихъ, прежнихъ формъ, воспринимаетъ вдругъ удивительный лнкъ. Къ *свѣтскому* ея образу присоединяется *капопическій*. Въ Москвѣ суждено быть государю русскому: это *божественное*, а нечеловѣческое избраніе.

Но вы спросите меня: отъ чего же не въ *Кіевѣ*, или въ *Новгородѣ*, *Рязани*, или *Твери*? Точно, голова, по моему взгляду, могла быть вездѣ. Но дѣло въ томъ, что она сама себя избираетъ мѣсто; человекъ здѣсь простое, неразумное, бого-избранное орудіе. Мѣсто, гдѣ она прежде обрѣталась, оказалось слишкомъ открыто для враговъ злыхъ, и далеко отъ высшихъ частей организма; следовательно, при всей *змѣиной мудрости*, намъ нельзя было со-

хранить эту голову, а съ нею и царя русскаго; притомъ нашъ хотѣлось видѣть его вблизи. и на яву доказывать ему безиредѣльную нашу любовь и повиновеніе. Чувства этого, по времени почти молодого, не могъ умалить въ народѣ самъ *Грозный царь!*. Въ *Александровскую слободу*, гдѣ онъ буйствовалъ и въ тоже время молился, отправляя самъ всѣ низшія церковныя службы, при первой, быть можетъ, *иронической* вѣсти объ отказѣ царя, весь московскій и околный народъ, уцѣлѣвшій отъ роковой его руки, потянулъ къ нему дивною веревницей, умоляя его съ колѣнопреклоненіемъ о неоставленіи Россіи въ сиротствѣ, и предлагая всего себя на жертву, потому что предъ русскимъ царемъ *всѣ виноваты*, какъ предъ небеснымъ *всѣ грѣшны*. А его царственную отрасль отыскивали мы вездѣ, какъ мать ищетъ однороднаго дѣтища своего; ко всѣмъ обращались, всѣхъ умоляли о выдачѣ намъ нашего природнаго царя, не замѣчая, что надъ нами издѣвались наши злодѣи, и дали намъ *подкидыша*, въ лицѣ *Отрепьева*. Но намъ нужна была тогда небольшая сочность, дабы перевести дыханіе, а она оказалась и въ этой брошенной намъ кости. За то, какъ кавалеры, манерами не ниже *польскихъ* и *пьемцкихъ рыцарей*, оправившись немного, послѣ такой бѣды, пришедши въ себя, мы умѣли отблагодарить нашимъ благодѣтелямъ; наша первая забота состояла въ устройствѣ судьбы невзванныхъ гостей, царицы *Марины* и царя *Григорія*, съ ихъ вѣрною дружиною; это сдѣлали мы по всѣмъ правиламъ, начертаннымъ въ уставѣ рыцарскомъ, сообразно полу и званію cadaго: « *дабы не повидно было*, какъ любилъ говорить старики наши, и другому выходцу-бродягѣ приходить въ кремлевскія царскія палаты, и пьянствовать въ этой русской святынѣ, какъ въ послѣднемъ позорномъ мѣстѣ ». Понимаете ли, почтеннѣйшіе молодые историки, что затеряться можетъ царь только у такого народа, у котораго онъ одинъ, и за котораго народъ готовъ положить жизнь свою. По человѣческимъ предположеніямъ, подобныя прошажи должны бы повторяться и у другихъ народовъ, на пр., *германскихъ*, гдѣ царей было и есть великое множество, малолѣтнихъ и взрослыхъ. Однако не слышно, чтобы тамъ пронадалъ безъ вѣсти царь, и чтобы народъ отыскивалъ слѣды его, подобно Русскому народу. Что это значить?..

Но и, въ преслѣдованіи *государственнаго* начала, сообщающаго отечественной исторіи другую, некабальную фізіономію, незамѣтно вступилъ уже на почву замиренія, въ государство *московское*, гдѣ

между мною и г. Чичеринимъ не можетъ быть никакой борьбы: вотъ черта законная, опредѣляющая движенія и порывы критика! Стоя на этой чертѣ, и осматривая пройденное мною политическое пространство, я вдумываюсь снова въ идею нашего государства, и замѣчаю въ немъ нѣкоторую особенность.

Есть въ древней и новой исторіи примѣры, гдѣ идеи политическія какъ бы получаютъ половой отливъ, и при томъ нерѣдко съ перевѣсомъ женскаго элемента надъ мужскимъ. У насъ я не вижу этого *антропологическаго* закона; напротивъ, идея мыслится и чувствуется, какъ *сила, власть, могущество, правда, законъ*, а эти свойства всегда отличаютъ *мушину*; въ дѣйствительной исторіи, эта идея отражается въ замѣчательнѣйшемъ перевѣсѣ перваго элемента надъ вторымъ, и въ исключительномъ правѣ власти, и въ семейственной, и въ государственной сферѣ жизни, принадлежащей однимъ мужинамъ. *Желщина* стоитъ у насъ на отдаленномъ, едва видимомъ планѣ, — у *очага*, нѣтъ особое значеніе согрѣвать и успокоивать дѣйствующаго и охраняющаго ее челоуѣка на всѣхъ путяхъ его вышней жизни; сосредоточенная въ этомъ углубленіи, она чрезвычайно дѣятельна, высока и самодержавна, по крайней мѣрѣ, несравненно выше и могущественнѣе мужины. Русскому челоуѣку тяжела, несвойственна мелочная, обыденная, хозяйственная часть, и эту часть онъ охотно отдаетъ въ завѣдываніе женщинѣ, подчиняясь всѣмъ уставамъ домашней власти. Но если, по божественному опредѣленію, и женщинѣ — скудельному сосуду, надлежало выдвинуться на сцену политической жизни, то она разомъ облачается въ какіе-то бранные доспѣхи, и ни въ чемъ—ни въ умѣ, ни въ мужествѣ, ни въ зрѣлой опытности,—не уступаетъ даже боевому челоуѣку. Посмотрите на типъ *Ольги*! Подобную фizioномію она имѣетъ, когда выходитъ на чреду *гражданскую*, въ качествѣ опекуни малолѣтнихъ дѣтей, хозяйки дома и т. д. Здѣсь она становится *полноправнымъ лицомъ*. *Рыцарей* у насъ нѣтъ; за то весь народъ храбрый и непреклонный въ своей волѣ. Мы любимъ живую, личную, но законную власть; къ отвлеченнымъ формамъ какъ-то не склонны, да онѣ и не удавались намъ изстари.—Я хочу закончить разсматриваемый мною предметъ одною мыслію, которая, вѣроятно, въ читателѣ произведетъ улыбку. Если вообще есть какое-то сходство между Русскимъ и Римскимъ народомъ, то не близкіе ли мы родственники,—только запамятовали свое родство, и, по внут-

ренному самодовольствію, не отыскиваемъ своихъ наследственныхъ правъ?... Но я и самъ улыбаюсь при этомъ оборотѣ мысли.

Теперь мы переступаемъ на *Русскую землю*, съ факеломъ въ рукахъ, зажженнымъ наукою, отыскивать *Фараона* нашей земли, вотчинника—помѣщика, которому будто бы, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ нашими молодыми учеными, работало все существо народа Русскаго—тѣло и душа. До сихъ поръ, и притомъ въ области, гдѣ можно бы его найти, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ обрѣтался, мы его не видали, не встрѣчались въ лицѣ князей и царей нашихъ ни съ завоевателемъ, ни съ вотчинникомъ; напротивъ, типъ его власти совершенно сходенъ съ тѣмъ прототипомъ, который мы выше начертали по чертежу науки. Быть можетъ, явственнѣе, осязательнѣе лицѣ собственника отражается въ вещественныхъ предметахъ.

И такъ II. *Чья земля русская?* Божія, а по милости божіей наша, то есть, принадлежить въ вѣчную, священную и неприкосновенную собственность всему Русскому народу, настоящему, прошедшему и будущему, или какъ юридическому лицу, нераздѣльной единицѣ. Приобрѣтена она различными, но законными и вездѣ употребляемыми способами: у Римлянъ называются они *естественными, общенародными, физиологическими* способами (*modi naturales, s. ex jure gentium*). Земля эта срослась съ Русскимъ народомъ органически, одухотворена нами, осмыслена, и никакая сила, ни человѣческая, ни демонская, не въ состояніи отнять ее у насъ, и останется она въ общемъ владѣніи всего народа, пока Господь Богъ пробавитъ милость свою надъ нимъ, или до конца историческаго его существованія: не будетъ народа Русскаго, не нужно и земли, даже могильной; ибо народы не укладываются въ могилы и въ фамильныхъ склепахъ. Землю Русскую никто не завоевывалъ: правда, иногда бывалъ незаконныя завладѣнія нѣкоторыхъ ея частей, напр., *Литвою, Польшею*; но и эти отрывки вскорѣ возвращались, какъ ушедшія или отбитыя стада, къ своему прирожденному хозяину и пастырю. Къ этой землѣ, уже въ древнѣйшія времена — *великой и пространной*, по благословенію божественному за православную вѣру народа, прирастало все, лежащее по ея бокамъ, и сливалось въ одну нераздѣльную единицу: такова — нѣмецкая земля, казанская, сибирская, кавказская и т. д. Если угодно будетъ Промыслу, не откажемся и отъ дальнѣйшихъ расширеній, но всегда законнымъ путемъ: ибо Богъ русскій не любитъ неправедныхъ приобретеній. У этой Русской

земли даже нѣтъ опредѣленныхъ границъ ; кто знаетъ, далеко ли идетъ земля наша по Каспійскому, или по Балтійскому морю? Слѣдовательно, если вздумаетъ водная масса — буйная и вольная по характеру своему, переменить свое мѣстопробываніе, и оставить послѣ себя великое земельное пространство, не удивительно, что тогда возникнетъ споръ между береговыми владѣльцами. Въ чью пользу рѣшится тяжба, не могу утвердительно сказать ; по всей вѣроятности, въ нашу пользу. Ибо къ Русской землѣ искони вѣка все пристрастало: такова, видно, у ней притягательная сила! Но какаго политическаго цвѣта была эта Русская земля — *бѣлая* или *черная*? Какое юридическое свойство у Русской земли? На языкѣ науки — это земля священная, необоротная, немъновная и нецѣпная ; а на русскомъ языкѣ — *бѣлая земля* ; она такая же точь въ точь, какъ у Римлянъ была италійская, священная, публичная земля (ager sacer, publicus, patrimonium populi Romani). Князья наши не владѣли русской землею и не передавали ее на правѣ частнаго собственника, или вотчинника: ибо они ее не приобрѣли, а того, чего самъ не имѣешь, нельзя передать другому. Г. Чичерину весьма пзвѣстно юридическое правило : *nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse habet* (1). Они сидѣли не на Русской землѣ, какъ *фундушъ*, или юридической субстанціи, а на одной ея поверхности (*superficies*) ; вотъ по одному этому основанію нельзя здѣсь допустить частной собственности ; перемѣняли эту подвижную периферію, смотря по временному и мѣстному удобству. Сперва застѣли они въ Новгородѣ, потомъ ушли на югъ, въ Кіевъ ; послѣ перешли на другой конецъ — во Владиміръ, Рязань, Тверь ; наконецъ утвердились на московской землѣ. И Москва не была отчина удѣльныхъ, бѣдныхъ московскихъ князей ; напротивъ, она произведена только въ новый чинъ, или титулъ, сдѣлалась центральнымъ видимымъ пунктомъ, гдѣ утвердился престолъ верховной власти, сдѣлалась живымъ словомъ, въ которомъ отразилась идея о единствѣ Русской земли и Русскаго народа. Москва, милостивые государи-юристы, не есть какая нибудь вещь, а *понятіе* : эта величайшая рефлексія разсудочнаго народа Русскаго могла получить земельное тѣло вездѣ, но только въ предѣлахъ Русской земли, въ Сибиря, Казани, Польшѣ, въ Ость-зейской землѣ: вездѣ могла быть Москва, гдѣ есть Россія, точно такъ же, какъ *Римъ* вдругъ очутился въ маленькой колоніи, названной *Констан-*

(1) Fr. 20, pr. Dig. XLI. 1.

тимополеми (попа Roma). Этой земл Русской, какъ не состоящей въ гражданскомъ оборотѣ (*res extra commercium*) нельзя ни продать, ни купить, ни заложить, ни подарить, ни отказать кому нябудь въ наслѣдство: ибо не знаемъ цѣны. Дорога ли Русская земля? И сколько запросить, на случай, если бы оказался выгодный покупатель?

Не было еще въ мірѣ такого бѣгача, который бы въ состояніи купить одну частіцу Русской земли, напр. *Сибирь*. А наши *молодые историки* утверждаютъ, будто бы московскіе князья — бѣднѣйшая отрасль велико-княжескаго рода, скупили всю землю русскую, да и подарили ее въ государственную домену! Мало этого: по наукѣ, и по другимъ соображеніямъ знаю, у насъ нѣтъ даже частной земельной собственности, а одно только *владѣльческое состояніе*: ибо я не вижу въ исторіи *титула*, которымъ государственная, народная земля переведена была въ частную, вѣчную и потомственную собственность. Титулы, которые приводятъ наши юристы въ доказательство вотчинной земли, *гражданскіе*, а не *политическіе*, слѣдовательно неспособны произвести такого страшнаго превращенія; ибо нельзя произвольно перемѣнять титулъ политическій на гражданскій (1). И такъ, если земля отъ перваго *помѣстнаго* владѣльца, введеннаго въ участокъ подъ условіемъ государственной службы, на время и срокъ (*precaria possessio*) будетъ передаваться, въ преемственной смѣнѣ лицъ, наконецъ частными титулами (*крѣпостными, дарственными, наслѣдственными* актами), или, для сглаженія ея истиннаго публичнаго типа — спорный обладатель желалъ бы свой процессъ подвести подъ законъ о земской *давности*: то наука отвѣчаетъ, что этого сдѣлать нельзя: ибо *quod initio vitiosum est, non potest, tractu temporis convalescere*. 1. 23. Dig. L, 17. Если бы у насъ была когда нябудь *секуляризаціи* — дѣлежъ земли, какъ у Римлянъ, то это другое дѣло — безспорное. Но такого дѣлежа, безъ участія народа, сдѣлать нельзя, опять по юридическому правилу о *раздѣльныхъ искахъ* (*Actio familiae herciscundae, de communi dividendo, finium regundarum*). Взгляните на исторію римскихъ земельных законовъ (*leges agrariae*)! Собственность народа римскаго (*ager publicus*) въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, по разнымъ обстоятельствамъ и различными гражданскими титулами (дареніемъ, куплею,

(1) *Titulus s. causa negotii non mutatur*. 1. 29 Dig. de regulis juris (L, 17).

наслѣдствомъ) перешла отъ временныхъ владѣльцевъ, какъ бы въ настоящую частную собственность, даже и сознаніе о первоначальномъ ея свойствѣ затерялось, чрезъ смѣну лицъ. Но народъ — его политическіе органы — вѣчно помнили, что это Юпитерова, священная земля, на которую никто не имѣетъ права; а потому — преспокойно отбирали ее у владѣльцевъ и надѣляли различными участками безземельный бѣдный классъ народа: вотъ характеръ аграрныхъ законовъ! Такова и паша Русская земля, по крайнему убѣжденію.

III. Далѣе, обращаемся къ *народу Русскому*, и спрашиваемъ уже себя самихъ: *чьи мы? и какого цвѣта: бѣлые или черные?* Силу и рѣзкость вопроса, въ такой формѣ поставленнаго, я самъ глубоко чувствую; но меня заставили, принудили дать этотъ рѣшительный оборотъ — молодые юристы.

Между землею и временнымъ ея обитателемъ всегда есть тѣсная связь, нѣкоторая зависимость послѣдняго отъ первой, не смотря на духовную его свободу. На *черной землѣ* какъ будто и люди рождаются *черные*. Русская земля, какъ мы выше видѣли, была *бѣлая земля*, и на ней выросъ, воспитался и укрѣпился древній *бѣлый* человекъ, не имѣвшій на тѣлѣ своемъ никакого пятна неволи, подъяремной работы, униченства, мятности. Не даромъ такъ воспѣта, возвеличена въ пѣсняхъ, преданіяхъ народныхъ — наша земля-*матушка*; видно — мила она была народу, когда на всей разгульной свободѣ никогда онъ не могъ отъ нея оторваться, скучалъ и горевалъ, когда долго не видѣть ее тѣлесными глазами. Поймите глубокое значеніе этого склада ума нашего и сердца въ отношеніи къ землѣ! Есть одна превосходѣйшая черта, сохранившаяся вѣрно въ дѣмисаніи народовъ, что у Славянъ не было *рабства*, даже способности къ пониманію этого почти мирового — мрачнаго состоянія, такъ что военнопленныхъ по всѣмъ положительнымъ законамъ, и даже по естественному разуму (*secundum rationem humanam*), обращаемыхъ вездѣ въ рабство, или чаще убиваемыхъ, наши праотцы пріютили къ семьѣ своей, усыновляли, а если кому хотѣлось возвратиться на свою родную землю, отпускали его почти даромъ, за небольшую заработку. Что это значитъ?...

Германскіе люди, по тяжеловѣсности своей природы, скоро прирастаютъ къ землѣ, и на челѣ своемъ носятъ земельные знаки, а они, какъ извѣстно по наблюденіямъ, не слишкомъ свѣтлы и чисты. Во всю *среднюю* исторію, на поверхности западныхъ государствъ,

я почти не вижу живаго, свободнаго человѣка ; онъ сокрытъ, какъ наростъ, подъ формою *лицъ юридическихъ* ; таковы были : феодалные властители съ подвластными вассалами, баронства, графства и герцогства — городовыя общины, и корпораціи — съ цѣховымъ типомъ , и наконецъ великій земельный свѣтскій владѣлецъ — съ массою прикрѣпленнаго народонаселенія — *западная церковь*. А это явленіе какой имѣетъ смыслъ?...

По убѣжденію самаго г. Чичерина , вся эпоха нашей исторіи отъ *Рюрика до Московскихъ государей* — отмѣчена печатію вольности, личности, гражданства, такъ что отсюду поднялись жалобы и вопли на народъ нашъ, что онъ *тягла не тянетъ*, и постоянной *ослѣдлости* не знаетъ ; а потому *Годуновы и Шуйскіе* прикрѣпили нѣкоторую часть вольницы къ *земль*. И такъ, *по отношенію къ земль*, народъ Русскій никогда не былъ *кабальнымъ*. По *отношенію къ государству* — князьямъ-царямъ (*status publicus*), прилагая сюда римскіе типы — онъ состоялъ *in statu libertatis, civitatis et familiae*, и имѣлъ вездѣ положительный характеръ, не составляя противоположности, отрицанія этихъ типовъ. Такимъ образомъ онъ участвовалъ во всѣхъ юридическихъ и естественныхъ союзахъ — земскихъ и городовыхъ мірахъ, примыкалъ къ нимъ и выходилъ по своимъ временнымъ положеніямъ (*ex jure domicilii*), какъ подданный, но некабальный, служилъ службу, несъ тягло, исправлялъ повинности ; правда, не совсѣмъ охотно, хотя эти оброки были вовсе необременительны у насъ, въ сравненіи съ другими народами, напримѣръ, *германскими*. Мало этого ; руководимый разумнымъ инстинктомъ, народъ Русскій ускользнулъ отъ непосредственнаго вліянія князей и правителей, не принималъ почти никакого участія въ разыгрывающейся семейной драмѣ, и слѣдовательно не подвергался никакимъ насильственнымъ переворотамъ, какъ *римскій* страстный народъ это испыталъ. Онъ жилъ въ своемъ *собственномъ мірѣ*. Но когда нужно ему выдти изъ этого дивнаго углубленія, когда безъ народа князьямъ нельзя было ничего сдѣлать, тогда онъ высовывался на сцену политическую *во весь ростъ*, и превращался въ *личность* — въ *земскій соборъ*, въ *народное собраніе*, особеннаго устройства, и здѣсь произносилъ судъ окончательный ; *ибо дѣло государственное, великов и невеликое — безъ совѣту всей земли не дѣлается на Руси*. И вотъ этотъ *кабальный, черный народъ* — военноплѣнный и крѣпост-

ный работникъ — говорить съ законнымъ дерзновеніемъ любимому своему князю *Изяславу Мстиславичу*: «*Мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь: не твое время*» (1). Правда, въ народѣ Русскомъ былъ и *черный слой*: «это наши *тяжелые люди*». Но для поясненія такого историческаго явленія, я скажу во первыхъ то, что вездѣ была неволя, и въ языческомъ, и христіанскомъ — искупленномъ мірѣ; во вторыхъ прибавлю, что количество и качество этого человѣческаго, благопріобрѣтеннаго имущества у насъ въ старой Руси было во всѣхъ отношеніяхъ лучше, гуманнѣе, нежели у всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ; въ третьихъ, наши *черные люди* были весьма *бѣлы*, въ юридическомъ смыслѣ, и только сравнительно съ высшими, прозрачными, кристалльными тѣлами, изъ которыхъ состоялъ почти весь нашъ народъ, они отмѣчены, такимъ — не классическимъ именемъ. Къ слою этому притянула земля только тѣхъ работниковъ, которые непрестанно о ней заботились; руками и ногами, безъ покрывала, лелѣяли ее, и отъ земли — сами немного *почерпнули*.... О! какая страшная, притягательная сила сокрыта въ землѣ! Не здѣсь ли надобно искать первой мысли объ изобрѣтеніи *человѣческихъ сандалій*?...

Но взгляните на *западную землю*: какъ черна она въ сравненіи съ нашею, и какая бездна тамъ *черныхъ людей*, въ юридическомъ настоящемъ смыслѣ! Положимъ, что они тамъ названы болѣе приличнымъ именемъ: *Leibeigene*; но это юридическій вымыселъ (*fictio juris*); гдѣ работаетъ тѣло, тамъ и душа. И такъ, если тѣло германское принадлежало, какъ вещь (*res corporalis*), въ полную собственность — вѣчную и потомственную — германскому господину; то по всей вѣроятности, тянула за нимъ и душа: ибо не было никакого экономическаго расчета, кромѣ чистой убыли, владѣть жертвымъ тѣломъ.

И такъ, разбирая первый слой народа, по нынѣшнимъ, а не тогдашнимъ понятіямъ, *низшій*, мы не находимъ въ немъ никакихъ

(1) См. въ Русской Бесѣдѣ за 1856 г., IV кн., критическую статью г. Аксакова на Исторію Россіи, профессора Соловьева, VI. Здѣсь позволю себѣ высказать почтеннѣйшему К. С. Аксакову искреннюю благодарность за то душевное наслажденіе, которое я получилъ отъ чтенія превосходной его статьи. Въ первый разъ критика у насъ вылилась въ такой приличной и разумной формѣ. Пора, давно пора бросить дѣтскія игрушки, литературную *шалость*, которую напустили на себя молодые ученые.

почти слѣдовъ вотчиннаго господства. Развѣ не пробралось ли это начало въ высшій слой — къ *боярамъ* и *духовенству*? Но *бояре* наши, стоя во главѣ управленія, готовые на всякую государственную службу, ведущую ихъ къ любимому *кормленію*, въ отношеніи къ князьямъ, удержали необыкновенную, поразительную свободу. Они не были *вассалами* ихъ, и не прикрѣплялись къ опредѣленному лицу ни *феодалною* вѣрностію, ни наслѣдственностію, ни даже долговременностію своего служебнаго, личнаго отношенія. Напротивъ, они мѣняли ихъ непрестанно, *отъѣзжали* отъ нихъ въ самыя трудныя минуты, когда особенно требовалась ихъ служба; и это не было *вроломство*, *измѣна*: ибо они служили русскому государю, какъ юридическому лицу, который былъ какъ бы одинъ на всей Русской землѣ. Мало этого; по *договору* они могли отъѣхать въ чужую землю—Литву, и тамъ служить, но не въ *Швецію*: ибо *Литва* была наша прирожденная отчина, на которую Русскій народъ имѣлъ вѣчное право, и даже никогда не терялъ о ней созванія. Когда *Литва*, а за ней и *Польша* отодвинулись отъ православной Руси, какъ латинскія земли, и превратились въ природныхъ нашихъ враговъ; тогда служба русскихъ бояръ злодѣямъ нашимъ почиталась какъ бы государственною измѣною, но не по политическимъ началамъ, а по народному *голосу* (*vox populi—vox Dei*). Потомство никогда не проститъ князю *Курбскому* его отъѣзда!...

Наконецъ, какъ будто видѣется издали *черный* слой Русскаго народа; это наше *православное духовенство*, которое, за исключеніемъ вышеозначенныхъ слоевъ, одно и остается на поверхности Русской земли. Но здѣсь я прекращаю критическій анализъ: ибо эта область не подлежитъ нашей литературной тяжбѣ; и увѣренъ, что г. Чичеринъ далекъ отъ такого притязанія. На первый взглядъ, я даже готовъ сомнѣваться, чтобы на этой почвѣ можно было отыскать истинные слѣды *чернаго слоя*, потому что *монаха*, вышедшаго изъ всѣхъ земельныхъ, человѣческихъ отношеній, *отпѣтаго* по обряду церковному, едва ли кому возможно обратить въ *крѣпостное состояніе*. Но мудренаго и невозможнаго для нашихъ молодыхъ юристовъ ничего вѣтъ. Недавно, *на дняхъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, показался какой-то *молодецъ*, господинъ *Лохвицкій*, который утверждаетъ самымъ отчаяннымъ образомъ, что руссiйское духовенство, уже безъ различія, *бѣлое* и *черное*, принадлежало къ *черному, тмялому слою*, и кому же оно тануло? *Церкви*, небесному Царю,

которому оно на землѣ поставлено служить? Совсѣмъ нѣтъ: это— простое, старое, узкое пониманіе: духовенство тануло своему же духовенству, *властямъ*; измученное ярмомъ, *оно къмъ-то*, не умѣю разобрать въ статьѣ г. ученаго, *было выкуплено*, и самыя церкви освобождены изъ частнаго обладавія въ 1667 г.; а о властяхъ церковныхъ утверждаетъ г. *Лохвицкій*, что архіереп, *всецѣло погруженные въ мірскую заботу о сборѣ податей съ тяглаго духовенства, даже не имѣли времени посвящать себя исполн. своему высокому божественному служенію* (1). И такъ, мое предположеніе справедливо.

IV. Юридическія учрежденія.

Вотъ открывается *область*, для юридической рефлексіи чрезвычайно способная: идеи права — по существу своему невидимыя и неосязаемыя, переходятъ въ тѣла; тѣла, какъ вещи, подвергаются строительному процессу, возводятся въ систематическія зданія, двухъ-этажныя, трехъ-этажныя, и часто гораздо выше законной высоты, назначенной строительнымъ уставомъ для зданій, гдѣ человѣкъ обитаетъ. Находясь на глазахъ человѣческихъ, эти идеи являются, какъ *учрежденія*, рукою нашею воздвигаемыя, и имѣютъ какъ будто оборотную цѣнность; въ первой порѣ своей, отъ неловкости руки, они почти соприкасаются съ областію чисто-вещественныхъ, имущественныхъ правъ; даже иногда самыя строители, а особенно жильцы, считаютъ ихъ за свое собственное, *благопріобрѣтенное* имущество, а слѣдовательно и распоряжаются онымъ по *гражданскимъ титуламъ*. Но въ дальнѣйшемъ возрастѣ общества выясняется закрытый грубою оболочкою настоящій ихъ *типъ*, какъ государственныхъ учреждений. Такимъ образомъ, историку-юристу надобно долго, очень долго учиться, и притомъ у самыхъ лучшихъ мастеровъ, чтобы приучить глазъ къ вѣрнымъ наблюденіямъ, отдѣлать виѣшнюю ткань отъ внутренняго существа институтовъ, и понять не гражданское значеніе самой ткани: въ противномъ случаѣ, неизбѣжны заблужденія. Съ *одной стороны* — благородному стремленію ума эти старыя развалины представляются слишкомъ привлекательными: въ

(1) См. въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1887 годъ, № 2, статья *Лохвицкаго*: «Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи.» стр. 211, 212, 220, 225, 233, 272 и т. д.

антикварною чувствъ есть неостижимая презесь; а съ другой стороны—здѣсь предстоятъ искушенія: можно обмануться въ распознаваніи *античнаго* обложка. При такомъ затруднительномъ положеніи, надобно поступать точно такъ, какъ поступаетъ благочестивый поклонникъ, отправляющійся на поклоненіе святымъ мѣстамъ: то есть, распросить у опытныхъ людей, которые, или сами путешествовали въ свое время по этимъ же мѣстамъ, или по чужимъ землямъ: земля вездѣ одна, и ходять по ней одинаковымъ образомъ. А это дѣло почти никакого труда не стоитъ: ибо всякой обязанности своею сочтетъ разсказать все, что видѣлъ глазъ, и сердце ощущало, и повторить умественно и сердечно свое старое путешествіе: въ такомъ поучительномъ разсказѣ есть своего рода наслажденіе.

Наши новые путешественники по старой Русской, священной землѣ ходять смѣло и отважно, въ полномъ довѣрїи къ своимъ опытнымъ силамъ, никого не спросять, ни съ кѣмъ не посоветуются, куда итти, съ какииъ запасомъ, гдѣ встрѣтятся повороты и отвороты отъ истиннаго пути,—на право, или на лѣво; значить, *интересуетъ ихъ самый процессъ хожденія, а не цѣль*, какъ сказалъ Гоголь. О формѣ походки миѣ тяжело, совѣстно даже и намекнуть читателю... Но мы намѣрены говорить о *старыхъ юридическихъ учрежденіяхъ*. И такъ, въ формѣ вопроса, подвергнемъ ихъ юридическому анализу: какое имѣютъ свойство все наши *юридическія учрежденія*, разумѣется, только *областные*, отъ начала Россійскаго государства до XVIII вѣка? *гражданское*, или *политическое*? Кто такіе были эти грозные правители древней Россіи — *волостели, намѣстники, воеводы и дѣяки, приказные люди, головы, цѣловальники, губные и земскіе старосты*, однимъ словомъ, весь *честный синклитъ стараго управленія*? Въ какомъ отношеніи они состояли съ *одной стороны* къ своему господину—*князю*, а съ другой къ подвластному народу?

Г. Чичеринъ весь свой историческій, трудообильный розыскъ оканчиваетъ однимъ разсудочнымъ убѣжденіемъ, что это *гражданскіе институты*, съ частнымъ характеромъ собственности; что все *областные правители* были не болѣе, какъ *прикащики, старосты, конторщики, ваѣзжіе сыщики*, и другіе чины и званія, составляющіе *штабъ русскаго помѣщика*.

Этою мрачною идеею проникается все его тяжеловѣсное сочленіе,

и получаетъ систематическую стройность: ибо на одинъ тонъ легко напѣваетъ душа свои думы.

Но у науки есть *маштабъ*, которымъ можно проверить все неопредѣленные явленія—даже идеи; а юридическія учрежденія даже видны, существуютъ на Русской землѣ; и такъ, если и возможно въ этой области человѣческихъ знаній очарованіе, мечтаніе, то оно не продолжительно: стоить только прикинуть неопредѣленную величину, или тяжесть на *вѣсы гражданскіе*, въ вѣрности не уступающіе *торговымъ*, и результатъ не обманетъ.

Внутреннюю фізіономію гражданскихъ и политическихъ правъ мы раскрыли выше, въ началѣ нашей статьи. Я не стану подводить областныя учрежденія подъ этотъ едва видимый, или, по крайней мѣрѣ, не для всехъ равно осязательный маштабъ. Здѣсь требуется глубокое знаніе. Но г. автору поставлю на видъ, не ради упрека, что юристу и такому даровитому магистру, какъ г. Чичеринъ, нельзя обойтись безъ яснаго пониманія юридического *тыла* институтовъ: а *факты*, какъ мертвыя тѣла, можно оживлять всякимъ духомъ—истиннымъ и ложнымъ, отъ всякаго духа они получаютъ движеніе, хожденіе. Но съ какою цѣлію выпускать на свѣтъ русской бродящія тѣни?

Въ исторіи всехъ народовъ, къ несчастію, а можетъ быть, и счастью, бываютъ дѣйствительныя, дневныя происшествія, которыя хотѣлось бы считать за привидѣнія: такъ мрачны и оскорбительны они для духа человѣческаго.

И такъ мы остановимся на одной *внѣшней* фізіономіи институтовъ нашихъ, *актовой*; то есть, разсмотримъ ихъ въ *состояніи движенія*, въ дѣйствительной жизни. Три момента входятъ въ составъ этого акта: *приобрѣтеніе*, *прекращеніе* и *охраненіе*. О каждомъ моментѣ особо.

1.) *Приобрѣтеніе*. Все гражданскіе способы, ведущіе къ *праву частной собственности*, по участию воли личной въ актѣ, раздѣляются на *односторонніе* и *двусторонніе*; въ системѣ первыхъ ярко отличаются: *давность*, *завладѣніе*, *нарощеніе* (*usucapio*, *occupatio*, *accessio*). Ни однимъ изъ нихъ, согласно съ историческими памятниками, никогда не устанавливались древнія права кормленщиковъ, входящихъ въ систему областныхъ учреждений. На *Западѣ* отчасти можно замѣчать историческое образованіе нѣкоторыхъ правъ, перешедшихъ въ частное достояніе сословія и об-

щество этия гражданскимъ путемъ; у *Римлянъ* и у *насъ* никогда: такъ рѣзко ограничивались обѣ сферы правъ и такъ бдительно смотрѣли государственные органы надъ движеніемъ ихъ. Быстрая передвижка лицъ съ одного поля дѣйствій на другое не давала никакого перевѣса гражданскому элементу, всегда тяготящему къ личной и потомственной собственности.

Но мы оставимъ въ сторонѣ общую гражданскую систему: она не въ пользу нашего автора говорить; напротивъ, какъ бы уступая току мыслей, которому онъ самъ слѣдуетъ, будемъ строго наблюдать за правильностію движенія ихъ. И такъ *всеобщее россійское кормленіе*,—знаменатель, къ которому приведены всѣ живыя единицы, разбросанныя по всѣмъ концамъ земли Русской, утановляясь *дарственнымъ актомъ*, милостію и благоволеніемъ князя—*вотчинника* къ своему вѣрному, служилому человѣку, вѣроятно *блдному*: ибо всѣ жалуются на *худыя кормы*. Но какого свойства юридическаго этотъ дарственный актъ? По убѣжденію г. Чичерина, *чисто гражданскій*, такъ какъ и самъ *вотчинникъ* не есть государь, а великій, небывалый *помѣщикъ*. И этотъ характеръ нашего князя мы оставимъ неприкосновеннымъ; но за то усилимъ надзоръ надъ его дѣйствіями.

Юридическое свойство всѣхъ дарственныхъ актовъ (*Donationes inter vivos et mortis causa*) извѣстно; тонкое ихъ различіе по отношенію къ жизни дарителя намъ теперь и не нужно знать: ибо наши раздаватели щедротъ, князья дѣйствуютъ во всей полнотѣ жизни, позабывши заповѣдь божію: *поминай послѣдняя*. Для любознательнаго читателя я укажу на новѣйшее, для всѣхъ удобопонятное, полное очерчаніе дареній у *Савиньи* (1). *Дареніе*, актъ свободного, благотворительнаго движенія души, обращается на одни мѣнныя предметы: не лзя подарить другому невещественнаго, духовнаго достоянія, при всемъ нашемъ состраданіи къ скудости собрата; оно предполагаетъ взаимность, предложеніе съ одной стороны, и согласіе на принятіе съ другой стороны: можно отказаться, даже съ презрѣніемъ, отъ самыхъ выгодныхъ подарковъ; дареніе, сопровождаемое передачею (*traditio*), производитъ въ сферѣ человеческихъ обладаній измѣненіе, въ сферѣ благодѣтеля *уменьшеніе*, а въ моей небогатой соотвѣтственное *увеличеніе*, расширеніе; *предметъ* даренія, какъ ве-

(1) *Savigny, System. IV Band. Schenkungen.*

щество гражданское, переходить въ нашу личную собственность, которую уже мы въ правѣ распоряжаться неограниченно. Такимъ образомъ, повторяя этотъ благотворительный актъ, безъ правилъ экономіи, богатѣйшій владѣлецъ можетъ слѣзаться бѣднѣйшимъ смертнымъ, такъ что для сохраненія своего земнаго бытія принужденъ будетъ просить милостыню у всякаго, кромѣ облагодѣтельствованнаго имъ, *во имя* общечеловѣческое, а лучше и вѣрнѣе *во имя Христова*: я нарочно исключилъ *облагодѣльствованнаго* изъ этого отраднaго акта, потому что для природы человѣческой нѣтъ чувства болѣе тяжелаго, какъ благодарность, а потому нарушеніе его есть почти общій удѣлъ челоуѣка. Римляне къ этой *общей* юридической фазіономіи дареній присоединили *мѣстный*, историческій отливъ; именно совершаясь въ сферѣ нравственно-семейной, между супругами и *между патрономъ и кліентомъ*, актъ дарственный для *первыхъ* рѣшительно воспрещенъ, для *последнихъ* подвергнулся странной измѣняемости: можно дареніе вытребовать назадъ, по *неблагодарности* лицъ къ благодѣтелю, и по собственному *оскуденію*, производящему какое-то неприличіе (*ob ingratitudinem et ob beneficium competentiae*); Юстиніанъ возвелъ историческій, условный законъ въ *общее правило*, которое соблюдается даже и въ новыхъ кодексахъ (1).

Одно *русское* дареніе уклонилось отъ юридической нормы, и нѣсколько вѣковъ обозначаетъ главную дѣятельность князей, раздающихъ *кормленія*, своеобразнымъ, или вѣрнѣе безобразнымъ, порядкомъ. Со всѣхъ концовъ земли стекаются къ нимъ торговцы, откупщики, а чаще всего, *убогіе нищіе*, напѣвая свою заунывную пѣснь о *худыхъ кормахъ*, и они выдѣляютъ изъ своей казны различныя доли въ полную собственность, а сами отъ того нисколько не оскудѣвали, напротивъ, только богатыя: подлинно божіе благословеніе почивало на такихъ дарственныхъ актахъ. Жаль, что *лѣтопись*, сохранившая для насъ много излишнихъ извѣстій о старомъ бытѣ, не упомянула нигдѣ объ этой замѣчательной *операции*. Получивши въ даръ *судъ, управленіе, кормленщики*, съ логическою послѣдовательностію, будучи собственниками, могли распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ достояніемъ свободно, передавая оное, раздѣляя и отчуждая всѣми гражданскими способами; и этого права *они не могли быть лишены даже княземъ* (2). Ну, если они будутъ неблагодарны ему, что весьма

(1) См. *Savigny, System*, § 176.

(2) *Областныя Учрежденія*, стр. 17

возможно по свойству человеческой природы, или князь самъ придетъ въ нищету: допускается ли у насъ *revocatio*? Нѣтъ, и быть не можетъ: ибо Русь своенравна. Далѣе, наскучивши хозяйственными хлопотами, неизбежными при всякомъ сложномъ управленіи, наши кормленщики сами быстро придвигаются къ величавой фигурѣ князя-барина, захотѣли жить весело и спокойно, и всѣ житейскія заботы о судѣ препоручали вѣрнымъ своимъ слугамъ и холопамъ, будучи довольны одними определенными *оброками*. Но я обращаю вниманіе читателя на одно для меня непостижимое явленіе: какимъ образомъ, не встрѣчаемъ мы въ старой Руси страшныхъ *владѣльцевъ*, съ своими территоріями, съ судомъ и властію, подобныхъ, если не выше и сильнѣе, князю-вотчиннику? *На западѣ* это случилось, и изъ простыхъ, смиренныхъ и покорныхъ *вассаловъ* вышли независимые, территоріальные государи, не смотря на феодальную связь; а у насъ—и этой сдерживающей связи между княземъ и кормленщикомъ не существовало; слѣдовательно—самодержавіе намѣстниковъ и воеводъ, по логическимъ выводамъ, должно быть неизбежнымъ слѣдствіемъ отдѣленія судныхъ правъ въ частную собственность.

2. *Прекращеніе. Гражданскія права*, съ момента пріобрѣтенія ихъ, сливаются съ нашею личностію, переходятъ въ нашу плоть и кровь, составляютъ неотъемлемую нашу субстанцію; и уже нѣтъ закона, который бы посягнулъ на это человеческое достояніе, не нарушая уставовъ міровой правды. Съ этого видимаго — личнаго акта освоенія, права наши воспринимаютъ фактическій характеръ, осуществляются на дѣлѣ, въ жизни, каждымъ по своему пониманію, средствамъ и свободной волѣ: въ эту внутреннюю область нашего самовластія почти не проникаетъ государственная власть, если не возбуждаютъ ее какія-либо особенныя, чрезвычайныя обстоятельства. Сфера эта, очерченная законными линіями, только съ *внѣшней* стороны подлежитъ государству, и всегда охраняется имъ судными или полицейскими средствами. И такъ здѣсь начинается жизнь человеческая—индивидуальная, разнообразнѣйшая, неуправляемая въ общихъ типахъ. Взгляните на какой-нибудь *типъ гражданскій*, напр. типъ собственности, съ *жизненной стороны*: возможно ли обхватить умомъ всѣ формы, въ которыхъ онъ преломляется человеческою волею? Такимъ образомъ, пріобрѣтенное право предполагается существующимъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ уничтожено законнымъ способомъ: вотъ знаменитая, необходимая, физиологическая — *presumptio dominii pleni*. Способы, которыми прекращается бытіе ча-

стныхъ правъ, бывають—или *самостоятельные*, т. е. гдѣ право одного лица уничтожается, не переходя въ обладаніе другаго: въ установившемся гражданскомъ обществѣ рѣдко можно себя представить такой родъ самоуничтоженія, или *производные, передаточные* (*modi derivativi*), когда право одного переходитъ на другаго, въ томъ же существѣ и составѣ; этими способами большею частію обозначается движеніе человѣческихъ обладаній.

Теперь посмотримъ, какъ движется наша старая и многосложная система кормленій? *Вещественная* сторона—*кормъ*, безъ сомнѣнія, съѣдалась голоднымъ владѣльцемъ, а *юридическая*—право самое, ни на кого не переходила, не передавалась обладателемъ кому-нибудь изъ ближнихъ и любимыхъ членовъ тогдашняго общества; она уходила, къ какому-то — одному хозяину, какъ бы заявляя себя ему о своемъ вѣрномъ бытіи и неприкосновенности отъ частныхъ завладѣній. И такъ, здѣсь совершается какая-то *аномалія*, вовсе негражданская. Что это значитъ? Скоро всѣ эти загадки объяснятся сами собой.

3. Наконецъ, посмотримъ на этотъ чудный институтъ въ послѣднемъ моментѣ: *въ процессъ*. Римляне этотъ моментъ называли *зеркаломъ права*, въ которомъ они любили наблюдать за внутренними свойствами юридическихъ отношеній; отсюда *процессуальная сторона* права такъ рѣзко и рельефно выдается у нихъ въ *источникахъ*. *Новый міръ* не имѣетъ этого приема, и, безъ сомнѣнія, проигралъ много въ живомъ и наглядномъ представленіи юридическихъ институтовъ. И такъ, въ случаѣ тяжбы, спора, недоразумѣній, нарушеній этого гражданского права *кормленія*,—а такіа состоянія всегда и вездѣ повторяются—какими средствами охранялось это благоприобрѣтенное, человѣческое достоиніе? Безъ сомнѣнія, *исковыми* порядкомъ, или *исполнительнымъ*, если право безспорно.

Но какъ установить этотъ диковинный процессъ? Кто въ немъ будетъ истцомъ, кто отвѣтчикомъ? Кто судья, и какой степени? Какъ распределять веденіе доказательствъ—эту ужасную тяжесть (*onprobandi*)? Въ какую денежную сумму возвести искъ: ибо гражданскіе иски непременно должны имѣть этотъ масштабъ? На кого возложить секвестры, аресты и другія охранительныя обязанности? Въ случаѣ виновности одной стороны, и законности обладанія другой стороны—какимъ образомъ привести въ исполненіе судебный приговоръ? Трудно объяснить самую возможность подобныхъ процессовъ.

И такъ, оставалось во власти борющихся сторонъ последнее средство къ защитѣ правъ, такъ часто употребляемое въ исторіи чловѣчества, въ первыхъ ея эпохахъ,—*самоуправство*. Но я начинаю уже испытывать тяжелое впечатлѣніе отъ гражданскаго анализа; остаюлюсь въ дальнѣйшемъ ходѣ.

Всѣ *формы* древняго нашего кормленія имѣютъ другой *политическій* характеръ; *актъ*, которымъ права эти передаются во временное осуществленіе, не есть гражданскій, *дарственный*, но государственный, имѣющій особенное названіе—*жалованной грамоты*.

Князь изъ верховныхъ правъ никому ничего не могъ уступить и отдѣлить въ частную собственность, потому что онъ самъ обладалъ оными не по частному началу. *Судъ* и *управленіе* не имѣютъ вещественной, имѣнной цѣнности; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще не было такого цѣновника, который бы установилъ ему цѣну, хотя приблизительную, положимъ, на основаніи десятилѣтней сложности доходовъ, получаемыхъ судьей съ извѣстной земли за судныя дѣла. Здѣсь неизбеженъ *процентъ*. Ибо жители, замѣтивши корыстную страсть въ волостелѣ, могутъ взаимно между собой условиться, жить мирно и законно въ теченіи нѣкотораго времени, дабы не давать ему никакого корма; и Господь Богъ, безъ сомнѣнія, поможетъ всякому доброму намѣренію. При такихъ обстоятельствахъ—что оставалось дѣлать кормленщику? Жаловаться князю *на худые кормы*, и просить новаго, болѣе сытаго кормленія? Но и на другой, отвѣденной ему вновь, для пропитанія, землѣ, ожидаютъ его подобныя едѣлки гражданъ. Всѣ *функціи* нашихъ правителей носятъ высшую, свѣтлую фізіономію общественной должности—*munus publicum*, а необходимый ея элементъ—*честь, достоинство—honor, dignitas, auctoritas*; передача этой должности зависѣла отъ верховной власти, представляемой въ лицѣ нашихъ князей—государей. Слѣдовательно князь воленъ былъ отнять кормленіе у одного кормленщика и передать его другому, могъ свободно опредѣлять и увольнять ихъ отъ государственной службы, что и видимъ мы въ непрестанной смѣнѣ намѣстниковъ и воеводъ: въ противномъ случаѣ, даже при наследственности правъ, непремѣнно въ Россіи образовалось бы множество *территоріальныхъ* и *безземельныхъ* государей, чего, по милости божіей, и по государственному ея положенію никогда въ ней не было.

Народъ не отданъ былъ этимъ ненасытнымъ звѣрямъ на съде-

міс: иначе и насъ бы теперь не существовало въ человѣческомъ тѣлѣ; онъ подчиненъ былъ земнымъ властямъ, по началу *подданства*, и состоялъ къ нимъ въ свободномъ и законномъ отношеніи. Такимъ образомъ, на несправедливости и притѣсненія властей онъ могъ во всякое время принести *челобитную*, по инстанціонному порядку, и безъ сомнѣнія неправда получала и на землѣ достойную жечь. Идея верховнаго величія, отражающаяся, какъ лучъ, въ различныхъ преломленіяхъ, во временныхъ ея органахъ, такъ сказать, не умалаясь, а возрастала, и наконецъ сосредоточилась въ могущественномъ единодержавіи. Должности публичной, которую отправляли старые наши волостели, они не могли, по своей волѣ, перенести на другое лицо, тѣмъ менѣе — не такое *жалкое*, на самой низшей ступени тогдашней свѣтской іерархіи стоящее, — на *холопа* своего. Даже представить въ раздраженномъ воображеніи подобную картину человѣческаго общежитія — страшно! Вообразите себѣ, что какой нибудь волостель — служившій челоуѣкъ князя, самъ своей особой не хочетъ судить свою волость, а передаетъ всѣ судныя дѣла, *уголовныя* и *гражданскія*, своимъ собственнымъ *холопамъ* и *тѣунамъ*. Могло статьса, и безъ сомнѣнія было, что въ подобной волости жили почтеннѣйшія особы, изъ высшихъ, свободныхъ слоевъ тогдашняго общества, *дворяне*, *духовные*, *имениты* *граждане*, которые не были изъяты изъ областного вѣдомства. Неужели, безъ уничтоженія всякой человѣческой личности, и безъ оскорбительнаго разрушенія достоинства въ самой власти, могъ подчиниться подсудимый суду холопскому?

Видимая, и для неопытнаго, юридическаго глаза соблазнительная передача судебной власти челядинцу означала одну низшую, рабочую, *фактическую* сторону суда, а не судно-политическую, именно — *позывъ на судъ*, *выемку* преслѣдуемаго и укрывающагося лица, *первоначальныя мѣры*, вездѣ, во всѣхъ государствахъ предпринимаемыя для установленія судебного процесса, *аресты*, *допросы*, *справки*, *обыски* и т. д. Эта сторона, какъ *полицейская*, и притомъ низшей степени, и въ наше время, у образованнѣйшихъ *конституціонныхъ* народовъ, завѣдывается обыкновеннымъ *персоналомъ*, состоящимъ у насъ въ Россіи изъ *хожалыхъ*, *разсылныхъ*, сторожей, *жандармовъ* и другихъ служебныхъ, исполнительныхъ чиновъ — *офиціаловъ*: ибо отправленіе такихъ дѣлъ несообразно съ высокимъ государственнымъ достоинствомъ судьи; во уваженіе этого достоинства при

каждомъ судѣ, около всякой публичной власти, стоятъ послужные *оффиціалы*, готовые при первомъ намекѣ на непрекословное и безмолвное исполненіе всѣхъ приказаній; составъ этого *штаба* различенъ, по рангу и степеніи самой власти.—Анализъ *политическаго* элемента въ приложеніи ко всѣмъ нашимъ юридическимъ учрежденіямъ можно продолжать далѣе и далѣе; но этимъ увеличится одно количество истины, а не качество: такимъ образомъ вниманіе читателя я долженъ обратить на выше изложенное ученіе о *началь владычества*.

Здѣсь мы должны остановиться въ нашихъ критическихъ замѣчаніяхъ на сочиненіе г. Чичерина: на этомъ спорномъ пунктѣ о *началь владычества и господства* прерванъ былъ законнымъ порядкомъ токъ моихъ мыслей, изливавшихся въ живомъ словѣ. Дальнѣйшему, *историко-органическому анализу* основныхъ юридическихъ понятій, въ приложеніи къ исторіи русскаго права, я долженъ дать другое названіе и новую форму. Мнѣ уже тяжело дѣлается преслѣдовать неумолимую логику даровитѣйшаго русскаго ученаго, впаваго въ искушеніе литературное; да и обороты рѣчи напоминаютъ на какія-то уже прошедшія отношенія между учителямъ и ученикомъ: теперь мы, послѣ взаимнаго братскаго привѣта (*osculum*) (1) стоимъ на одной степеніи предъ наукою. Быть можетъ, встрѣтилось въ комъ-нибудь изъ благосклонныхъ читателей недоразумѣніе относительно тона и плана моихъ критическихъ статей, то я, по нравственному чувству, обязанъ высказать крайнюю свою мысль, которою и начался анализъ. Здѣсь прилагается къ любимому и близкому мнѣ предмету новый трудъ, такого же логическаго характера, какъ и трудъ г. Чичерина,—дабы выяснить темную область историческихъ явленій, и освѣтить ихъ лучемъ истинной науки. Откроюсь въ тайнѣ движенія моего духа: къ дарованію г. Чичерина я имѣю сочувствіе; какъ будто и меня Господь Богъ благословилъ подобнымъ даромъ; а типъ нашего мышленія латинскій, аналитическій, и при томъ совершающійся по закону логическаго противоположенія. Мнѣ казалось, что совершая дважды операцію надъ юридическими понятіями, мы, по крайней мѣрѣ,

(1) Мысли мои, изложенныя въ двухъ критическихъ статьяхъ, высказаны были на публичномъ диспутѣ г. Чичерину, какъ кандидату правъ, а не магистру. Вотъ съ какой точки зрѣнія надобно смотрѣть на тоизъ и духъ моихъ замѣчаній.

количественно увеличимъ сумму истинъ русской юридической науки, такъ бѣдной еще этимъ достояніемъ. Вотъ разгадка, настоящее объясненіе моего тяжелаго и продолжительнаго труда, обращеннаго критическою формою на г. Чичерина, какъ будто на врага моего литературнаго. Да сохранитъ Господь Богъ и меня и всякаго русскаго челоуѣка отъ подобныхъ тупыхъ и ирачныхъ покушеній.

И. Крыловъ.

21 Апрѣля, 1887.

Москва.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ,

15 Апрѣля 1856 года.

Еще никогда передъ европейскою дипломатіею не открывалось такое многообразное поле дѣятельности, такая обильная жатва болѣе или менѣе трудныхъ успѣховъ, какую доставила дипломатамъ настоящая эпоха, ближайшая преемница дѣла Парижскаго конгресса. Съ нею не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи даже и то памятное въ лѣтописяхъ дипломатіи время, донинѣ слышшее золотымъ ея вѣкомъ, время, непосредственно послѣдовавшее за конгрессомъ Вѣнскимъ. Многое съ той поры измѣнилось въ условіяхъ жизни народной и государственной. Широко раскинувшись по всему пространству земнаго шара, вельдъ за оружіемъ и торговлею проникнувъ въ отдаленнѣйшія и долгое время неприступнѣйшія страны всѣхъ частей свѣта; притомъ сблизившись съ ними въ невѣроятной степени посредствомъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій въ средствахъ общенія; наконецъ болѣе чѣмъ когда либо захвативъ въ кругъ своей дѣятельности движеніе всѣхъ вопросовъ торговыхъ и промышленныхъ, возведенныхъ у многихъ народовъ на степень существеннѣйшей стороны и почти исключительнаго начала ихъ жизни,—дипломатія по неволѣ должна была явиться самымъ тревожнымъ и подчасъ безпокойнымъ дѣятелемъ. Впрочемъ, такъ должна была она сложиться уже и по самому характеру и свойству Парижскаго конгресса.

Мы уже видѣли, чѣмъ ограничилась задача послѣдняго: то было одно лишь прекращеніе слишкомъ уже долго длившагося кровопролитія военныхъ дѣйствій, и возстановленіе по возможности предшествовавшаго войнѣ политическаго *status quo*; впрочемъ, имъ не внесено въ современную жизнь народовъ ни одно новое начало, ни одна новая, живая и плодотворная мысль, кромѣ только отдаленной надежды

на возрожденіе Придунайскихъ княжествъ сообразно настоящимъ видамъ Франціи и давнимъ замысламъ Россіи. (1). Турція обречена согласнымъ хоромъ западной политики на продолженіе надъ нею ряда трудныхъ, малообъщающихъ испытаній *in animâ vili*; Россія въ Черномъ морѣ и Бессарабіи подчинилась нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыхъ однихъ уже слишкомъ достаточно было бы, чтобы всякій миръ сдѣлать непрочнымъ, и чтобы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ породить новыя неизбежныя распри; заготовлены вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнные поводы и къ ближайшимъ столкновеніямъ понятыми на Конгрессѣ, подъ вліяніемъ разныхъ соображеній, вопросами о Бельгіи, Неаполѣ, Невшателѣ, и пр., близко и неотразимо касающимися животрепещущаго въ современной международной политикѣ вопроса—объ отрицаніи или утверженіи права всякой народности на свое признаніе въ сонмѣ европейскихъ дѣятелей. Наконецъ, торжественно провозглашенное Конгрессомъ ученіе о морскомъ правѣ оказалось на дѣлѣ вполне состоятельнымъ лишь въ части своей, которая уже давно была освящена единомысленнымъ согласіемъ всѣхъ морскихъ державъ, за исключеніемъ одной Англіи; новое же ученіе о каперствѣ, само собою разумѣется, немедленно подверглось вмѣстѣ и критикѣ и дальнѣйшему развитію со стороны несговорчивыхъ Американцевъ. Хранителемъ и блюстителемъ новаго мира поставленъ новый тройственный союзъ, заключенный въ Парижѣ, 15 Апрѣля 1856 года, между Франціею, Англіею и Австріею, и замѣнившій собою старый священный союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи, память о коемъ въ теченіи болѣе 40 лѣтъ на каждое 14-е Сентября благоговѣнно возвѣщается у насъ Церковію православному собору народному чтеніемъ подлинныхъ словъ трактата Братскаго Христіанскаго Союза. *De facto* и *de jure*, существованіе священнаго союза нынѣ совершенно прекратилось. Распаденіе его торжественно объявлено Европѣ циркулярною ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Россіи депешою, отъ 2 Сентября прошедшаго года, настоящаго нашего министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова. «Нынѣ, сказано въ этомъ замѣчательномъ документѣ, уже болѣе не существуетъ въ своей непри-

(1) Екатерина II даже формально хлопотала въ 1772 году о соединеніи Молдавіи и Валахіи, которымъ прочла въ государи князя Понятовскаго. Дѣло не удалось главнымъ образомъ влѣдствіе противодѣйствія Австріи.

«косновенной цѣлости тѣсный союзъ (le faisceau) государствъ, въ теченіи долгихъ лѣтъ поддерживавшихъ вмѣстѣ съ нами тѣ начала, «которымъ Европа болѣе четверти вѣка была обязана своимъ спокійствіемъ и миромъ.» Ближайшее испытаніе сущности и цѣлей новаго западнаго союза естественно приводитъ къ поставленію нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ. Каждый мыслящій человекъ невольно стремится дать себѣ отчетъ, какая мысль лежитъ въ основаніи этого союза? Снабженъ ли онъ, подобно предшествовавшему ему священному союзу, достаточною вещественною силою, чтобы сломить всякое возможное себѣ противодѣйствіе другихъ государствъ, или единою угрозою могущества своего предотвратить и предупредить подобное враждебное ихъ противодѣйствіе? Наконецъ, въ какой мѣрѣ союзъ этотъ проченъ? и такъ какъ въ каждомъ почти многосложномъ политическомъ союзѣ есть выигрывающій, и проигрывающій, то кто въ настоящемъ случаѣ наиболѣе приобретаетъ; и не приносить ли кто въ жертву своихъ насущныхъ выгодъ?

Минувшая борьба разоблачила тѣ вещественныя средства, которыми въ дѣлѣ войны располагаетъ союзъ; эти средства плодъ высокаго военного образованія Франціи, исконнаго развитія англійскихъ морскихъ силъ, наконецъ и выгоднаго стратегическаго положенія Австріи въ отношеніи въ Россіи; но болѣе и глубже всего покоятся они на громадной совокупности всей англо-французской гражданственности и на тѣхъ твердыхъ условіяхъ чрезвычайнаго вещественнаго богатства и промышленнаго развитія, которыми наградила объ эти страны болѣе или менѣе продолжительное преобладаніе въ томъ и другомъ народѣ свободы политической жизни. Новѣйшія усовершенствованія военнаго дѣла на сухошъ пути и на морѣ, болѣе чѣмъ когда либо давшія наукѣ, промышленности и капиталу рѣшительное вліяніе на судьбы всякой войны, безъ сомнѣнія въ высокой степени послужили къ усиленію военнаго значенія Франціи и Англии; и если стойкость русскаго солдата и успѣла на твердыхъ севастопольскихъ вознаграждать отчасти эти тяжеловѣсныя залоги военнаго успѣха, — тѣмъ не менѣе важность ихъ отсель становится столько же несомнѣнною и очевидною, сколько неоспоримо вообще въ настоящее время торжество просвѣщенія надъ первобытною силою. Не лзя поэтому не признать, что совокупныя средства двухъ главныхъ морскихъ державъ, въ соединеніи съ Австрією, и со всѣми второстепенными державами Европы, дружба или, по крайней мѣрѣ, неутрагитеть которыхъ несте-

янно должны быть въ услугахъ стороны, владычествующей на морѣ, всегда будутъ въ силахъ уравновѣсить всякій иной возможный противъ нихъ союзъ.

Несравненно болѣе, напротивъ, подвержено спору то, кѣмъ въ сущности возбужденъ тройственный союзъ 15-го Апрѣля, и кто пожинаетъ выгоды, изъ него пріостекающія? Дипломатическіе документы ясно указываютъ наблюдателю первоначальный внѣшній источникъ этой политической сдѣлки; какъ мы имѣли уже случай сказать, Австрія сама вытребовала обѣщаніе на нее у Франціи и Англій въ то самое время, когда взялась она передать С. петербургскому кабинету рѣшительныя требованія свои въ пользу возстановленія мира. Но таковъ, спѣшимъ мы прибавить, лишь внѣшній, видимый источникъ этой сдѣлки; самый же союзъ, съ его нравственнымъ значеніемъ и вліяніемъ, коренится много глубже — частію въ историческомъ значеніи загадочной личности Людовика Наполеона, частію же въ самомъ характерѣ и сущности англо-французской гражданственности.

Весьма поучительно въ настоящее время, для установленія правильного пониманія состоянія современной Франціи, тщательное сравненіе другъ съ другомъ двухъ Наполеоновъ — ихъ отношеній къ Европѣ и, можетъ быть, еще болѣе отношеній каждаго изъ нихъ къ современному себѣ французскому обществу и правительственной идеѣ. Для того и другаго много сдѣлала исторія; оба нашли родную страну и общество, или до основанія потрясенными, или, по крайней мѣрѣ, глубоко взволнованными внутреннею неурядицею и отрицаніемъ самыхъ первоначальныхъ основъ гражданской жизни; а потому и совершенно готовыми слѣпо слѣдовать за всякою сильною рукою, которая сумѣла бы привести ихъ въ свѣтлую пристань правильного общежитія; оба нашли кругомъ себя богатый запасъ накопленнаго раздвоенія между правительствами, множество тлѣющихъ и удобовоспламенимыхъ началъ, разсыянныхъ по всему протяженію материковой Европы, и множество неудовлетворенныхъ въ ней стремленій. Въ первомъ Наполеонѣ, пріявшемъ власть въ незамѣнимую пору почти юношескаго увлеченія, оказалось изумительное соотвѣтствіе всѣмъ этимъ современнымъ требованіямъ, внѣшнимъ и внутреннимъ; и въ главныхъ чертахъ своихъ жизнь и правленіе его доставили возможно-полное и немедленное имъ удовлетвореніе. Въ дѣлѣ внутренняго уряда онъ явился полнѣйшимъ представителемъ и двигателемъ того гражданскаго и административнаго типа, который уже въ теченіи долгаго времени постепенно вырабо-

тывала въ себѣ Франція, и исканіе котораго было завѣтнымъ дѣломъ революціи; онъ утвердилъ и освятилъ всё, добытые ею, результаты, и потому безъ всякаго внѣшняго видимаго усилія создалъ на диво Европѣ сложную и стройную правительственную машину, подобіе которой нигдѣ еще не существовало, развѣ только въ императорскомъ Римѣ. Не далъ онъ ей только политической свободы; но на дѣлѣ еще незнакомая съ нею въ ея правильномъ проявленіи, Франція мало въ то время о ней заботилась, и охотно забывала о ней при громѣ пушекъ, непрестанно возвѣщавшихъ о новыхъ побѣдахъ. Дѣйствуя такимъ образомъ внутри государства на началахъ, провозглашенныхъ революціонною Франціею, Наполеонъ могъ легко и въ области внѣшней политики не отречься отъ наслѣдія республиканскаго: поэтому креугольнымъ камнемъ ея постоянно оставалась борьба съ Англіею и Австріею. Вліяніе послѣдней онъ изгналъ изъ Аппенинскаго полуострова, и, хотя онъ не возвратилъ Италіи самобытной и единичной жизни, однако щедро рукою расточалъ сѣмена будущаго развитія этой страны. Ему не доставало лишь одной внѣшней точки опоры для этой своей смѣлой политики; онъ долго искалъ ея себѣ въ Пруссіи; одно время даже нашелъ было ее въ союзъ съ Россіею, и справедливо считалъ подобный союзъ рѣшительнымъ для возможности полнаго торжества новой, приспособленной къ современнымъ требованіямъ національностей, международной системы. Но тревожному духу его предстояло сокрушиться о самую громадность постоянно вновь возникавшихъ въ умѣ его замысловъ, и онъ палъ жертвою ихъ неограниченности; его погубила безпредѣльная вѣра въ свое всеильное я, въ безусловное въ его пользу самоотреченіе французскаго народа и въ возможность поглощенія однимъ лицомъ всей жизни и всѣхъ отправленій общественныхъ, — вѣра, развитая въ немъ долговременною дремотою упоеннаго французскаго общества. Лишь рѣдкими мимолетными проблесками, и то только въ послѣдніе предсмертные дни его правленія, стала посѣщать его мысль о возможности воззванія къ народнымъ силамъ; въ сущности онъ о нихъ какъ будто позабылъ. Онъ глубоко сознавалъ безспорное превосходство своего правленія надъ всѣми предшествовавшими ему французскими правленіями 18-го вѣка, и потому именно (не лзя не признаться въ томъ) былъ одушевленъ живою вѣрою въ самого себя, въ свое дѣло, а слѣдовательно и въ возможность своей династіи на престолѣ. — Не таковымъ является Людовикъ Наполеонъ. Франція прошла съ тѣмъ

поръ черезъ тридцати-четырехлѣтній опытъ конституціонной жизни, нечуждый тревогъ и разочарованій, но тѣмъ не менѣ сопряженный со многими свѣтлыми сторонами и, быть можетъ, оставившій по себѣ слѣды положительныя: невозможно, по крайней мѣрѣ, не признать, что она быстро шагнула на поприщѣ вещественнаго развитія, и что отсегѣ формы жизни политической, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части французскаго общества, сдѣлались настоятельнѣйшею, такъ сказать, насущною потребностію. Людовикъ Наполеонъ, явившійся во имя случая и грубой силы, естественно ничего не принесъ съ собою въ отвѣтъ этимъ возвышеннымъ требованіямъ общества; онъ избавилъ его лишь *отъ потока и разграбленія*, и въ залогъ ему могъ представить только скрытную къ себѣ ненависть низшихъ народныхъ слоевъ, обманутыхъ окончательнымъ исходомъ февральскаго переворота. Чуждый такимъ образомъ всѣмъ народнымъ сочувствіямъ внутри Франціи, лишенный вѣры съ собственную свою законность, Наполеонъ III естественно долженъ былъ во что бы ни стало искать себѣ друзей между другими правительствами; и къ сожалѣнію, съ самаго начала враждебно встрѣченный естественными союзниками Франціи, онъ нашелъ эту опору въ союзѣ съ Англіею и даже Австріею, которымъ долженъ былъ принести въ жертву — сочувствія своей родины къ большей части народностей. Расположеніемъ къ себѣ Англіи онъ не могъ не дорожить особенно; ибо эта свободная сосѣдственная земля, гостепріимное и какъ бы священное убѣжище всѣхъ политическихъ выходцевъ, есть, по счастливому выраженію самихъ Англичанъ, тотъ Эоловъ гротъ, откуда искусно раздуваемые революціонные токи могутъ по произволу быть направляемы ко всѣмъ почти государствамъ западной Европы. Такимъ образомъ сложились для него политическія условія, діаметрально противоположныя всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя сопутствовали родоначальнику Наполеонидовъ.

Впрочемъ, кромѣ личныхъ выгодъ, къ предпочтительному союзу съ Англіею безъ сомнѣнія должны были въ значительной мѣрѣ склонить его и другія причины: всю совокупность ихъ мы охотно готовы признать въ томъ неоспоримомъ сочувственномъ общеніи, въ которомъ находятся двѣ рядомъ развившіяся гражданственности — Франціи и Англіи, во многихъ частныхъ и, преимущественно, политическихъ явленіяхъ, широко между собою расходившіяся, но тѣмъ не менѣ для всякаго привычнаго глаза осязательно-подходящія подъ одинъ общій типъ. Это живое общеніе двухъ народовъ можетъ часто, при благо-

пріятныхъ для него обстоятельствевахъ, вполне замѣнить даже единство вѣры и кровнаго происхожденія; а временное сходство политическихъ учрежденій, въ періодъ реставраціи и Орлеанскаго дома, естественно долженъ былъ еще крѣпче сплотить его. Въ теченіи всего правленія Людовика Филиппа, и, не смотря даже на разногласіе о вопросѣ Египетскомъ и на дѣло объ Испанскомъ бракѣ, союзъ съ Англіею служилъ неизмѣнною основою всей французской дипломатіи; и въ настоящее время къ нему, какъ къ любезному для себя символу несовершенного еще отреченія отъ политической свободы, напряженно обращены съ французскаго берега взоры всѣхъ, кому еще дорого воспоминаніе недавно пройденнаго конституціоннаго поприща. Холодныя, почти враждебныя отношенія подъ Севастополемъ французскаго и англійскаго солдатъ могли конечно отчасти поколебать это общеніе въ низшихъ слояхъ обоихъ народовъ; но эти вліянія не могли еще имѣть ощутительнаго дѣйствія внѣ тѣхъ низменныхъ сферъ, гдѣ преимущественно раздавался говоръ возвратившихся изъ Крыма французскихъ ветерановъ. До времени высшіе, такъ сказать литературныя и отчасти промышленныя слои общества, крѣпко стоятъ еще за англійскій союзъ, и тѣмъ болѣе еще возвышаютъ цѣну его въ глазахъ императора, зорко слѣдящаго за расположеніемъ умовъ, и безъ сомнѣнія по неволѣ дорожащаго этою послѣднею связью своею съ образованнѣйшею частію управляемаго имъ общества.

Вотъ почему существеннѣйшую часть всего тройственнаго союза составляетъ именно союзъ Франціи съ Англіею. Но политика послѣдней имѣетъ свои вѣковыя, скажемъ болѣе, почти роковыя преданія. Къ числу ихъ принадлежитъ тѣсная дружба съ Австріею. Случайныя обстоятельства могутъ заставить Англію временно же и случайно измѣнить ей; еще чаще и съ еще меньшими послѣдствіями Австрія приносится британскими министрами въ жертву ораторскимъ требованіямъ и щекотливой публичности въ засѣданіяхъ нижней палаты; но все это одни лишь частныя явленія, или одна пустая фраза; въ сущности и на дѣлѣ Габсбургскій домъ является постояннымъ и вѣрнымъ, хотя, по исконному обычаю своему, небезсчетнымъ и небезжорыстнымъ, спутникомъ Сентъ-джемскаго кабинета. Добровольно вступивъ въ сферу тяготѣнія послѣдняго, Наполеонъ необходимо долженъ былъ протянуть дружескую руку и постоянному его саттелиту, и въ свою очередь былъ вынужденъ принести ему въ жертву нѣкоторыя изъ существеннѣйшихъ выгодъ внѣшней француз-

ской политики. Впрочемъ, правда и то, что Австрія, какъ мы уже видѣли, хотя цѣною и невеликихъ для себя вещественныхъ пожертвованій, однако расплатилась съ Наполеономъ заранѣе за все эти одолженія, въ рѣшительную минуту, когда въ Петербургѣ еще взвѣшивался предложенный миръ, кинувъ на всы неожиданную тяжесть своей военной угрозы. Послѣ уже извѣстнаго трактата 2 Декабря 1842 года между Франціею, Англіею и Австріею, — первымъ, долго и тщательно скрываемымъ, звѣномъ этой новой цѣпи отношеній между Франціею и Австріею является тайная военная конвенція ихъ на счетъ Италіанскихъ областей. Подлинныя выраженія ея до сихъ поръ намъ неизвѣстны; безусловное, упорное доннынѣ молчаніе, Монитера можетъ даже по неволѣ заставить думать, что есть еще какія — либо подробности этаго договора, которыя еще не могутъ быть довѣрены общественной гласности, и во избѣжаніе полнаго разоблаченія которыхъ правительство Людовика Наполеона предпочитаетъ пребывать въ официальной газетѣ своей въ предѣлахъ самой осторожной и строгой скромности, оставляя всю отвѣтственность за возможную неполноту или невѣрность показаній на частной редакціи *Constitutionnel*'я, какъ органа непризнаннаго. Какъ бы то ни было, мы знаемъ уже достаточно для того, чтобы ясно усмотрѣть въ этой тайной конвенціи осязательные признаки замѣчательной двуличности двухъ западныхъ правительствъ въ отношеніи къ италіанской народности. Къ тому же самый образъ внезапнаго оглашенія ея не лишень ни комизма, ни особенной характерности для очерченія правительственной личности лорда Пальмерстона и его политической нестыдливости; и, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ старѣйшихъ французскихъ журналовъ, такой образъ дѣйствія служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ настоящее время, при безусловномъ владычествѣ печатнаго станка и существованіи въ Европѣ свободной среды обсужденія въ нѣсколькихъ законодательныхъ палатахъ, — тайна въ дипломатіи все болѣе и болѣе становится анахронизмомъ, и ей предстоитъ исподоволь перебраться на почву гласно-завяляемыхъ, твердыхъ и разумныхъ политическихъ началъ. 3-го Февраля нынѣшняго года завязался въ нижней палатѣ споръ между талантливымъ вождемъ оппозиціи, Дизраели, и лордомъ Пальмерстономъ; это былъ одинъ изъ послѣднихъ предсмертныхъ боевъ стараго парламента, вызванныхъ тою ожесточенною коалиціею, которая всеми мѣрами и, правда, не безъ основанія подкапываясь подъ испытаннаго въ пар-

ламентской тактикѣ первенствующаго министра, такъ горько въ то время сама ошиблась въ ближайшихъ послѣдствіяхъ своихъ нападеній на него. Дизраели смѣло и съ явнымъ убѣжденіемъ утверждалъ, что между Франціею и Австріею существуетъ безсрочный трактатъ, обезпечивающій Австріи ея Италіанскія владѣнія; онъ упрекалъ лорда Пальмерстона въ недостойномъ англійскаго министра поощреніи и даже первоначальномъ возбужденіи этаго договора; и въ послѣдствіи, когда министръ сталъ отвергать возможность подобнаго акта, объявилъ, что самъ видѣлъ положительныя доказательства защищаемой имъ истины, и указалъ даже день подписанія договора— 22-го Февраля 1854 года. Два раза возобновлялись еще прѣнія по этому поводу въ нижней палатѣ. Лордъ Пальмерстонъ не постыдился исчерпать орудіе лжи до послѣднихъ крайнихъ ея возможностей; онъ назвалъ сперва все дѣло вымышленнымъ, осыпалъ Дизраели обычными, никогда и нигдѣ непереводящимися сарказмами людей, участвующихъ въ правленіи, надъ мнимомъ безпокойною изобрѣтательностію всѣхъ оппозицій; наконецъ не усумнился даже съ фарисейскимъ негодованіемъ осудить всякій подобный договоръ, если бы онъ дѣйствительно былъ заключенъ или предложенъ. Мало по малу онъ былъ вынужденъ признать, что между Вѣною и Парижемъ дѣйствительно происходили переговоры; но еще продолжалъ отвергать положительнѣйшимъ образомъ, чтобы когда нибудь какая бы то ни была конвенція по этому предмету была подписана. Наконецъ онъ долженъ былъ сознаться и въ послѣднемъ, и сталъ окончательно опровергать лишь извѣстіе о безсрочности трактата. Газетѣ Morning Post, какъ привычному органу его, была поручена неблагодарная обязанность разложить долю отвѣтственности за договоръ между вигами и торіями, и оправдать съ нравственной точки зрѣнія поведеніе посѣдлага въ дѣлахъ министра наивнымъ увѣреніемъ, будто лорду Пальмерстону неизвѣстенъ былъ весь ходъ этаго дѣла, такъ какъ актъ былъ подписанъ еще въ то время, когда иностранными дѣлами управлялъ лордъ Абердинъ. Уже только дней черезъ десять, послѣ послѣднихъ объясненій въ палатѣ, Constitutionel прервалъ молчаніе французской печати слѣдующимъ объясненіемъ: въ трактатѣ 4-го Декабря 1854 года уже предусмотренъ тотъ случай, въ которомъ австрійскія войска должны будутъ принять участіе въ войнѣ противъ Россіи; по заключеніи его, Австрія немедленно стала требовать себѣ на такой случай обезпеченія Франціею ея Италіанскихъ

областей, такъ какъ война съ Россією могла служить удобнымъ поводомъ къ дружному ихъ возстанію. Справедливость требовала, чтобы Парижскій кабинетъ успокоилъ Австрію на этотъ счетъ, и тогда была дѣйствительно заключена и подписана конвенція, которою Франція обязалась поддерживать спокойное ея владычество въ Италіи во все время войны. Но, прибавляетъ *Constitutionnel*, договоръ этотъ очевидно имѣетъ такимъ образомъ лишь временный и преходящій характеръ, бывши заключенъ только на время продолженія войны; онъ поэтому самому никогда не былъ и не могъ быть приведенъ въ исполненіе, и сила и дѣйствіе его совершенно прекратились. Въ заключеніе невольно приходитъ на умъ послѣдній, также характеристическій, по всему этому дѣлу, вопросъ, къ сожалѣнію оставленный безъ вниманія газетами: кѣмъ сообщены оратору оппозиціи столь драгоценныя для него въ то время и положительныя свѣденія объ этой новой Ахиллесовой пятѣ лорда Пальмерстона? Нескромность кого либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу друзей лорда Абердина, служила бы тяжелымъ доказательствомъ многими утверждаемаго вымиранія политическаго такта даже въ англійскихъ государственныхъ людяхъ. Мы охотно сознаемся, что подобное явленіе было бы для насъ слишкомъ прискорбно. Не естественнѣе ли, напротивъ, приписать огласку трактата своевременной нескромности передъ лицомъ парламентской оппозиціи котораго либо изъ дипломатическихъ агентовъ Австріи, хорошо понимающихъ, какъ важно для Вѣнскаго кабинета, чтобы Итальянцы не оставались въ заблужденіи на счетъ степени къ нимъ сочувствія лорда Пальмерстона и Наполеона III.

Послѣ всего сказаннаго нетрудно, кажется, прійти къ вѣрному заключенію на счетъ того, въ какомъ отношеніи дѣлятся выгоды и невыгоды между различными участниками тройственнаго союза 15 Апрѣля. Австрія пріобрѣтаетъ себѣ въ немъ сильное нравственное ручательство противъ возможныхъ, прямыхъ и непосредственныхъ, покушеній на нее со стороны обманутой ею Россіи; и положительное фактическое ручательство противъ всякихъ стремленій послѣдней къ нарушенію безразсуднаго, но Австріи выгоднаго, *statu quo* въ Турціи. Къ тому же разглашеніе тайной конвенціи ея съ Франціею на счетъ Италіи вновь усиливаетъ вліяніе ея въ сей послѣдней на столько же, на сколько умерщвляетъ оно или, по крайней мѣрѣ, во время остужаетъ надежды и мечтанія италіанскихъ патриотовъ.

Франція добровольно закрываетъ себѣ многіе пути дѣйствія своего въ Европѣ и, вопреки всему характеру своей исторіи и народности, мискодитъ во внѣшней политикѣ своей на степень того неразумнаго для нея консерваторства, которое для Австріи представляется необходимымъ условіемъ жизненнымъ; а для гордой, внутри себя счастливой и мало сочувствующей язвамъ материкой Европы, Англии—является лучшимъ и вѣрнѣйшимъ орудіемъ обширной своекорыстной дѣятельности. Не говоря уже о многихъ другихъ народностяхъ, не говоря даже о возможной роли французской дипломатіи въ самой Турціи, если бы она шла тамъ рука объ руку съ вліяніемъ русскимъ, и съ самаго начала не такъ скупо отмѣрила бы одинъ только небольшой край Придунайскихъ княжествъ, въ видѣ какъ бы неутраченной почвы, на которой по крайней мѣрѣ невоспрещено обѣимъ державамъ встрѣтиться дружелюбно и дѣйствовать сколько нибудь единомысленно на пользу края, не говоря о всѣхъ этихъ отчасти утраченныхъ Франціею или стѣсненныхъ поприщахъ полезнаго ея внимательства во имя лучшихъ началъ просвѣщенія, — даже и въ самой Италіи она должна была измѣнить всѣмъ вѣковымъ своимъ преданіямъ. Въ иномъ мѣстѣ, когда будемъ подробно излагать весь ходъ италіанскихъ дѣлъ и прослѣдимъ ихъ возникновеніе и развитіе изъ совѣщаній Парижскаго конгресса, мы постараемся доказать, какъ легко объясняется вся бесплодная ихъ до нынѣ запутанность изъ того ложнаго направленія, которое дало имъ двусмысленное положеніе Франціи въ этомъ вопросѣ. Теперь достаточно будетъ на минуту остановиться на одномъ замѣчательнѣйшемъ документѣ, представляющемъ какъ бы въ общемъ фокусѣ весь характеръ французской политики въ Италіи, и ясно и несомнѣнно опредѣляющемъ ту точку, далѣе которой въ настоящее время ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ сочувствія къ ней Наполеона III (если только взгляды, изложенныя въ депешѣ г. Реневаля, французскаго посланника въ Римѣ, можетъ быть названъ взглядомъ, сочувственнымъ тому обществу, къ которому онъ такъ презрительно относится). Въ депешѣ Реневаля, составляющей донесеніе французскому правительству о положеніи дѣлъ въ Римѣ, вызванной прѣніями Конгресса объ италіанскихъ дѣлахъ и одно время опровергаемой въ своей подлинности, (хотя, по всѣмъ признакамъ, безъ всякаго къ тому основанія) подробно разсмотрѣны какъ во главныя вопросы по управленію папскому, такъ и самый народный характеръ Италіанцевъ и тѣ надежды, которыя ими неуплонно ита-

ются на возрожденіе ихъ родины и призваніе ея вновь къ самобыт-ной политической жизни. Представитель Франціи не щадить упрековъ: онъ объявляетъ Пиемонтъ страню чуждою Италіи, произвольно отбирая у послѣдней это лучшее ея современное украшеніе; снимаетъ всякую отвѣтственность за неправильное развитіе общественное съ итальянскихъ правительствъ, возлагая ее исключительно на самый народъ, уличенный въ томъ, что правители его суть лишь кость отъ костей его и мозгъ отъ его мозга. Онъ не находитъ ни одной общающей черты въ народномъ характерѣ и ни одной утѣшительной личности внѣ тѣснаго круга государственныхъ мужей духовнаго Рима,—словомъ, прилагаетъ во всей его жестокости къ нынѣшней Италіи тотъ узкій и бездушный законъ слѣпаго историческаго рока, которымъ такъ легко спасаетъ себя современный человѣкъ отъ всякой удручающей думы или горькаго чувства. Врачеваніе г. Реневаля столько же просто, сколько и удобно въ практическомъ приложеніи: ни улучшеній, ни преобразованій, ничего не нужно, ибо все это и невозможно и бесплодно; нужно лишь продолженіе занятія Рима французскими войсками, въ соединеніи съ официальными выраженіями живѣйшаго участія, принимаемаго главными европейскими правительствами въ бѣдствіяхъ Папы, и само собою разумѣется, еще болѣе съ скромнымъ молчаніемъ англійскихъ и пиемонтскихъ газетъ. Такова политическая исповѣдь французскаго правительства на счетъ будущихъ судьбъ Италіи! Но въ этомъ замѣчательномъ документѣ, если внимательно прослѣдить его и тщательно взвѣсить всѣ искусно проведенныя въ немъ теоріи государственной жизни и управленія, можно было бы конечно легко подсмотрѣть, какъ въ наглядномъ типѣ, изображеніе еще во сто разъ живѣйшее и осязательнѣйшее того, какъ понимаетъ само французское правительство свои отношенія къ собственному народу.

За отреченіемъ Франціи отъ преобладающаго вліянія на ближайшемъ Востокѣ и въ Италіи, естественно должно было послѣдовать, въ силу новаго тройственнаго союза, почти равносильное покуда отреченіе ея отъ почетнаго равенства съ Англіею въ значеніи на болѣе отдаленныхъ точкахъ и водахъ обоихъ полушарьевъ. Правда, въ сѣверной и центральной Америкѣ отсутствіе вмѣшательства Франціи, доколѣ она состоятъ въ близкомъ союзѣ съ Англіею, несравненно болѣе выгодно, нежели вредно для будущности французской политики, не вовлекая ее въ ту безысходную сътъ позорныхъ за-

трудней и еще позорнѣйшихъ полусдѣлокъ, которыя вынуждена здѣсь выносить и добродушно принимать британская гордость; напротивъ, въ водахъ китайскихъ Франція по неволѣ видитъ себя вынужденною стать въ хвостъ военно-морскаго движенія Англіи, не взирая на значительный рискъ играть относительно англійскаго флота подъ Кантономъ ту же самую роль, которую не такъ давно, но такъ плачевно, разыгрывалъ лордъ Рагланъ въ отношеніи къ войску наполеонову подъ стѣнами Севастополя. А между тѣмъ одновременнаго и какъ бы параллельнаго съ Англичанами дѣйствія на Китай требуетъ отъ французскаго правительства самая нехитрая и незоркая дальновидность, не позволяющая ни одной изъ дѣйствительно первостепенныхъ державъ европейскихъ равнодушно созерцать разрастающееся не по днямъ, а по часамъ, единовластіе британскаго флага по всему азіатскому побережью.

Англія въ настоящее время спокойна на счетъ Италіи, Турціи и Придунайскихъ княжествъ, или, въ другихъ словахъ, увѣрена, что во всѣхъ этихъ странахъ заготовлены и искусно поддерживаются поводы къ несогласіямъ, достаточные, чтобы имъ съ выгодною занять и отвлечь вниманіе материковыхъ государствъ Европы и исчерпать ту долю суетливой дѣятельности, которая обыкновенно выпадаетъ на часть рядовой дипломатіи. Она нынѣ рѣшается пуститься въ смѣлый поискъ за исключительнымъ владычествомъ надъ отдаленнѣйшимъ, для нея особенно привлекательнымъ, Востокомъ, хотя бы даже съ опасностію на берегахъ Тихаго океана возбудить новый еще до времени покуда дремлющій восточный вопросъ, восточный—въ полномъ смыслѣ этого названія. Быстрымъ походомъ на берегахъ Персидскаго залива и быстрыми переговорами въ Парижѣ съ персидскимъ посломъ Ферукъ-ханомъ покончивъ къ своей выгодѣ свою минутную размолвку съ Персією; болѣе или менѣе уклончиво одобрявъ на время въ лицѣ лорда Непира мнимо-миролюбивые замыслы Сѣверо-американскихъ Штатовъ относительно средней Америки, она всею тяжестію своей военно-морской силы сбивается нынѣ приналечь на издыхающій Китай, и предъявить на него свое несомнѣнное право—право сильнаго и задорнаго.

Такъ доселѣ сплетаются, примиряются и уравниваются въ тройственномъ апрѣльскомъ союзѣ выгоды и невыгоды всѣхъ трехъ странъ: Австрія, какъ мы сказали, выигрываетъ продолженіе на время въ старой Европѣ стараго *statu quo*; Англія приобрѣтаетъ

по крайней мѣрѣ свободу дѣйствій своихъ въ Азіи, Франція собственно не выпрыгиваетъ ничего; но временный символъ ея, Наполеонъ III, цѣною внѣшней международной охранительной политики пріобрѣтаетъ возможность неуклонно поддерживать и внутри расплывленнаго французскаго общества ту же самую нелишнюю лично для него выгоду и разумнаго значенія политику охраненія, во что бы ни стало; ибо безъ сомнѣнія еще болѣе, чѣмъ самъ г. Ренваль, онъ имѣетъ право присвоить себѣ слѣдующія знаменательныя строки изъ вышесказанной депеши своего представителя въ Римѣ, прилагая ихъ къ французскому обществу: «Я не думаю, чтобы всѣ вопросы «міра сего необходимо должны были имѣть себѣ разрѣшеніе. По «моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ вопросъ римскій (читай француз-«скій), безспорно принадлежитъ къ таковымъ. Неусыпную заботою «мы можемъ лишь отдалить на время опасность переворота и про-«длить на сколько нибудь временное состояніе, уже и тѣмъ драго-«цѣнное, что оно по крайней мѣрѣ спасетъ Европу отъ бѣдствій «неисчислимыхъ....» Этотъ-то охранительный типъ апрѣльскаго союза подаѣтъ поводъ инымъ сравнивать его съ отжившимъ священнымъ союзомъ, не смотря на то, что они имѣютъ между собою лишь одно общее составное начало, правда — начало самое характеристическое, именно — элементъ австрійскій. Другіе справедливо замѣ-
тили, что апрѣльскій союзъ, или вѣрнѣе сказать, союзъ Англіи съ Франціею, есть союзъ отрицательный, или, въ другихъ словахъ, союзъ, болѣе страдательный, чѣмъ дѣятельный, съ той поры, по крайней мѣрѣ, какъ разсѣяны опасенія Европы на счетъ немедленнаго поглощенія Царяграда Россіею.

Какъ бы то ни было, ближе и ближе вглядываясь въ него, мы, не смотря на все искреннѣйшее желаніе наше найти какой либо достаточный поводъ къ убѣжденію противоположному, не можемъ не признать въ немъ нѣкотораго исключительнаго, особенно важнаго свойства: онъ является намъ съ одной стороны ключемъ всей настоящей международной системы, съ другой — мы невольно убѣждаемся въ его относительной прочности. Этимъ свойствомъ объясняется то, что, не смотря на всѣ разноглагольствованія газетъ, онъ могъ безъ всякаго видимаго для себя ущерба устоять противъ всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ, но во всякомъ случаѣ многочисленныхъ поводовъ, къ раздвоенію, или вопросамъ политическаго самолюбія, которыми изобилывали дѣла Неаполитанскія, ссора Сардиніи съ Австрі-

ею, споръ о Болградѣ и Змиѣношъ Островѣ, безконечныя переговоры о Невшателѣ, зараждающійся Скандинавизмъ, дѣла Голштинско-датскія, весьма важное дѣло о предпочтеніи египетскимъ пашею для прорытія Суэзскаго перешейка, французской компаніи и г. Лессепа всѣмъ англійскимъ компаніямъ, и многіе другіе. Мы даже невольно склоняемся къ мысли, что и для самаго вопроса о княжествахъ Дунайскихъ дипломатія найдетъ еще какое либо среднее разрѣшеніе, которое успѣетъ помирить столько по видимому разнорѣчащія виды западныхъ государствъ. Причины такой нами приписываемой союзу прочности мы уже указали выше; то—личное положеніе Людовика Наполеона и существенное политическое сочувствіе двухъ обществъ, англійскаго и французскаго, развившихся по типамъ, во многомъ между собою сходнымъ. Мы безъ сомнѣнія далеки отъ того убѣжденія, будто бы и то и другое изъ этихъ условий принадлежатъ къ числу политическихъ явленій неизмѣнныхъ, вѣчныхъ и какъ бы роковыхъ. На землѣ нѣтъ непреходящаго: увѣрившись въ достаточной окрѣпости и надеждой упругости другой какой-либо внѣшней точки опоры, Наполеонъ III конечно можетъ со временемъ предпочесть ее первоначальному своему союзу съ Англіею, какъ скоро убѣдится наглядно, что новый союзъ влечетъ за собою не однѣ хлопоты, но и положительныя для него самаго выгоды; а общественныя сочувствія народовъ, какъ бы послѣдніе ни были развиты и просвѣщенны, не застрахованы отъ временныхъ затмѣній и уклоненій неправильныхъ, особенно когда ниже уровня высшихъ сочувственныхъ слоевъ двухъ обществъ бродитъ въ народѣ неосѣвшая еще вполне закваска вѣковыхъ недоразумѣній и вражды. Дѣло дипломатіи и состоитъ именно въ томъ, чтобы правильнымъ дѣйствіемъ тайныхъ пружинъ своихъ, а, быть можетъ, еще больше искуснымъ перевоспитаніемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ съ помощію гласности и печати (этой новой, прежнему міру невѣдомой, силы) способствовать желанному результату, и приуготовить возможность новыхъ, болѣе правильныхъ отношеній. Мы хотимъ сказать только, что такое дѣло въ настоящее время не совсѣмъ легко или, лучше сказать — почти столько же трудно, сколько оно было бы славно; что для полнаго достиженія при томъ подобнаго результата мало одного дѣйствія правительственнаго въ тѣхъ народахъ, которые остались внѣ новаго тройственнаго союза, но нужно еще дружное и свободное содѣйствіе внутри ихъ самихъ дѣятельности частной и общественнаго мнѣнія. Успокоивать себя мечтаніями и надеждами на

какія-либо счастливыя случайности, имѣющія помимо всякаго дѣятельнаго личнаго подвига народа привести къ естественному распаденію опасныхъ для него внѣшнихъ сочетаній, есть дѣло вѣсть безплодное, унижительное и вредное. Никто не долженъ забывать, что священный союзъ, при всей наглядной несостоятельности своей, могъ однако насчитать около сорока лѣтъ признаннаго существованія; а еще менѣе должна исторія забыть то въ высокой степени честное для Франціи народное чувство непримиримаго отвращенія къ трактатамъ 1814 года, которые временно низвели ее съ высшей ступени политическаго преобладанія. Мѣра негодованія народнаго противъ всякаго извѣт налагаемаго ограниченія и мѣра возможности благодушнаго съ нимъ примиренія народа, вотъ лучшее и единственно вѣрное мѣрило народныхъ правъ на уваженіе въ области политики и исторіи. Франція умѣла не забыть нанесенныхъ ей въ 1814 году оскорбленій (хотя, быть можетъ, и оправдывавшихся обстоятельствами того времени); она умѣла изъ внутренняго 40 лѣтняго въ самой себѣ плодоноснаго сосредоточенія извлечь тѣ живыя вещественныя и духовныя силы, которыя дали ей вновь почетное мѣсто въ европейской семьѣ. Подобный подвигъ, въ которомъ участвуетъ своею мыслию весь народъ, до послѣдняго въ немъ недѣльнаго, не можетъ и не долженъ быть исторіею пройденъ въ молчаніи.

Тихій океанъ, а вслѣдъ за нимъ, быть можетъ, и Атлантическій; главные гавани китайскія, а вслѣдъ за ними, быть можетъ, устья Русскаго амура и Панамскій перешеекъ въ средней Америкѣ — вотъ естественное, мы готовы сказать, неизбежное поприще дальнѣйшихъ столкновеній, и, можетъ быть, новыхъ, желанныхъ сближеній. Эти, отдаленныя отъ Европы, воды и земли суть лучшая нейтральная почва, на которой можетъ когда нибудь образоваться лишенное вражды и зависти дружное воздѣйствіе трехъ второстепенныхъ морскихъ державъ, Франціи, Америки и Россіи, противъ морскаго деспотизма британскаго. Здѣсь тщательно собраны самую природою всѣ необходимыя вещественныя условія для успѣшнаго ихъ совокупнаго дѣйствія; здѣсь Англія накопила цѣною вѣковой дѣятельности богатое наслѣдіе, дальнѣйшее разрастаніе или расхищеніе котораго составляетъ животрепещущій вопросъ современности; здѣсь предложится со временемъ вопросъ уже не-европейскаго только, но правильнаго всемірнаго равновѣсія. Подобные вопросы безъ сомнѣнія рѣшаются не сразу и не въ одинъ день. Но эта логическая и ис-

торическая необходимость борьбы главныхъ всемірныхъ началъ именно на этой отдаленной и зыбкой почвѣ океана, уже сама въ себѣ, и независимо отъ всякаго числительнаго опредѣленія времени, когда она можетъ возникнуть, крайне важна и поучительна для всѣхъ правительствъ европейскихъ, въ томъ смыслѣ, что съ несомнѣнною вѣрностію указываетъ имъ на то орудіе вѣдшей государственной силы, которое должно въ настоящую минуту составлять предметъ ихъ неуспѣшнѣйшей заботы;—мы говоримъ о настоятельной необходимости для всѣхъ государствъ Европы болѣе, чѣмъ когда-либо усиливать свои морскія силы и согласовать ихъ развитіе съ новѣйшими успѣхами морской науки. Потребность эта живо сознаана всѣми въ Европѣ. Англія донинѣ лишь съ крайнею медленностію приступала къ разруженію огромнаго флота, ея выставленнаго во время минувшей борьбы съ нами. Достойно замѣчанія, что въ послѣднемъ бюджетѣ ея съ Апрѣля 1856 года по Апрѣль 1857 года, на одну постройку новыхъ и исправленіе старыхъ кораблей употреблено 1,310,000, ф. ст. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ исключительно-военномъ году; сверхъ того учрежденъ, подъ именемъ усиленной прибрежной стражи, пятнадцати-тысячный резервъ моряковъ; а открывшаяся война съ Китаемъ безъ сомнѣнія поведетъ еще къ значительному возвышенію всѣхъ цифръ морскаго управленія. Сѣверо-американскій конгрессъ тщательно употребляетъ богатые излишки своихъ государственныхъ доходовъ на приведеніе береговъ своихъ въ оборонительное состояніе и на умноженіе числа образцовыхъ своихъ фрегатовъ. Во Франціи, съ 1848 года необратившей ни одного франка на уменьшеніе своего государственнаго долга, постоянно отвлекавшей съ того времени на текущіе расходы свои всѣ суммы, первоначально опредѣленныя на погашеніе его, и усилившей еще свой долгъ на чудовищную сумму,—заготовленіе новыхъ военныхъ судовъ, при всей ненормальности общаго финансоваго положенія, идетъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь, такъ что къ началу нынѣшняго года состояло 58 военныхъ судовъ въ постройкѣ. Даже Австрія, столь настойчиво и искусно борющаяся съ неотвязчиво-привившимся къ ней, какъ бы роковымъ, дефицитомъ, и Сардинія, вовлеченная послѣдними своими войнами въ столь значительныя долги, всѣми мѣрами стараются сравнять свои микроскопическіе флоты съ возрастающими требованіями новаго времени. Словомъ, всѣ государства Европы какъ бы единодушно сознали, что въ настоящую минуту нѣтъ того разстроенаго

наго положенія финансовъ, которое могло бы оправдать уменьшеніе морскихъ силъ или слишкомъ медленное ихъ возобновленіе тамъ, гдѣ онѣ требуютъ преобразованія, и что сокращеніе государственныхъ расходовъ должно быть искомо не въ этой статьѣ государственнаго бюджета, а въ другихъ, менѣе тѣсно связанныхъ съ народною безопасностію и честію, и болѣе темныхъ его частяхъ.

Изъ представленнаго нами быстрого очерка союза 15 Апрѣля и отношеній его къ остальной западной Европѣ довольно ясно слѣдуетъ, что въ этой послѣдней средѣ единственный существенный элементъ, на которомъ можетъ быть рассчитано какое-либо новое опредѣленіе между-государственныхъ отношеній, это движеніе и прусилія народностей; но очевидны и тѣ многочисленныя препятствія, которыми затруднено всякое подобное движеніе. Съ другой стороны, за предѣлами океана, Америка продолжаетъ относиться понынѣ къ Европѣ вообще, и въ особенности къ тройственному союзу, какъ къ факту, ей еще совершенно чуждому; подробное изслѣдованіе, въ какой степени вѣроятно и возможно въ будущемъ подобное продолжительное еще разобщеніе Америки съ Европою, есть конечно предметъ первой и живѣйшей занимательности. Но не останавливаясь на немъ въ настоящую минуту, мы спѣшимъ отыскать нѣчто другое, а именно—ясное, положительное, такъ сказать, документальное удостовѣреніе тѣхъ, еще несравненно болѣе для нашего сердца важныхъ, отношеній, въ которыя дипломатія собственнаго нашего отечества стала къ тому же европейскому явленію—къ тройственному союзу. Мы уже имѣли случай въ одномъ изъ прошлогоднихъ обзорѣй нашихъ, вкорѣ по официальномъ разглашеніи этаго союза, выразить свое личное мнѣніе о важности его для насъ въ томъ смыслѣ, что онъ возвратилъ Россіи полную возможность опредѣленія своихъ между-народныхъ отношеній на новыхъ основаніяхъ. Денеша князя Горчакова, отъ 2-го Сентября, безъ сомнѣнія принадлежащая къ числу важнѣйшихъ дипломатическихъ сообщеній, обмѣненныхъ между собою въ прошедшемъ году европейскими кабинетами, а каждому Русскому особенно любезная, какъ новый несомнѣнный залогъ обновленной политической системы, вишней и внутренней, заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія знаменательныя слова, живо отозвавшіяся въ нашемъ народномъ сознаніи, будто завѣтное для него обѣщаніе и выраженіе его собственной мысли: «Обстоятельства возвратили намъ полную свободу дѣйствій. Государь пріялъ твердое рѣшеніе пресму-

«цественно посвящать свои попеченія на благосостояніе своихъ подданныхъ, и сосредоточить всю дѣятельность государственную на развитіи внутреннихъ силъ общественныхъ, направляя ее наружу лишь тогда, когда того настоятельнѣйшимъ образомъ будутъ требовать положительные выгоды Россіи»... Такое направленіе, неуклонно поддерживаемое, можетъ имѣть вліяніе самое выгодное, и на будущія наши внѣшнія отношенія, и на уваженіе къ намъ западныхъ народовъ. Правильное, широкое и свободное внутреннее развитіе есть незамѣнимое условіе для пріобрѣтенія въ ихъ глазахъ всякимъ государствомъ полного права гражданства и полного права на ихъ собственное искательство; въ этомъ отношеніи каждая вновь проложенная верста желѣзныхъ дорогъ, или вновь устроенное на живучихъ основаніяхъ промышленное предпріятіе, всякое вновь заведенное училище, всякое благодѣтельное возвышеніе существующаго уровня народной нравственности и народнаго богатства, должны болѣе содѣйствовать склоненію вновь Европы къ Россіи, чѣмъ могли бы для этой цѣли сдѣлать совокупныя усилія всѣхъ умнѣйшихъ и преданнѣйшихъ своему отечеству дипломатовъ.

Характеръ внутренняго, такъ сказать, домашняго развитія каждаго изъ государствъ, образующихъ новый трехчленный союзъ, заслуживаетъ также нѣкотораго особеннаго наблюденія. Еще никогда, быть можетъ, союзъ изъ трехъ государствъ не вмѣщалъ въ себѣ такого разнообразія правительственныхъ системъ, вызванныхъ своеобразными особенностями въ живенныхъ условіяхъ каждаго изъ его сочлененій. Правильнѣйшее конституціонное государство, или изукрашенная монархическими символами республика; вулканическое общество, уже около 70 лѣтъ съ неистощимою энергіею отыскивающее себѣ новыхъ, еще нерагаданныхъ, формулъ, и на время пріостаповленное въ своемъ бѣшенномъ движеніи сильною рукою искушеннаго въ житейской дѣлѣ, нежданнаго правителя; наконецъ, дряхлая, разноплычная, разномысленная и разновѣрная имперія, обновляющаяся подъ свѣжимъ дыханіемъ новыхъ токовъ, въ живыхъ водахъ новой государственной науки находящая цѣленіе отъ застарѣлыхъ язвъ, и уже съ пробивающимися свѣжимъ румянцемъ изъ подъ перешедшихъ въ пословицу морщины: — вотъ страшная картина, представляемая западнымъ союзомъ.

Изображеніе, хотя нѣсколько полное, внутренней жизни Франціи въ теченіи послѣдняго года со времени закрытія Парижскаго конгресса, далеко не могло бы умѣститься въ тѣсныя рамки настоящаго нашего

скромнаго обозрѣнія; мы можемъ лишь указать въ главныххъ, существенныхъ чертахъ общій характеръ эпохи, а именно, съ одной стороны — степень и свойство участія французскаго общества во всемъ томъ, что совершается передъ его глазами, съ другой — общій типъ дѣятельности самаго Наполеона. Многотрудную, тяжелую ношу взявъ на себя императоръ Французовъ, и, если подъ бременемъ ея онъ подчасъ изнемогаетъ, то въ этомъ уже конечно невозможно видѣть ни отсутствіе въ немъ дѣятельности, ни недостатокъ приготовленія къ наукѣ царствованія, а развѣ только громадность самой задачи, особенно въ обществѣ, столько уже развитомъ, гдѣ нужды такъ многочисленны и разнообразны, и гдѣ цѣною многихъ перемѣнъ уже, казалось, по-немногу начиналъ устанавливаться нѣкоторый навывкъ къ самоуправленію. Извѣстно, что имперскою конституціею Людовикъ Наполеонъ de facto сосредоточилъ въ своемъ государственномъ совѣтѣ всю законодательную власть и инициативу; онъ вообще мало довѣряетъ свободной игрѣ конституціоннаго механизма, и рѣдко упускаетъ удобный случай гласно, всенародно отдать предпочтеніе быстротѣ и рѣшительности собственныхъ своихъ распоряженій надъ неизбежною медленностію движенія законодательныхъ дѣлъ въ прежнихъ, совѣщательныхъ палатахъ. Таково между прочимъ было существенное содержаніе знаменитаго письма, имъ писаннаго лѣтомъ прошедшаго года, къ министру публичныхъ работъ, по случаю закона о назначеніи огромной суммы 100 милл. франковъ на дренажъ, и предложеній о необходимости обширной системы барражей или плотинъ по всемъ рѣчнымъ сѣтямъ для предотвращенія на будущее время страшнаго бича наводненій. Императоръ усердно и мастерски пользовался этимъ народнымъ бѣдствіемъ для привлеченія къ себѣ общественной любви: дѣятельность его была неутомима; онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лично обозрѣвалъ на мѣстахъ все опустошенія, исчислялъ убытки, щедро помогалъ изъ домашней казны своей, наконецъ открылъ въ громадныхъ размѣрахъ подписку, уже въ Августѣ мѣсяцѣ возросшую до 10 милліоновъ франковъ, при особенномъ усердіи префектовъ къ поощренію частной благотворительности, но конечно непокрывшую и $\frac{1}{20}$ доли всехъ понесенныхъ убытковъ. Съ тою же нѣжною заботливостію относился Наполеонъ также къ нуждамъ безчисленныхъ парижскихъ работниковъ, порожденнымъ между прочимъ страшною дороговизною квартиръ; и здѣсь опять онъ на собственныя деньги спѣшилъ покупать пустыри и застривать ихъ образцовыми дешевыми

помѣщеніями для рабочихъ, и также взывалъ къ частной благотворительности, настойчиво приглашая её слѣдовать за нимъ по новому имъ проложенному пути. А между тѣмъ официальная перепись, какъ бы на зло всѣмъ филантропическимъ стремленіямъ, спѣшила съ своими обличительными статистическими данными, доказывая неопровержимыми фактами, что французское народонаселеніе рѣшительно измѣняетъ своему прежнему бодрому движенію впередъ, въ теченіи цѣлаго пятилѣтія съ 1851 усилившись во всей Франціи только на 256.000 душъ, а во многихъ отдѣльных департаментахъ даже значительно уменьшившись противъ послѣдней переписи. Такъ расплачивалась Франція за одновременное столкновеніе военныхъ трудностей съ неурожаями, хлѣбнымъ и винограднымъ. И между тѣмъ народонаселеніе Парижа въ тотъ же самый промежутокъ времени умножилось болѣе, чѣмъ на 300.000 жителей, покинувшихъ родные очаги въ отдаленныхъ департаментахъ ради обольстительной, но невѣрной приманки дорогихъ казенныхъ заработковъ. Всѣми мѣрами стараясь привлечь къ себѣ благорасположеніе рабочихъ классовъ народныхъ, императоръ съ другой стороны вслѣдствіе ищетъ истребить вліяніе прежнихъ династій, нынѣ томящихся въ тяжкомъ изгнаніи: графъ Шамборъ окончательно разоренъ придирчивымъ процессомъ, оспорившимъ у него въ пользу казны всѣ огромные его лѣса, главное его достояніе; а несчастный Орлеанскій домъ, назначеніемъ тремъ принцессамъ Орлеанскимъ ежегодной пенсіи по 200 т. фр., поставленъ въ грустное положеніе — или принять отъ императора какъ бы милостыню въ замѣнъ незаконно отобраннаго имѣнія, или вовсе лишиться и послѣдней возможности получить хоть что нибудь въ замѣнъ отнятаго. Съ другой стороны, Наполеонъ не успукаетъ изъ виду ничего, что можетъ къ нему крѣпче привязать высшіе слои общества, и въ особенности людей, непосредственно его окружающихъ, и употребляемыхъ имъ въ управленіи; для этого новымъ закономъ, предложеннымъ отъ правительства на одобреніе Законодательнаго Сословія, императору предоставлена власть, въ награду за особенныя услуги назначать пенсіоны сяюю одного своего декрета. Одно время ходилъ даже по Парижу нелѣпный слухъ о скоромъ будто бы возстановленіи новой имперской аристократіи, на подобіе той, которую нѣкогда пытался создать первый Наполеонъ; пожалованіе Пелісье герцогомъ Малаховскимъ съ назначеніемъ ему изъ государственнаго казначейства наслѣдственной ежегодной ренты во 100,000 франковъ каза-

лось первымъ къ тому приступомъ. Слухъ не оправдался, но до времени, по крайней мѣрѣ въ угоду закоренѣлому чванству пережившихъ себя остатковъ стараго французскаго дворянства, подготовленъ новый законъ о воспрещеніи носить титулы, присвоиваемые себѣ безъ законнаго на то основанія. Впрочемъ, несправедливо было бы не отдать Людовику Наполеону той, по истинѣ слѣдующей ему, чести, что рядомъ съ этими болѣе или менѣе удачными попытками всячески утвердить свое собственное личное положеніе, идетъ цѣлый рядъ мѣръ, дѣйствительно достойныхъ его ума, и имѣющихъ цѣлю общественное благо. Сюда должно отнести главнымъ образомъ утвержденіе двухъ большихъ новыхъ стѣей желѣзныхъ дорогъ—алжирской и такъ называемой пиренейской во Франціи, и удвоеніе капитала французскаго Банка въ видахъ усиленія помощи, оказываемой имъ торговлѣ и промышленности. Рѣшимость доровать алжирскимъ степямъ правильные пути сообщенія, нынѣ сдѣлавшіеся необходимыми орудіями просвѣщенія, тѣмъ похвалитѣ, что малолюдство страны этой, представляющей среднее народонаселеніе только въ 300 жителей на каждую квадратную милю, или 6 человекъ на квадратную версту, служило въ этомъ отношеніи донинѣ пугаломъ для всѣхъ государственныхъ людей Франціи. Императору принадлежитъ честь правильнаго уразумѣнія истинныхъ нуждъ края и твердой рѣшимости въ избраніи лучшихъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Независимо отъ этого, съ помощью дорого стоившихъ артезианскихъ колодезевъ, добыта тамъ же вода въ мѣстахъ, до сихъ поръ ея лишенныхъ; положено наконецъ твердое начало распродажѣ съ торговъ пустопорожныхъ казенныхъ земель по примѣру того, какъ это ежегодно производится въ Америкѣ. Прежде нежели окончательно рѣшиться на удвоеніе банковаго капитала, замышлявшееся еще первымъ императоромъ, но въ то время имѣвшее противъ себя мнѣніе извѣстнаго его министра графа Молмена, Людовикъ Наполеонъ двукратно созывалъ особенные чрезвычайные совѣты приглашалъ специальныхъ людей къ участию въ ихъ преніяхъ подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, и по зрѣломъ обсужденіи дѣла, положилъ привести его въ исполненіе. Еще съ болѣею осторожностію приступалъ онъ къ преобразованію тарифа, тщательно вопрошая и выслушивая всѣ затронутыя интересы и всѣхъ людей, практически знакомыхъ съ дѣломъ; для свободнаго обсужденія вопроса была даже допущена правительствомъ какъ-бы нѣкоторая агитация, невоспрещено составиться дѣлѣ или союзу въ пользу свободной торговли по примѣру бывшихъ

въ Англіи; не воспрещена и самая ожесточенная противъ нея полемика, и когда правительство усмотрѣло въ обществѣ сопротивленіе слишкомъ жаркое своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ немедленнаго отмѣненія или пониженія въ огромныхъ размѣрахъ многихъ привозныхъ пошлинъ, — оно сперва декретомъ 22 Іюня видоизмѣнило свои предположенія, а въ послѣдствіи объявило, что до 1 Іюля 1861 года, для статей, нынѣ вовсе запрещенныхъ къ привозу, это запрещеніе во всякомъ случаѣ отмѣнено не будетъ. Замѣчательно при томъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ французскій привозный тарифъ донинѣ несравненно строже нашего: такъ онъ до сихъ поръ вовсе воспрещаетъ ввозъ бумажной пряжи; и даже новый проэктъ имѣлъ лишь цѣлю установить пошлину, возвышающуюся сообразно номерамъ и свойству пряжи отъ 1 фр. 44 сантимовъ до 8 фр. 40 сант. съ килограмма (то есть отъ 5 р. 90 коп. сер. до 34 руб. сер. за пудъ) и выше, для самыхъ цѣнныхъ ея сортовъ, тогда какъ въ Россію пряжа допускается съ платежемъ однообразной платы лишь 5 руб. сер. съ пуда безъ всякаго различія номеровъ. Мы не оправдываемъ окончательнаго рѣшенія французскаго правительства на счетъ тарифа своего; мы скорѣе даже склонны думать, что пользы Франціи требовали совершенно противнаго при настоящей степени развитія ея промышленности, при обиліи въ ней рукъ и капиталовъ и дешевизнѣ каменшаго угля; но справедливость требуетъ признанія, что правительство, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ правильно оцѣнило несомнѣнныя выгоды гласности и добросовѣстнаго отношенія къ отечественной промышленности.

Между тѣмъ среди шумныхъ толковъ, возбужденныхъ вещественными интересами въ дѣлѣ тарифа и благоразумно терпимыхъ правительствомъ, стали въ истекшемъ году подчасъ подниматься и другіе вопросы, касающіеся болѣе возвышенныхъ сторонъ человѣческаго развитія. Оцѣненѣвшее французское общество, какъ бы съ трудомъ очнувшись наконецъ отъ страха, на него напалнаго февральскою революціею и декабрьскимъ переворотомъ, отвыкаетъ по немногу отъ того гробоваго молчанія, которое три года сряду никто не осмѣливался прервать, и начинается въ литературной формѣ заявлять свой политическій протестъ, тщательно облакаемый въ критику на другія эпохи или страны чужія. Въ главѣ этого движенія стоятъ нѣсколько преданій стараго времени: *Journal des Debats*, съ его живою полемикою, Академія, гдѣ пріемъ всякаго новаго члена

торжественно празднуется рѣчью, произносимую кѣмъ-либо изъ старыхъ, по немногу вымирающихъ политическихъ личностей Франціи конституціонной—или Гизо, или герцогомъ де Броглію, или Фалгу. Къ числу лучшихъ явленій этой же стороны французской жизни принадлежатъ въ особенности двѣ замѣчательнѣйшія книги — Монталамбера и Токвиля, которыми по всемъ вѣроятіямъ выпала заслуженная доля открыть собою новую эпоху умственной дѣятельности во Франціи. Таковы первые симптомы оживленія въ верхнихъ слояхъ общества; оно отсюда какъ бы проникаетъ даже слегка въ пренія свѣдѣтельныхъ сословій, но здѣсь постоянно замираетъ на самыхъ первоначальныхъ оппозиціонныхъ пріемахъ. Ниже всего этого поверхностнаго движенія, доступнаго наблюденію всякаго, даже иностранца, а для французскаго правительства не представляющаго ничего, что бы не могло быть имъ съ совершенною точностію взвѣшено, исчислено и разсчитано, — совершается въ незримой глубинѣ народной другая, какъ бы подземная, неуловимая, работа духа и мысли, о которой доходятъ до насъ лишь немногія, самыя неясныя указанія, и которая едва ли можетъ быть съ точностію изслѣдована самымъ правительствомъ Наполеона. Тутъ кипятъ все сдержанныя страсти французскаго народа, лишеныя всякаго правльнаго внѣшняго выраженія; и только ими объясняются тѣ ежечасные слѣды заговоровъ, на которые безпрестанно нападаетъ императорская полиція, всюду встрѣчающаяся тайныя общества, то въ формѣ такъ называемой Маріанны, то въ другихъ разнообразнѣйшихъ видахъ. Юношество военныхъ школъ парижскихъ, очевидно, также мало сочувствуетъ современному порядку. Между высшимъ и низшимъ духовенствомъ царствуетъ совершеннѣйшій разладъ, плачевно засвидѣтельствованный трагическою сценою убійства парижскаго архіепископа, но безъ сомнѣнія питаемый деспотизмомъ епископовъ, противъ котораго должна была вооружиться наконецъ самая свѣтская власть. Вся остальная Франція торгуется — продаетъ и покупаетъ на биржѣ, въ упоеніи вещественнаго приобрѣтенія находя себѣ отводъ отъ всего, что составляло нѣкогда ея жизнь, какъ бы забывъ общественное дѣло и равнодушно отстранившись отъ всехъ мѣстныхъ выборовъ и интересовъ. Глубокій знатокъ человѣческаго сердца и всегда вѣрный цѣнитель факта, Людовикъ Наполеонъ не можетъ не примѣчать совершающагося кругомъ его; онъ самъ спѣшитъ уже новыми постановленіями положить предѣлъ имъ самимъ возбужденному току корыст-

ныхъ страстей; онъ самъ подчасъ негодуеъ на французское общество и упрекаетъ его всегда краснорѣчивымъ словомъ своимъ въ неисправимой безпомощности и постыднѣйшемъ равнодушіи.

Англія, сказали мы, представляетъ, напротивъ, образъ правильнѣйшаго гражданского развитія. До этого высокаго типа она достигла посредствомъ неутомимой вѣковой работы надъ собственными учрежденіями и непрестаннаго принаровленія ихъ къ разрастающимся требованіямъ живой личности своего гражданина. Въ новѣйшее время, послѣ продолжительнаго, почти исключительнаго развитія учреждений аристократическихъ, она рѣшилась покинуть этотъ, уже слишкомъ узкій для себя путь, и постановленіями о парламентской реформѣ, и объ отиѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и покровительственной системы, смѣло пошла, подъ руководствомъ передовыхъ мужей вѣка, по новой дорогѣ общественнаго демократическаго развитія. Но всякій шагъ впередъ обусловливаетъ и вызываетъ новыя требованія: крымская война, какъ мы уже видѣли, вновь обнаружила многія застарѣлыя язвы, дотолѣ сокрытыя спокойнымъ теченіемъ жизни; общественное мнѣніе возстало, и политическое волненіе на этотъ разъ проникло, быть можетъ, глубже, чѣмъ когда-либо прежде. Во главѣ министерства стоялъ и стоитъ понынѣ престарѣлый государственный мужъ, безъ сомнѣнія отличный умомъ и политическими свѣдѣніями, но воспитанный какъ бы въ кровномъ сочувствіи ко всѣмъ старымъ аристократическимъ злоупотребленіямъ конституціи, какъ къ вѣрнымъ средствамъ кормленія для семействъ палаты лордовъ: выгъ по политическому своему положенію, но во глубинѣ души ожесточенный доктринеръ. Это личное расположеніе лорда Пальмерстона, соединенное съ желаніемъ, во что бы ни стало, удержать за собою и политическую власть и вещественныя выгоды носимаго званія, и все это, въ связи съ тѣмъ страшнымъ разложеніемъ партій, которое составляло отличительную черту отжившей свой вѣкъ нижней палаты и было доведено въ ней до крайнихъ предѣловъ бурными тревогами войны съ Россією,—породило ту совершенную неспособность къ правильному пониманію внутреннихъ нуждъ и общественныхъ требованій, подъ бременемъ которой пала палата, и въ которой глубоко заподозрѣно предъ Англією само министерство. Последнее отвергало въ минувшемъ засѣданіи парламента всѣ безъ изыятія реформы, живя лишь внѣшнею политикою и непрестанно раздувая внѣшнія несогласія, дабы найти себѣ въ народномъ самолюбіи и па-

триотизмъ защиту противъ явнаго нерасположенія къ себѣ законодательнаго большинства. Вотъ почему со времени парижскаго мира, даже внутренняя исторія Англіи какъ бы нераздѣльно сливается съ исторіею ея многосложныхъ вѣдшихъ сношеній, и только въ связи съ послѣдними можетъ быть подробно разсказана. Оппозиція, съ своей стороны, пыталась цѣною пожертвованія всеми политическими началами вырвать бразды правленія у стараго министра, равно ненавидимаго, и немногими сохранившимися въ парламентѣ старыми протекціонистами, и обновленными торіями, и школою манчестерскою, и Пиллистами, и партіею демократическою. Впрочемъ, знаменитая коалиція по вопросу китайскому, погубившая въ глазахъ избирателей всю манчестерскую школу, недолго могла торжествовать свою побѣду надъ искушеннымъ въ парламентской жизни министромъ; ибо смѣлое обращеніе лорда Пальмерстона къ народу, призванному избрать себѣ новую палату, если не рѣшило дѣло въ его пользу, — ибо все покуда еще закрыто, — то во всякомъ случаѣ, отерочило, по крайней мѣрѣ на время, его паденіе, и возбудило рѣшительный, хотя и небезпристрастный, приговоръ націй надъ самою коалиціею. Новый парламентъ теперь уже собранъ. Англія походитъ въ настоящую минуту на человѣка, погруженнаго въ глубокое раздумье и крѣпко озабоченнаго настоятельною необходимостію принять окончательное твердое рѣшеніе на счетъ будущаго плана своей жизни. Будетъ ли новая палата долговѣчна? Возьмѣтъ ли къ ней подлежащее довѣріе англійскій народъ, привыкшій считать парламентъ вѣрнымъ представителемъ своихъ выгодъ и возрѣній лишь тогда, когда всѣ мнѣнія и всѣ партіи имѣютъ въ немъ своихъ защитниковъ, и невидящій теперь въ обновленной средѣ его ни Кебдена, ни Брайга, столь долго любимыхъ и имъ самимъ принесенныхъ въ жертву корисооооо? Не предвѣщаетъ ли также исключеніе изъ палаты многихъ первостепенныхъ личностей новыя еще опаснѣйшія бури внѣ парламентскихъ стѣнъ, новую агитацію въ самихъ народныхъ массахъ? Уснѣтъ ли наконецъ новая палата неприкосновенно сохранить всегда ясный политическій смыслъ, отличавшій прежніе англійскіе парламенты, тогда какъ въ ней сидитъ до 200 членовъ, не принимавшихъ еще участія въ законодательныхъ трудахъ? Вотъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе принадлежитъ ближнему будущему. Мы, съ своей стороны, можемъ указать лишь на то поприще, на которомъ должна завязаться существеннѣйшая борьба старыхъ и новыхъ

началъ. Лордъ Пальмерстонъ, являясь передъ новымъ парламентомъ, явно носщимъ на себѣ сильную краску либерализма, увидѣлъ себя вынужденнымъ обѣщать длинный рядъ давно требуемыхъ реформъ: онъ самъ внесъ билль для измѣненія присяги, донынѣ закрывавшей Евреямъ доступъ въ нижнюю палату и упорно до сихъ поръ поддерживавшейся палатою перовъ; онъ обѣщалъ преобразования въ законахъ о бракѣ, о наследованіи, о злоупотребленіи чужаго довѣрія; наконецъ онъ долженъ былъ попытаться вырвать изъ рукъ оппозиціи самое дѣятельное ея орудіе и обязался самъ предложить новое распространеніе избирательныхъ правъ, отсрочивъ только подачу билля до будущаго года. Вотъ роковой вопросъ, разрѣшеніе котораго, въ болѣе или менѣе обширномъ смыслѣ, должно установить будущія судьбы самой Англіи, и который теперь едва ли можетъ быть совершенно обойденъ и замѣненъ какими-либо другими второстепенными, но быть можетъ еще необходимѣйшими реформами (какъ то легко могло быть сдѣлано нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Въ прошедшемъ еще засѣданіи палаты, лордъ Пальмерстонъ, и даже лордъ Джонъ Россель положительно отвергали необходимость всякой избирательной реформы, разсчитывая, что для Англіи вполнѣ достаточно въ настоящее время наличное число ея избирателей, превосходящее 4 раза число лицъ, пользовавшихся тѣмъ же правомъ во Франціи на канунѣ февральскаго переворота. Напрасно г. Локъ Кингъ старался въ то время скрыть тайныя наміренія демократической партіи, и вносилъ предложеніе, искусно составленное на первый разъ, въ смыслѣ какъ бы благопріятномъ земледѣльческому сословію, но въ сущности представлявшее лишь первое звѣно цѣлой системы избирательныхъ преобразованій, и окончательво направленное къ крайнему пониженію ценза и къ торжеству ремесленныхъ сословій. Предложеніе это было тогда отвергнуто; но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: уже самъ Morning Post проповѣдуетъ увеличеніе числа избирателей двадцатью пятью тысячами лицъ, хотя и не имѣющихъ собственности, но заслужившихъ какой-либо дипломъ; а демократическія газеты прямо предъявляютъ свое требованіе на полное и коренное преобразование.

Но изъ всѣхъ государственныхъ мужей современной Европы задачу, самую многосложную и неблагодарную, получили на свою долю настоящіе правители Австрійской имперіи. На именахъ Брука и Баха нелегко останавливается съ особеннымъ уваженіемъ мысль каждаго

просвѣщеннаго чловѣка, и, каковы бы ни были его личныя политическія убѣжденія, какъ бы ни былъ онъ враждебно расположенъ къ отечеству этихъ двухъ мужей, ему невозможно не питать горячаго сочувствія къ ихъ терпѣливому труду. Недавно одинъ даровитый писатель посвятилъ три прекрасныя статьи въ одномъ изъ новыхъ повременныхъ изданій нашихъ живому и поучительному очерку всего того, что сдѣлано возраждающею Австріею для улучшения своего финансоваго положенія и для прочнаго обновленія своихъ внутреннихъ силъ. Любопытный читатель найдетъ въ нихъ много фактовъ, доказывающихъ возможность для Австріи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ помощію просвѣщеннаго министра своего, выйти изъ того запутаннаго финансоваго положенія, которое баронъ Брукъ наслѣдовалъ отъ предшествовавшихъ ему управленій. Рядомъ съ этимъ какъ бы хозяйственнымъ обновленіемъ своимъ, основаннымъ на правильномъ пониманіи самой сущности народныхъ силъ и лучшихъ законныхъ средствъ къ ихъ развитію, идетъ столько же просвѣщенная и заботливая дѣятельность и во всѣхъ прочихъ частяхъ государственнаго управленія. Тамъ кипитъ живая работа, приносящая за собою и живые результаты, постоянно и неуклонно направленная къ одной разумной цѣли, и потому безошибочно ее достигающая. Австрійское правительство безъ предразсудковъ и самообольщенія смѣло смотритъ въ глаза всякой не легко разрѣшимой задачѣ, не ищетъ себѣ прибѣжища отъ настоятельной злобы дневной за мнимыми удобствами отсрочки на долгое время всякаго серьезнаго дѣла, и не накаплиетъ себѣ трудностей въ будущемъ. Такъ, устроивая финансы свои и раздѣляясь съ застарѣлымъ своимъ дефицитомъ, она въ одно и то же время проводитъ новыя сѣти желѣзныхъ дорогъ въ восточныхъ своихъ предѣлахъ, примыкая ихъ къ точкамъ ближайшимъ отъ нашихъ южныхъ границъ, приступаетъ къ правильному вооруженію всей Галиціи цѣлою системою укрѣпленій, снимаетъ съ помощію 80 офицеровъ генеральнаго штаба подробнѣйшую военно-топографическую карту Придунайскихъ княжествъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она старается создать себѣ флотъ и учреждаетъ новое отдѣльное морское управленіе; вступаетъ въ дѣятельнѣйшіе переговоры съ Пруссіею и всѣми германскими государствами, почти въ одно и то же время въ разныхъ пунктахъ—въ Ганноверѣ, въ Нюрнберѣ, въ Вѣнѣ, договариваясь о введеніи въ Германіи однообразнаго вѣса, однообразной монетной системы и однообразнаго коммерческаго уложенія, и стараясь объ

открытіи себѣ доступа въ сѣверный таможенный союзъ. Съ другой стороны, цѣлымъ рядомъ новыхъ постановленій отмигаются внутренніе паспорта, сглаживаются различія въ мѣстныхъ управленіяхъ, и разноплеменная имперія постепенно подводится подъ общій уровень. При этомъ даруются пространныя всепрощенія и льготы, и милостями, если не привлекаются, то по крайней мѣрѣ усердно призываются къ государственному общенію всѣ, до сихъ поръ его чуждавшіеся или отчужденные. Наконецъ, и релігіозный элементъ получаетъ полную законную свободу развитія и дѣятельности, нигдѣ не подавляемую безнаказанно: первоначально собирается въ Вѣнѣ католическій соборъ; вслѣдъ за нимъ вѣроятно не преминетъ возвысить свой голосъ и синодъ протестантскаго духовенства.

Остановливаясь на совокупности этихъ явленій, мы съ одной стороны не можемъ не признать, что такое разумное направленіе, даваемое живымъ внутреннимъ силамъ государства, необходимо должно отразиться плодотворно и на степени его внѣшняго вліянія и силы; съ другой — мы не можемъ не скорбѣть отъ глубины души при мысли, что правительство, пошедшее столь блистательнымъ путемъ существеннѣйшихъ улучшеній, лишено исторіею, какъ бы не доброжелательною мачихою, всякой твердой, законной почвы для своей дѣятельности, и что оно, вслѣдствіе злаго историческаго рока, единою лишь силою штыковъ и искусствомъ ссорить между собою враждебныя національности можетъ удержать свое владычество надъ многочисленнѣйшею и лучшею частію своихъ областей. Это не мѣшаетъ впрочемъ Австріи, пользуясь обстоятельствами, предъявлять еще дальнѣйшія притязанія свои на другія еще племена—искать, на примѣръ, рѣшительнѣйшаго вліянія въ княжествахъ Придунайскихъ и въ любезной намъ Черногоріи. Въ какой мѣрѣ можетъ она успѣть въ этихъ новыхъ промислахъ — вотъ вопросъ, невольно западающій на мысль каждому Русскому....

Кн. В. Черкасскій.

18 Мая
1857.
Москва.

ОБОЗРѢНІЕ

ВЫСШАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

-Великая общественная нужда нашего времени
-выразилась въ учрежденіи особыхъ школъ, въ
-которыхъ преподаваніе физическихъ наукъ за-
-нимаетъ первое мѣсто.-

ЛИБЕНЪ.

Своевременность мысли объ образованіи высшихъ гражданскихъ техникумовъ въ нашемъ отечествѣ. Значеніе среднихъ техническихъ школъ. Сравненіе высшихъ техническихъ школъ французскихъ съ нѣмецкими. Консерваторія искусствъ и ремеселъ въ Парижѣ составляетъ цѣлый техническій факультетъ. Состояніе вопроса о высшемъ техническомъ образованіи у Англичанъ. Возраженія противъ техническихъ школъ. Отношеніе ихъ къ классическому образованію. Препятствія къ ихъ развитію.

1.

Недостаточно указывать государству, что ему нужно дѣлать для развитія своихъ производительныхъ силъ; недостаточно предлагать различныя финансовыя средства для полученія капиталовъ: нужны еще люди; а потому въ числѣ непремѣнныхъ условій развитія народнаго благосостоянія помѣщается многими политико-экономами спеціальное техническое образованіе. Но, чтобы вліяніе его было благотворно, необходимы прежде нѣкоторыя экономическія преобразованія, которыя расширили бы поприще труда, и поставили бы его въ лучшія условія.

Въ виду предпріятій для улучшенія путей сообщенія и нѣкоторыхъ другихъ преобразованій, при оживленія нашей умственной дѣятельности и народнаго просвѣщенія, своевременно, кажется, подумать объ учрежденіи высшихъ техническихъ школъ, безъ которыхъ невозможно распространеніе спеціальныхъ свѣдѣній въ большинствѣ народа. Мы говоримъ своевременно, потому что результаты ученія приходятъ не вдругъ; много нужно лѣтъ на развитіе у насъ механической и химической науки.

Нельзя сказать, чтобы у насъ этому не было положено начала; иностранцы инженеры найдутъ въ Россіи порядочныхъ себѣ помощниковъ; но отъ чего же не подумать объ образованіи своихъ инженеровъ-механиковъ и инженеровъ-химиковъ? Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, обнаруживается та истина, что спеціальность успѣшно развивается только на основаніи общаго подготовленія; а у насъ пока нѣтъ такой технической школы, въ которую поступали бы молодые люди съ хорошимъ предварительнымъ образованіемъ. Заграничныя школы отъ того и процвѣтаютъ, что принимаютъ слушателей, уже получившихъ достаточное общее образованіе. Мы не имѣемъ такихъ заведеній, какова парижская Центральная школа искусствъ и мануфактуръ, каковы политехническія школы въ Вѣвѣ, Ганноверѣ, Карлсруэ, Касселѣ, Мюнхенѣ, Штутгардѣ, Аугсбургѣ, и пр. Если же теперь не всѣ наши фабриканты и заводчики чувствуютъ надобность въ высшихъ техникахъ, и слѣдовательно не всѣ будутъ употреблять ихъ для улучшенія своего дѣла, то позволительно думать, что число таковыхъ съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться: необходимость понизить цѣны на продукты своихъ фабрикъ и заводовъ заставитъ многихъ обратиться къ знающимъ дѣло людямъ. Благодѣтельные результаты отъ внутренняго соперничества немислмы при недостаточномъ развитіи промышленности. А возможно ли развитіе промышленности безъ науки? Утверждать такую возможность могутъ только тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о теперешнемъ состояніи механическихъ и химическихъ производствъ. А потому мы считаемъ совершенно логичными дѣйствія тѣхъ немыслихъ изъ нашихъ протекціонистовъ, которые, требуя охраненія промышленной дѣятельности, всѣми силами души стремятся къ водворенію у насъ спеціальныхъ техническихъ знаній. Къ сожалѣнію большинство думаетъ иначе. Во многихъ статьяхъ, написанныхъ по сему предмету, объ изученіи промышленнаго дѣла ничего не говорится, тогда

какъ въ этомъ заключается главное условіе охраненія народной промышленности. Безъ добросовѣстнаго и непрерывнаго стремленія къ внутреннимъ улучшениямъ, высокой тарифъ будетъ налогомъ совершенно несправедливымъ и бесполезнымъ. Тяжело и неразумно платить деньги безъ всякой цѣли, невозможно поддерживать долго того, кто самъ не хочетъ держаться на ногахъ.

Съ другой стороны, наши вожди на литературномъ поприщѣ утверждаютъ, что намъ въ настоящее время надобно думать только о грамотѣ, объ элементахъ общаго образованія. Это уже излишнее смиреніе, забывающее давнишнее существованіе нашихъ училищъ всѣхъ разрядовъ, и состоящее въ явномъ противорѣчій съ желаніемъ тѣхъ же вождей видѣть въ Россіи и желѣзныя дороги, и пароходы, и лучшую обработку сырыхъ продуктовъ.

Не забудемъ, что свѣтъ знанія проливается сверху, и что у насъ есть немало людей, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и ничего не дѣлающихъ. Мы думаемъ даже, что и общее образованіе много бы выиграло, если бы этимъ людямъ и другимъ грамотѣямъ дана была возможность посвятить себя чему-либо другому, кромѣ сладкаго *tag niente* или переписыванія и составленія форменныхъ бумагъ. Сколько юношей, окончившихъ университетскій курсъ, отстаютъ отъ всего живаго, вдали отъ науки и искусства; нужда приковываетъ ихъ часто къ сухому и мертвому дѣлу; *сколько у насъ искателей самаго незначительнаго мѣста?* А между тѣмъ промышленность составляетъ важный элементъ жизни современнаго общества, и слѣдить за ея успѣхами, или участвовать въ ней, значить дѣлать то, что очень свойственно нашему времени.

Вычисленіе какой-либо машины или зданія, веденіе химическаго разложенія, требуютъ, и знанія, и напряженія ума.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія что общее образованіе народа выигрываетъ отъ развитія промышленности, поддерживающей въ своихъ дѣятеляхъ стремленіе къ пріобрѣтенію знаній и непрерывную умственную работу.

Такимъ образомъ, и желаніе оправдать тѣ пожертвованія, которыя дѣлаетъ государство для промышленности, и желаніе найти лучшее занятіе для нашихъ молодыхъ людей, получившихъ хорошее общее образованіе, и наконецъ желаніе большаго успѣха народному образованію, налагаютъ на насъ долгъ подумать объ учрежденіи въ Россіи широкаго преподаванія техническихъ наукъ.

Мы страдаемъ отъ того, что управленіе какою-либо частію нерѣдко находится въ рукахъ людей, имѣющихъ о ней самое слабое понятіе.

Промышленность, сдѣлавшись самостоятельною, обогатившись людьми, знающими свое дѣло, можетъ дать хорошій урокъ всякой другой администраціи; а пока въ незавидномъ она сама находится положеніи. Пришло время выйти изъ него; по крайней мѣрѣ, въ желаніи всеобщемъ пѣтъ сомнѣнія. И тѣмъ оно должно быть сильнѣе въ отношеніи къ нашему отечеству, что Русскіе особенно способны къ практическимъ занятіямъ. Бывшіе профессора Института путей сообщенія, Ламе и Клаперонъ, заслужившіе европейскую извѣстность, часто выражали мнѣніе, что «Русскіе отличались быстрыми успѣхами въ прикладныхъ наукахъ и практическихъ занятіяхъ. Большая часть изъ воспитанниковъ Института достигали въ искусствѣ черченія такого совершенства, до котораго едва ли могутъ возвыситься ученики Политехнической школы.» «Сдѣлавшись инженерами, ученики, отличившіеся успѣхами въ прикладныхъ наукахъ, блистали своими знаніями и своею дѣятельностію. Не разъ удивлялись мы, съ какимъ искусствомъ и самоувѣренностію управляли они обширными работами «я большими массами рабочихъ....»

То, что было сдѣлано назадъ тому сорокъ лѣтъ для нашихъ публичныхъ работъ, то предстоить сдѣлать намъ для нашихъ фабрикъ, заводовъ и сѣльской промышленности. Конечно развитіе всего этого зависить отъ многихъ причинъ, но люди играютъ въ немъ непослѣднюю роль. Легче построить желѣзныя дороги и сдѣлать нѣкоторыя экономическія реформы, нежели образовать спеціалистовъ по всѣмъ частямъ. «Исполненскіе успѣхи наукъ и художествъ,» сказалъ знаменитый нашъ хирургъ, «сдѣлали спеціализмъ необходимою потребностію общества.» Намъ болѣе всего недостаетъ технического спеціализма, знанія фабричнаго и заводскаго дѣла, а между тѣмъ у насъ они должны бы приняты хорошо и принести плодъ, судя по нѣкоторымъ фактамъ въ другихъ сопряженныхъ сферахъ. Мы имѣемъ отличныхъ военныхъ и горныхъ инженеровъ; наши строители нѣкоторыхъ мостовъ и дорогъ могли бы вездѣ занять почетное мѣсто.

Всѣ убѣждены въ разнообразіи способностей и наклоностей людей; многіе полагаютъ даже, что это разнообразіе существуетъ для

цѣлыхъ народовъ. Не лѣзя совершенно не соглашаться съ этимъ. Не возводя этого замѣчанія въ общее положеніе, мы однакоже не имѣемъ причины предполагать, что преподаваніе у насъ техническихъ наукъ не достигнетъ своей цѣли; скорѣе можно утверждать противоположное. Вспомнимъ, съ какимъ энтузіазмомъ привѣтствовали у насъ Институтъ путей сообщенія; въ сочувствіи общества не было недостатка.

Быть можетъ начальное образованіе самихъ глубокихъ массъ народа выиграетъ отъ предлагаемаго нами дополненія къ высшему образованію нашего молодаго поколѣнія: техники находятся въ безпрепятственномъ соприкосновеніи съ рабочимъ классомъ народа.

Посвятимъ же нѣсколько страницъ ближайшему разсмотрѣнію этого важнаго предмета.

II.

Прислушиваясь къ различнымъ мнѣніямъ нашихъ соотечественниковъ о высшемъ техническомъ образованіи, невольно приходишь къ заключенію, что этотъ важный предметъ не былъ еще подвергнутъ у насъ надлежащему обсужденію. А между тѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, на ряду съ университетами и специальными военными школами, существуютъ высшія техническія школы: таковы въ Парижѣ Центральная школа искусствъ и мануфактуръ, Консерваторія искусствъ и ремеслъ, и отчасти, знаменитая Политехническая школа. Хотя эта послѣдняя преимущественно служитъ рассадникомъ специальныхъ школъ артиллеристовъ, инженеровъ военныхъ, путей сообщенія, горныхъ и морскихъ; однакожъ многіе изъ извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ французской промышленности вышли изъ Политехнической школы. Въ Лондонской королевской коллегіи есть особое инженерное отдѣленіе; въ Берлинѣ основанъ давно уже Ремесленный институтъ; въ Мюнхенѣ существуетъ при университетѣ реальное отдѣленіе, которое временно существовало и у насъ при С.-петербургскомъ университетѣ, и дало замѣчательныхъ техниковъ. Казалось, и множество примѣровъ, и собственный опытъ, должны бы показать пользу высшаго преподаванія техническихъ знаний; но не только не видимъ мы развитія начатаго, напротивъ, замѣчаемъ уничтоженіе того, что уже было.

За то мы имѣемъ нѣсколько среднихъ техническихъ школъ, доставляю-

щих второстепенныхъ дѣтелей нашей промышленности, безъ которыхъ также не лзя обойтись; но значеніе этихъ школъ всегда будетъ ограничено вслѣдствіе *недостаточнаго пригтовительнаго образованія* вступающихъ учениковъ и неясности призванія и наклонностей вовсе неразвитаго юноши: бѣлая часть изъ нихъ поступаетъ безъ достаточнаго пониманія той цѣли, для которой учреждена школа, и важности того поприща, на которомъ они со временемъ должны дѣйствовать. Какъ бы то ни было, но учрежденіе среднихъ техническихъ школъ приноситъ несомнѣнную пользу, образуя второстепенныхъ техниковъ, точно такъ, какъ существованіе уѣздныхъ училищъ и гимназій въ отдаленныхъ краяхъ нашего отечества благотельно для народа: для многихъ юношей, по разнымъ причинамъ, они служатъ единственнымъ источникомъ образованія.

Не забудемъ только того, что въ средней специальной школѣ изъ многихъ званыхъ можетъ выйти мало избранныхъ. по причинѣ, именно, неспособности нѣкоторыхъ учениковъ къ специальнымъ предметамъ,—предметамъ, преподаваемымъ въ школѣ. Этихъ простыхъ выводовъ не лзя впрочемъ приложить къ такимъ заведеніямъ, въ которыхъ ручная работа составляетъ главную цѣль: тутъ раннее начинаніе можетъ быть очень полезно.

Опытъ показываетъ, что полное университетское образованіе получаютъ весьма немногіе сравнительно съ числомъ учащихся въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. На это есть много весьма уважительныхъ причинъ; передѣлать этотъ порядокъ дѣлъ никто не въ состояніи. Недостаточность средствъ и способностей играютъ тутъ непослѣднюю роль. Конечно малоспособные не могутъ быть и высшими техниками; но они могутъ быть пригтовлены къ занятіямъ второстепенной важности, напр., къ черченію машлп съ оригиналовъ и съ природы, къ установкѣ и сборкѣ ихъ, къ нивелированію мѣстностей, къ отправленію должности лаборанта, наконецъ къ пониманію и выполненію проектовъ инженера. Тутъ средніе технические классы принесутъ большую пользу.

Но я не могу согласиться съ мнѣніемъ многихъ нѣмецкихъ писателей, полагающихъ, что средняя техническая школа должна быть разсматриваема какъ школа пригтовительная къ высшей специальной школѣ. Объясню это примѣромъ. У насъ есть Земледѣльская школа и высшій Горьгорьщій институтъ. По моему мнѣнію, не слѣдуетъ такъ вести дѣло, чтобы первая была пригтовленіемъ къ послѣднему. Да оно

такъ и не ведется: въ Горыгорѣцкій институтъ поступаютъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ или въ семинаріяхъ; разсадникомъ же земледѣльческихъ и вообще среднихъ техническихъ школъ должны быть уѣздныя училища.

По счастью эти мысли сдѣлались теперь общезвѣстными; желательно, чтобы они повсюду приводились въ исполненіе. И такъ, для насъ средняя техническая школа не есть учебное заведеніе приготовительное, но окончательное для тѣхъ, которые, по разнымъ причинамъ, не могутъ получить классическаго образованія. Первое мѣсто занимаютъ въ ней математическія и физическія науки, конечно не въ такомъ развитіи, какое возможно въ высшей школѣ. Ниже показано отношеніе высшихъ техническихъ школъ къ классическому образованію.

III.

Предметъ нашей статьи составляютъ высшія техническія школы. Цѣль этихъ школъ доставить государству такихъ дѣятелей въ области промышленности, которые должны обладать основательными знаніями математики и естественныхъ наукъ и всѣхъ ихъ разнообразныхъ приложеній.

Учредители парижской Центральной школы такъ выразили цѣль своего заведенія: «Центральная школа назначается специально для образованія гражданскихъ инженеровъ, директоровъ фабрикъ и заводовъ, преподавателей прикладныхъ наукъ, и пр.; она должна доставлять промышленности людей, способныхъ вносить свѣтъ наукъ физическихъ и естественныхъ въ управленіе этими заведеніями и большими общественными работами.» «Исполнить это обще-полезное дѣло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить молодымъ людямъ, имѣющимъ нѣкоторое расположеніе къ изученію прикладныхъ наукъ, независимое и почетное положеніе,—такова двойная цѣль устройства школы.»

Полный составъ высшей технической школы предполагаетъ слѣдующія специальности: сельское хозяйство, лѣсоводство, металлургію, строительное искусство, механику и химію. Но такой полноты, кажется, нигдѣ не существуетъ. Какъ факультеты во Франціи, такъ и эти специальности, нерѣдко существуютъ отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Но для всѣхъ почти равно важно предварительное приготовленіе въ математикѣ, естественныхъ наукахъ, рисованіи и

черченіи. Эти предметы должны быть повторены въ первомъ курсѣ высшей технической школы. Чтобы наши гимназій, какъ это желательно, могли сдѣлаться разсадникомъ всѣхъ спеціальныхъ школъ, въ нихъ должно быть усилено преподаваніе естественныхъ наукъ, рисованія и черченія. Если у насъ и говорятъ нѣкоторые противъ теперешняго преподаванія этихъ предметовъ въ гимназійхъ, то именно со стороны его неполноты и неудовлетворительности: надобно придумать систему, лучше ведущую къ цѣли. Во всякомъ случаѣ повтореніе и развитіе математики, естественныхъ наукъ и технического рисованія, мы считаемъ необходимымъ въ первомъ году ученія въ высшей технической школѣ.

Далѣе мѣтнія раздѣляются. Учредители парижской Центральной школы сдѣлали всѣ курсы (за исключеніемъ лѣсоводства и сельскаго хозяйства, которыя вовсе не преподаются въ школѣ) обязательными для всѣхъ учениковъ. По ихъ мѣтнію, всякій техникъ долженъ знать всѣ части прикладной науки. Искусства, повидимому самыя отдаленныя, имѣютъ не рѣдко сходныя производства, но выполняютъ ихъ различными способами; образованіе въ высшей технической школѣ должно содѣйствовать перенесенію лучшихъ способовъ изъ одной промышленности въ другую, и такимъ образомъ оно можетъ ввести повсюду усовершенствованія въ приемахъ и орудіяхъ, обеспечивающія успѣшный ходъ всего производства. Но практическія занятія слушателей различны; самыя проекты для полученія диплома гражданскаго инженера задаются отдѣльно для всякой спеціальности, которыхъ четыре въ парижской школѣ: механики, химики, строители (зданій, мостовъ, дорогъ, каналовъ и пр.) и металлурги. Опытъ оправдалъ предположенія учредителей: Центральная школа, основанная въ Ноябрь 1829 года, дала превосходно-образованныхъ спеціалистовъ, употребляя на ихъ приготовленіе только три года.

Не такъ ведется дѣло въ Германіи. Возьмемъ для сравненія Политехническую школу въ Карлсруэ, какъ самую полную по своему составу. Она основана въ 1825 году и вновь преобразована въ 1832 году, управляется директоромъ, профессоромъ механики Кейзеромъ. При немъ состоятъ: 1. Конференція изъ 13 ординарныхъ профессоровъ. 2. Правленіе изъ директора, трехъ профессоровъ и одного члена министерства. 3. Казначей и секретарь. Школа имѣетъ превосходно составленный физическій кабинетъ; минералогическій кабинетъ, особенно богатый горными породами и произведеніями горныхъ

заводовъ; собранія химическихъ препаратовъ, моделей машинъ и архитектурныхъ предметовъ, гипсовъ, орнаментовъ, орудій и наконецъ бібліотеку. Сверхъ того химическая лабораторія, механическая мастерская, модельная, мастерская для производства разръзки камней и каменной кладки, доставляютъ слушателямъ возможность заниматься практически, каждому по своей специальности. *Цель состоитъ въ полномъ теоретическомъ и отчасти практическомъ образованіи высшихъ техникувъ, и именно:*

1. Инженеровъ путей сообщенія.
2. Строителей и механиковъ.
3. Лѣсныхъ и сельскихъ хозяевъ.
4. Горныхъ инженеровъ и химиковъ.
5. Торговыхъ людей и почтамтскихъ чиновниковъ.

Для достиженія этой цѣли Политехническая школа въ Карлсруэ состоитъ изъ *трехъ общихъ математическихъ классовъ, и изъ пяти отдѣленій:*

1. *Инженерная школа*, курсъ трехгодичный.
2. *Строительное училище*, курсъ четырехгодичный.
3. *Лѣсная школа*, курсъ трехгодичный.
4. *Высшая промышленная школа*, курсъ двухлѣтній.
5. *Коммерческое училище* съ однолѣтнимъ курсомъ и *почтовое училище* съ двухлѣтнимъ курсомъ.

Во всѣ эти спеціальныя отдѣленія можно поступать, или изъ общихъ математическихъ классовъ, или изъ гимназій.

Не входя въ разсмотрѣніе предметовъ, преподаваемыхъ въ каждомъ отдѣленіи, замѣтимъ, что это устройство школы совсѣмъ непохожѣ на устройство парижской Центральной школы. Эта послѣдняя отличается чрезвычайною простотою. Принимая учениковъ по строгому словесному и письменному испытанію въ математикѣ, отечественномъ языкѣ и рисованіи, и никакъ не ранѣе 18-лѣтняго возраста, Центральная школа предлагаетъ *въ первый годъ* вниманію своихъ слушателей начертательную геометрію со всѣми ея приложениями, аналитическую геометрію и общую механику, физику, химию, гигиену, зоологию и ботанику въ приложеніи къ промышленности, и наконецъ архитектурное черченіе. Во время ваканцій ученики обязаны заниматься съѣмкою зданій и машинъ. *Во второй и третій годъ* преподаются: прикладная механика, построеніе и установка машинъ, прикладная физика, аналитическая химія, химическая техно-

логія, архитектура и курсъ построеній, геогнозія и металлургія, механическая технологія и особый курсъ паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ (1). Нѣкоторые публицисты желали бы присоединить къ сему политическую экономію.—Чтобы еще подробнѣе ознакомить нашихъ читателей съ парижскою Центральною школою, замѣтимъ, что для ея *трехлѣтняго* курса, въ настоящее время (1856—1857 г.) употреблено *двадцать* профессоровъ, въ числѣ которыхъ находятся Дюма (сенаторъ, бывшій министръ земледѣлія и торговли), Пайенъ, Беланже, Пекле, Пердонне и пр.; *тридцать* репетиторовъ, нѣсколько учителей черченія, лаборантовъ, механиковъ, и пр. А какъ далеко идетъ спеціализмъ преподаванія, это видно изъ того, что, на примѣръ, для *механики* учреждено *шесть* кафедръ:

- 1) Общая механика (Соннѣ).
- 2) Промышленная механика (Беланже).
- 3) Преобразование движеній и сопротивленіе матеріаловъ (Форъ).
- 4) Построеніе машинъ (Каллонъ).
- 6) Паровыя машины (Томà).
- 6) Желѣзныя дороги (Пердонне).

(1) На дняхъ получили мы письмо отъ одного ученика Центральной школы, въ которомъ извѣщаютъ насъ о распредѣленіи предметовъ по курсамъ въ настоящее время. Эти свѣдѣнія, какъ и всякое распредѣленіе труда, чрезвычайно важны при серьезнои изученіи предмета.

Первый годъ. Начертательная геометрія (необходимый, общій всѣмъ инженерамъ языкъ), аналитическая геометрія, общая механика, общая химія, общая физика, естественная исторія, описаніе нѣкоторыхъ преобразованій движеній, и по части *искусствъ*—эпюры начерт. геометріи и архитектурное черченіе. (Всѣ эти предметы преподаются въ московскомъ физико-математическомъ факультетѣ и въ Ремесленномъ учебномъ заведеніи, въ семь послѣднихъ, за исключеніемъ естест. исторіи). Спеціализмъ начинается собственно со втораго года; ученики втораго и третьяго (послѣдняго) курса часто соединяются вмѣстѣ для слушанія одного и того же профессора, который такимъ образомъ раздѣляетъ свой курсъ на двѣ части (А) и (В); и одинъ годъ читаетъ одну часть (А), а другой—другую (В).

Второй годъ. Построеніе машинъ (А), промышленная механика (А), архитектура, курсъ построеній (А), промышленная химія (А), аналитическая химія (А), промышленная физика, геогнозія, металлургія (А).

Третій годъ. Продолженіе курсовъ означенныхъ буквою А, желѣзныя дороги и паровыя машины.—*Составленіе проектовъ, при помощи спеціальной бібліотеки.*

Кромѣ экзаменовъ, частныхъ и годовыхъ, каждый ученикъ обязанъ составить проектъ въ самой школѣ, и въ продолженіи 35 дней защитить и развить его письменно и словесно въ присутствіи, по крайней мѣрѣ, пяти профессоровъ. Безъ выполненія этихъ условій не лзя получить дипломъ гражданского инженера. Практическія занятія бывають двухъ родовъ: одни обязательны для всѣхъ учащихя, другія различаются, смотря по избранной спеціальности, и состоятъ въ черченіи, работахъ въ химической лабораторіи, разрѣзкѣ камней и дерева, построеніи моделей и снарядовъ, въ составленіи проектов и пр.

Не скроемъ нашего глубокаго сочувствія къ организаціи этой школы, и замѣтимъ, что у насъ подобныя школы могли бы съ наибольшимъ успѣхомъ существовать при физико-математическихъ факультетахъ; мы говоримъ съ наибольшимъ, потому что не знаемъ, гдѣ съ свободнымъ выборомъ предметовъ соединилось бы такое широкое пригтовительное образованіе. Всемъ извѣстно, что курсъ ученія въ факультетѣ четырехлѣтній, и что бѣольшая часть вышепомянутыхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ Центральной школѣ, преподаются также и въ факультетѣ. Чистая наука весьма выиграла бы, если бы студенты могли, въ послѣдніе два года своего пребыванія въ университетѣ, предаваться ей исключительно, не развлекаясь приложениями, какъ это существуетъ въ настоящее время; а между тѣмъ для государства весьма полезно было бы, чтобы студенты физико-математическаго факультета, не чувствующіе, по выслушаніи курсовъ первыхъ двухъ лѣтъ, особаго призванія къ философскимъ занятіямъ наукою, имѣли бы возможность посвятить себя технику. Тогда бы сельское хозяйство, лѣсоводство, архитектура, технологія, черченіе—предметы, поименованные въ Уставѣ российскихъ университетовъ, нашли бы себѣ, съ нѣкоторыми другими предметами, естественное мѣсто и несравненно лучшее положеніе, нежели какое они имѣють теперь между двумя отдѣленіями физико-математическаго факультета: чисто-математическимъ и естественнымъ. И такъ, мы предполагаемъ, что, и для облегченія студентовъ, занимающихся чистою наукою, и для успѣшнѣйшаго распространенія техническихъ свѣдѣній въ Россіи, и наконецъ для болѣе самостоятельнаго положенія нѣкоторыхъ прикладныхъ наукъ, введенныхъ дѣвнишнимъ уставомъ въ наши университеты, полезно бы было учредить особое отдѣленіе высшихъ техническихъ курсовъ при на-

шихъ физико-математическихъ факультетахъ, допуская къ нимъ студентовъ, выслушавшихъ первые два общіе курса. Это учрежденіе стоило бы весьма мало государству, тогда какъ всякое отдѣльное специальное училище съ интернами обходится весьма дорого.

По приему слушателей Центральная парижская школа также напоминаетъ наши физико-математическіе факультеты ⁽¹⁾: развѣ только въ одномъ черченіи и рисованіи можно найти различіе; но и эти предметы съ давнихъ временъ введены во все наши гимназии.

Въ Мюнхенскомъ университетѣ существуетъ отдѣленіе высшихъ техническихъ наукъ, въ которое преимущественно поступаютъ ученики Аугсбургской и Мюнхенской техническихъ школъ. Но такъ какъ техническое образованіе почти вездѣ отдѣлилось отъ университетовъ по той, вѣроятно, причинѣ, что новое рѣдко сливается со старымъ ⁽²⁾, то считаемъ неизлишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ одною изъ лучшихъ германскихъ школъ, и именно съ Ганноверскою, находящеюся подъ управленіемъ знаменитаго технолога Кармарша.

Все, обучающіеся въ ганноверской Политехнической школѣ раздѣляются на *учениковъ* и *слушателей* (Schüler и Zuhörer). Слушатели составляютъ какъ бы исключеніе изъ правилъ школы,—исключеніе, дѣлаемое для людей зрѣлыхъ лѣтъ. Для учениковъ же наименьшій возрастъ для приема полагается 16 лѣтъ. При этомъ требуются въ видѣ предварительныхъ свѣдѣній—бойкое и правильное письмо подъ диктовку и хорошее знаніе арифметики. Ученики обязаны посѣщать учебные и репетиціонные часы, и въ концѣ учебнаго года подвергаться испытанію, сообразно чему и получаютъ свидѣтельства въ посѣщеніи курсовъ и въ успѣхахъ. Слушатели не подвергаются

(1) Въ послѣднее время начали требовать отъ вступающихъ первоначальныхъ свѣдѣній изъ начертательной геометріи и химіи.

(2) Часто приводимая причина, что университетъ долженъ быть исключительно посвященъ чистой наукѣ, крайне неосновательна, потому что вообще трудно провести черту между чистою наукою и ея приложеніемъ, и еще потому, что Уставъ университетовъ и существованіе медицинскаго факультета противорѣчатъ этой исключительности. Все дѣло въ средневѣковомъ происхожденіи нашего высшего учебнаго учрежденія. Впрочемъ, для распространенія техническаго образованія все равно, будетъ ли особое отдѣленіе при университетѣ, или высшая школа прикладныхъ наукъ, точно такъ, какъ все равно для медицины, преподается ли она въ медико-хирургической академіи или въ факультетѣ; но надобно, чтобы что-нибудь было.

никакому испытанію и никакому контролю касательно посѣщенія курсовъ, но не получаютъ и свидѣтельствъ.

Мы указали только на тѣ предварительныя свѣдѣнія, которыя необходимы для пониманія нисшихъ курсовъ; но молодые люди, приготовляющіеся къ государственной службѣ по различнымъ отраслямъ строительнаго искусства, по желѣзнымъ дорогамъ и т. д., должны предварительно окончить курсъ гимназій. Такимъ образомъ и здѣсь требуется хотя средней степени общее образованіе. За слушаніе лекцій каждымъ ученикомъ и слушателемъ платятся деньги. Наибольшая плата, около 15 рублей, положена за курсъ практической химіи. Впрочемъ, опытъ показалъ, что ученикъ никогда не издерживаетъ въ годъ болѣе 20 рублей на этотъ предметъ. У насъ часто говорятъ объ этомъ германскомъ обычаѣ платить деньги за право слушанія лекцій; но не надобно преувеличивать эти издержки ученія, и не забывать, что у насъ въ Москвѣ ученикъ гимназій платитъ ежегодно 30 рублей, а студентъ 50 рублей. Впрочемъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ особенныхъ случаяхъ платитъ за отличившихся своими успѣхами учениковъ Ганноверской школы.

Перейдемъ теперь къ болѣе важному предмету — распредѣленію учебныхъ занятій.

Учебныя занятія въ ганноверской Политехнической школѣ распредѣляются не по классамъ, но по предметамъ, изъ которыхъ каждымъ ученикомъ избираются только тѣ, которые ведутъ его къ избранной имъ цѣли; и эта особенность школы заставила насъ, между прочимъ, обратить на нее особенное вниманіе. Такъ какъ предварительныя свѣдѣнія учениковъ, да и самыя цѣли ихъ чрезвычайно разнообразны, то свободный выборъ предметовъ необходимъ въ такомъ случаѣ. Но при этой свободѣ выбора начальство школы требуетъ нѣкоторой постепенности, безъ которой невозможенъ успѣхъ: оно предлагаетъ охотно учащемуся совѣтъ и планъ ⁽¹⁾. Лекціи распредѣлены по различнымъ часамъ дня, начиная съ 8 часовъ утра и до 7 часовъ вечера, съ пропускомъ только одного втораго часа по полудни для обѣда: одинъ курсъ рѣдко совпадаетъ съ другимъ курсомъ. Такъ, на примѣръ, машиновѣдніе преподается отъ 12 до 1 часу ежедневно, исключая субботы, въ которую классовъ

(1) Такой планъ для образованія инженера—строителя представленъ ниже.

нѣтъ; и никакой другой лекціи въ это время не бываетъ. 11-й и 12-й часы каждаго дня посвящаются рисованію и черченію; даже въ субботу дозволяются эти графическія занятія.

Распредѣленіе часовъ преподаванія показываетъ возможность послѣдовательнаго выслушиванія курсовъ сообразно съ предположенною цѣлю.

Изъ всего этого выходитъ та особенность школы, вслѣдствіе которой ученики оканчиваютъ курсъ *въ различное число лѣтъ* — *отъ двухъ до шести лѣтъ*. Для низшихъ техниковъ, подмастерьевъ и управителей считается достаточнымъ двухлѣтній курсъ, тогда какъ для образованія инженера, въ обширѣйшемъ значеніи этого слова, требуется шесть лѣтъ, по слѣдующему росписанію занятій.

I-й годъ.

ч.	ч.	въ недѣлю.
9	— 10	Начальная математика. 5 час.
10	— 12	Рисованіе. 10 ч.
2	— 3	Начальная математика. 5 ч.
3	— 4	Естественная исторія. 5 ч.
		и того. . . 25 час.

II-й годъ.

8	— 9	Высшая математика. 5 ч.
9	— 10	Технологія. 5 ч.
10	— 12	Геометрическое черченіе. 10 ч.
3	— 4	Минералогія. 3 ч.
4	— 5	Прикладная математика. 3 ч.
		и того. . . 26 час.

III-й годъ.

9	— 10	Геогнозія. 3 ч.
10	— 1	Строительное искусство. 18 ч.
2	— 3	Физика. 5 ч.
		и того. . . 26 час.

IV-й годъ.

ч.	ч.	въ недѣлю.
9	— 10	Приложеніе механики къ построеніямъ. 3 ч.
10	— 1	Строительное искусство. 18 ч.
2	— 4	Дѣланіе моделей деревянныхъ и каменныхъ строеній. 10 ч.
5	— 6	Приложеніе механики. 1 ч.
		и того. 32 час.

V-й годъ.

8	— 9	Практическая геометрія. 5 ч.
9	— 12	Построеніе машинъ. 6 ч.
		Строительное искусство. 14 ч.
2	— 4	Ситуаціонное черченіе. 10 ч.
		и того. 35 час.

VI-й годъ.

10	— 1	Машиновѣденіе. 15 ч.
3	— 6	Построеніе мостовъ и дорогъ. 15 ч.
		и того. 30 час.

Большое число часовъ, назначенное для строительнаго искусства и машиновѣденія объясняется тѣмъ, что въ это время, кромѣ выслушванія лекцій, ученики занимаются черченіемъ предметовъ, относящихся къ этимъ лекціямъ.

Въ первой половинѣ Іюля производятся *испытанія* подъ предѣтельствомъ главнаго управленія технологическихъ школъ Ганноверскаго королевства.

Такимъ образомъ мы представили на судъ нашимъ читателямъ двѣ противоположныя системы: французскую и германскую.

Въ первой мы видимъ единство въ условіяхъ приема учениковъ и въ выслушваніи лекцій; во второй, напротивъ, разнообразіе и въ томъ и въ другомъ.

Французы предполагаютъ въ ученикѣ спеціальной школы достаточное общее образованіе, да и въ послѣдствіи разсматриваютъ всѣ

прикладныя науки какъ части одного цѣлаго, обязательныя для всякаго высшаго техника: различіе полагается только въ практическихъ занятіяхъ. Нѣмцы, напротивъ, принимаютъ часто учениковъ безъ достаточнаго приготовленія и вдаются въ излишнія подраздѣленія предметовъ: у нихъ замѣтно даже смѣшеніе высшей школы съ среднею.

IV.

Теперь считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ о заведеніи, единственномъ въ цѣломъ мірѣ—парижской Консерваторіи искусствъ и ремеслъ. Въ статьѣ о высшемъ техническомъ образованіи такой пропускъ былъ бы непростителенъ. Въ наложеніи свѣдѣній объ этомъ предметѣ будемъ слѣдовать статьѣ г. Воловскаго, профессора Консерваторіи, и своимъ собственнымъ воспоминаніямъ.

« Приложение наукъ къ искусствамъ составляетъ величайшій фактъ XIX-го столѣтія. Внутреннимъ случая, господству рутины все болѣе и болѣе наследуетъ во всехъ отрасляхъ производства приложение началъ. » « *Машины* играютъ главную роль въ трудѣ челоуѣка. Соединить въ одномъ мѣстѣ все орудія производительности, раздѣлять ихъ на классы, представить ихъ вниманію людей, которые могутъ ихъ улучшить, такова была первоначальная мысль учрежденія *Консерваторіи искусствъ и ремеслъ*. Она должна была быть промышленнымъ музеемомъ. » Но въ 1817 году, когда былъ учрежденъ Совѣтъ усовершенствованія Консерваторіи, признали необходимость преподаванія наукъ, и вотъ сначала появилась и теперь еще существующая при Консерваторіи Школа начертательной геометріи и рисованія. Вскорѣ за тѣмъ три каедры, занятые такими людьми, каковы баронъ Шарль Дюпень, Клеманъ Дезормъ и Жанъ-Батистъ Сей! Подобные выборы громко свидѣтельствовали, что правительство высоко ставило свое новое учрежденіе, свою *высшую школу* приложения наукъ къ торговлѣ и промышленности. Въ 1853 году преподаваніе прикладныхъ наукъ обнимало 11 каедръ: 1) геометріи, 2) общей химіи, 3) политической экономіи, 4) физики, 5) практической механики, 6) начертательной геометріи 7) и 8) двѣ каедры сельскаго хозяйства, 9) промышленнаго законодательства, 10) фарфороваго и фаянсоваго искусства (керамика), 11) технической химіи. — Имена Пайена, Морена, Пулье, Буссенго, и пр. ручаются за достоин-

ство этихъ курсовъ. Впрочемъ, по причинѣ ихъ публичности, они должны быть доступны людямъ, получившимъ ограниченное образованіе. Само собою разумѣется, что не лзя воспользоваться всѣми курсами въ равной степени: для успѣха въ какой либо специальности необходимы особыя занятія. И для этихъ занятій Консерваторія представляетъ многія удобства. Богатѣйшее собраніе чертежей и специальная библіотека доступны всякому, желающему трудиться. Профессоры составляютъ совѣтъ, избирающій себѣ президента изъ своей среды. Теперешній директоръ Консерваторіи, Моренъ, привелъ въ порядокъ огромное число снарядовъ, которые были отложены въ сторону по недостатку мѣста и неисправности, возстановилъ и пополнилъ физическій кабинетъ, пустилъ въ ходъ большую часть часовыхъ механизмовъ, исправилъ машины прядильныхъ фабрикъ и пр. Теперь обширныя галереи Консерваторіи представляютъ интересъ и практической и исторической. Многія изъ машинъ и снарядовъ пускаются въ ходъ въ извѣстный день недѣли. Но мы опустили бы очень важное обстоятельство изъ виду, если бы не сказали, что Моренъ безпрестанно устраиваетъ въ Консерваторіи новые опыты и пробы машинъ, вновь изобрѣтаемыхъ. Поучительно бы видѣть все это, а пока мы должны довольствоваться журналами. Недавно писали объ испытаніи новой турбины Жирана, и о новыхъ опытахъ надъ сопротивленіемъ матеріаловъ.

И такъ техническому образованію посвященъ во Франціи цѣлый *факультетъ*, котораго вліяніе еще болѣе расширится, когда возникнутъ второстепенныя заведенія для популяризованія приложеній наукъ къ различнымъ отраслямъ промышленности. Повторяя еще разъ: въ цѣломъ мірѣ нѣтъ заведенія, подобнаго парижской Консерваторіи искусствъ и ремеслъ. Мы говорили о немъ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ много сдѣлаю во Франціи для высшаго технического образованія. Но не забудемъ, что Центральная школа основана частными людьми: такъ велика была потребность общества, и такъ мало обращало на нее вниманія министерство. Изумительный успѣхъ школы показали, кто ошибался въ признаніи нуждъ общественныхъ. Разрозненность факультетовъ во Франціи, отдѣльное ихъ существованіе помогло образованію новаго технического факультета, вдали отъ старыхъ.

V.

Англичане также начали чувствовать недостаточность распространения у нихъ технической науки.

Въ Космоствѣ, издаваемомъ извѣстнымъ аббатомъ Муанью, 20-го Марта 1857 года, помѣщено слѣдующее.

Наука и англійская промышленность обнаруживаютъ теперь болышія и законныя усилія для полученія отъ правительства дѣятельнаго поощренія дѣлу, которому оно доселѣ оставалось совершенно чуждымъ. Королевское общество представило лорду Пальмерстону, первому министру, очень сильную записку, въ которой оно убѣдительно проситъ: 1-е, объ основаніи новыхъ классовъ естественныхъ и математическихъ наукъ; 2-е, объ устройствѣ въ провинціальныхъ городахъ публичныхъ лекцій о приложеніяхъ наукъ къ промышленности; 3-е, объ учрежденіи испытаній *на званіе гражданскаго инженера*; 4-е, объ образованіи провинціальныхъ музеумовъ; 5-е, о періодической раздачѣ дублетовъ Британскаго музеума и другихъ подобныхъ заведеній; 6-е, объ учрежденіи публичныхъ библіотекъ; 7-е, о болѣе обширномъ распредѣленіи изданій, относящихся къ точнымъ наукамъ; 8-е, объ увеличеніи суммы, полагаемой на вознагражденіе за полезныя открытія въ наукахъ и искусствахъ; 9-е, объ увеличеніи капитала въ 25 тысячъ франковъ, отдаваемого ежегодно въ распоряженіе королевскаго общества всякій разъ, когда совѣтъ общества найдетъ нужнымъ требовать прибавленія; 10-е, о дарованіи президенту и совѣту общества оффиціального права обращать вниманіе правительства на ищры, необходимыя для болѣе общаго распространенія въ массѣ народа основаній точныхъ наукъ: правительство можетъ замѣнить президента и совѣтъ королевскаго общества министерствомъ народнаго просвѣщенія; 11-е, наконецъ, объ употребленіи части суммъ, платимыхъ за привилегіи, на приведеніе въ исполненіе всѣхъ означенныхъ предположеній — поощреніе тѣмъ наукамъ, которыя оказываютъ практическому знанію столь многочисленныя и столь важныя услуги.

Узнавши о благихъ намѣреніяхъ королевскаго общества, общество поощренія искусствъ, мануфактуръ и торговли сочло своимъ долгомъ присоединить и свою просьбу къ просьбѣ своего благороднаго старшаго собрата. Оно составило такъ же записку, и представило ее

первому лорду казначейства чрезъ депутацію, составленную изъ своихъ знаменитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ; заключенія этой записки будетъ достаточно для указанія на ея цѣль. Совѣтъ общества обращаетъ вниманіе лорда министра и правительства на слѣдующіе факты. Основанное болѣе столѣтія, общество искусствъ роздало около четырехъ милліоновъ франковъ съ цѣлю общественной пользы; оно было разсадникомъ другихъ полезныхъ обществъ; первая мысль о всемірной выставкѣ зародилась въ его стѣнахъ; оно съумѣло пріобрѣсть и поддержать довѣріе, свободно выраженное ему производительными и торговыми классами; оно считаетъ себя въ правѣ желать, чтобы дѣло распространенія точныхъ и прикладныхъ наукъ было ввѣрено ему, всегда дѣйствовавшему въ томъ же направленіи и своими собственными средствами; оно проситъ только, давши деньги различнымъ техническимъ обществамъ, не стѣснять ихъ свободной дѣятельности. Такъ какъ сфера дѣйствій общества искусствъ расширяется съ чрезвычайною быстротою, до такой степени, что города Іоркъ, Бирмингемъ, Гуддерсфилдъ, Лидсъ, Ноттингемъ, Саисбюри и другіе провинціальныя центры, просили неоднократно засѣданій для экзаменовъ и для выдачи дипломовъ, то оно требуетъ официальнаго признанія въ томъ положеніи, которое оно пріобрѣло уже собственными силами; тогда его совѣтъ учредить правильныя испытанія, необходимыя для развитія знаний. Только такимъ образомъ можетъ осуществиться желаніе, выраженное большинствомъ учрежденій—видѣть общество искусствъ во главѣ *великаго дѣла промышленности образованія народа*, давно уже имъ предпринятаго.

Знаменитый англійскій инженеръ Виліамъ Фербернъ, членъ-корреспондентъ парижской Академіи наукъ, строитель желѣзнаго трубчатаго моста: «Британія», прочелъ въ Манчестерѣ публичную лекцію о необходимости соединенія науки съ практикою «механическихъ и промышленныхъ искусствъ.» Это было въ мартѣ 1852 года. Для насъ важно то, что такой компетентный судія, какъ Фербернъ, не только не одобряетъ англійской системы спеціальнаго образованія, но считаетъ ее, при настоящемъ развитіи промышленности, совершенно недостаточною. А у насъ любятъ указывать на Англичанъ, на ихъ дивныя успѣхи въ промышленности, полагая, что они доходятъ до всего путемъ ручной работы на фабрикахъ и заводахъ. Это мнѣніе совершенно ложно, и жаль, что оно такъ распространилось у насъ, давая поводъ къ ложному направленію

дѣятельности. — Практика необходима для того, чтобы приобрести ловкость въ ручной работѣ; но успѣхи промышленности слагаются не изъ нея одной, особенно въ наше время. И откуда родилось такое мнѣніе, тогда какъ извѣстно, что подробныя научныя изслѣдованія надъ сопротивленіемъ матеріаловъ сдѣланы Англичанами, и что слѣдствіемъ этихъ изслѣдованій было, между прочимъ, построение желѣзныхъ кораблей и желѣзнаго трубчатого моста? Изъ жизнеописанія Ватта развѣ не видно также, что онъ обладалъ глубокими познаніями въ физикѣ и химіи, и что его послѣдователи продолжаютъ до настоящаго времени розысканія о паровыхъ котлахъ, о топливѣ, о скрытой теплотѣ? Вспомнимъ еще имена Смитона, Бардова, Буханана, Стефенсона, Годкинсона, и мы должны признать, что въ Англіи не было недостатка въ ученыхъ инженерахъ, такъ могущественно подвигнувшихъ ея промышленность. А хорошо ли то, что они были самоучки, объ этомъ спросимъ Ферберна. «Въ этомъ обширномъ и важномъ мануфактурномъ округѣ (Манчестерѣ), говоритъ онъ, нѣтъ ни одного музеума искусствъ и мануфактуръ, ни одного собранія различныхъ сырыхъ матеріаловъ, въ столь обширномъ видѣ обработки-ваемыхъ здѣсь, ни одного кабинета моделей и машинъ, и наконецъ, ни одного профессора для изложенія истинъ естественныхъ и физическихъ наукъ. Все предоставлено собственнымъ силамъ, которыя, правда, могутъ возвысить человѣка и при недостаткѣ пособій, но это нелегко. Я самъ боролся со многими препятствіями, которыми всегда усыянгъ путь самоучки въ области науки; *вполнѣ убѣжденный*, что эти препятствія часто *превозмогають* благія рѣшенія молодого человѣка при самомъ началѣ труда, я всѣми силами души желаю уничтожить эти препятствія, и въ то же время видѣть учрежденіе промышленнаго музея и школы. Пусть нужды общества будутъ удовлетворены, пусть наши потомки будутъ счастливѣе насъ въ полученіи образованія, въ которомъ намъ было отказано; *все это крайне необходимо для обезпеченія успѣха нашихъ мануфактуръ по всѣмъ отраслямъ промышленности* (1). Большая всемірная выставка, надѣюсь, не только показала, что можно сдѣлать соединенными усиліями, но и сообщила толчекъ, который почувствовали въ отдаленнѣйшихъ краяхъ королевства; пріятно

(1) Стр. 103. Useful information for engineers, being a series of lectures by W. Fairbairn, 1856.

думать, что это событіе внушить здѣшнимъ гражданамъ мысль не только учредить, но и богато снабдить школу всѣмъ необходимымъ для распространенія истинъ науки, и для расширенія поля наблюденій во всякой отрасли промышленныхъ предпріятій; пусть эти учрежденія свидѣтельствуютъ предъ отдаленнымъ потомствомъ о талантѣ и промышленности нашихъ временъ.» И такъ, по мнѣнію Ферберна, и въ Англіи, для промышленности недостаточно уже личныхъ усилій даровитѣйшихъ дѣятелей: нужно большее распространеніе науки, а это невозможно безъ помощи школъ. Всякій долженъ знать основанія и высшія части своего производства. Безразсудно говорить противъ теоріи, какъ будто знаніе точныхъ наукъ можетъ быть опаснымъ и бесполезнымъ. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого мнѣнія, потому что основательная практика невозможна безъ теоріи, точно такъ, какъ дѣйствіе невозможно безъ причины. Въ искусствахъ теорія тогда только можетъ быть считаема опасною, когда она не приведена къ практикѣ, и настоящій смыслъ слова *теорія*,—которая дѣлаетъ такъ много шума въ головахъ практиковъ,—есть никакой либо другой, какъ совокупность опредѣленныхъ правилъ, по которымъ дѣйствуетъ практика, правилъ, выведенныхъ изъ непреложныхъ законовъ физическаго міра.

И такъ, если не нужно теоріи, то не нужно и правилъ для практики. Я не хотѣлъ бы жить въ домѣ, построенномъ архитекторомъ, который раздѣляетъ этотъ пагубный образъ мыслей!

Другое, не менѣе распространенное у насъ, мнѣніе состоитъ въ томъ, что Англичане въ области полезныхъ искусствъ занимаютъ во всемъ первое мѣсто. Предоставимъ говорить Ферберну и объ этомъ щекотливомъ для народнаго самолюбія предметѣ. «Хотя мы занимаемъ мѣсто въ первомъ ряду, какъ механики и строителя, однакожъ мы не первые въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ полезныхъ искусствъ. Чтобы уяснить наше положеніе, я постараюсь обозначить, въ чемъ состоитъ наше первенство, и въ чемъ я считаю насъ позади другихъ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы далеки отъ совершенства во многомъ, и многому должны учиться. Всемирная выставка обратила общественное вниманіе на наше положеніе, какъ промышленнаго народа; и одно изъ благотельныхъ послѣдствій этого обширнаго и разнообразнаго собранія различныхъ предметовъ замѣчается въ болѣешемъ вкусѣ и лучшемъ стилѣ общественныхъ построекъ. Но всегда будетъ любопытенъ фактъ, что въ страпѣ, гдѣ

процвѣтають промышленныя искусства, такъ несовершенно поняты начала, на которыхъ они основаны. Сколь немпогіе изъ нашихъ архитекторовъ, инженеровъ и механиковъ знакомы съ элементами, съ самыми простѣйшими теоретическими правилами своего искусства; и какъ часто они дѣйствуютъ на авось, и за то получаютъ результаты, совершенно неудовлетворительныя (abortive results)! Я самъ работалъ, и теперь еще работаю, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, и въ сознаніи этого недостатка обращаюсь къ вамъ. Я дѣлаю это съ глубокимъ убѣжденіемъ, что наши потомки могутъ достигнуть лучшихъ результатовъ относительно прочности, красоты и соразмѣрности своихъ строеній, нежели до чего мы могли достигнуть. Въ настоящее время и въ прошедшіе годы не разъ страдало чувство нашей народной гордости, когда мы должны были судить ошибки въ строительномъ искусствѣ, которыхъ легко можно было бы избѣгнуть при болѣе развитомъ вкусѣ, высшемъ образованіи ума и болѣе широкихъ познаніяхъ. *Это великій общественный недостатокъ, и примѣръ прошедшаго дотолаѣ будетъ правиломъ для будущаго, пока мы будемъ ползти по мрачной стезѣ предрасудковъ и невѣжества, вмѣсто того, чтобы руководствоваться непреложными началами и строгими законами, которые, безъ сомнѣнія, повели бы къ счастливѣйшимъ результатамъ* (1).»

Послѣднія слова очевидно произнесены въ сильномъ раздраженіи, обыкновенно производимомъ всеобщимъ заблужденіемъ; знаменитый инженеръ упрекаетъ и самого себя; но этотъ упрекъ болѣе относится къ современному состоянію нѣкоторыхъ частей науки, нежели къ нему лично.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ ли заключить, что въ Англіи всегда была ученые высшіе техники, но въ небольшомъ числѣ, и что теперь почувствовали тамъ нужду въ бѣльшемъ распространеніи знаній? Престній путь оказался несостоятельнымъ, и вотъ Англичане начали съ завистью говорить о французскихъ учрежденіяхъ. Полковникъ Лойдъ, членъ англійской комиссіи на всемирной парижской выставкѣ, въ письмѣ своемъ къ лорду Гренвиллю, говорилъ, что ходя по галлереймъ Консерваторіи искусствъ и ремеслъ, чувствуешь, какъ это учрежденіе, въ связи съ обширнымъ преподаваніемъ прикладныхъ наукъ, могло быть причиною замѣченнаго превосходства

(1) Стр. 94. Useful information etc.

Французовъ на послѣдней выставкѣ во многихъ отрасляхъ мануфактуръ. За чѣмъ же, восклицаетъ Фербернъ, и мы не хотимъ придать къ врожденной энергіи и уму нашихъ собственныхъ техниковъ эту систему свѣдѣній, которая бы сообщила имъ большую точность и увѣренность во всѣхъ дѣйствіяхъ.

Но да не подумаютъ наши читатели, что въ Англіи вовсе не преподаются прикладныя науки и полезныя искусства. Кромѣ многихъ сотенъ кафедръ политической экономіи, учрежденныхъ въ разныхъ городахъ, извѣстно, что въ Кембричскомъ университетѣ Вилльсъ преподавалъ практическую механику, въ лондонской королевской Коллегіи преподавалъ ту же науку Мозелей; въ послѣднее время безпрестанно читаемъ объ учрежденіи рисовальныхъ школъ; въ Ливерпулѣ существуетъ великолѣпная техническая лабораторія подъ руководствомъ Муссиратта, прославившаяся въ послѣднее время изданіемъ химической технологіи, едва ли не лучшей въ своемъ родѣ, и пр.

Этого достаточно, я думаю, чтобы отнять послѣднюю опору у тѣхъ суровыхъ людей, которые отвергаютъ пользу изученія техники путемъ школы, уважающей и науку и практику.

Неужели въ Европѣ останемся одни мы, которые не захотимъ учредить у себя высшей технической школы? У насъ когда-то много говорили о реальныхъ гимназіяхъ, о технологическихъ институтахъ, коммерческихъ училищахъ, и пр.; но теперь, видя малоуспѣшность этихъ учреждений, замолкли. Все это легко было предвидѣть. Могутъ ли существовать среднія школы безъ высшихъ? Откуда же имъ взять преподавателей, гдѣ довершить образованіе даровитѣйшихъ изъ своихъ учениковъ? И такъ, видно суждено намъ во многомъ идти ложною дорогою, сбиваться съ пути, и терять время на отысканіе его, мало двигаясь впередъ. И это обстоятельство тѣмъ сильнѣе производитъ огорченіе человеку, сколько нибудь понимающему дѣло, что средства у насъ есть, что огромныя суммы тратятся правительствомъ на устройство всякаго рода училищъ; что жъ дѣлать, если у насъ всякій думаетъ про себя, и специалисты всего менѣе высказываютъ свои убѣжденія!

VI.

За то въ возраженіяхъ у насъ нѣтъ недостатка. Одни говорятъ, что Россія должна быть страной земледѣльческою, другіе въ пространствѣ техническихъ знаній видятъ подрывъ чистой наукы и т. д. Разсматривать страну, населенную многими милліонами жите-

лей, какъ только земледѣльческую, невозможно, потому уже, что не всѣ чувствуютъ призваніе быть земледѣльцами, и не всѣ имѣютъ къ тому возможность. Не говорю еще о томъ, что само земледѣліе нуждается въ техникахъ: оно требуетъ хорошихъ орудій, улучшенныхъ машинъ, исправныхъ путей сообщенія, и пр.

Страна, богатая всѣми дарами природы, не можетъ оставаться позади промышленныхъ успѣховъ нашего времени, не отставая въ то же время и въ умственномъ образованіи. Техника состоитъ въ такой тѣсной связи и взаимодействіи съ науками, обнаруживаетъ такое важное вліяніе на всю внѣшнюю обстановку жизни, что промышленный народъ долженъ пріобрѣсть рѣшительный перевѣсъ надъ всякимъ другимъ, менѣе промышленнымъ. На чемъ основываются неимоверные успѣхи европейскихъ народовъ въ борьбѣ противъ Азіятцевъ и Американцевъ, нелишенныхъ впрочемъ личной храбрости? На превосходствѣ техники, на лучшемъ вооруженіи, на добротѣ и удобствѣ орудій и снарядовъ, на быстротѣ перевоза войскъ и запасовъ, по морю и по сушѣ. По этой причинѣ, государство должно заботиться объ организаціи своей промышленной силы, точно такъ, какъ и военной; оно не менѣе должно заботиться о приготовленіи тѣхъ, которымъ слѣдуетъ стоять во главѣ рабочихъ, какъ и офицеровъ, стоящихъ во главѣ солдатъ. И такъ, невозможно, и опасно разсматривать какую либо страну, какъ исключительно земледѣльческую, и вслѣдствіе того оставаться равнодушнымъ къ успѣхамъ техники. Да притомъ, развѣ земледѣліе само не составляетъ вида техники, развѣ ученый агрономъ не долженъ знать химіи и механики? Отвергать это значитъ—и самое земледѣліе осуждать на неподвижность.

Другіе противники техническихъ школъ видятъ въ нихъ ничто иное, какъ чудовищныхъ выродковъ грубаго и суроваго матеріализма, который угрожаетъ всякому высшему знанію. Смѣшивать матеріализмъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ есть грубѣйшая ошибка. Мы не станемъ опровергать ее, но не можемъ не вспомнить словъ сэра Вальтеръ-Скотта о Ваттѣ: «Ваттъ былъ не только глубокой ученый, извлекавшій съ наибольшимъ успѣхомъ полезныя приложенія изъ нѣкоторыхъ сочетаній чиселъ и силъ; но онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду людей, замѣчательныхъ по общности своего образованія; онъ былъ лучший, любезнѣйшій изъ людей.» Съ благороднымъ сердцемъ онъ соединялъ теплыя религіоз-

ныя убѣжденія. Біографіи другихъ знаменитыхъ техниковъ показываютъ также, какъ далеки они были отъ матеріализма.

Опасались даже за существованіе гимназій; но опытъ показалъ, что число учениковъ въ гимназіяхъ возрастало со времени учрежденія высшихъ техническихъ школъ. Причина понятна; въ эти послѣднія принимаютъ, по экзамену, молодыхъ людей, окончившихъ полный гимназическій курсъ, съ дополненіемъ къ нему черченія и рисованія.

Если бы хотя тѣнь правды была въ мнѣніи о вредѣ, будто бы наносимомъ высшимъ техническимъ образованіемъ другимъ отраслямъ человѣческихъ знаній, то такой многосторонне-ученый мужъ, какъ Александръ Гумбольдтъ, не былъ бы самымъ горячимъ сторонникомъ распространенія въ народѣ техническихъ знаній, и не сказалъ бы, что на нихъ основано величіе и благосостояніе народовъ.

«Не будемъ бояться, говоритъ онъ, чтобы особенная, столь замѣтная въ наше время любовь къ изученію природы и къ усилѣнью промышленности повредила изысканіямъ въ областяхъ философіи, археологіи и исторіи, а равно и занятіямъ изящными искусствами....» «По счастливому сцѣпленію человѣческихъ дѣлъ, часто, неожиданнымъ образомъ, истинное, прекрасное и доброе связуются съ полезнымъ.» Сторонники высшаго технического образованія ничего не уничтожаютъ, ничего не измѣняютъ, но только прибавляютъ къ прежнему большее развитіе прикладныхъ знаній, и прибавляютъ только для желающихъ. И такъ, не вредъ народному образованію, но надежду на большее его распространеніе — вотъ что обѣщаетъ высшее техническое образованіе. Привлеченные осязательностію пользы, слѣдя особенному настроенію своего ума, молодые люди умножаютъ собою число приверженцевъ знанія. И такихъ людей найдется не мало: всѣ тѣ, которые предполагаютъ заниматься торговлею, мануфактурами и сельскимъ хозяйствомъ, вѣроятно вступятъ въ техническое отдѣленіе факультета или въ высшую техническую школу.

Недавно одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ замѣтилъ, что германскіе университеты лишились нѣкоторой части своихъ слушателей; но этотъ ущербъ въ качествѣ, безъ сомнѣнія сопровождался выигрышемъ въ количествѣ: въ университетъ пошли только тѣ, которые сильно чувствовали призваніе къ одному изъ четырехъ факультетовъ. Что жъ въ этомъ дурнаго, что всякій слѣдуетъ сво-

ему призванію, и что въ наше время открылась возможность удовлетворить и такому, которое прежде оставалось неудовлетвореннымъ?

Говорятъ, что все дѣло въ изученіи основныхъ истинъ наукъ. Что изученіе основныхъ истинъ важно, необходимо, что безъ него специализмъ бываетъ всегда одностороненъ и неплодотворенъ, въ этомъ, я думаю, никто не сомнѣвается; но, не лзя согласиться, что въ этомъ *все дѣло*, и что всѣ приложенія основныхъ истинъ даются даромъ, безъ всякаго усилія съ нашей стороны, и легко приобрѣтаются желающими. Съ такими благодушными понятіями мы остались бы и безъ усовершенствованнаго оружія, и безъ желѣзныхъ дорогъ, и безъ пароходовъ, и безъ развитія различныхъ отраслей государственнаго хозяйства и пр. Къ счастью не всѣ такъ думаютъ, не всѣ отклоняютъ отъ государства обязанность дать способы къ удовлетворенію всякаго призванія, къ развитію всякой специальности, и особенно такой, которая наиболѣе содѣйствуетъ его благосостоянію. И если нашъ вѣкъ увлекается блистательными приложеніями физико-математическихъ наукъ и съ любовью ихъ изучаетъ, то и за это не будемъ порицать его, и не станемъ безсмысленно повторять, будто человѣчество заблуждается въ своемъ стремленіи: быть можетъ теперь подготовляются пути къ усиліямъ другаго рода. Послушаемъ, что недавно сказалъ объ этомъ предметѣ знаменитый историкъ нашего времени Гизо по поводу принятія Біота въ члены французской академіи. Думаю, что никто не станетъ подозрѣвать его въ пристрастіи къ технику. «Вы прожили двѣ славныя и совершенно различныя эпохи въ исторіи наукъ, которымъ вы посвящали свою жизнь: при началѣ вашего поприща господствовалъ духъ чистой науки, страстное изысканіе отвлеченной истины безъ всякой другой цѣли кромѣ удовлетворенія той высокой любознательности, которая ставитъ человѣка выше всего земнаго. Теперь вы видите въ точныхъ наукахъ преобладаніе духа приложеній, страсти общественной пользы, горячаго желанія довести ученія работы до практическихъ результатовъ, и усилить помощью науки могущество человѣка на землѣ. Я не могу и не хочу сравнивать эти двѣ эпохи и назначать имъ мѣста. Вѣроятно, по непреложнымъ законамъ, имъ суждено слѣдовать одна за другой; послѣ страсти приобрѣтенія сокровищъ науки приходитъ страсть приложенія оныхъ. Быть можетъ, различіе между эпохами не такъ велико, какъ думаютъ, и едва ли справедливо разсматривать наше время, какъ исключительно преданное мате-

риальнымъ интересамъ. Есть науки, въ которыхъ господствуетъ и нынѣ духъ чистаго знанія. *Духъ приложений имѣеть еще тотъ важный результатъ, что онъ творить орудія, средства изученія и дѣйствія, помощію которыхъ чистая наука возвышается въ своемъ полетѣ и въ своихъ побѣдахъ.*»

Да послужатъ эти слова оправданіемъ мнѣ, рѣшившемуся обратиться общественное вниманіе на высшее техническое образованіе.

VII.

Но, защищая направленіе вѣка, которое выразилось, между прочимъ, и въ учрежденіи высшаго техническаго ученія, я опасаюсь, что въ статьѣ моей будетъ найдено направленіе, враждебное *классическому* ученію.

Обвиненіе это противорѣчило бы неоднократно выраженному мною сочувствію къ устройству специальныхъ французскихъ школъ, въ которыя поступаютъ молодые люди 18-ти и чаще 20-ти лѣтъ съ рѣшительными наклонностями къ математикѣ, а не къ филологіи. Чтобы поступить въ Политехническую школу, недостаточно *окончить* курсъ гимназій; надобно еще приготовляться къ экзамену отъ одного до двухъ лѣтъ. Многолѣтній опытъ показалъ, что со всей Франціи собиралось кандидатовъ не болѣе четырехъ сотъ: такъ трудны условія пріема, и такъ рѣдки математическія способности.

Но въ чемъ состоитъ классическое образованіе? — Отвѣты на этотъ вопросъ различны. Знаменитый Араго, въ палатѣ депутатовъ, произнесъ слѣдующія слова: «Я требую *классическаго* ученія; я желаю его, я считаю его необходимымъ; но я не думаю, чтобы оно состояло единственно въ греческомъ и латинскомъ языкѣ. Я полагаю полезнымъ, чтобы въ нѣкоторыхъ школахъ изученіе древнихъ языковъ могло бы быть замѣнено основательнымъ изученіемъ нашего собственнаго языка, и чтобы въ гимназіяхъ дозволено было замѣнять греческій и латинскій языки какимъ нибудь изъ новѣйшихъ языковъ. Желательно даже, чтобы этотъ языкъ былъ различный, смотря по мѣстонахожденію учебнаго заведенія; въ Перпиньянѣ и Байоннѣ, напр., изучаемый языкъ можетъ быть испанскій, въ Гаврѣ—англійскій, въ Безансонѣ—нѣмецкій.»—«Говорятъ, что греческая и латинская литературы суть преимущественно классическія, потому что въ нихъ покоится истинное образованіе. Что это

такое значить? Развѣ такіе писатели, каковы: Паскаль, Фенелонъ, Боссюетъ, Монтескьё, Руссо, Вольтеръ, Корнель, Расинъ, Мольеръ — несравненный Мольеръ — лишены преимущества просвѣщать и развивать духъ, трогать сердце, возвышать душу? Да сохранитъ меня Господь, чтобъ я сталъ оскорблять ихъ защитою отъ такихъ обвиненій.»

Другіе думаютъ, напротивъ, что древніе языки составляютъ существенные и незамѣнимые элементы высшаго образованія, и что цѣль его не достигается еще изученіемъ новыхъ писателей.

Тотъ только можетъ назваться высоко образованнымъ, кто взросъ при полномъ воздѣйствіи историческаго хода образованія, и кто пользовался его лучшимъ плодами. Настоящее независимо отъ прошедшаго; напротивъ, оно принимаетъ наслѣдіе всѣхъ минувшихъ временъ. Настоящее поколѣніе прибавляетъ къ наслѣдству менѣе, нежели сколько получаетъ. Отъ длиннаго ряда нашихъ предковъ получили мы нецѣнное сокровище, состоящее въ мысляхъ, языкѣ и искусствахъ. Въ литературѣ мы дѣти древнихъ.

Однакожь мысли тогда только могутъ быть наслѣдуемы, слова тогда только передаваемы въ своемъ полномъ значеніи, когда между дающимъ и принимающимъ поддерживается внутренняя духовная связь. А какъ же можетъ поддерживаться эта внутренняя связь поколѣній, которою условливается передача и приумноженіе наслѣдства?

Великая всеобщая связь всего образованнаго міра, равно какъ и поколѣній, слѣдующихъ одно за другимъ, состояла до сихъ поръ въ общей основѣ образованія, въ общей почвѣ, на которой возрастало образованіе каждаго члена. Весь образованный міръ составляетъ одну великую умственную общину, которая и сильна своимъ единствомъ. Всѣ европейскія государства образуютъ одно цѣлое, по количеству они въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ питаются одною пищею, извлекаемою изъ литературъ древняго міра. Творенія Греціи и Рима были доселѣ общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Труды какого новаго писателя могутъ замѣнить ихъ? Какимъ образомъ онъ можетъ связывать насъ съ прошедшимъ? Могутъ ли современные писатели научать насъ процессу, которымъ языкъ Рима передалъ новому міру образованность, философію и законодательство древняго? Если бы древніе языки потеряли у насъ свое высокое значеніе, то Монтескьё и Боссюетъ, Корнель и Расинъ потеряли бы свою силу и свою прелесть. Въ ихъ твореніяхъ мы чувствуемъ на каж-

домъ шагу вліяніе древнихъ, извѣстныхъ намъ, писателей. Если мы прервемъ знакомство съ этими послѣдними, то разорвемъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія струны, на которыхъ великіе изъ новѣйшихъ художниковъ брали свои аккорды; и исчезнетъ мало по малу удивленіе къ нимъ. Вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ ведетъ прекращеніе занятій древними языками—къ ослабленію вкуса, къ паденію литературы.

Но слѣдуетъ ли изъ всего этого, что изученіе древнихъ языковъ должно быть преобладающимъ элементомъ гимназическаго ученія? Мы не думаемъ этого. Предположимъ даже, что можно было бы довести учащихся до глубокаго и основательнаго знанія писателей древности, то и это было бы только однимъ изъ многихъ средствъ для образованія ума; ограничиваться же однимъ средствомъ вредно. Для избѣжанія односторонности вездѣ въ гимназіяхъ, вмѣстѣ съ изученіемъ классиковъ, рука объ руку идетъ изученіе закона божія, начальной математики, отечественнаго языка и пр.: изъ этого соединенія и происходитъ полное гармоническое образованіе всѣхъ лучшихъ способностей ученика. Пусть съ знаніемъ всемірной литературы соединяетъ онъ знаніе современныхъ и будущихъ стремленій точной науки; но пусть всѣ, и математикъ, и литераторъ, утоляютъ жажду, по выраженію Гизо, въ одномъ и томъ же источникѣ истиннаго и прекраснаго; это *обязательное* для всѣхъ возвышеніе до одного и того же уровня умственной образованности и есть одно изъ великихъ преданій челоуѣчества.

И для высшаго техника должно существовать это преданіе; оно необходимо для успѣховъ самаго специализма. Только для техниковъ второстепенныхъ можно довольствоваться пригготовительнымъ курсомъ уѣзднаго училища.

VIII.

Неясное пониманіе этихъ простыхъ истинъ, то есть, что высшей технической школѣ долженъ предшествовать, по крайней мѣрѣ, гимназическій курсъ, а средней — курсъ уѣзднаго училища, и было одною изъ причинъ того разнообразія въ устройствѣ техническихъ школъ, о которомъ мы говорили въ § 3, равно какъ и препятствіемъ ихъ успѣху. Люди, которымъ ввѣрено было первоначальное устройство техническихъ школъ, замедлили успѣхи ихъ одностороннимъ рѣшеніемъ своей задачи. Получившіе общее образованіе не

могли оживить и возвысить того, чего они сами были чужды; техники забывали объ общемъ образованіи, которое неизбѣжно для среднихъ и высшихъ школъ. Но несправедливо было бы обвинять тѣхъ и другихъ. Они дѣлали по большей части то, что можно было при данныхъ обстоятельствахъ. Во время учрежденія многихъ изъ теперь существующихъ высшихъ техническихъ школъ за границею совершенно не было техникувъ, приспособленныхъ къ учебному дѣлу; даже и теперь не легко найти для нѣкоторыхъ предметовъ теоретически и практически образованныхъ преподавателей. Этотъ недостатокъ въ преподавателяхъ уменьшается съ каждымъ днемъ тамъ, гдѣ давно существуютъ техническія школы: онѣ образовали учителей изъ своихъ способнѣйшихъ учениковъ. Преподавателямъ высшихъ техническихъ школъ должно давать особые средства для продолженія своего образованія, потому что они стоятъ на почвѣ, находящейся въ постоянномъ движеніи. Путешествія необходимы: въ области техники многія подробности можно изучить только на мѣстѣ, при личномъ обозрѣніи. Недостатокъ въ такихъ средствахъ также вредитъ успѣхамъ высшаго технического ученія. Но главный вредъ приноситъ ему общество, неуважающее ни труда, ни науки ⁽¹⁾, и полагающее, что лучшимъ ручательствомъ успѣха служить одна природная изворотливость. Но достаточно ли одной хитрости ума для усиленія производительности страны, рѣшить это предоставляемъ нашимъ читателямъ. Мы же упомянемъ еще объ одномъ неутѣшительномъ фактѣ, который сильнѣе вредитъ нашему дѣлу, нежели самое невѣжество массы, это равнодушіе къ нему людей просвѣщенныхъ, но чуждыхъ практической сферы; мало сказать равнодушіе, но даже непризнаніе въ общественномъ отношеніи важности высшаго технического образованія. Иначе мы не умѣемъ объяснить себѣ этого мертваго молчанія о такомъ предметѣ. Недавно раздался голосъ о необходимости распространенія въ Россіи наукъ естественныхъ и техническихъ ⁽²⁾; но онъ, кажется, былъ услышанъ очень немногими:

(1) Какъ эта мысль о зрѣлости общества превосходно была выражена лордомъ Брумомъ въ надписи на памятникѣ Вагту въ вестминстерскомъ аббатствѣ: «Не для увѣковѣченія безсмертнаго имени, но для показанія, что люди *наугмили уважать шльз*, которые наиболѣе достойны признательности и пр.»

(2) Брошюра неизвѣстнаго автора, напечатанная въ типографіи Волкова. 1857.

намъ будго неприлично заниматься такими мелочами, а когда придетъ нужда, тогда выпишемъ иностранцевъ. Это все еще сносно, но Россія велика, и много нужно людей для изслѣдованія ея естественныхъ богатствъ. По нашему крайнему разумѣнію, только водвореніе у насъ такого широкаго образованія, которсе получаютъ въ Центральной парижской школѣ помогло бы дѣлу. Преподаватели наши бы и у насъ; впрочемъ ничто не мѣшаетъ намъ образовывать, готовить въ той же или иной школѣ молодыхъ ученыхъ по этой части; главное — побольше уваженія къ труду и знанію, побольше сочувствія ко всѣмъ нуждамъ общественнымъ.

Александръ Ершовъ.

Искренно благодаримъ автора за указаніе на одну изъ великихъ нуждъ нашего времени и за предложеніе сподручнаго, дешеваго и въ тоже время вполне надежнаго средства къ удовлетворенію обще-ощущаемой потребности въ ученыхъ и при томъ русскихъ техникахъ. При необходимости устроенія новыхъ и усовершенствованія старыхъ фабрикъ и заводовъ, мы теперь выписываемъ механиковъ, химиковъ и пр. изъ-за границы. Рѣдко люди отличные покидаютъ свое отечество, ибо имъ и дома хорошо, а потому, по большей части, получаемъ мы за дорогія деньги техниковъ посредственныхъ, часто плохихъ и при томъ такихъ удалыхъ молодцовъ, которые все знаютъ, ни въ чемъ не сомнѣваются, и которые, устроивая всякую вещь совершенно на свой ипоземный ладъ и требуя огромныхъ денегъ, думаютъ тѣмъ доказать свое великое превосходство надъ нашими мастерами. А мы, ничего не зная, слѣпо имъ доверяемъ, и замѣчаемъ свою ошибку лишь тогда, когда заводы и фабрики наши не идутъ или идутъ хуже, чѣмъ у сосѣдей, устроившихъ свои заведенія домашними средствами.

Усовершенствованіе промышленности есть теперь одна изъ самыхъ существенныхъ потребностей Россіи; но безъ знанія, и притомъ безъ знанія научнаго — оно невозможно. Выписка машинъ, выучка разныхъ производствъ есть конечно дѣло нехудое, но *conditio sine qua non* нашихъ успѣховъ есть усвоеніе нами техническихъ наукъ. Наши среднія техническія школы, какъ прекрасно доказалъ г. Ер-

шновъ, не могутъ хорошо идти, пока мы не устроимъ дома высшаго **техническаго** образованія, т. е., пока мы не займемся подготовленіемъ преподавателей для этихъ учебныхъ заведеній. Настоящее усовершенствованіе нашихъ фабрикъ и заводовъ невозможно до тѣхъ поръ, пока мы не посвятимъ собственныхъ трудовъ, мыслей и соображеній на развитіе техническихъ наукъ на *своей* почвѣ, имѣя въ виду *своихъ* рабочихъ, *свои* средства и условія. Высшее техническое образованіе можетъ быть плодотворно въ Россіи только при устройствѣ его на основаніяхъ широкихъ и твердыхъ; а потому предположеніе г. Ершова на счетъ *учрежденія высшаго технического ученія при университетахъ* кажется намъ мыслью стольже разумною, сколько и отиѣнно практичною. Технологическое образованіе, отдѣльно устроенное, можетъ породить односторонность, особенно у насъ, при маломъ развитіи общаго просвѣщенія. Учрежденіе техническихъ кафедръ при университетахъ устраняетъ это неудобство, и будетъ вполне соответствовать мысли, которую никогда не должно упускать изъ виду — именно, что высшее образованіе по какой-либо части плодотворно лишь въ совокупности съ прочими отраслями человѣческаго знанія. Отъ души желаемъ, чтобъ счастливая мысль г. Ершова обратила на себя общее вниманіе, и чтобъ она изъ области предположеній перешла въ кругъ дѣйствительныхъ учреждений.

Изд. К.

ПИСЬМО ИЗЪ ВАРШАВЫ.

(О Польской литературѣ.)

Періоды процвѣтанія польской литературы. — Газеты и журналы. — Слово о Полку Игоревѣ въ новомъ переводѣ ксендза Красинскаго. Народныя пѣсни.

Литература польская считаетъ три блестящіе періода своей исторіи; первый совпадаетъ съ періодомъ процвѣтанія Польши при Сигизмундахъ I и II, въ XVI столѣтіи, когда жили и дѣйствовали знаменитѣйшіе польскіе ученые и поэты: вѣкъ сигизмундовъ справедливо называется донынѣ вѣкомъ золотымъ. Съ Сигизмунда III и нѣсколько прежде, со времени допущенія Іезуитовъ, начинается періодъ упадка просвѣщенія, когда прибравъ воспитаніе юношества въ свои руки, Іезуиты подавили умственную дѣятельность народа, и, отводя его отъ новаго ученія (лютеранскаго), сдѣлали Поляковъ прозелитами и заставили ихъ заботиться о спасеніи душъ не своихъ, а чужихъ. — Мракъ, распространенный ими въ государствѣ, закрылъ глаза народа на недостатки гражданскаго устройства Польши, слѣдствіями которыхъ были, — анархія внутри, безсиліе извнѣ.

Во второй четверти прошедшаго столѣтія пробудилось полторавѣковое усыпленіе народа, и священникъ Конарскій, изъ ордена Піяристовъ, первый указалъ истинный путь къ просвѣщенію. Іезуиты увидѣли въ Піяристахъ грозныхъ соперниковъ, которые мало по малу начали переманивать къ себѣ юношество, а съ упраздненіемъ ордена Іезуитовъ (1773), вполне уже завладѣли воспитаніемъ. — Съ Конарскаго начинается эпоха возрожденія наукъ въ Польшѣ, а въ царствованіе послѣдняго короля, Станислава Понятовскаго, образованность явилась во всемъ блескѣ своеѣ. Но при всемъ томъ,

этотъ второй *блестящій* періодъ — есть только періодъ *подражанія*, болѣе или менѣе удачнаго. — Въ концѣ прошлаго столѣтія пресѣклось политическое бытіе Польши; важныя событія во Франціи и появленіе Бонапарта обратили на себя глаза всей Европы, и польскій народъ послѣдовалъ за звѣздою Наполеона, не изъ безсознательнаго изумленія предъ его гениемъ, а единственно изъ надежды заслужить его вниманіе, и вынудить возстановленіе своей независимости. Некому было тогда думать о литературѣ; всѣ, и писатели, и читатели, оставили перо и книгу, и бросились къ оружію: время наполеоновскихъ войнъ до самаго вѣнскаго Конгресса (1815) составляетъ пробѣлъ въ исторіи польской литературы.

Съ именемъ Александра I. соединяются въ Польшѣ всѣ лучшія воспоминанія прошедшаго: 1815 годъ былъ началомъ третьяго періода исторіи польской литературы; къ дѣйствовавшимъ уже прежде писателямъ, Нѣмцевичу, Лелевелю, Снядецкимъ, Чацкому, прибавились новыя имена, между которыми ярче другихъ красуется имя Мицкевича. Къ этому періоду относится начало *народной* литературы, потому что всю прежнюю можно назвать только *шляхетскою*.

Насталъ несчастной памяти 1831 годъ, который повлекъ за собою всѣмъ извѣстныя послѣдствія. Университеты, Лицей и Политехнической институтъ закрыты, литераторы разошлись во всѣ концы вселенной; казалось, что и литература должна была прекратиться, а между тѣмъ сдѣлалось совсѣмъ напротивъ; она возвысилась до такой степени, на какой не стояла съ тѣхъ поръ, какъ языкъ польскій сталъ письменнымъ. Кромѣ прежнихъ центровъ ея, въ Варшавѣ и Вильнѣ, появились новые, въ Парижѣ, Познани, Краковѣ и Львовѣ, а вмѣсто университетовъ и лицеевъ явились другіе двигатели просвѣщенія — газеты и журналы. Съ этихъ-то новыхъ двигателей просвѣщенія начнемъ нынѣ свое обозрѣніе.

Въ Варшавѣ выходитъ 6 газетъ ежедневныхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой кругъ читателей. При трехъ изъ нихъ печатаются земледѣльческіе листки, имѣющіе названія Корреспондента, Земледѣльческой газеты, Земледѣльческаго обозрѣнія. — Изъ газетъ, на первомъ мѣстѣ должно поставить *Варшавскій вѣстникъ* (Kurier warszawski), вовсе не потому, чтобы онъ отягчался особымъ направленіемъ, умными статьями, политическими обозрѣніями; нѣтъ, заслуга его совсѣмъ другаго рода. Онъ научилъ читать самый низшій классъ народа и умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для всѣхъ

жителей Варшавы. Нѣтъ трактира, кондитерской, кофейной или простаго шинка, гдѣ бы не было Вѣстника, а когда прибавимъ, что въ Варшавѣ всѣхъ публичныхъ мѣстъ, въ которыхъ ѣдятъ и пьютъ, считается до тысячи, вы будете уже въ состояніи судить, какимъ числомъ читателей пользуется Курьерокъ, какъ его здѣсь называютъ. Но не въ однихъ только общественныхъ мѣстахъ сдѣлался онъ предметомъ первой необходимости; каждый семьянинъ, даже бѣднѣйшій чиновникъ, или держитъ его для себя, или дѣлится со знакомыми; потому что въ Курьерѣ находятъ всё, чего ни пожелаетъ: объявленіе о наступающемъ праздникѣ, распоряженія правительства, награды, повышенія, извѣстія объ умершихъ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; изъ него узнаютъ, гдѣ былъ вечеръ, гдѣ балъ, кто на нихъ присутствовалъ и какъ былъ одѣтъ, что представляли въ театрахъ, кого и сколько разъ вызывали, что продается, что покупается, у кого украли вещи, или пропала собака; сверхъ того, политическія извѣстія въ гомеопатическихъ приемахъ, изъ всѣхъ частей свѣта; наконецъ анекдоты, шарады, логогрифы. Послѣ этого не оправдаете ли насъ, что мы до такой степени къ нему пристрастились, такъ сдѣлались съ нимъ неразлучны? Курьерокъ созданъ для Варшавы и Варшава для Курьерка; одна безъ другаго не могли бы, кажется, и существовать. Всѣ пріѣзжіе, и особенно Русскіе, не знающіе польскаго языка, съ него начинаютъ свои уроки; въ немъ находятъ всѣ извѣстія, даже въ какомъ трактирѣ и что будетъ къ завтраку, обѣду или ужину. И притомъ Курьерокъ чрезвычайно вѣжливъ и услужливъ; онъ никогда и ни о комъ не скажетъ дурнаго слова, все и всѣхъ хвалитъ; у него всѣ читатели называются знаменитыми писателями, а всѣ писатели гениями; онъ подаетъ вамъ иногда ученныя статьи, перепутаетъ собственныя имена и факты, на него за это нападутъ другіе журналы; но онъ и не думаетъ огрызаться, все идетъ собѣ впередъ, и лаю совѣтъ не пріимаетъ. Редакторъ, г. *Кучъ*, человекъ умный и пріятнѣйшій въ обществѣ; самъ иногда посмѣивается надъ собою, самъ называетъ свою газетку «глухимъ Курьеркомъ,» но прибавляетъ: «если бы въ немъ не было глупостей, такъ о чемъ же и говорили бы въ Варшавѣ?» — Слѣдовательно, какъ видите, это городской сплетникъ; онъ распространяетъ въ низшихъ слояхъ общества вкусъ къ чтенію, а дѣлъ, по правдамъ многихъ людей, оправдываетъ средства.

Газетъ литературно-политическихъ три: *Варшавская*, *Хроника* и *Ежедневная*; всѣ онѣ выходятъ каждый день, и при каждой печатаются агрономическія прибавленія. Наибольшимъ числомъ подписчиковъ (слишкомъ 5000) пользуется Варшавская газета; очевидно, что она пришлась по вкусу публикѣ. Но эту внимательность она дѣйствительно заслужила, и выборомъ статей, и влияніемъ на распространеніе вкуса къ чтенію въ среднемъ и высшемъ классахъ общества. Она состоитъ изъ трехъ частей: изъ политическаго обозрѣнія, изъ ученыхъ статей и изъ листка. Почти въ каждомъ номерѣ всякій можетъ найти чтѣ нибудь по своему вкусу; тутъ рѣшаются, и судьбы царствъ и народовъ, и ссвременные вопросы о торговлѣ и промышленности, помѣщаются, и монографіи писателей, и воспоминанія прошедшаго, и литературныя обозрѣнія, и критики новыхъ сочиненій, а въ листкѣ (феллетонѣ) всегда печатаются романы или повѣсти лучшихъ польскихъ писателей, Крашевскаго, Корженевскаго, Качковскаго. Редакторъ, г. *Лешинскій*, самъ весьма рѣдко отзывается въ своей газетѣ, и то только въ критическихъ разборахъ театральныхъ пьесъ и игры актеровъ.

Хроника не уступаетъ Газетѣ въ достоинствѣ ученыхъ статей и въ богатствѣ листка; но далеко ей еще до того числа подписчиковъ, какое имѣетъ Газета. Причину этого сейчасъ объяснимъ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ газета Варшавская была почти исключительно владычицею вкуса публики; мнѣнія ея принимались безусловно, а другія газеты довольствовались только политическою частью, вовсе не вдаваясь въ литературныя пренія. Въ 1851 *графъ Ржевускій*, авторъ лучшихъ на польскомъ языкѣ романовъ и записокъ (*Mémoires*), выступилъ съ новою газетскою «Варшавскіимъ журналомъ» (*Dziennik Warszawski*), и немедленно въ первый же мѣсяць получилъ до 2000 подписчиковъ. Варшавская газета сильно встревожилась; тутъ шелъ вопросъ о ея существованіи, она напрягла всѣ свои силы, закупила лучшіе романы, заказала ученые статьи, приняла способныхъ сотрудниковъ, увеличила форматъ, и вдругъ явилась первостепеннымъ изданіемъ. Но этимъ еще она не повредила бы «*Журналу*»; онъ самъ былъ причиною своего упадка.

Графъ Ржевускій получалъ на изданіе журнала пособіе отъ правительства. Это возбудило любопытство публики, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало ее недоброжелителемъ и взыскательницею; всѣ знали необыкновенныя способности редактора, и всѣ ждали, чему станетъ онъ учить, такъ,

чтобы и народа не оскорбить, и правительству угодить. Число подписчиковъ возрастало съ каждымъ днемъ; во второмъ мѣсяцѣ прибавились еще тысяча, но это былъ уже апогей величія журнала. Въ пятой или шестой недѣлѣ существованія Журнала помѣщена была въ фельетонѣ большая статья самаго редактора, «Цивилизація и Религія,» въ которой многіе афоризмы автора не понравились публикѣ до такой степени, что всѣ въ одинъ голосъ закричали: «*ges-publica in periculo,*» и, какъ бы сговорившись, оставили Журналъ, который въ третьемъ мѣсяцѣ считалъ уже двумя тысячами подписчиковъ меньше, въ четвертомъ, пятомъ не могъ уже существовать собственными силами. Газета Варшавская восторжествовала. Толчекъ, данный Журналомъ любопытству публики, принесъ матеріальную пользу только Варшавской газетѣ. Съ тѣхъ поръ Журналъ продолжалъ выходить, но уже графъ Ржевускій отказался отъ редакціи, которая перешла къ г. *Бартошевичу*, молодому ученому, воспитаннику С. Петербургскаго университета. Имя г. Бартошевича, извѣстнаго своими историческими трудами, поддержало на время Журналъ, который наконецъ упалъ бы непременно, если бы не нашлось нѣсколько молодыхъ и богатыхъ людей, между коими первое мѣсто занимаетъ г. *Собанскій*, которые пожертвовали своими капиталами на поддержку изданія, измѣнили даже его прежнее названіе на новое *Хронику*, и вотъ уже полтора года выходитъ она постоянно, и скоро перестанетъ, кажется, нуждаться въ матеріальномъ пособіи своихъ покровителей.

Третья литературно-политическая газета *«Ежедневная»* еле-еле дышетъ; не умѣла она пользоваться благоприятными для нея прежними обстоятельствами, а теперь, не смотря на денежные пожертвованія графа Пржездзецкаго, сорежнователя императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, и на благородныя усилія редактора (г. *Тригоровича*) и его помощниковъ, которые безвозмездно работаютъ для нея, пришла уже на край пронасти, и спасти ее могла бы только рука какого нибудь Миреса или Монтефиоре.

О *«Полицейской газетѣ»* (*Gazeta policujna*) скажу весьма коротко. Эта крошечная газета, которую обязаны держать всѣ домовладѣльцы, а какъ въ Варшавѣ 4000 домовъ, то почти столько же и подшчыкозъ. Кромя официальныхъ извѣстій и распоряженій мѣстной полиціи, въ каждомъ почти номерѣ есть и часть литературная, въ которой обыкновенно разсказывается какая нибудь ипдѣйская или аме-

рпканская исторія. — Наконецъ, *«Официальная газета Царства Польскаго»* издается на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ, и каждый день выходятъ номеръ на двухъ, трехъ листахъ, изъ которыхъ первую и вторую страницу занимаютъ распоряженія правительства, третью, иногда и четвертую, политическія извѣстія, остальные заняты объявленіями о подрядахъ, продажахъ, аукціонахъ и т. п. Нѣкогда помѣщались въ Официальной газетѣ и статистическія статьи, но нынѣ почему-то ихъ болѣе нѣтъ. Кругъ читателей этой газеты составляютъ подрядчики, адвокаты, и при томъ одинъ экземпляръ оной находится въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ.

Отъ газетъ переходимъ къ журналамъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ *«Варшавская бібліотека»* (Biblioteka Warszawska), издающаяся съ 1841 года, и состоящая нынѣ подъ редакцію одного изъ заслуженнѣйшихъ польскихъ писателей, г. *Войцיצкаго*. Имя редактора уже около 30-ти лѣтъ извѣстно въ литературѣ, а его сочиненія находятся въ рукахъ не однихъ Поляковъ, но и всѣхъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ народной литературы славянскихъ племенъ. Г. Войцизкій издалъ и объяснилъ народныя пословицы, собралъ множество народныхъ пѣсенъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Галиціи, издалъ народныя сказки, напечаталъ множество древнихъ памятниковъ, составилъ исторію польской литературы, сочинилъ нѣсколько повѣстей, а теперь издаетъ *«Повомазковское кладбище»* (Cmentarz powazkowski), въ которомъ описываетъ жизнь и дѣйствія главнѣйшихъ дѣятелей на военномъ, сценическомъ или литературномъ поприщѣ. Онъ былъ лично знакомъ со всѣми почти литераторами до-революціоннаго періода (1831 г.), и потому разсказъ его чрезвычайно занимателенъ и оживленъ. Варшавская бібліотека ему обязана своимъ нынѣшнимъ состояніемъ, потому что было время, когда она уже приближалась къ своему конечному паденію. Отдѣленіе легкаго чтенія всегда въ ней довольно скудно, а Библиотека не допускаетъ переводовъ, которыми такъ легко наполнять страницы журнала. Главное мѣсто въ пей занимаютъ учено-литературныя, или промышленныя статьи. Въ послѣднихъ книжкахъ (Январь и Февраль) есть весьма важная статья *Цыпрысинскаго*, подъ заглавіемъ: «Крестыанскій вопросъ» (Kwestja Wlosciańska). Статья эта еще не кончена.

Кромѣ «Библіотеки» выходятъ въ Варшавѣ: *«Религіозно-правостовенный журналъ»* (Pamiętnik religijno-moralny) подъ редакцію двухъ образованныхъ священниковъ, *Шелевскаго* и *Ментлевича*,

изъ которыхъ послѣдній занимаетъ первое мѣсто между здѣшними проповѣдниками. Содержаніе этого журнала составляютъ богословскіе вопросы, исторія католическихъ церквей въ Польшѣ, извѣстія о католическихъ миссіяхъ въ другихъ частяхъ свѣта, проповѣди и т. п.

«*Записки отечественнаго хозяйства*» (Roczniki gospodarstwa krajowego) издаются книжками каждую четверть года, и состоятъ подъ редакцію графа *Андрея Замойскаго*, основателя пароваго судоходства по Вислѣ.

«*Книга свѣта*» (Księga swiata, т. е. Космосъ), выходитъ ежемѣсячно; это журналъ въ родѣ «Живописнаго обозрѣнія.»

«*Медицинскій журналъ*» (Pamiętnik lekarski) издается книжками, четыре раза въ годъ. Редакторъ его д-ръ *Кульша*. — «*Медицинскій еженедельникъ*» (Tygodnik lekarski) издается подъ редакцію д-ра *Натансона*.

Для дѣтей есть два изданія, не носящія впрочемъ названія периодическихъ. Одно издается подъ редакцію г-жи *Прушакъ*, другое дѣвнцы *Шмигельской*.

Пенелопа — журналъ модъ, въ которомъ кромѣ картинокъ модъ помѣщаются и весьма певныя повѣсти.

Наконецъ, для низшаго класса народа, какъ городскаго, такъ и сельскаго, издается еженедѣльный журналъ: «*Воскресное чтеніе*» (Czytelnia niedzielna), подъ редакцію русской дамы, *Александры Васильсоны Петровой*, супруги д. с. сов. Петрова, извѣстнаго въ Европѣ шахматиста, дочери сенатора, тайн. сов. *Погодина*.

Позвольте мнѣ нѣсколько болѣе распространиться не столько о журналѣ, сколько о его редакторѣ. Когда покойный Государь *Николай Павловичъ*, въ бытность свою въ Варшавѣ, осматривая богоугодныя заведенія, посѣтилъ между прочимъ и больницу св. *Лазаря*, въ которой постоянно находится до 500 больныхъ женщинъ, но женщинъ, — сошедшихъ съ прямого пути, Государь изумился необыкновенному числу этихъ несчастныхъ, и частнымъ образомъ, въ разговорѣ съ больничнымъ врачомъ, изъявилъ сожалѣніе, что варшавскія дамы не возмуть на себя труда нравственно покровительствовать выходящихъ изъ больницы женщинъ, чтобы не допускать ихъ къ возвращенію на прежній путь. Эти слова дошли до слуха *А. В. Петровой*, которая рѣшилась осуществить мысль *Монарха*, и дѣйствительно основала для нихъ *Пріютъ Покрова Пресвятой Богородицы* (1853). Частная благотворительность пришла въ помощь основательницѣ, которая пылѣ съ

разрѣшенія высшей власти, передала Приютъ въ управленіе графинѣ Александрѣ Потоцкой. Для вспомошествованія же бѣднѣйшимъ жителямъ нашего города и нравственнаго ихъ воспитанія она основала въ истекшемъ 1856 г. журналъ «Воскресное чтеніе,» который съ перваго же мѣсяца приобрѣлъ 3000 подписчиковъ. Журналъ содержитъ въ себѣ нравоучительныя и занимательныя повѣсти, объясненія господскихъ Праздниковъ, житія Святыхъ, статьи земледѣльческія и промышленныя. Желаемъ этому изданію всякихъ успѣховъ, которыхъ онъ исполнѣ заслуживаетъ.

Сверхъ этихъ журналовъ, съ 1-го Аврѣля будетъ выходить «Музыкальный журналъ» подъ редакцію учителя и рецензента г. Сижорскаго.

Если въ Варшавѣ пишутъ и читаютъ очень много, то этого не лзя сказать о другихъ частяхъ бывшей Польши. Но для полноты моей статьи упомяну о другихъ газетахъ и журналахъ, издаваемыхъ внѣ предѣловъ Царства.

Въ С. Петербургѣ выходитъ *Еженедѣльникъ* (Tygodnik petersburgski), сухая газета, неимѣющая здѣсь вовсе читателей, а между тѣмъ стоявшая за пятнадцать лѣтъ предъ симъ во главѣ польской періодической литературы. — Въ Вильнѣ выходитъ *Виленскій вѣстникъ* на двухъ языкахъ, на русскомъ и польскомъ, подъ редакцію польскаго поэта *Одынца*. Это журналъ оффиціальныи.

Сверхъ того ожидаемъ появленія въ Вильнѣ новаго журнала «Литературный еженедѣльникъ» (Tygodnik literarski), который будетъ выходить подъ редакцію *Киркора*, извѣстнаго и въ русской письменности. Тамъ же выходятъ на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ «Записки Виленской археологической комиссіи,» подъ редакцію *Адама Киркора* и *Матѣя Гусева*. Первая часть вышла въ 1856 г., и въ ней встрѣчаемъ труды редакторовъ и членовъ комиссіи: Павла Кукольника, Сырокомли (псердонимъ Кондратовича) и другихъ. Виленскій археологическій Музей, какъ извѣстно, обязанъ своимъ существованіемъ графу Евстафію Тышкевичу, а нынѣ увеличился онъ еще орнитологическимъ кабинетомъ, препесеннымъ Музею въ даръ графомъ Тизенгаузеномъ.

Въ Львовѣ выходитъ *Львооская газета*, съ еженедѣльнымъ литературнымъ прибавленіемъ; газета состоитъ подъ редакцію *Сартини*, а прибавленіе переходитъ нынѣ къ *Шайнохъ*, заппающему между польскими историками первое мѣсто послѣ Мелевеля. Сверхъ

того, при той же газетѣ выходитъ *«С.мьсь»* (Rozmaitosci), одинъ разъ въ недѣлю, и заключаетъ въ себѣ большую часть перепечатки изъ другихъ газетъ и журналовъ.

Тамъ же *Ступницкій* издаетъ журналъ: *«Домашній другъ»* (Przyjaciel domowy); *Захаріассовичъ* — *«Литературный журналъ»* (Dziennik literacki); а *Вислоцкій* — *«Сольтъ»*, но эти журналы въ Варшавѣ мало извѣстны.

Въ Краковѣ выходитъ *«Время»* (Czas), единственная политическая газета на польскомъ языкѣ, потому, что въ ней одной не переводятся только политическія извѣстія изъ газетъ иностранныхъ, но помѣщаются и собственные взгляды редакціи. Czas дѣйствительно занялъ почётное мѣсто между европейскими газетами, чему обязанъ онъ такту и уму своихъ редакторовъ и корреспондентовъ. Та же редакція издаетъ *«Прибавленіе»* (Dodatek), — литературный журналъ, выходящій книжками ежемѣсячно, и содержащій важныя иногда статьи, касающіяся отечественной исторіи и древностей. Въ австрійской Силезіи, въ городѣ Цѣшинѣ (Teschen) *Стальгахъ* издаетъ *«Цѣшинскую зовѣздочку»* (Gwiazdka Cieszyńska), выходящую каждую недѣлю и назначаемую для поселянъ. Извѣстно, что сельское населеніе Силезіи, начиная съ Ополя (Oppeln) и далѣе къ югу въ Австріи, состоитъ изъ Поляковъ, которыхъ до сихъ поръ еще не успѣли отмѣчить славянолюбивые Нѣмцы.

Въ Познаннѣ выходитъ одно политическое изданіе *«Газета В. княжества Познанскаго»* (Gazeta W. księstwa Poznańskiego), подъ редакціею какого-то Нѣмца. Это самая пошлая газета изъ всѣхъ польскихъ періодическихъ изданій, и наполнена незлыми сплетнями и грязью, которою кидаетъ въ своихъ и чужихъ. Сверхъ того, выходитъ еще еженедѣльно журналъ *«Природа и промышленность»* (Przyroda i Przemysł), всѣми похваляемый за знакомство съ предметомъ и съ потребностями края.

Вотъ и всѣ періодическія изданія, выходящія на польскомъ языкѣ!

Обращаемся теперь къ литературнымъ повостямъ, появившимся въ последнее время.

Ксендъ Красинскій перевелъ стихами Слово о Полю Игоревѣ, и издавъ свой переводъ въ Петербургѣ. О мнѣніи нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ касательно Слова я писалъ въ Москвитянинѣ (1854, № 21); теперь скажу только вкратцѣ, что авторъ исторіи польской литературы, Вишневскій, утверждаетъ, будто памятникъ этотъ

принадлежитъ столько же польской, сколько и русской литературѣ. Это мнѣніе принято было многими писателями польскими безусловно. Но кому извѣстна ходъ той и другой письменности, тотъ ясно видитъ всю неосновательность этого мнѣнія. Въ XII вѣкѣ языкъ польскій могъ имѣть вліяніе на русскій точно также, какъ и наоборотъ, языкъ русскій на польскій. Сношенія между Пястовичами и Рюриковичами не были какъ между побѣдителями и побѣжденными, а какъ между родственниками и братьями. Войны, какія вели одни съ другими, были всегда семейныя и никогда завоевательныя. Болеславъ храбрый былъ въ Кіевѣ (1018), единственно помогая зятю своему Святополку; Болеславъ смѣлый, рожденный отъ русской княжны и женатый тоже на русской княжнѣ, предпринялъ походъ 1068 единственно для защиты Изяслава, отца его невѣстки Евпраксіи; Болеславъ кривоустый (1123) помогалъ только зятю своему Ярославу. Сынъ его Владиславъ II-й краковскій, рожденный отъ русской княжны, участвовалъ въ 1144 г. въ походѣ к. в. Всеволода Ольговича противъ галицкаго князя Владимірка изъ благодарности за укрѣпленіе его на краковскомъ престолѣ; точно такіе же были поводы походовъ 1146, 1149, 1188, 1190 годовъ (1) Вслѣдствіе этихъ сношеній могли перейти въ русскій языкъ нѣкоторыя польскія слова; но во всякомъ случаѣ вліяніе одного языка на другой не простиралось до такой степени, чтобы оба эти языки совершенно смѣшались, и чтобы памятникъ, писанный на одномъ изъ нихъ, могъ принадлежать въ равной степени и другому. Вліянія же литературнаго польскаго языка быть не могло, потому что въ XII вѣкѣ Поляки по-польски писать еще не умѣли. Изъ сего слѣдуетъ, что Слово о Полку Игоревѣ есть исключительная принадлежность русской литературы.—Первый писатель, познакомившій польскую публику съ симъ памятникомъ, былъ *Годевскій*, переведшій нѣкоторые отрывки Слова съ французскаго перевода. Переводъ Гудевскаго отличается звучными стихами, но вовсе не передаетъ духа старова времени. Это тоже что французскія драмы, коихъ содержаніе взято изъ греческой исторіи. Герои тѣже, но они мыслятъ и дѣйствуютъ по-французски. Второй польскій переводъ принадлежатъ *Блѣвскому*, который старался передать слова по-

(1) См. Исторію древняго Галицко-русскаго княжества, Дешисъ Зубрицкаго. Часть 1. стр. 4—7.

длинника старымъ польскимъ языкомъ, и потому, хотя его гере-
водъ весьма вѣренъ, но въ многихъ мѣстахъ такъ же темень, какъ
и подлинникъ. Новѣйшій переводъ Ксендза Красинскаго превосходитъ
не только прежніе польскіе переводы, но даже стоитъ выше, мо-
жетъ быть, всѣхъ до-нынѣ существующихъ переводовъ. Я нарочно
сравнивалъ его съ десятью разными переводами, и къ заключенію
этому пришелъ только послѣ тщательнаго разбора, который и напе-
чатанъ мною въ Варшавской газетѣ, № 2, 6 и 10, 1837 года.

На дняхъ вышелъ въ Варшавѣ и предпоследній выпускъ Наро-
дныхъ пѣсень, издаваемыхъ О. Коллбергомъ. До сихъ поръ напеча-
таны 332 пѣсни, всѣ съ мелодіями. И дѣйствительно, печатаніе
пѣсень безъ приведенія мелодій, это только половина дѣла, по ко-
торой нельзя еще судить о музыкальности того или другаго племени.

Первый началъ собирать народныя пѣсни Адамъ Чарноцкій,
извѣстный подъ псевдонимомъ Ходаковского. Но эти пѣсни хранятся
до сихъ поръ въ рукописи; нѣкоторыми изъ нихъ воспользовался
г. Максимовичъ при изданіи малороссійскихъ пѣсень; нѣкоторыя
были напечатаны въ разное время въ журналахъ; что сдѣлалось съ
рукописами, оставшимися послѣ Ходаковского, не знаемъ. Говорятъ,
что одна ихъ часть была у г. Максимовича, другая у М. П. По-
година. Не пора ли поручить кому нибудь заняться пересмотромъ
всѣхъ рукописей покойника и изданіемъ полезнѣйшихъ изъ нихъ?

Наиболѣе полное собраніе народныхъ пѣсень издано Вацлавомъ
изъ Олеска (*Зальскимъ*); *Piesni polskie i ruskie ludu galicyjs-
kiego z muzyką instrumentową przez Karola Lipinskiego, zebrał i
wydał Wacław z Olecka. Lwow, — 1833.* Но въ этомъ собраніи по-
мѣщены только тѣ пѣсни польскія и русскія, которыя народъ поетъ
въ Галиціи; при томъ же Зальскій включилъ и такія, которыя пе-
решли къ народу изъ литературы шельменной, — вѣроятно для уве-
личенія объема книги.

Въ 1837 г. *Войццкій* издалъ: *Piesni ludu Bialochrobátów,
Mazurów i Rusi z nad Bugu, z dołączeniem odpowiednich piosenki
ruskich, serbskich, czeskich i slowackich. Warszawa, 1836—1837;*
2 тома. Г. Войццкій самъ собиралъ эти пѣсни, около 1825 года,
сравнивалъ ихъ съ тѣми, какія поютъ наши соплеменники на западѣ,
югѣ и востокѣ, и привелъ много чужихъ пѣсень совершенно сход-
ныхъ по содержанію съ польскими.

Жегота Паули издалъ: *Piesni ludu polskiego w Galiciji. Lwów, 1838 г.* и тоже сравнивалъ ихъ съ сербскими и чешскими.

Конопка напечаталъ: Пѣсни Краковяковъ, (*Piesni ludu krakowskiego. Krakow, 1840 г.*) самыхъ музыкальныхъ изъ всѣхъ польскихъ племенъ. Пѣсни эти, большею частью, весьма коротки, потому что назначаются для пѣнія только въ соединеніи съ пляскою. Хороводныхъ пѣсень совсѣмъ нѣтъ, что, можетъ быть, объясняется живостью характера польскаго племени; Поляки не могутъ ходить или стоять—и пѣть; они поютъ, но вмѣстѣ и пляшутъ. Вообще народныхъ увеселеній, здѣсь по крайней мѣрѣ, въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, обнаруживаются всегда пляскою; пѣсню рѣдко услышите. Пожилыя женщины и старики бесѣдуютъ, сидя за чаркою водки, или стаканомъ пива, а молодежь пляшетъ подь музыку скрипки (въ селахъ), или кошачьяго оркестра, либо шарманки (въ городѣ).—*Цейшнеръ*, профессоръ Краковскаго университета, издалъ: *Piesni ludu Podhalan czyli górali Tatrowych polskich Warszawa 1845.* Подгальянами называются польскіе горцы, живущіе на сѣверо-восточныхъ скатахъ Карпатскихъ горъ, и называются симъ именемъ отъ слова *галъ* или *голь*, то есть высокихъ, нагихъ (голыхъ) горъ. Они не смѣшиваются съ горцами, живущими ниже, ни съ жителями долинъ, которыхъ называютъ Ляхами.

Собраніе, нынѣ печатающееся, О. Кольберга, даетъ возможность судить о напѣвахъ, безъ которыхъ заключеніе о *музыкальности* народа никогда не можетъ быть основательно. Г. Кольбергъ отлично знаетъ музыку, и потому въ состояніи выполнить эту задачу; весьма желательно, чтобы русскія пѣсни и сербскія тоже нашли подобнаго любителя, литератора-артиста.

Не упоминаю здѣсь вовсе о собраніяхъ народныхъ пѣсень бѣлорусскихъ, изданныхъ и въ польскомъ переводѣ, потому что бѣлорусская литература есть часть собственно русской, а не польской письменности. Кстати здѣсь сказать, что выраженіе «Бѣлорусскій языкъ» имѣетъ два значенія: бѣлорусскимъ называютъ языкъ, которымъ писаны законодательные памятники XVI и XVII вѣка въ Литвѣ, и на который переведена Библия Скорины. Почему онъ названъ бѣлорусскимъ, пусть объясняютъ тѣ, которые первые дали ему сіе наименованіе. Мы подь именемъ бѣлорусскаго языка понимаемъ молвь народную въ губерніяхъ Витебской, Могилевской, отчасти въ Смоленской, въ Виленской, Гродненской, Минской и

отчасти въ юго-восточныхъ частяхъ Ковенской, гдѣ она употребляется на-равнѣ съ литовскимъ языкомъ. Бѣлорусскій языкъ отличается отъ великороссійскаго по московскому выговору, только тѣмъ, что согласныя мягкія *дъ, ть* измѣняетъ въ *даъ, цъ*; что *лъ* и *въ* на концѣ словъ и слоговъ измѣняетъ въ *у*, и неокончательное наклоненіе окончиваетъ на *ци* (-ти). Вотъ и всѣ *главныя отличія*, которыхъ рѣшительно нѣтъ въ письменныхъ памятникахъ прежнихъ вѣковъ; слѣдовательно и названіе книжнаго языка бѣлорусскимъ совершенно неосновательно.

Отъ пѣсенъ перейдемъ къ прозѣ, но объ этомъ до слѣдующаго письма.

Варшава $\frac{2}{16}$ Марта 1857.

И. Паплонскій.

ЗАМѢТКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ПО СЛАВЯНСКИМЪ СТРАНАМЪ.

(Окончаніе.)

По географическому своему положенію, полуостровъ Истрія, какъ извѣстно, составляетъ берегъ венеціанскаго залива. Юговосточная сторона его отдѣляется отъ Далмаціи однимъ изъ самыхъ бурнѣйшихъ морей, заливомъ Адриатическаго моря, извѣстнымъ подъ именемъ *Кварнера* (*Quarnero*). Заливъ этотъ до того буренъ, что многіе и самое названіе его производятъ отъ искаженія латинскаго слова *capivogit* — *плотоядног*. Не ручаюсь за филологическую законность такого производства; оно принадлежитъ морякамъ, которымъ часто приходилось быть свидѣтелями его свирѣпости. Страшныя бури въ продолженіе почти 5, а иногда и 6 мѣсяцевъ въ году, начиная съ Ноября по конецъ Марта, а иногда и по Май, здѣсь не случайное явленіе, а прямое слѣдствіе географической обстановки залива. Во первыхъ на немъ множество большихъ острововъ, каковы: Велія, Карсо, Лусьяно (Ложинъ, по мѣстному названію), Арбе, Осоръ; все это острова гористыя. Во вторыхъ, какъ по западному берегу Кварнера, то есть восточному краю Истріи, такъ и по всему берегу Далмаціи, тянутся хребты горъ: отъ этого, какой бы ни подулъ вѣтеръ, онъ дуетъ сквозь ущелія скалъ, потомъ разбивается скалами острововъ, и такимъ образомъ никогда не дуетъ постоянно въ одну сторону, а всегда принимаетъ нѣсколько различныхъ направленій. Къ этому же еще, усѣянный островами заливъ болѣе состоитъ изъ узкихъ каналовъ, безпрестанно между собою пересѣ-

кающихся, нежели изъ открытаго моря, и потому, при нагѣишемъ вѣтрѣ, встрѣча теченій производитъ сильнѣйшее, весьма неправильное волненіе, къ которому невозможно примѣниться.

По всѣмъ этимъ причинамъ, плаваніе по Кварнеру весьма не безопасно и, благодаря такой небезопасности, пристань города *Пола*, находящаяся на южномъ оконечіи полуострова, съ давнихъ временъ была самымъ надежнымъ пріютомъ всѣхъ здѣшнихъ мореплавателей. Римляне видѣли важное ея значеніе въ этомъ краю, а потому избрали городъ *Пола* главнымъ мѣстомъ для общественныхъ зданій, предпочитая его *Тергесту*, теперешнему Триесту, котораго латинское названіе тоже не что иное, какъ искаженное славянское, остающееся и до сихъ поръ у туземцевъ, *Тржище*, то есть по нашему *Торжище*. Почти по всему полуострову, занимающему съ небольшими 71 квадратную милью (а съ островами 87, 7), тянутся, или, вѣрнѣе можно сказать, разбросаны горы. Онѣ не имѣютъ опредѣленнаго направленія. Замѣтно только одно, что восточная сторона Истрии; гораздо выше западной: тамъ находятся и двѣ самыя высокія горы *Планинь* и *Учка*. Последняя видна со всѣхъ мѣстъ южной Истрии, она, какъ маякъ, направляетъ шаги путника по извилистымъ тропинкамъ, вдушимъ къ востоку отъ главнаго шоссе. Итальянское ея названіе *Monte maggiore*, нѣмецкое *Utschkaberg*. Общій уровень горныхъ истрийскихъ высотъ едва-ли не выше всего въ срединѣ полуострова. Отъ этого вся сѣверная, или, какъ ее зовутъ, верхняя часть Истрии, холодна и неплодна; южная замѣтно плодороднѣе, и, не смотря на то, что 400 верстъ не могутъ производить сильной разницы въ климатѣ, теплоту южнаго ската нельзя и сравнивать съ теплотою сѣвернаго. Почти во всей южной Истрии (я говорю почти, потому что между горами нѣтъ постоянства въ климатѣ) климатъ очень теплый, небо ясно; зима очень коротка, и какъ сказываютъ, весна начинается часто съ первыхъ чиселъ Февраля. Снѣгъ лежитъ очень недолго, большею частію нѣсколько часовъ.

Отъ направленія горъ въ разныя стороны происходитъ то, что на всемъ полуостровѣ нѣтъ ни одной, сколько нибудь замѣчательной, рѣки. Это чрезвычайно какъ невыгодно для страны. Высокія горы, и слѣдовательно на ихъ вершинахъ постоянно сильныя вѣтры, у подошвы постоянное затишье, лишаютъ возможности строить вѣтряныя мельницы; рѣкъ нѣтъ, потому нѣтъ и водяныхъ мельницъ, и бѣдные обыватели принуждены или довольствоваться плохими руч-

ными жерновами, или посылать хлѣбъ для перемола въ Капо д'Истрію.

Почва земли во всей сѣверной половинѣ камениста, на самомъ южномъ берегу моря болотиста; здѣсь, особенно въ окрестностяхъ города *Пола*, никогда не прекращаются повальные лихорадки. Рыбная пища, самое дешевое пропитаніе прибрежныхъ жителей, и множество фруктовъ поддерживаютъ эту болѣзнь, которая почти постоянно господствуетъ въ окрестностяхъ города *Пола*.

Кромѣ шоссе, идущаго отъ Триеста до южной оконечности полуострова, т. е. до города *Пола*, при мнѣ дѣлали другое отъ Фіуме (Рѣка), находящагося уже на границѣ Венгріи, недалеко отъ восточныхъ предѣловъ Истріи, чрезъ городокъ Фіаноне да Пизано. Прощедши всю Истрію пѣшкомъ, сначала вдоль, потомъ по всему восточному берегу, я могъ очень хорошо ознакомиться съ дорогами. Едва свернешь въ сторону отъ шоссе, дороги почти нѣтъ: тянутся одиѣ, во многихъ мѣстахъ, едва замѣтны тропинки. Вездѣ камень на камнѣ, такъ что на восточномъ берегу Истріи идешь по камнямъ, какъ по глазамъ, и не встрѣчаешь ни одного деревца. Гдѣ проглянетъ нетолстый слой растительной почвы, тамъ земля или засѣяна турецкой пшеницей (кукурузою), или усажена виноградомъ. По сторонамъ дороги много кустарниковъ, похожихъ на нашу малину; только ягоды черныя, весьма приторнаго и неприятнаго вкуса.

Если есть гдѣ хлѣбъ, то онъ рѣдокъ и низокъ. Молотятъ его большею частію привязывая лошадей къ колу, кругомъ котораго разложены развязанные снопы немолоченаго хлѣба, и по нимъ гоняютъ лошадей. Разумѣется солома вся изомнется, но такъ какъ она здѣсь не идетъ ни на что, кромѣ корму скота, то это нисколько ея не портитъ. Въ иныхъ мѣстахъ молотятъ цѣпами или по здѣшнему *цынами*.

Вообще земледѣіе, или, какъ здѣсь зовутъ его, *польведльство*, стоитъ на весьма низкой степени. Близъ Триеста сѣется пшеница и растетъ хорошо. Въ южной Истріи, и особенно на южномъ берегу, много винограда, и домашнее вино очень порядочное; говорятъ, что оно отъ времени портится, но вѣроятнѣе всего, что это происходитъ отъ плохихъ свѣденій въ винодѣліи. Масличное дерево самое обыкновенное растеніе, особенно въ окрестностяхъ города *Пола* и *Ровиньо*, а между тѣмъ порядочное оливковое, или, какъ мы его зовемъ, прованское масло можно найти только у людей зажиточныхъ,

и то для собственнаго употребленія; въ продажѣ идетъ такое же, какъ у всѣхъ. Я говорилъ о томъ съ нѣкоторыми землевладѣльцами; одною изъ причинъ они мнѣ представляли ту, что Австрійцы не разборчивы во вкусѣ: ѣдятъ одинаково, чтó хорошее, чтó худое, исключая развѣ самой богатой аристократіи, и что поэтому они не рѣшались платить за хорошее масло дороже, тогда какъ тщательность обѣдки стоитъ порядочныхъ расходовъ.

Гдѣ ни ѣдешь, особенно въ южной и восточной части Истріи, отовсюду видно гору Учку (Monte maggiore). Въ Фіаноне она кажется подлѣ самаго города, тогда какъ на картѣ показана милью въ 6, или въ 5 уже навѣрное, никакъ не меньше. Вся она изъ голаго камня; съ подошвы до вершины ни одного растенія, и смотря съ визу, кажется, что на вершинѣ какъ будто бы остались слѣды прежняго кратера. Издали гора кажется двугорбою, а какъ помотришь ближе, меньшій горбъ состоитъ изъ ряда бугровъ, какъ будто расположенныхъ вокругъ впадины, и надъ ними одинъ высокій усеченный конусъ. По составу камня всѣхъ пройденныхъ мною истріискихъ горъ, его нельзя привисать вулканическому происхожденію, а по внѣшнему виду, гора Учка похожа на застывшую огнедышущую гору. Впрочемъ и въ камнѣ есть та особенность, что онъ принимаетъ на воздухѣ сѣропепельный цвѣтъ, похожій на цвѣтъ лавы; между тѣмъ какъ внутри онъ больше желтоватаго цвѣта, къ тому же мягокъ такъ, что по мѣстамъ видны на немъ оттиски, сдѣланные палками въ дождливое время.

Съ виду народъ, особенно мужчины, виѣтъ много общаго съ нашими Малороссіянами, но въ одеждѣ нѣтъ никакого сходства съ нами, Славянами сѣверными. Здѣсь одежда бѣдна и близка къ одеждѣ всѣхъ горныхъ жителей. Мужчины носятъ родъ куртокъ или теперешнихъ пиджаковъ; штаны у всѣхъ шерстяные, бѣлые, совершенно обтянутые кругомъ ноги, не такіе, какіе носятъ подлѣ Триеста: снизу они застегиваются на крючки, обхватывая сжато ногу до самой лодыжки. Ниже ея на ногахъ родъ носковъ, тоже застегнутыхъ на крючекъ, а сверхъ ихъ ременные башмаки, почти тоже, чтó наши лапти (или бѣлорусскіе постолы) съ тою разницею, что эти послѣдніе дѣлаются изъ лыка и не имѣютъ формы ноги, тогда какъ ихъ *опалки* обхватываютъ ногу, и всегда съ весьма острыми носкомъ, немого загнутымъ къ верху. У женщинъ, полукафтанье съ рукавами, прорѣзанными подъ мышками; въ жаръ онѣ откидываютъ ихъ

назадъ и затыкають за поясъ. Подъ полукафтanjemъ рубашка, и на рубашкѣ поясъ перехватываетъ станъ довольно низко. Головной уборъ съ перваго взгляду похожъ на наши низкія кички, тоже треугольный, и угломъ приходится напередъ. Только у нихъ не надвывается на голову ничего твердаго, какъ у насъ повойникъ, или въ Малороссіи очипокъ, а просто повязывается платокъ, сложенный косынкою; онъ завязывается сзади подъ косою, гдѣ и висятъ кисти отъ угловъ косынки. По праздникамъ волосы, заплетенные у двѣхъ щекъ въ косы, прищипливаются длинными и толстыми серебрянными булавками съ большими головками, такъ что эти шарики кругомъ косы составляютъ какъ бы полувѣнокъ. Серьги, по здѣшнему *наушницы*, серебрянныя или золотыя, смотря по состоянію.

Деревни очень рѣдки, дома все каменные, и обыкновенно разбросаны безъ всякаго порядка. Каменные крестьянскіе дома, разумѣется ужé безъ всякихъ украшеній, съ виду всегда мрачныя, еще больше придаютъ суровости странѣ, и безъ того весьма непривлекательной. Крыши тоже часто изъ плоскаго камня, иногда изъ черепицы.

Женщины, нельзя сказать, чтобъ были словоохотливы, по крайней мѣрѣ сколько нибудь обходительны; мужчины же весьма непривѣтливы. Путники, рѣдкое явленіе въ Истріи, не возбуждали въ нихъ ни малѣйшаго любопытства. Иногда спрашивали насъ, какого мы ремесла? Мы обыкновенно отвѣчали: живописцы, тѣмъ и кончался разговоръ. Однажды только встрѣтившійся съ нами мужикъ, ѣхавшій верхомъ на полевыхъ работахъ, спрашивалъ насъ: не Греки ли мы? и увидѣвши у насъ портфели въ видѣ книгъ, спросилъ еще: не ищемъ ли мы по нашимъ старымъ книгамъ *bezzi vecchi* (старыхъ монетъ). Жаль, говорилъ онъ, что мнѣ теперь некогда, а то я охотно пошелъ бы съ вами. Тогда мы не поняли значенія ни его вопросовъ, ни его сожалѣнія, но послѣ нашъ хозяинъ на ночлегѣ растолковалъ, что въ Истріи есть преданіе, будто бы Греки, въ старыя времена, то есть при завоеваніи Визавтіи Турками, прѣзжавши сюда, прятали здѣсь въ землю свои богатства и запинывали примѣты мѣсть въ своихъ книгахъ. Теперь, говорилъ онъ, иногда отыскиваются книги, и по нимъ Греки стараются отыскать давно зарытыя сокровища.

Между особенно замѣчательными городами Истріи можно упомянуть объ *Альбоні* (по славянски Лабиль). Туземцы говорили мнѣ,

будто бы тутъ мѣстороженіе св. Іеронима, которому западно-католическіе Славяне приписываютъ изобрѣтеніе глаголитской азбуки. Не могу утверждать, на сколько основательно такое указаніе туземцевъ, потому что изъ исторіи извѣстно намъ, что св. Іеронимъ родился въ городѣ *Стридонь* (*Natus oppido Stridonis, quod a Gothis eversum, Dalmatiae quondam Pannonique confinium, fuit S. Hieronimus.*) Но гдѣ этотъ Стридонъ, иногда называемый *Сидрона*, намъ неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ (1). Альбона—одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ края; теперь считается въ немъ до 1000 жителей. Онъ расположенъ на высотахъ возвышенной горы и весьма живописенъ. Отъ древности здѣсь остались развалины древнихъ воротъ, надъ которыми въ средніе вѣка властители Истріи, Венеціанцы, поставили своего державнаго льва; онъ одинъ и уцѣлѣлъ отъ разрушенія, потому что съ паденіемъ республики перенесенъ для храненія въ соборную церковь.

Есть кое-какіе остатки, впрочемъ болѣе отъ среднихъ вѣковъ, нежели отъ времени владычества Римлянъ, и въ другихъ городкахъ; но мало особенно любопытнаго. Городокъ *Пизано*—небольшая пристань на западномъ берегу полуострова, гордится тѣмъ, что въ немъ родился Тартини, *ristauratore della musica instrumentale*, какъ говорилъ мнѣ одинъ зажиточный тамошній гражданинъ.

Самый замѣчательный изъ городовъ Истріи—городокъ *Пола*, лежащій на южной ея оконечности. Въ немъ столько остатковъ древностей, отъ первыхъ римскихъ императоровъ, сколько не найдете ни въ одномъ не только небольшомъ, но и весьма порядочномъ городѣ Италіи, странѣ, преисполненной древностями. Въ послѣднее время онъ мало обращалъ на себя вниманіе путешественниковъ и даже изыскателей въ исторіи искусствъ. Правда, что до 1845 года, пока не учредилось пароходное сообщеніе между Триестомъ, городами Пола и Фіуме, путь къ нимъ не былъ такъ легокъ, какъ теперь; но шоссе проведено уже съ давнихъ годовъ до самаго города Пола. Просто, эти древности какъ-то предались забвенію, тѣмъ болѣе, что настоящіе властители Истріи, Австрійцы, мало обращаютъ вниманія на то, что не даетъ прямо или хлѣба, или денегъ.

(1) Histoire de Saint-Jérôme etc. par F. Z. Collombet. Lyon. 1844. T. 1. стр. 1 и 2.

Главнѣйшіе изъ остатковъ древности суть амфитеатръ или арена, театръ, два храма, золотыя ворота и еще простыя городскія ворота, замѣчательныя по той особености, что они двойныя, и въ камнѣ, изъ котораго они высѣчены, продѣланъ паза, по которому вѣроятнo спускалась рѣшетка, ихъ запиравшая.

Всѣ эти древности во первыхъ важны сами по себѣ, нѣкоторыя по чистотѣ вкуса и по изящности отдѣлки, другія по красотѣ линий и по особенностямъ, отличающимъ ихъ отъ всѣхъ, знакомыхъ намъ въ Европѣ подобныхъ древнихъ зданій; во вторыхъ, они такъ мало у насъ извѣстны, что нигдѣ ничего у насъ не было о нихъ писано. По объему этимъ причинамъ, при настоящемъ случаѣ, я не считаю себя въ правѣ умолчать объ нихъ.

Два храма, особенно одинъ, болѣе сохранившійся — зданія, лучшія по изяществу исполненія. Судя по основаніямъ (базамъ) и над-столбникамъ (капителямъ), онъ долженъ быть времени Августа. Другой храмъ былъ передѣланъ, во времена венеціанскаго владычества надъ Истріей, въ правительственный дворецъ (palazzo del governo); всѣ подробности украшеній, или совсѣмъ уничтожены, или искажены передѣлкою, и внѣшность придана ему совершенно иная. Первый какъ былъ, такъ и остается древнимъ храмомъ; въ послѣднее время въ него перенесли всѣ мелочи, находимыя при разрываніи разныхъ мѣстъ города Пола, такъ что тутъ образовался мѣстный музеумъ.

Описывать эти храмы безъ приложенія размѣровъ и подробностей не стоить, именно потому, что въ нихъ нѣтъ особенностей постройки; но главнѣйшее достоинство ихъ—изящество и чистота вкуса въ исполненіи. Во время послѣдняго моего пріѣзда въ Пола, подъ храмомъ, передѣланнымъ въ правительственный дворецъ Венеціанъ, (теперешнія австрійскія присутственныя мѣста) открытъ былъ огромный фундаментъ изъ сѣраго камня: въ немъ нашли большой погребъ и множество древнихъ винохранильницъ (амфоръ). Въ нихъ отличительно то отъ всѣхъ прочихъ, доселѣ находимыхъ, что каждая изъ нихъ съ особою глиняною крышкою, изъ той же глины, что и амфоры, чего нѣтъ ни въ римскихъ, ни въ помпейскихъ амфорахъ. Въ постройки и въ матеріалѣ, изъ котораго построены эти храмы, замѣчательно еще то, что они не изъ кирпича, а изъ камня, натесаннаго большими правильными кусками, въ толщину больше фута. Эти камни такъ прилажены одинъ къ другому, какъ двѣ шлифованныя

стеклянные плитки, такъ что между ними нѣтъ никакого цемента.

Такой родъ постройки заставляетъ предполагать, что они врядъ ли не древне-греческой работы, или по крайней мѣрѣ, для исполненія ихъ, были призваны греческіе художники, потому что поздыѣ, въ постройкахъ римскихъ, мы этого не находимъ.

Наши архитекторы не пожалѣли бы о потерянномъ времени, если бы имъ пришлось изъ Италіи съѣздить въ Пола, посмотрѣть, позмѣрять подробности колоннъ, ихъ капители и базы, и со всего снять рисунки. Но это только малая часть древностей въ городѣ Пола. Путь теперь легокъ изъ Триеста до Пола: всего нѣсколько часовъ пароходной ѣзды, и парохоль ходитъ два раза въ недѣлю; въ 1843 году этихъ пароходныхъ поѣздовъ еще не было.

Золотыя ворота, названныя такъ потому, что внутри ихъ лѣпныя украшенія были вызолочены, принадлежатъ временамъ поздыѣвшимъ; объ этомъ можно судить и по излишнему множеству лѣпныхъ украшеній, которыми преисполнены эти ворота, и по ихъ тяжелой архитектурѣ. Впрочемъ теперь объ архитектурѣ ихъ трудно произнести отчетливое сужденіе: ворота видны только по цоколю, нижняя часть ихъ находится въ землѣ; поэтому просвѣтъ малъ, и самыя ворота кажутся очень тяжелыми. Съ фасаду, съ боковъ, внутри арки, вездѣ скульптурная работа; нѣтъ мѣста, начиная отъ пьедестала до верху, гдѣ бы не было фигуръ, листовъ и другихъ украшеній. Колонны коринтскаго ордена, и *Серліо*, архитекторъ начала XVII вѣка, весьма много хвалить ихъ размѣры. Исключая порчи въ украшеніяхъ, они сохранились хорошо, и въ свою очередь стоять болѣе подробнаго изученія.

Двойныя ворота не столько предметъ искусства, сколько археологическая рѣдкость; это просто не триумфальныя, а обыкновенныя городскія каменные ворота. По прорѣзу, сдѣланному во всю ихъ высоту въ столбахъ, видно, что они не затворялись створчатыми деревянными половинками, а запирались отпускою, а можетъ быть, и задвижною рѣшеткою; но какъ она была устроена, этого по теперешнимъ остаткамъ не видно.

Театръ города Пола, лежащій въ довольно большомъ разстояніи отъ храмовъ и воротъ, теперь находится въ развалинахъ, такихъ, что о древнемъ его видѣ едва можно составить кое-какое понятіе

и то при помощи плановъ, дошедшихъ до насъ отъ того времени, когда еще были видны его остатки.

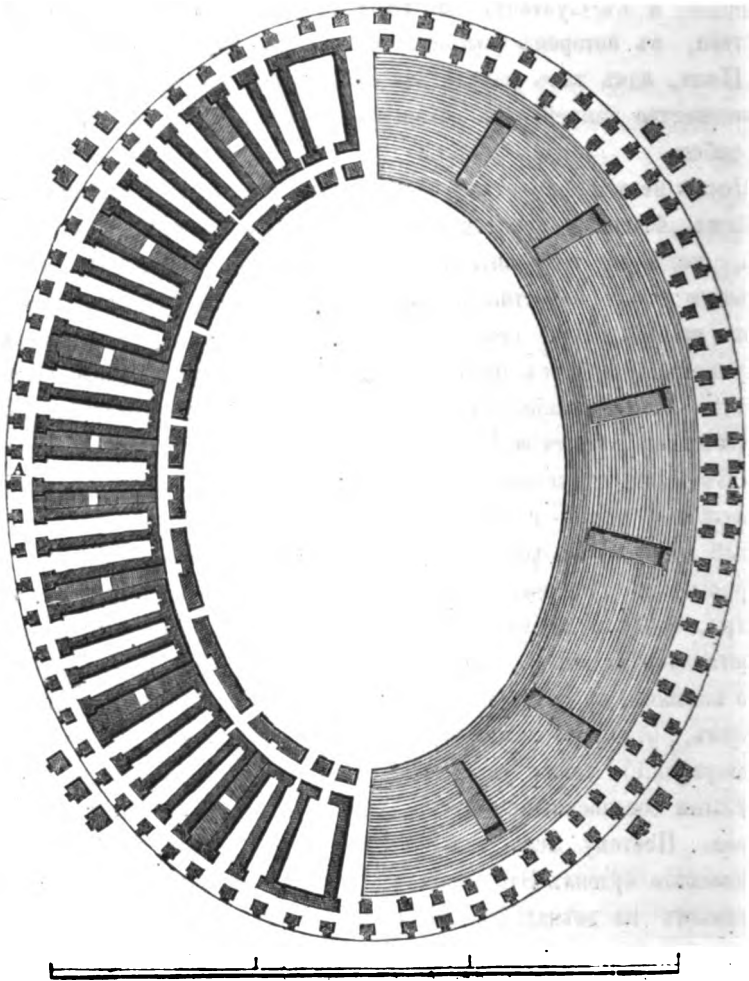
Первый, писавшій о древностяхъ Пола, *Петръ Мартуре д'Аниера*, Милаецъ, посланный Фердинандомъ и Изабеллою испанскими въ Венецію и къ Султану, въ 1501 году; онъ описалъ свое путешествіе, въ которомъ рассказываетъ, какъ изъ Венеціи переѣхалъ въ Пола, какъ тамъ видѣлъ два древніе театра, арку съ надписями и множество камней, изъ которыхъ болѣе 40 онъ описалъ и увезъ съ собою.

Послѣ него, всѣми этими древностями занимался съ большимъ вниманіемъ болонскій архитекторъ *Себастьянъ Серлио*. Онъ, въ своемъ, когда-то знаменитомъ, сочиненіи объ архитектурѣ, описалъ большую часть извѣстныхъ тогда древностей съ подробными размѣрами частей. Изъ его сочиненія я воспользуюсь описаніемъ и рисункомъ театра; съ нимъ можно, по оставшимся слѣдамъ, возстановить прежнее зданіе. Самое это сочиненіе теперь сдѣлалось библиографическою рѣдкостью (1).

«Въ Пола, древнемъ городѣ Далмаціи (Истріи, а не Далмаціи), прилежащей морю, находятся большіе остатки театра, въ которомъ умный архитекторъ воспользовался горою, употреблявши ее съ одной стороны для ступеней, и устроивши на плоскомъ мѣстѣ площадку театра, сцену и другія части, къ нему относящіяся. Изъ развалинъ и остатковъ видимыхъ, ясно, что это было зданіе, и по исполненію и по камнямъ, дѣйствительно богатѣйшее. Тутъ находится множество колоннъ, отдѣльно лежащихъ и вмѣстѣ съ украшеніями (e sole, e accompagnate), также углы съ четвероугольными колоннами и полукруглыми соединенными вмѣстѣ, весьма хорошей работы коринтскаго ордена. Поэтому весь театръ какъ снаружи, такъ и внутри былъ коринтскаго ордена. Это зданіе было измѣрено повымъ футомъ, раздѣленнымъ на двѣнадцать дюймовъ; третья часть его прилагается здѣсь при чертежѣ, на которомъ изображенъ планъ, а также и профиль театра. Мѣры его слѣдующія: театральная площадка, въ видѣ полукруга, имѣетъ въ поперечникѣ 130 футовъ; ступени, е

(1) *Tutte l'opere d'architettura et prospettiva di Sebastiano Serlio Bolognese, etc. etc., divise in sette libri. Con un indice copiosissimo, con molte considerazioni e un breve discorso sopra questa materia, raccolto da M. Gio. Domenico Scamozzi Vicentino. Venetia. MDCXIX, стр. 71 (по ошибкѣ напечатана 17) и 72.*

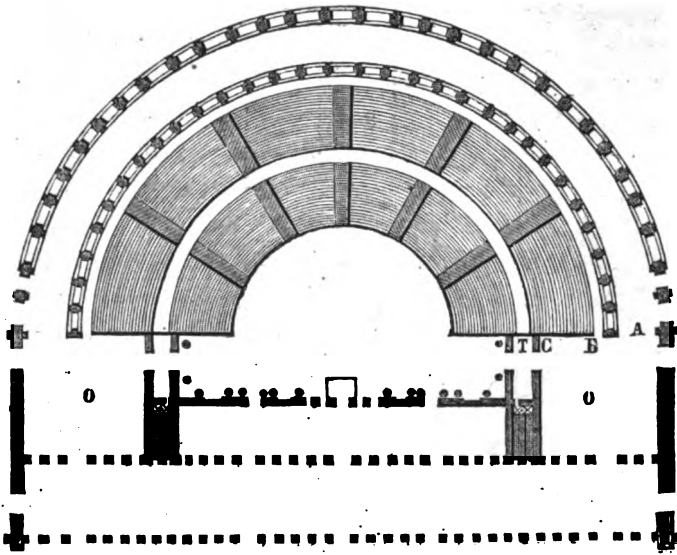
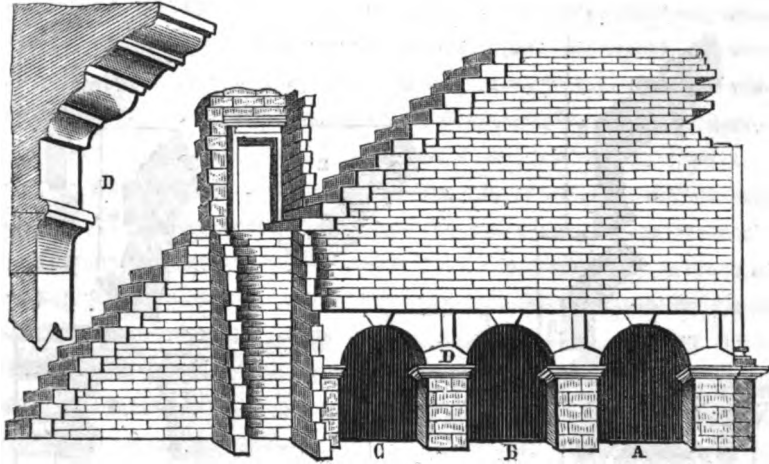
окужающія, съ двумя ходами или улицами, въ 60 футовъ; ходъ, отмѣченный буквою Т, долженъ быть на высотѣ возвышенія пульпитра сцены, на четырнадцатомъ приступкѣ съ низу; ширина порттика 15 футовъ; пилястры съ фасаду, поставленные у порттика съ



Планъ амфитеатра въ городѣ Пола.

колонами, около 5 футовъ; разстояніе отъ одного пилястра до другаго 10 футовъ. Это все въ отношеніи къ театральному плану. Два четвероугольника, означенные буквою О, суть комнаты, откуда входили въ улицу Т. Ширина сцены 21 футъ. Ширина порттика 27 ф. Арка подъ буквою А обозначаетъ портикъ; двѣ другія арки С

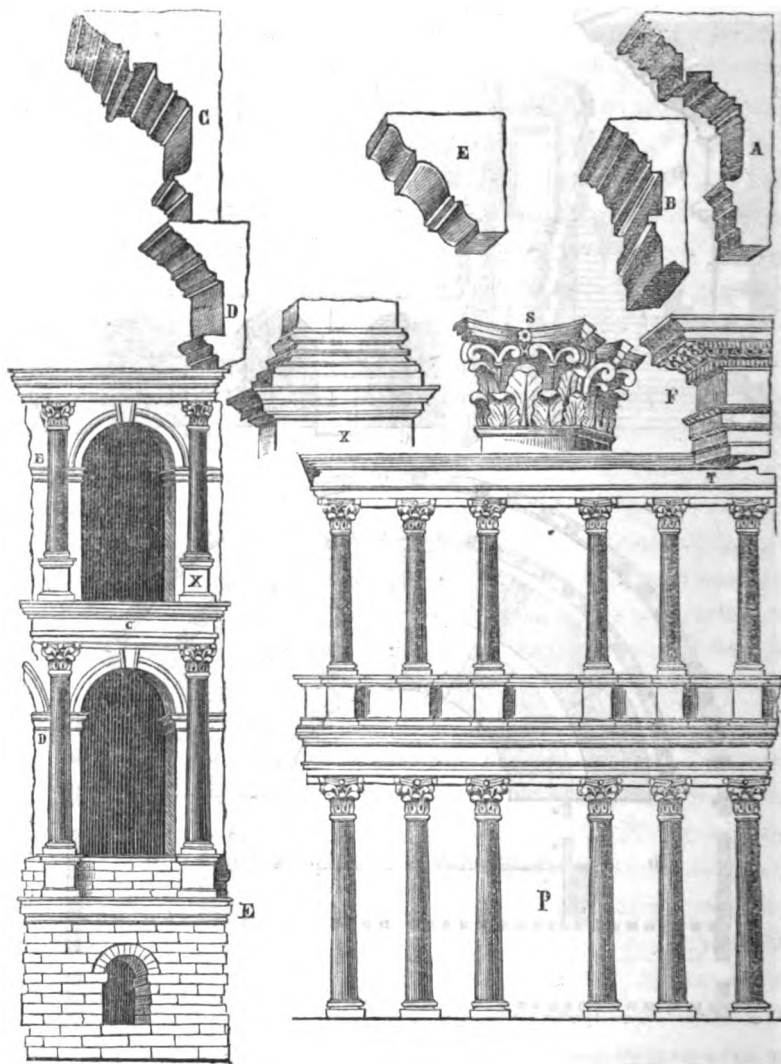
и В надъ ступенями. При этомъ театрѣ не нужны были лѣстницы, потому что гора доставляла удобство всходить на верхъ; также можно было всходить отъ сцены по ступенямъ, если встрѣчалась въ этомъ необходимость.»



Планъ и профиль театра въ городѣ Пола.

На второмъ рисункѣ изображена часть портика, что идетъ кругомъ театра, часть портика сцены подъ буквою Р, и потомъ архи-

тектурныя подробности.—У Серліо описываются подробности портика, колоннъ, капителей, базъ, карнизовъ, что все любопытно больше для архитекторовъ, и слѣдовательно могло бы найти мѣсто только въ исключительно художественномъ сочиненіи.



Подробности архитектуры театра въ г. Пола.

Это зданіе, какъ и ббольшая часть древнихъ построекъ, разрушено не столько временемъ, сколько людьми. Вотъ что о его разрушеніи, а тутъ же и о немъ самомъ, въ добавокъ къ приведенному мною

описанію, пишетъ Маффеи, въ весьма уважаемомъ сочиненіи *Vergona illustrata* (Vergona, MDCCXXXI. T. IV, стр. 355.): «Болѣе другихъ древностей города Пола, былъ превозносимъ архитекторомъ Серліо театръ, отъ котораго по несчастію едва остаются слѣды (это было писано въ началѣ прошедшаго столѣтія). Венеціанскій инженеръ Де Вилль (въ XVII столѣтіи) разрушилъ варварски до основанія всѣ части, тогда еще оставшіяся, и воспользовался камнями для постройки ничтожныхъ куртинъ и четырехъ укрѣпленій небольшой крѣпости, которая находится не съ боку, но внутри города, на холму; и кромѣ этого богатства матеріаловъ, въ отношеніи къ дѣлу, ничего нѣтъ порядочнаго. По видимому, онъ заботился только о томъ, чтобъ доставить себѣ удовольствіе употребить въ дѣло такіе огромные и превосходные куски мрамора. Чтобъ сколько нибудь оприличить непростительное разрушеніе такихъ великолѣпныхъ остатковъ древности, онъ рассказываетъ басню, никогда здѣсь не слыханную, о какомъ-то огненномъ изверженіи, которое за нѣсколько лѣтъ будто бы взорвало большую часть ихъ». Видно, что инженеры исполонъ вѣка заподозрѣны отъявленными врагами искусства.

Самое замѣчательное изъ остатковъ древностей въ Пола, это прекрасно сохранившійся его амфитеатръ, лежащій совершенно по другую сторону города (тоже за городомъ) на морскомъ заливѣ шагахъ въ 200, если не меньше, отъ берега.

Я видѣлъ и мало того, что видѣлъ, довольно порядочно знаю, амфитеатръ или Колизей римскій, амфитеатръ веронскій и арльскій въ южной Франціи, но по мнѣ, и по общему мнѣнію людей, ихъ видѣвшихъ, амфитеатръ города Пола красивѣе всѣхъ ихъ, и выборъ мѣстоположенія его самый удачнѣйшій. Когда въ тихое время поверхность воды въ заливѣ дѣлается гладкою и спокойною, съ моря вы видите два амфитеатра, одинъ надъ землею, другой подъ водою, оба бѣлые, какъ самый бѣлый мраморъ, потому что тотъ истрійскій мраморъ; изъ котораго онъ построенъ, желтый, при вынутіи его изъ земли, имѣетъ свойство бѣлѣть и твердѣть на воздухѣ.

По размѣрамъ этотъ амфитеатръ далеко меньше Колизея, меньше и веронской арены. Основаніе его правильный эллипсисъ. По моему измѣренію, длина самой арены, то есть средины амфитеатра, 222 фута 8 дюймовъ, ширина 136 фут. 6 дюймовъ, или въ метрахъ: длина 6663 сантиметра, ширина 4147-центиметровъ; тогда какъ по измѣренію Станкевича, длина 70 метровъ, ширина 448 децимет-

ровъ. Разница выходитъ въ длинѣ на 337, а въ ширинѣ на 233 центиметра. Отношеніе же между осями совершенно у насъ дѣлается различнымъ. По измѣренію Маффеи, длина отъ воротъ до воротъ 370 футовъ, ширина 300 футовъ, окружность до 1100 ф., высота со стороны моря 86 ф. и еще около 5 ф. парапетъ, всего около 91 фута. Подробные размѣры всѣхъ частей остались у архитектора Э. И. Эппингера, съ которымъ мы путешествовали по Истріи и Далмаціи; онъ измѣрялъ высоту и всѣ архитектурныя части стѣны и сдѣлалъ рисунки.

Длинная овальная линія весьма красива сама по себѣ, но изящество ея въ постройкѣ еще болѣе увеличивается отъ четырехъ пристроекъ, находящихся на самыхъ крутыхъ изворотахъ эллипсиса, ближе къ концамъ большой его оси. Эти четыре пристройки на аркахъ и пилястрахъ прерываютъ однообразіе линіи, и чрезвычайно много придаютъ стройности всему зданію. Они составляютъ особенность здѣшняго амфитеатра, которая встрѣчается очень рѣдко. Изъ перечисленныхъ мною амфитеатровъ она находится только въ Арлѣ.

Объясненіе цѣли этихъ пристроекъ, какъ бы башенокъ, ставило въ тупикъ многихъ изслѣдователей древности и заставило знаменитаго Маффеи назвать все зданіе театромъ, то есть мѣстомъ, назначеннымъ не для игрищъ, боя гладіаторовъ, и тому подобныхъ пластическихъ зрѣлищъ, а для слушанія драматическихъ сочиненій. Въ послѣднее время нашли ихъ прямое назначеніе: въ нихъ были сдѣланы лѣстницы для восхода на верхъ стѣны и натягиванія тамъ надъ всѣмъ амфитеатромъ покрывала, *velarium*. При внимательномъ осмотрѣ ихъ, видны даже мѣста, назначенныя для шестовъ, къ которымъ прикрѣплялись такія *velaria*. Это назначеніе пристроекъ объясняетъ и то, что онѣ могли быть только въ небольшихъ аренахъ, какія мы находимъ въ городахъ Пола и Арлѣ, въ большихъ же для натягиванія ихъ не доставало такого простаго устройства.

Другая особенность этого амфитеатра та, что онъ пристроенъ къ скату каменной горы; отъ этого сторона его, отдаленнѣйшая отъ моря—въ два яруса аркъ и оконъ, а ближайшая—въ три. Каменный скатъ горы входитъ въ самую арку и избавляетъ отъ необходимости особаго устройства для поддержки ступеней. Со стороны моря есть слѣды внутри арены, показывающія, что тутъ были ступени деревянные.

Избавившись отъ каменныхъ ступеней, строитель не имѣлъ надоб-

ности въ вѣсколькихъ рядахъ стѣнъ, а обнесъ весь амфитеатръ одною стѣною. Въ ней, въ среднѣмъ ярусѣ, 72 сквозныя арки (столько же, сколько и въ веронскомъ), въ нижнемъ меньше, потому что часть ихъ замѣняетъ скала, а въ верхнемъ, вмѣсто арокъ, четвероугольныя отверстія. Весь амфитеатръ кажется какъ бы сквознымъ, и это дѣлаетъ его чрезвычайно легкимъ. На самомъ верху находится парапетъ изъ того же бѣлаго мрамора.

Благодаря сквознымъ аркамъ, видъ изъ амфитеатра на море, нельзя сказать удивительный, но, говоря безъ преувеличенія, волшебный, особенно во время солнечнаго заката. Въ отверстіяхъ аренъ, какъ въ замкахъ, вы видите море и на немъ острова, которыхъ холмы сливаются издали въ одну непрерывную волнистую линію. Совершенная тишина, прерываемая иногда плескомъ моря, довершаетъ очарованіе.

Въ срединѣ самой арены, по длинѣ ея, сдѣлано углубленіе, родъ канала съ отвѣсными боками, и въ низу его видны основанія колоннъ во всю длину и въ два ряда; кромѣ того есть подземныя трубы; все это заставляеть дѣлать множество предположеній, не вызываемыхъ другими амфитеатрами.

Говоря здѣсь о древностяхъ города Пола только мимоходомъ, я не считаю себя въ правѣ утомлять вниманіе моихъ читателей описаніемъ подробностей, и потому для тѣхъ, особенно архитекторовъ, которые бы захотѣли съ ними ознакомиться, я укажу на небольшое сочиненіе каноника Станкевича, истрийскаго уроженца, живущаго верстахъ въ 20 отъ города Пола, въ небольшемъ селеніи Барбана, это: *Dello amfiteatro di Pola, dei gradi marmorei del medesimo, nuovi scavi e scoperte e di alcuni epigrafi e figurine inedite dell'Istria, con VII tavole saggio. Venezia, 1823 in-8.*

Этотъ амфитеатръ сохранился врядъ ли не лучше всѣхъ прочихъ; кое-что изломано внизу; на самомъ верху, на парапетѣ, недостаетъ всей правой части парапета, что читатели мои увидятъ на рисункѣ. Этими порчами зданіе обязано тоже какому-то взбалмошному инженеру, которому понадобились камни для укрѣпленія; но хорошо, что правительство скоро узнало о такомъ варварствѣ, и строго запретило касаться остатковъ древности. Здѣсь подобное варварство тѣмъ непростительнѣе, что если уже чѣмъ обилуетъ Истрія, то это камнемъ, которой вынимается безъ всякаго труда, потому что свѣжевынутый онъ очень мягокъ. Въ общественномъ мнѣніи оно не нахо-

дело никакого оправданія, потому что въ поставленіи, даваемомъ отъ бывшаго венеціанскаго правительства градоначальникамъ города Пола, всегда приказываемо было заботиться о сохраненіи древностей, и съ этою цѣлю велѣно было удалить виноградники, которые по горѣ дошли было до самыхъ пиластровъ.

Судя по такимъ остаткамъ древности и по тонкости работы, особенно при постройкѣ и отдѣлкѣ всѣхъ частей храма, чего нельзя найти не только въ Истріи, но и въ верхней Италиі, по всему можно предполагать, что, въ весьма древнія времена, Пола былъ также знаменитъ и богатъ, можетъ быть и болѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время (то есть въ первые вѣка христіанскіе), была знаменита Абвилея. Медали, находимыя въ окрестностяхъ Пола, большею частью первыхъ римскихъ императоровъ. Пристань его такова, что тутъ могутъ помѣститься цѣлые флоты; заливъ защищенъ отъсюду высокими берегами, и не знаю, какъ теперь, а еще въ прошедшемъ вѣкѣ, по словамъ Маффен, дно было въ немъ такъ глубоко, что свободно могъ въ него входить и по немъ ходить военный корабль, а купеческія большія суда такъ близко подходили къ берегамъ, что прямо бросали настилки, и тутъ же сгружались и нагружались.

Близъ г. Пола всѣ окрестности плодородны, хотя вѣроятно не производятъ столько, чтобъ снабжать своими произведеніями другія страны. По этому письма Кассіодора, Феодорикова министра, изъ которыхъ видно, что въ случаѣ надобности Равенна получала масло, вино и хлѣбъ изъ Истріи, можно объяснить такъ, что въ пристани города Пола былъ складъ всѣхъ этихъ произведеній, какъ изъ Далмаціи, Кроаціи, такъ и съ Востока.

Страбонъ говоритъ, будто бы этотъ городъ основанъ Аргонавтами; но, не входя во времена, едва не баснословныя, мы знаемъ, что одинъ изъ императоровъ, Юлій или Августъ, основалъ здѣсь колонію, назвавъ ее *Pietas Julia*, какъ говоритъ Плиній (кн. 4. гл. 19.). Маффенъ говоритъ: вѣроятнѣе приписать ее Августу (который населилъ во всей Италиі двадцать восемь колоній), какъ потому, что имя Юліи, данное городу, чаще давалось имъ, нежели Ю. Цезаремъ, такъ и потому, что городскій храмъ, сохранившійся и по сіе время, посвященъ Августу.

Что касается до имени города, то я приведу здѣсь собственныя строки того же Маффен, писанныя имъ въ началѣ прошедшаго столѣтія; онѣ могутъ служить доказательствомъ того, что здѣсь изстари

жили Славяне. «Позволительно ли предполагать, что имя (по видимому латинское) Пола (Pola) дано было этому городу, отбросивши древнее, за какое нибудь важное благодѣяніе, сдѣланное или выпрошенное Полею (Pola), сестрою Агриппы, упоминаемою Діономъ, по случаю значительныхъ зданій, ею построенныхъ? Или не вѣроятнѣе ли лучше думать, что это имя чисто иллирійское, потому что *поле* (polia) на этомъ языкѣ значить долина (riapuga), какъ *планина* обозначаетъ гору: Польша (Polonia) потому такъ названа, что это страна открытая. Что около города Пола есть холмы, это ничего не значить; обыкновенно говорятъ: идти въ поле — и *rolim*, всюду, гдѣ только нѣтъ такихъ горъ, которыя прерывали бы путь или видъ» (1).

Кромѣ древности самаго города и остатковъ древняго зодчества, для насъ, Русскихъ, въ Полѣ и вблизи его, есть другаго рода замѣчательность. Въ самомъ городѣ есть старая греческая церковь, и въ двухъ часахъ ѣзды отъ города, близъ берега моря, есть одно селеніе православныхъ Славянъ, именно переселенныхъ сюда Черногорцевъ — *Перой*.

Теперь вы отъ всѣхъ услышите, что греческая церковь построена была Греками, переселившимися сюда въ маломъ числѣ, послѣ покоренія Византіи, что эти Греки долго тутъ оставались, что еще старожилы помнятъ, какъ въ городѣ было семей восемь греческаго исповѣданія. Но, порывшись въ исторіи, мы находимъ другія указанія. Викторъ Санди, написавшій *Начало гражданской исторіи венеціанской республики отъ ея основанія до 1700 года* (Principj di Storia Civile della republica di Venetia dalle sue fondazione sino all' anne N. S. 1700, Scritti da Vettor Sandi, nobile veneto. In Venezia, MDCCCLVI), т. 2., ч. 2., стр. 660 (по ошибкѣ означена 634), говоря, что во всемъ округѣ города Пола, во владѣніи Венеціанъ находящемся, исповѣдуются католическая вѣра, прибавляетъ: «Только въ одной особой церкви, въ главномъ городѣ округа,

(1) Verona illustrata, T. IV. p. 332. Замѣтимъ, что все, помѣщенное въ этомъ сочиненіи о городѣ Полѣ, было напечатано еще прежде, именно въ 1728 году, въ другой книгѣ того же Маффеи: De gli anfitreati e singolaramente del veronese libri due, ne quali si tratta quanto appartiene all' istoria e quanto all' architettura. Verona, MDCCXXVIII, in-12.; по предположенію о славянскомъ происхожденіи имени тамъ не было; оно прибавлено въ указанномъ мною сочиненіи, Verona illustrata, изданномъ въ 1732 году.

тридцать священниковъ священнодѣйствуютъ по греческому богослуженію». Эти слова ведутъ къ инымъ заключеніямъ о вѣроисповѣданіи Истріи.

Существованіе и священнодѣйствіе тридцати священниковъ заставляетъ предполагать, что тутъ было много прихожанъ. Вопросъ—были ли они захваченіе Греки, или туземцы? Въ странѣ латинскаго исповѣданія трудно найти свидѣтельства, подтверждающія последнее, потому что тамъ, не смотря на всѣ самыя ясныя письменныя доказательства, Латиняне никакъ не хотятъ согласиться, что во всей Далмаціи ихъ единовѣрцами были одни переселенцы изъ Венеціи, туземцы же всѣ были православнаго исповѣданія; что въ Рагузѣ, не далѣе прошедшаго столѣтія, было страшнѣйшее гоненіе на православіе, даже однажды избіеніе православныхъ въ церкви, въ числѣ болѣе нежели тысячи человекъ; что наконецъ въ то время, когда всѣ эти страны были подъ владѣніемъ, или подъ вліаніемъ Византіи, (что простиралось до завоеванія Далмаціи и Истріи Венеціанцами), естественно, туда не могло проникнуть латинство; къ тому же въ началѣ раздѣленія церковей оно и не было такимъ страшнымъ гонителемъ приверженцевъ первохристіанскаго восточнаго исповѣданія, какимъ сдѣлалось впоследствии, особенно уже при Іезуитахъ. Поэтому, при неимѣніи письменныхъ свидѣтельствъ, нельзя пропускать указанія преданій, сохранившихся въ народныхъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Въ мое путешествіе по Истріи, я подмѣтилъ два явленія, показывающія, что восточное исповѣданіе родное Истрійцамъ. Одно общее, то, что всѣ католическіе жители триестинскихъ окрестностей изъ простаго народа, не считаютъ дѣтей своихъ крещеными, пока священникъ илирійской церкви не благословитъ ихъ, и не скажетъ надъ новокрещеннымъ католическимъ младенцемъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Латинскія молитвы, читаемыя при крещеніи, нисколько непонятны народу, и благословеніе на родномъ языкѣ какъ бы сосредоточиваетъ въ себѣ всю обрядную часть таинства крещенія.

Другое явленіе—частная моя встрѣча. Я желалъ побольше ознакомиться съ древнимъ амфитеатромъ и испросить рѣшенія и разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, явившихся на мѣстѣ, отъ людей, которые имъ занимались. Съ этою цѣлію я отправился верхомъ къ католическому каноннику Ставкевичу. Вдругъ на дорогѣ, весьма удивленной, которую вѣрнѣе слѣдовало бы назвать тропинкою, бѣжить

ко мнѣ женщина съ распущенными волосами. Я сначала принялъ ее за сумасшедшую; но она такъ жалобно что-то кричала и просительно складывала руки, что мнѣ совѣстно показалось не остановиться. Она побѣждала ко мнѣ, и начала что-то говорить на истрійскомъ славянскомъ нарѣчїи. Я почти ничего не понималъ, и только могъ хорошо разслушать два слова: попь и Перой. Последнее, какъ я уже упоминалъ, названіе единственнаго православнаго селенія на южномъ берегу Истрія. Въ отвѣтъ на ея слова я говорю: да, я изъ Пероя, принаравливаясь къ ея выговору. Тогда она бросилась предо мною на колѣни и какъ будто бы стала внятно говорить; я могъ понять, что у нея больна дочь и что она проситъ молиться; можетъ быть она нанимала и отслужить обѣдню или молебень. Чтoby сколько нибудь ее утѣшить, тѣмъ болѣе, что просьба ея показывала въ ней теплую вѣру, я сваялъ съ шею крестъ, далъ ей поцѣловать его; она поцѣловала и побѣжала назадъ.

Бывши у каноника Станкевича, я рассказываю ему эту встрѣчу. Онъ говоритъ: да вѣдь простой народъ глушь, имъ кажется та и ихъ вѣра, если въ церкви говорятъ на понятномъ имъ языкѣ. Почтенный каноникъ, надменно осуждая простолюдина, не зная, что онъ говоритъ высокую истину, отвергнутую латинствомъ, отвергнутую съ самыми нечистыми, своекорыстными видами, и въ добавокъ къ этому, отвергнутую съ самою противохристіанскою гордостью. Чтoby за молитва, произносима которую, мы рѣшительно не знаемъ, чтoby мы говоримъ, а произносимъ ее только по обычаю?

Теперь въ самомъ городѣ Пола нѣтъ вовсе прихожанъ православнаго восточнаго исповѣданія, и церковь отдана жителямъ селенія *Пероя*.

Когда я въ первый разъ прїѣхалъ въ городъ Пола, въ 1843 году, мнѣ говорили о Пероѣ какъ о греческомъ селеніи, и рассказывали, что тамъ есть сельская греческая церковь. Въ первое воскресенье—это было 11 Іюля, день св. Ольги—отправился я туда верхомъ, единственный способъ путешествія по каменистому берегу, при южномъ вѣтрѣ заливаемому водою, часто такъ, что и верхомъ не пройдешь. Первое, чтoby поразило меня—славянская надпись надъ церковными вратами. Тутъ изображенъ Спаситель, и въ книгѣ, которую Онъ держитъ, написано по славянски: *Азъ есмь хлѣбъ животный*. Іоан. гл. VI, ст. 48. Вхожу внутрь—наша небогатая сельская церковь. Иконы безъ окладовъ, но все чисто и прилично.

Обѣдня еще не начиналась; я пошелъ въ олтарь, чтобъ подать выпить заздравную часть. Дьячокъ остановилъ меня у сѣверныхъ дверей; но когда увидѣлъ, что я крещусь по восточному обычаю, предложилъ мнѣ войти въ олтарь. Во время служенія обнаружилась такая нищета, о какой у насъ не имѣютъ понятія въ самыхъ бѣдныхъ приходяхъ. Ризы выбойчатыя, и то довольно худыя, сосуды желѣзные; славянскія книги, напечатанныя у насъ въ Кіевѣ, до того истерлись отъ употребленія, что священникъ читаетъ Евангеліе болѣе на память; то, что остается на листахъ, только какъ бы подсказываетъ ему, помогаетъ только его памяти. Народъ знаетъ однѣ главныя молитвы, и самый причетъ церковный, состоящій изъ одного дьячка, болѣе на память, или по крайней мѣрѣ на полупамять, нежели по служебнымъ книгамъ, поетъ и читаетъ и на обѣдѣ и прочихъ церковныхъ службахъ. Этотъ дьячекъ—сынъ священника, твердаго въ вѣрѣ отцевъ своихъ, не столько ученаго, сколько знающаго основы нашего православнаго исповѣданія, и еще болѣе смѣлого стойкаго въ своихъ вѣрованіяхъ. Не будь этого, тогда, можетъ быть, но неводѣ давно бы православная церковь перестала оглашаться церковнымъ цѣніемъ.

Не могу сказать, какъ поразила меня такая внѣшняя нищета нашей церкви, потому внѣшняя, что главнѣйшее ея сокровище, смѣлое и искреннее вѣрованіе прихожанъ, сохранилось до того, что всѣ они дали клятвенное обѣщаніе не выдавать дочерей за иновѣрцевъ и не жениться на иновѣрныхъ, для того, чтобъ не ввести иновѣрствъ въ единственный на всемъ истрійскомъ полуостровѣ пріютъ первохристіанской религіи. Всего на все ихъ до 300 душъ, и теперь врядъ ли уже не всѣ они переродились, потому что все больше женились и выходили за мужъ у себя въ Пероѣ, да развѣ случайно брали невѣсть изъ Далмаціи.

Послѣ обѣдни приходскій священникъ, Петръ Петровичъ Миравичъ, попросилъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ очень порядочно говорить по русски, потому что въ 1807 году, когда адмиралъ Сенавинъ, съ своею эскадрою, стоялъ у Триеста, и когда на его кораблѣ умеръ священникъ, тогда отецъ Петръ Миравичъ былъ приглашенъ служить и отправлять всѣ церковныя требы. Тутъ—то онъ научился русскому языку, хранилъ и поддерживалъ это знаніе, и пользовался всѣми встрѣчами съ русскими кушаньями, чтобъ только поговорить по русски. Онъ съ горькими слезами разсказалъ намъ

о бѣдствіяхъ церкви. «Мы не бѣдны», говорилъ онъ, «у насъ есть всего довольно для жизни, свой виноградъ, свое вино, свои маслинны. и слѣдовательно масло; но денегъ у насъ нѣтъ, чтобъ купить для церкви все нужное, да къ тому же и кушитъ намъ негдѣ, а въ Россіи, хранилища православія, намъ получить невозможно ни книгъ, ни церковной утвари. Епископское управленіе наше въ Задрѣ, въ Далмаціи, да и самъ епископъ едва въ состояніи поддерживать свои церкви».

Тутъ разсказалъ онъ мнѣ печальную, хотя и не богатую событіями, исторію своей паствы. «Это были», по его словамъ, «переселенцы изъ Черногоріи, страдавшіе подъ владычествомъ Турціи и защищенные Венеціанскою республикою. Они переселились въ Истрию въ 1657 году». Припоминая историческія событія того времени, вѣроятно же думать, что это были жители общинъ, сосѣднихъ съ Черногоріею, которые, воспользовавшись войною Венеціанъ съ Турками за островъ Кандію, передались Венеціи. Главнымъ условіемъ переселенія было неприкосновенное сохраненіе вѣры; но Венеціанцы, послѣ переселенія Черногорцевъ, объяснили такую неприкосновенность непринужденіемъ обращаться въ латинство.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Перой, была прежде старая полуразвалившаяся латинская церковь. Когда тутъ поселили пришельцевъ въ 1657 году, тогда возстановили церковь и поставили католическаго священника. Онъ служилъ обѣдню на языкѣ славянскомъ, и прихожане по неволѣ ходили въ церковь католическую.

Вѣроятно, это былъ униатскій священникъ, такъ что разница въ служеніи была мало замѣтна народу.

Священникъ не имѣлъ постоянного дохода, но жилъ добровольнымъ мірскимъ подаваніемъ. Тогда еще онъ писалъ, что прихожане не хотятъ участвовать въ процессіяхъ въ страстную пятницу, выходящихъ изъ обычнаго круга ходовъ православной церкви. Послѣ, когда венеціанское правительство не въ состояніи было противостоять единогласному требованію Перойцевъ, и должно было позволить имъ имѣть своего священника, тогда католическій, потерявъ доходы, обратился съ просьбою къ епископу города Пола, и было рѣшено: такъ какъ Перойцы занимаютъ зѣмли, прежде принадлежавшія католикамъ, то должны десятину платить католической церкви. Это и исполнялось до самаго взятія Истріи Французами; они уничтожили десятину, платимую по самому придиричвому приговору, тѣмъ

болѣе выказывающему всю придирчивость епископа, что земля, обитаемая Перойцами, и теперь составляетъ песчано-каменистое побережье, а при ихъ переселеніи была совершенно пустою, неспособною къ обработкѣ. Послѣ 1810 года, то есть послѣ Французск. десятины снова возстановилась, и только въ 1815 году, когда совершенно уничтожился десятинный сборъ, и духовенство на западъ начало получать жалованье изъ общихъ сборовъ, только съ тѣхъ вѣр. Перойцы перестали платить прямую дань католическому духовенству. Собственно говоря, они платятъ ее и теперь, только не прямымъ, а косвеннымъ сборомъ. Дѣло въ томъ, что жалованье католическому духовенству идетъ изъ общихъ государственныхъ доходовъ; если бы изъ этихъ же доходовъ выдавалось и на содержаніе православнаго духовенства, тогда бы такъ, а то нѣтъ: Перойцы, и вообще все православное народонаселеніе Австріи, должно содержать свое духовенство на собственный свой счетъ, то есть, или содержать его мирскимъ подаяніемъ, или собирать съ прихожанъ деньги на жалованье священникамъ и причту.

Дѣло о позволеніи имѣть свою церковь тянулось очень долго; наконецъ венеціанское правительство позволило имъ построить *обыденную* церковь, т. е. такую, чтобъ она была начата и окончена въ одинъ день или въ одни сутки. Жители заготовили дерево, пригнали его для сруба, приготовили все для крыши, и когда все было готово, въ день Благовѣщенія, священникъ отслужилъ молебенъ, окропилъ мѣсто святою водою, снялъ ризы, и первый принялся за работу. Всѣ прихожане работали съ нимъ вѣстѣ, и къ концу сутокъ церковь была окончена. Она и была единственнымъ храмомъ въ Перой до 1824 года. Только въ послѣднее время, кромѣ ея, во владѣніе Перойцевъ отдана была греческая церковь города Пола. Когда Французы въ 1807 году завладѣли Истрію и Далмацію, и когда Наполеонъ поручилъ ту и другую страну управленію маршала Мармона, давъ ему титулъ герцога Рагузскаго, тогда Перойцы начали просить о позволеніи построить имъ новую каменную церковь; потому что обыденная деревянная обветшала до того, что дуло сквозило въ щели стѣнъ и задувало свѣчи во время служенія. Пока получалось разрѣшеніе, положеніе Истріи снова перемѣнилось: Французск. съ 1810 года замѣнили Австрійцы. Надобно было снова просить новое правительство утвердить позволеніе бывшаго французскаго. Все это тянулось до 1824 года, когда наконецъ Перойцы могли построить

ту самую новую каменную церковь, въ которой я слушалъ у нихъ обѣдню.

Къ крайней бѣдности церкви, присоедините еще и то, что такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой школы и никакихъ книгъ, ни даже букварей, то прихожанамъ грозила опасность, что по смерти своего стараго пастыря, не кому будетъ ни служить безъ книгъ, ни учить дьячка. Посторонній не пойдетъ на скудное содержаніе, а если и пойдетъ, то будетъ ли въ состояніи на память совершать богослуженіе? Іезуитскіе миссіонеры обѣщали имъ выхлопотать жалованье для священника и церковнаго причта, завести школу, дать учителя, подъ однимъ условіемъ, чтобъ они признали власть Папы и католическій символъ вѣры, то есть сдѣлались бы униатами, даже не называясь ими; но они не хотѣли объ этомъ и слушать. Сосѣдніе католическіе священники и католики ближняго города Деньяно, живущіе съ ними въ ладу, спрашивали ихъ, на что же они надѣются; особенно съ этимъ вопросомъ они обращались къ священнику; у него былъ одинъ отвѣтъ: на Бога; у насъ нѣтъ ни другой надежды, ни другаго помощника. «Господь помощникъ нашъ и избавитель, кого убоимся?» говорилъ мнѣ съ торжественнымъ видомъ священникъ, рассказывая о горькомъ своемъ положеніи. Твердое упованіе на Бога не обмануло старца.

Пораженный крайнею бѣдностію церковной утвари, церковныхъ одеждъ и совершеннымъ неимѣніемъ богослужебныхъ книгъ, я не справился ни съ своими средствами, ни съ тѣмъ, кого я могу просить о помощи, и прямо обѣщаль священнику отцу Петру, что я пришлю, или привезу имъ, все необходимое для ихъ церкви. Я думалъ, что можно обратиться къ религіозному чувству нашихъ русскихъ путешественниковъ въ Римѣ, и сборомъ устроить самое необходимое; но это оказалось не нужнымъ. Возвратившись изъ Пероя, полный отраднхъ впечатлѣній, произведенныхъ крѣпостію вѣры нашихъ южныхъ собратьевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полный грустнаго сочувствія къ ихъ страданіямъ, я написалъ обо всемъ этомъ въ Москву къ весьма извѣстному множеству своихъ благодѣтельныхъ пожертвованій Платону Васильевичу Голубкову. Въ отвѣтъ на письмо получаю вопросъ, что нужно для церкви? Разумѣется я отвѣчаю: все, кромѣ стѣнъ и образовъ, особенно же церковная утварь, одѣяніе и книги, въ числѣ которыхъ просилъ прислать часослововъ и букварей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ весны 1844 года, четыре ящика ждали уже меня въ Триестѣ. Въ нихъ были серебряные, вызолоченные сосуды, крестъ золоченный съ эмалью, вся церковная утварь; потомъ два евангелія, одно въ бархатномъ переплетѣ съ серебряными наугольниками, другое съ бронзовою позолоченною доскою; двои ризъ, одни парчевыя, другія штофныя, и при нихъ два одѣянiя на престолъ и жертвенникъ. Въ добавокъ ко всему, полное собранiе богослужбныхъ книгъ, при нихъ часослова и буквари. Не забыты и мелочи; присланы были штыя полотенцы съ кружевами, восковыя мѣстныя свѣчи, малыя свѣчи и ладанъ. Вмѣстѣ съ этими вещами былъ присланъ и образъ Платона и Марiи, въ серебряномъ, вызолоченномъ окладѣ.

Получивши извѣстiе въ Римѣ о прибытiи четырехъ ящиковъ въ Триестъ на мое имя, я, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ самъ туда поѣхать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ поручить отвезти ихъ въ перойскую церковь никому другому: я полагалъ (что послѣ и подтвердилось), что доставка ихъ встрѣтитъ много затрудненiй.

Только въ *Августѣ* мѣсяцѣ представилась мнѣ возможность отправиться въ Истрию. Запасшись въ Триестѣ выпискою изъ закона, которымъ разрѣшался свободный ввозъ всѣхъ товаровъ, идущихъ изъ Триеста, на весь истрийскiй полуостровъ, я самъ отправился въ дилижансѣ, а вещи отправилъ на лодкѣ.

Дилижансѣ ѣхалъ по знакомому мнѣ читателямъ истрийскому шоссе. Но прежде, шедши пѣшкомъ на прямикъ, я сокращалъ путь; теперь я по этому шоссе проѣхалъ по длинѣ всей Истрии. Обѣдали мы въ мѣстечкѣ *Буиѣ*, которое я прежде миновалъ.

Въ Перойи я прiѣхалъ почти недѣлю раньше прибытiя вещей, потому что онѣ шли лодкою, а тогда большею частiю дулъ южный, то есть противный ихъ плаванiю вѣтеръ.

Теперь, спустя слишкомъ 12 лѣтъ, я уже позабылъ многое изъ подробностей моего пребыванiя между Перойцами, и не столько подробности жизни, сколько впечатлѣнiя, произведенныя привозомъ вещей: событiе, въ другомъ быту не важное, но у нихъ оно сдѣлалось какъ бы началомъ другой жизни. Съ прiобрѣтенiемъ церковныхъ вещей и книгъ, для нихъ возстановлялась не только внѣшняя церковь, но еще болѣе возстановилось упованiе, что они не вполнѣ забыты Богомъ. Это собственное выраженiе одного изъ Перойцевъ. «Много вы сдѣлали для нашей церкви, но еще больше для крѣпо-

сти нашей вѣры. А мы уже думали, что Господь забылъ насъ, что скоро не почему будетъ и служить обѣдно въ церкви». Мы ждали прибытія лодки съ нетерпѣніемъ. Все пребываніе мое здѣсь я думаю лучше всего передать тогдашнимъ моимъ дневникомъ.

29 Августа 1844 года. Перой. Съ сегодняшняго утра я совершенно у родныхъ. Сегодня послѣ полудня пріѣхали мы верхомъ въ Перой; священникъ встрѣтилъ меня самыми родственными объятіями. Когда я ему прочелъ списокъ вещамъ, которыя везутся къ нимъ на лодкѣ, онъ, нельзя сказать, помолодѣлъ, а сдѣлался ребенкомъ: не зналъ, какъ высказать полноту чувства благодарности, схватилъ было мои руки, едва я могъ ихъ отнять. Весь день провели мы съ нимъ и съ другими, къ нему приходшими, въ разговорѣ о Россіи. Они спрашивали о множествѣ частныхъ, особенно относящихся къ религіи, и имъ, кажется, не вѣрилось, что есть страна, гдѣ православіе въ глубокомъ уваженіи, гдѣ оно свободно и не встрѣчаетъ вражды къ себѣ. Для нихъ Россія совершенно обѣтованная земля. Еще разъ повторилъ онъ мнѣ исторію своего селенія. Прошедшаго года, послѣ его разказа, я читалъ ее въ триестинскомъ журналѣ, врядъ ли не въ *Osservatore Triestino*, гдѣ точь въ точь было тоже разказано, только опущены притѣсненія, какія дѣлались латинянами.

Что поражаетъ меня на каждомъ шагу, особенно послѣ долгаго житія въ Италіи, это именно жизнь въ Богѣ почтеннѣйшаго приходскаго перойскаго священника. Хвала Богу пресвятому — у него при всемъ. Какъ это напомнило мнѣ многое въ дѣтствѣ; у насъ это тоже, особенно въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ, далекихъ отъ шума современнаго. Богомъ все начинается, все Богомъ оканчивается. Много встрѣчалъ я стариковъ всѣхъ народовъ, но нигдѣ не встрѣчалъ я такого постояннаго житія въ Богѣ. Евангеліе и Библія у отца Петра — ежедневное и врядъ ли не единственное чтеніе.— Правда, что по наклонности всѣхъ Сербовъ, онъ принимаетъ большое участіе въ современныхъ политическихъ произшествіяхъ, и потому еще охотно читаетъ триестинскую газету.

30. Перой. Къ моему хозяину пришли заѣзжіе два Триестинца. Они много говорили о пребываніи Владыки Черногорскаго въ Триестѣ (1). Грустно мнѣ было слушать. У него превосходная при-

(1) Теперь уже покойника, Петра Петровича Нѣгуша.

рода, совершенно высказывающаяся въ его прекрасной наружности; но Австрійцы успѣли сбить его съ толку, и онъ, преданный своему народу, любящій всею душою все славянское, увлекся однимъ — миссурю образованія, и не устоялъ на этомъ искушеніи. Полное образованіе трудно было ему пріобрѣсти изъ австрійскихъ источниковъ. Во время пребыванія своего въ Триестъ онъ написалъ стихи: *Три дана у Триесту, у мѣсяцу Януарию 1844.* (Три дня въ Триестѣ.) Сначала я не вѣрилъ, чтобъ это могъ написать архіерей, хотя и не по внутреннему стремленію пошедшій въ монахи, а потому, что назначался своимъ дядею занять мѣсто Владыки. Вотъ что всегда выходитъ, когда начинаютъ смѣшивать и соединять во едино духовную власть съ свѣтскимъ владычествомъ! (Слава Богу, теперь, послѣ смерти Петра Петровича, власть въ Черногоріи раздѣлилась; свѣтская вручена князю, духовная епископу.) Одинъ изъ Триестинцевъ принесть мнѣ, и даже подарилъ, печатные стихи Владыки. Пусть еще эти стихи:

Скупа смо се ми сви (¹) веселили,
 Гледаючи гледне гренадире,
 Гренадирско свѣтло оружь,
 И нихове (²) страшне медведине; (³)
 Маршь ниховъ (⁴) важни и величествени
 Са войничкомъ спроводенъ музикомъ,
 Коіо заври крвца у войника,
 И диже се прси у юнака.

Переводъ: Виѣстѣ всѣ мы веселились, смотрѣвши на видныхъ гренадеровъ, на свѣтлое гренадерское оружіе и страшныя ихъ медвѣжьи шапки, на важный и величественный ихъ маршь, сопровождаемый военною музыкою, отъ которой кипитъ кровь у воина и подымается грудь у витязя.

Пусть, говорю, еще эти стихи могутъ быть оправданы молодостію и воинственностію воеводы — архіерея, не разъ предводительствовавшего своими храбрами «юнаками» Черногорцами; но далѣе:

(¹) Сви — всѣ.

(²) Нихове — ихія.

(³) Медвѣдины — медвѣжьи гренадерскія шапки.

(⁴) Ниховъ — ихъ, ихній.

Скупа смо се ми сви веселили ,
 Гледаючи граціозну Флору,
 Сяйну звѣзду трестанскогъ (1) театра,
 Коя одмахъ зефирнимъ полетомъ
 И погледомъ своимъ очараннѣмъ
 Шака' у рай може претворити .
 Ка' даница иза мрачне ночи ,
 Што засяе своде Уранове.

Переводъ : Вѣстѣ всѣ мы веселились, смотря на граціозную Флору, сіяющую звѣзду триестинскаго театра, которая въ мигъ зефирнымъ полетомъ и своимъ очаровательнымъ взглядомъ адъ въ рай можетъ превратить какъ заря послѣ мрачной ночи, что освѣтитъ небесные своды.

Вообще Сербы и Иллирійцы, бывши въ Триестѣ, остались очень недовольны послѣднимъ пребываніемъ тамъ Черногорскаго Владыки. Онъ едва только зашелъ въ иллирійскую церковь, въ своемъ воинственномъ одѣяніи, съ хлыстомъ въ рукѣ; за то Австрійцамъ это было очень по душѣ. Да, Вѣна и вся Австрія—не легкое искушеніе для неискусившейся и не окрѣпнувшей природы молодого человѣка. Плотугодіе въ высшей степени, и все въ обольщающемъ образѣ современной образованности. Самая мысль и наука большею частію направлены не на внутреннее развитіе, а на вѣшнюю угодливость свѣту и на преданіе приличія исключительно плотскому направленію всей жизни. Вѣна готова терпѣть все; коленнопреклоняясь и бія себя въ грудь, она готова потворствовать и кощунству надъ святынею и всякой дерзости мысли, лишь бы въ ней не было стойкой самостоятельности и глубокаго искреннаго убѣжденія : вотъ враги, которые ей всего нестерпимѣе.

Едва только прерывались наши разговоры о Владыкѣ Черногорскомъ, священникъ тотчасъ же обращался къ ожидаемымъ нами церковнымъ вещамъ. «Что-то скажутъ теперь католики? Они мнѣ все твердятъ одно, что наша церковь не благословляется Богомъ, потому она такая и бѣдная. Вотъ теперь посмотримъ».

Все утро былъ страшный вѣтеръ, такъ что нельзя надѣяться на скорое прибытіе лодки. Я думаю пока дни на два съѣздить въ Пола.

(1) Треставскогъ — триестинскаго.

Вечеръ, Пола. Теперь весь городъ Пола въ движеніи, только и толковъ, что о пріѣздѣ Императора. Бѣдные жители и рады и не-рады этому пріѣзду. Нерады потому, что усилился постоя: давай квартиру, а самъ поди, куда хочешь. Рады потому, что надѣются просить милости отъ Императора, и всего больше отъ Меттерниха. Правитель Истріи предложилъ уничтожить окружное управленіе въ городѣ Пола и перенести его въ Деньяно, чтобъ тамъ было одно общее. Это лишитъ бѣдный городишко послѣднихъ средствъ, и безъ того самыхъ скудныхъ. Еще надѣются выпросить что нибудь на расконку древностей города; директоромъ и распорядителемъ работъ нѣкто *Каррара*, уроженецъ города Пола; хорошо и то, что, и по любви къ древностямъ, и по сильной любви къ своей родинѣ, онъ занимается открытіями и отрываньями со всѣмъ усердіемъ, выгадываетъ каждую копейку, только бы побольше найти въ землѣ остатковъ прошедшаго величія своего роднаго города. Это уже чисто италіанская страсть, такъ какъ будто бы у отжившаго народа есть какое-то живое сочувствіе съ памятниками отжившаго существованія.

31. Пола. Ночь. Сей часъ я прямо изъ амфитеатра, гдѣ мы провели съ Каррарою болѣе часу. Никогда, кажется, я не любовался и не восхищался имъ такъ, какъ сегодня. При яркомъ лунномъ свѣтѣ онъ еще лучше, нежели днемъ. Днемъ—онъ часть общей картины, теперь онъ главный и единственный предметъ для глаза и для мысли. Все спитъ кругомъ его; не ситъ одинъ памятникъ прошедшаго. Какъ вызываетъ онъ думы? Не знаешь, но онъ идетъ одна за другою, и всѣ имъ вызываются. Звуки отражаются въ стѣнахъ его такъ, что не проронится ни одного слова, ни одного полутона, даже и не замѣтнаго при произношеніи; всѣ переходы звуковъ, сливающиеся во едино при слушаніи ихъ простымъ, невооруженнымъ такъ сказать ухомъ, здѣсь долетаютъ такъ ясно, отдѣльно и отчетливо, что, кажется, они повторяются какимъ то гигантомъ и вылетаютъ изъ огромной исполинской груди; особенно смѣхъ повторяется въ такомъ звучномъ размѣрѣ и съ такою ясностію, что ночью становится страшно.

Каррара говоритъ, что въ строеніи этого амфитеатра видна мужественность Этрусковъ; я совершенно противнаго мнѣнія. Мнѣ кажется напротивъ, что здѣсь все напоминаетъ Грецію: храмы, особенно храмъ Августа, и самый амфитеатръ, напоминаютъ Грецію тѣмъ, что здѣсь красота и легкость господствуютъ надъ силою и

громадностию. Если только было бы можно сдѣлать такое сравненіе, я сказалъ бы, что римскій Коллизей—Геркулесъ древняго міра; амфитеатръ въ Пола—Аполлонъ. Въ первомъ красота совершенно подчиняется силѣ и величію, такъ что они одни совершенно господствуютъ; во второмъ красота преобладаетъ надъ всѣмъ; разумѣется, она не уничтожаетъ величія, но является вездѣ первою.

Сегодня я заходилъ къ пріѣхавшему сюда художнику, Англичанину Артуру Гленни. У него сдѣлано до шести видовъ амфитеатра съ разныхъ сторонъ; прекрасныя вещицы. Жаль, что онъ можетъ писать только акварелью, и что не всѣ они у него ровны; нѣкоторыя очень слабы. Одинъ изъ превосходныхъ видовъ могъ бы быть, если бы писать съ того мѣста, гдѣ былъ древній театръ. Онъ не столько выгоденъ для амфитеатра, какъ для всей картины. Хорошо, если бы кто нибудь изъ нашихъ пейзажистовъ заѣхалъ въ Пола; теперь же ѣзда облегчена.

2 Сентября. Перой. Сегодня былъ въ Пероѣ истинный праздникъ, и такой праздникъ, какого никогда здѣсь не бывало. Къ полудню пришла лодка съ вещами. Пока вытаскивали четыре большіе ящика, пока мы пообедали, было уже далеко за два часа. Стали мы разбирать вещи: полдеревни пришло въ церковь. Сначала открыли ящикъ съ книгамъ: тутъ былъ весь кругъ церковный, 40 букварей и 12 часослововъ; потомъ какъ нарочно пошася ящикъ со свѣчами и ладаномъ: всѣ смотрѣли, какъ говорится, *такъ себѣ*. Но когда открыли одежды, дѣйствительно богатѣйшія, всѣ были въ изумленіи; ничего подобнаго они не видывали. Потомъ, когда открыли ящикъ съ серебромъ, всѣ стояли какъ пораженные. Священникъ сдѣлался совершенно ребенкомъ; онъ безпрестанно только что и говорилъ: «Все это въ нашу православную, перойскую церковь». Онъ цѣловалъ крестъ, давалъ другимъ цѣловать его, потомъ около всѣхъ обносилъ Евангеліе, примѣривалъ одежды и, кажется, ни ему, ни прихожанамъ не вѣрилось, что все это принадлежитъ ихъ церкви. Одна женщина подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Да украсить Господь душу твою, какъ ты украсилъ нашу церковь». Я отвѣчалъ, что я только привезъ это украшеніе, но прислалъ другой Русскій. Тутъ, другая съ другой стороны, говоритъ мнѣ: «Напиши же ты ему, что мы столько будемъ за него молиться, и дѣтямъ и внучатамъ велимъ, что на нашихъ молитвахъ душа его до Бога долетитъ». Мой вос-

торгъ былъ не меньше, чѣмъ ихъ; въ первыя я видѣлъ и слышалъ такое сильное, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое простое, самое задушевное изліяніе глубокаго чувства благодарности. Я казался имъ какимъ-то чудеснымъ посланникомъ неба, потому что никто изъ нихъ никогда не могъ вообразить, чтобъ кто нибудь, и еще въ отдаленной отъ нихъ сторонѣ, такъ позаботился о ихъ храмѣ. Въ первый разъ прошедшаго года они меня видѣли простымъ, небогатымъ путешественникомъ; самъ священникъ говорилъ, что, не смотря на мои обѣщанія сдѣлать все для церкви, ему ни разу на умъ не пришло, что она украсится и въ сотую долю противъ того, какъ теперь украсилась. «Что скажетъ теперь католическое духовенство, когда увидитъ, что наша бѣдная, забытая, пренебрегаемая церковь, стала богатѣе и *благодизраженнѣе* всѣхъ католическихъ церквей вострѣйскихъ? Они не повѣрятъ нашему чуду. А развѣ не чудо, что къ намъ приходитъ путникъ, простой путникъ; побывъ онъ съ нами день, видитъ нашу бѣдность, и черезъ годъ, златомъ и серебромъ украшаетъ нашъ храмъ православный!» И при всякой такой рѣчи онъ бросался обнимать меня. «Католики навѣрно скажутъ, что мы имѣли какія нибудь сношенія съ Россією, что это не даромъ».

Вывиuvia вещи изъ ящиковъ, мы принялись ихъ раскладывать на столы; столы приносились прихожанами, какой у кого былъ, все неся въ церковь. Изъ церкви пошли мы къ Ювовичу, обѣднѣвшему торговцу; онъ угощалъ насъ хорошимъ доморожденнымъ и домодѣланымъ виномъ, извѣстнымъ подъ италіанскими названіями или *vinò della rosa* или *refosco*. Вино очень хорошее. Въ 6 часовъ священникъ велѣлъ звонить *во вся*, то есть во всѣ три колокола, но невозможно было исполнить приказанія, потому что третій колоколъ былъ разбитъ. Все живое въ Пероѣ пришло въ церковь; даже и дѣтей всѣхъ принесли на рукахъ. Служили вечерню, всѣ старые и малые молились самою горячею молитвою. Вещи всѣ лежатъ пока на столахъ посреди церкви. По окончаніи служенія, священникъ объявилъ, что «завтра будетъ заутреня, освященіе вещей и обѣдня за здравіе Платона и Маріи, и высокоблагороднаго господина, коего содѣйствіемъ получили мы све это (*все по сербски све*);—да соберется све старо, младо и дѣтске; то буде данъ нашего перойскаго праздника».

Почти съ разсвѣта начался праздникъ. Всѣ прихожане засвѣтили свѣчи, такъ что это вмѣстѣ съ радостными лицами всѣхъ, живо

напомнило заутреню свѣтлаго христова Воскресенія. Послѣ освященія вещей священникъ надѣлъ новыя ризы. Безпорядокъ былъ страшный, потому что при одѣваньи, то то, то другое, затрудняло священника; никто не умѣлъ подать, пришлось мнѣ быть дьячкомъ, и то плохимъ; я привыкъ всегда видѣть священника въ церкви въ облаченіи, не слѣдивши за тѣмъ, какъ онъ облачается. При великомъ выходѣ, когда надобно было положить воздухъ на плечо, онъ не зналъ, какъ прикрѣпить: выбоичатый держался просто, а парчевый скользилъ. Тутъ опять меня на помощь. Не смотря на все это, въ самомъ празднествѣ, даже въ суетѣ, было много торжественности. Три службы сряду тянулись долго, и не знаю, какъ другіе, а я вышелъ страшно утомленный.

Послѣ обѣда я далъ послѣднія наставленія объ учрежденіи школы, и всего болѣе наставлялъ на томъ, чтобъ мальчики иѣли въ церкви. Это сблизитъ ихъ съ церковію, и въ послѣдствіи чтеніемъ церковныхъ книгъ поддержитъ пріобрѣтенную ими грамотность.

Характеръ народа, съ которымъ я теперь порядочно познакомился, мнѣ очень нравится. Правда, что между ними очень мало развитъ духъ промышленности: они чистые земледѣльцы, принимая это слово въ полнотѣ его значенія, то есть, они занимаются воздѣлываніемъ земли подъ хлѣбъ, котораго у нихъ по страшной бесплодности каменистой почвы, весьма мало, воздѣлываніемъ виноградниковъ и масличными деревьями. Никто изъ нихъ, рѣшительно никто, не нанимается служить, а даже еще себѣ они нанимаютъ изъ Деньяно и другихъ мѣсть. Частію этому причиною изобиліе виноградниковъ. Земли у нихъ много, но рукъ мало, и главное, нѣтъ никого, кто могъ бы въ урожайный годъ пріостановить продажу; также они плохо понимаютъ обдѣлку вина и приготовленіе масла. Немного развитія этому народу, тогда климатъ сторицею заплатилъ бы за труды поселянина. Никто не понесетъ въ городъ продавать ни курицы, ни яйца, ничего, кромя произведеній земли. Они говорятъ: что хорошо для губъ господскихъ, то хорошо и для насъ. Живутъ очень беззаботно. Одинъ поселянинъ повелъ насъ съ молодымъ Грекомъ Катраро, который пріѣхалъ построить здѣсь мельницу, въ свой виноградникъ. Виноградникъ пребогатѣйшій, и винограду множество, почти все мускатный. А этотъ поселянинъ живетъ точно также, какъ и всѣ прочіе. Такое удаленіе отъ роскоши, и вообще отдѣльное житье, такъ сохраняютъ строгость перойскихъ нравовъ, что латинскій

аббатъ Каталпинчъ превозносилъ имѣ нравственность Перойцевъ. Одинъ изъ нихъ, Браичъ, ѣздилъ со мною на своихъ лошадахъ въ городъ Пола, и ни за что ничего не хотѣлъ взять за это. Между ними правда нѣтъ и никакихъ мастеровъ; и то дѣло: сапожники имъ не надобно, они носятъ оцуты, которые дѣлаютъ сами, а платье и мужское и женское шьютъ ихъ жены.

Послѣ обѣда пріѣзжали изъ Девьяно и Галиньяно католическіе священники; много любовались ризами, окладами Евангелія и церковною утварію; у насъ, говорили они, во всей Истріи не найдешь такого великолѣпія ни въ одной церкви. Отецъ Петръ только и повторялъ: «Хвала Богу пресвятому и благодареніе нашимъ единовѣрцамъ Русскимъ: они вспомнили бѣдныхъ своихъ братьевъ». Искренно, или неискренно, но католическіе священники съ полнымъ уваженіемъ говорили о русской набожности, и одинъ прибавилъ: «Такой народъ не можетъ быть забытъ Богомъ.» Какой бы ни былъ источникъ ихъ вѣшняго уваженія, а все таки очень пріятно было слышать отъ нихъ невольное слово похвалы нашему народу.

5 Сентября. Ровиньо, по славянски Тревинье. Вотъ я теперь буквально сижу у моря и жду погоды. Не знаю какъ поѣду, куда поѣду; куда представится случай, туда и поущуся, или въ Триестъ, или прямо въ Венецію.

Поздно вечеромъ, 2 Сентября, выѣхалъ я изъ Пероя; туда пріѣхалъ ко мнѣ изъ города Пола помощникъ градоначальника извѣститъ, что на другой день отправляется пароходъ прямо въ Триестъ, и что на немъ ѣхать удобнѣе; въ 5 часовъ ѣзды будемъ въ Триестъ. Я поблагодарилъ его за такую неожиданную любезность, подъ которою едва ли не скрывалось еще искреннѣйшее желаніе скорѣе выпроводить меня отъ сильно полюбившихъ меня Перойцевъ; во всякомъ случаѣ я поблагодарилъ его и отправился. Дѣйствительно пароходъ стоялъ на рейдѣ, и въ объявленіи было напечатано, что билеты можно брать на самомъ пароходѣ. Кажется, чего еще и проще? Утромъ я всталъ нѣсколько поздно, торопясь, бѣгу, беру рыбацкую лодку и отправляюсь на пароходъ. «Билетъ вашъ», спрашиваетъ меня капитанъ.— Въ объявленіи сказано, что билеты получаютъ на пароходѣ.

— Да, но теперь уже поздно. Нашъ пароходъ идетъ изъ Далмаціи, поэтому, по правилу восточныхъ пароходовъ, всѣ пассажиры

должны быть прописаны у карантиннаго надсмотрщика. Списокъ теперь уже отосланъ къ нему, и мы не можемъ васъ взять.

Между тѣмъ лодка моя отѣхала. Я говорю: ну, это не моя вина, а ваша; какъ вы хотите, а я не сойду съ парохода, да и некуда,— не вплавъ же мнѣ пускаться! Мы стояли саженьхъ въ 200 отъ берега.

Капитанъ видитъ, что плохо. Между нами завязался споръ; право было на моей сторонѣ, и я ни какъ не хотѣлъ и не могъ оставить парохода; кромѣ того я зналъ, что и дилижансъ, который ходилъ всего разъ въ недѣлю изъ Пола въ Триестъ, уѣхалъ.

Что то потолковалъ капитанъ съ машинистомъ, и говорить мнѣ: «Знаете ли, очень легко можно уладить, возьмите нашу шляпку, доѣзжайте до берега и пропишите тамъ паспортъ.»

Я повѣрилъ его слову (и я хорошъ: повѣрилъ слову Австрійца! по дѣломъ и наказанъ), сѣлъ въ шляпку и едва успѣлъ отѣхать сажень 50, какъ пароходъ поплылъ на вѣсѣхъ паряхъ, я остался по неволѣ въ Пола. Кое-какъ досталъ я, благодаря Каррарѣ, верховую лошадь до перваго городка, гдѣ дилижансъ останавливается часа полтора, но тамъ не засталъ его. Оттуда пустился я проселочною дорогою въ Ровинью, и вотъ уже здѣсь другой день, не знаю, какъ выбраться. Дорога почти вилоть до Ровинью совершенный пустырь. Городишко, или мѣстечко, *Валле*—самое плохое: нѣсколько домиковъ, кое-какъ складенныхъ, нѣкоторые даже безъ оконъ. Обитатели истрійскіе Славяне. Вообще Славяне во всей западной Истріи въ сильной нищетѣ, только что имѣютъ кровь, и то съ горемъ пополамъ; въ пищѣ, правда, у нихъ нѣтъ недостатка. Въ Деньяно, пока собирали сбрую и отыскивали экипажъ, я говорилъ съ женою почтоваго смотрителя, Фіоравенти: имя, намъ очень знакомое. Она мнѣ рассказывала, что жители Деньяно все выходцы изъ разныхъ мѣстъ, многіе однакожъ считаютъ лѣтъ по 400 постоянного жительства ихъ предковъ въ Деньяно. И то правда, что съ кѣмъ ни заговорите изъ Италіанцевъ, все чрезвычайно древняго рода. Объ отечествѣ здѣсь нѣтъ и понятія, есть только любовь къ мѣсту рожденія, и то, разумѣется, слабая.

Престранно тоже слышать вездѣ сужденія о правительствѣ. Такъ уже мы созданы, что во всемъ мірѣ часто слышишь жалобы, это

обычное дѣло, но въ Австріи съ ними не соединено ни любви, ни ненависти: о правительствѣ говорятъ, какъ о чемъ-то совершенно постороннемъ. Жалуются на налоги, говорятъ, что приходится платить по 17 со ста, не потому, чтобъ это было положено закономъ (по закону, кажется, только по 10 со 100), но потому, что произведенія обѣиваются деньгами, а денегъ у обывателей нѣтъ; просить отсрочки у сборщиковъ, разумѣется, за это платятъ: въ итогъ и приходится платить много. Само правительство для народа совершенно что-то стороннее. Когда начнутъ о немъ говорить, то большаю частію хвалятъ управленіе Французовъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія; говорятъ, что больше было порядка. О народномъ самолюбіи нѣтъ и помину; да и въ чемъ нашло бы оно себя основу, когда все ему чуждое?

Ровиньо очень порядочный городокъ съ 11,000 жителей; въ немъ много торговли и морская гавань. Народъ очень бѣденъ, потому что мало земли у общины. Какъ только подѣзжаешь къ нему, колокольня сей часъ говорить о бывшемъ владычествѣ Венеціанской республики. Хотя она и не очень давней постройки, но какъ всѣ колокольни въ прежнихъ венеціанскихъ владѣніяхъ, выстроена на подобіе *campanile di S. Marco*, прямая, квадратная башня съ пирамидальнымъ верхомъ и со святымъ покровителемъ города на вершинѣ. Здѣсь покровительница города святая Евфимія. Соборъ — зданіе незавидное и небогатое, однакожъ, благодаря прежнимъ Венеціанцамъ, въ немъ множество мраморовъ и есть картины венеціанской школы. Я ихъ видѣлъ подъ вечеръ, и потому не могу ничего сказать опредѣлительнаго; кажется, что все произведенія не высокой художественности. На главномъ алтарѣ три мраморныя статуи: въ срединѣ св. Георгій, на лѣво св. Маркъ, на право св. Рокко; св. Маркъ лучше всѣхъ, но всѣ барокко, хотя двѣ послѣднія статуи очень отчетливой работы.

Горожане, или чисто италіанскаго происхожденія, или смѣсь Италіанцевъ съ Славянами. Женщины красивыя, бѣлыя и плотныя. Въ жизни такая неподвижность, такая заглохлость, что трудно себя и представить что либо подобное. Вчера сестра почтмейстера въ Деняно говорила, что Ровиньо ей кажется шумнымъ городомъ: на улицахъ столько движенія, что голова кружится. А въ Триестѣ? спросилъ я. «Тамъ я только разъ и была, и то боялась выйти на

улицу.» А всего отъ Деньяна до Триеста съ небольшимъ сто верстъ шоссеюной дороги, до Ровиньо версть 25. Это уже не патриархальность, а просто неподвижность, которая видна во всѣхъ уголкахъ Австріи и которая часто кажется едва только не полнымъ омертвѣніемъ.

Въ Ровиньо есть казино, гдѣ получается пять или шесть газетъ и журналовъ, между прочимъ *Algemeine Zeitung* и *Reavieta Europa*; моряки и чиновники тутъ и проводятъ все время.

Положеніе Ровиньо превосходно: весь городъ на узкомъ, скалистомъ мысѣ, такъ что соборъ стоитъ на довольно значительной высотѣ, на самомъ концѣ мыса. Самый городъ внизу на берегу моря. Противъ него островъ св. Екатерины съ развалинами стараго монастыря. Въ виду города другой мысъ, гдѣ находится каменоломня истрийскаго камня; теперь его много берутъ на постройку венеціанской гавани. Говорятъ, будто бы отсюда же брали камни на постройку огромнаго зданія, известнаго подъ именемъ *Прокуратій*, окружающаго площадь св. Марка, и на другія венеціанскія зданія. Вся эта каменоломня принадлежитъ частному владѣльцу.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ истрийскихъ городахъ, горожане очень жалуются на то, что богатые владѣтели вовсе не соединены съ обществомъ и нисколько его не оживляютъ. Бѣдные не имѣютъ средствъ; къ тому же между собою не имѣютъ ничего общаго, кромѣ мѣста жительства; по неволѣ и во внѣшней жизни ничто ихъ не соединяетъ. Къ довершенію всего, чиновники все Австріи; они живутъ не по долгу, пріѣзжаютъ съ полнымъ презрѣніемъ къ туземцамъ, не успѣютъ освоиться и уѣзжаютъ. Такова незавидная участь всѣхъ городовъ Истріи.

Ну, слава Богу, хозяинъ пришелъ объявить мнѣ, что есть возможность ѣхать прямо въ Венецію въ рыбацкой лодкѣ,— прощай, страна безотрадная!

Черезъ годъ, или немного меньше, я еще разъ посѣтилъ Истрію, проѣздомъ въ Кроацію; на пароходѣ; былъ только въ Пола, и хотя пароходъ стоялъ всего 24 часа, я успѣлъ побывать у монаховъ родныхъ — Перойцевъ.

Въ городѣ Пола нашель я одну утѣшительную новость: правительство назначило на 6 лѣтъ по 500 гульденовъ (300 р. сер.) на раскопки. Работа тутъ очень дорога: каждому рабочему платять 40 коп. сер. въ день, женщины 15 коп. сер., за отнеску земли, за телегу съ парю воловъ, 60 коп. сер. Копанье началось за 4 дни до моего прїѣзда, и между тѣмъ отрыли уже много слѣдовъ древняго города. Между храмами нашли какую то стѣну въ землѣ; она обложена широкими истрійскими камнями, очень отчетливо и гладко обтесанными; поэтому можно думать, что она не была подземною, а между тѣмъ она подходит подъ фундаментъ одного изъ храмовъ. Между мелочами нашли одинъ погребъ, полный винохранильницъ (амфоръ) съ крышани, потомъ одну каштель очень уже упаднаго вкуса. Она коринфскаго ордена четырехугольная и почти такая же въ ширину, какъ и въ вышину; листья идутъ въ два яруса, а не въ три, и работа листьевъ неотчетлива. Начали отрывать низъ триумфальныхъ воротъ (porta aurea); прежде они видны были только до потолка: отъ этаго просвѣтъ былъ малъ, и они казались очень тяжелыми. Директоръ разработокъ, Каррара, хлопочеть, чтобъ назначили 1000 гульденовъ на неопредѣленное время.

Въ Пероѣ насъ пріяли (я ѣздилъ съ покойнымъ И. П. Газаховымъ) съ распростертыми объятіями. Священнику православный Задрскій епископъ, далъ *червленый поясъ*, — награда, соответствующая нашей скуфѣ. Онъ нарочно прїѣзжалъ въ перойскую церковь, а прежде объ ней едва знали по слухамъ. Отецъ Петръ, желая показать, какъ всѣ жители помнятъ благодѣянія, останавливалъ многихъ встрѣчавшихся изъ нихъ, и совершенно какъ учитель у школьника, спрашивалъ у каждаго: Кто украсилъ нашу церковь? Тотъ отвѣчалъ: Его высокородіе, высокоблагородный господинъ Руссъ, Платонъ Васильевичъ Голубковъ. А кто доставилъ намъ украшения? Опять съ тѣми же титулами провозносили мое имя. Это сдѣлалось двумя необходимыми свѣденіями каждаго. Титулы, по несчастію, отъ Нѣмцевъ перешли ко всѣмъ австрійскимъ Славянамъ и заразили ихъ едва ли не болѣе, чѣмъ насъ; и къ намъ они пришли изъ того же источника. Но лучшею памятью и отраднѣйшею новостію было то, что уже 12 мальчиковъ умѣли читать и писать по славянски и четверо изъ нихъ очень порядочно пѣли въ церкви. Слѣдовательно славянскій языкъ не подвергается уже тутъ неизбѣжной гибели, и православное богослуженіе должно исчезнуть съ смертію почтеннаго

старца отца Петра Марашевича. Тутъ я встрѣтилъ и молодого священника изъ Каттаро, призваннаго теперь на помощь старому, съ тѣмъ, чтобъ послѣ замѣнить его.

Я пробылъ въ Пероѣ только нѣсколько часовъ и съ отраднымъ чувствомъ оставилъ славянскій берегъ Истримъ.

Θ. Чижовъ.

ЛАЗАРИЦА,

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ, ПРЕДАНІЯ И РАЗСКАЗЫ СЕРБОВЪ О
ПАДЕНІИ ИХЪ ДРЕВНЯГО ЦАРСТВА.

Имя Лазаря пользуется особенною любовью въ народной славянской поэзіи. Тѣ изъ Славянъ, которые успѣли сохранить наслѣдованное отъ предковъ пѣніе Духовныхъ Стиховъ — а таковы преимущественно Славяне русскіе, — любятъ воспѣвать Лазаря евангельской притчи, и, не довольствуясь однимъ, даже дѣлаютъ изъ него двухъ братьевъ, Лазаря бѣднаго и Лазаря богатаго. Много перечувствовалъ народъ, при творческомъ созиданіи этихъ двухъ типовъ, дѣлившаяся нѣсколько вѣковъ : всю горечь бѣдности, всю тяжесть страданій безпомощнаго больнаго ; весь холодъ себялюбиваго богатства и счастья, разрушающаго даже самыя кровныя узы и отталкивающаго меньшую братію ; и въ замѣнъ того — всю сладость надежды на загробную жизнь, ту жизнь, которая одна уравниваетъ неравенство земныхъ долей ; однимъ словомъ, по выраженію Стиховъ, «земное убожество и свѣтлый рай, богатство и вѣчную тьму.» А изъ южныхъ Славянъ, Сербы имѣютъ своего Лазаря, и въ добавокъ историческаго, лице, съ которымъ соединяются живѣйшія воспоминанія народныя о быломъ счастіи и горькихъ утратахъ ; около него сосредоточивается цѣлый кругъ пѣсень, подъ общимъ именемъ *Лазарицы*. Мы передадимъ вкратцѣ главнѣйшія черты этой обширной поэмы, присоединяя сюда нѣкоторые рассказы и преданія, а на дальнѣйшемъ планѣ помѣщая исторію, чтобы свѣтомъ ея въ иныхъ мѣстахъ разоблачить темное или разгадать запутанное.

Начало XIV вѣка было эпохою счастья, могущества и славы Сербовъ; въ Сербіи царствовалъ 9-й государь изъ рода Неманичей, *Степанъ*, который носить два прозванія — *Сильный* и *Душанъ*: въ первомъ выразилось сознаніе тогдашняго могущества Сербовъ, второе показываетъ, какъ любили этого государя, какъ пришелся онъ *по душѣ* народа. Въ самомъ дѣлѣ: союзомъ единой силы скрѣпляясь владѣнія Душана, отъ Дравы до Марицы, отъ Адриатическаго моря до Чернаго; сюда входили почти все тѣ задунайскія земли, гдѣ слышался языкъ сербскій со всеми его подрѣчiami; въ покорной зависимости стояла Болгарія; намѣстники Душановы засѣли въ горахъ Албанскихъ; край за краемъ отдавала лучшія свои страны трепещущая Греція, чтобы спастись хотя за стѣнами Царьграда, подъ которыми видала смѣлыхъ сербскихъ витязей. Папа и католическія державы занскивали благоволеніе царя сербскаго; Мадьяры горькимъ опытомъ извѣдали его силу. Во главѣ церковной независимости явился новопоставленный патріархъ сербскій. Образованность изъ Византіи привносила блескъ ко двору Государя и, за одно съ Италіей, разливала постепенное просвѣщеніе въ массы народа; коренные обычаи, соблюдавшіе отъ древности чистоту нравовъ, силу правъ и обязанностей, освящены и развиты изданіемъ мудраго *Законника*.

На такой высотѣ правитель не могъ стоять одиноко: его окружалъ многочисленный сонмъ лицъ, раздѣлявшихъ съ нимъ то бремя государственныхъ должностей, развитыхъ по примѣру византійскому, то затруднительное управление обширными областями. Между ними безъ труда отмѣчаемъ мы имена, коимъ опредѣлено было обширное поприще историческое, и еще ближе — значеніе главнѣйшихъ героев сербской поэзіи. Передъ нами три брата *Мрнявчевичи*, любимцы царскіе: *Гойко*, великій секретарь, *Угльша*, правитель Браничева, и главный изъ нихъ *Вукашинъ*, съ титуломъ деспота, владѣвшій по рѣкѣ Тимоку, отъ Македоніи до Дуная; маститый старецъ и родичъ царскій, *Югъ-Богданъ*, правившій въ областяхъ Акарнаніи и Эпира; наконецъ, *Лазарь*, намѣстникъ въ придунайскихъ краяхъ, Мачвѣ и Сремѣ, герой цѣлаго круга сербскихъ пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ *Лазарицы*.

Потомокъ боярскаго почетнаго рода, и едва ли даже не царскаго (по женскому колѣну), *Лазарь Грбляновичъ* воспитывался съ дѣтства при дворѣ Душана, снискалъ его полную любовь и довѣрен-

ность, и на возрастѣ сталъ уже подумывать, какъ бы надежнѣе и прочнѣе екрѣпить свои связи. Пируетъ царь Сильный Степанъ въ своемъ Приаренѣ, бѣломъ городѣ; служить у царскаго вина вѣрный слуга Лазарь; да всякій разъ, какъ подавать царю чашу, льетъ вино черезъ край, а на царя поглядываетъ искоса. Спрашиваетъ царь вѣрнаго слугу Лазаря: «Спрошу я тебя, вѣрный слуга Лазарь! Ради Бога, скажи ты мнѣ правду: что ты все черезъ край нали- вавъ мнѣ чашу, что ты искоса на меня посматриваешь? Или у тебя конь захудалъ? Или твое платье изветшало? Или мало у тебя ниущества на прожитыя? И чего не достаетъ тебѣ во дворѣ моемъ бѣломъ?» Говорить ему вѣрный слуга его Лазарь:—Воля твоя цар- ская на бесѣдѣ; если спрашиваешь, скажу тебѣ правду: конь не захудалъ у меня; не изветшало мое платье, не мало у меня добра на прожитыя, всего достатокъ во дворѣ твоёмъ бѣломъ. Но только воля твоя, царь, на бесѣдѣ: коли спрашиваешь, скажу тебѣ правду. Есть у тебя слуги, пришли они и послѣ меня, а всѣ они у тебя домою пристроились; всѣхъ, царь, переженялъ ты ихъ; а лишь одинъ у тебя не завелся домою, меня лишь, царь, не хотѣлъ же- нить ты, женить — пока я красивъ и молодъ.—Бесѣдуетъ къ нему Степанъ царь, Сильный: «Богъ мнѣ порукой, вѣрный мой Лазарь! Не могу я женить тебя на свинопаскѣ, либо на коровницѣ: ищю я тебѣ дѣвушку рода господскаго, чтобы въ роду ея найти себѣ доб- раго пріятеля, кто бы могъ сѣсть возлѣ моего колѣна, съ кѣмъ бы могъ я распивать вино холодное. А вотъ послушай-ка, вѣрный слуга мой, Лазарь! Я нашелъ по тебѣ дѣвушку, нашелъ и по себѣ добраго пріятеля: а у кого? у того ли Юга-Богдана стараго, милую сестру девяти братьевъ Юговичей, какъ есть *Милицу*, дочку мень- шую, милую. Только нѣтъ смѣлости помянуть о томъ Югу; да и не легко помянуть о томъ: Богданъ рода господскаго, не захочетъ онъ отдать дѣвушку за прислужника. Но вотъ что, послушай-ка, Лазарь! Нынче пятница, а завтра суббота, а послѣ завтра празд- никъ — воскресенье: пойдемъ мы охотиться въ горы, позовемъ съ собою старца Югъ-Богдана, пойдутъ съ нимъ и девять сыновей Юговичей. Ты не ходи въ горы за нами; останься-ка во дворѣ моемъ бѣломъ, да готовь намъ ужинъ (1) господской. Какъ воро-

(1) *Вечера*, вечеря; это главная ѣда, соответствующая нашему обѣду, но она бываетъ вечеромъ.

тнмся мы съ охоты, уговорю я Богдана завернуть на ужинъ, а ты заворачивай на дворъ деватерыхъ Юговичей. Вотъ и сядемъ мы за столы позолоченные: нанеси ты сахару и водки, да подай вина красного. Напьемся мы вина холодного, и пойдетъ старикъ бесѣдовать о всякой всячинѣ, и кто изъ молодцевъ добрый молодецъ; и вытащить свои старославныя книги (1), и пойдетъ по нимъ разсказывать о послѣднемъ времени. А ты сторожи, да какъ услышишь все это, бѣги ты на мою красивую башню, да достань ты чашу золотую, ту чашу, что недавно купилъ я въ бѣломъ городѣ Варадинѣ, у молодой дѣвушки, золотыхъ дѣлъ мастерицы, а далъ за нее полтора вьюка денегъ; налей ты ее краснымъ виномъ, да съ поклономъ и поднеси въ даръ старцу Югъ-Богдану. Вотъ тогда Богданъ и задумается, и станеть онъ передумывать, чѣмъ бы отдарить теби; а я къ тому случаю и помяну ему о Милицѣ, меньшей дочери.»—

Прошла пятница, прошла и суббота, подошелъ разомъ и праздникъ-воскресенье; все пришло чередомъ по слову царскому; понапившись вина холодного, разговорился старецъ, и досталъ онъ книги староставныя, тѣ, которыя изстари передавали славу дѣяній народныхъ, тѣ цароставники, гдѣ, по степенямъ царскимъ, раскрывался смыслъ прошедшаго и разгадывалось по нимъ будущее. И молвить по нимъ старикъ: «Видите ли, красавцы братья мои, видите ли, что говорить книга: настанеть послѣднее время, не станеть овецъ и пшеницы, и въ полѣ не станеть пчелъ и цвѣтовъ; будетъ кумъ судомъ подыскиваться подъ кума, а братъ брата будетъ вызывать на поединокъ.» Какъ заслушалъ то Лазарь, овъ за чашей, да и бьетъ ею челомъ старику Богдану. Принялъ Богданъ золотую чашу, принялъ чашу, а пить изъ нея не хочеть, и раскидываетъ онъ умомъ-разумомъ: что бы то значило, и какъ обойтись тутъ, и чѣмъ отдарить ему Лазаря. Говорять ему дѣти, девять Юговичей: «Что не пьешь ты изъ чаши, въ даръ поклоненной?»—Дѣти мои, девять Юговичей! Выпить чашу съ виномъ, то не трудъ мнѣ; а я думаю, дорогія дѣти мои, чѣмъ-то будетъ отдарить мнѣ Лазаря?—«И за тѣмъ, батюшка, дѣло не станеть: въ волю у насъ коней и соко-

(1) *Старославныя, староставныя или цароставныя книги означаютъ: 1) книги церковнаго письма; 2) лѣтописи, издревле писавшіяся и извѣстныя на югѣ подъ именемъ Цароставниковъ, наши Степенныя книги, заведенныя Сербомъ Киприаномъ.*

ловъ, въ волю у насъ перьевъ и шапокъ.» Тутъ и къ слову. Степанъ Сильный царь: «Есть у Лазаря кони и соколы, есть у Лазаря шапки съ перьями; Лазарь хочетъ Милицу дѣвушку, какъ есть Милицу, дочь мечьшую, милую, сестру милую девяти Юговичей.» Вскочать Юговичи на ноги легкія, потянули мечи булатные, хотятъ загубить царя въ стольномъ его городѣ. Крикнулъ старикъ на дѣтей своихъ: «Не можете, коли Бога знаете! Загубите ли царя вашего, клятва на васъ останется; постой, достану я книги старославныя; въ нихъ, дѣтки, посмотрю я, моя Милица суженая ли Лазарю.» Читаетъ въ книгахъ Югъ-Богданъ, читаетъ въ книгахъ, а самъ ровитъ крупныя слезы: «Нѣтъ, мои дѣтки, Милица суженая Лазарю, на немъ останется царство сербское; съ Милицей будетъ царствовать Лазарь, при рѣкѣ Моравѣ, въ городѣ Крушевцѣ.»

Такъ судьба назначала Лазаря будущимъ царемъ и преемникомъ Душановымъ; такъ, сочетавшись съ Милицей, скрѣпилъ онъ узы съ родомъ царскимъ, приобрѣлъ права государственныя. При усмирении Босніи облакается онъ саномъ главнаго воеводы и получаетъ за тѣмъ въ управленіе области Мачвы и Срема, тѣ важныя окранны государства, гдѣ надлежало ему отражать нападенія Мадьяровъ и посегательства державъ западныхъ.

Мы видимъ, что уже въ самомъ началѣ судьба Лазаря соединяется съ грозными предвѣщаніями о судьбѣ всего царства сербскаго: не гнали старославныя книги. Царица сербская въ 1338 году обрала Душана сыномъ *Урошемъ*. Властитель, носившій титулъ Императора не только Сербовъ, но Болгаръ и Грековъ, спѣшилъ озаботиться назначеніемъ себѣ преемника: онъ вѣнчалъ малолѣтнаго сына королевскимъ вѣнцемъ и назначилъ его наследникомъ сербскаго престола; а семнадцати лѣтъ, въ 1355 г., когда Урошь требовалъ еще воспитанія для мужественныхъ подвиговъ правленія, отецъ соединилъ его бракомъ съ дочерью господара волошкаго. Вдали отъ заботъ, за сильнымъ отцемъ, юношѣ оставалось только знакомиться съ новой семейною жизнью. А между тѣмъ, осенью слѣдующаго 1356 года, среди суровыхъ трудовъ военнаго похода, овладѣвая всеми областями Греціи, отецъ его Душанъ могъ уже надѣяться встрѣтить Рождество Христово побѣдителемъ и царемъ въ Софійскомъ храмѣ: и въ виду Царяграда, 8-го Декабря, тотъ же Душанъ лежалъ на одрѣ смертной болѣзни, внезапно поразившей его, и передавалъ послѣдніе завѣты окружающимъ. Послушаемъ сербской пѣсни, что за рѣчи велись надъ по-

стелю царя, увосившаго съ собою въ могилу всю славу, и силу, и счастье народа. По данной вѣсти, всѣ правители и бояре спѣшатъ выслушать предсмертную волю; въ живыхъ еще застаютъ они царя своего. Явился и Вукашинъ: съ шелковыхъ подушекъ приподнялъ онъ умиравшаго, прижалъ его ко груди и льетъ надъ нимъ крупныя слезы. Смотритъ сербскій царь Степанъ по всему ряду обстоящихъ, смотритъ, и говоритъ потомъ: «Вукашинъ, кумъ мой милый! Завѣщаю тебѣ мое царство! Завѣщаю тебѣ города мои и всѣхъ воеводъ моихъ, по всему ряду царскихъ областей моихъ! Завѣщаю тебѣ моего слабаго Уроша, Уроша еще въ колыбели. Семь лѣтъ царствуй, кумъ мой: на осьмой годъ отдай царство моему Урошу!» Отвѣчаетъ ему Вукашинъ: «Милый кумъ, сербскій царь! Не для меня твое царство, не могу я, кумъ, царствовать; а потому не могу, что есть у меня сынъ своенравный, сынъ мой своенравный Марко; куда ни пойдетъ онъ, никого не спросится; гдѣ ни сядетъ, всюду вино пьетъ; а все изъ того только и хлопочетъ, какъ бы заварить расиру.» Не слушаетъ его умирающій царь: «когда я сдержалъ всѣхъ своихъ воеводъ, по всему ряду областей моихъ царскихъ, ты ли не можешь сдержать того, кого самъ породилъ?» Такъ говоритъ Душанъ, повторяя снова завѣтъ свой; говоритъ, а съ душою борется; вымолвилъ, и испустилъ свою легкую душу.

Кто же этотъ счастливецъ-вельможа, которому одинъ изъ могущественнѣйшихъ государей тогдашней Европы довѣрчиво передаетъ свое обширное царство и своего сына? Кто этотъ несчастливецъ, принужденный предъ всѣми исповѣдывать свое семейное, домашнее горе? Кто этотъ дальновидный правитель, у котораго достало духу отказываться отъ царства, потому что сознавалъ онъ безсиліе свое управиться съ семействомъ? Точно, Вукашинъ былъ и то, и другое, и третье. Это былъ счастливецъ, занимавшій первое мѣсто подлѣ царя сербскаго, и послѣ смерти его, подкрѣпляемый двумя могущественными братьями, страшный всѣмъ своимъ соперникамъ. Это былъ несчастный, свѣдаемый въ глубинѣ сердца горечью частной своей жизни, доходившей до самыхъ трагическихъ потрясеній, человекъ, уже прежде занятавшій свою совѣсть и, въ этомъ отношеніи, стяжавшій себѣ самую печальную извѣстность. Но въ тоже время въ немъ свѣтятся всюду умъ, ловкій, вкрадчивый и дальновидный; позабывая всю законность средствъ къ достиженію цѣли и повинувся испорченному сердцу, онъ былъ готовъ рѣшиться на всякое преступ-

леніе. Сербскія пѣсни выдержали строго всѣ черты этого трагическаго типа, и вотъ двѣ-три страницы его жизни, изображающія его, какъ человѣка. Ему придали прозвище *жура*, человѣкъ приземистый и невзрачный. Сидитъ этотъ жура правителемъ въ Скадрѣ на рѣкѣ Боянѣ; а въ Герцеговинѣ есть другой воевода—Момчило, въ бѣломъ городѣ Пирлиторѣ, прямо противъ высокой горы Дурмитора, и у него есть жена Видосава, красавица. Жура пожелалъ жены ближняго и обратился къ обычнымъ своимъ средствамъ. Онъ пишетъ тихонько письмо къ ней: «Видосава, жена Момчилова! Чтѣ тебѣ за охота сидѣть въ этомъ льду и снѣгу? Съ городской стѣны посмотришь вверхъ: не на чтѣмъ остановить взора, нѣтъ красоты, одна только бѣлая скала Дурмитора, льдомъ и снѣгомъ одѣтая, и среди лѣта, и зимою. Посмотришь внизъ: мутными валами течетъ рѣка Тара, катитъ она деревья съ камнями, нѣтъ на ней ни броду, ни мосту, а по берегамъ только боръ да мраморъ. Отрави-ка мужа, воеводу Момчила, отрави чтѣ ли, или прямо выдай мнѣ, да и ступай ко мнѣ на приморье ровное, въ бѣлый Скадаръ, на рѣку Бояну; возьму я тебя, какъ вѣрную женушку, будешь ты госпожею-королевою, прясть будешь шелкъ веретеномъ золотымъ, шелкъ будешь прясть и на шелку сидѣть, а носить парчу и бархатъ, да все красное золото. А ужъ каковъ мой Скадаръ на Боянѣ! Какъ посмотришь къ верху съ города.—поросли все смоквы и маслины, еще тѣ ли винограды крупные. Внизъ ли взглянешь, тамъ все шпеница-бѣлица, а около нея зеленой лугъ заливной, а по лугу катится Бояна; въ рѣкѣ плаваютъ рыба всякая, пожелай только, и ѣшь свѣжую, когда хочешь.» Не устояла Видосава противъ такихъ сладкихъ рѣчей; закружилась голова у ней, измѣною выдала мужа своего. Но, умирая подъ мечемъ Вукашина, Момчило передалъ ему задушевный совѣтъ свой: «не бери ты жену мою, возьми мою вѣрную сестру Евросиму; породитъ она тебѣ такого же молодца, каковъ былъ и самъ я.» Вукашинъ не вразумился бы завѣщаніемъ, онъ плохой душеприкащикъ; но въ бойкую голову его пришли сами собою разсчеты. Онъ забралъ одежду и оружіе Момчила, и сталъ на себя примѣривать. Глядь: чтѣ было Момчилу по колѣна, то на журтѣ по землѣ волочится; шапка покойнаго—Вукашину на плеча слѣзаетъ; въ одинъ сапогъ обѣ ноги входятъ; въ одинъ перстень три перста; сабля на аршинъ по землѣ волочится; подъ броней Вукашинъ не двинется. И разсуждаетъ самъ съ собою окровавленный наслѣдникъ

Момчила: «Эхъ, Господи Ты, Боже мой милостивый! Ужь вотъ такъ развратница Видосава молодая! Коли такого молодца выдала, какого теперь и на свѣтѣ нѣтъ, меня ли подавно не выдастъ она завтра же?» **Разорвалъ** онъ Видосаву на части и женился на сестрѣ убитаго, **Евросимѣ**. Сбылось завѣщаніе: жила она вѣрною женою; сбылось и далѣе: породила она двухъ сыновей, *Марка* и *Андрея*, а Марко точь въ точь походитъ на дядю Момчила. И не даромъ походить: обратилъ онъ кровь, измѣнически пролитую, на отца своего, внесъ страшный раздоръ во всю жизнь его; это новое, въ высшей степени трагическое лице, является главнымъ, знаменитымъ героемъ сербской поэзіи; но онъ только издали соприкасается съ Лазарицей, и мы увидимъ послѣ причину тому.

Были и другіе случаи, показавшіе Вукашина въ такомъ же неблагоприятномъ свѣтѣ, и не его одного, но и обоехъ его братьевъ. Видно, вся семья его и весь родъ заклеяны были роковою печатью. И чего можно было ожидать, когда Вукашинъ дожилъ до завѣщанія Душана, который, подобно Момчилу, оставлялъ наслѣдство не по плечамъ и не подъ силу, наслѣдство тѣмъ болѣе тяжкое, что преемникъ раздираемъ былъ семейными огорченіями. Одинъ лишь умъ могъ руководить имъ, а умъ Вукашина готовъ былъ всегда преступить предѣлы законности.

Легко догадаться, могъ ли въ чемъ нибудь успѣть, хотя жеватый, но далеко еще невозмужавшій, плохо воспитанный восемнадцатилѣтній Урошъ, когда опекуномъ надъ нимъ и надъ всѣмъ царствомъ явился такой испытанный въ правительственныхъ интригахъ боецъ, каковъ былъ Вукашинъ. Скоро остался юноша съ однимъ звучнымъ именованіемъ *царя*; въ титулѣ и дѣйствительности *княземъ* Сербіи оказался другой правитель, осажавшійся двумя братьями и приверженцами. Сильные воеводы Душана, стоявшіе во главѣ обширныхъ областей, негодовали на временщика, но только въ душѣ, а не на дѣлѣ: на дѣлѣ каждый былъ занятъ своимъ, изъ подъ тишка упрочивая за собою самостоятельное владѣніе въ дробившихся частяхъ Душанова царства. Одинъ Лазарь выступилъ въ поле и успѣлъ разбить Вукашина; но дальнѣйшія дѣйствія были бы уже посягательствомъ на престолъ Уроша, именемъ коего держался и распоряжалъ князь сербскій,— и Лазарь вернулся къ своимъ придунайскимъ краямъ, не возвысившись надъ видами своекорыстной политики прочихъ воеводъ-собратьевъ. Оставалось Вукашину снять съ себя и послѣд-

нюю личину: онъ объявлять Уроша слабымъ и малодушнымъ. Бѣдный сирота, не какъ царь, а какъ частный человѣкъ, осужденъ былъ скитаться изъ одной области въ другую, отъ одного правителя къ другому, чтобы гдѣ нибудь найти хотя пріемъ, хотя ласку. И здѣсь снова появляется Лазарь, по крайней мѣрѣ не отказавшій во временномъ гостепримствѣ скитальцу. Но такое блужданіе не было безопасно для видовъ Вукашина: смѣтливый умъ его догадывался, что кто нибудь могъ наконецъ, если не возвыситься до самоотверженнаго подвига въ защиту гостя, то гораздо еще скорѣе воспользоваться его именемъ. Умъ требовалъ окончательной раздѣлки, хотя бы противу вслкой совѣсти. Такой рѣшительный переломъ пѣснотворчество Сербовъ изображаетъ вполне соответствующими, разительными красками:

Вмѣсто семи лѣтъ, Вукашинъ царствуетъ уже шестнадцать. А сколько зла успѣлъ натворить онъ! Сиротствующій народъ носилъ прежде шелковыя одежды: теперь переодѣлся въ суконныя. Вотъ и Урошъ доросъ уже до силы и разума. Подзываетъ онъ старую мать свою: «Матушка, дай мнѣ кусокъ хлѣба отцовскаго!» «Есть хлѣбъ, отвѣчаетъ ему старая мать, есть хлѣбъ, только онъ у другаго; а у кого,—у кума, короля Вукашина.» Съѣзжаются на Косовъ полкъ, собираются три брата Мрнавчевичи, четвертый законный царь ихъ; ставятъ они шатры и ведутъ споръ между собою: на комъ изъ нихъ сербское царство. Каждый изъ братьевъ, Вукашинъ, Угльша и Гойко, говорятъ: на мнѣ царство; молчать только бѣдный Урошъ, не смѣетъ сказать слова передъ тремя братьями. Споръ не рѣшенъ, а дѣло уже до ножей доходить. Посылаютъ въ Призренъ, столицу Душанову, къ протопопу Недѣлкѣ: онъ исповѣдалъ и причастилъ умиравшаго царя, онъ его волю слышалъ; у него старославныя книги, онъ въ нихъ прочитатъ можетъ; онъ знаетъ, на комъ сербское царство; пусть придетъ онъ на Косово, пусть порѣшитъ споръ между соперниками. Какъ огонь летятъ вѣстники; а протопопа дома нѣтъ, онъ служитъ утреню и литургію въ храмѣ Божиѣмъ; врываются въ церковь, ударами гонятъ старика на Косово; молятся онъ: «Отбейте вы, сильные! дайте мнѣ въ церкви законъ совершить, и окажется во всевѣдніе, на комъ царство сербское.» Отслужилъ протопопъ литургію и выходитъ съ рѣшеніемъ: «Дѣти мои! правда, я исповѣдалъ и причастилъ царя покойнаго; но я не о царствѣ его спрашивалъ, спрашивалъ о грѣхахъ его. А идите вы

къ городу Прилипу, во дворы Марка Королевича: у меня онъ книгамъ выучился, при царѣ покойномъ былъ онъ писаремъ, у него книги старославныя, и знаетъ онъ, на комъ царство сербское; вы зовите его на Косово, будетъ онъ правду сказывать, и скажетъ ее, ибо никого не боится, кромѣ единого Бога истиннаго.» Такъ пригодились народу плоды попеченій Душановыхъ: близъ патриаршей столицы, въ Дяковѣ (Дьяковѣ), основалъ онъ народное училище, для образованія духовенства и лицъ должностныхъ. Теперь не одни уже старики, подобно Югу-Богдану, не одни духовные, умѣли читать старославныя книги; были и въ молодежи знатоки ихъ, и таковымъ былъ Марко, призываемый, какъ сама совѣсть, для произнесенія послѣдняго суда надъ отцемъ, для рѣшенія кровавой драмы.

Марко давно уже былъ недоволенъ всѣмъ, что совершалось тогда въ Сербіи, а слѣдовательно давно уже долженъ былъ вступить въ холодныя, даже непріязненныя отношенія къ отцу своему; съ сыномъ соглашалась и мать, раздѣлявшая его убѣжденія. Вмѣстѣ удалились они къ границамъ Албаніи и жили тамъ уединенно въ неприступномъ замкѣ Прилипа. Но какъ ни былъ далекъ Марко отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, онъ однако очень хорошо зналъ ихъ положеніе, уже по самымъ развѣздамъ своимъ, которые предпринималъ для своихъ частныхъ богатырскихъ подвиговъ. Поэтому, когда вѣстники постучались у воротъ замка и со смиреннымъ поклономъ предстали предъ очи Марка, онъ встрѣтилъ ихъ полнасмѣшливымъ вопросомъ о сонѣ правителей, занявшихъ въ Сербіи мѣсто единого царя: «Добро пожаловать, дорогія дѣти мои! Здоровы ли сербскіе витязи, и честные цари, и короли Сербіи?» Отвѣчаютъ, что «все здорово, только не мирно.» Сынъ пошелъ передать матери, за чѣмъ звали его на Косово. Пѣсня прибавляетъ: «сколько самъ Марко давалъ вѣсу правдѣ, столько еще молила его о правдѣ мать Евросима.» Она говорила: «Марко, сынъ мой, единственный у матери! Я кормила тебя, и заклинаю тебя этой пищей, да не будетъ она мною проклята: не моги, сынъ, говорить криво, на какую бы сторону кривизна не падала, на сторону ли отца, или дядевъ; а говори ты по правдѣ Бога истиннаго; сынъ, не погуби души своей; лучше тебѣ сгубить голову, нежели огрѣшить душу свою.» Напутствованный такимъ завѣтомъ, Марко беретъ книги старославныя и въѣзжаетъ на ровное Косово; видятъ его изъ шатровъ своихъ и отецъ, и дядя; каждый думаетъ: вотъ онъ заѣдетъ ко мнѣ, вотъ

онъ рѣшить дѣло на мою сторону. Марко не поворачиваетъ головы своей и молча проѣзжаетъ мимо, прямо къ шатру слабаго Уроша. На другой день, на разсвѣтѣ, идутъ всѣ въ церковь, слушаютъ тамъ утреню, и по окончаніи церковной службы выходятъ на поле. Садятся всѣ за длинныя столы передъ церковью. Марко беретъ староставныя книги, смотритъ въ нихъ, а самъ говоритъ такія рѣчи: «Отецъ мой, крадь Вукашинъ! Мало тебѣ твоего королевства, мало тебѣ, чтобъ ему пусто было? Такъ нѣтъ: отымаете чужое царство. А ты, дядя, деспотъ Угльша, и ты, дядя, воевода Гойко! мало вамъ деспотства и воеводства, чтобы обонимъ имъ пусто? Такъ нѣтъ: отымаете чужое царство? Видите ли вы, чтобы васъ Богъ не видѣлъ? Видите ли: книга говоритъ, — на Урошѣ царство, отъ отца осталось оно сыну, юношѣ царство по родовому наслѣдству; ему назначилъ Душанъ свое царство, при смерти своей, когда почилъ онъ.» Разъяренный отецъ востанавливаетъ изъ за столъ, выхватываетъ ножъ и бросается на сына; бѣжитъ Марко; «ибо — говоритъ пѣсня — не пристойтъ ему биться съ своимъ родителемъ»; три раза обѣжали вокругъ церковь, вотъ уже почти наступлена жертва, какъ изъ церкви послышался голосъ: «Бѣги сюда, Королевичъ Марко! Видишь, наступаетъ тебя погибель, погибнешь отъ своего родителя, а за правду Бога истиннаго!» Отворились врата церковныя, и, когда Марко вбѣжалъ, снова захлопнулись. Увлеченный порывомъ своимъ, Вукашинъ ударилъ ножемъ въ свинцовую дверь, изъ нея показались капли крови. Раскаялся отецъ: «Увы, Боже единый! Погубилъ я сына своего!» «Нѣтъ, отвѣчалъ голосъ изъ храма: ты не Марка поразилъ, поразилъ Божьяго Ангела.» И снова желчный гнѣвъ разлился въ сердцѣ разъяреннаго отца; предъ церковными вратами раздались его громогласныя проклятія: «Слыжь Марко, убей тебя Богъ! Не имѣтъ бы тебѣ ни порожденія, ни гроба! Не выпасть бы душѣ твоей, пока не заслужишься ты у царя турецкаго!» Клянеть Вукашинъ, а съ другой стороны слышатся благословенія Уроша: «Кумъ Марко, помоги тебѣ Богъ! Чтобы лице твое свѣтло было на судѣ! чтобы сѣкла сабля твоя на поединкѣ! чтобы не было молодца выше тебя! чтобы всюду поминалось имя твое, пока есть солнце и мѣсяцъ!» Пѣсня знаменательно присоединяетъ: «Каковъ приговоръ произнесли оба надъ Маркомъ, такъ и исполнилось съ нимъ.» И точно ни одно слово раздраженнаго проклятія и восторженнаго благословенія не минуло безъ послѣдствій:

все перенесъ на себя Марко, и здѣсь—то все трагическое значеніе лица его, и здѣсь—то глубокое выраженіе народнаго тѣла сербскаго. Что сдѣлалось потомъ съ его матерью, неизвѣстно; но самъ онъ долженъ былъ получить еще большую рѣшимость. Онъ не участвовалъ въ послѣдующихъ великихъ событіяхъ, потрясшихъ и низвергнувшихъ Сербію. Оскорбленный во глубинѣ души, мыкалъ онъ горе въ отчаянныхъ подвигахъ богатырства; скоро оставилъ онъ родину, чтобы служить ей вдали своимъ вліяніемъ на султана; скоро явился онъ въ станѣ Турокъ, а потому мы будемъ встрѣчаться съ нимъ уже не на долго.

Такъ послѣдовало роковое рѣшеніе спора на полѣ Косовѣ. Но не все еще было кончено. Сынъ забѣжалъ ярости отцовской, и ей суждено было пасть на невиннаго виновника раздора: 1367 года, Урошъ палъ подъ ножемъ Вукашина, на Косовѣ полѣ, и съ той поры полились цѣлые потоки крови, какъ бы въ возмездіе, скоро послѣ того увлажившія мѣсто перваго царевійства сербскаго.

Излишне было бы прибавлять, что Вукашинъ явился теперь вполне самовластнымъ владыкою Сербіи, на сколько обширенъ былъ объемъ власти при раздѣлѣ между братьями, при общемъ стремленіи къ независимости въ каждомъ округѣ и въ каждомъ правительѣ, и наконецъ въ рукахъ человѣка, изумившаго народъ свой и окрестныя страны дерзостью злодѣяній. Онъ оторвалъ Сербію отъ всего прошедшаго, отъ всѣхъ тѣхъ государственныхъ понятій и надеждъ, которыя воспитаны были предшествовавшею исторіею, и это выразилось даже въ самой вѣщности, въ перенесеніи столицы въ Приштину. Сербская поэзія не остановилась ни на одномъ мгновеніи четырехъ—годичнаго его правленія, или, лучше, она отвернулась отъ него, какъ будто бы ничего не знаетъ и не помнитъ о томъ. Вслѣдъ за нею, взоры наши устремляются къ другой сторонѣ кругозора, туда, гдѣ собиралась и густѣла грозная туча. Близорукая, на гражданской безнравственности коренившаяся, политика Грековъ давно уже, и во времена Душана, выводила мало по малу на сцену европейской исторіи полчища Турокъ, тамъ в сямъ выходившія изъ Азій на материкъ государствъ европейскихъ, преданныхъ взаимнымъ раздорамъ. Виденное распаденіе сербскаго царства было новою причиною удобнаго соединенія Грековъ и Турокъ. Но всеобщая опасность соединила въ свою очаредь и правителей сербскихъ съ ненавистнымъ Вукашиномъ. Ему судьба давала случай омытъ свои преступленія и не отказала

въ возможности доблестнаго конца жизни, растерзанной трагическими потрясеніями. Шестьдесятъ тысячъ Сербовъ собрались снова на Косовъ полѣ, одно имя котораго соединилось нѣсколько лѣтъ съ несчастіемъ, и двинулись отсюда противъ превосходнаго количества войска Мурадова. Первые дѣйствія были блистательны: потерявъ до 30,000, Турки и Греки бѣжали. Но неосторожные побѣдители преслѣдователи бѣгущихъ за рѣку Марицу (до города Чермна), гдѣ враговъ ожидала новая помощь и болѣе благопріятныя обстоятельства. Счастіе обернулось: отъ неосторожности предводителей погубило множество Сербовъ (и въ числѣ ихъ братья Вукашина, храбрый Угльша и Гойко). Пѣсни откликаются снова. То было 26-е число Сентября, 1371 года. Съ позаранку, еще до зари и бѣлаго дня, дѣвушка Турчанка вышла полотно бѣлить на Марицу. До солнца вода текла чистая; съ восхожденія солнца рѣка замутилась и ударила кровавымъ потокомъ. Проноситъ она въ волнахъ коней и шапки, а предъ полднемъ молодцовъ раненыхъ. И нанесла вода какого-то витязя, взяла его на матицу, да и повернула вдоль по теченію Марицы. Витязя видятъ при рѣкѣ дѣвушку, и, какъ названую сестру по Богу, начинаютъ молить ее: «Богомъ сестра, красавица дѣвушка! Брось мнѣ одинъ кусокъ полотна твоего, вытащи меня изъ Марицы, оставляю я тебя за то въ почести.» Дѣвушка приняла побратимство по Богу и исполнила просьбу. А на витязѣ семнадцать ранъ, и чудная одежда на немъ: на бедрѣ у него сабля ѡкованная, на саблѣ три золотыхъ рукоятки, въ рукояткахъ три камня дорогихъ, — стоить сабля три царевыхъ города. А у дѣвушки братъ дома, и проситъ ее побратимъ новый: «Сестра моя, Турчанка дѣвушка! поди, скажи брату своему, перенесъ бы онъ меня во дворъ свой бѣлый. У меня три пояса съ деньгами, и въ каждомъ по триста дукатовъ: одинъ я тебѣ подарю, другой брату твоему, третій пойдетъ на лѣчение жгучихъ ранъ моихъ. А дастъ Богъ, излѣчу я раны, облеку тебя и брата твоего почестью.» Прибыль Мустафа-ага; но прельстился онъ на саблю раненаго, добилъ его и потомъ продаетъ саблю въ станѣ турецкомъ. Случился тутъ Марко, узнавъ саблю отцову и смертью наказавъ кровожаднаго. Тяжела была его сердцу эта послѣдняя встрѣча съ тѣнью покинутаго отца, оживившая въ памяти лице того, кто уже не существовалъ болѣе и палъ въ рядахъ соотечественниковъ, тогда какъ бездольный сынъ окруженъ былъ приѣмомъ и милостью закоренныхъ враговъ. Нѣсколько разъ султанъ присылалъ вѣстниковъ звать

Марка къ себѣ : Марко какъ будто не слышитъ, молчитъ и пьетъ только вино. Когда уже досадили ему, встаетъ онъ наконецъ : волчью шубу свою спустилъ на бокъ, взялъ булаву тяжелую, и, съ забвѣніемъ всѣхъ турецкихъ приличій, входитъ въ палатку султана, въ сапогахъ садится на коверъ возлѣ него, и мѣрзаетъ царя поперегъ взоромъ, а изъ очей у него выжимаются кровавыя слезы. Какъ посмотрѣлъ на него султанъ, ну отодвигаться подальше ; а Марко все ближе и ближе, пока царя притиснулъ къ стѣнѣ ; тотъ сунулся въ карманы и подаетъ сто дукатовъ. « Ступай, Марко, напейся вина; что это тебя такъ разсердили ? » « Не спрашивай, царь, отецъ мой названный : узналъ я саблю отца своего ; да если бы, далъ Богъ, узналъ ее въ твоихъ рукахъ, я также точно и на тебя бы разлютился ». Всталъ онъ и скрылся въ шатръ своемъ.

Престолъ сербскій оставался празднымъ ; имѣлъ ли Лазарь на него законныя права, или нѣтъ, но только онъ успѣшилъ изъ своей области, Мачвы и Срема, спокойно рукою взялъ вѣнецъ царскій, надѣлъ его на себя безъ всякихъ сопротивленій и поселился въ прежней столицѣ сербской — Призренѣ, во дворахъ душановыхъ. Лазарица, какъ кругъ вѣсень, сосредоточенныхъ около одного имени, упоминавшая прежде о немъ по большей части мимоходомъ, идетъ теперь длиннымъ рядомъ сказаній, и, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ все болѣе и болѣе оживляется. Сбылось предсказаніе старославныхъ книгъ, прочитанныхъ нѣкогда Югъ-Богданомъ ; предстоило сбыться и другимъ грознымъ ихъ предвѣщаніямъ. Но первое время не сулило еще ничего печальнаго, и даже совершенно просвѣтлѣло въ возрѣвнн народномъ.

Лазарь не отличался ни особеннымъ умомъ и искусствомъ правительственнымъ, ни силою покорять безусловной власти самовольныхъ совѣтниковъ, или умѣньемъ врачевать до корня извы народныя. Напротивъ, не разъ даже видимъ его въ странномъ бездѣйствіи : но современники хорошо знали, что дѣйствительно ему иногда нечего было дѣлать. Правители и воеводы областей остались не только при своихъ прежнихъ стремленіяхъ къ самостоятельности, но даже успѣли утвердить ее за собою, Твртко въ Босніи, Адаманъ въ Герцеговинѣ, Баша въ Зетѣ (Черной Горѣ) и Приморьѣ, Кастріотъ въ Албаниі. Лазарь на престолѣ своемъ удовольствовался даже именованіемъ князя, но подъ этимъ титуломъ успѣлъ по крайней мѣрѣ сдержатъ средоточіе древняго царства, Расію и часть Македоніи, присоеди-

нивѣ сюда крѣпкою связью все земли нынѣшняго княжества, съ Мачвою и Сремомъ при Дунаѣ. Тамъ самымъ сохранилась еще точка опоры, поддерживавшая въ народѣ сознание о государственномъ единствѣ Сербіи. Оставалось хотя сердце, еще привлекавшее къ себѣ токи народнаго сочувствія и бывшеея теплою идущимъ отъ старины единыхъ вѣрованій, единыхъ надеждъ и движеній воли народной. Сверхъ того, нужно всегда помнить, какъ помнилъ самъ сербскій народъ, и для того-то мы предварительно и очертили страшныя и кровавыя событія, предшествовавшія вступленію на престолъ Лазаря: послѣ нихъ, впервые явилась еще возможность вздохнуть свободнѣе. Лазарь, какъ человекъ и правитель, не былъ дотогѣ запятнанъ никакимъ преступнымъ дѣяніемъ; онъ былъ лично мужественъ, честенъ, добръ, и желалъ отъ души всякаго добра народу; своимъ присутствіемъ какъ будто очищалъ онъ все, входившее въ объемъ его ограниченной, но благотворной власти; даже церковное проклятiе, во время прежнихъ раздоровъ наложенное въ Царѣградѣ на Сербовъ, было снято. Вотъ почему народъ привязался къ нему искреннею любовію; вотъ почему осталось по немъ такое живое и свѣтлое воспоминаніе во всемъ народѣ, связавшемъ съ его памятью цѣлый особый кругъ пѣсень.

Народная память Сербовъ и творческія быліны ихъ не обращаютъ вниманія на темныя стороны царствованія Лазаря, какъ будто бы ихъ и не было, какъ будто бы всемнадцатъ лѣтъ его правленія были эпохою совершеннаго спокойствія, не угрожавшаго никакой впереди утратой, и какъ будто бы роковая гибель пришла въ заключеніе совершенно неожиданно, обрушившись мгновеннымъ ударомъ. Почти навѣрно можно сказать, что такъ точно думали и современники Лазаря, люди его эпохи и его государства, ибо они явно покоили себя, и, устранивъ ближайшее обезпеченіе, не только не готовили энергическихъ мѣръ для отпора возможнымъ страшнымъ переворотамъ, но даже и ускоряли ходъ послѣднихъ своимъ бессознательнымъ содѣйствіемъ. Мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ, если выступимъ изъ свѣтлой области лазарева правленія, гдѣ все кажется такъ безмятежно, въ окрестныя страны и тамошнія событія; и, какъ скоро перенесемъ къ послѣднимъ, увидимъ тотчасъ, какую мрачную тѣнь бросаютъ они съ своей стороны на Сербію въ объемъ власти и эпохи лазаревой.

Азіатскіе выходцы успѣли уже стать твердою стопою на почвѣ европейской и основались въ Адрианополѣ. Сербскіе воеводы, оставив-

шіея еще въ нѣкоторыхъ областяхъ Румелии, вскорѣ должны были уступить имъ. Безъ значительнаго сопротивленія пала Болгарія; почти даромъ досталась она завоевателямъ, и не только другія страны, даже родная сестра ея, Сербія, въ послѣднее время такъ тѣсно съ нею связанная, Сербія, гдѣ владычествовалъ тестъ короля болгарскаго Шишмана, не подала ей руку помощи. Не много спустя, Эпиръ и Албанія, области, считавшіяся также сербскими, признали свою зависимость отъ Турокъ. И этого мало: скоро во владѣніе ихъ переходитъ сербскій городъ Нишъ, ключъ къ прочимъ областямъ и средоточію тогдашняго государства. Вырывается у всякаго нетерпѣливый вопросъ: отчего же не соберутъ и не соединятъ вмѣстѣ послѣднія силы свои три народа, представители православнаго христіанства на югѣ, недавно еще столь могущественные, а теперь понявшіе уже общаго врага своего и имѣвшіе предъ очами явную и близкую опасность, однимъ словомъ, Греки, Болгаре и Сербы? И всякой спрашивающій ждетъ—не дождется отвѣта, и рвется отъ негодованія, и готовъ отказаться отъ всякаго пониманія исторіи, когда она отвѣчаетъ ему, что на самомъ дѣлѣ этого не случилось, что Греки, Болгаре и Сербы не совершили того, чего требовалъ осознательный смыслъ общечеловѣческой исторіи. И дѣйствительно, тотъ, кто убѣжденъ, что исторія имѣетъ дѣло не съ народами, а съ истинами и идеями, которыя волнообразно движутся въ воздухѣ, тотъ долженъ отказаться отъ исторіи народовъ, отъ изученія эпохъ ея, и слѣдовательно отъ рѣшенія того вопроса, который поднялся у насъ при взглядѣ на Сербовъ, Болгаръ и Грековъ, стоявшихъ предъ лицомъ завоевателей — Турокъ. А между тѣмъ, дѣло уясняется для того, кто хорошо знакомъ съ народными свойствами и особенностями упомянутыхъ трехъ представителей занимающей насъ исторіи. Такъ многозначительна всякая народность, что самые недостатки ея и случайности, порождаемые недостатками и слабостями, требуютъ глубокаго изученія, ибо постоянно входятъ двигателями въ историческое движеніе, ко злу ли, по своей природѣ, къ добру ли, подъ рукою Промысла, руководящаго исторіей. А потому прежній вопросъ нашъ — «отчего же нѣтъ»? — получаетъ относительно Грековъ рѣшеніе — «суть бо Греци лстиви и до сего дни», рѣшеніе, введенное въ исторію нашимъ первымъ лѣтописателемъ, отмѣтившимъ народную черту лстивости, переимчивости и уклончивости, особенно въ столкновенияхъ съ другимъ народомъ — Славянами. И нужно правду ска-

зять, Славяне отплатили имъ за уклончивость: когда взять былъ послѣ Царьградъ, Сербы одни изъ первыхъ спѣшили поздравить Магомета. А о характерѣ самихъ Славянъ? Но что намъ говорить о томъ, когда опять громко вопіеть исторія, и когда на самихъ себѣ, до сегодня, испытываемъ мы подобныя рѣшенія! А Чехи, во всю историческую жизнь свою узнававшіе горькимъ опытомъ неизмѣнный народный характеръ своихъ ближайшихъ западныхъ сосѣдей, стремящихся къ порабощенію, сперва нравственному, а потомъ и вѣншиему, физическому, торжественно изгонявшіе ихъ изъ своего государства, и снова мало по малу допускавшіе, пока уже стало поздно? А тѣ Славяне, которые добровольно не только допускаютъ, но даже приглашаютъ къ себѣ иноплеменниковъ, и потомъ, историческимъ поступаніемъ успѣвши переродить ихъ въ своей народности, снова думаютъ видѣть необходимость въ воспріятіи чуждаго, вымыслила для своихъ уловокъ утонченныя до послѣдней отвѣченности названія *прищивки*, *оплодотворенія*, *черпанія*, *общенія*, и т. д.? Благо наше, что подобные недостатки наши, воплотившіеся въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ событій, начинаемъ мы, Славяне, сознавать наконецъ и оглашать словомъ отъ Прага до Москвы, отъ Вислы до Черной Горы и Балканъ. Какъ не пользуемся мы раздорами въ умственной жизни чужеродцевъ, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности, такъ не пользовались южные Славяне раздорами, нерѣдко случавшимися въ турецкомъ станѣ; какъ мало поддерживаемъ мы свою духовную, нравственную самостоятельность, такъ не поддерживали тѣ вѣншую и государственную: что лучше и важнѣе, что опаснѣе и гибельнѣе, что здѣсь можетъ стать на мѣсто причины, что слѣдствія? И дивиться ли намъ, что Лазарь, послѣ завоеванія Ниша, въ 1375 году, заключилъ даже договоръ, съ нѣкоторыми залогомъ зависимости отъ Турокъ, близоруко усматривая въ этой мѣрѣ обезпеченіе остальныхъ владѣній? И этого мало: при покореніи одного края, въ войскѣ турецкомъ участвовали Славяне изъ другаго. Недостаточно видѣть здѣсь одну безпечность славянскую: тутъ, какъ и во всѣ времена, у Славянъ приходило стремленіе чужимъ именемъ огородить и надежнѣе обезопасить свой уголъ, чужою силою насолить родному, въ чемъ либо съ нами несогласному. Прибавьте къ тому, что такой врагъ, какъ Турокъ, не подкрадывался хитро и незамѣтно, не вѣдался во всю внутреннюю жизнь духа, уничтожая всякую надежду на вы-

ходъ изъ тяжкаго положенія, однимъ словомъ, не начиналъ подобно Нѣмцу : онъ шелъ прямо, открыто, съ нимъ всегда можно было бороться какъ съ равнымъ, и даже, проигравши битву, можно было признать его удалство молодецкое, или, по крайности, не заглушить того, что глубоко живеть въ собственномъ духѣ народномъ; это было все-таки сля вѣшняя, начинавшаяся болѣе вѣшностью и всегда наиболѣе къ ней привязанная. И потому, если въ подобныхъ отношеніяхъ къ Туркамъ южные Славяне остаются въ исторіи до послѣдняго времени : то тѣмъ естественнѣе было итти такимъ путемъ въ самомъ началѣ, при маломъ опытѣ.

Отъ 1375 до 1387 года прошло еще двѣнадцать лѣтъ, и въ теченіе ихъ мы не видимъ опять отъ Лазаря никакихъ особенныхъ дѣйствій, кромѣ тѣхъ, кои предполагаются въ согласіи со всѣмъ прежнимъ его характеромъ, внутри государства, ввѣреннаго ему Провидѣніемъ. Однообразный рядъ дѣяній, по этому однообразію не отмѣченныхъ ни исторіею, ни пѣснями, прерывается только созданіемъ прекраснаго монастыря Раваницы на Ресавѣ. Но это явленіе не было такъ малозначуще, какъ бы казалось съ перваго взгляда, и въ его смыслѣ уже современники отгадывали глубокое значеніе и многознаменательное предверіе будущаго, а потому это явленіе занесено было въ пѣсни, и даже съ особымъ народнымъ толкованіемъ. Послушаемъ.

Въ Крушевцѣ, любимомъ своемъ мѣстопробываніи, справляетъ князь Лазарь свое *красно име*, праздникъ въ честь покровителя своего, Амоса Пророка. Назвалъ себѣ со всей Сербіи господъ, разсажалъ ихъ по старшинству за столомъ, самъ сидитъ въ челѣ стола. Пьютъ вино холодное, и, какъ добрались до самаго лучшаго, повели бесѣды о всякомъ добрѣ. А тутъ, какъ разъ, противу обычныхъ приличій, вступаетъ въ покой првующихъ княгиня Милица. Читатели конечно помнятъ ее, дочь Юга-Богдана, сосватанную за Лазаря Душаномъ. Недостатокъ энергіи, замѣтный въ Лазарѣ, съ избыткомъ, какъ кажется, восполненъ былъ въ женѣ его; не даромъ, по свидѣтельству пѣсень, съ окрестныхъ горъ леталъ къ ней на дружескія бесѣды крылатый змѣй огненный, существо, въ которомъ поэзія сербская привыкла выражать счастливую совокупность быстрого умственнаго соображенія, ловкости и хитрости. Согласно той высокой роли, которую всегда и вездѣ Славяне назначали своей женщинѣ, — быть соучастницей и совѣтницей мужу, но не на публич-

ной сценѣ, не рисуясь, а изъ глубины сердца, по преимуществу дарованнаго женщины, изнутри семейнаго и домашняго круга, — согласно этой роли, Милица, при всѣхъ почти распоряженіяхъ Лазаря, является возлѣ него и занимаетъ весьма важное мѣсто, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ исторіи, которая готовила для нея коринну правленія въ эпоху самую трудную. И теперь входитъ она къ Лазарю за дѣломъ немаловажнымъ; стыдливость передъ мужемъ, лучшее украшеніе всякой и неотъемлемая принадлежность славянской женщины, стыдливость, которая считаетъ нарушеніемъ правила не только вмѣшательство въ дѣла мужскія, но даже и разговоръ о нихъ, удерживала княгиню; но она рѣшилась на мгновеніе подавить требованія скромности. Легкими шагами идетъ она по пріемной царской палатѣ; девятью поясами обвить станъ ея; на шеѣ ожерелья, на головѣ девять уборовъ, надъ уборами золотая корона, а въ ней три камня дорогихъ, ночью сіяютъ, какъ днемъ солнце. Она останавливается передъ Лазаремъ и говоритъ ему: «Господинъ мой, славный князь Лазарь! стыдно мнѣ поглядѣть на тебя, а подавно съ тобой разговаривать; но нельзя виновать, буду говорить съ тобой. Чтѣ было Неманичей древнихъ, чтѣ ихъ царствовадо, а потомъ преставилось, никто изъ нихъ не собиралъ въ кучу денегъ, а всѣ они строили на деньги *задужбины* (1), на поминъ душѣ своей, строили монастыри многочисленные.» Пересчитавши ихъ, Милица продолжала: «Все то дѣло Неманичей; ты завялъ мѣсто ихъ на престолѣ, и ты собираешь добро свое въ кучу, а нигдѣ не ставишь задужбины; а вотъ за это-то и не будетъ добра намъ, ни на здоровье при жизни, ни за душу по смерти, да ни намъ и никому нашему.» Пристыженный Лазарь слохватился, и, какъ порою бывало съ нимъ, послѣ бездѣйствія перешелъ къ слишкомъ горячему участию. «Слышите ли, господа сербскіе, чтѣ говоритъ владычица Милица, будто нигдѣ я не строю задужбины? Такъ хочу же я построить церкву Раванцу, на Ресавѣ, близъ рѣки Равана. Добра у меня всякого въ волю: пододвину основу свинцовую, поведу потомъ стѣны и выведу ихъ изъ серебра бѣлаго, и покрою краснымъ золотомъ, разижу мелкимъ бисеромъ, исполню внутри дорогими камнями.» Всѣ владыки встали на ноги, почтено князю поклонилися: «Строй, князь; будетъ тебѣ

(1) *Задужбиною* (= задужбина, за душу) называется у Сербовъ всякое богоугодное дѣло, и особенно постройка церкви, на поминъ душѣ.

это дѣло за душу, а на здоровье сыну твоему Стенану Высокому.» Но сидитъ между ними воевода Милошъ Обличъ, младшій зять княжескій, самый привлекательный изъ сербскихъ героевъ, котораго мы еще ближе узнаемъ впоследствии. Сидитъ Милошъ на концѣ стола, ничего не промолвить. Видитъ это славный князь Лазарь и наливаетъ въ честь ему золотую чашу вина: «За твое здоровье, воевода Милошъ! Скажи-ка и ты мнѣ что нибудь: замышляю я строить задужбину, церковь на поминъ душъ своей». Вскочилъ Милошъ съ земли на ноги; прислужилъ выпить князю, какъ того честь требовала; передали чашу и ему, принявъ онъ, но только не пьетъ, а такую рѣчь молвить: «Похвала тебѣ, князь, на бесѣдѣ твоей! А что хочешь ты строить задужбину, такъ не время тому и не можетъ статься того. Возьми-ка, князь, книги цароставныя, да посмотри, что намъ книги сказываютъ: настало послѣднее время, Турки готовы взять царство, и скоро уже будутъ они царствовать. Развѣлять они монастыри наши, что мы строимъ на поминъ душъ своей; развѣлять они церковь Раваницу; выкопаютъ они основу свинцовую, польютъ изъ нея ядра для пушекъ своихъ, да и будутъ ими разбивать города наши; разберутъ они серебряныя твои стѣны церковныя, перельютъ ихъ въ уборы конямъ своимъ; снимутъ крышу церковную, накуютъ ожерелья миламъ своимъ; разнижутъ бисеръ изъ церкви твоей, и пойдетъ онъ на ту же потребу ихъ женщинамъ; достанутъ дорогіе каменья твои, да вставятъ ихъ въ рукоятки сабельныя и въ перстни миламъ своимъ. Расплавятъ свинецъ твой Турки; да подѣлаютъ дубинокъ, и будутъ ими колотить народъ бѣдный, а народъ бѣдный будетъ клясть душу твою: тутъ не будетъ спасенія душъ твоей. А ты послушай-ка меня, славный князь Лазарь! Давай-ка мы съѣчь мраморъ, да построимъ церковь изъ камня. И возмутъ Турки царство сербское, а задужбины наши вѣчно служить будутъ, до суда божьяго: отъ камня никому ни камня, ничего не достанется!» — Призналъ Лазарь истину словъ Милоша и построилъ изъ камня церковь Раваницу; признала и исторія, ибо стоятъ понынѣ Раваница. Подъ властію Турокъ исчезъ безъ слѣда блескъ царства сербскаго; а монастыри устояли, сберегая остатки древнихъ вѣрованій, преданій и древняго просвѣщенія; находили въ нихъ убѣжище гонимые, крѣпостями и бойницами служили они для защитниковъ отечества и нерѣдко отсюда дѣйствовали возстановители княжества.

Мы видимъ, не забывались и книги цароставныя : съ ними часто справлялись, и молодые, и старые, отгадывая предстоящее. Исполненія грозныхъ пророчествъ уже не откладывали далеко : въ послѣдніе годы правленія Лазаря всѣ объаты были ожиданіемъ и предчувствіемъ. Созданіе Раваницы громко высказало всеобщія опасенія, и съ этой минуты какъ будто начинается поворотъ въ дѣйствіяхъ Лазаря ; быстрыми шагами идутъ они къ послѣдному своему заключенію.

Тотъ самый Али-Паша , который покорилъ Болгарію , получилъ повелѣніе дѣйствовать наступательно и противъ Сербовъ. Но здѣсь предстояло Туркамъ несравненно большее сопротивленіе : еще прежде всеобщаго соединенія силъ, и частные владѣтели не легко продавали свои области. Таковъ смыслъ воспѣтой въ сербскихъ пѣсняхъ борьбы между Турчиномъ Влахомъ-Али, въ которомъ можно узнавать появившагося Али-Пашу, и баномъ Страхиной или бановичемъ Страхиновичемъ. Историческое значеніе сего послѣдняго лица опредѣлять трудно: одни указываютъ на князя Страхию, другіе на бана Зетскаго Балшу, третьи на одного изъ Балшичей , Страхимира или Страхию; статья можетъ, это былъ извѣстный Юрій Страхимировичъ, сокращенно Страхиничъ, одинъ изъ родичей Балшичей, банъ Зеты и Приморья. Въ женѣ его узнаютъ одну дочь Лазаря, а пѣсни дочь знакомаго намъ Юга-Богдана. Не наше дѣло рѣшать эту запутанность: гораздо важнѣе значеніе, проникающее всю пѣсню.

Жилъ былъ Страхиничъ банъ : въ Малой Баньской, близъ Косоца, не найти было такого сокола. Захотѣлось ему побывать у тестя Юга-Богдана, повидать девять шурьевъ своихъ, Юговичей, и поѣхалъ онъ въ бѣлый Крушевецъ, любимое мѣсто Лазаря, гдѣ съ недавней поры сербское царство въ столицѣ основалось. Много было ему угрощенія, какъ водится, гдѣ жилище царское ; послѣ тестя, по очереди, звали его къ себѣ, то одинъ, то другой господамъ ; долгое время загостился банъ. Но посмотри-ка, вотъ вдругъ и горе , откуда не чаяли ! Однимъ утромъ, какъ солнце обогрѣло, подаетъ вѣстникъ Страхиничу письмо бѣлое , изъ его Баньской, отъ родной матери: «Гдѣ ты, сынъ мой, Страхиничъ банъ? Не на добро будь тебѣ вино въ Крушевецѣ , не на добро вино, не на счастье покой у тестя съ тещею ! Прочитай въ письмѣ бѣды неслыханныя ! Нежданно-негаданно пало на поле войско сильное, царь турецкій изъ Адрианополя палъ на поле Косово; съ нимъ везири и камѣстники ; сколько есть земли

подъ его областью, двинулъ онъ всю силу турецкую и собралъ на Косовѣ; притиснулъ онъ все Косово, ухватилъ обѣ рѣки, разлегла сила по Лабу и Ситницѣ, по людскимъ рѣчамъ, — отъ мрамора до сухаго явора, отъ явора до Сазлиа, оттуда до моста, что на сводахъ, отъ моста до Звечана, отъ Чечана къ верху до хребта горнаго. Съ нимъ другое войско — огненные янычаре-Турки, что держатъ въ Адрианополѣ домъ бѣлый; третье войско съ нимъ, — какой-то Тука и Манажука; а сказываютъ еще одну у него силу, самовольнаго Турчина Влахъ-Алію, что не слушаетъ самого царя честнаго, обѣ взирахъ его и не думаетъ, а остальное для него войско царское — словно муравьи по землѣ. Не пошелъ онъ съ царемъ на Косово, повернулъ дорогой лѣвою, да и ударилъ на Баньску нашу, обездолил ея, живымъ огнемъ поपालилъ и изъ основы камень ея разбросалъ; разогналъ твоихъ вѣрныхъ слугъ, обездолилъ старую мать твою, конемъ изломалъ кости ей; заплѣнилъ вѣрную жену твою, отвелъ ее на поле Косово, да подъ шатромъ и живетъ съ нею!»

Всполошился Страхиничъ банъ, просить теста отпустить съ нимъ девять сыновей Юговичей, на тяжкій подвигъ, на спасенье его дочери. При такихъ рѣчахъ, старику въ лице бросилось поломя; говоритъ онъ зятю своему: «Увидалъ я нынче, зять мой милый, что лѣтъ въ тебѣ разума! Просишь ты девятирехъ сыновей моихъ: за чѣмъ? чтобъ вести ихъ на Косово, чтобъ ихъ Турки покололи! Нѣтъ, не дамъ тебѣ дѣтей своихъ, хоть бы въ вѣкъ не видать дочери. Зять мой милый, да что это такъ разъярился ты? Знаешь ли, зять, — не знали бы тебя люди: — если жена твоя хотя уже ночь одну ночевала съ Турчиномъ подъ шатромъ, не можетъ она больше быть твоей милою; Богъ ее убей, все это уже проклято; на его сторону скорѣе уже она склонится, чѣмъ на твою, сынъ мой; ступай она, врагъ унеси ее! А я женю тебя на женѣ еще лучшей; будемъ съ тобой попивать вино холодное, будемъ съ тобой пріятелями вѣковѣчные; а сыновей не дамъ тебѣ на Косово». Въ томъ горѣ и въ той мукѣ лютой, молча вышелъ вонъ Страхиничъ; не зоветъ онъ слугъ на помощь себѣ, самъ осѣдлалъ коня; а сѣвши на коня, только поглядываетъ на своихъ девять шурьевъ, а шурья понурились въ землю черную. Такъ-то, какъ бывало распиваютъ вино и водку, всѣ похваляются добрыми молодцами, похваляются и Богомъ клянутся: «Банъ Страхиничъ! любимъ мы тебя больше, чѣмъ всю нашу землю, все царство». А теперь глянь-ка, при нуждѣ каково бы-

васть горе : нѣту нынче бану пріятеля , видно не легко пойти на Косово ! Вдѣтъ банъ полемъ , оглядывается на Крушевецъ : не образумятся ли шурья его , не приметъ ли жалость ихъ . А какъ видѣлъ , что нѣтъ ему въ бѣдѣ смертной пріятеля , вспомнилъ онъ про своего пса Карамана , свиснулъ ему , да и пустились вмѣстѣ . И сослужилъ ему песь Караманъ службу . Въ ту минуту , когда , въ самомъ разгарѣ единоборства съ заклятымъ врагомъ , банъ желалъ уже одного только , своей или вражеской смерти , увидалъ онъ жену и взмолился ей : « Жена моя , Богъ убей тебя ! Какого лиха смотришь ты по верху ? А ты схвати осколокъ сабли , ударь ты меня , либо Турчина : подумай , кого ты желаешь » . А Турчинъ уговариваетъ ее льстивыми рѣчами ; какъ бѣшеная , схватила она осколокъ сабли , бросилась на мужа , и уже успѣла ранить его . А тутъ песь и прихватилъ ее . Женское дѣло , пугаются собакъ онѣ : бросила саблю на траву зеленую , люто взвизгнула , далеко откликнулось ; схватилась желтому псу за уши , катится и кружится съ нимъ вдоль по горѣ ; а банъ улучилъ то время , съ ноги повалилъ врага , не щадя онъ никакого оружія , дохватилъ врага зубомъ подъ горло , закалъ его , какъ волкъ ягценка закалываетъ ; метнулъ жену на коня и подѣзжаетъ къ Крушеvcу . Тутъ нашлись ему снова пріятели . Увидалъ его старецъ Югъ-Богданъ , встрѣтили его девять милыхъ шурьевъ : разатавливаютъ руки , цѣлуются въ щеки , спрашиваютъ , по добру , по здорову ли . А какъ увидѣлъ Югъ раны на зятѣ своемъ , пролилъ слезы по господскому лицу своему : « На добро царству нашему будь сказано ! Стало быть есть у султана Турки , есть у него сильные молодцы , коли поранил зятя моего , какого нынче далеко ищи-не найдешь ! » Перепугались и шурья ; говоритъ имъ Страхиничъ : « Не корись , тесть мой , не пугайтесь вы , шурья мои ! Не нашлось у султана молодца , кто бы поранилъ меня ; а ну-ка , скажу вамъ , кто поранилъ меня , отъ кого я ранъ дождался . Тесть мой , старый Югъ-Богданъ ! Какъ боролся я одинъ на одинъ съ Турчиномъ , тогда поранила меня жена моя , а милая дочь твоя ; не хотѣла меня , помогла Турчину » . Разлилось по старикку живымъ огнемъ голомя , подкликнулъ онъ девять сыновей своихъ : « Вынимайте вы девять ножей своихъ , по частямъ негодницу разрѣжьте вы ! » Сильные ребята отца послушавъ , на сестру свою бросились . Стой , ребята , не далъ имъ Страхиничъ банъ ; шурьямъ своимъ такову онъ рѣчь говорилъ : « Чтѣ это нынче страмитесь вы , братья мои ! На кого вы ножи свои по-

вывзтали? Коли вы, братья, таковы молодцы, куда дѣвались ножи, куда дѣвались сабли ваши, не были вы со мной на Косовѣ, чтобъ показать надъ Турками молодечество, чтобъ найтись при мнѣ, при нуждѣ моей? Не дамъ я вамъ на погибель сестры вашей: безъ васъ я бы могъ загубить ее. Такъ нѣтъ! Загублю я лучше ту сторону, откуда взялъ я жену себѣ! Не съ кѣмъ мнѣ больше пить здѣсь вино холодное. А женѣ своей подарилъ я вино ея!»

Конечно, народная пѣсня всего меньше допускаетъ отвлеченное толкованіе и примѣненіе: но если гдѣ либо оно дозволительно въ нѣкоторой степени, то это здѣсь, ибо все-таки народный типъ отвлекаетъ и собираетъ въ себя частныя черты эпохи и лицъ, ее выражающихъ. Женщина, жертва грабежа, лести и обмана, склонившаяся на сторону лютаго врага, — такова была тогда Сербія; среди пировъ и бесѣдъ забывалась опасность ея; когда отторгали ее, не находилось ей родныхъ защитниковъ; не многіе беззавѣтно обрекали себя на ея спасеніе; только умѣли корить да бранить ее въ расприхъ своихъ: примѣръ, поучительный для Славянъ на всѣ вѣка ихъ исторіи!

Такъ отдѣльные воеводы завязывали тамъ и сямъ кровавой бой съ Турками: стыдно становилось Лазарю; приступали къ нему правители областей сербскихъ, приступалъ къ нему самый народъ сербскій. Дохнуло дыханіе жизни, Лазарь явился дѣятельнымъ поборникомъ земли своей. Онъ звалъ къ одному союзу властителей, звалъ зятя Шишмана, и даже, какъ говорятъ, Мадьяровъ съ Венеціанцами. Одинъ лишь голосъ раздался за новый постыдный миръ: то былъ голосъ *Вука Бранковича*, старшаго зятя Лазарева, женатаго на дочери его Марѣ Лыстивый и себялюбивый до вмѣнничества, давно уже копалъ онъ яму тещу своему, и младшему зятю Лазареву, а своему свояку, герою Милошу Обиличу, котораго доблестей не могъ равнодушно видѣть, и наконецъ, виѣстѣ съ тѣмъ, копалъ яму своей родинѣ. Но большинство голосовъ, или, лучше, остальное единогласіе, было за войну, и оно пересилило. Особенно горячо принялъ къ сердцу воинскій призывъ владыка Эпира, дѣдъ знаменитаго впоследствии Скандербега, Юрій Кастриотъ: въ 1387 году онъ заманилъ въ тѣсячины 20,000 Турокъ, и едва пять спаслось отъ меча Сербовъ, предводившихъ Лазаремъ.

Узнали Турки, съ кѣмъ предстояло имъ неизбѣжное дѣло: они заглялись на погибель Сербовъ, напрягли всѣ силы свои, и весною 1389 года, смиривши Грековъ и подвластныя страны, Муралъ самъ

двинуть 300,000 войска и перешелъ западную сторону Балканы. Шагъ за шагомъ идетъ сербская пѣсня за событіями. Подошелъ Мурадъ къ полю Косову, пишетъ онъ письмо чѣткое, шлетъ его въ Крушевецъ, на колѣно сербскому князю Лазарю. «Лазарь, глава Сербіи! Не бывало, да и быть того не можетъ: одна земля, а два государя; одни подданные, а платять двои подати; не можемъ мы оба вмѣстѣ царствовать; ты пошли-ка мнѣ ключи и подати, золотые ключи отъ городовъ своихъ, оброки на семь лѣтъ времени; того ли не пошлешь ты мнѣ, а ступай-ка ты на поле Косово, будемъ лѣлить землю саблями.» Лазарь отвѣчалъ всей землѣ сербской громкимъ призывомъ на подвигъ. Эхъ, послушать бы кому, какъ люто заклиналъ князь сербскихъ правителей: «Кто не придетъ въ бой на Косово, отъ руки его ничего не родилось бы: не родилась бы въ полѣ пшеница-бѣляночка, ни на горѣ винная вѣточка!» Всѣ готовятся: завтра выступитъ Лазарь съ войскомъ изъ своего милого Крушевца на мѣсто сборное. А наканунѣ садится онъ за столъ по вечеру, рядомъ съ нимъ царица Милица. Говоритъ ему Милица: «Царь Лазарь, сербская корона золотая! Выступаешь ты завтра на Косово, съ собой водишь слугъ и воеводъ своихъ; а на дворѣ своемъ, царь Лазарь, никого изъ мужскихъ головъ не оставляешь ты, кто бы могъ отнести тебѣ письмо на Косово, отнести и вернуться обратно; уводишь ты моихъ девять милыхъ братьевъ, девять братьевъ, девять Юговичей; оставь ты мнѣ хотя брата единого, брата, къмъ бы могла сестра поклясться при случаѣ (1)». Отвѣчаетъ ей Лазарь: «Государыня моя, царица Милица! кого бы изъ братьевъ лучше хотѣла ты оставить себѣ въ бѣломъ дворѣ моемъ?» — Оставь ты мнѣ Бошка Юговича. — «Ну, такъ слушай, царица Милица! Когда завтра разсвѣнетъ бѣлый день, день разсвѣнетъ и заиграетъ солнышко, и ворота городскіе отворятся, выходи ты къ воротамъ; тамъ пойдутъ войска въ боевомъ строю, всѣ конники подъ боевыми копьями, передъ ними Бошко Юговичъ, онъ понесетъ знамя крестовое; ты скажи ему отъ меня благословеніе, пусть отдастъ знамя, кому захочетъ онъ, пусть съ тобою при дворѣ останется». Забѣлалось утро выступленія; стоятъ-ждетъ царица у воротъ городскихъ; вотъ воротами идутъ конники, конники подъ боевыми копьями, передъ ними Бошко Юговичъ: на ретивомъ конѣ весь онъ въ чистомъ золотѣ, до коня покрыло его

(1) Сестра у Сербовъ клянется обыкновенно именемъ брата:

съ головы знамя крестовое ; а на знамени изъ золота яблоко, надъ яблокомъ крестъ золотой, съ креста золотыя кисти опустилися, бьютъ Бошка по плечамъ его. Приблизилась робко царица Милица, взяла за узду коня ретиваго, обвила брату руки около ворота, тихо молвить ему : «Братъ ты мой, Бошко Юговичъ ! Царь миѣ подарилъ тебя, чтобъ не шелъ ты на бой на Косово ; и тебѣ послаалъ онъ благословеніе, чтобъ отдать тебѣ знамя, кому хочется, чтобъ остаться тебѣ со мною въ Крушевцѣ, чтобы было какимъ братскимъ именемъ поклясться сестрѣ твоей.» Въ отвѣтъ на мольбу говорить сестрѣ Юговичъ : «Ты ступай-ка, сестра, въ свою бѣлую горницу ; не вернусь я къ тебѣ, не отдамъ изъ руки знамени крестоваго, когда бъ царь подарилъ миѣ и свой Крушевецъ ; не учиню я того, чтобъ сказала потомъ остальная дружина моя : «вонъ, смотри труса Бошка Юговича ! Онъ не смѣлъ пойти на Косово, за честной крестъ пролить кровь свою, умереть за вѣру свою !» И прогнавъ онъ бытро въ ворота коня своего. Вотъ и самъ старшій Югъ-Богданъ, и за нимъ семь другихъ Юговичей : всѣхъ ихъ Милица оставлявала по очереди, ни одинъ и глянуть не хочетъ. Не прошло за тѣмъ много времени, выступаетъ Воинъ Юговичъ, и онъ водить царскихъ коней, покрытыхъ червоннымъ золотомъ. Обвилась и повисла ему на шеѣ Милица : «Иди, сестра, говорить онъ, въ свою бѣлую горницу ; не вернулся бы я, молодецъ, и не выпустилъ царскихъ коней, когда бъ вѣдалъ даже о своей погибели ; а иду я, сестрица, на ровное Косово, проливать свою кровь за крестъ честной, за вѣру умирать съ братьями». И прогнавъ онъ въ ворота коня своего ; безъ памяти пала царица на студеныи камень. Но вотъ ѣдетъ самъ Лазарь ; увидалъ онъ безъ чувствъ свою государыню, ручьями ударили слезы по щекамъ его ; озирается онъ на право и на лѣво, подзываетъ слугу Голубана : «Голубанъ, вѣрный слуга мой ! Ты слѣзай съ своего коня Лебеда, возьми государыню въ свои руки бѣлая, отнеси ее на башню узорчатую. Отъ меня божьимъ именемъ будь прощенье тебѣ ! Не могли ты итти въ бой на Косово, оставайся въ бѣломъ дворѣ моемъ». Горько было слышать то Голубану ; со слезами слѣзъ онъ съ коня Лебеда, взявъ государыню на руки бѣлыми и отнесъ на башню узорчатую. Но не можетъ онъ одолѣть сердца своего, чтобъ пойти въ бой на Косово : воротился онъ къ своему коню Лебеду, вскопчалъ и пустился на Косово.

Сошлась та и другая сторона, готовая къ бою, и вѣстѣ съ воп-

телами приходимъ мы въ третій разъ на поле Косово : но отсебѣ это несчастное имя никогда уже не умретъ въ народной памяти Сербовъ и будить оно доселѣ страшныя воспоминанія.

Въ войскѣ турецкомъ царствовали согласіе и порядокъ : затѣнѣе солнца, которое толкуютъ всегда Турки на бѣду христіанскую, одушевляло еще болѣе ихъ мужествомъ : не было недостатка отваги и на сторонѣ сербской, если бы не подоспѣла измѣна Вука Бранковича, уже сносившагося съ Мурадомъ. И первое роковое ея дѣйствіе обрушилъ онъ на закланомъ врагѣ своемъ, Милошѣ Обиличѣ. Въ эту минуту, когда Милошъ, при рѣшеніи судьбы своей, выступаетъ передъ нами во всемъ блескѣ величія, невольно представляются взорамъ и всѣ другія черты его доблестнаго характера, его свѣтлой жизни. Еще Душаномъ взятъ былъ Милошъ на воспитаніе, при Лазарѣ былъ воеводою области въ окрестностяхъ горы Цера, или Поцерья, и женатъ былъ на четвертой его дочери Вуко-савѣ. Это былъ ближайшій другъ и сотоварищъ Марка Королевича, и въ противоположности ихъ характеровъ еще рѣзче проявляется лице Милоша. Онъ удерживаетъ Марка отъ необузданныхъ увлеченій, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отличается обдуманностью, скромностью и тихостью, какой-то задушевной теплотой и мягкостью нрава, тогда какъ Марко былъ горячъ до крайней степени, отваженъ и смѣлъ до лютой и жестокости, благодаря своей страсти къ вину, заглушавшей страданія его тяжкаго положенія. «Высокимъ и красивымъ мѣлѣдцемъ» называютъ Милоша пѣсни. Не таковъ былъ Марко: сидитъ онъ, бывало, въ полѣ, тазомъ пьетъ вино и коня поить; напившись дѣлается кровавымъ до самыхъ очей своихъ; на плечахъ у него волчья шкура, на головѣ шапка волчья или соболя; усы издали кажутся полугодовымъ ягненкомъ. И умѣлъ онъ пользоваться своей наружностью: сдвинетъ шапку въ одинъ рядъ съ бровями, поперегъ челоуѣка мѣряетъ, и отъ одного вида его у иныхъ обмираютъ ноги, другихъ лихорадка схватываетъ, а султанъ, названный отецъ его, къ стѣнѣ прижимается. Онъ пугалъ врага, а Милошу враги завидовали. Горныя существа, Вилы, и тѣ завидовали ему, ибо мастеръ былъ онъ пѣть и пѣвалъ о древнихъ краляхъ сербскихъ. Умѣлъ онъ читать бойко и книги цароставныя, старославныя, и мы видѣли, какъ премудро, еще въ своей молодости, растолковывалъ ихъ предвѣщанія. Въ Маркѣ была страшная сила, искавшая размыкаться, переполнявшаяся черезъ край и отливавшаяся

на чужбину: Милошъ согрѣвалъ и животворялъ всякое доброе начинаніе, стоялъ и умеръ хранителемъ родины. Долго жилъ Марко, много еще предстояло ему: а Милошу, другу его, ударилъ уже часъ.

Въ Видовъ день, 15-го Іюня, предстояла битва Сербамъ; то былъ день Амоса пророка, когда праздновалъ Лазарь своему святому покровителю, и четырнадцать лѣтъ тому назадъ, положилъ на пиру, по совѣту Милоша, созданіе Раваницы, какъ поминъ по душѣ своей. Хотѣлъ Лазарь и теперь, какъ бывало, чествовать на канунѣ праздникъ; онъ устроилъ пиръ на Косовѣ полѣ. Но уже не постройка монастыря занимада пирующихъ; военнымъ совѣтомъ рѣшали они минуту нападенія, минуту битвы, имѣвшей увѣковѣчить поминъ по душѣ ихъ во всемъ православномъ Славянствѣ. Лазарь сидѣлъ грустный, положивъ свою голову на столъ, на правую свою руку. Но вотъ, среди пира, беретъ онъ золотой кубокъ и говоритъ: «Кому эту чашу *наздравить* мнѣ? Если по старшинству,— выпью я за стараго Юга-Богдана; по господству,— за Вука Бранковича; по любви,— за девять шурьевъ Юговичей; по красотѣ,— за Ивана Косайнича; по вышинѣ,— за Топлицу; по молодечеству,— за воеводу Милоша. Такъ не хочу же я пить ни за кого другаго, выпью за здоровье Милоша Обилича: будь здоровъ, Милошъ, вѣра и невѣра! сперва вѣра, а послѣ невѣра! Завтра выдашь ты меня на Косовѣ и побъжишь къ Мураду, царю турецкому! Будь здоровъ и вышей здравицу! Вино вышей, а кубокъ въ даръ тебѣ!» Такъ подѣйствовали наговоры Бранковича, и Милошъ, пораженный словами князя, узналъ исконнаго врага своего. Вскочилъ онъ на легкія ноги, кланяется до черной земли: «Спасибо тебѣ, князь, на твоей здравицѣ, на здравицѣ и на дару твоємъ; но не спасибо на такой бесѣдѣ; нѣтъ, клянусь вѣрой моею! Невѣрой я никогда не былъ, не былъ, да и не буду; а думаю я завтра на Косовѣ за христіанскую вѣру погнѣбнуть. А невѣра сидитъ у тебя при колѣнѣ, изъ-подъ полы пьетъ вино холодное, проклятый Вукъ Бранковичъ. Завтра красный день Видовъ: увидимъ на Косовѣ полѣ, кто вѣра, и кто невѣра. А я клянусь Богомъ великимъ: пойду я завтра на Косово, заколю турецкаго царя Мурада и стану ему ногою подъ горло. А дасть мнѣ Богъ и счастье, да ворочусь по здорову въ Крушевецъ: ухвачу я Вука Бранковича, привяжу за боевое копье, какъ привязываетъ жена кудѣль къ пряслицѣ, да и понесу его на Косово поле!» Со-

проводимый двумя задумчивыми друзьями, Иваномъ Косайничемъ и Миланомъ Топлицей, Милошъ вышелъ изъ шатра княжескаго; оставшіеся поражены были негодованіемъ, сомнѣніемъ или страхомъ. Первый ударъ былъ нанесенъ, а гроза еще только начиналась.

Полетѣлъ соколъ, птица-свѣя, отъ свѣтыши, отъ Ерусалима, носить онъ птицу ластовицу: то не былъ соколъ, свѣяя птица, то былъ свѣтитель Ілія; не носить птицы ластовицы, онъ несетъ книгу (письмо) отъ Богородицы, отнесъ ее къ царю на Косово, спустилъ книгу царю на колѣно, сама книга царю говорила: «Царь Лазарь, честно колѣно! какое ты избираешь царство, небесное ли, или земное? Когда избираешь царство земное, сдѣлай коней, подпруги; витязи, припоясывайте сабли, нападите на Турокъ: все турецкое войско погибнетъ; если жъ хочешь царства небеснаго, ты поставь церковь на Косовѣ; не выводи ей основы изъ мрамора, а изъ чистаго шелку и пурпура; потомъ причасти и приготовь свое войско: все оно сгинетъ, погибнешь съ нимъ и ты, князь.» Лазарь избралъ послѣднее. Причистилось сербское войско, а послѣ всѣхъ три воеводы, глубоко обиженные на пиру княжескомъ и обрекли себя на подвигъ отдѣльный, Милошъ, Косайничъ и Топлица. Выходятъ они изъ дверей церковныхъ, стоитъ бѣдная дѣвушка. Милошъ, «красенъ молодецъ на сѣмъ свѣтѣ; сабля бряцаетъ у него по землѣ: шапка шелковая, перья въ оправѣ; на немъ аздія—длинное верхнее платье, все круговыми разводами; около ворота платокъ шелковой.» Посмотрѣлъ онъ на дѣвушку, снялъ съ себя аздію и подаль ей: «На тебѣ, дѣвушка, будетъ чѣмъ помянуть тебѣ меня и имя мое; иду я, душа, на погибель въ полку князя честнаго. Моли Бога, дорогая душа моя, чтобы воротиться мнѣ по здорову изъ полку; и тебѣ будетъ тогда доброе счастье: возьму я тебя за моего Милана Топлицу, за моего Богомъ побратима, а самъ буду тебѣ вѣнчальнымъ куномъ.» Отдали ей по подарку и два другіе воеводы, а Миланъ Топлица обѣщалъ жениться на ней.

Но иная, кровавая свадьба предстояла имъ, и началась она съ раннаго утра, въ день Видовъ, 15 Іюня 1389 года. На зарѣ отошли три витязя отъ стана сербскаго, поодаль между собой разговариваютъ. Спрашиваетъ Милошъ: «Ну что, побратимъ мой, Иванъ Косайничъ? Высмотрѣлъ ли ты турецкое войско? Много ли войска у Турокъ? Можемъ ли мы съ ними рать держать, можемъ ли мы побѣдить Турокъ?» Отвѣчаетъ ему побратимъ Косайничъ: «Братъ

шой, Милошъ Обличъ! Выглядѣлъ я турецкое войско, куда какъ сильно оно! Обернись всё мы въ соль, не насолили бы Туркамъ одного завтрака. Долго, братъ, ходилъ я по орду ихъ: не нашелъ ни краю, ни счету.... Конь къ коню, молодецъ къ молодцу; боевые копыя словно лѣсъ черный, а знамена ихъ будто облаки, будто сѣни шатры ихъ. Упали съ неба дождь проливной, негдѣ бы лечь ему на землю черную, все попадалъ бы на добрыхъ коней и молодецъ.» Милошъ опять его спрашиваетъ: «Ты Иванъ, побратимъ мой милый! А гдѣ, скажи, шатеръ сильнаго Мурада царя? Я дагъ слово князю нашему, заколотъ Мурада, царя турецкаго, и ногою, стать подъ горло ему.» Косайничъ не могъ еще свыкнуться съ этой мыслию: «Потерялъ ты разумъ, побратимъ мой! Гдѣ шатеръ сильнаго царя Мурада? Ужъ извѣстно, посреди турецкаго сильнаго табора. Имѣлъ бы ты крылья соколовы, да палъ бы ты съ неба яснаго, и тогда бы твои перья назадъ мяса не вынесли.» Заклинаетъ его Милошъ: «Ой Иванъ, да ты братъ мой милый! Ты не родный братъ, а не меньше родимаго! Не могли ты князю такъ рассказывать: князь нашъ тому запечалится, наше войско все перепугается. А ты такъ скажи князю нашему: есть довольно, молъ, войска турецкаго, а сразиться съ нимъ все же можемъ мы и легко, можемъ одолѣть мы ихъ; потому что молъ, войско то не для бою снаряжено: все попы ихніе старые да калѣки переходяіе, все ремесленники да молодые барышники, кои бою не выдывали, а пошли, чтобы только хлѣбомъ кормиться гдѣ; а и что есть войска турецкаго, все то войско переболѣло у нихъ, отъ тяжкой боли-сердоболи; а добрые кони ихъ поболѣли конской болестью.» Такова была послѣдняя забота Милоша о спокойствіи остававшихся родныхъ товарищей; а они трое поклялись не разставаться, поклялись, и при разсвѣтѣ ринулись въ станъ турецкій.

А что происходило тамъ, въ другомъ станѣ? Тамъ, на канунѣ дня Видова, шелъ также горячій воинскій совѣтъ. Испытавъ храбрость Сербовъ, многіе Турки хотѣли пустить впереди войска верблюдовъ, и изъ за нихъ уже стрѣлять во врага. Покуда шла рѣчь о томъ, дунулъ вдругъ со стороны сербской сильный вѣтеръ и понесъ прахъ въ глаза Туркамъ. Страхъ овладѣлъ ими. Цѣлую ночь не спалъ Мурадъ отъ боязни: онъ стоялъ на молитвѣ и просилъ помощи у Пророка. И Пророкъ помогъ ему: на зарѣ пошелъ мелкій дождикъ, и праха не стало. Поднялись Турки, и только что разста-

вли ряды къ бою, какъ въ стайѣ вошли три сербскихъ витязя. Милошъ просилъ провести его къ царю, чтобъ повѣдать тайну; допущенный, онъ вошелъ въ шатеръ, поклонился, и вдругъ, выхвативши потаенный ножъ свой, схватилъ Мурада за ногу и распоролъ животъ ему. Предстоящіе обезпаятели; убійца свалилъ нѣсколько человекъ, выбѣжалъ изъ шатра къ стоявшимъ двумъ друзьямъ своимъ и бросился съ ними на коней. Но, чѣмъ быстрѣ лѣтели они, тѣмъ быстрѣ разносилась вѣсть по турецкому стану; сперва сотнями, а потомъ всею силой войска гнались враги за тремя Сербами. Правду молвилъ Косайничъ: и крыло соколиное не вынесло бы тѣхъ изъ такой густой чащи. Палъ Иванъ, палъ Милашъ Топлица. Милошъ такъ горячо отбивался, что кровь текла изъ обѣихъ ноздрей его. Три раза выскакивалъ онъ изъ толпы Турокъ на конѣ своемъ: и до нынѣ на полѣ Косовомъ помѣчены мѣста его отлетовъ; на 50 локтей лежитъ камень отъ каменя (1). Но конь споткнулся: его окружили Турки, сняли сѣдло и броню, и живаго Милоша привели предъ султана. Понинѣ стоитъ на Косовѣ полѣ модельня турецкая, тамъ, гдѣ пролилась кровь Мурада; съ тѣхъ поръ введенъ обычай, иновѣрца вводить къ царю не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ Турокъ, которые съ обѣихъ сторонъ его держали бы.

Что, если бы, въ эту минуту всеобщаго испуга враговъ, Сербы ударили на нихъ всею силой? Но вѣсть о пораженіи султана, разлетѣвшаяся по полчищамъ Турокъ, не перенеслась въ другой станъ; тамъ ходила еще другая, колебавшая всѣхъ до глубины сердца: Милошъ, краса сербскихъ героевъ, надежда отчизны, ушелъ на зарѣ къ Туркамъ, и увелъ съ собою двухъ друзей своихъ. Не могли повѣрить, чтобы онъ, по слову своему, рѣшился на подвигъ, явно стоявшій жизни; у всѣхъ въ умѣ была измѣна. Боязнь всѣми овладѣла до такой степени, что Лазарю предлагали сложить оружіе. Князь былъ непреклоненъ. Мавро Урбинъ передаетъ намъ рѣчь его, возбуждавшую ослабѣвшее мужество; была ли она въ самомъ дѣлѣ такъ длинна, едва ли; но только голосъ рѣшимости подѣйствовалъ сильно, и въ войскѣ сербскомъ раздалось — къ оружію! Сто тысячъ храбрыхъ, хотя втрое менѣе Турокъ, уставилось въ ряды. Трудно съ точностію наименовать вождей ихъ: многіе изъ самостоятельныхъ

(1) Камни эти называются въ народѣ «Милошева скакала». Другіе говорятъ, что онъ дѣлалъ скачки, опершись на длинное копье, но копье переломилось.

и сильныхъ владѣтелей Сербіи не пришли на бой, думая возвыситься бѣдою Лазаря, и сносясь съ западными сосѣдами, изъ коихъ Венеціанцы и Мадыары поздно должны были потомъ раскаяться въ своекорыстной полѣткѣ; не былъ и Шишманъ болгарскій, предварительно захваченный Турками. То вѣрно, что предъ лицомъ опасности стали изъ Сербовъ герои исторіи и сказаній эпическихъ, лучшій цвѣтъ народа, и въ челѣ ихъ Югъ-Богданъ съ сыновьями, да князь Лазарь предъ среднимъ полкомъ; изъ сосѣдей Албанцевъ Юрій Кастриотъ. Баязидъ, замѣнявшій отца Мурада, подалъ знакъ къ нападенію. Быстрый напоръ Турокъ встрѣченъ былъ Сербами такъ живо, что враги, немного спустя, начинали уже итѣаться; уже лѣвое крыло ихъ было пробито, уже видѣли многихъ бѣгущихъ; но запасный отрядъ, выдвинутый Баязидомъ, возобновилъ всю жестокость сѣчи. Пять часовъ она длилась, а никто еще не могъ рѣшить, куда склонится побѣда. Пора было Сербамъ освѣжиться новыми силами, пора даже проходила; изнуренныя силы истощались предъ многочислѣннѣйшимъ непріателемъ, а запаснаго ихъ отряда все еще не было видно. Въ эту минуту могъ все сдѣлать самый ничтожный случай. Лазарь бился въ первыхъ рядахъ; встопивши коня, онъ бросился искать другаго, и на мгновеніе скрылся отъ взоровъ, а уже прежде видѣли на немъ кровь. Довольно было Сербамъ, все войско смутилось. Напрасно уже появился князь снова, напрасно наирягалъ силы, стараясь удержать пошатнувшихся; враги подмѣтили случай, и ударили всѣмъ напоромъ. Не могло ничто возвратить Сербамъ порядокъ и мужество: гибли толпы бѣжавшихъ, не вернулся домой ни одинъ изъ героевъ, оказавшихъ чудеса отчаянной храбрости. Между ними одинъ изъ послѣднихъ поколебался Лазарь: когда все было проиграно, онъ пустилъ коня своего, бросился окольной тропинкой, но конь упалъ въ яму и завязъ въ ней. Турки привели его въ шатеръ султана: взоры князя встрѣтились со взорами того, кого оскорбилъ онъ именемъ измѣнника, со взорами нѣкогда горячо любимаго зятя Милоша. Оба стояли готовою жертвой. Мурадъ едва дышалъ, но пережилъ еще пораженіе Сербовъ, и достало у него послѣдней силы, пропознати смертный приговоръ Лазарю и Милошу.

Отчего же во время не подошелъ къ Сербамъ отрядъ запасный: неужели не распорядился оставить его за собою? Нѣтъ, онъ былъ, и простирался до 20,000: но во главѣ его стоялъ Вукъ Бранковичъ, и въ рѣшительную минуту онъ отвелъ назадъ свое войско. Если

другіе, какъ Милошъ, сдержали свое слово, сдержалъ и онъ свой планъ, свой характеръ, и прозвище, данное ему впервые на пиру Лазаря оскорбленнымъ героемъ: прозвище *невъры* — измѣнника Вукъ прильнуло на вѣки къ его позорной памяти. Есть и другое — *проклятый* Вукъ Бранковичъ. Ни владычество его потомковъ въ позднѣйшей исторіи, ни время, ни добродушіе славянское, ничто не въ силахъ заглушить понынѣ ту ненависть, которая кипитъ въ сердцѣ Сербъ при имени *невъры* и *проклятаго Вука*. Рассказываютъ, что онъ выговорилъ себѣ у Турокъ господства надъ половиной изложеннаго отечества, но скоро возбудилъ опасеніе и былъ удавленъ; по словамъ другихъ, вызвалъ его на поединокъ и убилъ банъ Зета (Черной Горы) и Приморья, не бывшій на Косовѣ, не смотря на родство съ Лазаремъ, но тѣмъ не меньше считавшій долгомъ отмстить измѣннику. Еще третье преданіе говоритъ намъ, что Вукъ, бѣжа отъ подозрительныхъ Турокъ, близъ Травника поглощенъ былъ развершейся землею; пропасть наполнилась тотчасъ водою и озеро зовется понынѣ «*Клокотъ Вуковъ*». Какъ бы то ни было, но только послѣ Косовской битвы Бранковичъ сгинулъ. Одни Турки были ему признательны: завладѣвъ впоследствии всею Сербіей, заботливо отыскивали они кости друга своего, въ Крушевцѣ поставили ему особую мошальню, и благоговѣнно палили въ ней свѣчи. Не забыли однако и Сербы: возставши подъ предводительствомъ Георгія Чернаго, чтобы выкупить свободу нынѣшняго княжества, они собрали въ Крушевцѣ прахъ ненавистный, подняли его на лопату, и разбросали по вѣтру.

Между явными врагами своего народа и своекорыстными оберегателями частныхъ областей на счетъ общаго блага, было нѣсколько и несчастныхъ Сербовъ, не поспѣвшихъ почему либо на Косово, лишенныхъ случаевъ завидной доли умереть вмѣстѣ съ другими за отчизну, и жить вѣчно въ ея благодарной памяти. Кромѣ названнаго Зетскаго бана, Балши или Балшича, таковъ былъ Мусячъ Степанъ, по преданію изъ Майдана, Пожаревацкаго округа; по самой отдаленности мѣста, простилъ народный эпосъ вину его, и потому не лишилъ чести другихъ подвижниковъ. На канунѣ Видова дня, пьетъ Степанъ вино въ Майданѣ чисто-серебряномъ, въ красномъ господскомъ дворѣ своемъ, и съ слугою своимъ бесѣдуетъ: «*Ванцѣна, дорогое мое чадо! Я хочу лечь соснуть; а ты ужинай, попей потому вина, да выдь вонъ передъ дворъ господской и посмотри на*

чистое ясное небо: не заходитъ ли свѣтѣль мѣсяць, не встаетъ ли на востокѣ звѣзда денница, и не время ли намъ будетъ отправляться въ путь, на Косово поле ровное. на то урочище князя честнаго, куда вмѣстѣ сговорились мы собраться? Потому что, знаешь ли, чадо мое дорогое, когда были мы на присягѣ, какво люто заклиналъ князь, заклиналъ насъ и грозилъ проклятіемъ: «Кто есть Сербинъ и сербскаго рода. и отъ сербской крови и колѣна, а на бой Косовскій не пришелъ бы,—не вмѣтъ бы ему дѣтища отъ своего сердца, ни мужскаго, ни дѣвическаго; отъ руки бы его ничего не родилось, ни вино рьяное, ни пшеница бѣлая; кануть бы ему лихомъ, въ родъ и родъ по колѣну!» Легъ Степанъ на подушки мягкія, а Ваистина поужиналъ, посмотрѣлъ передъ дворомъ на небо, видитъ—опустился свѣтѣль мѣсяць, а денница на востокѣ поднялася; воротился, осѣдлалъ коней двухъ ретивыхъ, для себя и господина; вынесъ шелковое, крестовое знамя, на которомъ знамени крестовъ двѣнадцать, всѣ кресты тѣ изъ чистаго золота, да икона святаго Ивана, «красно» имя Мусича Степана; прислонилъ то знамя возлѣ дома, и пошелъ онъ въ верхніе покои, разбудить въ путь господина. Только было онъ подходитъ къ двери, вдругъ жена степанова на встрѣчу, обняла его, поцѣловала: «Ваистина, будь миѣ братъ названный, вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ! Доселѣ ты былъ при миѣ слугою, а отселѣ пообратишь по Богу, вотъ какъ брата же тебя я умоляю: не могли будить ты господина: горькая, злой сонъ я сняла ночью; вижу, будто гнѣздо голубей вспорхнуло, впереди ихъ два сокола сивыхъ; и то было передъ самымъ дворомъ нашимъ, отселъ на Косово они полетѣли, пали — опустились межъ Муратовъ таборъ, и гдѣ пали, ужъ не динулися больше; то не даромъ, то на знаменье вамъ, братья; страшно, не загинуть бы вамъ въ бою.» А Ваистина въ отвѣтъ ей молвить: «Степанова жена, сестра дорогая! Не хочу, сестрица, учинять невѣрность, предъ моимъ и твоимъ господиномъ; ты не была на присягѣ сербской, не слыхала, какъ нашъ князь заклиналъ Сербовъ. Да невѣрность чинить и не смѣю, предъ твоимъ и моимъ господиномъ.» Взошелъ Ваистина въ верхніе покои, будить — пробуждаетъ господина: «Встаньте, время въ путь намъ отправляться.» Всталъ Степанъ на удалыя ноги, умываетъ свое лицо бѣло, надѣваетъ господскую одежду, припоясалъ окованую саблю; поднимаетъ потомъ чашу съ виномъ рьянымъ, напиваетъ эту чашу въ славу божью, въ славу красную и въ честь креста чест-

мѣго, напиваетъ онъ на добрый путь-дорогу, во дворъ своемъ, за столомъ своимъ,— въ первой и послѣдній. Вотъ выходитъ воевода передъ дворъ свой, на коней постѣли молодецкихъ, развили крестовыя знамена, ударили въ бубны и свирѣли, и двинулся съ Богомъ въ путь далекій. Забѣлѣлась уже бѣленькая зорька, къ полю Косову воевода подѣзжаетъ : а на встрѣчу имъ отъ Косова дѣвица, идетъ съ ведрами двумя пустыми : подъ пазухой высокая шапка, шапка молодецкая изъ бѣлаго шелку, а за шапкой повисъ пучекъ бѣлыхъ перьевъ : съ низу перья серебромъ залиты въ шапку, по срединѣ ихъ золотые переплеты, на верхушкѣ перенизанъ бисеръ. Спрашиваетъ дѣвушку воевода Степанъ Мусичъ : «Божья помочь, сестра дорогая ! Гдѣ это, душа, была ты на бою, гдѣ добыла ты бѣлошедковую шапку ? Дай-ка мнѣ, сестрица, посмотрю я, не узнаю ли, съ какого воеводы ? Ты не бойся, никому не расскажу я твою тайну, а клянуся тебѣ счастьемъ путь-дороги.» Съ поля Косова дѣвица ему молвитъ : «Мой привѣтъ тебѣ, княжой воевода ! Не была нигдѣ и нынче въ боѣ ; рано меня матушка будила, съ позаранку на рѣку мы ходимъ за водою ; какъ пришла я на Ситницу рѣку, рѣка течетъ мутно, словно въ поводѣ, носить въ волнахъ молодець и коней, носить чалмы бѣлыя и шапки Турокъ, шапки красныя и бѣлыя юнаковъ сербскихъ ; эту шапку къ берегу прибило, я полѣзла въ воду и достала ; у меня есть братъ, еще меня моложе : шапку я отдамъ моньшому брату, а самой мнѣ—молода я—любы перья.» Взялъ ту шапку княжескій воевода, только глянулъ, и узналъ, что съ князя. Поилился слезы по лицу Степана ; онъ ударилъ рукой по колѣну, какъ ударилъ,— лопнулъ чистый пурпуръ, разметѣлася на правомъ рукавѣ застежка : «Горе, горе мнѣ, о Боже милосердый ! Тяжко мнѣ, на мнѣ осталась клятва, клятва моего честнаго князя!» Шапку отдалъ въ руки онъ дѣвицѣ, и ей вынулъ три желтыхъ дуката : «На, возьми это себѣ, сестрица ; а я въ бой пойду на Косово поле, въ имя Иисуса пресвятое. Дастъ мнѣ Богъ, назадъ я ворочуся, подарю я тебя еще лучшимъ даромъ ; а погибну, помани меня монимъ подаркомъ.» Погоняли они коней поскорѣе, подоспѣли къ концу бою противъ Турокъ, и сложилъ тамъ голову воевода, и Вацлвна, и войска ихъ двѣнадцать тысячъ (1).

(1) По другому преданію, то былъ Радичъ, воевода Захолмья и Далмацин : онъ подоспѣлъ къ Вучитриу, на Косово, когда уже Сербы были разбиты, погибъ Лазарь ; услышавъ о томъ, онъ пронанлъ себя мечемъ, а войско вернулось по домамъ.

Такъ завершился бой Косовскій, одинаково упорный даже и въ то время, когда Сербы уже дрогнули, ибо они не сдавались, въ самомъ побѣгѣ отбиваясь отчаянно; и вотъ почему главнымъ образомъ такъ мало вернулось ихъ домой, а изъ лучшихъ даже никто. Чтобы постигнуть степень жестокости битвы, довольно было послушать Турокъ, которые увѣряли, будто бы съ ними дралось 500,000 Сербовъ: такъ, стало быть, каждый Сербъ, на самомъ дѣлѣ стоявшій въ одиночку противъ трехъ Турокъ, казался послѣднимъ пятью Сербами. Историки турецкіе, бывшіе сами въ сраженіи или слышавшіе отъ участниковъ, описывали такъ бой Косовскій: «Отъ бряцанья оружія, храпѣнья коней и людскаго крику многіе такъ перепугались, что едва тутъ же не умерли. Можно бы сказать, что это дза моря промежду себя поссорились и бились. Коней съ обѣихъ сторонъ было такъ много, что ногами ихъ можно было бы наполнить и остановить какую угодно рѣку. Всякой думалъ, что стрѣлы съ неба вмѣсто дождя и града падали и ничего не было слышно, кромѣ какого-то треска. Отъ страха дикіе звѣри валялись на землѣ. Наконецъ и ангелы на небесахъ, кои постоянно Бога славятъ, вострепетали предъ сею сѣчей и прекратили свои пѣснопѣнія. Христіане разъярены были какъ самое жаркое поломя.»

Но здѣсь еще не кончается Лазарича; скошенъ былъ лучшій цвѣтъ сербскаго народа, то, чтѣ было, по выраженію пѣсень, «все свято и честно и къ милосердому Богу доходно»: а рука Судьбы, отяготѣвшая надъ Сербіей, продолжала роковой вѣстью всеобщей гибели добивать оставшіяся дома семейства героевъ. Когда старецъ Югъ-Богданъ отправился съ сыновьями на Косово, старуха жена его стала на молитву предъ Богомъ. Она молилась, говорить пѣсня, да дастъ ей Господь очи соколовы и крылья лебединыя, чтобы полетѣть ей на мѣсто побоища, поглядѣть на старика своего и девять сыновей молодцовъ. И далъ ей Богъ по молитвѣ: прилетѣла она на Косово, видитъ мертвыхъ девять Юговичей, видитъ старика простертаго; а надъ ними копыа боевыя, девять коней ходятъ тамъ на волѣ, девять соколовъ падъ ними вьются, девять хищныхъ звѣрей ждуть добычи. Но мать старая сдержала свое сердце, и слезъ отъ сердца не пустила. Воротилась она домой во дворъ бѣлый; издалека свекровь снохи углядѣли, вышли они изъ дому на встрѣчу, всѣхъ ихъ девять, какъ кукушки они горько куковали, плакали и дѣти ихъ сироты: но мать старая сдержала свое сердце, и слезъ отъ

сердца не пустила. Вотъ въ конюшнѣ, слышится съ полночи, ржетъ Зеленко, конь любимый одного изъ Юговичей, конь Демьяна. Спрашиваетъ мать жену Демьяна : «Ты сноха моя, жена Демьяна? Что такое, ржетъ у насъ Зеленко? Али голоденъ, и хочетъ бѣлой овъ пшеницы, али жаждетъ воды съ подъ Звечана?» Отвѣчаетъ та : «Не голоденъ Зеленко и не жаждетъ ; приучилъ его Демьянъ до полночи кормиться, а съ полночи выѣзжать на путь широкій : и жалѣетъ конь былаго господина, что не вынесъ его на себѣ изъ боя.» А и тутъ мать старая скрѣпилась сердцемъ, и слезъ отъ сердца не пустила. Вотъ и утро, бѣлый день свѣтаетъ : по небу два врана-гаврана летаютъ, по плеча покрыты крылья кровью, и на клювъ ихъ пѣна бѣлая пробилась ; отъ какого то юнака носить они руку, на рукѣ остался перстень золоченый : бросилъ ту руку матери на груди. Приняла старуха, и вертитъ ту руку, перевернетъ и на нее смотреть, и зоветъ вдову, жену Демьяна : «Подойди-ка, сноха дорогая, чья это рука, можетъ — ты узнаешь?» «Охъ свекровушка, старуха-мать Демьяна! То рука вѣд. нашего Демьяна: знаю, матушка, его я перстень, перстень былъ со мною на вѣчаньѣ.» И беретъ старуха снова руку, и вертитъ ее, и перевернетъ, и потомъ тихоховько ей шепчетъ : «Ты рука моя, ты яблоко зеленое! Гдѣ росло ты, яблоко, гдѣ сорвано? А росло ты на груди моей, а ты сорвано на полѣ Косовѣ.» Напряглась старуха мать, не вынесла, и упала она бездыханною, за своими девятью Юговичами, за десятымъ старикомъ своимъ Югомъ-Богданомъ.

Въ Мачвѣ, въ окрестностяхъ горы Цера, или въ Поцеринѣ, въ Шабачкомъ округѣ, есть село Двориште, и близь него развалины, называемыя Милошева конюшняца : здѣсь-то, говорятъ, были дворы Милоша Обилича ; здѣсь же небольшая рѣчка Нечая или Нечай, и возлѣ Пусто-поле. Милошева мать пасла на рѣкѣ этой овецъ, какъ вдругъ явился вѣстникъ съ Косова, и сказалъ ей : «*Не чай* (не дождайся) больше, мать Милоша! Отгони овецъ на то *пусто поле*: погибъ вчера Милошъ!» Нечего прибавлять, перенесла ли мать смерть такого сына.

И Милица, жена Лазаря, дождалась роковой вѣсти. Мы оставили ее, когда безъ чувствъ отнесли ее и положили на узорчатой башнѣ. Вотъ забѣлѣлъ уже другой день, какъ два вѣщихъ ворона прилетѣли съ Косова и опустились на башню княжескую. Одинъ каркаетъ, другой приговариваетъ : «Да вѣдъ это башня славнаго князя Лазаря?

«Али никого и нигдѣ нѣтъ на ней?» Точно, въ башнѣ никто не слышалъ того; услыхала только Милица, вышла она и спрашиваетъ: «Ой вы, два вѣщихъ ворона! ради Бога вы повѣдайте: вы откуда прилетѣли утромъ пылѣвшими? Не съ того ли вы поля Косова? Не видали ль вы двухъ сильныхъ ратей, и ударились ли въ бой онѣ, и которая одолѣла рать?» Провѣщаютъ ей два ворона: «По Богу мы скажемъ тебѣ, Милица! Утромъ прилетѣли мы отъ Косова, сильныхъ войска два мы видѣли, еще вчера они сшиблися; въ тѣхъ войскахъ оба царя сгнули; отъ Турокъ кое-что осталось, а изъ Сербовъ что и осталось, то все ранено и окровавлено.» Только что вороны въ той рѣчи были, какъ подъѣзжаетъ слуга Милутинъ: правую руку свою держитъ онъ въ лѣвой; на немъ самою семнадцать ранъ, а весь конь покрытъ кровію. Говоритъ ему Милица: «Что это, несчастный ты, Милутинъ слуга? Что вернулся ты, али выдалъ ты царя на Косовѣ?» Отвѣчаетъ слуга: «Постой, государыня, сними ты меня прежде съ коня моего, ты умой меня водою студеною, ты залей меня краснымъ виномъ: одолѣли меня раны тяжкія.» Царица сняла его и дала оправиться; какъ вздохнулъ онъ, спрашиваетъ она о судьбѣ вонтелей. Тутъ слуга началъ разсказывать: «Всѣ, государыня, остались на Косовѣ: гдѣ изложено славный князь Лазарь, много копьевъ тамъ изломано; а все больше копья сербскія, чѣмъ турецкія,—Сербы защищали государя своего, Лазаря; а Югъ, государыня, въ самою началъ погибъ, въ первой сшибкѣ; убито и восемь Юговичей, потому что не хотѣлъ выдать братъ брата, пока хоть одинъ изъ нихъ двигался; но остался еще Бошко Юговичъ: крестовое знамя его вьется по Косову, разгоняетъ еще онъ отряды турецкіе, какъ бы соколъ разгонялъ птицъ голубей; гдѣ погрязли въ крови до колѣна, тамъ погибъ Страхиня бановичъ; а Милошъ, государыня, палъ при студеной водѣ Ситницѣ, и вокругъ его много Турокъ полегло; Милошъ убилъ Мурада, царя турецкаго и враговъ несметное множество. Богъ да проститъ грѣхи тому, кто родилъ его! Онъ оставилъ память роду сербскому: будутъ говорить и разсказывать, пока есть люди и есть Косово! А что спрашиваешь о проклятомъ Вукѣ, проклять будетъ и тотъ, кто родилъ его! Проклято ему, и племя, и колѣно! Выдалъ онъ царя на Косовѣ и отвелъ съ собою двѣнадцать тысячъ лютыхъ панцырниковъ.»

Были и другія связи съ героями падшими, не менѣе тѣсныя;

были другія отношенія, которыхъ также не забыла сербская поэзія. Та бѣдная дѣвушка, съ которой перемолвила три сербскихъ воеводы на церковной паперти послѣ святаго причастія и передъ окончательнымъ своимъ подвигомъ, не могла забыть ихъ ласки и общанія. Она слышала о битвѣ, дождалась Воскресенья, и поднялась рано-хонько, прежде яркаго солнца; засучила она рукава свои бѣлые на локоть, положила на плечи хлѣба бѣлаго, взяла съ собою двѣ чаши, одну съ водой студеною, другую съ краснымъ виномъ; и ходитъ она, молодая, по побойшу, перевертываетъ лежащихъ въ крови молодыхцевъ; кого въ живыхъ еще найдетъ, умываетъ его водицей студеною, даетъ выпить вина краснаго, бѣлымъ хлѣбомъ закусить даетъ. И нанесла ее удача на Павла Орловича, еще живъ онъ: правая рука его отсѣчена, лѣвая нога по колѣно, ребра витыя переломаны, и глядитъ изъ нихъ внутренность; вытащила его дѣвушка изъ крови густой, освѣжила его, и, какъ занграло сердце въ молодцѣ, началъ онъ ее спрашивать: «Сестра дорогая, Косовка дѣвушка! Что тебя за тяжкая нужда привела, перевертывать по крови молодыхцевъ? Или ищешь ты кого, молодая, на побойщѣ? Или брата, или кого братняго, или стараго родителя?» «Нѣтъ, мой братъ, удалецъ незнакомый! Не ищу я никого изъ родныхъ ни брата, ни братняго кого, ни стараго родителя.» И рассказала она про встрѣчу съ тремя воеводами: «вотъ ихъ—то трояхъ и ищу я по побойшу.» Говоритъ ей Орловичъ Павелъ: «Сестра дорогая, Косовка дѣвушка! Видишь, душа, тѣ боевыя копья, которыя повыше и погуде? Тамъ канула кровь молодецкая, доброму коню до стремени, а молодцу до шелковаго пояса; тамъ—то пали всѣ трое. А ты идь-ка къ своему двору бѣлому, не кровавъ ты рукава и полы свои.» Какъ тѣ рѣчи дѣвунка выслушала, пролила она слезы по лицу бѣлому, и пошла она, бѣдная, къ двору своему, кукушкою причитаетъ она: «Ахъ и горемычная, горькая! Пала мнѣ доля недобрая! Да когда бы я, горькая, и до зеленаго бору коснулась, и тотъ бы посѣхъ, боръ зелѣнь!»

Счастливей былъ тотъ, кто не пережилъ Косовскаго боя; а кто пережилъ, видѣлъ только горе за горемъ. Шестнадцать еще лѣтъ прожила Милица послѣ мужа своего, чтобы нести тяжесть правленія въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, чтобы видѣть сына своего Степана въ зависимости отъ Турокъ или въ тѣсномъ союзѣ съ ними, отдать младшую дочь свою Милеву Баязиду, а по-

томъ въ добычу Тамерлану, наконецъ чтобы окончить жизнь свою въ схимѣ, въ молитвѣ и тяжелыхъ воспоминавіяхъ о быломъ. Витѣ съ войсками сербскими и правителями, Марко Королевичъ участвовалъ въ походахъ Турокъ, нашелъ смерть въ битвѣ съ Волохами и погребеніе внѣ родныхъ краевъ отчизны. Правители, почему либо усторонившіеся отъ Косовской битвы, съ каждымъ годомъ и шагомъ Турокъ видѣли, какъ исчезала независимость ихъ владѣній. Отъ мѣсть, бывшихъ сердцемъ государства, хранилищемъ родныхъ преданій и дорогихъ воспоминавій, отодвигаются предѣлы сербской власти все далѣе и далѣе, до самого Дуная, сѣуживаясь и въ объемѣ, и въ значеніи. Не даромъ народъ прозвалъ Косовскую битву «пропастью царства сербскаго»: царству нанесенъ былъ рѣшительный ударъ; не только государи сербскіе, даже правители областей и крупные владѣтели постепенно сходятъ съ исторической сцены; Турокъ встрѣчаютъ уже не единое государство, не единая какая либо область, но только собственники, болѣе или менѣе сильные и богатые; мало по малу и они исчезаютъ: тамъ, гдѣ останавливается шагъ Турка, образуются крайны или *крайны*, и на нихъ собираются удалые *краишники*, потомъ всюду хайдуки, и наконецъ собственно народъ сербскій, безъ различія древнихъ родовъ, сословій, вѣи, лучше, какихъ либо правъ, подъ единымъ турецкимъ игомъ, съ воспоминавіями о быломъ царствѣ, и съ Лазарицей — о его *прониастии*. Но когда окончательно разложились всѣ формы государства древняго, въ массахъ оставалось безпрепятственно дѣйствовать народной сущности, тому народному духу, который имѣлъ время сосредоточиться, за разложеніемъ всякой внѣшности собрать свои силы къ единой внутренней жизни, такъ молвить — сгуститься въ ней, чтобы потомъ вспыхнуть при первомъ поводѣ, и развитъ изъ себя уже новое богатство явленій. Такъ единственно себѣ самому и основанъ своей духовной жизни обязанъ былъ народъ, когда послѣднимъ возстаніемъ возсоздалъ нынѣшнее княжество сербское; и въ этомъ дѣлѣ конечно весьма важное участіе приняла поэзія сербская, хранившая въ себѣ былое, въ живыхъ типическихъ образахъ, въ представленіяхъ, очищенныхъ и утонченныхъ изяществомъ, въ одухотворенныхъ возрѣвіяхъ на жизнь народную, на ея основы и начала. Теперь не грозитъ уже Сербамъ борьба въ кругѣ прежняго порядка вещей, борьба съ Греціею, все таки по крайности православною, или съ турецкою внѣшнею силою: пѣсни о Георгіѣ Черномъ, Ми-

люди Обреновичи и ихъ товарищахъ составляютъ послѣднее заключеніе, отключивъ на минувшее, и становятся переходомъ къ новому, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго княжества. Сербы воспитались горькимъ опытомъ духовной жизни, и сообразно тому вступаютъ въ возможность иной, болѣе духовной и нравственной борьбы, борьбы противъ тѣхъ покушеній на жизнь нравственную и духовную, которыя то вѣдаются въ нее среди Бѣлграда, то заманиваютъ ее для своего тѣннiя въ Вѣну, то снуютъ между той и другой столицей на дунайскихъ пароходахъ. Что будетъ отсюда въ исторіи, какъ откликнется пѣсни ?

Какъ исторія отдѣлила для Сербовъ судьбу ихъ государства отъ судьбы царства народнаго духа, царства внутренняго, такъ и Лазарица въ своемъ заключеніи провела тоже дѣленіе, и надобно было значительно созрѣть простому творчеству народной пѣсни, чтобы уиоминать объ этомъ различіи царства земнаго, отъ царства духовнаго, существеннаго, вѣчнаго. Лазарица говорить о боѣ Косовомъ: «Ту су Срблн изгубили царство честнитога цара земальскога», потеряли царство земное (1). Но оставалось другое, высшее, и Лазарь явился и здѣсь выразителемъ: предавши на гибель тѣло свое и временную жизнь царскую, стяжалъ онъ царство небесное, и причисленъ церковію къ лику святыхъ сербскихъ. Вотъ какъ разсказывается въ пѣснѣ обрѣтеніе главы Лазаря: «Когда Лазарю главу отсѣкли на красномъ полѣ Косовомъ, никого изъ Сербовъ при этомъ не было; а случился тутъ одинъ Турокъ молодой, Турокъ онъ, а родился отъ цѣлнницы племени сербскаго. Молвить онъ: «Турки, дорогіе братья мои! Вѣдь это глава государева; грѣшно передъ Богомъ единымъ, если будутъ ее клевать орлы и гавраны, топтать кони и молодцы.» Взялъ онъ главу Лазаря, завилъ въ полу одежды своей, и принесъ ее до кладенца, и спустилъ главу въ воду кладенца. Глава стояла тамъ, а тѣло прекрасное лежало на Косовѣ, и не ѣли его орлы, ни гавраны, не топтали ни кони, ни молодцы. Милосердый Боже, на всемъ тебѣ слава! Поднялись молодые повозники отъ Скопья бѣлаго города, везутъ они Грековъ и Болгаръ, а ѣдутъ въ Нишъ и Видинъ, и на Косовѣ ночевать становятся. Поужинали они и пить захотѣли; зажгли фонарь, свѣчу ясную, и ищутъ воды по Косову. Навела ихъ удача на воду кладенца; говорить

(1) Собственно: потеряли царство честнаго цара земнаго.

Одинъ : «Смотри-ка, въ водѣ мѣсяцъ блещетъ» ; говорить другой : «**нѣтъ**, братья, не мѣсяцъ это». Третій молчитъ, ничего не молвить, а обернулся онъ на Востокъ, да и помянулъ Бога истиннаго и святаго Николау : «Помози, Боже, и отче Никола!» Полѣзъ въ колодець и досталъ главу Лазаря, и сложилъ на траву. Какъ по очереди напались воды они, глядя на землю — а главы нѣтъ, сама черезъ поле отошла она къ тѣлу и приставилась, какъ прежде была. Утромъ созвали духовенство, и молить духовенство почившаго, куда пзволить онъ возлечь, въ какую задужбину : не изволить онъ въ чужую, а въ свою—красную Раваницу, что построилъ Лазарь еще при животѣ своемъ, на поминъ душъ своей, на своемъ хлѣбѣ и на деньгахъ своихъ, а безъ слезъ сиротскихъ.— Когда совѣтъ возобладали Турки, тѣло Лазаря перенесено было въ Сремъ, въ монастырь на Фрушкой горѣ (Врдиакъ), получившій отъ того также имя Раваницы. Память его празднуется въ день Косовскаго боя, въ Видовъ день, 15 Юня.

И. Безсоновъ.

1856, Ноября 22.

ОТВѢТНЫЯ ПИСЬМА

М. П. ПОГОДИНУ (*).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вчера прочелъ я твой отвѣтъ на мои Филологическія письма. Послалъ еси, господине, великую тучу художества своего, — и сказалъ подь конецъ, что ты на меня *сердить*.... Ты сердншься. Юпитерь; слѣдственно неправъ!

1. Посуди самъ: правъ ли ты, напримѣръ, когда, ради своего превосходства передо мною, говоришь: «Кіевскую лѣтопись я зналъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ, и не имѣлъ понятія ни о какихъ лѣтописяхъ.» Или ты не вспоминалъ, что мы съ тобою, въ 1820—21 году, на однихъ скамьяхъ слушали лекціи профессора Гаврилова, читавшаго и толковавшаго намъ лѣтопись *Нестора* (помнишь комедію о *Корлязлахъ*!)? Или ты забылъ росписку о монихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ книгахъ, оставшихся въ Москвѣ у автора «Исторія Русскаго народа», между которыми была и лѣтопись *Нестора* 4-го изданія, съ собственноручными поправками *Ермолаева*? А Кіевскую лѣтопись мы всё грѣшныя знали долго — только изъ Исторіи Карамзина. Ботаника не мѣшала мнѣ заниматься Русскою Исторіею и Русскою Словесностію.

2. Ты говоришь: «Статья твоя прекрасна, но нисколько для меня не убѣдительна». Жаль; лучше бы мои письма были не прекрасны,

(*) М. П. Погодинъ напечаталъ, въ IV книгѣ Р. Бесѣды, возраженіе противъ Филологическихъ писемъ М. А. Максимовича (III книга Р. Б.), который теперь, съ своей стороны, отвѣчаетъ ему.

да для тебя убѣдительно; ибо я для того и потрудился написать ихъ, чтобы убѣдить тебя въ неосновательности твоей нововымышленной системы, и возвратить тебя къ прежнимъ утвержденіямъ, въ которыхъ во многомъ я съ тобою за одно. Для того-то я въ письмахъ и привелъ тебѣ прежнія утвержденія о глубокой древности малороссійскаго народа въ кievской «русской землѣ», объ очевидныхъ слѣдахъ малороссійскаго нарѣчія въ языкъ Несторовой и Кievской лѣтописей,—утвержденія, противъ которыхъ цынѣ ты уже возсталъ и заговорилъ иное!.... Ты укоряешь меня за это напоминаніе прежняго твоего вѣрованія, и говоришь, будто я слѣлалъ это только для *эфекта*. Напрасно! Ты могъ бы еще сказать это, если бы я откопалъ какіе-нибудь молодые ученые грѣшки, изъ твоихъ сочиненій студентскихъ, кандидатскихъ, даже адъюнктъ-профессорскихъ. Но я ограничился тѣмъ, что написано перомъ *академика-Погодина*, не раньше 1845 года.

3. Нельзя сказать и того, чтобы мои письма были для тебя *ни сколько* неуубѣдительно: на первый разъ и того довольно, что, по моему указанію на шишковское *тожество* русскаго языка съ церковнославянскимъ, эта филологическая мечта потеряла для тебя свою *новость*, и что, послѣ моего разбора твоихъ доказательныхъ выписокъ изъ Нестора и Кievской лѣтописи, ты увидѣлъ уже, что тѣ *слова* и *обороты*, которые ты выставилъ было, какъ «*явно не-малороссійскія* и *не церковныя*, но *чисто великороссійскія*», увидѣлъ уже, что онѣ не таковы! И когда я моимъ разборомъ сбилъ эту грозную рать 72-хъ выписокъ твоихъ и отнялъ у нихъ доказательную силу, ты почувствовалъ себя *безоружнымъ*; и теперь укоряешь меня, за чѣмъ я не разобралъ утвержденій Срезневскаго и Лавровскаго, а взялся за тебя, такого, де—, «*простодушнаго Великороссійянина*, что самъ открылъ свою грудь подъ удары, и явился на поле сраженія *безоружный*, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые, «*сѣдше съ конь, и порты и сапогъ сметавше, боси носкочиша*». Но за чѣмъ же выскакивать на поле ученой битвы въ такой античной наготѣ? Легко можно попасть въ «*баню древяну*», какъ написано о древнихъ предкахъ Новгородцевъ: «*п будутъ нази, и облюются квасомъ усніянымъ, и возмутъ на ся прутье младое*».

4. Ты все таки повторяешь, что мнѣ *должно* было, по твоему вызову, опровергнуть сперва утвержденія Срезневскаго и Лавровскаго; и непремѣнно хочешь, чтобы у меня съ ними завязался

«горячій споръ». Старыя штуки! Я погнался за тобою, а ты говоришь мнѣ: «Лови вхъ!» А если тебѣ непременно хочется опровергнуть ихъ утверждения, и не хочешь этого слѣлать самъ, можешь наравить и направить кого-либо изъ своихъ *молодыхъ* друзей науки, которыхъ ты преимущественно имѣешь въ виду среди своихъ работъ, на пользу которыхъ ты потрудился и надъ отвѣтомъ своимъ мнѣ. Но ты напрасно даешь такой толкъ, что я потому взялся за разборъ твоихъ новыхъ утверждений, что мнѣ *легче* было справиться съ тобою, какъ ты называешь себя, *диллетантомъ* въ филологіи, чѣмъ съ тѣми двумя записными *филологами*. Впрочемъ, когда эти, записные по тебѣ, филологи напишутъ что-либо въ пользу твою, я не убожсѣ, ниже смущуся, и имъ сказать, и доказать (конечно, можетъ быть, не для нихъ, а для общихъ судей нашихъ, незрящихъ на лица), что найду въ ихъ писаніи несогласнаго съ истиной, на которую ты посягнулъ первый. Или, если не я, то кто-либо другой, поклонникъ ея, а не какой ни есть *манія*, идетъ ли она съ сѣвера, или юга, съ запада, или востока, все равно.

Мнѣніе Срезневскаго и Лавровскаго, будто малороссійское нарѣчіе и малороссійскій народъ обьособились отъ великороссійскаго нарѣчія и народа уже послѣ нашествія татарскаго, а въ до татарское время еще не существовали, ты напрасно объявилъ за *совершенно новое*, никогда никѣмъ прежде у насъ неслезанное, — и удивился, какимъ образомъ не произвело оно *волненія* въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ, въ минуту своего произношенія, — удивился, какимъ образомъ «все наши профессеры русской словесности и славянскихъ нарѣчій не сочли своею обязанностію произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить оное».

Это твое двоякое удивленіе о равнодушіи всѣхъ нашихъ профессоровъ и о спокойствіи учено-литературнаго міра произошло опять отъ того, что ты не слѣдилъ за *исторіею* мнѣній о русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, и старое принялъ за новое. А что оно существовало у насъ задолго до разсужденій Срезневскаго и Лавровскаго, то и они тебѣ подтвердить могутъ. Съ своей стороны, для твоего успокоенія, я приведу тебѣ три примѣра. Гречъ, въ «Пространной грамматикѣ», и еще прежде въ «Опытѣ исторіи русской литературы», 1822 г., на стр. 13, опредѣлительно говорилъ: «Малороссійское нарѣчіе *родилось* и *усилилось* отъ долговременнаго владычества Польсково въ югозападной Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ

польскииъ». Будучи профессоромъ русской словесности, я возражалъ противъ этого мнѣнія Гречу, въ моей «Исторіи древней русской словесности» 1839 г. (см. стр. 100).

Грамагинъ, въ своемъ достопамятномъ изданіи Игореваго пѣсни 1822 г., говоритъ: «Что за областныя нарѣчія? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ *малороссійскаго* или *украинскаго*, и развѣ *блѣнорусскаго*, *составившихся*, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи, вскорѣ *посль нашествія Татарь*» (стр. 85).

Сахаровъ, въ своемъ пространномъ предисловіи къ «Слову о полку Игоревомъ,» (1839), въ возраженіе Давыдову, говоритъ: «Это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которыя они приписываютъ *нарѣчію малороссійскому*, *еще тогда несуществовавшему*» (т. е. въ XII в.).

А вотъ примѣръ постарѣе: Симоновскій, щегольнувшій *новостью* мнѣній въ 1765 году (въ своемъ «Краткомъ описаніи о малороссійскомъ народѣ»), говоритъ: «Разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда восплѣдовала, когда они (т. е., *Малороссіяне*) пришли во владѣніе литовское и польское».

Что я не уклонялся и не уклоняюсь отъ самой крѣпкой филологической силы тому, во свидѣтельство, напомину тебѣ мои возраженія на разныя утверженія Добровскаго, Павскаго и другихъ; смотри ихъ въ «Начаткахъ русской филологіи». А что ты даешь еще такой толкъ, будто я захотѣлъ тебѣ *отмстить*, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, за варяго-норманскую схватку, то вотъ это ужъ напрасно: у меня и въ помысленіи не было объ отищеніи; не то, я сдѣлалъ бы это еще за десять лѣтъ, по выходѣ твоихъ «Исслѣдованій», 1846 года. Удобнѣйшаго случая и ожидать было не можно. Да и зачѣмъ приписывать мнѣ небывалое побужденіе?... Во мнѣ совѣтъ нѣтъ того *дубильнаго начала*, чтобы пять или десять лѣтъ выжидать *удобнаго случая* для отищенья. Мои варяжскія схватки съ тобою, въ 1841 году за славянство Русь, а въ 1845 году за славянство Игореваго пѣсни, были полюбовною борьбою съ товарищемъ молодыхъ лѣтъ monkъ; такъ и теперь, когда ты шевельнулъ меня вызовомъ на Срезневскаго, мнѣ захотѣлось тряхнуть старинной и побороться съ тобою, еще въ третій, можетъ, уже послѣдній разъ. Вотъ одно изъ нѣсколькихъ побужденій, по которымъ я взялся за перо, чтобъ написать филологическія письма къ тебѣ, а не отищеніе тебѣ, и не робость состязанія съ филологами.

5. Другимъ, и главнымъ, момъ побужденіемъ было то, что ты, предлагая свою новороссійскую систему, пригласилъ *филологомъ* разобрать ее, по правиламъ ихъ науки, и *поскорѣ* подвергнуть твои новыя мысли филологическому *суду*, и дать имъ—«утверженіе или осужденіе». И я, считаясь, между прочимъ, и филологомъ, поспѣшилъ подвергнуть своему суду новыя мысли твои, и, на найдя ихъ совмѣстными съ современными состояніемъ и требованіемъ, уже сложившейся и возрастающей, науки нашей, и не могши по совѣсти дать новымъ мыслямъ твоимъ ни малѣйшаго утвержденія, положилъ своимъ мнѣніемъ: *осудить* твои новыя мысли на заточенье, въ Дѣвичь-польской грядницѣ бывшаго русскаго дряхлехранителя, «дожде солнце сіяетъ и мѣръ стоитъ». Мнѣніе это препроводилъ я въ общее собраніе «Русской Бесѣды», которая, «цѣлая ученая достоянства Филологическихъ писемъ,» напечатала ихъ во всеобщее извѣстіе. Вслѣдъ за тѣмъ «Бесѣда» обнародовала и твой оправдательный *Отвѣтъ*. А рѣшеніе этому дѣлу послѣдуетъ не отъ тебя, и не отъ меня, а положено будетъ *общимъ мнѣніемъ* старыхъ и молодыхъ друзей нашей науки.

6. Ты называешь мои письма «небезпристрастнымъ разсужденіемъ о дѣлѣ, но «*пристрастною* антикритикою»; называешь способъ моего разбора «методомъ телеграфическимъ», и говоришь о себѣ: «Я не Телеграфъ, а Московскій Вѣстникъ и Москвитянинъ!» Но вѣдь и я не *Телеграфъ*, а только помѣщалъ, между прочимъ, и въ немъ свои разборы, также какъ ты печаталъ свои статьи въ «Библіотекѣ для чтенія, не будучи ею. Что же касается до *Москвитянина* твоего, то развѣ не въ немъ преимущественно я печаталъ свои статьи, отъ начала его и до послѣдняго его года (а впрочемъ, за смерть его не ручаюсь: это тебѣ лучше всѣхъ извѣстно), до моего «Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ?» И такъ меня можно упрекать скорѣе Москвитяниномъ, чѣмъ Телеграфомъ. Въ Москвитянинѣ я почти исключительно помѣщалъ свои статьи, преимущественно критическаго характера, и всѣ до одной съ подписью моего имени, во моему неизмѣнному правилу, ничего не печаталъ безъименно:

«И по тому, и по тому—

Вамъ подношу и посвящаю!...»

Ты нѣсколько разъ въ отвѣтѣ хвалишься своимъ *примернымъ безпристрастіемъ*, а меня обвиняешь въ *пристрастіи*, и, по поводу еще неизвѣстнаго, гениальнаго «молодаго человѣка Г.», — ты

говоришь мнѣ: «Видишь ли мое *безпристрастіе*? А ты все тотъ же *ширый Малороссіянинъ*, какъ былъ и прежде».

Вонъ оно куда пошло!

Говорилъ старикъ нашъ Брянцевъ,

Прозрѣвая сквозь стекло

Въ темну мудрость иностранцевъ.... (1)

7. Видишь ли, что твое прииѣрное безпристрастіе дѣлаетъ меня даже импровизаторомъ! Ты не воздержался даже огласить мой кабинетный споръ съ тобою о разореніи Кіева въ 1169 году.... Но что я «ширый Малороссіянинъ» и теперь, какъ прежде, и буду даже до смерти, это очень естественно; я не отъ рода варяжска, а отъ малороссійскаго,—и люблю Малороссію, люблю языкъ ея народа, и пѣсни его, и его исторію, какъ во времена *княжескія*—отъ Аскольда до Симеона, такъ и во времена *гетманскія*—отъ Ланцкоронскаго до Разуновскаго. Что я люблю нашъ первопрестольный *Кіевъ* больше, чѣмъ ты, это также естественно: ибо, питая къ нему любовь *общерусскую*, и ближайшую къ нему любовь—*малороссійскую*, — я люблю его еще какъ *родину моего рода*; тамъ, на горахъ, лежатъ кости прадѣда моего, и его прадѣда, *Максима Печерскаго*. У меня и теперь болятъ сердце, когда читаю въ Кіевской лѣтописи: «и грабша за два дни весь градъ, подолье и гору, и монастыри, и Софью, и десятинную Богородицу: и не бысть помидованія никому же ни откуду же, церквамъ горящимъ, хрестьяномъ убиваемымъ, другиямъ вяжемымъ.....» и т. д. Важнѣе починъ дѣлу; но мнѣ досадно и на всѣхъ послѣдующихъ разорителей Кіева — на Рюрика, Батыя, Менгли-Гирея, Радзивила. Профессоръ Орнатскій въ Москвѣ: спроси хоть у него, какъ я говорилъ, 1837 года, о роковомъ нашествіи Батыя на Кіевъ, въ моей торжественно-университетской «Рѣчи объ участіи и значеніи *Кіева* въ общей жизни Россіи». Потому-то мнѣ чрезвычайно странно было увидѣть нынѣшнее твое новомысліе о малороссійскомъ народѣ, что, вопреки всѣмъ основаніямъ историческимъ, вопреки многовѣчному преданію народному, и вопреки за-

(1) Семидесятилѣтній профессоръ Брянцевъ (ум. 1821 г.) читалъ метафизику, держа передъ собою тетрадь лѣвою рукою, во все ея протяженіе, а правой рукою поводи передъ собою большое увеличительное стекло, сквозь которое намъ, слушателямъ, глазъ его представлялся всевеличіймъ окомъ. Прочтеть бывало: «Безусловное условіе всякаго условнаго,» или иную мудреную фразу, да и примолвить:

«Вонъ оно куда пошло»

служенному профессору русской истории, Погодину,—ты нынѣ отнимаешь у *малороссійскаго народа*, слѣдственно и у меня, *первую* и лучшую половину его *исторической жизни*, выживаешь его из родной «русской земли» куда-то въ Карпаты или подъ Карпаты, на все до-татарское время,—и перекидаешь его оттуда на Днѣпръ уже послѣ Батыя. И когда я прочелъ въ отвѣтѣ твоемъ мнѣ — опять тоже, такъ и почувдился мнѣ «Мечникъ *Михно*», говорящій грозными слова своего князя: «Въ тобѣ стоитъ все; а не вѣлю ти въ русьской земли быти!»

8. Однако, въ отвѣтѣ твоемъ уже не является грозная рать, набранная изъ 72-хъ мѣстъ Несторовой и Кіевской лѣтописи. «Пришли бо бяху высокомысляще, а смиренія отъидоша въ дома своя!»—Теперь ты говоришь уже, что *главное* не слова и обороты, но *складъ и тонъ*.... Ты убѣгаешь и мысли о возможности переложения живыхъ, изустныхъ, малороссійскихъ рѣчей на церковный языкъ лѣтописцами южнорусскими. Но я преслѣдую тебя и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ твоемъ.... И не спасешь ты своего новомыслия троекратнымъ восклицаніемъ: «Живая, живая, живая!»

Вотъ, на прихѣръ, тебѣ рѣчь, вставленная въ лѣтописное повѣствованіе: «Самомнѣніе твое, хане, омрачило тя, яко возникнуть можеш. Или ты мниши мене, яко хлопца малоумнаго, прещеніемъ устрашити? Възмъ, яко татарскія царства» и т. д. Кто говорить, кто пишетъ это? Говоритъ *малороссійскій* гетманъ, Богданъ Хмельницкій, а пишетъ *Малороссіянинъ*, Григорій Гребенка. Нечего и говорить о томъ, что разговорный языкъ былъ совсѣмъ другой. Лѣтописецъ передалъ живую рѣчь гетмана по-церковнославянски, также точно, какъ пѣвецъ Игоря, безъ сомнѣнія, бывший въ походѣ 1185 года, передалъ *живую рѣчь* своего князя тоже *по церковнославянски*: «Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго...» и т. д. Такъ и лѣтописецъ кіевскій, полагаю въ 1186 году, когда Игорь, воротившійся изъ плѣна въ свой Новгородъ-Сѣверскій, пріѣзжалъ въ Кіевъ, передалъ живую рѣчь его по-церковнославянски: «Тайны божія никтоже не вѣсть....» и т. д. Подъ перомъ двухъ древнихъ и одного новаго писателя малороссійскаго — Игорь и Богданъ говорятъ однимъ языкомъ — письменнымъ, на который переложены ихъ живыя рѣчи. Заклучимъ ли отсюда, что, такъ какъ народнаго *малороссійскаго нарѣчія* не видно въ ихъ рѣчахъ, переданныхъ лѣтописаньемъ, то и *малороссійскаго народа* не было въ Малороссіи ни въ XII-мъ, ни въ XVII вѣкѣ! Ибо, если по отсут-

ствію народнаго малороссійскаго языка въ зѣтописаньи до-татарскаго времени заключать объ отсутствіи народа въ его землѣ на то время, то слѣдуетъ, на томъ же основаніи, заключать и объ отсутствіи его въ *посль-татарское* время. И такъ, *филологическій* твой способъ доказывать небытіе малороссійскаго народа въ кievской русской землѣ въ древнее время, в о в с е н е г о д и т с я. Ты сначала выступилъ съ *словами* и *оборотами* въ 72 выпискахъ, потомъ уже сталъ называть *г л а в н ы м ъ*—*складъ* и *тонъ*; все равно, и то, и другое, одинаково не служитъ тебѣ къ утверженію твоего парадокса; и я у тебя отнимаю окончательно всякую возможность доказывать парадоксъ твой какимъ бы ни было *филологическимъ* способомъ,—и обращу на тебя изреченіе земляка твоего на Сулѣ, тобою на меня направленное: «Ты *языкомъ*—то не ляочи!»

9. Ты не хочешь понять, для чего я различилъ тебѣ такъ рѣзко народно-русскія формы и церковно-славянскія въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я сдѣлалъ это для того, чтобы показать большое различіе между *церковнымъ* или *македонскимъ* языкомъ и *народною русскою рѣчью*, различіе, существующее съ весьма древнихъ временъ, и опровергающее собою твое *тожество* и *ближайшее сродство* церковнаго языка съ великороссійскимъ нарѣчіемъ. *Великороссійское* нарѣчіе состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ *бѣлорусскимъ*, и составляютъ они одну рѣчь или *языкъ сѣвернорусскій*, который, вмѣстѣ съ *южнорусскимъ* языкомъ или рѣчью (состоящею въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ — *малороссійскомъ* и *червонорусскомъ*), образуетъ одну великую *рѣчь восточнославянскую* или *русскую*. Вотъ постепенности ближайшаго сродства! Чтѣ же касается до позднѣйшаго *сочетанія* съ великороссійскимъ нарѣчіемъ языка церковнаго, ставшаго богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ всей Руси, то объ этомъ не для чего было мнѣ и распространяться въ Филологическихъ письмахъ, и я только мимоходомъ упомянулъ о томъ, о чемъ достаточно уже было говорено мною и въ «Исторіи русской словесности», 1839 года, и въ «Начаткахъ русской филологіи», 1848 года. Письменный *русскій* языкъ не только могъ развиться, но и дѣйствительно развился, изъ *церковнаго* языка, принятаго у насъ на Руси за письменный языкъ въ 10-мъ вѣкѣ, изъ-за Дуная. Не надо смѣшивать *позднѣйшаго* живаго сочетанія и образованія съ *древнѣйшимъ* различіемъ двухъ нарѣчій, обособившихся въ незапамятное время, независимо и далеко другъ отъ друга. Ты предлагаешь мнѣ любимое сравненіе твое, повторенное и

въ «Исслѣдованіяхъ», и въ «Письмѣ къ Срезневскому», что славянское племя представляетъ «растасованную колоду картъ». Но ты ее перетасовываешь и раскладываешь, какъ вздумается; а наше филологическое дѣло было—собрать ее по мастямъ!

Филологія русская сложилась уже; и для ея дальнѣйшаго возростанія надобно *живой, положительной истины*; предметъ же филологіи такъ богатъ и неистощимъ живою истинною, что только бери да носи ее—прямо изъ родника! И я удивляюсь, что за охота пришла тебѣ поискать *зародышей* истины въ странностяхъ, и гоняться за *намеками* на истину въ заблужденіяхъ и превратныхъ толкахъ. Мой достойный землякъ, Лукашевичъ, обратнымъ чтеніемъ словъ, составилъ цѣлую многотрудную систему *Чаромутія*, которая полна *зародышей* и намековъ.... Или ты поревновалъ и задумалъ сочинить еще великороссійское *чаромутіе*, основанное не на словахъ, а на товѣ и складѣ?...

Но шутка въ сторону! Ты въ Отвѣтѣ, послѣ многихъ шутокъ (которыя очень милы), прекрасно сказалъ: «Насъ занимать должно одно *дѣло*, бѣдѣлье предоставимъ историческимъ вертопрахамъ...»

10. Ты говоришь въ возраженіе мнѣ: «Нѣтъ, не писали Григорій и Іоаннъ, а списывали. Это большая разница!» Но ты забылъ ихъ *послѣсловія*, совершенно достаточныя, чтобы видѣть, какъ они писали. Эти краткія послѣсловія, которыя они писали въ XI вѣкѣ, для филологіи нашей важнѣе иныхъ позднѣйшихъ фоліантовъ!

11. Ты говоришь мнѣ о Кириллѣ III, Серапіонѣ, Епифантѣ: «Помилуй! Да развѣ они писали по-малороссійски?» Нѣтъ; однако они были Малороссіяне, также какъ и прежде Несторъ, а послѣ Дмитрій, Яворскій, Прокоповичъ.. *Малороссіяне*, несомнѣнно; а писали не на *малороссійскомъ языкѣ*. Вотъ что надо тебѣ имѣть въ виду постоянно!

12. Относительно *Володимера* я сказалъ тебѣ, что для малороссійскаго народа онъ — *святой Володимеръ*, и потому у малороссійскаго народа остались священныя, молитвенныя, церковныя пѣсни князю Владимиру, между тѣмъ какъ на русскомъ свѣртѣ поэтическая память о немъ сохранилась, какъ о *ласковомъ заступникѣ*—исключительная черта, какою онъ замѣчатѣлся тамъ, конечно, еще въ десятилѣтнее свое княженіе въ Новгородѣ. Ты говоришь мнѣ: «Ссылка твоя на его *святость* ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсенъ о святыхъ—о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ и проч.»

Хорошо, что ты сказалъ объ этомъ, для окончанія недоумѣнїя. Въ Малороссїи преимущественно слѣпцы лирички поютъ *набѣжныя* пѣсни или псалмы о разныхъ святыхъ; но всѣ они позднѣйшаго сложенїя, и по складу своему видимо отличаются отъ тѣхъ пѣсенъ народныхъ, какія сложены были бандуристами и другими народными пѣвцами о герояхъ Украины козацкой. Псалмы или набѣжныя пѣсни объ Алексѣѣ, и другихъ лицахъ, едва ли не всѣ, сложенїя грамотнаго, сложаго съ извѣстными псалмами Димитрія. Въ числѣ такихъ есть псалмы и о *святыхъ* нашихъ князьяхъ, *Владимѣрь*, *Борисъ* и *Глѣбъ*. Я самъ ихъ слышалъ и заставлялъ пѣть слѣпыхъ *старцевъ* (нищихъ), на переяславскомъ праздникѣ св. Бориса, 2 Мая. О Глѣбѣ и Борисѣ я тогда записалъ себѣ нѣсколько строфъ, но не довольно складныхъ. Весною, 1848 года, по пути изъ Кіева я хотѣлъ было отъ Барышпольскаго слѣпца-бандуриста записать вполне эти псалмы о Борисѣ и Глѣбѣ, и Владимѣрѣ; но ко мнѣ явилась уже здова его, тоже слѣпая, у которой и купилъ я бандуру послѣдняго Барышпольскаго бандуриста. И такъ *святость* Владимѣра, какъ я сказалъ прежде, поставила его отдѣльно отъ прочихъ героевъ народно-украинскаго пѣнопѣнїя; о немъ у насъ церковная пѣснь: «Святый равноапостольный княже Владимѣре, моли Бога о насъ!» На эту тему сложенъ и *набѣжный* псалмъ о Владимѣрѣ, относящїйся къ разряду малороссїйскихъ пѣсенъ объ Алексѣѣ, Николаѣ, Онуфрїѣ, и другихъ святыхъ пѣсенъ, не разъ мною слышанныхъ не только отъ слѣпцовъ нищихъ, поющихъ по ремеслу, но и отъ старыхъ людей обоего пола, живущахъ на хозяйствѣ. Нѣтъ ли еще какаго недоумѣнїя?

13. Ты не хочешь признать моего замѣчанїя, что выраженїя въ древне-кїевскомъ летописанїи: *на порозь*, *на дорозъ*, принадлежать малороссїйскому нарѣчію; а по великороссїйски было бы сказано: *на порошь*, *на дорошь*. Но это принадлежать къ существеннымъ отличительнымъ примѣтамъ, которыя въ двухъ нарѣчіяхъ русскихъ развились розно, но *последовательно*, по принятому ими однажды (еще въ незапамятную пору ихъ образованїя и обособленїя) измѣненїю *всѣхъ гортанныхъ звуковъ*. Ты, переводчикъ грамматики Добровскаго, не хочешь признать этого различїя, и приводишь мнѣ «Во лузѣхъ, во лузѣхъ!» Это измѣненїе гортанныхъ звуковъ во множественномъ числѣ другое, позднѣйшее, занятое подражательно изъ языка церковнославянскаго и не совпадающее съ своенародною нор-

мою великорусскаго склоненія. И мнѣ опять приходится сказать, что надобно и въ филологіи и въ грамматикѣ различать разновременныя формаци и навозы также, какъ они различаются въ геологіи, какъ я различилъ тебѣ въ древнихъ южнорусскихъ писаніяхъ, что въ нихъ *церковнославянское* и *южнорусское*, принадлежащее подлинному, древнему тексту, и что принадлежитъ позднѣйшему навозу отъ *сѣвернорусскихъ* переписчиковъ, по ихъ нарѣчію, инако новгородскому, инако суздальскому. А вѣдь ты же говорилъ зѣтъ за десять: «Вотъ эту филологію я люблю!»

14. Ты говоришь мнѣ: «Въ 10-мъ письмѣ ты надѣваешь на меня малороссійскій *кожухъ*; но это слово *до Татаръ* не встрѣчается, слѣдовательно, мнѣ не принадлежитъ: скидаю!»

А я говорю тебѣ пословицей: «Пройшовъ Святый Духъ, опять берись за кожухъ!» Игорева пѣснь написана за полѣтка до *Татаръ*, а въ ней находится: «ортмами, и япончицами и *кожузы*...»

За тѣмъ ты говоришь мнѣ: «*Квасъ* и *медъ*, пожалуй, будемъ пить вмѣстѣ на здоровье».

Вотъ эту филологію я люблю! И за это я угощу тебя *нововымышленнымъ солодомъ*... отличный стадвадцатилѣтній! Посмотри въ Евгеніевомъ словарь, Т. II. стр. 322, въ числѣ неизданныхъ *мелкихъ* стихотвореній Теофана Прокоповича, значитъ: «Благодареніе эконому *Герасиму*, отъ служителей домовыхъ за *нововымышленный солодъ*—отъ Илія интенданта,—отъ Неймана (жида), отъ учителя, — отъ малыхъ дѣтей, — отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ, 1734 года.» Можетъ быть тебѣ не случилось еще читать этой стихотворной шутки оеофановой, написанной имъ въ предпоследній годъ жизни, когда онъ страдалъ давнею своею болѣзнью, будучи въ *Карповской пустыни*. Вотъ же тебѣ два отрывка:

Отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ.

За честь твоего солоду,
Лобызаемъ твою бороду,
Батюшко нашъ кормитель!
Никто не можетъ сказать,
Въ какой стала благодати
Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что вмѣстѣ за диво,
Прилежно разсуждаемъ,

Новгородскія шалиги,
 Которую пьютъ ярыги,
 Весьма ужъ забываемъ.
 Да то чудо весьма странно,
 Что хотя и непрестанно
 Пивце изъ бочки льется,
 И течетъ по вся недѣли,
 А намъ еще и доселѣ
 Дивно какъ не приплетел!

О т ь к о з а к а .

Бѣжить жажда прочь, бѣжить и печальный голодъ;
 Гдѣ твой, отче эконошъ, находится солодъ?
 Да и чудо онъ творить дивнымъ своимъ вкусомъ:
 Пьянъ я, хотя омочусь однимъ только усомъ!

Теперь обратимся къ твоимъ историческимъ соображеніямъ, ко-
 торымъ я хочу посвятить особое письмо.

18 Января
 1857 г.

Письмо второе.

Ты поразилъ меня, любезный академикъ, какъ Минерва Арахну, назвавъ мой филологическій выводъ тебѣ — «злосплетенною паутиною!» А я этою паутиною, какъ цѣлебнымъ средствомъ, заложилъ было свѣжій нарѣзъ на живомъ тѣлѣ науки, въ той надеждѣ, что онъ поцѣмитъ маленько, да и заживетъ... Перевѣдаемся же исторически за нашу первозванную русскую землю кіево-перяславскую! Гдѣ сойдемся? Не хочешь ли на несторовской рѣчкѣ Съжиць, гдѣ былъ побѣжденъ князь Всеволодъ Олегомъ и Борисомъ, шедшими на него съ Половцами, изъ Тмутаракани! Но ты съ Арцыбашевымъ отвелъ эту рѣчку куда-то въ Черниговское княжество, ужъ не туда ли, гдѣ течетъ Сафать-рѣка, величаемая въ пѣсняхъ богатырскихъ!... Надеждинъ съ Невוליнымъ замѣчали тебѣ, что «едва ли не вѣрнѣе» положить ее въ княжествѣ Переяславскомъ, какъ полагалъ Карамзинъ, читавшій вмѣсто Съжица—Оржица. Я тоже нахожу, что имя Съжица въ Несторовой лѣтописи описка

какъ и «*Олжичъ дворъ*» «вмѣсто «*Олжичъ дворъ*, — какъ въ твоёмъ словарѣ князей напечатана *Льжица* вмѣсто *Льтица* (стр. 135). Хочешь знать, что такое *Съжица*, читай *Сулица*; такъ и теперь зовется оная рѣчка, выходящая изъ Сулы подъ городомъ *Лохвицею*, и впадающая въ Сулу, почти подъ селомъ *Исачками* (которое въ географическомъ словарѣ названо «*Исашкою*»); а течеть Сулица праюю стороною Сулы, версть на 35. Тамъ издревле пролегалла дорога въ Черниговское княжество изъ «поля половецкаго», начинавшаяся при Ворсклѣ у *Атавы*, направлявшаяся на городъ *Серебряный*. Согласенъ ли ты? — Вотъ это тебѣ новый подарокъ отъ меня, если мои географическія поправки приносятъ тебѣ такое «дѣтское удовольствіе.» Въ знакъ благодарности за мои послѣднія двѣ поправки (*Росуха* и *Свинухи*), ты въ Отвѣтѣ послужилъ мнѣ поправкою моеи ошибки, что въ *припискѣ* къ тебѣ я оставилъ имя переяславскаго князя *Андрея Юрьевича*, вмѣсто дяди его, *Андрея Володимировича*, бывшаго переяславскимъ княземъ годами восьмью ранѣе. Точно, я крѣпко ошибся, обмолвился въ торопяхъ! Вотъ что значить писать изъ памяти, не справляясь за каждымъ именемъ... какъ разъ попадешь въ просакъ! Я тебѣ весьма благодаренъ за эту поправку. Но ты спрашиваешь при ней: «Квитъ-ли?» Нѣтъ — за *Юрьевича* я поквитаюсь, коли хочешь, также *Юрьевичемъ*. Посмотри въ драгоценномъ «Словарѣ русскихъ князей» (гдѣ они перебраны тобою нарочито и, можно сказать, вдоль и поперекъ), посмотри въ «Спискѣ князей по удѣламъ»: тамъ, первымъ княземъ въ *Торческѣ* поставленъ у тебя «*Михалко Всеволодовичъ*», а вѣдь надо было: *Михалко Юрьевичъ*! Посмотри еще на оборотѣ того же листка: тамъ *овручкимъ* княземъ поставленъ у тебя «*Всеволодъ Володимировичъ*», а вѣдь на умѣ у тебя былъ братъ его, *Святославъ Володимировичъ*! Тамъ же у тебя сей князь *Святославъ* посаженъ во *Владимиръ Волынскомъ*, а въ немъ сидѣлъ тогда братъ его, *Всеволодъ*: ты въ торопяхъ обмѣнялъ ихъ княженіями! Видишь: за одного я квитаюсь тремя, взятыми съ одного листка. Я могу, пожалуй, указать тебѣ и въ самомъ концѣ того списка, особенно на *Витебскѣ*: зачѣмъ нѣтъ тамъ *Брячислава Васильковича*? Зачѣмъ ты отнялъ у него *Витебскъ*, даже изъ рукъ киевскаго летописца въ 1180 году? (см. въ Словарѣ стр. 332). А отъ этого явился у тебя въ *Витебскѣ* какой-то сомнительный *Василько*, съ вопросятельнымъ знакомъ вмѣсто имени по отчеству, тогда какъ

это былъ несомнѣнно *Василько Брячиславичъ*, наслѣдившій Витебскъ послѣ отца своего; и конечно на его дочери «*Васильковнѣ князя витебскаго*», женился князь Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій, 1209 года. Но возвращаюсь къ брату его, *Михаилу Юрьевичу*, съ покорнѣйшею къ тебѣ о немъ просьбою: обрати свое вниманіе, для его біографіи, на одинъ подвигъ его, весьма для меня замѣчательный. Съ того 1161 года, какъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, по властолюбію своему, выгналъ изъ Суздаля своихъ братьевъ, и они, съ матерью своею, поискали себѣ пристанища у греческаго царя, князь Михаилко остается у тебя въ *неизвѣстности семь лѣтъ*. Но Кіевская лѣтопись, описывая его побѣду надъ Половцами за Днѣпромъ 1170 года, говоритъ: «Михалка князя удариша ратніи двѣма копьи въ стегно, а третьимъ въ руку; но Богъ, молитвою отца его, избави отъ смерти, *яко же прежде въ Луць-моря*». И такъ онъ бился *прежде* съ Половцами въ самомъ *Лукоморьѣ*... И это *прежде*, когда же было, какъ не во время его *семилѣтней* неизвѣстности? Къ знаменитому мстиславовскому походу 1168 г. этого отнести не можно. Мнѣ еще вотъ чтó впадало на мысль: не онъ ли тотъ *Михалко-Семилѣтокъ*, о которомъ идетъ извѣстная тебѣ народная украинская сказка, что уходитъ онъ наконецъ отъ несправедливыхъ къ нему Кіянъ—въ Царьгородъ, унося туда золотыя ворота кіевскія?—Стрѣла, пущенная изъ Кіева Михалкомъ-Семилѣткомъ, повторилась и въ великороссійскомъ богатырскомъ стихѣ о *Калинѣ-царѣ*... Поминемъ, кстати, еще одного *Михалка Юрьевича*, не князя, а просто человека, который бился съ Половцами на рѣкѣ Каялѣ вѣсть съ Игоремъ Святославичемъ (1185), и не измѣнилъ ему въ тотъ роковой *третій* день, когда пали знамена игоревы... «Быть же свѣтающе *недѣль*; возматюшася Ковуеве въ полку, побѣгоша... и тако не возворотися никтоже, но токмо *Михалко Гюргевичъ*, познавъ князя, возворотися».

Теперь приступимъ къ нашему дѣлу за *русскую землю* кіево-перемыславскую, за ея древнее населеніе тѣмъ же *малороссійскимъ* народомъ, который и нынѣ въ ней обитаетъ. Какимъ *историческимъ* свидѣтельствомъ можешь ты опровергнуть эту истину, переходившую изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и составляющую наше народное убѣжденіе и знаніе?... Какое *историческое* доказательство ты даешь мнѣ на podporу нововымышленной мечты, будто кіевоперемыславская русская земля была въ до-та-

тарскія времена населена твоими « кievскими Великороссiянами », а послѣ нашествiя батыева населилась Малороссiянами, новопршлыми отъ Карпатскихъ горъ?

Я сказалъ уже тебѣ въ Филологическихъ письмахъ, что какъ у насъ, Малороссiянъ, существуетъ убѣжденiе и преданiе, что мы въ своей сторонѣ коренные жильцы съ предковѣку, такъ въ Карпатахъ ведется преданiе о двукратномъ переселенiи туда Руси — разъ, во время Олегово, изъ Украины днѣпровской, вмѣстѣ съ Уграми; въ другой въ XIV вѣкѣ, изъ Подолья, съ князьями Корiatовичами. Очевидно, что выводить насъ, Малороссiянъ, отъ Карпатской Руси въ XIII или XIV вѣкѣ, вопреки ходу той Руси отъ насъ туда, означаетъ почти тоже, какъ нѣкогда въ Новгородѣ « иде Волховъ вспять днiй пять; се же знаменье не на добро бысть! » Запустѣнiе кievопереяславской земли въ нашествiе батыево, и заселенiе оной новопршлымъ народомъ изъ Карпатъ или инуда, — два предположенiя, совершенно напрасныя. Исторiя кievопереяславской земли, въ вѣкѣ Татарщины, — отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ; и это естественно. Но эта мгла татарскаго столѣтiя не должна служить мутною водою для рыболовства на кормленiе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстiямъ, какiя сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ кievопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старшй бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ. Твой предлогъ, что Несторъ оставляетъ Великую Россiю почти пустою, я не признаю уважительнымъ, какъ по тому, что и великороссiйское пространство по Нестору заселено достаточно, такъ и по тому, что, ради воображаемой тобою почти пустоты, не подобаетъ опустошать край населенный; а если тебѣ уже непрѣмнно хочется пополнить великороссiйское населенiе переселенцами съ русскаго юга, по нашествiи батыевоомъ, то ты можешь себѣ, аще совѣсть не зазреть, забрать хоть Тверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, которыхъ и имена назnamenовались на великороссiйскихъ мѣстностяхъ; но мы остаемся неподвижно въ своей землѣ, на корню, потомками нашихъ предковъ, *Полянъ*, и не хотимъ усыновиться какимъ-то новопршлымъ, по твоей милости, Карпатцамъ! По поводу моего филологическаго замѣчанiя, что и самое наше украинское нарѣчiе не можетъ быть признано непосредственнымъ отросткомъ въ XIII вѣкѣ отъ поднарѣчiя *карпато-русскаго* (извѣстнаго намъ въ *деуль* главныхъ разностяхъ), ты

говоришь мнѣ въ отвѣтъ : « Но у меня остается еще въ *резервъ* внутренность Карпатскихъ горъ въ Венгріи , гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы. » Что же это такое у тебя : новая « *Югра* , языкъ нѣмъ... и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ?.. » Но на это приходится и мнѣ сказать , какъ сказалъ тогда Несторъ Гюратъ : « Си суть людье заклепленіи Александромъ македонскимъ царемъ ! » Съ такимъ *резервомъ* , любезный историкъ , ты не возьмешь у меня не только Кіева и Переяслава , но и той « земли *Чуриловщины* » , что была противъ Кіева за Черторыей!... Собирайся , коли охота есть , съ новыми силами—и выходи въ другой разъ ; но такъ , какъ шли наши князья ко граду Шаруканю : « и оболочишася во бронѣ , и полки изрядиша ». И да воспримешь ты силу самсонову , мудрость соломонову , кротость давидову , — на разогнаніе тьмы тѣмъ , налегшихъ на нашу южнорусскую исторію въ оный вѣкъ Татарщины!...

А на сей разъ , позволь мнѣ сказать тебѣ , какъ нѣкогда нашъ князь , Изяславъ съ Вячеславомъ говорили приходившему на нихъ и побѣжденному отъ нихъ Юрію : « Кланяевъ ти ся... ты намъ братъ еси ; пойдѣ же въ свой Суждадь ! »

Ты придумалъ было для Малороссіи послѣ-батыевской какое-то особое *козацкое племя* , новосоставленное тобою изъ Волынянъ и Торковъ!! Но я уже замѣтилъ тебѣ , въ Филологическихъ письмахъ , что наше южнорусское козацество не есть особое *племя* . Скажу опредѣлительнѣе . Въ *Украинѣ* обѣихъ сторонъ Днѣпра *козацество* развилось съ XVI вѣкомъ какъ особое *сословіе* малороссійскаго народа , среди прочихъ сословій , т. е. , духовенства , шляхетства , мѣщанства , посольства . На *Запорожьи* (бывшемъ до Татаръ землею половецкою) *козацество* велось и прежде XVI вѣка , до 1775 года , какъ особое войсковое *товариство* , состоявшее преимущественно и собственно изъ *Украинцевъ* , какъ объ этомъ свидѣлствуютъ—ихъ языкъ по *нарѣчію украинскому* ,—ихъ безусловная непреклонная приверженность къ православной восточной вѣрѣ , названіе куреней Запорожской Сѣчи по именамъ украинскихъ мѣстъ ,—личный составъ Низоваго Запорожскаго товариства преимущественно изъ выходцевъ *украинскихъ* (хотя бывали тамъ и выходцы галицкіе , волынскіе , польскіе , московскіе , волошскіе и другіе) ; наконецъ , всегдашнее признаніе *Украины* у Запорожцевъ—ихъ *отчизною* . Все это—*положительная , историческая достовѣрность* ,

противъ которой можно говорить, развѣ только въ смыслѣ украинской пѣсни:

«Мужикъ каже ячмѣнь, жѣнка каже гречка!»

Такимъ образомъ всякое мнѣніе или предположеніе о нашемъ козачествѣ, несходное и разладное съ историческою о немъ достовѣрностью, будетъ напрасно и невѣрно; и только то предположеніе о началѣ сего козачества можетъ быть подходящимъ къ дѣлу, по которому первымъ началомъ козачества сего будутъ признаны *Украинцы*. И я тебѣ напоминаю мою *догадку*, что первымъ началомъ или зерномъ запорожскаго козачества были наши *Тмутароканцы*, по прекращеніи ихъ княжества (въ XII вѣкѣ); эта догадка родилась у меня, когда я былъ въ Таманѣ, и увидалъ тамъ нашихъ *Черноморскихъ козаковъ*, основою которыхъ были остатки прежнихъ *Стчевиковъ* запорожскихъ. Догадка моя, состоятельна она или нѣтъ, нисколько не измѣняетъ собою исторической достовѣрности о запорожскомъ козачествѣ; она есть только дополненіе къ ней, соответственное ей по своей сущности, и легко къ ней примыкающее. Само собою разумѣется, что говоря о Тмутароканцахъ, я разумѣю преимущественно то *русско-украинское* населеніе нашего тмутароканскаго княжества, для котораго преподобный Кіевлянинъ *Никонъ* и устроилъ тамъ Богородичный монастырь, по образцу Кіевопечерскаго, при церкви св. Богородицы, заложенной Мстиславомъ Володимировичемъ, 1022 года, по его обѣщанію, данному при единоборствѣ съ Редедю.

Но ты въ отвѣтъ говоришь мнѣ: «Докажи только, что козаки Тмутароканцы, тогда ты услышишь отъ меня: Тмутароканъ — Норманская колонія. Вотъ будетъ потѣха-то. не только Русь Норманы, которыхъ ты оспариваешь, но даже козаки, любезные твои козаки, по собственному твоему изслѣдованію, окажутся норманскими правнучами!» Вотъ, что значить одностороннее систематическое предубѣжденіе, по которому тебѣ видится норманство или скандинавство во всей нашей древне-русской жизни, до Ярослава включительно, видится и тамъ, гдѣ его не было. Потѣшный, великолѣпный фейерверкъ скандинавскихъ огней, въ видѣ цѣлой ученой системы, ты устроилъ отлично, въ трехъ первыхъ томахъ своихъ «Изслѣдованій». Но для насъ отъ того не утратила жирой самоцѣтности своей наша древняя славяно-русская жизнь; и она ясна для насъ, не смотря на искусственный свѣтъ вашихъ скандинавскихъ иллюминацій, кото-

рымъ такъ уже посвященъ взоръ твой, что тебѣ и тмутароканское княжество наше кажется — *колонію норманскою!*... Ты можешь еще полюбоваться наяву своими любезными *Варягами*, на примѣръ, въ ночную тьму страшной Лиственской сѣчи, при той грозѣ, «яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье...» Но вѣдь ты помнишь, что тогда *изъ Тмутароканя* «донде Мстиславъ на Ярославѣ съ *Козары* и съ *Касоги*.» Послѣ Мстислава мы видимъ въ Тмутарокани наше *православно-русское поселеніе*, въ столкновеніи съ тѣми же Козарами и Касогами, съ Греками и, пожалуй, Готами таврическими, а за тѣмъ и съ Половцами... И твоя «норманская колонія» разлетается и гаснетъ, какъ потѣшный снакъ фейерверочный. Что же касается до обѣщанной тобою потѣшной фантазмагоріи о норманствѣ Запорожскихъ козаковъ, то мы уже *видали эти виды!* Вспомни, еще 1834 года профессоръ Сенковскій утверждалъ, что Запорожскіе казаки даже говорили *по-скандинавски!* Не хлопочи же о новомъ открытіи того, что давно избрѣтено другими! Ожидай отъ меня особаго письма о норманствѣ или скандинавствѣ нашихъ *Руссовъ*. А теперь я обращаюсь къ той исторической силѣ твоей, которою ты дѣйствуешь наиболѣе въ *Отвѣтѣ*—къ *характеру*. Ты говоришь, на примѣръ: «Мономахъ — не есть ли *чистый характеръ великороссійскій?*» А я на это возражаю: да почему же Мономахъ не есть *характеръ малороссійскій?*... Вѣдь это сказалъ ты только по своему нынѣшнему новомыслию о древнемъ населеніи Украины — «*киевскими Велико-россіянами?*» А лѣтъ за десять, когда ты держался еще прежней правой вѣры о древнемъ населеніи Украины народомъ малороссійскимъ, тогда (въ своемъ *Отвѣтѣ* мнѣ 1845 года), ты называлъ *Малороссіяниномъ* даже Андрея Боголюбскаго (питомца и любителя земли суздальской, которому такъ скучно и душно было здѣсь, на Украинѣ, что онъ уходилъ изъ нея въ свой Суздаль, даже противъ воли отцовской!). Въ обоихъ случаяхъ, твое опредѣленіе характеровъ произошло не *историческимъ* выводомъ изъ непосредственнаго наблюденія и разсмотрѣнія двухъ замѣчательныхъ историческихъ личностей, а только *логическимъ* наведеніемъ на нихъ предъустановленнаго тобою понятія. Ты мнѣ опредѣли сперва, что такое называешь ты *чисто великороссійскимъ* и *чисто малороссійскимъ характеромъ* (коли Богъ послалъ тебѣ такое прозрѣніе въ душу и сердце *русскаго челоуька*, сѣвернаго и южнаго,

особливо въ то древнее время, или лучше изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, даже до сего дне), да тогда уже и разрѣшай свои историческія задачи посредствомъ двухъ *характеровъ*; а пока тотъ и другой характеръ остаются еще для насъ съ тобою искомыми *исками*; я не прийму отъ тебя историческихъ вычисленій твоихъ на основаніи *характеровъ* предлагаемыхъ.

Ты говоришь мнѣ: «Размотри, на приѣздъ, убійство Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ, послѣдующіе мятежи, обращеніе къ сосѣднему рязанскому князю объ избраніи ему преемника—черты *чисто великороссійскія*!» Я соглашусь, пожалуй, развѣ по тому только, что суздальское населеніе издревле было *великороссійское*; но все таки не *чисто*, а совмѣстно съ населеніемъ *чудскимъ*, которое, претворяясь въ великороссійское, привнесло же въ его *чистоту* нѣчто и отъ своей нечистоты, отъ своей природы. Посмотри, однако, и ты, любезный *характерникъ*, какъ рѣзко отъ всѣхъ Суздальцевъ, при убіеніи Андреевымъ, отъѣхалъ тамъ *Кіянинъ Кузмище*! Вотъ онъ тебѣ живой *зародышъ* истины о характерѣ *малороссійскомъ*, взятый изъ дѣйствительности исторической! А тотъ громадный *Нижегородецъ Кузма*—да будетъ онъ тебѣ *плодомъ* исторической истины о народномъ характерѣ *великороссійскомъ*, по которому, если бы древними обитателями кіевоперяславской земли дѣйствительно были *Великороссіяне*, не ушли бы изъ нея они, при нашествіи батыевомъ, куда-то на сѣверъ, за лѣса брянскія, за грязи смоленскія!... Не пустили бы они всякому пришельцу завладѣвать ихъ родимую сторону, благодатную Украиною... И не покинули бы они такъ безучастливо и равнодушно—на произволь вѣтровъ и враговъ, на четыре вѣка, своего *стольнаго Кіева*, священнаго для всего православнаго русскаго міра, какъ Іерусалимъ для всего міра христіанскаго! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтъ: «Есть ли изъ трехъ сотъ, составленныхъ тобою (въ Словарѣ), біографій удѣльныхъ князей, хоть одна, которая напомнила бы собою Тараса Бульбу, или Петра въ Страшной Мести?»... Для меня чуденъ и самый вопросъ твой. То были князья до-татарскаго времени, лица дѣйствительныя, означенныя лѣтописаньемъ, изъ котораго ты выбиралъ біографіи почти слово въ слово, даже убавляя, а не прибавляя; а Тарасъ, Петро—лица вымышленныя, пересозданныя воображеніемъ поэта, взятая имъ изъ простолюдыя, не изъ княжескаго сословія, и приуроченныя,

какъ Тарасъ, къ четвертому десятилѣтію XVII вѣка. Конечно, художественная сила необходима историкѣ для воскрешенія давно-прошедшихъ лицъ, чтобы они и современные имъ поколѣнія народа становились живьемъ передъ очами. Но чтобы художникъ былъ наставителемъ для историка, для того надобно, чтобы онъ со смиреніемъ покорился исторической дѣйствительности и поработалъ бы для нея съ долготерпѣніемъ. А въ творчествѣ нашего великаго художника, Гоголя (пока искусство было его жизнію), этого не было: у него и исторія Малороссіи скакала по его волшебной флейтѣ. И если ты, мой любезный *характерникъ*, составишь для *исторіи* характеристику нашего козачества по Тарасу Бульбѣ, тогда ты отхватываешь намъ такого *козачка*, какого не видалъ и самъ великій гетманъ, Потемкинъ, страстный любитель этого танца! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтъ: «Сравни теперь исторію своихъ любезныхъ гетмановъ съ исторіею галицкихъ бояръ, съ исторіею, пожалуй, современниковъ Курбскаго. Онъ похожъ какъ двѣ капли воды!» Извини меня: эти твои «двѣ капли воды» для меня не болѣе, какъ пара словъ! Должно быть ты взглянулъ тогда на исторію нашихъ козацкихъ гетмановъ такъ издавеча, что она слилась для тебя въ одну каплю, и гетманы наши представились тебѣ уже какъ «образы безъ лицъ!» Быть можетъ, что и я подошелъ къ нимъ уже слишкомъ близко, такъ, что мнѣ видны уже ихъ усы и носы, и ихъ общее сходство теряется для меня въ разнообразіи ихъ личностей. Во всякомъ случаѣ, я скажу тебѣ, что въ нашей козацкой малороссійской гетманщинѣ, въ которой на гетманствѣ, съ 1506 и до 1764 года, были лица изъ разныхъ сословій и мѣстъ, изъ князей, шляхтичей, козаковъ, поповичей, изъ Украинцевъ, Стверянъ, Волянянъ, Галичанъ, представляется такая разнобоярщина, какой не было и въ древнемъ боярствѣ галицкомъ! При томъ же, козачество Украины и гетманство козацкое составляютъ *особенность* позднѣйшей исторіи малороссійской, съ XVI вѣка; а потому несомнѣнно удобно и сравнивать ее съ исторіею древнихъ бояръ галицкихъ. Можно бы для сравненія съ ними, пожалуй, взять однородца ихъ, гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, родомъ изъ шляхетства перемышльскаго; но какая же разница въ этомъ характерѣ отъ бояръ древне-галицкихъ! Впрочемъ, и то сказать, что онъ учился въ Острожскомъ училищѣ, и доучился въ Сѣчи Запорожской. А что ты намекалъ о современникахъ Курбскаго, конечно, разумѣя

вельможество волынской земли, то сходство весьма можетъ быть съ нею, потому что на гетманствѣ было тогда нѣсколько волынскихъ князей, каковы, между прочимъ: Вишневецкій, Ружинскіе, и т. д. Вообще же сказать, чѣмъ больше нашлось бы сходства между Галичанами, Волынянами, Украинцами всѣхъ вѣковъ, тѣмъ больше подтвердилась бы ихъ принадлежность къ одному народу южно-русскому, среди котораго въ русской землѣ кіево-перемышльской родился, выросъ и скончался нашъ «добрый страдалецъ за русскую землю, Володимѣръ Мономахъ», и доблестный внукъ его, Изяславъ, «по немъ же плакася вся русская земля и вси Чернїи Клобуци, яко по царѣ и господинѣ своемъ, навпаче же, яко по отци», и храбрый правнукъ Мономаховъ, молодой князь Владиміръ Глѣбовичъ, «о немъ же Украина много постана».

Когда я, въ 1832 году, увидѣлъ землю Донскихъ козаковъ, и вслѣдъ за тѣмъ землю козаковъ Черноморскихъ, мнѣ тогда яснымъ было различіе великороссійскаго и малороссійскаго челоуѣка въ быту козацкомъ. Когда я послѣ того въ Кіевѣ, на лекціяхъ, разбиралъ подробно народныя пѣсни, великороссійскія и малороссійскія, мнѣ ясно было тогда различіе двухъ народныхъ русскихъ характеровъ при воодушевленіи пѣснотворческомъ, и для ихъ означенія у меня тогда срывались съ языка, иногда очень мѣткія слова. И много было мнѣ другихъ случаевъ, для сличенія двухъ русскихъ характеровъ въ разныхъ отношеніяхъ. Но никогда еще не случалось и не удавалось мнѣ означить и выразить ихъ такою опредѣлительною формулою, чтобы я могъ признать ее удовлетворительною и достаточною для разрѣшенія по ней всѣхъ историческихъ задачъ о русскомъ мирѣ, сѣверномъ и южномъ.

Ты еще говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Радъ поклоняться съ тобою Богдану также, какъ и Мономаху: видишь ли мое безпристрастіе, съ котораго и бери примѣръ!» Еще бы ты не поклонился *Богдану*, который, послѣ своихъ тридцатилѣтнихъ козацкихъ подвиговъ на морѣ и сушѣ, отъ Царьгорода до Смоленска, одинъ поднялъ на свои плеча великое и многотрудное дѣло освобожденія стольнаго Кіева и всей Малороссїи отъ Поляковъ; одинъ шестилѣтнею войною своею освободилъ ихъ отъ короны польской, и привелъ ихъ снова подъ вѣнецъ Мономаха, доставшійся Москвѣ въ наслѣдіе отъ Кіева:

И Руси древняя столица
Склонилася передъ Москвою,

Какъ вѣдическая вдовица

Передъ царицей молодой!

Ты объявляешь въ Отвѣтъ своемъ, что я *клянусь* твоему «Хронологическому словарю удѣльныхъ русскихъ князей», изданному 1855 года. Дѣйствительно, я любовался и люблюсь имъ, какъ прекрасною историческою мозаикою, и разглядывалъ его, какъ самъ видишь, съ большимъ вниманіемъ. Я люблю въ русской исторіи ту *систему*, къ которой стремился нашъ бессмертный Карамзинъ, сказавшій: «Я желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему ясную стройнымъ обличіемъ частей...» Въ духъ той системы была и твоя мозаическая работа надъ Словаремъ древнерусскихъ князей; и я сердечно желалъ бы, чтобъ ты еще разъ *утеръ пота* надъ нимъ; чтобъ ты посвятилъ ему еще одинъ такой же затворническій долгій присѣсть, для новой окончательной обработки его, для новаго, неспѣшнаго его изданія, на всегдашнее руководство будущимъ поколѣніямъ друзей русской исторіи. То была бы бессмертная книга, лучшая всѣхъ многочисленныхъ книгъ, тобою написанныхъ!

Написавши все это тебѣ въ отвѣтъ, я еще разъ прочелъ твой Отвѣтъ на мои Филологическія письма, и удостоверился, что уже отозвался почти на все, что требовало съ моей стороны возраженія и объясненія. Въ дополненіе, мнѣ можно еще повиниться передъ тобою, что я, въ твоемъ примѣчаніи о *Добрынь*, отнесъ слово «*нѣсколько*» къ послѣдующему имени «славянское», а надо было отнести его къ предыдущему глаголу «противорѣчить»,—какъ вижу теперь, изъ твоего Отвѣта. Но моя *ошибка* была неумышленная, которая, по пословицѣ, «въ фальшь не ставится». Произошла же она, конечно, по настроенности моей мысли твоими утвержденіями, что сестра Добрыни, *Малуша*,—Норманка, и что ея имя есть нѣрманское *Малфридъ*, съ переменною только окончаніемъ на славянское; что въ именахъ *Боричъ*, *Синко* «можетъ быть есть только славянское подобозвучіе»; и что «только имена убійць глѣбовыхъ (*Путьша*, *Талець*, *Еловить*, *Горясперь*) звучатъ, кажется, *болѣе по-славянски!*» (с. 127). Такъ мнѣ и показалось, что у тебя и *Добрыня* полагается именемъ только отчасти, «*нѣсколько славянскимъ*». Съ удовольствіемъ вижу теперь, что оно и прежде казалось тебѣ вполне славянскимъ!... Вотъ хорошо было бы, если бы ты и имя *Малуши* тоже призналъ вполне славянскимъ, отъ имени

отца ея, *Мала* (уменьшительно *Малка*), а также и имена: *Боричъ* (отъ коего *увозъ Боричевъ*) и *Синко*. А что имена *Шутьша*, *Талець*, *Еловичъ(-тъ)*, *Горясьръ*—звучать не «кажется, боге», но именно вполне *по-славянски*, въ этомъ, я полагаю, и самъ ты уже убѣжденъ нынѣ. Попрошу тебя еще выключить изъ твоего списка *скандинавскихъ* словъ, наши природныя *славяно-русскія* слова: *мужи*, *люди*, *гости*, *огнищане*, *рядъ*, *стягъ*, *луда*, *трузъ*, *лодьа*, *цъжь*. Конечно, этимъ ослабится нѣсколько одно изъ пяти *сильнѣйшихъ* твоихъ доказательствъ скандинавства Руси—*языкъ*; но вѣдь ты одинъ изъ самыхъ искреннихъ искателей истины?... При этомъ, я повторю сказанное нѣкогда мною, въ послѣсловіи къ книгѣ: «Откуда идетъ русская земля»: «Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо сростаются съ нашею мыслию, но кто бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимомъ мечтою, при одной мысли, что то будетъ благопріятно *истинъ*, для которой и работаютъ *ученые*?» (стр. 79).

Я не теряю надежды, и непременно хочу, возвратить тебя отъ твоей новороссійской системы къ прежнему историческому понятію нашему.... Ты не призналъ этой цѣли въ моихъ Филологическихъ письмахъ, и приписалъ ихъ моему небывалому намѣренію «отметить» тебѣ. Такъ я же стану дѣйствовать на тебя послѣднѣе тѣмъ именно, чего не залюбилъ ты: напоминаніемъ того, что писалъ ты за десять лѣтъ, — въ «Исслѣдованіяхъ». Ты не залюбилъ моего напоминанія, и сказалъ, что это сдѣлано мною только для эффекта... А самъ, приступая, въ «Исслѣдованіяхъ», къ «апогеямъ» археографа *Стресса*, не съ того ли ты началъ, что выписалъ прежнія утвержденія его о Несторѣ, выраженные при изданіи Софійскаго временника (1820), и потомъ воскликнулъ: «Кто бы повѣрилъ, что этотъ же изслѣдователь, чрезъ нѣсколько времени, будетъ писать вотъ что, въ своемъ знаменитомъ «Хронологическомъ указаніи...» (1. 465). Черезъ «нѣсколько времени», т. е., черезъ 46 лѣтъ! Новое понятіе археографа, приставшаго къ скептической школѣ Каченовскаго, конечно, было и въ немъ, какъ и въ самомъ Каченовскомъ, уклоненіемъ отъ прямого пути историческаго. Но развѣ не то же случилось и съ тобою теперь, въ новороссійской твоей системѣ, о которой скажу, какъ сказалъ тогда ты о Морощкинѣ, напоминаніемъ словъ твоего «неумолимо своенравнаго» вдохновителя: «По неволѣ вспомнишь Шле-

цера, и скажешь, что видно, послѣ всякихъ *трехъ* шаговъ впередъ, на поприщѣ исторіи, намъ на роду написано ступать по *два* назадъ!» (II. 211.) Вотъ же ты и ступилъ *два* шага назадъ: одинъ—въ *тожество* церковнославянскаго языка съ великороссійскимъ; другой—въ древнее заселеніе Украины «кіевскими Великороссіянами», и въ новое заселеніе оной выходцами карпатскими! Я хотѣлъ вызвать тебя на прежній путь истины; а ты сказалъ, что я хотѣлъ тебя столкнуть въ яму... И не ужъ ли же мнѣ изъ-за этого пожалѣть, что я къ тебѣ написалъ «Филологическія письма», какъ ты въ «Исслѣдованіяхъ», преслѣдуя скептиковъ, воскликнулъ: «И зачѣмъ я переводилъ Эверса и Неймана!»

Въ заключеніе третьяго тома «Исслѣдованій», въ послѣсловіи, ты роздалъ въ удѣлъ разнымъ ученымъ мужамъ разные народы, а о себѣ сказалъ: «Я на свою долю взялъ и рассмотрѣлъ Нормановъ—*quiescant in pace!*» Но ты вспомни, любезный историкъ, что въ 1044 году, по волѣ ярославовой, «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ея...» (для того, чтобы онѣ не истлѣли во тьмѣ язычества). Не упокоятся же и любезные тебѣ Норманы въ трех-могильной тьмѣ твоихъ «Исслѣдованій», не смотря на твое зачураніе, и на твою неистовую критическую тризну! Наука не разъ еще поворошитъ ихъ кости, для обращенія въ лучшей свѣтъ истины!... Раздавая въ удѣлъ ученымъ мужамъ разные народы на изслѣдованіе, ты сказалъ тамъ: «О Болгарахъ законные судьи—молодые профессора славянскихъ нарѣчій, гг. Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Грягоровичъ.» Вотъ я, сойдясь съ тобою на *поль истины* филологической, и привелъ тебѣ послѣднія слова твоего перваго «законнаго судьи», слова о ближайшемъ средствѣ церковнославянскаго языка съ болгарскимъ! Но ты въ Отвѣтѣ остался недоволенъ и опредѣленіемъ самаго его, и сказалъ, что я напрасно его словами подтверждаю свое мнѣніе. Къ кому же, наконецъ, прибѣгнуть мнѣ, какъ не къ тебѣ же, о мой сердитый Юпитеръ!... Но прочь миеологія, и Скандинавія, и «Исслѣдованія»... Беру прежнюю твою, вступительную книгу, освященную именемъ нашего безсмертнаго, смиренно-мудраго кіевского лѣтописца,—беру твою книгу «*Несторъ*», М. 1839. Тамъ, въ концѣ (стр. 226), сказалъ ты: «Рассмотрѣть Нестора, какъ писателя, я предоставляю г. *Шевыреву*; рассмотреть языкъ его—г. *Бодянскому*, ибо для этого нужно знать болгарское нарѣчіе и малороссійское, кои знаю я недостаточно.» Вотъ

здѣсь говорить *русская душа Погудинъ*, отвратившій на время взоръ свой отъ образины шлецеровой.... И задача о Несторѣ, какъ писателѣ, исполнена была въ *седмой* лекціи Шевырева такъ удовлетворительно, какъ только можно было ожидать. И какъ мнѣ отрадно было увидѣть, что она окончена твоимъ заключеніемъ лекцій о Несторѣ, читанныхъ въ Ноябрь 1837 года, заключеніемъ, положеннымъ въ конецъ твоей книги; что въ концѣ обѣихъ вашихъ лекцій воспомнлись и мои слова о Несторѣ, изъ послѣсловія къ книгѣ о Русской землѣ, написаннаго 8 Ноября, 1836 года.... Шевыревъ повторилъ слова твоей лекціи: «Поставимъ мы... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописателя, Нестора... мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться, не для удовольвенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того *смирennemудрія*, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію одного изъ монаховъ товарищей: «Азъ грѣшный Несторъ, мнѣй всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Феодосія,» — трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину.»

Въ духѣ этого любознанія, возобновляю твое давнее желаніе, и усугубляю оное мовѣ благожеланіемъ, чтобы и другое твое порученіе тоже исполнялось, т. е., чтобы г. профессоръ Бодянской по-трудился написать въ «Русскую Бесѣду» свое мнѣніе о языкѣ Несторовой лѣтописи, а также Кіевской и Волынской (неправильно названныхъ Ипатьевской).... ему филологу—и книги въ руки!

Михайлова гора.
5 Февраля 1837.

М. Максимовичъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СПОСОБАХЪ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ПРОВІАНТА И ФУРАЖА ДЛЯ АРМІИ И ФЛОТА.

Въ отчетѣ Коммиссаріатскаго департамента Морскаго министерства за 1855 годъ, напечатанномъ въ Морскомъ Сборникѣ истекшаго года, была высказана необходимость измѣнить существующій порядокъ заготовленія провіанта и фуража для флота. Многія періодическія изданія отозвались объ этомъ предметѣ въ выраженіяхъ общихъ, очевидно безъ надлежащаго знанія дѣла. Въ декабрьской книгѣ Морскаго Сборника предложенъ новый способъ заготовленія провіанта для арміи и флота, посредствомъ постоянной закупки хлѣба въ запасные казенные магазины, съ уплатою за опый въ два раза: сперва по низкимъ, для каждой мѣстности однажды назначеннымъ нормамъ, а потомъ по добавочнымъ настоящимъ, ежегодно осенью правительствомъ утверждаемымъ, цѣнамъ; и въ этой же статьѣ заданы вопросы для лучшаго уясненія этого дѣла. Въ № 9-мъ Экономическаго указателя нынѣшняго года помѣщенъ разборъ сего предположенія, даны нѣкоторые отвѣты на вышеупомянутые вопросы и представлена защита нынѣ существующаго порядка провіантскихъ заподрядовъ. Будучи помѣщикомъ-земледѣльцомъ въ нѣсколькихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, зная хлѣбную торговлю на дѣлѣ, и какъ продавецъ, и какъ покущикъ, и принимая болѣе десяти лѣтъ участіе въ поставкахъ хлѣба въ казну, я считаю долгомъ сказать по сему предмету нѣсколько словъ безпристрастныхъ и опытомъ внушенныхъ. Думаю, что могу обѣщать слова *безпристрастныя* потому, что значительнымъ хлѣбнымъ продавцемъ я былъ и есмь по званію помѣщика; поставщикомъ же хлѣба въ казну я былъ и быть

желаю, если только способ заготовленія будет или останется возможнымъ и безобиднымъ для поставщиковъ.

Теперь въ большомъ ходу желаніе искоренять всякія злоупотребленія, и особеннымъ благорасположеніемъ пользуется мысль приобрѣтать хлѣбъ и фуражъ для казны *изъ первыхъ рукъ*. Душевно сочувствую и этому безкорыстному, вполне современному желанію, и этой благой, въ сущности совершенно справедливой, мысли; но думаю, что необходима, въ дѣлахъ столь важныхъ, самая строгая осмотрительность. Иногда въ лучшихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ на дѣѣ кроется опасность, и часто немалая. Захочешь уничтожить по какому-либо дѣлу всѣ злоупотребленія, и оказывается, что по новому предположенію самое дѣло идти не можетъ; ищешь въ виду самый благонамѣренный проектъ, а выходитъ на повѣрку что онъ—произведеніе кабинетныхъ думъ и соображеній, при исполненіи, хромаетъ на обѣ ноги.

Что злоупотребленія по заготовленію провіанта и фуража, были и теперь бывають въ отечествѣ нашемъ — это неоспоримо. Что у насъ, при отсутствіи гласности и по многимъ другимъ причинамъ, этихъ злоупотребленій, быть можетъ болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ — и съ этимъ можно согласиться. Но должно сознаться, что жалобы, всюду раздающіяся и всѣми повторяемыя, на чиновниковъ провіантскаго вѣдомства, дѣйствовавшихъ, быть можетъ, неправильно и недобросовѣстно во время и на поиррищѣ войны, и на поставщиковъ, нажившихъ, въ это смутное время, большія деньги, не могутъ быть относимы ни къ чиновникамъ, ни къ поставщикамъ по обыкновеннымъ, на законномъ основаніи, въ мирное время, производимымъ заготовленіямъ хлѣба для казны. Бывши почти постояннымъ поставщикомъ хлѣба въ казну въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, зная немалое число людей, исключительно занимающихся этимъ дѣломъ, я по совѣсти могу сказать, что, при обыкновенныхъ заподазрѣдахъ и поставкахъ хлѣба въ казну, большихъ, вопіющихъ злоупотребленій нѣтъ, и въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ таковыхъ не было. Чиновники провіантскаго вѣдомства дѣйствуютъ болѣею частью добросовѣстно; дѣло съ ними имѣть можно; и если помѣщики и продавцы изъ первыхъ рукъ хлѣба и фуража, не рѣшаются вступать въ обязательства съ казною, то виною тому не злоупотребленія этихъ чиновниковъ, а другія, не зависящія отъ того, обстоятельства. Поставщики хлѣба въ казну въ это время также не наживали зна-

чительныхъ денегъ, ибо цѣны по большей части были крайне умеренныя. Въ послѣдніе десять лѣтъ три раза поставщики были въ убыткахъ и немалыхъ; значительныхъ же барышей они не имѣли ни одного года; и если они продолжаютъ являться на торги, то это только потому, что они къ этому дѣлу привыкли и что въ послѣднее время частная хлѣбная торговля вообще не доставляла надлежащихъ выгодъ.

Не буду разсматривать и опровергать вышеупомянутое предположеніе, напечатанное въ декабрьской книгѣ Морскаго Сѣорника, на счетъ учрежденія запасныхъ казенныхъ магазиновъ. Этотъ проектъ прекрасно и съ знаніемъ дѣла разобранъ въ Экономическомъ указателѣ и оцѣненъ тамъ по дѣйствительной его стоимости. Могу добавить лишь одно: учрежденіе казенныхъ скупныхъ магазиновъ есть дѣло совершенно невозможное, не потому только, что при этой скупкѣ хлѣба отъ мелкихъ поставщиковъ, злоупотребленія возможныѣе, чѣмъ при нынѣшнемъ порядкѣ заготовленія, и что для предполагаемой операціи нужно несравненно большее число добросовѣстныхъ чиновниковъ, чѣмъ теперь, и не потому, что убыточно для казны во многихъ мѣстахъ заводить запасы хлѣбоз; а главнѣйшее по той причинѣ, что скупка хлѣба требуетъ непременно игры произвола и соображенія на мѣстѣ: надобно имѣть возможность мгновенно и поднимать и опускать цѣны. Безъ этого, при упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ, казна будетъ завалена хлѣбомъ, или многіе должны будутъ везти свой хлѣбъ назаль, что *жарчисто* и подорветъ довѣріе къ казенной покупкѣ; а при возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, казна останется совершенно безъ хлѣба. Купцы, отправляющіе прикащиковъ для покупки хлѣба, никогда не назначаютъ имъ цѣнъ на отрѣзъ, а зная, что *Богъ цѣны строитъ*, они даютъ имъ приказанія широкія, ограничивая ихъ лишь количествомъ покупки при такихъ или иныхъ цѣнахъ. Скупка хлѣба можетъ быть произведена лишь частными людьми или компаніями, имѣющими возможность рѣшаться мгновенно, по своему усмотрѣнію; для казны же это дѣло совершенно невозможное, и нѣтъ средствъ его обставить такъ, чтобы оно было въ состояніи идти удовлетворительно. Что же касается до мнѣнія нѣкоторыхъ людей, что этимъ средствомъ можно протыводѣйствовать сильному колебанію цѣнъ, замѣчаемому у насъ въ Россіи, то этотъ доводъ не стоитъ и разсмотрѣнія: если сообразить количество производимаго хлѣба въ Россіи или даже количество онаго, имѣющее посту-

нить въ продажу при урожаѣ, съ количествомъ хлѣба, которое можетъ быть куплено казною, то это предположеніе похоже на мысль удержать приливы и отливы моря посредствомъ рѣчныхъ шлюзовъ.

Оставимъ въ сторонѣ эти мечтательные проекты, и выйдемъ поглубже въ мысль, которая не разъ высказывалась даже официально и которая дѣйствительно заключаетъ въ себѣ много обольстительнаго. Я хочу говорить о желаніи покупать въ казну хлѣбъ и фуражъ изъ *первыхъ рукъ*, г. е., отъ самихъ производителей.

Кто первые и главные производители провіанта? Очевидно, крестьяне и помѣщики.

Посмотримъ: могутъ ли крестьяне, производящіе всего болѣе хлѣба, прямо ставить оный въ казну? Нѣтъ сомнѣнія, что *по одной* не лзя имъ продавать свои произведенія въ казну, ибо она не можетъ принимать провіантъ ни по единицамъ, ни по десяткамъ четвертей. Въ устраненіе этого неудобства придумываютъ составленіе *крестьянскихъ компаній*. Трудно не улыбнуться при этой мысли; почти совѣстно на ней нѣсколько останавливаться; но какъ она поддерживается людьми, впрочемъ дѣльными, то нельзя не сказать объ этомъ нѣсколькихъ словъ. Едва, едва составляются у насъ компаніи между торговцами и дворянами — людьми зажиточными, искушенными въ дѣлѣ бумажномъ, бывшими болѣею частью на службѣ и прошедшими, какъ говорится, сквозь огонь и воду. Какъ же полагать, что крестьяне, люди болѣею частью безграмотные и безгласные, добровольно согласятся составлять форменные, на бумагѣ, компаніи для вступленія въ обязательства съ казною? Конечно артели и согласія существуютъ въ крестьянствѣ; но отличительная ихъ черта состоитъ въ томъ, что у нихъ все на довѣрїи, и нѣтъ ничего на бумагѣ. Ни въ какое бумажное согласіе крестьяне не пойдутъ, развѣ ихъ къ тому силою привлекутъ; едва ли этотъ способъ будетъ одобренъ благонамѣренными людьми, ищущими, для пользы самихъ крестьянъ, привлечь ихъ къ этому дѣлу. Слѣдовательно отъ крестьянъ изъ первыхъ рукъ казна не можетъ приобретать хлѣба.

Помѣщики бываютъ богатые, средніе и мелкопомѣстные. Последніе, по продажѣ хлѣба въ казну, должны быть отнесены къ разряду крестьянъ; ибо *по одной*, по значительности продажныхъ количествъ хлѣба, они ставятъ его въ казну не могутъ; компаніи же между ними еще менѣе возможны, чѣмъ даже между крестья-

нами; ибо они другъ къ другу не имѣютъ никакого довѣрія и состоятъ между собою почти въ постоянныхъ ссорахъ. Богатые помѣщики живутъ большею частью въ Петербургѣ, и ихъ имѣнія управляются людьми, взятыми, такъ сказать, съ улицы (включенія изъ этого общаго правила довольно рѣдки). Сіи помѣщики охотнѣе позволять этимъ наемникамъ себя обворовывать, чѣмъ рѣшатся дать имъ довѣренность на вступленіе въ обязательства съ казною; управляющимъ же это и рука, ибо для нихъ гораздо сподручнѣе продавать хлѣбъ купцамъ, съ которыми удобны темныя сдѣлки, чѣмъ ставить его въ казну по контрактамъ и по опредѣленнымъ цѣнамъ; а потому они всячески доказываютъ и будутъ доказывать своимъ довѣрителямъ, что торговцамъ ставить хлѣбъ выгоднѣе, чѣмъ продавать его въ казну. Если изъ этихъ помѣщиковъ выищется одинъ какой-либо, который прикажетъ своему управляющему непремѣнно ставить хлѣбъ въ казну, то сей послѣдній найдетъ средства, по силѣ контракта съ казною, подвести своего довѣрителя подъ отвѣтственность и отъучить его отъ охоты впредь продавать хлѣбъ въ казну (').

(1) Даже добросовѣстные управляющіе, противъ воли и желанія, легко могутъ подвести своихъ довѣрителей подъ отвѣтственность. Вотъ нѣсколько къ тому возможностей: въ 1-хъ, въ контрактѣ говорится, что $\frac{2}{3}$ части всего закупочнаго хлѣба должны быть поставлены непремѣнно къ 10 Марта; въ противномъ случаѣ за недоставленное количество взыскивается по 20 к. сер. на рубль цѣнности невыставленнаго хлѣба. Иногда путь прекращается въ Февралѣ, и поставщикъ, не выставившій хлѣба къ сроку, подлежитъ платежу неустойки. Второй случай: все остальное количество хлѣба, т. е. послѣднимъ $\frac{1}{3}$ часть онаго должна быть поставлена не позже открытія навигаціи, безъ всякой отсрочки. Весьма часто не бываетъ пути до посылки; во время же посылки нѣтъ возможности ни за какія деньги нанять пашошниковъ; опять неисправный поставщикъ подвергается отвѣтственности. Чтò теперь спасаетъ поставщиковъ отъ этой отвѣтственности. Личное довѣріе чиновника, принимающаго хлѣбъ, къ поставщику: чиновникъ часто вовсе не изъ корыстныхъ видовъ, но будучи вполне увѣренъ въ контрагентѣ, отсрочиваетъ на своей стражи поставку, назначенную къ 10 Марта, до открытія навигаціи, а поставку, назначенную къ открытію навигаціи—до втораго сплава (ибо казенный хлѣбъ почти всегда на половину доставляется вторымъ сплавомъ, во время коего цѣны на доставку бывають много дешевле). Такимъ образомъ казна, при оказываемомъ снисхожденіи чиновника, не терпитъ ни малѣйшаго убытка; чиновникъ не подвергается никакой отвѣтственности, и контрагентъ остается свободнымъ отъ всякаго взысканія. Очевидно, что такую льготу не можетъ пользоваться помѣщикъ, живущій въ отдаленности, и невѣстный или мало вѣстный чиновнику, а равно и управляющій, завѣдывающій имѣніемъ своего довѣрителя впредь до смѣны; а потому трудно, невозможно заочно, живучи въ дальнемъ городѣ, войти въ обязательства съ казною.

Слѣдовательно изъ богатыхъ помѣщиковъ могутъ въ это дѣло войти только тѣ, которые живутъ въ своихъ имѣніяхъ, или по близости оныхъ, и которые лично управляютъ своими хозяйствами. Къ сожалѣнію, такихъ помѣщиковъ крайне мало, и на нихъ однихъ трудно рассчитывать для закупки у нихъ хлѣба изъ первыхъ рукъ.

Изъ среднихъ помѣщиковъ нынѣ сами управляютъ своими имѣніями и даже живутъ въ своихъ деревняхъ. Они конечно могутъ быть поставщиками хлѣба въ казну; слѣдовательно ихъ преимущественно должно имѣть въ виду при предположеніи покупать хлѣбъ изъ первыхъ рукъ. Но, чтобъ быть поставщикомъ въ казну, нужно: во 1-хъ ѣхать на торги; во 2-хъ имѣть свою мельницу или такую, которую можно нанять по сосѣдству; въ 3-хъ владѣть имѣніемъ по близости пристани, на которой покупается казенный хлѣбъ; въ 4-хъ послать человека надежнаго для закупки кулей; въ 5-хъ имѣть молодца для сдачи хлѣба на пристани и проч. Всѣ эти условія едва удобоисполнимы для среднихъ помѣщиковъ по отдельности, ибо расходы по 1-й, 4-й и 5-й статьямъ таковы, что они окупаются только при количествахъ поставки не ниже 3000 кулей; а средній помѣщикъ такое количество своего хлѣба имѣть не можетъ. Слѣдовательно онъ долженъ или составить компанію, или скупать хлѣбъ. Последнее будетъ противно цѣли — получать хлѣбъ изъ первыхъ рукъ; а первое крайне затруднительно даже между помѣщиками средней руки, ибо они вообще имѣютъ другъ къ другу очень мало довѣрія, — что уже доказано многими фактами и что конечно подтверждать сами помѣщики, живущіе по деревнямъ.

Слѣдовательно благонамѣренная мысль покупать для казны хлѣбъ изъ первыхъ рукъ едва ли исполнима въ томъ объемѣ и въ той исключительности, въ которыхъ желательно было бы ее осуществить. Какая главная цѣль этой мысли? Покупать хлѣбъ для казны по возможно дешевымъ цѣнамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передавать эти цѣны производителямъ полнымъ количествомъ, не удѣляя изъ нея ничего торговцамъ, скупающимъ хлѣбъ. Мы, кажется, доказали, что безъ скупки хлѣба обойтись нельзя, ибо казнѣ самой скупать не воз-

Извѣстно, какими убытками часто подвергаются богатые помѣщики — винокурные заводчики, но тутъ дѣло иное; нельзя ставить вино иначе, какъ въ казну; а потому въ обязательства сего рода гонить помѣщиковъ не охота, а неволя.

можно, а частные люди, большею частью поодиночкѣ, свой хлѣбъ ставить не могутъ, компаніи же составить они не въ состояніи; слѣдовательно *скупка необходима*, и теперь весь вопросъ въ томъ: кто будетъ скупать? Мнѣ кажется, что для большей массы производителей, т. е., для крестьянъ и дворянъ выгоднѣе, чтобъ скупщикъ было какъ можно болѣе, и чтобъ скупка не была привилегіею нѣкоторыхъ людей. Слѣдовательно, какъ невыгодно для земледѣльцевъ, чтобъ одни купцы собирали хлѣбъ въ свои руки, такъ невыгодно и то, чтобъ помѣщики одни сдѣлались монополистами по хлѣбной торговлѣ. Эта исключительность, эта привилегированность равно неудобна и для правительства, ибо если купцы совершенно устранились отъ поставки хлѣба въ казну, то дворяне сдѣлаются въ отношеніи къ ней монополистами, и въ послѣдствіи трудно будетъ купцовъ вновь привлечь къ этой отрасли торговли. У насъ вообще не легко открывать новыя или возстановлять старыя промышленности, развѣ побинутыя. Какъ теперь затруднительно дворянъ привлечь къ поставкамъ въ казну, такъ въ послѣдствіи неудобно будетъ опять купцовъ къ тому приохотить. Слѣдовательно отъ этого исключительнаго стремленія покупать хлѣбъ изъ первыхъ рукъ могутъ послѣдовать большіе убытки и большое стѣсненіе, какъ для казны, такъ и для самихъ хлѣбныхъ производителей. А потому не должно стремиться, во чтобы то ни стало, къ покупкѣ хлѣба для казны изъ первыхъ рукъ, а необходимо *по возможности расширить кругъ скупщиковъ хлѣба и поставщиковъ онаго въ казну*. Вотъ цѣль, которую слѣдуетъ имѣть въ виду, и вовсе не увлекаться теоретическими аксіомами, устанавливаемыми наукою не въ видѣ руководительныхъ правилъ для дѣйствія, а какъ идеалы, никогда недостижимые, но долженствующіе всегда освѣщать пути людскіе; осуществить же эти идеалы дано всему человечеству, а не какому либо отдѣльному времени или народу. То же должно разумѣть о свободѣ торговли, о равенствѣ между людьми и пр.

Впрочемъ, во всѣхъ статьяхъ, доселѣ напечатанныхъ, говорится о поставкѣ хлѣба въ казну одними хлѣбными торговцами, и о необходимости покупать хлѣбъ въ казну изъ первыхъ рукъ, какъ будто правительство, по заготовленію провіанта, доселѣ находилось въ рукахъ однихъ торговцевъ, и какъ будто оно еще ничего не сдѣлало для освобожденія себя отъ этихъ монополистовъ. Воображенію почти всѣхъ авторовъ напечатанныхъ статей являются кулаки, скупщики хлѣба,

обививающіе, обвѣшивающіе и обсчитывающіе бѣдныхъ продавцовъ, и монополисты — купцы, заставляющіе казну покупать провіантъ по цѣнамъ, какія имъ угодно назначить. Странно, что эти авторы не заблагоразсудили предварительно узнать то, что правительствомъ уже сдѣлано по этой части въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ. Иначе конечно много страницъ осталась бы не написанными или, по крайней мѣрѣ, не напечатанными, и приступлено было бы прямо къ обсужденію того, что еще остается сдѣлать по этой части. Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ.

Въ 1845-мъ году состоялись Высочайше утвержденныя облегчительныя правила, на основаніи коихъ дворянства нѣсколькихъ губерній (1) получили право брать поставки провіанта въ казну почти безъ залоговъ (2) на ближайшія отъ нихъ пристани, безъ обязанности сплачивать оный до мѣстъ назначенія, и съ полученіемъ задатковъ подъ имѣющійся у помѣщиковъ хлѣбъ въ скирдахъ или въ зернѣ, или подъ залого, остающіяся у помѣщиковъ свободными по заключеніи контрактовъ (3). Помѣщикамъ дозволено брать поставки и по одиначкѣ и компаніями. Въ первомъ случаѣ количество запродаваемого хлѣба не можетъ быть менѣе 1000 кулей муки и 100 кулей крушъ, а въ послѣднемъ—не менѣе 3000 кулей муки и 300 четв. крушъ. Сверхъ того, при равныхъ цѣнахъ, выпрошенныхъ помѣщиками и купцами, вѣдно утверждать поставки за первыми.

Не смотря на сія значительныя преимущества, дворянство не охотно вступало въ обязательства съ казною по поставкамъ хлѣба. Число помѣщиковъ, рѣшившихся ставить хлѣбъ по одиначкѣ, было крайне ограничено; что же касается до компаній, то и немногія образовавшіяся въ началѣ компаніи едва ли окончили свои операціи удовлетворительнымъ образомъ. Въ послѣднее время уже и не было слышно о вновь состоявшихся компаніяхъ.

(1) Рязанской, Тамбовской, Симбирской, Казанской и еще двухъ какихъ-то губерній.

(2) Имѣнія, заложеныя въ Кредитныхъ учрежденіяхъ, могутъ по силѣ заповѣдаемъ въ казну поступать въ дополнительный залогъ, равный суммѣ первоначальнаго залога; а имѣнія незаложенныя имѣютъ обезпечивать двойную сумму противъ той, какая могла бы быть выдана изъ Кредитныхъ учрежденій.

(3) Если часть залоговъ, упомянутыхъ въ примѣчаніи 2 мѣ, остаются свободными, то помѣщики могли и подъ него получать задатки.

Военное министерство, желая всячески привлечь дворянство къ хлѣбнымъ запродамъ, въ 1856 году еще умножило его преимущества. Оно распространило на все Россійское дворянство права, прежде предоставленыя дворянствамъ только въ некоторыхъ губерніяхъ; оно приняло на свой страхъ храненіе хлѣба на пристаняхъ до нагрузки ⁽¹⁾; оно объявило, что будетъ платить деньги въ сроки съ полною исправностью и окончательно разсчитываться съ поставщиками на пристаняхъ, а не въ комиссіяхъ, какъ это дотогѣ было. Сверхъ того, чтобъ еще болѣе подвигнуть дворянство ко вступленію въ это дѣло, правительство командировало для произведенія торговъ въ важнѣйшіе пункты самаго Генераль-провіантмейстера, котораго высокое званіе и личность внушали особенное довѣріе. Военное министерство сдѣлало еще болѣе: оно объявило дворянству свои цѣны за три дни до торговъ, предоставляя ему исключительное право брать поставки по этимъ цѣнамъ.

И, не смотря на всѣ эти огромныя преимущества, изъ дворянъ оказалось немного охотниковъ вступать въ обязательства съ казною; правда, поставки были взяты не компаніями, не средними дворянами, а нѣсколькими богатыми помѣщиками, желавшими упрочить за своимъ сословіемъ выгоды этой торговли. Справедливость требуетъ сказать, что въ истекающемъ подрядномъ году казна съ своей стороны выполнила свои обѣщанія и обязанности исполнѣ честно и добросовѣстно.

За снѣгъ—нужно ли составлять проекты о какихъ-то запасныхъ казенныхъ магазинахъ, или иныя новыя предположенія? Мнѣ кажется, что правительство идетъ настоящимъ путемъ, и что слѣдуетъ только исправлять въ некоторые неудобства, опытомъ указываемыя. Ихъ не много, и устранить не трудно. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ:

1-е. Въ контрактахъ на поставку хлѣба ссылаются на разныя статьи Свода военныхъ постановленій. Дворяне болшею частью не знаютъ этого Свода, а весьма многіе изъ нихъ его никогда и не видали, а потому ссылка на неизвѣстное пугаетъ многіхъ. Слѣдуетъ напечатать изъ Свода военныхъ постановленій выписку статей, упоми-

(1) Въ 1840-хъ годахъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ случился пожаръ на Шилловской пристани (Ряз. губ.), и хлѣбъ, выставленный въ казну помѣщиками, весь погорѣлъ; хотя правительство поступило въ этомъ случаѣ съ контрагентами вообще весьма снисходительно, но этотъ случай перепугалъ дворянъ еще болѣе, и они почти вовсе уклонились отъ этого дѣла.

наемыхъ въ контрактъ и выдавать по экземпляру оной каждому контрагенту при заключеніи съ нимъ условія , а равно сообщать эту выписку всѣмъ желающимъ торговаться, вмѣстѣ съ проектомъ контракта, обыкновенно представляемымъ на торгахъ.

Во 2-хъ, писать контракты какъ можно опредѣлительнѣе и отнюдь не употреблять выраженій многообъемлющихъ , но несодержащихъ положительнаго смысла; какъ напримѣръ: « во всѣхъ случаяхъ, здѣсь непоменованныхъ , руководствоваться общими правилами , опредѣленными въ Сводѣ военныхъ постановленій и соответствующими иныъ законами гражданскими, сколько эти послѣдніе, по свойству подрядовъ военнаго вѣдомства и по обстоятельствамъ дѣла, приличны быть могутъ. » Слѣдуетъ также нѣсколько сократить форму контракта, ибо въ ней есть повторенія и неясныя, многорѣчивыя пункты.

Въ 3-хъ; предоставить закономъ чиновнику, принимающему хлѣбъ на пристани, на его страхъ, дѣлать поставщикамъ отсрочки не болѣе какъ на одинъ мѣсяць, а провіантскимъ комиссіямъ на сроки не свыше трехъ мѣсяцевъ. Эти отсрочки, какъ мною сказано въ примѣчаніи на стр. 109, дѣлаются и теперь; но теперь чиновникъ принимаетъ на свой страхъ и то, что помѣщикъ можетъ не выставить хлѣба, и то, что ревизоръ изъ комиссіи или изъ министерства можетъ пріѣхать, учесть его и отдать подъ судъ. Эти отсрочки *необходимы*, и, не имѣя ихъ въ виду, нельзя вступать въ обязательства съ казною. Онѣ постоянно дѣлаются всѣми чиновниками, завѣдывающими приемкою хлѣба; слѣдовательно нужно закономъ допустить то, что допускается теперь обычаемъ вопреки закона. Убытка или риска для казны нѣтъ никакого: правительство дозволить только своему чиновнику, на его страхъ, по его усмотрѣнію, дѣлать необходимыя отсрочки. Слѣдовательно изъ двухъ страховъ оно только отбѣднѣетъ одинъ, конечно въ сущности ничтожный, ибо учесть чиновника, принимающаго хлѣбъ, есть дѣло почти невозможное (1); но существованіе въ законѣ этого страха усиливаетъ то, что можно назвать премією застрахованія.

Въ 4-хъ, нужно постановить въ контрактѣ, что если казна не уплатитъ денегъ въ теченіи одного мѣсяца, то по истеченіи онаго,

(1) Если бы ревизоръ вздумалъ учитывать чиновника, то сей послѣдній предъявить ему хлѣбъ, принадлежащій какому либо купцу или помѣщику: дѣло всегда возможное и удобное, если чиновникъ провіантнаго вѣдомства хорошій и издежный человекъ.

она платитъ по $\frac{1}{4}$, проценту въ мѣсяцъ со дня сдачи хлѣба, а если окажется неисправною даже трехъ мѣсяцовъ, то подлежитъ той же неустойкѣ, которой подвергается неисправный поставщикъ.

Всѣ эти измѣненія слѣдуетъ сдѣлать не въ пользу однихъ дворянъ, а для всѣхъ поставщиковъ хлѣба, ибо они свойства общаго, а не относительнаго къ одному дворянству. Думаю, что, съ утвержденіемъ этихъ незначительныхъ перемѣнъ и съ распространіемъ упомянутымъ облегчительныхъ правилъ на заготовленія Морскаго министерства, закупка провіанта и фуража для арміи и флота окажется удовлетворительною, и для казны, и для поставщиковъ. Стремленіе покупать продукты изъ первыхъ рукъ достигнетъ своей цѣли на столько, на сколько это возможно, а правительство, не устраняя купцовъ и привлекая дворянъ, въ непродолжительномъ времени достигнетъ желаннаго, т. е., *покупки лучшихъ продуктовъ по возможно-дешевымъ цѣнамъ.*

Въ заключеніе позволю себѣ вкратцѣ изложить тѣ общія начала, которыя, по указаніямъ науки и опыта, должны служить руководствомъ въ дѣлѣ казенныхъ запродаждовъ, и которыя лежатъ въ основаніи высказаннаго мною мнѣнія.

1. При всѣхъ закупкахъ, производимыхъ хозяйственнымъ образомъ, невозможны ни вѣрный учетъ, ни надлежащая гласность; а потому они убыточны для казны и вредны для общественной нравственности.

2. Надежнѣйшій способъ заготовленія нужныхъ произведеній для казны есть запродажа съ *публичныхъ торговъ*; одинъ только этотъ способъ заготовленія окруженъ всеми безъ изъятія необходимыми и существеннѣйшими условіями и обезпеченіями, которыя должны неизмѣнно сопутствовать всякой казенной операціи.

3. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть самый выгодный для правительства и самый благопріятный для укорененія довѣрія частныхъ лицъ къ казнѣ и на оборотъ; довѣріе же есть первое основаніе государственнаго и общественнаго хозяйства.

4. Покупка произведеній изъ первыхъ рукъ вообще есть принадлежность младенческаго общества; при бѣльшей его зрѣлости, устанавливается раздѣленіе труда и промысловъ; и торговое сословіе въ государствѣ, какъ посредствующее звѣно между производителемъ и потребителемъ, становится такою же существенною необходимостію, какъ и самая производительность.

5. Премія, взимаемая торговцомъ, есть справедливое вознагражденіе за употребленный капиталъ, за хлопоты и риски.

6. Эта премія бываетъ излишняя и следовательно обременительная для производителя и потребителя только въ томъ случаѣ, если нѣтъ достаточнаго соперничества между торговцами, т. е., достаточной свободы въ сдѣлкахъ, достаточной гласности и достаточнаго дѣвѣрія къ правительству и между частными людьми.

А. Кошелевъ.

3-го Мая
1887 года.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ДМИТРІИ ПЕТРОВИЧѢ

ЖУРАВСКОМЪ.

(Письмо къ редактору Русской Бесѣды).

Вы хотите помянуть въ Русской Бесѣдѣ недавно скончавшагося Дмитрія Петровича Журавскаго, и требуете отъ меня, чтобы я написалъ вамъ все, что я о немъ знаю и помню.... Скажу вамъ откровенно, я знаю о немъ такъ мало, и все, что я въ состояніи припомнить, будетъ такъ недостаточно для оцѣнки по достоинству этой замѣчательной личности, что я не рѣшился бы принять на себя обязанность, которую вы возлагаете на меня, и передать бы ее другому, если бы имѣлъ въ виду другаго, кто бы могъ ее исполнить. Но, сколько мнѣ известна жизнь Журавскаго, (по крайней мѣрѣ, по тремъ годамъ, проведеннымъ имъ въ Кіевѣ въ то время, какъ и я тамъ жилъ), едва ли кто нибудь, кромѣ жены его, помогавшей ему даже въ ученыхъ его трудахъ, находился съ нимъ въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ. Видаюсь съ нимъ довольно часто, я очень рѣдко заставлялъ у него кого нибудь, да и тѣ, которые знали и цѣнили его, видѣли въ немъ добросовѣстнаго, ученаго спеціалиста, исключительно преданнаго своему дѣлу и съ которымъ, по видимому, больше ни о чемъ не приходилось говорить, какъ только о статистикѣ. Разсудите же: легко ли сблизиться съ человѣкомъ на однихъ таблицахъ и цифрахъ?

Я сказалъ, что немногіе знали и цѣнили покойнаго, и заранѣе увѣренъ, что никто изъ этихъ немногихъ не попрекнетъ меня въ

несправедливости, если я прибавлю, что мы всё цѣнили его какъ-то равнодушно и холодно. По крайней мѣрѣ, во мнѣ, воспоминаніе о Журавскомъ неразлучно съ тайнымъ упрекомъ совѣсти. Вѣдь существуетъ же въ каждомъ обществѣ хоть слабая связь, хоть нѣкоторая круговая отвѣтственность всѣхъ за каждого, во имя одной общей пользы, и независимо отъ родства или службы? Мы встрѣтили человѣка съ замѣчательнымъ, и въ своемъ родѣ почти единственнымъ у насъ, дарованіемъ, человѣка, котораго самый утомительный трудъ не только не пугалъ, но, по видимому, привлекалъ къ себѣ, человѣка, который могъ сдѣлать много и много полезнаго, и при этомъ ничего не просилъ для себя, кромѣ занятій и дѣла— и въ нашихъ глазахъ этотъ талантъ пролежалъ почти праздно, по крайней мѣрѣ, не давъ и половины тѣхъ процентовъ, которые можно было получить съ него; это рвеніе къ труду истомилось, не найдя для себя достаточной пищи.—«Ему не повезло!»

Да! но правы ли мы передъ нимъ, и можемъ ли сказать теперь, положивъ руку на сердце, что мы все то для него сдѣлали, что бы должно и что бы можно было сдѣлать?

Вотъ это грустное убѣжденіе, подтверждаемое не однимъ примѣромъ, что много у насъ пропадаетъ доброй воли и дарованій, можетъ быть и признанныхъ, но неупотребленныхъ въ дѣло единственно потому, что скучно и какъ будто совѣстно расталкивать передъ ними равнодушную толпу и прочищать для нихъ тропинку,—заставляетъ меня теперь, хотя ужъ и поздно, посвятить нѣсколько строкъ памяти почтеннаго и скромнаго труженика.

Д. П. Журавскій родился въ Могилевской губерніи, и, лишившись отца еще въ дѣтствѣ, отдавъ былъ на воспитаніе въ Петербургскій 1-й Кадетскій корпусъ. Любовь къ серіознымъ занятіямъ и страсть къ чтенію развились въ немъ чрезвычайно рано. Не ограничиваясь слушаніемъ и повтореніемъ уроковъ по предметамъ входившимъ въ кругъ преподаванія, онъ, и въ свободное отъ обязательныхъ занятій время, не выпускалъ изъ рукъ книгъ самаго серіознаго, даже ученаго содержанія, до которыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ обыкновенно и не прикасаются. Такимъ образомъ, въ продолженіи своего ученія, онъ перечиталъ, кромѣ древнихъ классиковъ, нѣсколько философскихъ сочиненій и вынесъ изъ кадетскаго корпуса обильный запасъ познаній и ученое образованіе, конечно неполное, но прочное и живое, какъ все приобретаемое самостоятельнымъ тру-

домъ. Черезъ годъ по выходѣ изъ корпуса, въ 1830 году, Журавскій отправился въ походъ. Скуденъ былъ багажъ молодого прапорщика; но и въ немъ главное мѣсто занимала его любимыя книги. За отличную храбрость, оказанную имъ при взятіи Варшавы, онъ получалъ первый свой орденъ, и, по окончаніи войны, перешелъ въ гражданскую службу, къ занятіямъ по составленію свода военныхъ постановленій. Прямой его начальникъ, графъ Сперанскій, о которомъ до конца жизни своей Журавскій не могъ говорить безъ внутренняго волненія, скоро оцѣнилъ способности и безкорыстное рвеніе своего подчиненнаго; онъ полюбилъ въ немъ его упорное, неподкупное стремленіе къ пользѣ и правдѣ, и неоднократно отличалъ его самымъ лестнымъ для него образомъ,—задавая ему трудныя работы, отъ которыхъ уклонялись другіе. Впрочемъ, и здѣсь занятія Журавскаго не ограничивались предѣлами его служебныхъ обязанностей; онъ пристрастился къ механикѣ, изучилъ ее очень основательно и началъ самъ строить модели и машины. Къ этому же времени относится его женитьба. Все, по вѣдимому, благопріятствовало Журавскому; впереди было много дѣла, требовавшаго полного напряженія силъ, и вдругъ все разстроилось. Смерть Сперанскаго (весною 1839 года) лишила его покровителя, котораго онъ глубоко почиталъ и которому былъ преданъ всею душою; въ сослуживцахъ же своихъ онъ не находилъ ни согласія въ убѣжденіяхъ, ни сочувствія, и потому рѣшился уѣхать изъ Петербурга, оставивъ за собою съ глубокимъ сожалѣніемъ прерванныя занятія и лучшую пору служебной своей дѣятельности. Министерство государственныхъ имуществъ въ ту пору только что образовалось. Журавскій перешелъ на службу въ это вѣдомство, и перебрался въ Каменецъ-Подольскъ, а оттула въ Одессу; тамъ онъ познакомился съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, который, имѣвъ случай оцѣнить способности Журавскаго и его неподкупную правдивость, привязался къ нему, возилъ его съ собою въ Парижъ и въ Вѣну, и потомъ доставилъ ему мѣсто въ штатѣ Канцеляріи главнаго директора комиссіи финансовъ и казначейства Царства Польскаго. Два года, 1841 и 1842, провелъ Журавскій въ Варшавѣ, въ постоянныхъ занятіяхъ финансовыми вопросами и розысканіями разнаго рода, болѣе и болѣе вводившими его въ кругъ камеральныхъ наукъ. Здѣсь, какъ кажется, окончательно установился тотъ спеціальный характеръ его ученой дѣятельности, которому онъ обязанъ своею извѣстностью.

Черезъ нѣсколько времени, обстоятельства поставили Журавскаго въ совершенно новое положеніе. По предложенію Л. А. Нарышкина, онъ согласился принять въ свое управленіе огромное и разстроенное его имѣніе Саратовской губерніи, Балашевскаго уѣзда. Страннымъ можетъ показаться такое предпочтеніе скромной дѣятельности, въ деревенской глуши, служебнымъ занятіямъ на довольно-видномъ мѣстѣ; но въ Журавскомъ служебное честолюбіе было весьма мало развито. Ему нуженъ былъ трудъ и увѣренность въ пользу употребляемыхъ имъ усилій, а этииъ двумъ условіямъ частная должность, имъ принятая, вполне удовлетворяла; ему предстояло изучать до основанія, какъ онъ изучалъ все, новый для него бытъ, раскрыть много за-таеннаго и прикрытаго, и внести разумную стройность въ такую сферу, гдѣ обыкновенно господствуетъ одинъ обычный беспорядокъ. Къ тому же, здѣсь каждая мысль его немедленно переводилась въ дѣло, исполненіе было въ его рукахъ; всѣ средства были ему даны для того, чтобы обезпечить благосостояніе 6500 душъ крестьянъ. Лучшей для себя задачи онъ не искалъ. Въ какой мѣрѣ внѣшнія, отъ воли его независимыя, обстоятельства благопріятствовали исполненію его добрыхъ намѣреній, объ этомъ я не могу судить; но помню, что въ послѣдствіи онъ не только не сожалѣлъ о томъ, что на два года перервалъ свои служебныя занятія, а, напротивъ, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о времени, проведенномъ въ деревнѣ и въ скромныхъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ 1845 году Журавскій переехалъ въ Кіевъ и взялъ въ аренду хуторокъ подъ самымъ городомъ, на Куршевѣ. Здѣсь, на свободѣ, написалъ и выдалъ онъ первое свое сочиненіе, съ котораго началась его литературная извѣстность: *Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній* (1846).

Эта книга содержитъ въ себѣ не болѣе 210 страницъ, но въ такомъ тѣсномъ объемѣ и въ приложеніи къ спеціальному предмету, сосредоточенъ богатый запасъ многостороннихъ наблюденій и долгихъ размышленій,—умственный опытъ цѣлой жизни челоуѣка, мимо котораго ни одно явленіе не прошло незамѣченнымъ, и котораго неутомимая пытливость исходила изъ горячаго желанія привести посильную помощь бѣднѣйшей половинѣ общества.

Мы вообще привыкли поспѣшно износить изъ себя и пускать въ оборотъ всѣ наши впечатлѣнія и мысли, не давая имъ времени сложиться и окрѣпнуть; не такъ поступилъ Журавскій: ему было 35

лѣтъ, когда онъ рѣшился издать свое первое сочиненіе, отличающееся полною зрѣлостью строго выдержанной мысли и какимъ-то особеннымъ, лично ему свойственнымъ, характеромъ суровой правдивости. Именно этими качествами книга его въ то время поразила многихъ, и въ томъ числѣ бывшего министра внутреннихъ дѣлъ, покойнаго графа Л. А. Перовскаго, который долго держалъ ее на своемъ столѣ и не разъ о ней заговаривалъ. Но, можетъ быть, самыя ея достоинства были одною изъ причинъ, почему она прошла безъ всякихъ послѣдствій, какъ для статистики, такъ и для автора. Въ ней высказывалось такое требованіе искренности и дѣльности, котораго не лзя было допустить, безъ нѣкотораго опасенія, въ область бюрократической рутинны; а для того, чтобы разомъ оторваться отъ рутинны, чтобы перевернуть издавна установившіяся понятія и приемы — на это нужно было время, нужны были новые люди и продолжительныя усилія не одного, а всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ. Оставалось похвалить книгу, указывавшую на глубоко-укоренившіеся недостатки, и отложить ее въ сторону. Личной для себя пользы отъ успѣха ея, Журавскому также не лзя было ожидать. По прочтеніи ея, всякій могъ легко почувствовать, что авторъ долженъ быть человѣкъ несговорчивый, котораго не удовлетворитъ суетливое бездѣлье, и который, дорожа исключительно дѣломъ, едва ли въ состояніи будетъ, хотя бы и захотѣлъ, подчиниться множеству постороннихъ соображеній, замедляющихъ успѣхъ его.

Книга Журавскаго промелькнула быстро и скоро вышла изъ обращенія; но именно теперь, когда начинается у насъ пробуждаться потребность трезвой правды, кстати будетъ о ней напомнить.

Всѣ согласны въ томъ, что статистическое изученіе необходимо для приобрѣтенія отчетливаго познанія о матеріальныхъ нуждахъ и средствахъ нашего отечества; но этимъ далеко еще не исчерпывается его назначеніе и польза, которой мы вправѣ отъ него ожидать. Вопросы, по видимому, выходящіе изъ области статистики и возникающіе изъ общаго стремленія всей современной литературы уразумѣть внутренней бытъ русскаго человѣка, заглянуть въ его душу и подмѣтвить въ ней тѣ духовныя силы, которыми должна опредѣляться роль его въ исторіи человѣчества — эти вопросы, придающіе существенный интересъ, и ученымъ розысканіямъ, и современнымъ повѣстямъ, имѣютъ всѣ такую сторону, которая доступна исключительно для

статистических розысканий; а безъ уясненія этой стороны, изъ одинъ изъ нихъ не можетъ получить окончательнаго разрѣшенія.

Вы вѣрно замѣчали, что въ нашихъ сужденіяхъ и спорахъ мы обыкновенно довольствуемся самыми неопредѣленными категоріями; мы говоримъ: *много, мало, сильно, слабо, часто, рѣдко*, и т. д., выражая этими словами не столько отношеніе явленія, о которомъ идетъ рѣчь, къ цѣлой средѣ, изъ которой оно взято — (для этого у насъ недостаетъ данныхъ) — сколько совершенно случайное отношеніе этого явленія къ намъ самимъ, или мѣсто, занимаемое имъ въ ограниченномъ кругѣ нашихъ личныхъ наблюденій. Оттого такъ часто сталкиваются совершенно противоположныя сужденія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, сужденія, въ основаніи которыхъ почти всегда лежитъ живое, искреннее ощущеніе какой-нибудь стороны явленія, слѣдовательно лежитъ и нѣкоторая доля правды; но взаимное отношеніе этихъ долей, этихъ отвлеченныхъ свойствъ и неполныхъ очертаній намъ неизвѣстно. Мы ищемъ его и не находимъ.

Къ счастью, каждой духовной силѣ, каждому, самому отвлеченному, свойству живаго существа, народа или челоуѣка, непрѣтнно соответствуетъ особый порядокъ внѣшнихъ проявленій и твердыхъ, осязаемыхъ признаковъ, доступныхъ математически точному опредѣленію. Угадать эти признаки и уловить ихъ — вотъ высшая задача статистики. Привода къ одному знаменателю явленія жизни и опредѣляя ихъ взаимное *количественное* отношеніе, она даетъ возможность опредѣлить и *качественное* отношеніе невѣсомыхъ силъ, въ нихъ проявляющихся, отличить въ нихъ, что существенно и что случайно, чему суждено расти и множиться и что вымираетъ.

Указывая на эту высшую задачу статистики, въ той сферѣ, до которой, по видимому, ей нѣтъ дѣла, я знаю, что нѣтъ ничего легче, какъ поддаться соблазнительной очевидности ея выводовъ, и употребить во зло возможность переложенія сложныхъ понятій и явленій въ цифры; отсюда произошло много неудачныхъ попытокъ, отъ которыхъ, въ глазахъ многихъ, всѣ выводы вообще, основанные на цифрахъ, подверглись незаслуженному подозрѣнію; но само собою разумѣется, что злоупотребленіе не даетъ права отвергать безусловно ничѣмъ назамѣнимый способъ изученія, тѣмъ болѣе, что неудачи, нѣсколько разительныхъ примѣровъ которыхъ привелъ самъ Журавскій въ своей книгѣ, происходили по большей части отъ неумѣнія

Угадывать существенные, характерные признаки, и определять, въ чемъ именно искать отвѣта на данный вопросъ.

Журавскій имѣлъ цѣлью убѣдить публику въ необходимости правильной статистики, и показать, какъ должно обращаться съ числами; къ сожалѣнію, вниманіе большинства читателей, и то не на долго, обратилось на критическую сторону его труда и на разные промахи, выведенные имъ для примѣра. Книга его принята была за смѣлую выходку, а существенное осталось незамѣченнымъ.

И такъ, авторъ не достигнулъ того успѣха, котораго желалъ, и этотъ первый опытъ скоро убѣдлѣ его, что требованія, съ которыми онъ выступилъ, простиралась слишкомъ далеко, и были, можетъ быть, преждевременны. — «Я старался, говорилъ онъ мнѣ, доказать, что почти всѣ наши свѣдѣнія тоже, что фальшивая монета: я долго ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ простѣйшаго средства отличить ее и выкупить изъ обращенія; но я еще не понималъ въ то время, что фальшивая монета много представляетъ такихъ удобствъ, которыхъ не имѣетъ подлинная, и за которыя многіе сознательно предпочитаютъ первую. Мнѣ случилось разъ составить таблицу, извлеченную изъ матеріаловъ, добытыхъ изъ первыхъ рукъ, и мнѣ захотѣлось сравнить ее съ официальными выводами изъ тѣхъ же источниковъ. Обнаружилась такая огромная разница, что я рѣшился сказать составителю официального отчета, что всѣ его цифры ни куда не годились. Онъ повертѣлъ въ рукахъ мою таблицу, потомъ взглянулъ на свою, и отвѣчалъ очень спокойно: «Вы, то есть, хотите, вѣроятно, сказать, что цифры невѣрны и не сходятся съ книгами? Ну, а по нашему, такъ ваша таблица не годится! Мы больше принимаемся къ отчетамъ прежнихъ годовъ; коли не много побольше выставить или поменьше, это еще ничего, а только, чтобъ не очень разнилось, а то вѣдь сами знаете, — сейчасъ запросъ: почему, да какъ?»

Мое знакомство съ Журавскимъ началось въ 1850 году. Я засталъ его въ Кіевѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при бывшемъ губернаторѣ И. И. Фундуклеѣ, известномъ въ нашей литературѣ по двумъ изданіямъ о кіевскихъ древностяхъ. Личность Журавскаго не имѣла ничего привлекательнаго. Блуждающій взглядъ, сжатые губы, желчный цвѣтъ лица и впалыя щеки, упорная молчаливость и какая-то холодная принужденность въ обращеніи, все это съ перваго раза обрисовывало передъ вами образъ чловѣка, ближе

знакомаго съ горечью жизни, чѣмъ съ ея радостями, и, по видимому, навсегда заключившагося въ самомъ себѣ. При ближайшемъ знакомствѣ, вы открывали подъ этою непривѣтливою наружностью высокую добросовѣстность, ни чѣмъ неподкупную правдивость, рѣдкое безкорыстіе и теплое участіе ко всѣмъ страждущимъ; но всѣ его душевныя качества были въ немъ глубоко затаены; по недоверчивости, сдерживавшей ихъ обнаруженіе, можно было угадать, что въ ту пору жизни, когда окончательно опредѣляется внутренняя природа челоука, судьба отказала Журавскому въ сочувственной средѣ. Дѣйствительно, жизнь никогда не баловала его, а, напротивъ, вела его довольно тяжкимъ путемъ; но, не смотря на то, онъ не приобрѣлъ того, что называютъ житейскою мудростью. Онъ не имѣлъ дара свискивать къ себѣ расположеніе другихъ иначе, какъ своими трудами; улыбнуться въ пору, смолчать или похвалить, гдѣ нужно, онъ былъ рѣшительно неспособенъ, не съумѣлъ бы, если бъ даже и захотѣлъ себя къ тому принудить; строгій къ себѣ, онъ строго судилъ и другихъ. Ему недоставало того свисходительнаго добродушія, которое такъ неисчерпаемо-находчиво на извиненія всякаго рода, такъ мастерски сливаетъ полутѣнями рѣзкія противоположности добра и зла—этого свойства, разлитаго у насъ повсемѣстно и составляющаго нравственную основу нашего общежитія. Понятно, что при этомъ существенномъ недостаткѣ, самыя лучшія его свойства должны были часто обращаться ему во вредъ. Вообще, онъ не былъ рожденъ для успѣховъ, ни въ обществѣ, ни на службѣ, и, чувствуя это хорошо, говаривалъ мнѣ не разъ: «Я былъ бы совершенно доволенъ, если бы на меня смотрѣли какъ на рабочую силу и цѣнили бы меня въ мѣру моего труда. На это, кажется, я имѣлъ бы право, а большаго не прошу и не приму. Но я знаю, какъ это трудно; знаю, что гораздо труднѣе добиться справедливости, чѣмъ милости».

Журавскій не имѣлъ почти никакого состоянія. Онъ жилъ своимъ трудомъ, чрезвычайно скромно, занимая небольшой флигель при собственномъ его домикѣ, который отдавался въ наемъ. На квартирѣ его все было опрятно, въ порядкѣ, но не было рѣшительно ничего лишняго. Съ перваго взгляда видно было, что хозяинъ ограничивалъ себя во всемъ до послѣдней возможности. Когда я съ нимъ познакомился, Журавскій, по порученію губернатора, занимался составленіемъ подробной статистики Кіевской губерніи, и, кажется, на другой же день послѣ первой нашей встрѣчи, онъ сообщилъ мнѣ въ

рукописи три первыя, уже вполнѣ оконченныя части, то есть, бѣльшую половину своего сочиненія. Мнѣ принесли три фоліанта, и признаюсь, хотя я многого ожидалъ отъ автора книги объ источникахъ статистики, но этотъ новый трудъ его далеко превзошелъ все мои ожиданія. Прежде всего меня поразила самый трудъ своею громадностью. На каждой страницѣ видна была работа каменотеса, кладчика и архитектора. Тяжесть, отъ которой отступилась бы цѣлая комиссія, онъ поднималъ одинъ на своихъ плечахъ (1). Такой способности къ труду, такой рабочей силы, не случилось мнѣ встрѣтить ни въ комъ. Я сказалъ, что первыя три части были уже окончены, когда я прѣѣхалъ въ Кіевъ; четвертою Журавскій занимался при мнѣ, и я слѣдилъ за ходомъ его работы. Бывало, сидишь у него вечеромъ, въ небольшомъ кабинетѣ, загроможденномъ всякими вѣдомостями, дѣлами и списками; въ передней раздается звонокъ. «Кто тамъ? — Изъ Казенной палаты очередные списки и вѣдомости о недонимкахъ» — крехтя подъ бременемъ десятка фоліантовъ, входятъ вѣстовой, и сваливаетъ въ уголъ безобразную груду, отъ которой пылъ поднимается столбомъ, и дрожить полъ. Но Журавскій этого не замѣчаетъ; онъ улыбается, ходитъ кругомъ, потирая руки и приговаривая: «насилу дождался; второй день сижу безъ дѣла», и съ этой минуты разговоръ уже не клеится; хозяинъ не сводитъ глазъ съ свѣжей добычи, а гость начинаетъ чувствовать, что онъ лишній.

Не думайте однакоже, чтобы Журавскаго тѣшилъ одинъ механический процессъ труда; да такихъ людей у насъ, кажется, и не водится. Это принадлежность Германіи. Сухая работа его была проникнута живою мыслью и согрѣта теплымъ побужденіемъ. Цѣль его трудовъ и главная задача всей его жизни, которая была непрерывнымъ рядомъ трудовъ, обнаружилась передо мною въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ разговоровъ съ нимъ, очень для меня памятномъ. Я засталъ его передъ разогнутою книгою въ глубокомъ размышленіи.

«О чемъ вы задумались?»

(1) Само собою разумѣется, что Журавскій работалъ не одинъ. У него были и помощники; но за исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, которыя получены и внесены имъ готовыми (и. п. геогностическое описаніе края, перечень растений, животныхъ и пр.) все рѣшительно прошло черезъ его руки: онъ былъ не только распорядителемъ, но и главнымъ исполнителемъ всѣхъ работъ.

— «Да вот заняло мѣся въ книгѣ (не помню какого-то французскаго экономиста) одно мѣсто: «la grandeur et la prospérité d'une nation dépend bien moins de la somme de forces dont elle dispose, que du degré d'effort dont elle est capable». Это вѣдь избитое общее мѣсто, но въ примѣненіи къ намъ оно приобретаетъ особенную выразительность и свѣжесть. Въ самомъ дѣлѣ, сколько у насъ всякихъ силъ, и вещественныхъ, и нравственныхъ, которыми мы не властвуемъ, и какъ мало мы способны къ напряженному труду! Я сравнивалъ обыкновенные уроки чернорабочихъ и ежедневную ихъ выработку во Франціи, въ Англіи, въ Германіи и въ Россіи. Выходитъ огромная разница. Иностранецъ сработаетъ на одну треть, иногда на половину болѣе Русскаго. Обыкновенно это приписываютъ влиянію ясной пищи на физическій организмъ; но это причина весьма второстепенная, далеко необщая. У насъ недостатокъ не силы, а усилія. Да и не во всѣхъ ли сословіяхъ та же разница? Посмотрите, какъ живетъ за границею купецъ, фабрикантъ, помѣщикъ, конторщикъ, и взгляните, какъ они живутъ у насъ. Посмотрите наконецъ на наши канцеляріи и присутственныя мѣста; къ тому дѣлу, которое тамъ справляется однимъ, у насъ приставляютъ двоихъ и трохъ. Правда, не диво встрѣтить и у насъ людей постоянно занятыхъ, да вѣдь занятіе занятію рознь. Пожалуй, многіе суетливую хлопотню принимаютъ за трудъ; но не видно у насъ того добросовѣтнаго, полного сосредоточенія вниманія на дѣлѣ, того толковитаго расиреявленія времени и силъ, данныхъ человѣку, а главное: не достаетъ того упорнаго желанія сдѣлать какъ можно больше и какъ можно лучше... И вотъ почему такъ дорожу статистикою. Лучше всякой другой науки, однимъ цифрами, безъ словъ, она должна обнаружить передъ нами эту несоотвѣтственность употребляемыхъ въ дѣло усилій съ наличными силами».

— «Чему же однако вы это приписываете?»

Дмитрій Петровичъ задумался и понизилъ голосъ: «Причинъ-то можно бы насчитать много, а главной, существенной, все-таки не скроешь. У насъ, одни привыкли располагать чужимъ, безплатнымъ трудомъ, а другіе привыкли трудиться для чужой корысти. Я знаю, что эта причина, по видимому, не относится ни къ купцамъ, ни къ мѣщанамъ, ни къ казеннымъ крестьянамъ; но дѣло въ томъ, что въ понятіяхъ и привычкахъ цѣлаго общества устанавливается всегда

известный уровень, который поднимается и опускается равномерно. Есть и понятие о *среднемъ* трудѣ, служащее общему мѣркою, которой всё подчиняется, часто бессознательно. Посмотрите, какъ скоро облѣтываются и балуются у насъ прїѣзжіе иностранцы. И на нихъ дѣйствуетъ общая атмосфера».

Я привелъ этотъ разговоръ потому, что тема его составляла предметъ постоянныхъ размышлений и заботъ Журавскаго. Онъ естественно возвращался къ ней, съ чего бы ни начался разговоръ, и, затронувъ ее, онъ тотчасъ одушевлялся и становился разговорчивѣе. Мнѣ былъ известенъ въ этомъ отношеніи его твердо установленный образъ мыслей; но я не подозревалъ въ то время, и только теперь, по смерти его, узналъ я, что убѣжденіе, оживлявшее его ученую дѣятельность, переходило у него въ дѣло, и что въ тѣсныхъ предѣлахъ своего домашняго быта, при всей скудости матеріальныхъ средствъ своихъ, онъ приносилъ ему постоянныя, посильныя жертвы. Но объ этомъ я скажу послѣ, а теперь дополню то, что мнѣ известно о капитальномъ трудѣ его и о другихъ его сочиненіяхъ.

Составленная Журавскимъ статистика Кіевской губерніи состоитъ изъ четырехъ частей и обнимаетъ 1) Обзоръ площади народонаселенія, населенныхъ мѣстъ и путей сообщенія. 2) Обзоръ сельскаго хозяйства и поземельной собственности, 3) Обзоръ промышленности и торговли. 4) Обзоръ мѣстнаго управленія и правительственныхъ учреждений. Въ этихъ четырехъ отдѣлахъ собрано рѣшительно все, что только можно было узнать о положеніи края, не только изъ официальныхъ источниковъ, но и посредствомъ частныхъ розысканій; къ этому должно прибавить, что Кіевская губернія, именно въ ту пору, когда Журавскій занимался ея описаніемъ, представляла обиліе матеріаловъ, вовсе несуществующихъ или недоступныхъ въ другихъ краяхъ; я разумѣю *инвентари* или подробныя описанія всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, представленныя самими владѣльцами въ мѣстный Комитетъ, учрежденный для опредѣленія на правомѣрныхъ началахъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Изъ этого богатаго источника, дополненнаго мѣстными розысканіями, извлечены почти всѣ свѣдѣнія, наполняющія второй томъ статистическаго описанія, безспорно самый замѣчательный, самый полный, и въ своемъ родѣ у насъ единственный. Помѣщичье хозяйство, бытъ крестьянъ, система управленія, экономическія и полицейскія отношенія владѣльцевъ къ

поселянамъ изображены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ за-
стали ихъ преобразованіи, осуществленныя правительствомъ въ 1848
году. На этомъ останавливается изслѣдованіе. Оно закрѣпляетъ по-
рядокъ вещей, который, въ отношеніи къ современному, есть уже
старина, и, вѣроятно, скоро изгладится изъ памяти мѣстныхъ жите-
лей; но, къ сожалѣнію, предѣлы, заранѣе установленные для статисти-
ческаго описанія, не позволили внести въ него данныхъ позднѣйшихъ
годовъ, по которымъ бы читатели, незнакомые съ теперешнимъ по-
ложеніемъ края, могли убѣдиться въ благотѣльныхъ и замѣчательно
быстрыхъ послѣдствіяхъ правительственныхъ мѣръ, обезпечившихъ не-
прикосновенность мірской земли, и положившихъ законный предѣлъ
обязательнымъ повинностямъ крестьянъ. Тоже самое должно сказать
и о казенныхъ имѣніяхъ, которыя, одновременно со введеніемъ инвен-
тарныхъ правилъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, переведены были на
оброчное положеніе, по примѣру великороссійскихъ губерній; тогда
какъ въ прежнее время онѣ отдавались въ арендное содержаніе съ
правомъ пользоваться барщиною.

Обозрѣвая въ бѣгломъ очеркѣ ученую дѣятельность Журавскаго,
я не берусь представить вамъ подробнаго разбора главнаго труда его,
а безъ этого, все, что я могъ бы сказать о его достоинствѣ, имѣло
бы видъ голословной похвалы, никого неубѣждающей; но я не могу
не обратить вниманія на странную участь этой книги. Три первыхъ
части были представлены издателемъ къ печати въ 1849 году; но
по обстоятельствамъ, совершенно отъ него независившимъ, онѣ печата-
лись два съ половиною года, а выходъ ихъ въ свѣтъ замедлился
до 1856 года; что же касается до 4-й части, то время ея появленія,
какъ сказано въ предисловіи къ 1-му тому, и теперь даже опредѣлено
быть не можетъ. И такъ, свѣдѣнія, собранныя въ 1845 г., были об-
народованы 11 лѣтъ спустя, и я не знаю, дожилъ ли Журавскій до
выхода сочиненія, надъ которымъ онъ трудился такъ долго и
усердно.

Въ то самое время, какъ онъ оканчивалъ 4-ю часть, между дѣ-
ломъ, онъ составилъ еще, по порученію генералъ-губернатора, записку
о доходахъ и расходахъ города Кіева и пространный проектъ у-
стройства статистической части въ губерніи. Поводъ къ послѣдней
работѣ подадо введеніе новаго, нынѣ дѣйствующаго, Устава о зем-

скихъ повинностяхъ, по которому вѣняется въ обязанность Губернскимъ комитетамъ производить уравнительную раскладку земскихъ сборовъ по городамъ и уѣздамъ, принимая въ соображеніе степень ихъ относительнаго благосостоянія, а начальникамъ губерній поручается озаботиться собраніемъ необходимыхъ для этого статистическихъ свѣдѣній. Вѣрный своей мысли, выраженной имъ въ книгѣ объ источникахъ статистики, что только тѣ данныя заслуживаютъ вѣры и годятся въ дѣло, которыя накаплиются сами собою непрерывно и постоянно въ теченіи цѣлаго года, Журавскій предлагалъ, между прочимъ, снабдить каждое присутственное мѣсто и должностное лице особою книгою, съ обязанностию вносить въ нее простыя отмѣтки, по мѣрѣ поступленія свѣдѣній и разрѣшенія дѣлъ. Такого же рода книга должна была, по его проэктору, вестись въ конторѣ каждаго помѣщичьяго имѣнія; ибо Журавскій справедливо замѣчалъ, что правительство, предоставляя помѣщику ближайшую судебнопольцейскую власть въ предѣлахъ его владѣній, въ правѣ было подчинить его, наравнѣ съ другими правительственными учрежденіями извѣстнаго рода отчетности по его управленію.

Съ окончаніемъ описанія Кіевской губерніи, Журавскій остался безъ дѣла. Тогда, бывшій помощникъ попечителя Кіевского учебнаго округа, М. В. Юзефовичъ, задумалъ воспользоваться его способностями и трудолюбіемъ въ болѣе широкой сферѣ. Предположено было учредить при университетѣ св. Владиміра статистическую комиссію для описанія всего учебнаго округа, состоящаго изъ пяти губерній; и въ этомъ случаѣ, не человека пришлось отыскивать для исполненія напередъ задуманной мысли, а самая мысль возникла потому, что былъ въ виду человекъ, котораго М. В. Юзефовичъ цѣнилъ по его достоинству. Благодаря его ревностной заботливости, проэктъ комиссіи былъ одобренъ, уставъ утвержденъ, многіе изъ профессоровъ Кіевского университета вызвались принять на себя завѣдываніе ея отдѣленіями, а нѣкоторые изъ помѣщиковъ того края обѣщали свое содѣйствіе. Журавскій назначенъ былъ непремѣннымъ секретаремъ. Онъ составилъ планъ статистическаго описанія губерній, входящихъ въ составъ Кіевского учебнаго округа (1851 года), и принялся за разработку статьи о народонаселеніи по послѣдней, въ то время только-что оконченной, ревизіи. Ближайшимъ его сотрудникомъ, въ послѣдствіи продолжателемъ его трудовъ по комиссіи,

былъ профессоръ политической экономіи Бунге. Вамъ извѣстны два тома изданій комиссіи, и вы конечно замѣтили въ нихъ превосходную статью В. В. Тарновскаго о дѣлимости семействъ въ Малороссіи, обратившую на себя всеобщее вниманіе. Журавскій однако же не долго, кажется, только годъ, исправлялъ должность секретаря. Его разстроенное здоровье не могло возстановиться даже подъ благотворнымъ небомъ Кіева, и требовало поѣздки на южный берегъ Крыма. Осенью 1852 года я съ нимъ простился; но продолжалъ по временамъ съ нимъ переписываться. Мысль его работала постоянно; онъ сообщалъ мнѣ интересныя подробности о хозяйственномъ положеніи Крыма, гдѣ онъ думалъ было поселиться и заняться разведеніемъ виноградниковъ, о своемъ намѣреніи ознакомить нашу публику съ порядкомъ производства англійскихъ парламентскихъ слѣдствій (Inquiry), которыми онъ восхищался какъ образцовыми примѣненіями опытности и познаній цѣлыхъ сословій къ потребностямъ правительства, о задуманномъ имъ сочиненіи о народномъ образованіи; потомъ, узнавъ отъ меня, что я оставилъ службу и занимаюсь управленіемъ имѣній, онъ, съ свойственною ему готовностью дѣлиться со всѣми своею опытностью, прислалъ мнѣ цѣлую инструкцію и нѣсколько формъ для введенія правильной хозяйственной отчетности. Между тѣмъ тонъ его писемъ становился все грустнѣе и грустнѣе; въ нихъ проглядывало какое-то тоскливое расположеніе духа, прежде ему несвойственное. Въ послѣдній разъ я писалъ къ нему по вашему порученію, приглашая его въ сотрудники Русской Бесѣды. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что для него уже прошло время литературныхъ занятій, что онъ считаетъ себя почти отжившимъ дѣятелемъ. Не за долго до его кончины, я получилъ его обзорніе кредитныхъ слѣдокъ въ Кіевской губерніи. Кажется, это былъ послѣдній трудъ его (1).

(1) Кстати я упомяну здѣсь о другихъ, мнѣ извѣстныхъ, сочиненіяхъ Журавскаго: 1) Проектъ учрежденія общества для выкупа дворовыхъ людей неприсланныхъ къ мѣнѣямъ, составленъ за годъ до его смерти. 2) Обзорніе финансовъ Царства Польскаго, писано во время службы его въ Варшавѣ. 3) Обзорніе штатныхъ расходовъ на содержаніе русской арміи со времени преобразованія ея на европейскую ногу, составлено въ 1850-хъ годахъ по полному собранію законовъ и другимъ источникамъ. Кромѣ этихъ незавершенныхъ трудовъ, Журавскій оставилъ двѣ связки руко-

Вотъ все, что я помню, и все, что я могъ собрать на скоро о Журавскомъ... и теперь мнѣ остается повторить сказанное мною въ началѣ моего письма: только по смерти его раскрылись для меня лучшія стороны его души и скромное величіе этого человѣка. Въ правѣ ли я употребить это выраженіе, вы рѣшите сами, когда прочтете слѣдующій отрывокъ изъ письма ко мнѣ Г. П. Газагана.

«23 Ноября 1856 года, скончался въ Кіевѣ Д. П. Журавскій, къ общему сожалѣнію всѣхъ коротко его знавшихъ. Какъ вамъ извѣстно, онъ былъ человѣкъ очень несообщительный, и этимъ многихъ удалялъ отъ себя; но въ послѣднее время мнѣ и В. В. Тарновскому удалось съ нимъ сблизиться. Приобрѣта къ намъ довѣріе и сознавая довольно быстрое разрушеніе своего здоровья, онъ написалъ завѣщаніе, которымъ назначилъ насъ обоихъ своими душеприкащиками. Въ этомъ завѣщаніи заключается главная задача его жизни какъ частнаго человѣка. Среди занятій и трудовъ, самыхъ непрерывныхъ, его преслѣдовала уже съ давняго времени мысль способствовать всѣми силами къ облегченію участи сословія, наиболѣе нуждающагося въ помощи. Не имѣя средствъ сдѣлать для него что-нибудь общепольное, онъ работалъ для той же цѣли въ частности. Отказывая себѣ во многомъ изъ того, что считается въ нашемъ кругу почти необходимымъ, живя какъ нельзя болѣе скромно, съ женою, во всемъ раздѣлявшею его образъ мыслей и его убѣжденія, онъ что могъ откладывалъ изъ своихъ скудныхъ доходовъ, и употреблялъ на выкупъ дворовыхъ людей. Такимъ образомъ, при свойственномъ ему постоянствѣ въ успіяхъ, ему удалось выкупить болѣе десяти семействъ. Въ послѣднее время жизни, онъ задумалъ и написалъ проэктъ учрежденія общества для той же цѣли, но, разумѣется, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и завѣщалъ, по смерти своей жены, весь накопленный имъ капиталъ и все небольшое состояніе его положить на основаніе этого общества, а, если оно не состоится, то употребить на выкупъ дворовыхъ людей обыкновеннымъ порядкомъ. Послѣдній долгъ, благодаря участію М. В. Юзе-

писныхъ сочиненій, поступившія по его завѣщанію въ распоряженіе В. В. Тарновскаго и Г. П. Газагана, съ которыми онъ особенно сблизился подъ конецъ своей жизни, и которыхъ дружеская заботливость уладила послѣдніе дни его. Будемъ надѣяться, что они издадутъ въ свѣтъ все, что подлежитъ обнародованію.

фовича, былъ отданъ покойному прилично его заслугамъ ; нѣсколько искреннихъ и теплыхъ словъ было сказано надъ его могилою ; за гробомъ его шло нѣсколько бѣдныхъ людей въ слезахъ. По распросамъ оказалось, что это были выкупленные имъ дворовые.»

Согласитесь, что не часто случается видѣть подобныя проходы и встрѣтить такой образецъ искренняго союза между словами и дѣлами, выдержаннаго въ теченіи цѣлой трудовой жизни.

Ю. Самаринъ.

ВОСПОМИНАНИЕ

О ПЕТРѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ

КИРЬЕВСКОМЪ.

25 Октября прошлаго года скончался Петръ Васильевичъ Кирьевскій въ цвѣтъ зрѣлаго мужества.

Безъ всякаго сомнѣнія, онъ найдетъ себѣ биографа, и не одного.... Эти строки не прибавятъ ничего къ прекрасной его памяти, можетъ быть, не послужатъ даже ни однимъ характеристическимъ указаніемъ для его биографовъ; но во всякомъ случаѣ напомнятъ многочисленнымъ его друзьямъ и знакомымъ драгоцѣнный образъ отшедшаго. А потому пишущій эти строки не считаетъ себя въ правѣ ихъ скрывать, прося только достойныхъ родныхъ покойнаго, которые были вмѣстѣ и лучшіе, задушевитѣйшіе его друзья, простить, что перо его дотрогивается до ихъ слишкомъ свѣжей раны.... Пускай моя любовь и уваженіе къ памяти покойнаго служатъ мнѣ предъ ними оправданіемъ въ этомъ, а предъ нимъ въ недостоинствѣ моего голоса.

Въ 1849 г., служа въ Орлѣ, я познакомился у одного изъ своихъ товарищей по службѣ съ Петромъ Васильевичемъ, ѣзжавшимъ къ брату его, собирателю народныхъ пѣсенъ, П. И. Якушкину. Привѣтливая, чрезвычайно обязательная обходительность Петра Васильевича, какой я, по моему малому значенію въ обществѣ, ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не видалъ, къ удивленію, ни мало меня не смутила: такой искренней и свободной въ своемъ спокойствіи добротой она была согрѣта. А между тѣмъ я чувствовалъ, что какой-то чудотворной струей приливаетъ мнѣ къ мозгу мысль за мыслью, къ сердцу чувство за чувствомъ. Въ то время я болѣлъ

былъ тѣломъ и душой. Простодушно я обращался къ нему съ пробужденными мыслями и чувствами, признаюсь, очень обрадовавшись такому необыкновенному, такому доброму и свѣтлому слушателю! Самъ онъ говорилъ нѣсколько заинаясь и оттого какъ будто съ усиленіемъ; но уходила часть и болѣе во внутренней музыкѣ его рѣчей, дышавшихъ торжествующей любовью и правдой, окрыленныхъ обширными знаніями, точныхъ и стройныхъ до высокой художественности.

Нечего и говорить, что я ѣзжалъ къ нему въ Слобожку (въ 7 верстахъ отъ Орла) и по цѣлымъ днямъ упивался его возвышенной бесѣдой, — Боже мой, какой прекрасной, какой грѣющей и значительной бесѣдой! Боюсь и вспомнить, сколько я, и подобные, и даже неподобные, отнимали у него времени! Бывало, ко всякому онъ заговорить и всякаго разговорить. Для него благодушное обращеніе было законъ; но я не встрѣчалъ никого, кто бы въ исполненіи этого закона былъ такъ терпѣливъ, искрененъ и вмѣстѣ величавъ. Правда, что всякій съ своей стороны старался съ нимъ быть отчетливѣе, умнѣе и добрѣе самого себя, и при томъ безъ особеннаго усилія и притворства, за малыми, конечно, исключеніями. Такимъ вліяніемъ на душевную дѣятельность бесѣдующихъ, изъ живыхъ, кого я зналъ, владѣлъ одинъ П. В.

Что касается до отношеній его къ роднымъ, куда мы съ нимъ путешествовали, то эти важныя вездѣ, но особенно въ его жизни, отношенія были больше, нежели дружескія. Они были такъ нѣжны и просты, какъ я нигдѣ болѣе не встрѣчалъ. Замѣчались тутъ, и безпечная веселость счастливой семьи, и глубокой союзъ братства (1).

Каковы были отношенія П. В. къ деревнѣ, можно судить изъ того, что въ голодный годъ весь амбаръ его былъ исчерпанъ — за бесплатнымъ удовлетвореніемъ собственныхъ крестьянъ — бесплатно же чужими крестьянами, приходившими изъ другихъ селъ отъ проданныхъ закромовъ.

(1) Кажется, благосклонность его ко мнѣ въ этомъ отношеніи оказана была съ цѣлью показать мнѣ настоящую жизнь, чтобы не принимать за нее одни ея внѣшніе признаки. Какъ я воспользовался удивительнымъ счастьемъ своимъ видѣть истинную жизнь, — не мнѣ самому, конечно, судить объ этомъ; чувствую только, что понимаю душой эту жизнь, а чрезъ нее и самую сущность П. В., потому что онъ не болѣе какъ лучшій изъ прекраснѣйшихъ ея плодовъ, глубоко жизненный и глубоко-народный.

« Сколько Государь скажетъ отдать имъ земли моей, столько и отдамъ! » говариваль онъ о своихъ крестьянахъ, когда заходила рѣчь о благихъ видахъ еще покойнаго Государя на улучшение народнаго быта.

Отъ необходимости служить избавляло Петра Васильевича обезпеченное состояніе—наслѣдственное имѣніе, кажется въ 300 ревизскихъ душъ орловскаго и кромскаго уѣздовъ; а отъ свободнаго желанія—представлявшаяся тогда на службѣ трудность въ смѣломъ приложеніи къ ней добрыхъ началъ, въ соотвѣтствіе высокому ея назначенію. Онъ не отвергалъ, что у насъ и тогда были просвѣщенные и благонамѣренные чиновники; но говорилъ, что не всегда находятъ они вокругъ себя просторъ и содѣйствіе, и будучи разбѣяны по различнымъ вѣдомствамъ и частямъ ихъ, подвизаются совершенно въ одиночку, почему не всегда и дѣли достигаютъ, и сами подчасъ остаются беззащитными. « Такъ , говорилъ онъ , гибнетъ стадо бѣлыхъ медвѣдей, выходящихъ по одному противъ вооруженнаго корабля. » Чинъ заслужилъ онъ, кажется, въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Попечительный и благородномыслящій помѣщикъ 300 счастливыхъ крестьянъ, просвѣщенный, прямодушный и добросердечный человекъ, — по мнѣ, и этого довольно для доброй памяти между согражданами. Но въ П. В. эта свѣтлая ткань рѣдкихъ достоинствъ была какъ бы вышнимъ только покровомъ его великой, энергической личности: онъ былъ самостоятельный, важный дѣятель въ наукѣ и нашемъ просвѣщеніи. Онъ былъ у насъ изъ первыхъ по времени и влиянію, если не первый, Славянистъ. Общаго опредѣленія славянской идеи, я думаю, никто не слышалъ отъ П. В.; но отдѣльныя ея положенія усвоены многими, что я слышалъ отъ него самого. Онъ и покойный братъ его Иванъ Васильевичъ, который былъ имъ уважаемъ и любимъ безгранично, вели, какъ самъ рассказывалъ мнѣ П. В., двухдневную полемику съ значительнымъ въ то время рационалистомъ, который окончилъ этотъ споръ слѣдующими замѣчательными словами: « Мы идемъ по разнымъ дорогамъ ; но къ концу ихъ ступимъ на одну доску. » Поучителенъ для меня былъ тонъ глубокаго, восторженнаго уваженія, съ которымъ П. В. отзывался о своемъ противникѣ. Изъ одномыслящихъ онъ отличалъ предъ всѣми брата своего и г. Хомякова. Главная услуга, которой ожидали отъ П. В. въ обществѣ и литературѣ, было приготавливаемое имъ изданіе сборника великорусскихъ

народныхъ пѣсенъ, о богатствѣ котораго ходили самыя отрадные слухи.

О поэтическомъ достоинствѣ пѣсенъ его сборника мы можемъ судить по нѣсколькимъ пѣснямъ, помѣщеннымъ въ Московскомъ Сборникѣ и Русской Бесѣдѣ, а о важности—преимущественно по духовнымъ пѣснямъ, напечатаннымъ въ чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи древн., съ замѣчательнымъ предисловіемъ издателя. Изъ этого предисловія, а также изъ нѣсколькихъ строкъ, принадлежащихъ П. В. въ послѣднемъ Московскомъ Сборникѣ, объ историческихъ пѣняхъ, можно уже видѣть, сколько утратила ученая обработка нашей народной словесности въ преждевременной кончинѣ П. В. И здѣсь и тамъ свѣтятся ясный умъ, самобытный взглядъ и твердыя, опредѣлительныя положенія философа-художника.

Но какъ ни велико наслѣдство, оставленное намъ Кирѣевскимъ, въ пѣняхъ, какъ ни крѣпко право его на благодарность и въ потомствѣ, особенно, если вспомнимъ пѣшеходныя путешествія собирателя по деревнямъ для своей поэтической жатвы и столько приведенныхъ имъ на это плодотворное поле другихъ полезныхъ дѣятелей,—я твердо убѣжденъ, что никакъ не менѣе сдѣлалъ онъ для внутренней исторіи своего отечества до преобразования его Петромъ. Не стоить ли здѣсь каждое хорошо освѣщенное слово нашей темной лѣтописи любой вновь-отысканной пѣсни? а я, въ періодъ моего знакомства съ П. В., 1849—1852 года, видѣлъ въ кабинетѣ его большіе корзины и картонныя ящики, наполненные выписками изъ лѣтописей подъ рубриками: *князь, вѣче* и т. п., и ничего столько отъ него не слышалъ, какъ самыхъ свѣтлыхъ и теплыхъ сужденій, самыхъ блестящихъ выводовъ изъ прожитаго старою Русью! Не помню, самъ онъ, или кто-то изъ близкихъ къ нему, говорили мнѣ, что много его мыслей о древней русской исторіи разошлось по свѣту въ печати со словъ его, схваченныхъ на лету въ разговорѣ. Нѣтъ причины думать, чтобъ, и захооченные имъ къ занятіямъ народностію и исторіею, и воспользовавшіеся отъ него чѣмъ нибудь самостоятельныя наши изслѣдователи отечественной старины не объявили съ благородной признательностію, *какъ, въ чемъ и на сколько* ему обязаны. Я не знаю, въ какомъ видѣ остались работы его по русской исторіи, но сужу по превосходной статьѣ, бывшей первымъ плодомъ ихъ, которую онъ напечаталъ въ Москвитянинѣ 1845 г., поступавшемъ тогда во временную редакцію его брата П. В., что работы эти, въ

какомъ бы видѣ онѣ не остались послѣ него, вполне заслуживаютъ подробной извѣстности.

Вліаніе, которое производилъ П. В. на своихъ собесѣдниковъ, не ограничивалось только возбужденіемъ и возвышеніемъ благородныхъ чувствъ, нравственныхъ интересовъ и воззрѣній: оно вызывало и практическихъ дѣателей на поприще словесности. Такъ изданъ былъ Сибирскій Сборникъ покойнымъ Валуевымъ, по его мысли, согласившей многихъ къ этому полезному предпріятію, какъ извѣстно, неожиданно пресѣкшемуся смертію молодого, высокоодареннаго издателя. Чтò именно еще издано по предложенію П. В., я не привожу здѣсь, по недостатку у себя точныхъ по этому предмету свѣдѣній. Считаю только обязанностію засвидѣтельствовать, что открытый Н. А. Скалономъ въ Старолубскомъ магистратскомъ архивѣ «протѣкулъ до записыванья справъ поточныхъ на рокъ 1690» (напечатанъ въ Черниговскихъ губ. вѣд. 1852 г.) изданъ вполне, благодаря настоятельному желанію П. В., а не собственной оцѣнкѣ редакціи. Сколько же сдѣлано добраго, по одобрительнымъ и душевномогущимъ напутствіямъ, въ родѣ слѣдующаго, сказаннаго имъ при прощаніи одному знакомому: «Ради Бога, не оставляйте никогда занятій нашей словесностію!» Если кому нибудь изъ людей, слышавшихъ отъ него подобный завѣтъ, удавалось что нибудь сдѣлать, то имъ служилъ онъ, безъ сомнѣнія, такимъ подспорьемъ, какого не дадутъ самые огромные фоліанты.

Къ этому же роду его дѣятельности должно причислить обширное предпріятіе его, относящееся къ переводу на русскій языкъ самыхъ лучшихъ классическихъ сочиненій по исторіи. Съ этою цѣлью даны имъ и мнѣ: 1) *Geschichte des österreichischen Kaiserstaates von Johan Grafen Mailat. Zweiter Band*, и 2) *Pierwotne dzieje Polski i Litwy etc., wydal Wacław Aleksander Maciejowski*, и въ пособіе при переводѣ 3) *Słownik polsko-rossyjski, przez Stanisława Müllera*. Обязываюсь доставить, куда слѣдуетъ, эти книги, если по каталогу они не вычеркнуты.—Чтобы понятіе была мысль П. В., связанная съ этимъ предпріятіемъ, я напому бесѣдовавшимъ когда-либо съ нимъ то многостороннее сочувствіе къ просвѣщенію, которымъ онъ преклонялъ къ себѣ вниманіе самыхъ упорныхъ противниковъ своего славянскаго начала. Такъ вкусъ нашей публики къ италянскій музыкѣ, по мнѣнію близорукихъ роняющей народную музыку, его радовалъ; онъ говаривалъ: «Слава Богу! только бы полюбили какую»

либудь музыку, тогда поймутъ народную, придуть къ своей! ». Рѣзкость тона критикъ Бѣлинскаго и ошибки его, протекавшія отъ незнанія исторіи, рѣшительно выводили изъ себя формалистовъ, приверженцевъ привычныхъ воззрѣній. Глубокій умъ П. В. видѣлъ въ нихъ пробужденное сознаніе спящихъ душой и умомъ,—видѣлъ также самыя грубыя односторонности, самыя странныя крайности, но признавалъ заслугу этого даровитаго и благороднаго человѣка, своими одушевленными и яркими статьями набравшаго много и много небывалыхъ читателей; а только читая, можно дочитаться правды.

Памятно мнѣ кое-что изъ разговоровъ П. В. относительно славянской идеи, еще не высказанное ни послѣдователями, ни противниками ея. Почти все высказанное, по крайней мѣрѣ, со стороны воззрѣнія самого П. В., такъ отрывочно и голословно, что и мои строки могутъ быть лишними.

Современное образованіе, разрозненное съ общенароднымъ ходомъ жизни и религіозными преданіями, крайне недостаточно. Все, что утѣшительнаго представляетъ гражданская жизнь Европы, принадлежитъ богатымъ, живымъ, неоскудѣвшимъ источникамъ ея народной старины. У славянскихъ народовъ рационально-кабинетное образованіе еще менѣе имѣло внутренняго дѣйствія, и каковы бы ни казались ихъ настоящее, будущее ихъ, при условіи истиннаго направленія, утѣшительна. Православная церковь, какъ соборная, принята Славянами, сообразно съ свободнымъ теченіемъ и твердыми основами древней ихъ общественной жизни и обѣщаетъ изъ святаго своего лона возрожденіе той жизненности, какую нашла нѣкогда и освятила въ ихъ народностяхъ. Кажущееся въ нихъ безжизненнымъ не имъ принадлежитъ, а наносимъ слоямъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ и совершенно чуждыхъ имъ вліяній, обращенныхъ на формы въ ущербъ сущности, на движеніе, а не на развитіе.

Какъ кто, а братья Кирѣевскіе искренно и сознательно посвятили свою жизнь будущему счастью человѣчества въ самостоятельности едва выходящаго на всемірное поприще Славянства. Когда П. В. изучалъ народность на своей отечественной почвѣ и историческую старину своей родины, Россіи, братья его посвящали многіе годы разработкѣ сложной исторіи Христовой церкви и односторонно развившейся новой философіи. Дѣятельность ихъ была однородна, дружна и равносильна, одна другой дополняется и объясняется. Слава П. В., какъ этнографа, и слава И. В., какъ философа, кажется,

уже признаны; слава ихъ, какъ историковъ и еще болѣе какъ историческихкихъ дѣятелей, выростеть на ихъ могилахъ.

Я не дотрогивался совѣтъ, или почти, до тѣхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности П. В., которыя мнѣ мало извѣстны, какъ напр. до того, почему имя его такъ рѣдко появлялось въ печати; до заграничной и московской его жизни, по совершенной ихъ неизвѣстности мнѣ; до подробностей его деревенскаго быта, въ высшей степени замѣчательнаго, — изъ опасенія лишить его той оригинальной прелести, въ какой выйдетъ онъ подъ лучшимъ художественнымъ перомъ. Тоже самое я долженъ сказать и о его характеристической наружности. Не могъ я ничего также сказать о занятіяхъ его пѣснями всѣхъ народовъ и этнографіею исторіи, по незнанію результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ. Но и написаннаго, можетъ быть, слишкомъ много для лица, знавшаго его вскользь и мимоходомъ. Внутренняя близость представляетъ слишкомъ мало ручательства въ равновѣсіи.

Въ драгоценной библіотекѣ П. В., на которую обыкновенно шла значительная часть его доходовъ (1), можно найти все лучшее, относящееся до исторіи и этнографіи Малороссіи, которой онъ такъ горячо сочувствовалъ. Онъ самъ приводилъ свидѣтельство самобытности древняго языка малорусскаго въ прочитанныхъ имъ надписяхъ на кубкахъ кievскихъ князей въ Московской оружейной палатѣ, и совѣтовалъ изучать современные нарѣчія его по областямъ Полянъ, Сѣверянъ, Древянъ и Угличей.

Богатый семейный архивъ П. В., можетъ быть, найдетъ своего изыскателя, который откроетъ намъ историческій и географическій корень челоуѣка, созрѣвавшего въ вѣкахъ и для вѣковъ.

Аванасій Марковичъ.

1836, Декабря 1-го
Мѣстечко Немировъ.

(1) Какъ мало П. В. употреблялъ лично на себя денегъ и времени, можно судить изъ того, что ему случалось предлагать безденежнымъ свои услуги, хотя бы и рублей въ 23, повязывать своимъ шарфомъ шею отъѣзжавшаго въ стужу безъ покровы въ далекій путь; да еще посылать вслѣдъ за путникомъ письма, исполненные самой трогательной заботливости объ его участи.

Одно изъ правъ покойнаго Петра Васильевича Кирѣвскаго на признательность общественную состоитъ въ собраніи русскихъ пѣсень. Этому дѣлу посвящены были лучшія его силы, и притомъ въ лучшую пору его жизни. Строгая отчетливость всѣхъ вообще трудовъ его и близкое знакомство съ народнымъ языкомъ, пріобрѣтенное долговременнымъ и постояннымъ его изученіемъ, служили ручательствомъ, что пѣсни, имъ собранныя и изданныя, будутъ существеннымъ пріобрѣтеніемъ нашей словесности. Но судьба лишила Кирѣвскаго сладостной награды за трудъ: онъ не успѣлъ удовлетворить ожиданіямъ многочисленныхъ друзей и почитателей своихъ. Нынѣ все собраніе пѣсень, по предсмертному порученію П. В. Кирѣвскаго, находится у брата его (по матери) *Василья Алексѣевича Елагина*, близъ города Орла, въ селѣ Бунинѣ. Многія пѣсни, и въ томъ числѣ слишкомъ сто свадебныхъ, совсѣмъ приготовлены къ изданію самимъ собирателемъ. Ихъ обнародованіе сдѣлалось настоятельною потребностью. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что издать всѣ пѣсни въ томъ видѣ, какъ того желалъ П. В. Кирѣвскій, нынѣ едва ли есть возможность. Какъ извѣстно, каждая пѣсня, не только въ разныхъ губерніяхъ, но часто въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, поется не одинаково. Такъ напр. всѣ пѣсни, записанныя вдали отъ большихъ городовъ, носятъ на себѣ гораздо болѣе признаковъ древности и первобытной чистоты, сравнительно съ тѣми же пѣснями, записанными въ окрестностяхъ столицъ. Отсюда множество вариантовъ или разнорѣчій одной и той же пѣсни. Обыкновенный способъ изданія состоитъ въ томъ, что принимается въ основу лучшій вариантъ, всѣ же остальные, сколько нибудь замѣчательные, означаются въ выноскахъ. Покойный Кирѣвскій дѣйствовалъ нѣсколько иначе, не удовлетворяясь такимъ, конечно сподручнымъ и такъ сказать механическимъ, способомъ. Онъ также выбиралъ основнымъ текстомъ лучшій вариантъ, но чуткимъ слухомъ, пріобыкшимъ къ красотамъ народной рѣчи, тотчасъ замѣчалъ слово или стихъ искаженные, позднѣйшіе, и вставлялъ на ихъ мѣсто другіе изъ остальныхъ вариантовъ. При этомъ, чтобы не подвергнуться обвиненію въ произволѣ и всегда дать читателю возможность повѣ-

рить его, онъ означалъ въ выноскахъ или примѣчаніяхъ *всѣ* варианты. Такъ изданы имъ «Русскіе народныя стихи», или пѣсни религіознаго содержанія (напечатаныя въ Читеніяхъ Общества ист. и древн. 1848 года). Варианты къ нимъ приготовлены и сохранились въ его бумагахъ. Слѣдовательно, по способу П. В. Кирѣвскаго, подведеніе вариантовъ составляетъ уже одно механическое занятіе: надъ ними возвышается пѣсня, такъ сказать художественно-возсозданная издателемъ.

Понятно, что такой способъ изданія пѣсенъ доступенъ немногимъ: нужно слишкомъ хорошо знать народную рѣчь, чтобы отличить первоначальное отъ позднѣйшаго, взять старое слово и отнести въ примѣчаніе новое, искаженное. Пѣсня живетъ вмѣстѣ съ народомъ, отражая въ себѣ извѣстное настроеніе его духа въ данную пору. Возсоздать ее въ первобытной чистотѣ можетъ только опытный, и притомъ одаренный художественнымъ тактомъ, знатокъ роднаго слова.

По всему вѣроятію, будущіе издатели пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ, послѣдуютъ обыкновенному способу, т. е. примутъ за основаніе лучшей по крайнему ихъ разумнью вариантъ, всѣ же остальные означать въ примѣчаніяхъ. Выборъ этотъ для нихъ нѣсколько облегченъ, ибо во многихъ случаяхъ самимъ Кирѣвскимъ замѣченъ тотъ вариантъ, который онъ считалъ лучшимъ.

Будемъ же надѣяться, что такъ давно ожидаемое собраніе пѣсенъ въ скоромъ времени сдѣлается общимъ достояніемъ. Въ настоящее время пѣсни готовятся къ изданію П. И. Якушкинымъ, въ селѣ Буининѣ. Всѣ, кому покойный Кирѣвскій сообщалъ свои книги и для просмотра свои тетради, приглашаются возвратить ихъ по вышеозначенному адресу.

Съ согласія В. А. Елагина, мы помѣщаемъ здѣсь для примѣра двѣ пѣсни, одну въ томъ видѣ, какъ приготовилъ ее къ изданію П. В. Кирѣвскій, и другую, приготовленную П. И. Якушкинымъ. Первая означена звѣздочкою, вторая двумя звѣздочками.

Русская Бесѣда.

ДВѢ ПѢСНИ ИЗЪ СБОРНИКА

П. В. КИРЪЕВСКАГО.

*

(Поётся, если женихъ пріѣхалъ изъ далеча).

- 1 Что при вѣчерѣ вѣчерничкѣ,
 При остатнемъ часу — времячкѣ,
 При Катеришиной двѣвичникѣ,
 При Михайловной двѣвичникѣ.
- 5 Прилетѣлъ младъ ясмѣнь соколѣ,
 Младъ ясмѣнь соколѣ сизокрыльчатый;
 Онъ садился на окѣшечко,
 На серебряну причѣлинку.
 Что никто его не видѣлъ:
- 10 Тѣлько видѣлъ родной бѣтющко.
 Говорилъ онъ своей дѣчери,
 Своей дѣчери Катеринѣ душѣ,
 Своей дѣчери Михайловнѣ :
 «Ты сердѣчное дѣтятко,
- 15 « Катерина Михайловна!
 « Приголѣбь себя голѣбчика,
 « Яснаго сокола залѣтнаго,
 « Добраго молодца заѣзжаго,
 « Свѣтъ Ивана Александровича!»
- 20 — Государь родной бѣтющко,
 Государыня матушка !
 Я бы рада приголѣбила его:
 Скоры ножки подломилися,
 Бѣлы ручки опустѣлися,
- 25 Ясны очи помутѣлися,
 Красота съ лица смѣвилася.

Пять варіантовъ : А) записанъ въ городѣ Осташковѣ; В) доставленъ отъ А. С. Пушкина; Г) записанъ Орловской. губ., Мало-архангельск. уѣз., въ с. Лимовомъ ; Д) записанъ Московск. губ., Звени-

годск. у., въ с. Ильинскомъ; Е) записанъ Московск. губ., Звѣнигод. у., въ дер. Воронкахъ. Осташковскій вариантъ принять за текстъ.

1.—В) Начинается такъ : *Какъ при вечерь, вечерь, При послѣднемъ часу времячкь, При княгининомъ двѣичничкь. Вылетѣлъ же младъ ясень соколъ; Онъ сѣдился на окошечко, На серебряну рѣшѣточку, На шелкову зинавѣсочку.*—Въ вар. Г) первыхъ четырехъ стиховъ нѣтъ, а начинается прямо : *Прилетѣлъ соколъ къ окошечку; Онъ сѣдился на окошечко, На серебряно стеклечко, На позлащённую рѣшѣточку.*—Д) *На сговоръ на двѣичничкь, На двѣичьемъ было вечерь, У Катерины было въ теремь, У Михайловны въ высокѣемъ : Ей въ ночь младой малю спалось, Мило спалось, во снѣ видѣлось. Ей не ловокъ сонъ кривидлся, Прилетѣлъ же къ ней ясень соколъ, Онъ сѣдился къ ней на окошечко, На златую на причелинку.* Е) *Какъ у Катерины на двѣичничкь, У Михайловны на красномъ, При двѣичьемъ было при вечерь, Прилетѣлъ къ ней ясень соколъ;* далѣе какъ въ текстѣ.

2.—В) *Какъ увидѣла да узрѣла Сеть княгинина матушка; Ты дитя моё дѣтятко, Ты дитя чѣдо милое! Приголубь ты яснаго сокола! Яснаго сокола, и проч.*—Д) *Что увидѣла яснаго сокола Катеринина-то матушка : Охъ ты дѣтятко Катеринушка, Ты привѣтъ приголубь яснаго сокола.*—Въ вар. Г) и Е) совсѣмъ нѣтъ стиховъ 9, 10, 11, 12 и 13; а вмѣсто того послѣ 8-го стиха поется въ вар. Г) *Душѣ, душѣ красная дѣвица, Прими, прими яснаго сокола, Яснаго сокола залѣтнаго, Добраго молодца приѣзжаго;* а въ вар. Е) *Катеринушка, ты Михайловна, пусть сокола.*

3.—Съ 22-го стиха окончаніе взято изъ вар. В) и дополнено 25-мъ стихомъ изъ Г).—Въ остальныхъ вариантахъ конецъ поется такъ: А) *Я и рада бы приголубить его; Скорыя ноженьки подломилися, Бѣлыя рученьки опустилися, Ретиво сердце испужалося, На всѣ стѣроны кидалося, ко Ивану приклонялося, Къ Александровичу приклонялося.* Въ Г) *Я бы рада привѣтила его : Ретиво сердце испужалося, Рѣзвы ножки подломилися, Бѣлы ручки опустилися, Златы перстни покатыллися, Ясны очи помутиллися, Чѣрны брови приморгаллися.* Въ Д) *Ты родимая моя матушка! Я бы рада привѣтила яснаго сокола: Моё сердце не воротится, Животъ кровью обливаѣется, Лицѣ*

слѣзми омывается. Въ Е) *Моё сердце не воротится, Живо́тъ кровью облива́ется; У батюшки іости сидятъ, А у матушки гостынька, У меня младой подруженьки.*—За тѣмъ въ вар. Е). присоединена еще къ этой пѣсни другая: *Вы подруженьки голубушки, в проч.*

- 1 Не куликъ по болотамъ куликаеть, (¹)
 Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ; (²)
 Не одинъ князь гуляетъ—съ разными полками,
 Съ Донскими казаками, еще съ егарями (³)
- 5 И онъ думаетъ, гадаетъ, гдѣ пройдетитъ, проѣхать: (⁴)
 Ему лѣсомъ ѣхать очень темно,
 Миѣ лугами князю ѣхать очень было мокро,
 Чистымъ полемъ князю ѣхать—мужикамъ обидно,
 А дорожкой ѣхать—дорожкой пыльно;
- 10 А Москвой коли ѣхать было стыдно, (⁵)
 Ужь поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
 Тверскою Ямскою, Новой Слободою, глухимъ переулкомъ. (⁶)
 Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору, (⁷)
 Скидаваетъ князь Голицынъ шапочку соболѣю, (⁸)
- 15 Становился князь Голицынъ на колѣнки, (⁹)
 На колѣнки становился, самъ Богу молился; (¹⁰)
 Богу помолился, Царю Государю низко поклонился: (¹¹)
 «Ужь ты здравствуй, Государь Царь, съ своими боярами, (¹²)
 «Съ своими боярами, съ большими князьями,
- 20 «А еще ты, Государь Царь, съ голубыми лентами,
 «А еще ты, Государь Царь, съ разными полками!
 «Охъ ты батюшка, Государь Царь ты нашъ православный!
 «Ты за чѣмъ, Государь Царь, чернь-ать разоряешь?
 «Ты зачѣмъ большихъ господъ сподобляешь? (¹³)
25. «Ты пожалуй, Государь Царь, меня городочкомъ,
 «Небольшимъ городочкомъ, Малымъ Ярославцемъ.» (¹⁴)
 —Нѣту, нѣту тебѣ князю, нѣтъ ни городочка,
 Ни малаго, ни большаго нѣту Ярослава. (¹⁵)

Восемь вариантовъ: 1) Воронки Моск. г. 2) Тульск. г. (пѣлъ солдатъ). 3) Калуж. г., Лях. у., имѣніе г. Полтова. 4) Орлов. губ., Малоарх. у., с. Саборово. 5) Мал. у. 6) Тульск. губ. 7) Орлов. г. и у. 8) Москов. г., с. Ильинское. Первый принять за текстъ.

1.) 2) *этого стиха нѣтъ* 3) У насъ только во болотѣ куликъ куликаеть, 4) 6) Что ни куликъ куликаеть, 5) Эхъ да ни куликъ-ать, братцы, во чистомъ полѣ куликаеть, 7) Ни куличинька по болоту куликаеть.

2) 2) Во лужкѣхъ-то князь Голицынъ гуляетъ, 3) Вотъ нашъ да князь Голицынъ сы полкомъ гуляе, 4) 6) Ни молодецкій князь.... 5) Ально молодой.... 7) Князь Голицынъ по лужечку гуляетъ, 8) По лужкамъ князь Голицынъ гуляетъ.

3) 2) Онъ съ тѣми вѣдъ со полками, все съ егерями. 3) *этого стиха нѣтъ*. 4) 6).... съ своими полками, со любезными полками, больше съ казаками. 5) Ионъ гуляить, разгуляить на ворономъ, кони Ни одинъ князь гуляить съ своими полками, што съ своими полками, съ Донскимъ казаками 7).... съ своими полками, съ своими полками больше съ егарями. 8).... съ своими полками, съ своими полками еще съ егарями.

4) 2) Онъ и думаетъ, князь Голицынъ, гдѣ пройтить лучше проѣхать. 3) Думалъ, думалъ князь Голицынъ, думалъ гдѣ проѣхать. 4) 6) Да онъ думаетъ князь, гадаеть, про все размышляетъ: Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать? 4) Вотъ онъ.... 7).... гдѣ въ Москву проѣхать 8).... гдѣ лучше проѣхать.

5) 2) Дорогою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тѣмно 3) Только лѣсомъ только ѣхать, лѣсомъ очень тѣмно, только полями князю ѣхать, полями очень пыльно. 4) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и полемъ ѣхать князю да все была, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, — ему было темно; Вотъ Московю ѣхать князю, ему было стыдно; Отъ чего же Князю стыдно?—Что первый измѣнщикъ. 5) Если лугомъ князю ѣхать, — лугомъ очень мокро; Если лѣсомъ князю ѣхать, — лѣсомъ очень тѣмно; Вотъ и полемъ князю ѣхать — черно, пыльно; Што Московю князю ѣхать, Московю очень стыдно. 6) Вотъ и полемъ князь ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и лѣсомъ князь ѣхать, ему было страшно, Вотъ Московей... *какъ въ 4-мъ вар.*, Полемъ (князю ѣхать черно) было, лужичкомъ князю ѣхать — трава павелика; Лѣсомъ князю ѣхать будетъ темно; Большой дорогой князю ѣхать будетъ пыльно, Боль-

шой улицей князю ѣхать, будетъ отъ господъ стыдно. 8) Ужь и подемъ князю ѣхать ему пыльно, Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно, А дорогой князю ѣхать было стыдно.

6) 2) Новой слободой—*нѣтъ* 3) Только ѣхалъ князь Голицынъ, ѣхалъ все проулками, Все проулками, закоулками. 4) 6)... улицей Тверскою, Слободой Ямскою, къ новому Собору. 5) Вотъ онъ крался князь, пробирался улицей Тверскою, Што и улицей Тверскою, Охотничьимъ рядомъ. 7) Поѣхалъ князь Голицынъ глухими переулкомъ. 8) Ужь поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.

7) 2)..... прямо ко Собору 3)..... Къ цареву къ Собору. 4) 6) *этого стиха нѣтъ* 7).... Къ Успенскому Собору. 8) близко *нѣтъ*.

8) 3) Онъ скидаетъ.... 4) 6) Онъ скидаетъ шапочку саболою, несетъ онъ съ собою 7) ... шапочку саболою, Кладетъ онъ ее передъ собою 8) Скидавалъ-то князь Голицынъ пуховую шляпу.

9) 2) 4) 5) 6) 7) *этого стиха нѣтъ* 3) Онъ Богу молился низко поклонился, Низко, низко только поклонился, ушалъ на колѣнки.

10) 2) Вотъ и сталъ князь Голицынъ Богу онъ молиться 3) *эт. ст. нѣтъ* 4) Онъ сталъ Голицынъ, сталъ Богу молиться 5) Вотъ онъ Богу-то помолился, на все три сторонки 6) Вотъ и молится Голицынъ Спасу со Пречистой 7) На колѣни князь становился, Богу онъ молился. 8) *эт. ст. нѣтъ*.

11) 2) На все стороны князь Голицынъ поклонился 3) *эт. ст. нѣтъ*. 4) 6) Вотъ и Богу князь помолился, да всемъ поклонился 5) На четвертую сторонку Царю поклонился 7) Богу онъ молился, Царю поклонился 8) И онъ кланялся Царю бѣлому Николаю Павловичу. Кланялся князь Голицынъ господамъ всемъ боярамъ.

12) 2) Съ своею Царевной 3) 8) *эт. ст. нѣтъ*. 4) 6).... со своей Царницей 5).... съ своими полками *вар. кончилась*. 7) Здравствуй Государь Царь надежда моя.

13) 19—24 *ст. нѣтъ*.

14) 2) Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, князьевъ и бояревъ, Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, малыми чинами, А ты пожалуй-ко меня Государь Царь, меня городочкомъ, Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ Малымъ Ярославцемъ! — «Вотъ и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ показался?» — Хорошо Ярославъ городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ,—Вотъ въ томъ ли городочкѣ, много зеленыхъ садочковъ! Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки, Гуляютъ

дѣвочки, генеральскія дочки. 3) Ужь чѣмъ, Государь Царь, чѣмъ жа насъ пожалуешь? 4) 6) Ужь ты жалуй, Царь, господь разными чинами, А меня князя Голицына малымъ городочкомъ, Да вотъ малымъ городочкомъ, славнымъ Ярославомъ, 7) Чѣмъ ты, Государь Царь, господь жалуешь? «Господь я жалую чинами, купцовъ городами».—А меня, Государь Царь, жалуй городочкомъ, Жалуй городочкомъ Малымъ-Ярославцемъ.—«Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославъ городъ показался?»—Показался мнѣ Ярославъ городъ садами: Во первомъ во садикѣ гуляли генеральскія дочки, Во другомъ во садикѣ, гуляли купеческія дочки 8) *эт. ст. нѣтъ.*

15) 2) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ* 3) пожалую тебѣ, князь Голицынъ мелкими деревнями, Мелкими деревнями, новыми городами: Они тѣсомъ не(о)блажны, небомъ не покрыты. 7) Я тебя, князь Голицынъ, жалую двумя столбами съ перекладной, На шею на твою шелковую петельку. 8) Вы состройте мнѣ, бояре, каменны палаты, Что не крытыя, не мшоны, совѣмъ не свѣршены.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Отъ души радуемъ появленію у насъ , въ Москвѣ , еженедѣльной газеты Молва, сочувствующей направленію Русской Бесѣды. Тяжело стоять круглою одиночкою посреди собратій, болѣе или менѣе непріязненныхъ и истолковывающихъ наши слова и мысли, составляя новые словари и изобрѣтая новыя логики; а потому привѣтствуемъ съ радушіемъ періодическое изданіе, заявившее съ перваго номера о намѣреніи своемъ защищать наше самобытное народное развитіе и всѣми силами къ тому содѣйствовать.

Чего хотимъ мы ? Оущественія какихъ — либо мечтаній, примѣненія какихъ—либо особенно намъ любезныхъ изобрѣтеній или находокъ ? Ни мало. Мы хотимъ только одного : чтобъ диктаторски намъ не навязывали, или такъ—въ поблажку своей и нашей лѣни , не передавали, въ видѣ изреченій Делфійскаго оракула , понятій и знаній, выработанныхъ гдѣ-то, когда-то и кѣмъ-то, и чтобы дозволено было *намъ самимъ* мыслить, соображать свѣденія съ *нашими* временными, мѣстными и другими обстоятельствами, развивать то, что Богомъ въ *насъ* вложено, и исходить не изъ такой или иной временной философской системы, или изъ чего-то намъ самимъ неизвѣстнаго, а изъ того, что претворилось въ кровь и плоть *нашу*, что составляетъ существеннѣйшую часть *насъ самихъ* —изъ нашей Православной Христовой Вѣры.

Еще разъ изъявляемъ нашу радость по случаю появленія періодическаго изданія,общающаго идти одною съ нами дорогою. Добрый путь, дорогой собратъ! Но не мѣшаетъ здѣсь и теперь же объявить во всеуслышаніе, что наши два изданія совершенно независимы другъ отъ друга. Увѣрены впередъ, что Бесѣду будутъ упрекать въ томъ, что скажетъ Молва и наоборотъ ; а потому просимъ друга и недруга судить каждого изъ насъ за собственныя вины , и отнюдь не относить къ отвѣтственности Молвы то, что скажетъ Бесѣда, и Бесѣду не казнить за то, что будетъ сказано въ Молвѣ.

Русская Бесѣда.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Отъѣзжая, по болѣзни, на короткое время, за границу, я покорнѣйше прошу всѣхъ, кому есть дѣло до Р. Бесѣды, относиться не на мое имя, а прямо въ Редакцію (въ Москвѣ, на Поварской, въ домѣ Кошелева), которая завѣдуетъ текущими дѣлами журнала и будетъ исполнять всѣ поступающія къ ней требованія. Покорнѣйше прошу гг. сотрудниковъ присылать свои статьи также на имя Редакціи. Мое отсутствіе не должно быть продолжительно, и къ выходу третьей книги надѣюсь быть уже въ Москвѣ.

Третья книга Русской Бесѣды мною уже составлена, отдана въ печать, и должна выдти въ концѣ Августа. Въ ней между прочими статьями будутъ помѣщены слѣдующія:

Стихотворенія гр. *А. К. Толстаго*.

Черная Рада, хроника 1663 года, соч. *П. А. Кулиша* (окончаніе).

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Руси, соч. *Н. Д. Иванішева*.

Письма о славянской Мнѳологіи, соч. г. *Ербена*.

О Славянахъ, живущихъ въ Штиріи и Крайнѣ, соч. г. *Клуна*.

О Русскихъ мифахъ и сагахъ, соч. *Н. И. Надеждина*.

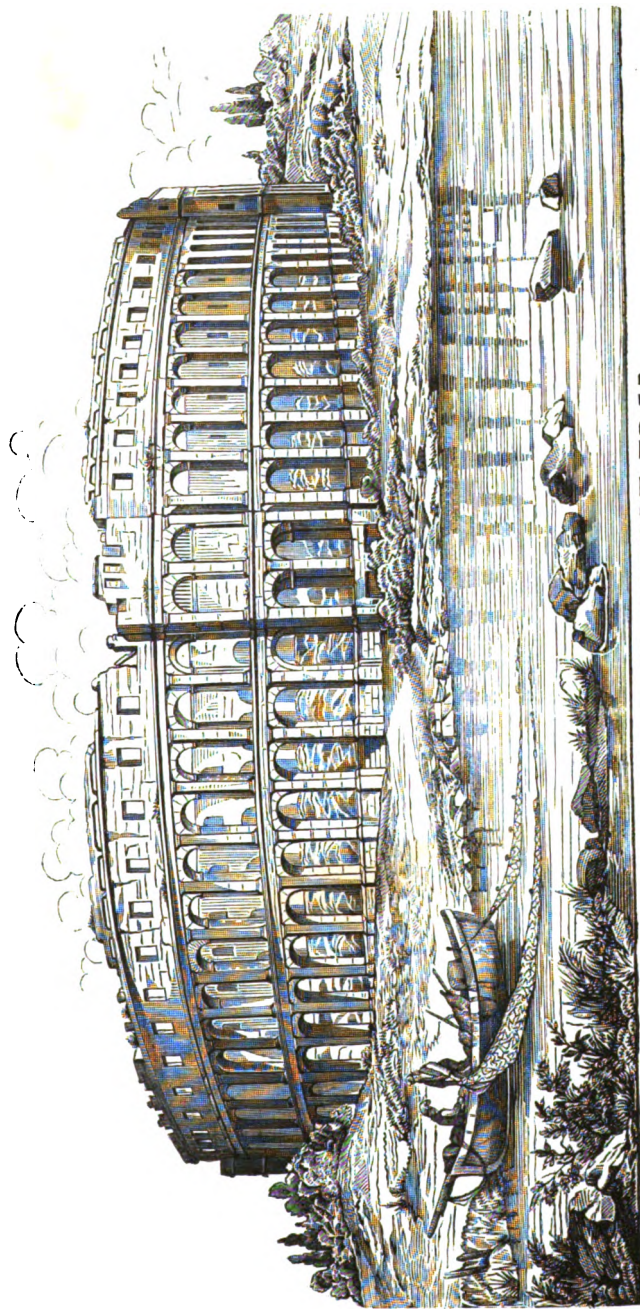
Осень, соч. *В. В. Селиванова*.

Голосъ изъ Енисейска по поводу толковъ о народности въ наукѣ, *М. Ѳ. Кривошапкина*.

Біографія Адамантия Корая, просвѣтителя новыхъ Грековъ, *Филлелена*, и пр.

ПОПРАВКА. Попытки напечатать въ статьѣ: *Замѣтки путешественника по славянскимъ странамъ*, должны слѣдовать въ такомъ порядкѣ: 1) Планъ и профиль театра, 2) архитектурныя подробности, 3) планъ ампитеатра.

Рус. Бес. 1837 г. кн. 2. Слѣсь, къ стр. 45.



АМФИТЕАТРЪ ВЪ ГОРОДѢ ПОЛА.

*Въ Москвѣ и Петербургѣ , во всѣхъ книжныхъ лавкахъ
продаются слѣдующія книги:*

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАНЛОВИЧА,

съ приложеніемъ Уложенія сокольничья пути, съ пояснительною къ нему замѣткою *С. Т. Аксакова*, съ портретомъ царя и снимками его почерка; изд. П. Бартеневъ. М. 1856. in-8°; V+250. Цѣна 1 р. 25. к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

соч. Л. Ранке. пер. съ нѣм. П. Бартенева. Съ приложеніемъ портрета Чернаго Георгія, съ картою княжества сербскаго и съ тремя вишѣтками. М. 1857. in-8°. VI + 323 + 32. Цѣна 2 р. 50., съ перес. 3 руб.

МОСКОВСКІЙ СБОРНИКЪ

1852 г. Москва. Съ портретомъ Гоголя; сочиненія: К. и И. С. Аксаковыхъ, И. Д. Бѣляева, И. и П. В. Кирѣевскихъ, А. И. Кошелева, С. М. Соловьева, А. С. Хомякова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ИСТОРІЯ

БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Соч. А. Гильфердинга. Москва, 1855 года. Цѣна 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

на 1857 годъ.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Русской Бесѣды, въ книжной лавкѣ *Коммисіонера Московскаго Университета* **Ф. О. Свѣшника**, на *Страстномъ Бульварѣ*, въ домъ *Университетской Типографіи*; у книгопродавца **И. В. Базунова**, на *Страстномъ Бульварѣ*, въ домъ *Загряжскаго*.

Въ книжномъ магазинѣ **А. И. Глазунова**, на *Кузнецкомъ мосту*, въ домъ *Торлецкаго*.

Въ книжныхъ лавкахъ **Салаева** и **Лоскутова**, на *Никольской*.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Русской Бесѣды, въ книжной лавкѣ **А. И. Давыдова**, на *Невскомъ проспектѣ*, противъ *Арсенала Анискина дворца*, въ домъ *Завѣтнаго*; у книгопродавца **И. В. Базунова**, на *Невскомъ Проспектѣ*, въ домъ *Энгельгартъ*.

Въ книжныхъ лавкахъ: **Ратькова**, **Лоскутова**, **Смирдина**, **Исакова**, **Юнгмейстера**, **Крашенинникова**, **Свѣшника** и **Глазунова**.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться:

ВЪ РЕДАКЦІЮ РУССКОЙ БЕСѢДЫ ВЪ МОСКВѢ.

Цѣна годовому изданію, изъ четырехъ книгъ (третья книга выдетъ въ Августъ, четвертая въ Октябрь.)

въ Москвѣ и С. Петербургѣ 7 р. 50 к. сер.

Для Иногородныхъ и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ 8 руб. 50 к. сер.

Цѣна годовому изданію за прошлый 1856 годъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ, 6 р. 50 к., а для Иногородныхъ 8 руб. сер.

3 2044 055 005 128

This book should be returned to
Library on or before the last date
imposed below.
A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.
Please return promptly.

~~APR 18 '61 H~~

~~OCT '64 H~~

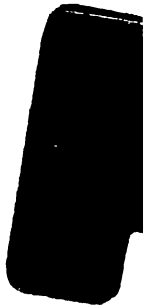
~~12078~~

~~APR '66 H~~

776062

STALL-STUDY
CHARGE

WIDENER
WIDENER
FEB 16 2002
DEC 14 2001
BOOK DUE
CANCELLED





3 2044 055 005 128

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~APR 18 '61 H~~

~~DUE OCT '64 H~~

~~312078~~

DUE APR '66 H

776062

STALL-STUDY

CHARGE

WIDENER
WIDENER
FEB 10 2002
DEC 14 2001
Book Due
CANCELLED

